

Очарованный Абхазией

Жизнь и странствия Николая Альбова

Сухум – 2016

УДК 910
ББК 26. 8 г
0 – 94
978–5–166–99–11016

Идея издания принадлежит
Первому Президенту РА В. Г. Ардзинба

Проект реализован на средства
Благотворительного Фонда
Первого Президента Республики Абхазия

Составители
З. И. Адзинба,
Л. Л. Молчанова

Редактор
Ю. П. Соловьева

Графика
Р. С. Дбар

Дизайн-макет
С. И. Садзба

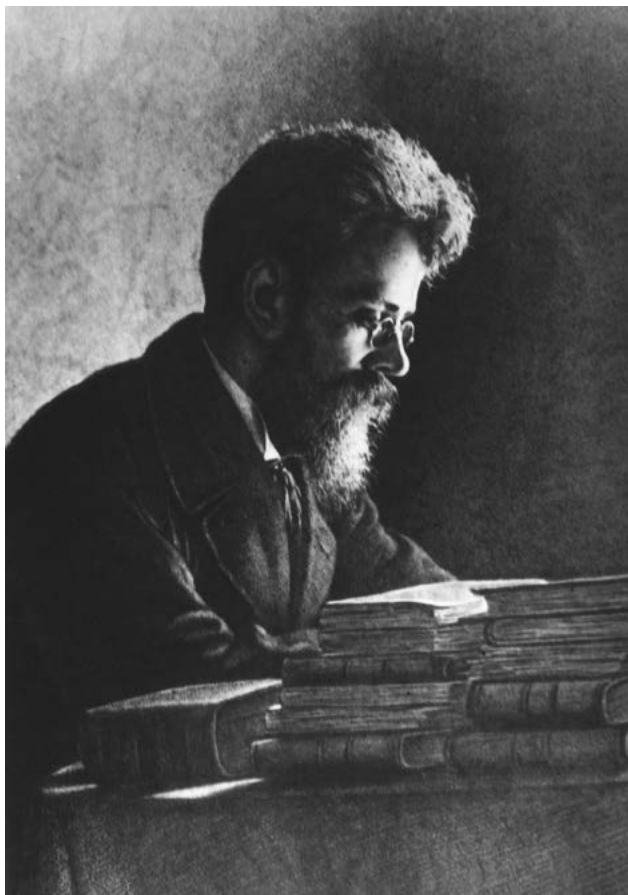
Набор текста
Л. К. Ардзинба

Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова

Дорогами Николая Альбова — выдающегося подвижника ботанической науки, путешественника, исследователя флоры Кавказа и Огненной Земли — проведут читателя страницы этой книги.

УДК 910
ББК 26. 8 г
0 – 94
978–5–166–99–11016

© З. И. Адзинба
© Л. Л. Молчанова

Николай Михайлович Альбов
(1866–1897)

Содержание

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ	
Н. М. Альбов	12
Список растений, открытых Н. М. Альбовым	22
Список растений, посвященных Н. М. Альбову	26
Учреждения, в которых хранятся гербарии Н. М. Альбова	27
Архивы, где находятся документы Н. М. Альбова	27
Биография Н. М. Альбова	29
Озеро и хребет имени Альбова	32
Авторские рисунки	34
И слова, и дела отозвались...	
<i>Юбилеи Н. М. Альбова</i>	
<i>отмечаются в России и за рубежом</i>	39
Л. Л. Молчанова.	
Как Н. М. Альбов оказался на Кавказе?	
<i>Версии</i>	46
ОЧАРОВАННЫЙ АБХАЗИЕЙ.	
<i>Статьи. Дневники. Рецензии</i>	
Н. Альбов. Отчет о ботанических исследованиях Абхазии за 1890 г.	53
Н. Альбов. Состояние садоводства в Абхазии	76
Н. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии	98
Н. Альбов. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году	138
Я. С. Медведев. Рецензия на работу Н. Альбова «Описание новых видов растений, найденных в Абхазии в 1889–1890 гг.»	183

Я. С. Медведев. Рецензия на работу Н. Альбова «Абхазские папоротники»	185
Н. Альбов. Путешествие в Черноморских горах в 1894 г. Экскурсия на хребет Ахахьча, Кыщырхра и сопредельные горы (<i>Путевой дневник</i>)	187 189
Экскурсия на хребет Арашха и гору Ацытаку	198
Н. Альбов. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1894 году	220
Н. М. Альбов. В заброшенных уголках Кавказа	253
Географический указатель	273
Из заграничных писем Альбова	281
Аргентинский дневник	341
Дмитрий Анучин. Памяти Н. М. Альбова	415
Дмитрий Анучин. Некоторые данные к биографии Н. М. Альбова	418
Н. Зеленецкий. Николай Михайлович Альбов	423
Д. Д. Пагирев. Николай Михайлович Альбов	431
СТАТЬИ О Н. М. АЛЬБОВЕ	
С. Липшиц. Николай Михайлович Альбов	436
Н. Гвоздецкий. Н. М. Альбов — выдающийся исследователь Кавказа и Огненной Земли	438
Е. Сохадзе. Т. Галицкая. Николай Михайлович Альбов	441
З. И. Адзинба. Н. М. Альбов — выдающийся исследователь флоры Колхиды	448
Ю. Герия, З. Адзинба. О чем звонит кампанула	457
З. Адзинба. Он сроднил Сухум с Ла-Платой	465
З. Адзинба. От Абхазии до Огненной Земли	468
Список трудов Н. М. Альбова	474
Список публикаций о Н. М. Альбове	478
Вместо послесловия	483
И. Хварцкия. Судьба. <i>Стихотворение</i>	485

От составителей

Каждому, кто хоть раз побывал на озере Рица, непременно запомнился рассказ экскурсовода у Голубого озера — о колокольчике удивительном, что произрастает на здешних скалах над лазурной синевой воды.

Колокольчик удивительный, или кампанула мирабилис, как называют его ботаники, — замечательное эндемичное растение, растет только на известняковых скалах Гагрского горного массива в западной Абхазии, и нигде больше в мире. Оно было открыто молодым учёным-ботаником Николаем Михайловичем Альбовым — исследователем и во многом первооткрывателем богатой флоры Абхазии и прилегающих территорий Западного Кавказа — Черкесии, Мингрелии, а позднее — и флоры Огненной Земли в Южной Америке.

Его яркой жизни и самоотверженной научной деятельности посвящается настоящая книга.

Именно в первых, начиная с 1889 г., маршрутах по Абхазии и Черкесии, по самым глухим горным лабиринтам и крутым хребтам, с местными проводниками-абхазами, привыкшими к горам, формировался этот смелый путешественник. Он посещал самые дикие и труднодоступные уголки Западного Кавказа и Огненной Земли, он «бывал в местах, где не ступала нога не только натуралиста, но и белого человека».

По сравнению с другими учёными-натуралистами того времени, путешествовавшими по Абхазии, Н. М. Альбов, затрачивая на экспедиции минимум средств, получал максимум научных фактов. И это — благодаря его широким знаниям и удивительному трудолюбию. Он первый

даёт систематический обзор садоводства в Абхазии, которое началось с организации Сухумского Ботанического сада. Его многочисленные сборы растений легли в основу впоследствии созданных гербарных хранилищ Ботанического института АН Грузии, Государственного музея в Тбилиси и Естественноисторического музея Ла-Платы в Аргентине. Они также хранятся в Гербарии Буассье в Женеве и Париже. На материалах этих сборов и собственных наблюдений ученым написаны капитальные работы об уникальной растительности и флоре Колхиды, особенно известняковой.

Описание колокольчика удивительного, о котором ученый впервые упоминает в своих дневниках за 1894 г. (приводятся в данном сборнике), занимает в наследии Н. М. Альбова особое место. Вот как выглядит научное описание в «Бюллетене Гербария Буассье» в латинском диагнозе: «*Planta speciosissima, flora Abchasia regina*», что значит — «растение замечательное, царица флоры Абхазии». Затем, уже в капитальном труде «Материалы для флоры Колхиды» (1895 г.), Альбов напишет: «Великолепное растение, которому по красоте я еще не встречал равного на Кавказе». В итоговой работе «Очерк растительности Колхиды» (1896 г.) Н. М. Альбов поднимает статус этого уникального древнейшего растения: «*Campanula mirabilis* — великолепное растение, которое можно назвать царицей колхидской флоры: настолько оно превосходит своей красотой все другие растения».

Интересны работы Николая Альбова и по флоре Огненной Земли. Поразителен факт: за неполных три месяца он собрал там более трех тысяч экземпляров растений!

В монографиях ученого представлены тысячи растений (среди них сотни открытых им новых видов), дается анализ их происхождения и связей с растениями других регионов Земли. Все его работы и сегодня актуальны для учёных-натуралистов.

В нашу книгу включены интересные материалы из архива семьи Альбовых, бережно хранимые не одним поколением родных молодого талантливого ученого. Систематизировала и собрала их в Энциклопедию Альбова его внучатая племянница Линнея Львовна Молчанова (Якиманская). В приложенном к рукописи письме Л. Л. Молчанова справедли-

во отмечает: «Талант Альбова, его упорный и неукротимый характер, разносторонность интересов, страстность, бескорыстие, высокая нравственность в сочетании с молодостью и огромной работоспособностью покоряет души все новых его последователей и почитателей».

В нашей книге читатель познакомится с некоторыми статьями и дневниками Н. М. Альбова с ярким описанием природы Абхазии — края с богатой растительностью, таинственными ацангуарами (древними пастушескими постройками) и святилищами, встречающимися в горах Абхазии и сегодня. Отдельные работы посвящены этнографии. В них даны интереснейшие описания быта местных жителей, одежды, которая очень нравилась молодому путешественнику.

С абхазской буркой, папахой и хурджином он не расставался даже в Южной Америке, на привалах готовил абысту по абхазской традиции. С гордостью носил в экспедициях кинжал и ловко пользовался им.

А чего стоят тонко описанные им характеры и типы местных жителей! Некоторые сопровождаются рисунками, портретами. Так нам раскрывается ещё одна грань таланта этого удивительного человека.

С болью и сочувствием Николай Михайлович описывает в дневниках многие пустующие усадьбы, сады, а иногда и целые поселения в горных долинах рек Мзымты, Псоу, Бзыби, Кодора, покинутые черкесами и абхазами во время депортации (махаджирства). Он видел, как гибнут обезлюдевшие Губаа (Красная поляна), Лакырха, Псху, Дал.

В своих дневниках и научных работах отмечает Н. М. Альбов и ошибки, обнаруженные им на картах Абхазии того времени. Ценными и интересными являются приводимые им многие из местных топонимов. Их звучание он старался точно передать в русском или латинском написании. Поместив в этом издании Приложение к «Флоре Колхиды», мы сохранили написание топонимов в интерпретации самого Альбова. Пусть читателя не удивляет, что далеко не все названия, приведенные ученым, соответствуют их исконному звучанию и написанию, к которому мы стремимся вернуться сегодня. Однако в те времена это был колоссальный прорыв.

Огромная работа, проводимая Альбовым в Абхазии, не осталась незамеченной. В начале XX века известный абхазский художник А. К. Чачба

записал в дневнике: «У абхазцев были три друга: покойный ботаник Н. Альбов, агроном Г. Рыбинский и профессор Нико Марр».

Николай Михайлович очень полюбил Абхазию. Покидая Европу, он написал родным: «Мое дорогое — там, в России. Прощай, прошлое, навсегда! Вернусь ли я когда-нибудь в горы счастливой Абхазии, где чистые и прозрачные, как хрусталь, горные потоки шумно катят в море свои воды по диким ущельям, где азалея и каприфоль так благоухают весной? Услышу ли я снова мелодический звон чонгури тихими и теплыми летними вечерами и веселое щебетание чернооких дочерей Абхазии? А встречи в чаще первобытного леса с угрюмыми и важными фигурами в черкесах, с широкими кинжалами за поясом, в папахах, надвинутых на самые брови? Можно ли забыть прошлое? Нет».

В предисловии к одной из наиболее значительных своих работ он благодарит отдельных представителей официальных кругов и интеллигенцию за внимание к его «научным предприятиям» и выражает благодарность «всему вообще населению Абхазии и Самурзакани, встречавшему меня везде с редким радушием и гостеприимством, которые будут для меня особенно памятны».

С большим уважением характеризует Н. М. Альбова правитель Кавказского отдела Императорского Русского географического общества Д. Д. Пагирев, который позже выпустил уникальный «Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказа», включающий 34 тысячи названий.

Анализируя письма Николая Михайловича к родным, опубликованные в «Землеведении» — периодическом издании отдела, Пагирев отмечает: «Письма Николая Михайловича и описания его экскурсий пересыпаны множеством замечаний, которые свидетельствуют, что он не был сухим педантом-систематиком, не признающим и не замечающим ничего вне узкой области своих специальных занятий. Напротив, он интересовался всякими явлениями окружающей его жизни и во всех ее сферах был таким же метким наблюдателем, как в сфере ботаники, способным установить свой собственный взгляд на вещи».

Следуя пожеланию известного советского географа-кавказоведа и карстолога с мировым именем Н. А. Гвоздецкого (он выразил его

в статье, приуроченной к 100-летию со дня рождения Н. М. Альбова), мы приводим в книге и письма ученого к родным. В них особенно ярко отразились богатый внутренний мир и широкая натура талантливого исследователя.

В наше издание включены также посвященные юбилейным датам Н. М. Альбова статьи географов и ботаников, изучавших природу Кавказа, а также некрологи, в которых прослеживается теплое и достойное отношение современников к светлой памяти учёного, так рано ушедшего из жизни.

В 1939 г. последователь Альбова в изучении флоры Абхазии и Колхиды, известный ученый-ботаник А. А. Колаковский посвятил памяти его первый том «Флоры Абхазии». Эта работа признана лучшей среди изданий, посвященных региональным флорам на территории СССР.

Николай Альбов ушел из жизни на чужбине, в далекой Аргентине, не дожив и до 32 лет. Как-то в письме родным он, словно оправдывая тяготы, сопровождавшие его в жизни, написал: «... но я же оставил за собой настоящий «след на песках времени ...».

Трудно сказать точнее.

Глубок след Николая Альбова в науке. И память о нем будет жить, пока не исчезнут с лика Земли открытые им интересные и уникальные растения!

З. И. Адзинба,
Л. Л. Молчанова

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ

Н. М. АЛЬБОВ

(3 [15] октября 1866 — 24 ноября [6 декабря] 1897)

Какой утомительной и тягостной наукой была бы ботаника, если бы нас не влекло к ней сильное чувство, которое я затрудняюсь определить ближе и которое сильнее чувства самосохранения. Боже мой! Когда думаешь об участии ботаников, то не знаешь, считать ли безумием или разумным делом то беспокойство, которое влечет их к растениям.

Карл Линней

Николай Михайлович Альбов — один из талантливейших ученых конца XIX века. Его научные труды, вошедшие в Золотой фонд ботанической и географической литературы о Кавказе и Огненной Земле, актуальны по сей день. Собранные им растения украшают ботанические коллекции мира. Память о нем увековечена на любимом им Кавказе: его именем названы горный хребет и озеро.

Начало семейного архива Альбовых составили письма с Крымской войны (1853–1856 гг.), которые молодой священник Михаил Стефанович Альбов (будущий отец Николая Михайловича) писал своей жене, с которой только недавно был обвенчан. Сохранились его письма и с Турецкой войны (1877–1878 гг.), а также дневник. Обогатили архив воспоминания матери и сестер Николая Михайловича, семейные документы и фотографии. Каждый документ — раритет, и владельцы архива относятся к ним с благоговением. Люди, сохранившие их, были уверены в их значимости и важности для будущих поколений.

Вот и читателю выдалась возможность прикоснуться к свидетельствам жизни семьи Альбовых, восхититься искренностью и чистотой мыслей авторов дневников и писем.

Николай Михайлович не создал собственной семьи. Генеалогическая линия семьи продолжена его младшей сестрой Ольгой Михайловной, в замужестве Якиманской. Но сила личности этого невероятно скромного в быту и знакового в науке человека и после смерти, как он сам и предсказывал, оставила след не только на судьбах близких ему людей, членов нашей семьи. Она продолжает волновать каждого, кто знакомится с его трудами, биографией, с удивительной магией его жизни.

В семье Ольги Михайловны и хранился личный архив Н. М. Альбова, присланный из Ла-Платы. После смерти Ольги Михайловны в 1921 году архив перешел к ее двадцатисемилетней дочери Лидии Евлампиевны, которая осталась воспитательницей и наставницей двух своих младших братьев Льва (16 лет) и Евгения (14 лет).

В стране царили голод и разруха, но она заботилась о братьях и помогла им встать на ноги. Аскетически скромные условия, в которых жила семья, скрытная натура Лидии Евлампиевны и безвыездная жизнь в городе Казани позволили уберечь бесценный семейный архив от зорких глаз органов госбезопасности. А ведь поводом для конфискации и репрессий могло послужить в те времена все что угодно.

По семейной легенде, в 1894 году в честь младшей сестры, родившей долгожданную дочь Лидию, Н. М. Альбов дал имя Скабиоза Ольга красивейшему цветку (новому виду растения), найденному им в Абхазии.

Лидия Евлампиевна родилась в г. Остроге на Волыни, училась в Мариинской гимназии г. Казани, а окончила обучение в Орле. В 1918 году она получила диплом историко-филологического факультета Высших женских курсов при Казанском университете, много лет проработала статистиком в Первой инфекционной больнице Казани.

После смерти Лидии Евлампиевны в 1983 году семейный архив перешел к ее брату Льву, то есть моему отцу, Льву Евлампиевичу Якиманскому, дендрологу по профессии.

Постоянные рассказы в семье о яркой судьбе дяди Николая пробудили в моем отце любовь к миру растений. Выбор профессии предопределили детские впечатления. Лев Евлампиевич окончил Петроградскую лесотехническую академию по специальности «лесное хозяйство». Много лет преподавал в Лесотехническом техникуме в Карелии и является создателем уникальной коллекции древесины (876 образцов). Коллекция, в которой представлена примерно одна десятая часть всех деревьев и кустарников Земли, передана в дар Российскому музею леса в Москве и является частью его постоянной экспозиции.

Лев Евлампиевич дополнил семейный архив — составил родословную, краткие биографии своих родителей, сделал подписи к фото.

После смерти Льва Евлампиевича в 1986 году архив Альбовых–Якиманских по наследству перешел ко мне, его дочери, Линнее Львовне Молчановой (Якиманской). Оригинальное имя мне дали родители — инженеры-лесохозяйственники в дань уважения к гению Карла Линнея.

Долг ботанике и своему знаменитому «крестному» я отдала, составив жизнеописание известного русского ученого-ботаника, родного мне человека, брата моей бабушки, Н. М. Альбова.

Разбор материалов семейного архива дал мне возможность лучше узнать и понять семейный уклад, отношения близких мне людей, дух той эпохи. У меня возникло чувство ответственности перед своими замечательными предками, я осознала необходимость продлить память о них в сердцах потомков.

РОДИТЕЛИ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА АЛЬБОВА

Михаил Стефанович Альбов — почетный представитель своего рода, выходец из семьи потомственных сельских священников. Он закончил Костромскую духовную семинарию и в 1853 году женился на Марии Сергеевне Лебедевой. Вскоре после этого он был посвящен в сан священника и направлен в армию. С армией была связана вся его дальнейшая жизнь.

Началась Крымская война, и 63-й пехотный Углицкий полк, расположенный в городе Ростове Ярославской губернии, в котором начал службу Михаил Стефанович, выступил в поход. Молодые супруги расстались на два года. В письмах к жене Михаил Стефанович ярко описывал тяготы военной жизни. Очевидно, его талант, легкий стиль жизнеописания передался и сыну, Николаю Михайловичу.

Сохранились записи и Марии Сергеевны. Она подробно, искренне и трогательно вспоминает о знакомстве с женихом и сватовстве: «Слыла я девушкой красивой, здоровой, трудолюбивой и скромной. От женихов отбою не было. К девятнадцати годам перебивало у меня 18 женихов, за девятнадцатого, за моего Михаила Степановича, я вышла».

Брак был счастливым. Через 33 года супружества Мария Сергеевна подчеркивает: «Мы с Михаилом Степановичем живем и благодарим Бога».

Но все это будет потом. А пока семья Альбовых переезжает в Краснослободск, куда перевели полк. Там у них родилась дочь Александра. Следуя за полком, жили в Москве и Коврове.

В 1863 году Михаил Стефанович был назначен благочинным 3-й пехотной дивизии и священником 11-го пехотного Псковского Генерал-фельдмаршала князя Кутузова Смоленского полка, расположенного в Брест-Литовске Гродненской губернии. Лето 1866 года полк провел в Санкт-Петербурге, а затем был переведен в село Павлово Нижегородской губернии. Там у супругов Альбовых родился сын Николай.

В 1871 году Михаил Стефанович был посвящен в протоиереи. Полк менял квартиры, переезжала и семья Альбовых. В городе Шуе Владимирской губернии прожили тринадцать лет: учился в прогимназии сын Николай, окончила гимназию дочь Ольга.

Весной 1877 года Михаил Стефанович отправился с полком на Турецкую войну, откуда вернулся осенью 1878 года.

За участие в Крымской кампании и Турецкой войне Михаил Стефанович был награжден военными орденами святой Анны III и II степени, святого Владимира IV и III степени с мечами (этот орден давал право на потомственное дворянское достоинство) и многими медалями.

Возвратился с войны Михаил Стефанович в город Шую, и семья снова стала готовиться к переезду — сначала во Владимир, а потом в Тулу.

Прослужив в Псковском полку 33 года, Михаил Стефанович вышел в отставку. В архиве семьи есть запись об этом событии: «При прощании с полком Михаил Стефанович получил от офицеров полка золотой наперстный крест, украшенный драгоценными камнями, а от нижних чинов — икону Спасителя в серебряной с позолотой ризе. Марии Сергеевне полковые дамы подарили большой томпаковый самовар и полный чайный сервиз».

В 1896 году Михаил Стефанович и Мария Сергеевна с дочерью Александрой поселились в городе Чернигове, соединившись с семьей младшей дочери Ольги (Якиманской).

Михаил Стефанович умер 15 января 1898 года, вскоре после получения известия из Аргентины о кончине сына Николая.

Мария Сергеевна умерла 10 февраля 1899 года.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ СЕМЬИ АЛЬБОВЫХ
(ПРИВОДЯТСЯ ПО СТАРОМУ СТИЛЮ):

1831 г. — родился Михаил Стефанович Альбов.

1834 г. — родилась Мария Сергеевна Лебедева (Альбова).

28.05.53 г. — состоялась помолвка Михаила Стефановича и Марии Сергеевны.

08.06.53 г. — Михаил Стефанович и Мария Сергеевна вступили в брак.

25.06.53 г. — Михаил Стефанович посвящен в священники 63-го пехотного Углицкого полка, расположенного в городе Ростове Ярославской губернии.

14.01.54 г. — Михаил Стефанович со своим полком отправился на Крымскую войну.

14.01.56 г. — Мария Сергеевна приехала к мужу в г. Очаков.

06.08.56 г. — Альбовы прибыли с полком в г. Краснослободск.

06.08.58 г. — родилась дочь Александра.

Весна 1863 г. — семья с полком переселилась в Москву.

Лето 1863 г. — Михаил Стефанович назначен благочинным 3-й пехотной дивизии и священником 11-го пехотного Псковского Генерал-фельдмаршала князя Кутузова Смоленского полка, расположенного в г. Брест-Литовске Гродненской губернии.

Лето 1866 г. — Альбовы с полком находятся в Санкт-Петербурге.

15.10.66 г. — в селе Павлове Нижегородской губернии у Альбовых родился сын Николай.

02.06.68 г. — родилась дочь Ольга (семья живет в Нижнем Новгороде).

1871 г. — Михаил Стефанович посвящен в протоиереи.

11.09.74 г. — семья с полком переехала в г. Шую Владимирской губернии.

- 01.09.75 г. — сын Николай поступил в Шуйскую прогимназию.
- Весна 1877 г. — Михаил Стефанович отправился с полком на Турецкую войну.
- Осень 1878 г. — Михаил Стефанович вернулся с войны в г. Шую.
- 1882 г. — сын Николай поступил в гимназию г. Владимира.
- 1884 г. — сын Николай окончил курс во Владимирской гимназии.
- Весна 1887 г. — семья с полком переехала в г. Владимир.
- 1889 г. — дочь Ольга вышла замуж за Евлампия Васильевича Якиманского.
- 31.05.90 г. — сын Николай окончил Императорский Новороссийский университет в Одессе.
- 19.10.92 г. — полк переведен в Тулу. Вместе с полком переехали и Альбовы — Михаил Стефанович, Мария Сергеевна и дочь Александра.
- Июль 1896 г. — Михаил Стефанович вышел в отставку.
- 19.09.96 г. — Михаил Стефанович и Мария Сергеевна с дочерью Александрой переселились в Чернигов.
- 06.12.97 г. — сын Николай скончался в городе Ла-Плате (Аргентина).
- 15.01.98 г. — скончался Михаил Стефанович.
- 10.02.99 г. — скончалась Мария Сергеевна.

АЛЕКСАНДРА (1858–1919)

Мой отец часто и с большим уважением вспоминал свою тетю Александру Михайловну. По его словам, она получила хорошее воспитание и образование, свободно владела несколькими иностранными языками, в молодости учительствовала. После смерти родителей жила в семье младшей сестры Ольги Михайловны и занималась воспитанием ее детей.

Ольга Михайловна в письме к сыну Борису наказывала: «Любите и уважайте тетю. Она очень много для вас сделала. У нее нет личной жизни, она всю себя отдала на пользу нашей семьи. Будьте к ней почтительны и внимательны».

Интересны написанные двадцатипятилетней Александрой Михайловной рассказы для детей, доносящие до нас живые, искренние впечатления о быте и нравах того времени. Рассказ «На что был способен кот Васька» — воспоминания Александры Михайловны о пребывании в пансионе, «Голубь» и «Толины сапоги» повествуют о забавных событиях детства. «Лето в деревне» — подробное описание отдыха сестер Альбовых в период, когда Александре было двадцать пять, а Ольге — пятнадцать лет.

Александра Михайловна записала также воспоминания своей матери, основные события жизни родителей. Благодаря этому они и дошли до нас.

Именно Александра Михайловна перевела труды брата Николая с французского и испанского на русский язык и содействовала их публикации. Она составила интересный материал «Из заграничных писем Н. М. Альбова (из Западной Европы и Южной Америки)» на основе писем брата. Материал был опубликован в 1899 г. в журнале «Землеведение». Журнальная сноска гласит: «Письма эти были написаны Н. М. Альбовым к его родным. За доставление приводимых извлечений мы обязаны сестре покойного А. М. Альбовой».

Академик Д. Н. Анучин при составлении биографии Николая Михайловича Альбова пользовался сведениями о Николае Михайловиче, выдержками из его писем и переводами статей, предоставленными ему Александрой Михайловной.

«Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в годичном заседании своем 15 октября 1899 г., на основании параграфа 20 Устава, присудило Александре Михайловне Альбовой серебряную медаль за содействие журналу «Землеведение», издаваемому Географическим отделением Общества (президент Общества Д. Анучин, вице-президент Н. Жуковский).

В этом журнале издавались переведенные Александрой Михайловной труды брата. Умерла Александра Михайловна в Казани, похоронена на Арском кладбище.

Ольга (1868–1921)

2 июня 1868 года Альбов Михаил Стефанович записал в своем дневнике: «В 7 часов 25 минут утра Бог даровал нам дочь, нареченную Ольгой. Роды Марии Сергеевны были довольно благополучны, но кашель ее, продолжающийся близко году, крепко озабочивает меня. Итак, теперь у нас трое детей, а всего рождений пока было пять. Жизнь идет своим чередом: физиологические процессы совершаются по своим законам. Остается исполнять родительские обязанности, насколько хватит умения и сил».

Семья Альбовых жила в то время в Нижнем Новгороде.

В 1889 году Ольга вышла замуж за Евлампия Васильевича Якиманского.

В 1915 году Евлампий Васильевич назначен протоиереем штаба четвёртой действующей армии генерала А. Е. Эверта. За отличия во время военных действий награждён орденом «Святой Владимир» IV степени, а также (предположительно) орденом Александра Невского на ленте.

После смерти мужа на фронте в 1916 году и революции Ольга Михайловна жила со своей старшей сестрой Александрой Михайловной Альбовой и детьми Лидией, Львом и Евгением на Старогоршечной улице (теперь улица Щанова) в Казани. Жили трудно, было продано все возможное.

В архиве есть записи моего отца о своей матери: «Ольга Михайловна окончила женскую гимназию в городе Шуе с золотой медалью. Занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. Имела слабое здоровье

(туберкулез легких). Этим и вызван был перевод Евлампия Васильевича из Казани в Крым, в город Севастополь. Ольга Михайловна была женщиной живого характера, владела двумя языками, много читала, играла на пианино. Во время войны 1914 г. окончила курсы сестер милосердия, но на фронт от семьи не поехала. Нравственная, культурная атмосфера в семье создавалась ею, так как муж мало уделял внимания семейным делам, воспитанию детей. Определенный отпечаток на ее мировоззрение наложили 60-е годы и влияние ее старшего брата Николая, окончившего университет, ученого-ботаника».

Умерла она в 1921 году, похоронена в Казани на Арском кладбище (7-я аллея).

НИКОЛАЙ-СТУДЕНТ

Друзья-студенты предсказывали Николаю Михайловичу после окончания университета яркую, незаурядную участь. И на пушкинский вопрос «Что день грядущий мне готовит?..» некоторые из них (дружили они вчетвером) высказались так.

М. И. Барон:

«Н. М. стоит теперь, по-моему, на одной из лучших дорог, в смысле постоянного притока энергии извне, но вечная, присущая многим неудовлетворенность своими поступками заставит его выкинуть такой «кунштюк», что я только руками разведу...»

А. Л. Окиншевич:

«Будущее Н. М. богато будет впечатлениями. Жизнь его будет гореть большим огнем, давая обильный источник света. Но зато, разумеется, процесс горения кончится скоро. При том я уверен, что жизнь Н.М. «потухнет» при чрезвычайных обстоятельствах вдали от родины».

Что предсказывал Н. М. Альбову третий друг, А. И. Горонович, как и собственный прогноз Николая, до нас не дошли. Известно только, что разговор и, судя по всему, отрывок дневниковой записи датированы 28 января 1890 г.

Список растений, открытых Н. М. АЛЬБОВЫМ
Флора СССР. Издательство «Наука».
 1964. Москва.

Название	Источник	Посвящено
<i>Acaena tenera</i>	*)	
<i>Acaena nudicaulis</i>	*)	
<i>Achillea griseo-virens</i>		
<i>Allium candolleianum</i>	t. IV, p.255	де Кандолль
<i>Alopecurus sericeus</i>		
<i>Amphoricarpus elegans</i>		
<i>Anthemis saportana</i>	t. XXVI; p. 17.	де Сапорта
<i>Anthriscus schmalhauseni</i>	t. XVI; p. 135	Шмальгаузен
<i>Antitoxicum raddeanum</i>	t. XVIII; p. 695	Радде Г.И.
<i>Armeria bella</i>	*)	
<i>Aster (Tripolium) uniflorum</i>	*)	
<i>Astragalus freynii</i>	t. XII, p. 250	Freyn J.
<i>Astrantia colchica</i>		
<i>Astrantia pontica</i>		
<i>Avenastrum adzharicum</i>		
<i>Azorella selago var. compacta</i>	*)	
<i>Azorella selago var. pulvinaris</i>	*)	
<i>Barbeya</i>	t. XXVII, pp. 27—75	Барбей В.
<i>Berberis buxiflora var. gracilior</i>	*)	
<i>Bupleurum rischavii</i>	t. XVI, p. 290	Ришави
<i>Bupleurum polymorphum</i>		
<i>Campanula autraniana</i>	t. XXIV, p. 237	Отран Е.
<i>Campanula calcarea</i>		
<i>Campanula dzaaku</i>	t. XXIV, p. 257	Дзаку
<i>Campanula mirabilis</i>	t. XXIV, p. 165	
<i>Campanula pontica</i>		
<i>Campanula symphytifolia</i>		

<i>Carex pontica</i>		
<i>Cardamine seidlitziana</i>	t. VIII, p. 164	Зейдлиц Н. К.
<i>Carum saxicolum</i>		
<i>Centaurea abchasica</i>		
<i>Centaurea adjarica</i>		
<i>Centaurea barbeyi</i>	t. XXVIII, p. 426	Барбей В.
<i>Centaurea circassica</i>		
<i>Centaurea pecho</i>	t. XXVII, p. 493	Рecho С.
<i>Cephalaria calcarea</i>		
<i>Cerastium fuegianum</i>	*)	
<i>Cerastium ponticum</i>		
<i>Chaerophyllum rubellum</i>		
<i>Chaerophyllum borodinii</i>	t. XVI, p.107	Бородин И. П.
<i>Chamaenerion colchicum</i>		
<i>Chymosydia (genus)</i>		
<i>Chymosydia agassyloides</i>		
<i>Cyclamen ponticum</i>		
<i>Clypeola raddeana</i>	t. VIII, p. 366	Радде Г. И.
<i>Colpodium colchicus</i>		
<i>Corylus colchica</i>		
<i>Crocus autranii</i>	t. IV, p. 502	Отран Е.
<i>Delphinium pyramidatum</i>		
<i>Delphinium schmalchausenii</i>	t.VII, p. 179	Шмальгаузен
<i>Draba magellanica var. sylvatica</i>	*)	
<i>Empetrum nigrum</i>	*)	
<i>Erigeron vahlii var. robusta</i>	*)	
<i>Eritrichium caucasicum</i>		
<i>Fagus antarctica var. palustris</i>	*)	
<i>Fagus antarctica var. subalpina</i>	*)	
<i>Galium calcareum</i>		
<i>Gentiana paradoxa</i>		
<i>Gentiana patagonica</i>	*)	
<i>Genista mingrelica</i>		
<i>Geum speciosum</i>		

<i>Hieracium philippii</i>	*)	Филиппи
<i>Heracleum calcareum</i>		
<i>Heracleum scabrum</i>		
<i>Iris lazica</i>		
<i>Jurinea pumila</i>		
<i>Kemulariella (Aster) colchica</i>		
<i>Kemulariella (Aster) Tugana</i>	t. XXV, p. 116	Туг Мукба
<i>Lagenophora hirsuta</i>	*)	
<i>Leuceria (Chabraca) lanata</i>	*)	
<i>Leuceria (Chabraca) gracilis</i>	*)	
<i>Ligularia correvoniana</i>	t. XXVI, p. 856	Корревон
<i>Ligusticum arafae</i>		
<i>Ligusticum physospermifolium</i>		
<i>Lycopodium clavatum</i>	*)	
<i>Macrachaenium foliosum</i>	*)	
<i>Minuartia circassica</i>	**)	
<i>Minuartia subuniflora</i>		
<i>Minuartia rhodocalyx</i>		
<i>Nassauvia heterophylla</i>	*)	
<i>Orchis viridifusca</i>		
<i>Ornithogalum schmalhauseni</i>	t. II, p. 385	Шмальгаузен
<i>Pastinaca aurantiaca</i>		
<i>Perezia elegans</i>	*)	
<i>Peucedanum calcareum</i>	t. XVII, p. 174	
<i>Potentilla divina</i>		
<i>Psephellus abchasicus</i>		
<i>Psephellus barbeyi</i>		Барбей В.
<i>Pyrethrum marionii</i>		Марион
<i>Ranunculus helenae</i>	t. VII, p. 410	Елена
<i>Ranunculus sommierii</i>	t. VII, p. 419	Sommier S.
<i>Rhamphicarpa medwedewii</i>	t. XXII, p. 522	
<i>Saxifraga colchica</i>		
<i>Saxifraga pontica</i>		
<i>Scabiosa olgae</i>	t. XXIV, p. 65	Ольга

<i>Scutellaria helenae</i>	t. XX, p. 114	Елена
<i>Senecio auriculatus</i>	*)	
<i>Senecio correvonianus</i>		Корревоп
<i>Senecio paradoxus</i>	*)	
<i>Sorbus subtomentosa</i>		
<i>Sorbus velutina</i>		
<i>Stachys macrophylla</i>		
<i>Trapa colchica</i>		
<i>Triximon magellanicum</i> *)		
<i>Veronica denudata</i>		
<i>Woronowia speciosa</i> (= <i>Geum speciosum</i>)	t. X, p. 250	Воропов Ю. Н.

*) Опыт сравнительного изучения флоры Огненной Земли. // Землеведение. Т. X. 1903. кн. 4, приложение 2, с. 1–120.

**) Каталог коллекции живых растений Ботанического сада БИН АН СССР. Изд-во «Наука». 1989. Л., С. 60.

Список растений, посвященных Н. М. АЛЬБОВУ
Флора СССР. М.: Наука, 1964.

Название	Источник	Фамилия учёного
<i>Albovia</i>	т. XVI, с. 450	Шишкин Б. К.
<i>Albovia tripartita</i>	т. XVI, с. 17	Шишкин Б. К.
<i>Allum albovianum</i>	т. VI, с. 187	Введенский А. И.
<i>Alboviodoxa elegans</i>	т. XXVII, с. 75	Воронов Ю. Н.
<i>Antitoxicum albovianum</i>	т. XVIII, с. 694	Победимова Е. Г.
<i>Asperula albovii</i>	т. XXIII, с. 207	Манденова И. П.
<i>Chrysosplenium albovianum</i>	т. IX, с. 57	Кутателадзе Ш. И.
<i>Campanula albovii</i>	т. XXIV, с. 224	Колаковский А. А.
<i>Centaruea albovii</i>	т. XXVIII, с. 424	Сосновский Д. И.
<i>Cirsium albowianum</i>	т. XXVIII, с. 189	Sommier S., Levier E.
<i>Daphne albowiana</i>	т. XV, с. 488	Воронов Ю. Н.
<i>Euphrasia alboffii</i>	т. XXII, с. 619	Chabert A.
<i>Heracleum albovii</i>	т. XVII, с. 255	Манденова И. П.
<i>Kemulariella albovii</i>	т. XXV, с. 117	Тамашян С. Г.
<i>Koeleria albovii</i>	т. II, с. 328	Domin K.
<i>Melampyrum alboffianum</i>	т. XXII, с. 539	Beauverd G.
<i>Saxifraga albowiana</i>	*)	Kurtz F.
<i>Sorbus albovii</i>	т. IX, с. 390, 49	Цинзерлинг Ю. Д.

*) Альбов Н. М. Опыт сравнительного изучения флоры Огненной Земли. // Землеведение. 1903. т. X; кн. 4, приложение 2. С. 10.

Учреждения, в которых хранятся гербарии Н. М. Альбова

(тысячи гербарных образцов растений,
собранных Н. М. Альбовым)

Санкт–Петербургский Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН;
Тбилисский Ботанический институт им. Н. Н. Кецховели АНРГ;
Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашия;
Гербарий Буассье. Шамбези. Женева, Швейцария;
Частный гербарий Дрейк-дель-Кастильо; Париж, Франция;
Естественноисторический музей. г. Ла-Плата, Аргентина.

Архивы, где находятся документы Н. М. АЛЬБОВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
199034, г. Санкт–Петербург,
Университетская набережная, дом 1

Фонд № 1111, от 9 февраля 1993 года, 54 документа. «Альбов Николай Михайлович (1866–1897), систематик, ботанико-географ, исследователь флоры Кавказа и Аргентины».

Письмо Н. М. Альбова академику И. П. Бородину. 1895.

Фонд № 125, опись 2; № 5.

АРХИВ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР
190000, г. Санкт-Петербург, переулок Гривцова, дом 10
Разряд 52, опись 1, № 31.

Н. М. Альбов. Проект ботанического исследования Лазистана.
3 страницы. (Просьба в Императорское Русское географическое общество о выделении на исследования 200 рублей);
17 января 1893. Санкт-Петербург. Императорский Ботанический сад.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ
65026 г. Одесса, улица Жуковского, дом 18.
19 единиц хранения в 8 описях. 47 документов. Деятельность Н. М. Альбова в Новороссийском университете: формулярный список о его службе, сведения о научных командировках и др.

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
Абхазия, Сухум, улица Леона, 22

ГЕРБАРИЙ БУАССЬЕ. ШАМБЕЗИ
Женева, Швейцария

Письмо Н. М. Альбова от 25 марта 1893 года.

Почтовая открытка Н. М. Альбова с адресом: John Briquet в Швейцарию, в Гербарий Делессер. Ботанический Музей, Женева. От 25 мая 1893 года.
Из Кутаиси.

Письмо Н. М. Альбова от 22 августа 1894 года из г. Сухум-Кале.
Две фотографии Н. М. Альбова.

Биография Н. М. Альбова

Николай Михайлович Альбов, систематик, ботанико-географ, исследователь флоры Кавказа и Аргентины, родился 15 октября 1866 г. в с. Павлове Горбатовского уезда Нижегородской губернии в семье полкового священника. Следуя за полком, семья переезжала в Нижний Новгород и Шую. В 1875 г. Николай поступил в Шуйскую прогимназию, в которой проучился до 1882 г., а окончил курс в 1884 г. во Владимирской гимназии. В том же году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. На третьем курсе заболел тифлитом. Лето 1888 г. провел в Сухуме. Выздоровев, не отважился для продолжения образования возвращаться на север и поступил на 3-й курс естественного отделения физико-математического факультета Новороссийского университета. Весной 1890 г. окончил курс со степенью кандидата естественных наук и был оставлен при кафедре ботаники в должности сверхштатного лаборанта. С 1889 по 1894 г. на средства Новороссийского университета и Общества естествоиспытателей совершил поездки в Абхазию и Колхиду для сбора растений. В 1892 г. по приглашению директора Императорского Ботанического сада приехал в С.-Петербург для обработки своей коллекции кавказских растений. Выступил с двумя докладами: в этнографическом отделении Географического общества — «Этнографические наблюдения в Абхазии» и ботаническом отделении Петербургского общества естествоиспытателей — «Результаты ботанических исследований в Абхазии». В феврале 1893 г. Н. М. был командирован от Новороссийского университета в Гербарий Буассье (в Шамбези близ Женевы) для занятий по флоре Востока. На средства Гербария он совершил еще одну поездку на Кавказ, принял участие в заседании Кавказского отдела Географического общества, возвратился в Женеву, в мае получил командировку на Кавказ от Кавказского отдела Географического общества, а затем снова возвратился к прерванной работе. Не предвидя возможности получить в Одессе лучшее место в университете и тяготясь зависимостью от обязательств перед университетом, не позволявшим принимать предложения по поводу командировок от научных обществ, он в октябре 1894 г. подал в отставку.

Ему предлагали работу в Императорском Ботаническом саду Петербурга и в Сочи, но он ответил отказом, сославшись, что климат в этих городах губителен для его слабого здоровья.

В ожидании обещанного места на Кавказе и выхода из печати описания растений Гербария Буассье, он работал в гербариях Парижа и Лондона. Когда же надежды на место на Кавказе не осуществились и не нашлось постоянной работы в Женеве, он принял предложения Парижского музея, Гербария Буассье и частного французского гербария и отправился собирать ботанические коллекции в Южную Америку.

10 октября 1895 г. он прибыл в Буэнос-Айрес и занял должность шефа ботанического отдела музея Ла-Платы (главного города провинции Буэнос-Айрес), где создал основу ботанических коллекций. Первым его путешествием в 1896 г. была небольшая экскурсия в горы Сьерра-де-ла-Вентана. Затем Огненная Земля, северные провинции Аргентины и Парагвай. В январе 1897 г. он отправился с экспедицией в Южные Кордильеры, в Патагонию, но прервал путешествие и вернулся в Ла-Плату для написания труда о флоре Огненной Земли. Работая над русским текстом и французским переводом, он переутомился и предпринял поездку в Монтевидео (Уругвай), во время которой заболел. 6 декабря 1896 года Н. М. Альбов скончался от общего прогрессивного паралича в возрасте 31 года. Похоронен на кладбище Ла-Платы.

Н. М. Альбовым написано около 40 научных трудов по флоре Кавказа и Аргентины. Наиболее важными считается работа «*Prodromus florae Colchicae*» (1895), включающая около 1500 видов и суммирующая итоги исследований в Абхазии и Западной Грузии, «Очерк растительности Колхиды» (1896), в которой ученый впервые выявил эндемизм и своеобразие Закавказской растительности. В Аргентине Н. М. Альбовым были написаны следующие работы: «*Contributions á la flore de la Terre de Feu*» (1896), «Природа Огненной Земли» и «Заметки о флоре Огненной Земли» (1899). В 1902 году, уже после смерти ученого, в Аргентине была издана большая работа «*Essai de Flore raisonne de la Terre de Feu*». В 1903 г. она выходит в России в переводе сестры ученого, А. М. Альбовой. Большой интерес представляют опубликованные в журнале «Землеведение» письма Н. М. к родным из-за границы.

В честь Н. М. Альбова было названо 18 видов растений, его имя носит горное озеро, дающее начало реке Тихой, у границы Абхазии, в истоках левого притока Мзымты.

* * *

Фонд Н. М. Альбова (54 документа) был передан в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН 1 февраля 1993 г. внучатой племянницей ученого, Линнеей Львовной Молчановой. Значится он под № III.

Документы сохранились фрагментарно, что объясняется частыми переездами Н. М. Альбова и смертью его вдали от близких, на чужбине. В том, что удалось хотя бы частично «реконструировать» жизнь ученого, колоссальная заслуга Л. Л. Молчановой. Она же является автором некоторых статей и составителем своеобразной Энциклопедии Альбова, содержащей информацию о его жизни и трудах.

В результате научно-технической обработки фонда сформирована опись, включающая 28 ед. хр. за 1871–1990 гг. Документы систематизированы по традиционной схеме: научные труды [(статья Н. М. «В затерянных уголках Кавказа», документы биографические и документы родственников, изобразительные материалы, в том числе рисунки Н.М. (портреты абхазов, постройки и пейзажи Абхазии и Аргентины)].

Выделения документов к уничтожению не производилось.

Обработка документов проведена научным сотрудником О. В. Йодко.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры. 1962. М.; С. 132–137.

Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь.

Сост. Липшиц С. Ю. Отв. ред. акад. Сукачёв В. Н. 1947. М.; С. 47–50.

Ефремов Ю. К. Голубое ожерелье Кавказа. 1988. Л.: Гидрометеиздат; С. 124, 127.

Озеро и хребет имени Альбова

По поводу названия озера и хребта именем Альбова в книге «Голубое ожерелье Кавказа» написал Юрий Константинович Ефремов. «В конце XIX века и начале XX Русское горное общество и Кавказский отдел Русского Географического общества проводили исследования высокогорных районов Кавказа. Попутно с гляциологическими и ботаническими данными были получены сведения о некоторых горных озёрах Большого Кавказа. Так, например, в 90-х годах XIX века верховья реки Мзымты посетил талантливый ботаник Н. М. Альбов, исследователь флоры Абхазии. Он составил описание хребта Ацетука — Агепста и в нем приводил сведения об обнаруженных им пяти озёрах, из которых на карте было обозначено только озеро Мзы. Впоследствии эти озера были названы Ацетукскими, а одному из них, находящемуся в истоках реки Тихой, левому притоку Мзымты, было присвоено имя Альбова. Озеро Альбова расположено за плоской скальной перемычкой, площадь его водоема около 10 тысяч квадратных метров. Цвет воды — небесно-голубой».

Заслуживают особого упоминания исследования, проведенные на территории Кавказского заповедника в 1935–1940 годах Ю. К. Ефремовым, в то время еще студентом Московского Государственного университета. Наряду с геоморфологическими работами Ю. К. Ефремов много внимания уделял описанию высокогорных озер, а некоторые из них он открыл впервые. Итогом исследований стала написанная позже увлекательная книга «Тропами горного Черноморья», которая до сих пор является настольной книгой многих туристов и краеведов.

В этой книге известный ученый-географ Юрий Константинович Ефремов живо и занимательно описывает историю края и свои туристские маршруты в районе Красной Поляны и озера Рицы. Вспоминая студенческую практику в Кавказском заповеднике в 1937 году, он рассказывает, как в верховьях реки Мзымты студентами были обнаружены несколько озер, которые они называли Ацетукскими. Они знали, что ботаник Николай Михайлович Альбов, ходивший к Ацетуке со стороны речки Тихой, писал о пяти озерах. Одно из них студенты и называли в его память озером Альбова. Начальник заповедника П. А. Савельев ввел эти названия в официальную документацию заповедника.

Таким образом, через десятки лет после смерти Николая Михайловича, советские студенты (его внуки по возрасту!) вернули имя Альбова на любезный его сердцу Кавказ! Название горной вершины Пик Альбова, принадлежащий хребту Ацетука — Агепста в районе Ацетукских озер, появилось таким же образом одновременно с озером Альбова.

Ю. К. Ефремов писал: «Среди многочисленных озер Большого Кавказа есть такие, красота которых западает в душу и заставляет восхищаться ими, сколько бы ты их не посещал. К подобным озерам относятся группы Кардывачских и Ацетукских озер, расположенных в верховьях реки Мзымты в 44 километрах от курортного поселка Красная Поляна и в 100 километрах от Черноморского побережья в районе Большого Сочи. К берегам этих горных жемчужин проложены туристские маршруты из Красной Поляны и от озера Большая Рица».

Авторские рисунки

Сохранилось 25 карандашных рисунков Николая Михайловича. С детства он любил иллюстрировать прочитанные произведения и делать зарисовки с натуры.

Николай Михайлович вспоминал: «Полезным другом был для меня некий Туга Мукба, земледелец из самой дальней в этой местности деревни. Он сопровождал меня в течение двух лет в моих путешествиях по Абхазии, и я не могу достаточно нахвалиться его достоинствами как проводника и его хорошим характером». Впоследствии своему другу Туге Мукба Николай Михайлович посвятил одно из открытых растений, *Kemulariella tugana*.

«Остановиваясь у него проездом, я всегда находил в его доме сердечный прием и самое широкое гостеприимство. Туга был отцом нескольких дочерей, восхитительных девушек, настоящих черкесских красавиц с большими черными миндалевидными глазами и длинными шелковыми ресницами. Вся эта молодёжь радостно бросалась мне навстречу, зная, что я привез конфет и для каждой маленький подарок».

На фоне прекрасных кавказских зарисовок горцев и скромных девушек резко выделяется портрет с надписью Minnehaha. Кто изображен на нем? Меня заинтриговал этот рисунок.

Рассматривая в энциклопедии индейцев разных рас и стран, обнаружила сходство с североамериканскими индейцами. В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона нашла в Соединенных Штатах Америки водопад Миннегага. Вспомнила, что Николай Михайлович в одном из своих пронзительно исповедальных писем к родным упоминает об американском поэте Лонгфелло.

Вот отрывок из этого письма: «Женева. 12.03.94. Пусть я цыган и бродяга, так что ж из этого? Я счастлив. Я чувствую себя, по крайней мере, счастливым. И потом я не бездельничаю. Я скитаюсь, это правда, как настоящий цыган, но везде я оставляю за собою настоящий след — «на песках времени (on the sands of time)», как выражается американский поэт Лонгфелло. Этот след не пропадёт даром».

Генри Уодсуорт Лонгфелло (1807–1882) — американский поэт, автор широко известной поэмы «Песнь о Гайавате», написанной в 1855 году на материале фольклора североамериканских индейцев. Оказывается, любимую жену Пророка и Учителя индейцев Гайаваты звали Миннегага! Так вот кто это! Но почему Николаю Михайловичу захотелось ее изобразить, почему он так бережно хранил рисунок? Читал Николай Михайлович поэму, конечно, на английском языке, так как она была переведена И. А. Буниным и издана на русском языке только в 1898 году. Просматриваю богато иллюстрированные американские и английские издания «Песни о Гайавате» 1882 и 1894 годов и убеждаюсь, что рисунок Николая Михайловича — не копия, а оригинальный образ. Какими мыслями и чувствами он навеян? Фантазиями, воспоминаниями ли?

Вчитываясь в поэтический текст «Песни о Гайавате», невольно находишь сходство героя с Николаем Михайловичем: в образе жизни, в любви к природе, в романтическом юношеском настрое.

И пошел в страну красавиц,
В край дакотов Гайавата,
В путь далекий по долинам,
В тишине равнин пустынных,
В тишине лесов дремучих.

Судя по всему, Альбов находил параллели в собственной жизни и судьбах литературных персонажей: трогательная чистота и нежность первой любви героев поэмы не случайно так близки ему.

Несомненно, прослеживается особая, исключительная приверженность Николая Михайловича к Кавказу, где он проработал 7 лет, при этом — не имея государственной должности. Одним из поводов

к переселению Николая Михайловича за границу была обида из-за невозможности получить приличную должность на Кавказе. Уезжая в Аргентину, Николай Михайлович делился с родными щемящими душу мыслями о начале новой для него жизни: «Атлантический океан. 27 сентября 1895 г. Вернусь ли я когда-нибудь в горы счастливой Абхазии, где чистые и прозрачные, как хрусталь, горные потоки шумно катят в море свои воды по диким ущельям, где азалея и каприфоль так благоухают весной? Услышу ли я снова мелодический звон чонгури тихими и теплыми вечерами и веселое щебетанье чернооких дочерей Абхазии?»

Героиня поэмы напоминает кавказских красавиц?

Быстроногая, как речка,
Своенравная, как брызги
Водопадов Миннегаги.
В блеске черных глаз играли
У нее и свет, и тени, —
Свет улыбки, тени гнева,
Как поток струились косы...

Еще в первые годы своего пребывания на Кавказе Николай Михайлович назвал два открытых им растения Шлемник Елены и Лютик Елены, обессмертив очевидно дорогое ему имя. Такого имени в семейном окружении не было. Дела явно сердечные.

Сохранилась безымянная фотография девушки, которую Николай Михайлович хранил до последних дней. На обороте фото можно прочесть запись карандашом, оставленную, очевидно, русским библиотекарем музея в Ла-Плате: «Рассказывал мне Н. М., что эта особа была почти объявленной его невестой в бытность его на Кавказе, но потом он решил не жениться, т. к. не имел в то время обеспеченного положения».

Не запечатлены ли в портрете Миннегаги черты любимой?

Дерзну сравнить портреты. Основные черты — широкий лоб, миндалевидные глаза, прямые брови, крупный прямой нос, резко очерченные губы, волевой подбородок — присущи обоим изображениям. На фотографии девушка слегка улыбается, а Миннегага, вероятно, опечалена расставанием.

Увековечение имени Елена, аллегория Миннегаги, безымянная фотография кавказской девушки — сколько в этом преданности, настойчиво подчеркиваемого чувства, так и оставшегося для нас тайной!

Возможно, что скрывать чувства приходилось, чтобы избежать горькой укоризны, подобно той, что была услышана Гайаватой:

Не женись на чужеземке,
Не ищи жену по свету!

В письме к родным Николай Михайлович писал: «... вернусь я тогда, когда мое положение упрочится, когда я составлю себе более или менее известное имя в ученом мире».

Судьба распорядилась беспощадно: Николай Михайлович умер в Аргентине, проработав там два года.

К счастью, остались его письма к родным. Талантливый ботаник был еще и пристрастным наблюдателем окружающей жизни во всех ее проявлениях. С большим мастерством, детально и ярко описывал он свои странствия.

Впервые выдержки из 75 его писем (со 2 марта 1893 по 3 августа 1897 г.) были опубликованы в журнале «Землеведение» за 1899 год (книги I–II) под названием «Из заграничных писем Н. М. Альбова (из Западной Европы и Южной Америки)» со сноской: «Письма эти были писаны Н. М. Альбовым к его родным. За доставление приводимых извлечений мы обязаны сестре покойного Александре Михайловне Альбовой».

Прошло более ста лет со времени написания этих писем, изменились описанные в них местности, города, условия жизни, но и теперь они читаются с неподдельным интересом. Пленяет талант автора, его незаурядное дарование четко схватывать суть событий, высвечивать необычные детали увиденного и живописный, занимательный стиль изложения.

Вот несколько цитат:

ЖЕНЕВА. 24 АПРЕЛЯ 1894 г. «Здание Гербария Буассье все обвито глицинной и желтой розой, которые теперь начинают распускаться. Кругом здания — пышные кусты рододендронов в полном цвету. Прибавьте

к этому голубое озеро, все залитое ярким солнечным светом, прямо перед вами — величественная снежная цепь Монблана и вдали — голубые горы, задернутые полупрозрачною дымкой тумана. Вы поймете теперь, почему работа у меня так спорится (я работаю с поразительной быстротой): стоит только взглянуть в окно на эту картину, чтобы получить новые силы для труда».

ОРАНЖ. 18 ДЕКАБРЯ 1894 г. «Что же касается тарасконок, то, мне кажется, Доде сделал большое упущение, не упомянув об их достоинствах. Это — самые красивые женщины, каких я только видел в Европе. С ними могут соперничать только гурийки или имеретинки на Кавказе. Они чрезвычайно высоки, стройны, великолепно сложены, с крупными идеально-правильными чертами лица, чудно очерченными бровями и с роскошными чёрными лоснящимися волосами. Глазами они уступят гурийкам. Замечательно содействует их красоте их живописный костюм — нечто вроде кружевной мантильи на плечах и фригийская шапочка, перевязанная широкою лентой на голове (волосы зачесываются наверх, на макушку). Но всех лучше, несомненно, арлезианки. Они по справедливости считаются первыми по красоте женщинами Франции. Это было, между прочим, причиной, почему я останавливался в Арле».

ЛОНДОН. 19 ИЮЛЯ 1895 г. «Не побывав в Лондоне, трудно составить себе представление, что это за город: он раз в 10 больше Москвы. Париж, Вена после него кажутся ничем. Порядок здесь всюду царствует образцовый, не то что в Париже. Город пересекают во всевозможных направлениях железные дороги, надземные и подземные. Поезда на подземных дорогах циркулируют каждые две–пять минут. Все устроено толково, удобно, общепонятно. Народ очень вежливый и обязательный. ...Великолепные сады и оранжереи Кью открыты для осмотра публики ежедневно. Вход свободный, без всякой платы, без всяких билетов и дозволений. То же самое и в других учреждениях и музеях».

И СЛОВА, И ДЕЛА ОТОЗВАЛИСЬ...

Юбилей Н. М. АЛЬБОВА отмечаются в России и за рубежом

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОТМЕЧЕНО ПУБЛИКАЦИЯМИ:

Галицкая Т. М. След на песках времени. М.: 1966. // Земля и люди. Географический календарь; С. 236; 248–249.

Гвоздецкий Н. А. Яркая жизнь. Н. М. Альбов — выдающийся исследователь Кавказа и Огненной Земли. М.: 1967. // Ж. Природа; № 1. С. 96–100. (Биография, из писем к родным Н. М. Альбова).

Сохадзе Е. В., Галицкая Т. М. История науки. Н. М. Альбов. // Ботанический журнал. т. 53. № 9. С. 1327–1330.

(Биография, обзор творчества, библиография — 20 названий).

Карташев Б., Карташева К. След на песках времени. Путешествия Н. М. Альбова. М. Изд-во «Мысль», 1969. С. 1–61.

Книга Карташевых, пожалуй, единственное научно-популярное описание судьбы и деятельности Николая Михайловича. К сожалению, несмотря на тираж в 30 000 экземпляров, в наши дни она является библиографической редкостью.

Знакомство с публикациями к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Альбова навело меня на мысль о предстоящем 125-летию. Судьба так сложилась, что из ныне здравствующих потомков Альбовых только я испытывала желание и необходимость принять участие в подготовке этого события. Заранее отправленные мной письма в несколько организаций с целью напомнить о предстоящем юбилее, отклика не получили. Пришлось рассчитывать на собственные дилетантские силы и личные контакты. Я понимала, работа предстоит нелегкая, если учесть, что я, Линнея Львовна Молчанова, по образованию инженер-химик и далека от ботанико-географического общества...

Кладезь информации в Публичной библиотеке помог мне познакомиться с трудами Николая Михайловича и самостоятельно подготовить необходимые материалы. Мир не без добрых людей: в 1990 году меня познакомили с замечательными научными сотрудниками Ботанического института Ириной Алексеевной Ильинской из отдела палеоботаники и морфологом Нонной Исааковной Ляшенко. И это радикально изменило ситуацию.

И. А. Ильинская в моем присутствии рассказала директору института Л. Ю. Буданцеву о предстоящем юбилее Н. М. Альбова, он тут же охотно поддержал идею создания юбилейной статьи в Ботаническом журнале и проведения Ученого совета.

За выбором автора статьи о Н. М. Альбове Н. И. Ляшенко обратилась в Абхазию, в Сухумский Ботанический сад. Академик Альфред Алексеевич Колаковский ответил ей письмом:

«Многоуважаемая Нонна Исааковна! Получил Ваше письмо с почетным предложением — написать статью об Н. М. Альбове. Признателен Вам за это предложение, однако ввиду не только значительной перегруженности, но также и возрастного аспекта, я навряд ли смог бы справиться с этой статьей. Неплохим выходом из этой ситуации я считаю возможность переложить этот почётный труд на плечи более молодого ученого — моего ученика Зураба Иосифовича Адзинба.

Обосную свое предложение, во-первых тем, что Зураб Иосифович уже давно интересуется биографическими данными Н. М. и создал не-

большой уголок Альбова в Абхазском госмузее. С целью его пополнения он уже искал связи с Л. Л. Молчановой. Кроме того, он достаточно хорошо владеет пером и эта задача будет ему по силам, и, самое главное, — это то, что он считает эту возможность для себя весьма почётной и с удовольствием примет это предложение. Решение за Ленинградом. Еще раз спасибо за предложение».

Альфред Колаковский.

18. 01. 1990

Вскоре кандидат биологических наук, ботанико-географ, систематик Зураб Иосифович Адзинба приехал в Ленинград, и состоялось наше личное знакомство. Мы вместе рассматривали материалы семейного архива Альбовых, и я приобрела в Зурабе Иосифовиче заинтересованного, благодарного слушателя и советчика.

По возвращении в Сухум, Зураб Иосифович опубликовал в местной газете статью «Он сроднил Сухум с Ла-Платой» с двумя рисунками из архива Альбова. Затем появилась еще одна статья З. Адзинба и Ю. Герия «О чем звонит кампанула» в сухумской газете «Панорама недели», № 2, 1991 г.

Искренне порадовалась за Зураба Иосифовича, когда он сообщил мне о своей командировке в женевский Гербарий Буассье: «Весной я еще мог только мечтать побывать там, где работал Ваш «дед» — юный Николай Альбов, а в сентябре я был там. Вы представляете, как я был счастлив!

Я посмотрел на все своими глазами и сравнил с его первым письмом из Женевы. Все на месте: и три окна, и железная дорога, по которой он ездил в Гербарий на работу. Я был как во сне, счастлив».

Хранитель Гербария Буассье Андре Шарпен показал Зурабу Иосифовичу гербарные листы с растениями, собранными Н. М. Альбовым, два его подлинных письма и две фотографии, в том числе портрет Николая Михайловича, выполненный в 1893 году в Одессе, и фото Николая Михайловича с проводниками в Абхазии.

К юбилею в № 12 Ботанического журнала за 1991 г. была опубликована статья З. Адзинба «Н. М. Альбов — выдающийся исследователь флоры Колхиды». Зураб Иосифович подарил мне ее с автографом.

А 26 ноября 1991 года кандидат биологических наук, сотрудник Сухумского Ботанического сада Зураб Иосифович Адзинба выступил с приуроченным к юбилею Альбова докладом «Жизнь, отданная науке» на заседании Ученого совета, в секции флоры и растительности Ботанического института имени В. Л. Комарова в Санкт-Петербурге.

С 22 по 29 ноября 1991 года в библиотеке Ботанического института имени В. Л. Комарова проходила юбилейная выставка. На ней были представлены 23 книги с трудами Н. М. Альбова (три из них с автографами — дарственными надписями С. И. Коржинскому и сестре Александре Михайловне Альбовой), восемь книг с публикациями о юбиляре, два его гербарных листа, документы и фотографии из его личного архива (5 документов, 9 портретов, 12 карандашных рисунков), а также два почтовых конверта, посвященных Международному ботаническому конгрессу, проходившему в Ленинграде в 1975 году. На эмблеме конгресса красовалась в частности и *Campanula mirabilis*, открытая Н. М. Альбовым.

Еще одна выставка, посвященная жизни и трудам Николая Михайловича Альбова, состоялась в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ее организовала и подготовила на материалах библиотеки и по подготовленным мною спискам главный библиограф по выставочной работе Нина Игоревна Беляева по моей просьбе. Выставка была также приурочена к юбилею и проходила с 24 октября по 22 ноября 1991 года в научных залах библиотеки. На ней были представлены 32 книги с трудами Николая Михайловича Альбова, 4 публикации о нем, материалы из его личного архива: 5 документов, 6 портретов и 5 выполненных им рисунков.

В № 11 журнала «Наука и жизнь» за 1991 год опубликована статья «С природой одною он жизнью дышал», написанная мной совместно с Верой Николаевной Афросимовой — моей вдохновительницей и коллегой по работе.

В качестве заголовка мы использовали строку из произведения Е. А. Баратынского «На смерть Гете». Это стихотворение близко Николаю Михайловичу Альбову по духу:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье...

В основе статьи — документы из семейного архива Альбовых и краткая биография Николая Михайловича. В качестве иллюстраций представлены его диплом об окончании университета, фото и два рисунка.

В сентябре 1992 года по петербургскому радио в цикле «Человек из России» прозвучал очерк писателя Анатолия Владимировича Любарского «Он разгадал тайны Огненной Земли». Текст, прочитанный проникновенным голосом на фоне испанских мелодий, наигранных на гитаре, произвел неизгладимое впечатление.

А вот из Аргентины весть пришла неутешительная. В ответе на запрос о сохранности памятника на могиле Николая Михайловича, священник православной церкви в Буэнос-Айресе, адрес которой я получила в канцелярии Митрополита в Ленинградской Духовной академии, любезно разъяснял, что если в дореволюционные годы сестры Николая Михайловича изыскивали возможность оплачивать место его захоронения, то в дальнейшем это стало невозможным.

130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

К 130-летию со дня рождения Николая Михайловича Альбова я получила от Зураба Иосифовича Адзинба письмо: «Мне очень приятно поздравить Вас с 130-летним юбилеем Николая Альбова и преподнести от благодарной Апсны (Абхазии), которую он так любил, серию почтовых марок, выпущенных специально к юбилею. Марка сделана с моей фотографии-копии. В Москве, правда, вместо книг, которые были на фотографии, нарисовали лупу и растение. Но что поделать, так посчитали художники лучше. Им можно это простить за то, что они прекрасно нарисовали главнейшие альбовские виды растений».

Оформлен блок растениями из Абхазии, открытыми Николаем Михайловичем Альбовым:

Chaerophyllum borodini — посвящено Ивану Парфеньевичу Бородину — ботанику, профессору, создателю прекрасных учебников по анатомии растений и дендрологии.

Chaerophyllum rubellum

Campanula mirabilis — Колокольчик удивительный с горы Ашшом-пыдж, названный Альбовым Царицей абхазской и колхидской флоры. Опубликовано в Женеве в 1895 в году.

Allium candolleianum — Лук де Кандолля с Гагрского хребта. Описание опубликовано в Тифлисе в 1895 году. Названо растение именем Казимира де Кандолля — президента Ботанического общества Женевы.

Это о нем, о де Кандолле, писал Николай Михайлович родным: «Он поздравил меня с замечательными открытиями, по его предложению Ботаническое общество избрало меня членом-корреспондентом».

Campanula autraniana — колокольчик Отрана с горы Фишт. Описание его опубликовано в Женеве в 1894 году. Назван в честь Эжена Отрана — шефа Гербария Буассье в Женеве. «Он не переставал оказывать мне всякую помощь и содействие, как в публикации моих работ, так и в сношениях моих с европейскими ботаниками», — вспоминал Николай Михайлович.

Scabiosa olgae — Скабиоза Ольги, из Аше. Описание этого растения опубликовано в Женеве в 1894 году. Как уже упоминалось ранее, это растение Николай Михайлович назвал в честь своей младшей сестры Ольги, моей бабушки (по случаю рождения у нее дочери Лидии).

26 августа 1995 года Зураб Иосифович Адзинба сообщил мне о публикации в сухумской газете постановления о присвоении имени Николая Михайловича Альбова одной из улиц города Сухума. Вместе с другом, доктором исторических наук Юрием Николаевичем Вороновым¹, Зураб Иосифович Адзинба готовил материалы для книги об Н. М. Альбове.

Но планам помешала трагедия: в сентябре 1995 года Юрий Николаевич Воронов, работавший в то время вице-премьером Республики Абхазия, был убит. Его оплакивала вся республика.

¹ С 1810 года судьба Абхазии тесно связана с Россией. Прадед Юрия Николаевича, Николай Ильич Воронов играл значительную роль в административной и культурно-просветительской жизни Кавказа. И Николай Михайлович Альбов был хорошо с ним знаком. В одном из трудов он выразил Н. И. Воронову искреннюю благодарность за содействие. А его сын (дед историка Юрия Николаевича) Ю. Н. Воронов (1874—1931) был известным ботаником.

140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. М. АЛЬБОВА

В XXI веке в жизнь стали бурно внедряться новые технологии. Несмотря на свой возраст (а мне уже за 80), я посчитала своим долгом воспользоваться новшеством, в частности, возможностями электронной передачи и сохранения информации и создала электронную версию всех имеющихся у меня архивных материалов семейства Альбовых, а затем записала ее на компакт-диск. Надеюсь, что электронная доступность обобщенных данных о жизни и деятельности Николая Михайловича позволит продлить память о нем.

За свою короткую жизнь Николай Михайлович Альбов успел сделать многое и завоевал признание как в России, так и за рубежом. Ботаники по заслугам высоко оценивают его наследие.

Он открыл уникальную флору Северной Колхиды и систематически изучал ее в течение семи лет. Им собраны тысячи гербарных образцов растений, описано 76 новых, эндемичных для Колхиды, видов.

Научные работы Николая Михайловича с описанием природы архипелага Огненной Земли настолько содержательны и выразительны, что до сих пор служат украшением географических хрестоматий. Выдвинутые им научные идеи живут и развиваются его последователями.

Талант Николая Михайловича Альбова, его упорный, неукротимый характер, разносторонность интересов, знание нескольких иностранных языков, страстность, благородство, бескорыстие, высокая нравственность в сочетании с молодостью и огромной работоспособностью, до сих пор покоряют души все новых его почитателей.

Линnea Львовна Молчанова.

7 августа 2006 г.

г. Санкт-Петербург

Л. Л. Молчанова

КАК Н. М. АЛЬБОВ ОКАЗАЛСЯ НА КАВКАЗЕ?

Версии

Я стала задумываться по этому поводу после того, как обнаружила в архивах отца (он приходился Николаю Михайловичу племянником, сыном сестры) интересную запись. Отец пишет, якобы слышал от своей матери, что причиной ухода Николая из Московского университета в 1887 году стали происшедшие там какие-то беспорядки.

Официальных публикаций биографии Н. М. Альбова мой отец не знал. Решив проверить отцовскую запись, я стала внимательнее вчитываться в опубликованное в то время в печати.

Однако начну со статьи академика Д. Н. Анучина. В журнале «Землеведение» он писал: «В 1884 году Н. М. Альбов поступил на первый курс естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Так как при поступлении в университет он был еще очень молод (ему не было и 18 лет), то усталость от гимназических занятий заставила его по собственному желанию остаться на 1 курсе на второй год.

При переходе на третий курс он осенью 1887 года заболел тифлитом, а потом паратифлитом. Во время болезни находился на грани

между жизнью и смертью, из больницы уехал во Владимир и провел зиму 1887–1888 года у родителей. В апреле 1888 года, по совету докторов, для поправления здоровья он отправился в Сухум, где и пробыл лето».

Далее из статьи Анучина мы узнаем следующее: «Поправился ли Н. М. на Кавказе? Во всяком случае известно, что в Сухуме он приобрел еще и кавказскую лихорадку, которая потом долго не оставляла его. Тем не менее считается, что Н. М. со слабым здоровьем побоялся ехать для продолжения образования на север и по совету врачей и родителей поступил в Новороссийский университет на 3 курс естественного отделения физико-математического факультета».

Д. Н. Анучин публикует биографию Н. М. Альбова, подчеркивая, что сведения получены им от сестры ученого. Отчего такое уточнение? Д. Н. Анучин, будучи в то время профессором Московского университета, не мог не знать правды, но из сочувствия семье написал, мне кажется, так, как его попросили. Понятно, что происшествие с любимым сыном и братом произвело удручающее впечатление на членов законопослушного семейства заслуженного военного протоиерея, и они старались скрыть истину.

В Интернете я нашла статью писателя Владимира Ивановича Чарнолуцкого (1865–1934) «Из воспоминаний о студенческой жизни и студенческих «беспорядках» конца 80-х годов XIX в.». В ней автор, студент 4 курса юридического факультета, подробно изображает свое пребывание в Московском университете, студенческий быт и события ноября 1887 года.

Приведу наиболее значимые выдержки из этой статьи, которые, на мой взгляд, проясняют вероятность участия в «беспорядках» и Николая Альбова:

«Инспектором университета был в то время Брызгалов, который своей чрезвычайной грубостью, бездушным формализмом, тщательно организованным сыском и постоянным вмешательством во все студенческие дела очень скоро вызвал к себе общую ненависть студентов. Непосредственные агенты его сыска подвергали, между прочим, постоянно му осмотру оставляемую студентами на вешалках одежду. Совместными усилиями Брызгалова и его агентов, явных и тайных, в университете была

создана такая гнетущая атмосфера, которая не могла наконец не разразиться взрывом очередных студенческих «беспорядков», вспыхивавших, как известно, время от времени при царизме.

Такой взрыв последовал в Московском университете в конце 1887 года. Вызван он был условиями, общими для всех университетов того времени и особенно обострившимися вследствие введения нового реакционного университетского устава.

...В ноябре 1887 года незадолго до официального университетского концерта в Колонном зале Дворянского собрания (ныне Дом Союзов) я получил приглашение приехать вечером в Петровку, в одну из комнат недавно открытого студенческого общежития. Здесь собралось человек десять студентов, из которых большая часть была мне не знакома. Перед этим небольшим собранием выступил студент Синявский, заявивший, что он не в состоянии выносить больше создавшуюся в университете атмосферу полицейского сыска и надзора. Он решил дать публичную пощечину инспектору Брызгалову на университетском концерте и предложил товарищам использовать этот акт.

...Во время одного из антрактов раздался, наконец, услышанный очень многими громкий звук пощечины, нанесенной Брызгалову Синявским в одном из проходов. Сейчас же произошло общее замешательство и волнение, концерт был прекращен, а Синявский — тут же арестован и увезен полицией. Уже через несколько дней судьба его была решена: он был отправлен на длительный срок в дисциплинарный батальон. Такова была одна из самых суровых и тяжелых политических кар того времени.

На другой день ректором Боголеповым в актовом зале было созвано общее студенческое собрание. Ректор обратился к студентам с речью в соответствующем моменту строгом и холодном тоне. С ответом ему выступил не М. А. Плетнев, как было назначено комитетом, а другой представитель комитета — Н. Г. Гонфергаузен (Барон), который произнес горячую, дерзкую речь, в которой изложил все причины происшедшего выступления и требования студенчества. Речь была покрыта дружными аплодисментами. Барон, конечно, был сейчас же арестован. Занятий в университете, разумеется, не было, и волнения вылились в ряд уличных выступлений, разгоняемых полицией. Общего массового выступления студентов на улицах организовано не было.

Университетские дворы, конечно, весь день были переполнены взволнованным студенчеством, и вечером на него были двинуты для избивания толпы приказчиков-охотнорядцев. Железные ворота университета, однако, были сейчас же заперты, за ними стояла сплошная, готовая к отпору студенческая масса. Однако студенческого погрома устроить не удалось.

Немедленно же начались массовые аресты и высылка студентов из Москвы. На всех вокзалах высылаемых встречали агенты комитета, снабжавшие их продуктами на дорогу, а нуждающихся — и деньгами.

Через два-три дня после начала волнений, когда я находился на спешной работе в своей «типографии», меня вызвали на квартиру и оттуда в полицейский участок, куда я явился совершенно измазанный типографской краской. Здесь мне объявили, что я уволен из университета и высылаюсь на родину, причем обязуюсь выехать немедленно же. Прямо из полиции, не собрав вещей, я отправился на Курский вокзал, где меня посадили в совершенно не топленный, несмотря на мороз, вагон. По дороге я простудился в нетопленном вагоне и заехал к приятелю Малиновскому, служившему фельдшером в земской больнице близ Серпухова, провалялся у него несколько дней больным. Приехав домой, явился в местную полицию и узнал, что о моем выезде уже было сообщено телеграфом и моя неявка уже вызывала беспокойство.

Моя высылка из Москвы состоялась всего за полгода до окончания курса. Прожив на родине несколько месяцев, я решил отправиться в Киев и попытаться поступить в Киевский университет. С прошением в руках я явился к попечителю учебного округа А. Я. Ростовцеву, который встретил меня крайне сурово и спросил, раскаиваюсь ли я в своем поступке. Я ответил, что раскаиваться мне не в чем, но поскольку мне необходимо окончить курс, могу дать обещание, что буду занят это время исключительно учением. Обещания оказалось достаточно, и с осени я уже был студентом 4-го курса юридического факультета Киевского университета, который весной и окончил».

Время действия и события, как мне кажется, вполне дают право считать реальностью версию участия Николая Альбова в тех университетских беспорядках. На долю вольнолюбивого и вспыльчивого Николая

Альбова, очевидно, выпали схожие испытания, отягощенные еще и травмой. Указанная официально болезнь Николая — тифлит, иными словами, разрыв брыжейки, — возможно, следствие травмы. Становится понятным, что и во время болезни Николай находился под надзором полиции.

Кстати, будущий поэт-символист Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942), закончивший ту же Владимирскую гимназию, что и Николай Альбов, в тот же период учился в Московском университете (юридический факультет) и был исключен за участие в студенческих беспорядках в том же 1887 году.

Невозвращение Николая в престижный Московский университет, причиной которого в биографии ученого названо слабое здоровье, на самом деле, вполне можем предположить, имеет другие корни: он был исключен за участие в беспорядках. Похоже, что в Новороссийский университет (находившийся в Одессе) осенью 1888 года он поступил по той же схеме, что и автор приведенной выше статьи.

Несколько странной представляется и официальная версия о том, что весной 1888 года Николай по совету врачей отправляется на лечение в Сухум. Как правило, в те времена ездили лечиться в Крым или на воды. Каким могло быть лечение в Абхазии, в краю с очень влажным климатом?

На этот вопрос даже есть ответ. Как пишет Д. Н. Анучин: «В Сухуме Николай приобрел, впрочем, кавказскую лихорадку, которая потом долго не оставляла его». Можем предположить — и это куда более правдоподобное объяснение, что родители решили отослать Николая подальше от Москвы, избавить его от надзора полиции, которой было поручено зорко следить за высланными домой студентами. Но почему Николая отправили именно в Сухум?

Существует предположение, что у семьи Альбовых там нашлись родственники. Мне, к сожалению, об этом ничего не известно.

Однако одна связующая ниточка все же есть. Именно в 1888 году к сестре Николая Ольге посватался только что окончивший Владимирскую духовную семинарию Евлампий Васильевич Якиманский, в будущем мой дед. Так вот, по устным свидетельствам, его дед, а мой прапрадед Якиманский Елпидифор (в переводе с греческого «Елпидифор» — «наде-

жда») (его годы жизни могу привести лишь примерно, 1810–1870) был священником, выходцем с Нового Афона. И более того, в семье рассказывали, что в его жилах текла либо грузинская, либо греческая кровь.

Здесь я хочу сделать отступление: вышесказанным мои сведения о связях Альбовых с Кавказом исчерпывались.

При подготовке настоящего издания Зурабу Иосифовичу Адзинба удалось выяснить, что сын Ольги Михайловны Феодосий Евлампиевич Якиманский, приходящийся мне дядей, недолгое время жил в предместье Сухума, в селе Мачаре Гулрыпшского района. Но с судьбой Николая Альбова эти сведения никак не связаны.

Но вызывает все-таки некоторое удивление, что молодой человек, студент, оказавшийся в субтропиках впервые, собирал семена и живые растения в горах по предложению уполномоченного министра государственных имуществ на Кавказе Я. С. Медведева, который к тому же писал отзывы на статьи Николая?

Допустима, наверное, и другая версия поездки в Сухум: содействие профессора Д. Н. Анучина. В 1884 году, когда Николай Альбов поступил в Московский университет, профессор Дмитрий Николаевич Анучин возглавлял кафедру географии и этнографии, преподавал антропологию. Количество студентов в университете было небольшим и, возможно, Д. Н. Анучин просто обратил внимание на талантливого студента.

Тем более, что сам Анучин был от природы разносторонне одаренным человеком. Об этом свидетельствует факт, что впоследствии, значительно позже, профессор Д. Н. Анучин исполнял обязанности декана физико-математического факультета. Именно такие люди, как правило, открывают таланты и помогают им.

В пору студенческих беспорядков 1887 г. Анучин мог с сочувствием (его благородство и справедливость известны, мало того, он состоял членом профессорского дисциплинарного суда) отнестись к обстоятельствам, в которых оказался представитель семьи заслуженного «севастопольца» Михаила Стефановича Альбова.

Вполне возможно, Д. Н. Анучин был лично знаком с членами семьи Альбовых. Ведь известно, что старшая сестра Николая, Александра Ми-

хайловна Альбова, впоследствии неоднократно обращалась к Анучину с просьбой о публикации трудов и писем брата. Именно по его рекомендации ее работа в этом направлении была высоко оценена (ей была вручена серебряная медаль).

Сожалея, что Николай вынужден прервать учебу и не имеет возможности вернуться в Московский университет, Анучин мог посоветовать ему отправиться в Сухум и снабдил его рекомендательными письмами к знакомым влиятельным лицам. Эту дерзкую версию подтверждает пристальное внимание Д. Н. Анучина к трудам Николая Альбова, участие в их первичной публикации.

Примером чуткого и действенного участия Д. Н. Анучина в судьбе Н. М. Альбова является и такой факт: в 1896 году, когда Н. М. уже работал в Аргентине, Российское Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, президентом которого был Д. Н. Анучин, избирает Альбова своим действительным членом.

ОЧАРОВАННЫЙ АБХАЗИЕЙ

Статьи

Н. Альбов

ОТЧЕТ О БОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ АБХАЗИИ ЗА 1890 г.¹

Настоящий отчет имеет целью изложение главнейших ботанико- и геолого-географических результатов моих исследований Абхазии в 1890 году. В течение четырех лет, с 1888 года по 1891-й, я занимался исследованием Абхазии. Первые два года из них я посвятил изучению береговой

¹ Из «Записок КО ИРГО, книжка XV. Тифлис, 1893.

полосы страны и некоторых ближайших гор (Ахибаху, Акугра, Чадым, Санчара). Ввиду того, что все местности, посещенные мною за эти годы, довольно хорошо исследованы в геологическом отношении и представляют мало интереса в географическом, я счел излишним публиковать отдельные отчеты об исследованиях в эти годы. А вот результаты ботанических исследований вместе с таковыми же результатами, добытыми за 1890-й и 1891 годы, вошли в мои специальные ботанические работы.¹ В 1890 и 1891 гг. я посетил многие до сих пор не исследованные в научном отношении уголки Абхазии. Среди них верховья Мзымты, Сакаяна и Гуандры, перевалы Марух, Аишха, Хымсы, Гуандра, Клухор, Нахар, гора Узункол и многие другие пункты Главного Кавказского хребта и его отрогов.

Некоторые из названных местностей мало известны даже в географическом отношении. Последнее обстоятельство и побудило меня выступить с настоящим отчетом в «Записках»² Кавказского отдела Русского географического общества. Предполагаю, что сообщаемые в нем географические, ботанические и геологические сведения могут представить некоторый интерес для лиц, занимающихся изучением Кавказа. Отчет за 1891 год не замедлит появиться в печати, как только будет кончена обработка материала.

За лето 1890 года я сделал четыре большие экскурсии: две на верховья Мзымты (разными дорогами), одну на гору Апщру и одну через высокие перевалы Главного Кавказского хребта (Марух и Клухор) в Кубанскую область.

Первую экскурсию, на Мзымту, я предпринял в середине июня. На верховья Мзымты я решил пройти, перевалив через Бзыбский хребет между гг. Дзышра и Чапшыра, и направился далее по альпийским лугам хребта Арыхуа, составляющего водораздел между притоками Бзыби, Пшицей и Лашпсы. Есть и другой, более легкий путь на Мзымту — через Псхё по долине Бзыби, и далее по долине притока Бзыби — Баула.

¹ См. Н. Альбов. *Описание новых видов растений, найденных в Абхазии* (Труды Одесского Отдела Общества Садоводства за 1890 г.).

² Н. Альбов. *Леса Абхазии*. (Записки Общества Сельского Хозяйства Южной России, 1892 г. № 4).

Но я решил избрать первый как более интересный в ботаническом отношении путь.

Бзыбский хребет и ранее привлекал меня своею крайне оригинальною растительностью, резко разнящейся от растительности соседних хребтов: по крайней мере, на нем я встретил несколько любопытных эндемичных форм, — из них три совершенно новые. К новым формам принадлежат следующие альпийские растения: *Geum speciosum*, *Scutellaria helenae* и *Ranunculus helenae*. Новый вид *Geum*, названный мною *Geum speciosum* за его необыкновенно изящно вырезанные листья, стройный рост и красивые оранжево-желтые цветы, есть чрезвычайно характерное растение, выделяющееся из массы других видов *Geum* своими лировидными листьями, с очень крупной округлой конечной долькой и очень мелкими боковыми дольками. Листья собраны розеткой при основании стебля, и общий *habitus* растения напоминает скорее сиверзию, чем *Geum*, почему этот вид и был принят мною первоначально за сиверзию и описан под названием *Siversia speciosa*. Однако дальнейшее изучение цветка на разных стадиях развития показало, что это есть *Geum* (столбики здесь не цельные, как у сиверзии, а с сочленением близ середины).

Scutellaria helenae — вид, близкий к *S. pontica* Koch, — также очень красивое растение с крупными розовыми цветами, которое нигде, кроме Бзыбского хребта, не встречается. Что касается *Ranunculus helenae*, то это миниатюрное растение, встречающееся по окраинам тающего снега, представляет собою в высшей степени любопытный вид, резко отличающийся от других видов *Ranunculus* всем своим *habitus* 'ом; по мясистым корням, собранным пучком при основании стебля, и по простым овально-сердцевидным листьям он несколько напоминает *Ran. ficaria*, но отличается от него пятерным (пятилепестковым. — **Ред.**) типом цветка.¹

Чем объяснить такое странное, изолированное (в ботаническом отношении) положение Бзыбского хребта, не знаю. Быть может, его геологическим строением. Бзыбский хребет весь образован юрскими известняками, которые только в нижних частях хребта подстилаются юрскими

¹ Описание этих новых форм смотри в моей статье: «Описание новых видов растений, найденных в Абхазии в 1889–1890 г.» (Труды Одесского Отдела Российского Общества Садоводства, 1890 г.).

же песчаниками, — а известняковые хребты, как известно, резко разнятся по своей растительности от гранитных и сланцевых (сравн. Швейцарскую юру). Растительность альпийских лугов Бзыбского кряжа поражает своею пышностью и разнообразием. Растения, правда, здесь не достигают такой громадной величины, как на жирных гранитных почвах, но зато гораздо изящнее их по своей окраске и *habitus* у.

На Бзыбском же кряже, именно на южном склоне его, можно наблюдать необыкновенно высокое поднятие некоторых вечнозеленых растений, свойственных теплому климату, главным образом лавровишни. Это чисто средиземноморская форма забегает здесь отдельными кустами даже на альпийские луга, за границу леса.

Бзыбский кряж представляет собой типичный известняковый хребет с многочисленными провалами, так называемыми «колодцами» и «воронками», из которых некоторые достигают чрезвычайной глубины. Он весь как бы изрыт ямами, на дне которых обыкновенно лежит снег, и представляется вообще чрезвычайно диким и негостеприимным. Это обстоятельство в связи с постоянными туманами и дождями, господствующими на хребте, не позволяет долго засиживаться на нем и заставляет волей-неволей выбираться отсюда куда-нибудь в более приветливое место. Вероятно, эта негостеприимная природа Бзыбского кряжа побудила абхазцев поставить на перевале Дзина, ведущем на северную сторону кряжа, жертвенник, на котором каждый переваливающий хребет кладет разные приношения вроде монет, цветных лоскутков и проч. для умилостивления духа гор, который в противном случае может наслать туман и погубить нечестивого путника.

Северный склон по лесной растительности резко отличается от южного. Между тем как южный склон покрыт почти чистым буковым лесом (ель встречается лишь по глубоким ущельям), северный же — порос смешанным лесом из бука, восточной ели и нордманновской пихты. Ниже, начиная тысяч с 4–5 м, попадаются клен, каштан, самшит с подлеском из боярышника, черной бузины, понтийского рододендрона, остролиста и лавровишни. Еще ниже встречаются фруктовые деревья (вишня, яблоня, слива), затем — липа, кизил и другие породы. Граница леса на северном склоне представляет большее разнообразие по составу образующих ее

пород, чем на южном: кроме кустарникового бука, рябины, ивняка и *Daphne pontica*, входящих в состав ее на южном склоне, здесь встречаются еще береза, орешник, *Viburnum lantana*, *Daphne mezereum*, *Rhamnus alpine var. colchica* (Kuzn.) и высокогорный клен (*Acer trautvetteri*).

На границе леса поражает необыкновенно пышно развитой бурьян, который образован здесь не из щавеля, зонтичных, лилий, колокольчиков и проч., как на гранитных почвах, а из красивых, с великолепными цветами, водосборов (*Aquilegia olimpica*), аконитов (*Aconitum orientale*), *Veratrum* 'а, *Alchemilla vulgaris* L., *Valeriana alliariifolia* и других. От перевала Дзина идет спуск в долину реки Бзыби, к мосту Ахацха. Спуск этот, так называемая воровская тропа, по которой абхазцы гоняют краденых лошадей, невообразимо скверный, и я удивляюсь, каким образом по нему проводят лошадей, когда он едва доступен даже для человека. Достаточно сказать, что несколько верст приходится спускаться по пересохшему ложу потока, усеянному острой известняковой галькой и имеющему уклон не менее 35°–40°. Что касается Ахацха (в переводе значит «мост владетеля»), то это место представляет собой один из поразительнейших уголков Абхазии, подобного которому редко где можно встретить. Дело в том, что ущелье Бзыби в этом месте настолько сужается, что образуется чрезвычайно глубокая и узкая теснина, или вернее, даже не теснина, а щель (ибо она имеет всего сажени полторы–две в ширину) с совершенно отвесными стенами саженей 30–40 вышиной, на дне которой бежит быстрая Бзыбь. Последней даже и не видно сверху из-за глубины и узости ущелья, и она дает знать о себе лишь глухим рокотанием. Через эту щель переброшен очень прочно устроенный мостик. Дорога, высеченная в скале, некоторое время идет вдоль самого края обрыва, и необходимо соблюдать большую осторожность, чтобы не упасть в зияющую под ногами бездну.

Тот, кто видел Бзыбь ниже и выше Ахацха, никак не поверил бы, что такая значительная горная речка могла течь в таком узком ущелье. Ущелье настолько узко, что скалы, расположенные на противоположных берегах, чуть не касаются друг друга и геологические наслоения одних составляют непосредственное продолжение геологических наслоений других. Вообще это ущелье представляет типическое промывное ущелье (cluse Desora).

Близ Ахацха находился знаменитый некогда владельческий сад, от которого теперь сохранились следы в виде многочисленных плодовых деревьев: яблони, вишни, сливы. Замечательно также, что близ Ахацха в лесу вместе с *Smilax* 'ом встречается малина (*Rubus idaeus*). Первая форма, как известно, свойственна исключительно низшим регионам гор, вторая — чисто высокогорная форма. От Ахацха мы прошли к реке Пшице, впадающей в Бзыбь с правой стороны, и, перейдя через нее, стали подниматься на гору Чбахуитархырта, составляющую начало хребта Арыхуа.

Преобладающие лесные породы здесь те же, что и на спуске с Дзина. Граница леса также состоит из бука, орешника, рябины, к которым присоединяются еще пихта и ель, нашедшие, вероятно, здесь для себя благоприятные условия и потому забравшиеся так высоко. За границей леса начинается бурьян из гигантских борщевников (*Heracleum pubescens*), лилий (*Lilium monadelphum*), аконитов, телекий (*Telekia speciosa*), *Campanula lactiflora* и др. типических подальпийских трав, к которым здесь присоединяются еще сорные травы, занесенные сюда скотом: Ларра, крапива, щавель, папоротник-орляк и др. Альпийские луга Чбахуитархырта не представляют ничего особенного — те же типичные альпийские растения, что и на других горах: *Betonica grandiflora*, *Aster caucasicus*, *Myosotis alpestris*, *Anemone narcissiflora* и *sulphurea*, *Geranium amethystinum* и проч., к которым здесь присоединяется интересный, по-видимому новый вид, *Psephellus*.

Скалы хребта, по которому далее идет дорога, поросли кавказским рододендромом, можжевельником-стланцем и разными миниатюрными растеньицами снежной зоны: *Campanula tridentata*, *Gentiana pyrenaica*, *Sedum tenellum*, *Saxifraga exarata*, *sibirica* и *laevis*, *Androsace villosa*, *Sempervivum pumilum* и др. Дойдя по хребту Арыхуа до горы Анчха, представляющей отдельную вершину его, мы стали спускаться в долину Лашпсы. Спуск ничего особенного в ботаническом отношении не представляет: за альпийскими лугами следует бурьян, затем — лес, состоящий почти исключительно из пихты и ели. На самой реке Лашпсы встречаются густые заросли высокогорного клена, рябины и горной смородины (*Ribes petraeum*). Некоторое время мы шли бурьяном по берегу Лашпсы

и затем, дойдя до места впадения в нее речки Пыв, повернули к северо-западу по направлению к другому притоку Лашпсы — Уадхаре (Одохара на пятиверстной карте).

Дорога к Уадхаре идет прекрасным пихтовым лесом. Берега Уадхары в нижнем ее течении также поросли пихтовым лесом. Далее же они представляют альпийские луговины, чередующиеся с небольшими перелесками из бука и орешника. На правом берегу Уадхары, верстах в трех от впадения ее в Лашпсы, находится минеральный источник (показанный и на пятиверстной карте) с превосходною, насыщенною углекислым газом водою, напоминающей вкусом зельтерскую. Пройдя некоторое время вдоль берега Уадхары, мы стали подниматься на хребет, на котором она берет начало, и который вместе с тем составляет водораздел бассейнов Мзымты и Бзыби. Невысокий перевал Ахыхудаара, едва достигающий лесной границы, незаметно переводит нас в долину Мзымты.

Вид на нее с перевала необычайно красив. Она видна отсюда как на ладони. В глубине ее чернеют пихтовые леса. Справа возвышаются скалистые отроги Главного хребта, который сплошной стеной замыкает долину с северо-востока. Слева поднимается высокий (до 10 700 футов) продольный кряж Ацытаку (Дзитаку на пятиверстной карте), покрытый вечными снегами и ледниками, ограничивающий долину Мзымты с юго-запада.

За нами остался целый лабиринт абхазских гор, совершенно скрывших от нас море и культурную полосу Абхазии, от которой до перевала Ахыхудаара около трех или четырех дней пути. Границу леса на перевале Ахыхудаара составляют все те же типичные для нее породы: высокогорный клен, бук, орешник, рябина, береза. Береза вместе с кленом и ивняком (*Salix caprea*) образует небольшие рощицы и при спуске в долину Мзымты. Спуск этот был для нас настоящим отдыхом, так как долина Мзымты — гораздо более пологая в сравнении с долинами абхазских рек и дорога идет по ней очень недурная. Вскоре мы вступили в область леса, образованного здесь главным образом пихтой и буком. Достигнув Мзымты, мы направились к истоку ее — альпийскому озеру Мзымт-адзымч, или Кардывича, находящемуся у самого подножия Главного хребта. Дорога туда идет березовыми рощицами, к которым

примешивается местами рябина, высокогорный клен, орешник, кустарниковый бук, горная смородина, восточная жимолость и черемуха. Озеро, из которого вытекает Мзымта, не велико, но чрезвычайно красиво. Вода его голубая и чистая как кристалл. Это озеро питает небольшой ледничок, спускающийся с Главного хребта. Озеро окружают с трех сторон высокие горы — отроги и склоны Главного хребта, на которых видно несколько красивых водопадов. Истоки Мзымты представляют собой превосходные альпийские луга, поросшие сочными кормовыми травами, почему абхазцы особенно любят гонять сюда свой скот на пастьбу. Осмотрев озеро, мы вернулись назад и пошли далее вниз по течению Мзымты. Дорога наша шла сначала по альпийским лугам с разбросанными на них кое-где группами высокогорного клена, а потом начала спускаться в лес, состоящий главным образом из пихты с подлеском из орешника, восточной жимолости, кавказской черники и горной смородины. Верстах в шести от начала этого леса, в русле одного из притоков Мзымты — Арюаш, я наткнулся на несколько валунов, по-видимому, кварцитовых, с ярко блестящей в них рудой. Заинтересовавшись этой находкой, я стал внимательнее обследовать ложе Арюаш, и в какие-нибудь полчаса мне удалось собрать массу других подобных же рудоносных валунов. Очевидно, рудное месторождение было где-то здесь неподалеку, ибо некоторые валуны достигали громадной величины. Понятно, что они не могли быть принесены издалека¹. Так как нам нужно было очень спешить (у нас съестные припасы все вышли, а до поселений оставалось еще добрых два дня пути), то я не стал исследовать рудное месторождение, отложив это до более удобного времени, и пошел дальше. Вскоре дорога наша вступила в густой подальпийский бурьян, в котором мы и потерялись совершенно. Так как не было никакой надежды разыскать дорогу в бурьяне, то мы решили подняться на Главный хребет и идти альпийскими лугами. С этой целью мы направились в небольшое ущелье, спускающееся с Главного хребта верстах в пяти ниже реки Арюаш, и поднялись по нему на Главный

¹ Руда эта, по анализу, любезно произведенному лаборантом Новороссийского университета М. Д. Сидоренко, оказалась состоящей из смеси свинцового блеска с антимонитом.

хребет. В конце этого ущелья мы встретили железистый источник; вода его газа не содержала и была неприятного вяжущего вкуса. На альпийских лугах Главного хребта мы нашли пастухов, которые нас очень любезно приняли и снабдили съестными припасами. Переночевав у них, мы отправились далее. Некоторое время, верст пять, мы шли альпийскими лугами. Среди преобладающих здесь растений (кроме обычных *Betonica grandiflora*, *Geranium amethystinum*, *Hedysarum obscurum* и др.) еще распространено в огромном количестве мотыльковое *Coronilla cappadocica*, а также *Linum hirsutum*. Достигнув небольшого поперечного отрога Главного хребта, вслед за которым долина Мзымты быстро понижается, мы стали спускаться с альпийских лугов к Мзымте. Едва мы начали спуск, как опять потеряли дорогу в густом бурьяне. Я нигде в Абхазии не видел бурьяна, который достигал бы такого мощного развития, как на Мзымте. Здесь он представляет собой настоящий лес. Травы достигают высоты более сажени и совершенно скрывают за собой человека. Особенно гигантской величины достигают гераклеумы и другие зонтичные — акониты (*Aconitum orientale* и *A. variegatum*), живокости (*Symphytum asperrimum*) и какавказские лилии (*Lilium monadelphum*). В этом бурьяне я нашел также новый вид *Delphinium* 'а, который здесь весьма обыкновенен, но в других местностях мне не встречался.

Я позабыл упомянуть, что еще раньше, близ места слияния рек Пыв и Лашпсы, я нашел другой новый вид *Delphinium* 'а. Он крайне оригинальный — с крупными белыми благовонными цветами, собранными раскидистой метелкой, несколько напоминающий *D. corymbosum* Rgl, и резко разнится от всех других известных нам видов *Delphinium*.

Наконец, нам удалось кое-как пробраться через чащу бурьяна и достигнуть леса. Но здесь начались новые затруднения. В лесу мы также никак не могли найти дороги, вследствие чего нам пришлось идти по нему наудачу. Лесная чаща была настолько густа, что приходилось в ней прорубать себе дорогу кинжалом, а местами — даже ползти ползком под деревьями. Наконец, после многих испытаний нам удалось достигнуть урочища Ачхипсоу.

Под именем Ачхипсоу известны поляны по среднему течению Мзымты, на которых некогда стояли аулы воинственного абазинского племени — медовеевцев. Теперь от этих аулов не осталось и следа. Всякий, кто читал поэтические «Воспоминания кавказского офицера» фон

Торнау, в которых в таких заманчивых красках описывается Ачхипсоу, наверное, с грустью остановится на этих безлюдных полянах, поросших «терниями», что сменили некогда цветущие здесь сады и оживленные аулы, раскиданные среди них.

Теперь от прежних садов остались только отдельные группы грецких орехов и разных плодовых деревьев, преимущественно вишни, черешни, яблони и сливы. Автор «Воспоминаний...» совершенно прав, когда говорит, что нет в Абхазии места красивее Ачхипсоу: это поистине райский уголок Абхазии. Правда, поляны на среднем течении Бзыби могут соперничать по красоте с Ачхипсоу. Но зато там местность носит более суровый и дикий характер, между тем как здесь гранитные и сланцевые почвы сообщают местности более мягкий колорит. Горы здесь далеко не так обрывисты и неприступны, как на Бзыби, и на них очень много зелени и мало скал.

Вскоре нам удалось набрести на дорогу, которая привела нас к углекислому источнику, находящемуся близ впадения в Мзымту реки Пслух и ничем не отличающемся от такого же источника на реке Уадхаре. Вслед за тем дорога пошла берегом Мзымты. Пройдя по ней еще верст десять, мы достигли первых человеческих поселений — колоний эстонцев. Несколько дальше, в том месте, где Мзымта образует крутое колено, поворачивая на юго-запад, находится греческое селение Романовское (Губаа).¹ Отсюда до берега моря остается всего верст 60. От Романовского к местечку Адлер, что на берегу моря, проложена превосходная вьючная дорога, путешествие по которой нам казалось прогулкой после тех ужасных передрыг, что пришлось испытать на абхазских дорогах. Единственным затруднением, встретившимся нам на этой дороге, был перевал Ахцу (3495 м), не столь высокий, сколько крутой, и вдобавок совершенно безводный. В течение пятичасового перехода нам не встретилось ни одной капли воды, а кто путешествовал в горах, знает, какво это лишение.

Растительность местности между Романовским и Адлером почти ничем не отличается от растительности низменностей и предгорий Абхазии. То же преобладание граба, дуба и ольхи внизу и бука и каштана на более возвышенных местах.

¹ Это приводится прежнее название Красной Поляны (Кбааде или Кбаа). — З. А.

Достигнув Адлера, мы затем береговой дорогой возвратились в Гудауты. По пути мы посетили Гагры и Пицунду, в окрестностях которых сделали несколько экскурсий. Растительность между Адлером и Гаграми представляет между прочим тот интерес, что здесь на самом берегу моря встречаются заросли прутняка (*Vitex agnus castus*) и ладанника (*Cistus creticus*) — чисто средиземноморских форм, которые вместе с лавром, держи-деревом и барбарисом, образуют здесь характерную растительную формацию берегового кустарника, до некоторой степени аналогичную средиземноморскому маквису. По скалам близ Гагр встречается также отдельными группами приморская сосна (*Pinus maritima*)¹ — дерево, редкое в Абхазии. Оно встречается только здесь и в Пицунде. Около последней она образует небольшую рощицу на берегу моря. Дорога от Гагр до Гудауты идет по культурной полосе и не представляет ничего особенного.

В первых числах июля, по предложению моего знакомого — начальника Гудаутского участка Кара-Мурзы, я отправился на гору Апшру, чтобы обследовать находящееся там рудное месторождение, принадлежащее названному лицу. Гора Апшра представляет собою перемычку, соединяющую перевал Быкъ-лбгалара с горой Ахибаху, одной из вершин Бзыбского кряжа. Место это было мне довольно знакомо, так как поблизости от него я бывал уже раза два. Однако, рассчитывая найти здесь какие-нибудь новые растения, которыми вообще так богат Бзыбский хребет, и, кроме того, заинтересовавшись представлявшейся мне возможностью познакомиться с характером залегания руды, я отправился туда снова. В моем распоряжении было трое рабочих с необходимыми инструментами и достаточное количество пороха. С такими средствами я мог произвести обстоятельные разведки, и мне удалось открыть превосходную залежь руды, которую я проследил на значительном протяжении. Руда эта, по определению М. Д. Сидоренки, представляет частью чистый свинцовый блеск, частью антимонит, частью же минералы, переходные между ними: брунонит, цинкениит, джемсонит. Залегаёт руда в красных известковистых песчаниках и песчанистых известняках, составляющих

¹ *Pinus maritima* – так Альбов назвал *Pinus pithyusa* Stev. — З. А.

нижний этаж юрской формации и соответствующих лейасу и, быть может, доггеру.

Эти песчаники заключают местами небольшие кусочки горной смолки и бурого угля, многочисленные конкреции известкового шпата и серного колчедана. Последний вместе с образующимся из него бурым железняком почти постоянно сопутствует руде. Руда залегает не гнездами и не жилами, а скорее имбибирует породу. Иногда порода до такой степени насыщена рудой, что представляет как бы сплошной рудный пласт, иногда же руда встречается в породе лишь в форме небольших вкраплений.

Нередко случается, что богатейший рудный пласт внезапно переходит в породу. Найденное мною месторождение находится в ущелье, спускающемся с северной стороны Апщры в долину реки Решавья, левого притока Бзыби. Но руда встречается (только менее богатыми залежами) также и в других местах на горе Апщре, исключительно в красных известняковых песчаниках, и реже — в заменяющих их известняках. Совершенно подобная же руда, или, по крайней мере, близкая к ней по составу, была найдена на горе Дзышре, лежащей по ту сторону Решавья, в нескольких часах перехода от Апщры. Там она даже составляет в настоящее время предмет эксплуатации (образовавшейся недавно бельгийской компании). Залегает она там в совершенно таких же геологических напластованиях, как и на горе Апщре.

На горе Апщре я пробыл дней семь, и в это время успел обстоятельно познакомиться с растительностью ее. Особенного ничего она не представляет. Альпийские луга имеют тех же представителей, что и на Бзыбском кряже, лес на южном склоне исключительно буковый, а на северном состоит главным образом из пихты и ели.

В середине июля я собрался в новую экскурсию на Мзымту. На этот раз я хотел более тщательно обследовать найденное там мною рудное месторождение, а также более обстоятельно познакомиться с растительностью Главного хребта, на котором предполагал провести несколько дней.

На этот раз я избрал другую дорогу, более удобную, именно — через Псху, ввиду того, что я хотел взять с собой лошадь. На Псху я спустился через перевал Быкъ-лбгалара и затем пошел вниз по течению Бзыби, по прекрасным полянам, которые были некогда местами абхазских поселений. Здесь в настоящее время господствует такая же мерзость за-

пустения, как и на Ачхипсоу. Тем не менее, местность остается все-таки замечательно красивой, чему, разумеется, содействуют необыкновенно величественные горы, замыкающие долину Бзыби с боков. Достигнув реки Баула, впадающей в Бзыбь с правой стороны, мы повернули в ее долину и продолжали идти некоторое время по таким же ровным полянам, чередовавшимся с ореховыми и осиновыми рощицами. Среди густых зарослей сорных и луговых трав, покрывающих эти поляны, возвышались группы грецких орехов и разных плодовых деревьев. Наконец, мы достигли места, где долина Баула начинает сильно сужаться и повышаться. Мы продолжали подниматься по ущелью Баула, пока, наконец, не достигли истоков его. Баул берет начало на невысоком отроге Главного хребта, который в виде перемычки связывает упоминаемую выше гору Ачха с одной из вершин Главного хребта — горой Курdziшха. Этот отрог служит водоразделом рек Баула и Лашпсы. Начиная с верховьев Баула, мы вступили в область развития аспидных и глинистых сланцев. В этих сланцах попадаются большие желваки и жилы кварцита, местами загрязненного водной окисью железа, местами же переходящего в прекрасный, чистый молочный кварц с гнездами горного хрусталя. Эти сланцы слагают также и близлежащие горы, представляющие отроги Главного хребта. Перевал Ахыхудаара (с Лашпсы на Мзымту) также сложен глинистыми сланцами.

Достигнув перевала Пыв (так называется перевал, ведущий с верховьев Баула на Лашпсы), мы спустились в долину Лашпсы, а оттуда прежней дорогой прошли через перевал Ахыхудаара на Мзымту. На Мзымте мы не останавливались, а прямо направились вниз по течению к месту впадения в нее реки Арюаш.

На Арюаш я решил сделать привал и начать свои исследования отсюда. В первый день я успел обследовать только нижнее течение Арюаш. На следующий день мы вышли из лагеря и, пройдя несколько верст далее за Арюаш, поднялись на альпийские луга, неподалеку от упоминаемого выше железистого источника. Узнав от находившихся там пастухов, что отсюда можно смело даже с лошадей подняться на самый гребень Главного хребта, мы решили подняться на гребень и идти затем по нему до самых истоков Арюаш. Мы планировали, достигнув их, спуститься вниз по течению Арюаш к месту нашей прежней стоянки. Таким образом мы

имели бы возможность исследовать строение пород, слагающих Главный хребет на протяжении всего течения реки Арюаш. Так мы и сделали. За день мы однако не успели совершить всего предполагаемого пути, и ночь захватила нас в альпийской котловине, близ гребня Главного хребта. Ночью со снежных высот Главного хребта поднялся страшно холодный ветер, от которого не спасали даже бурки. Несмотря на то, что мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, всю ночь мы дрожали от холода, который исчез только с появлением солнца. На следующее утро мы поднялись на самый гребень Главного хребта, откуда открылся перед нами величественный вид: с одной стороны — на Кубанскую область, а с другой — на горы Абхазии и Черноморского округа. На кубанской стороне один за другим теснились высокие хребты, за которыми далеко-далеко виднелись в виде туманной полосы Кубанские степи. На Черноморской стороне виднелся беспорядочный лабиринт гор, за которыми расстиралось вдали подернутое туманной дымкой море. Так как идти по хребту с лошастью оказалось невыполнимым, то мы лошадь отправили по альпийским лугам, а сами пошли вдоль гребня, тщательно исследуя попадавшиеся породы и вместе с тем гербаризируя.

Главный хребет сложен в этом месте (т. е. между горами Аишха и Бырдаза) исключительно аспидными сланцами, которые несколько ниже гребня прорываются гранитами, а также и другими огненными породами, ближе пока не определенными. На горе Бырдаза в аспидных сланцах залегают массивы какой-то зеленокаменной породы с узкими кварцевыми жилами, в которых нередко встречается медный колчедан. Руда, которую я нашел внизу на Арюаш, залегает в совершенно таких же кварцевых жилах и в подобных же породах, но я тщетно искал ее здесь.

Что касается растительности гребня Главного хребта, то она образована здесь миниатюрными растеньицами снежной зоны — главным образом *Saxifraga exarata*, *S. carthilaginea* и *S. laevis*, *Sedum tenellum*, *Alsine recurva*, *Sibbaldia parviflora*, *Ranunculus suaneticus* Rupr., *Sempervivum pumilum* M. B.

Растительность альпийских лугов ничего особенного не представляет. Ниже, близ границы леса, на них встречается масса казацкого можжевельника (*Juniperus sabina*), можжевельника-стланца (*J. nana*), *Cotoneaster nummularia*, разных альпийских роз (*Rosa mollissima* и *iberica*

v. pumila), малины, черники и альпийской смородины (*Ribes alpinum*), а на самой границе леса вместе с рябиной, альпийской смородиной и черной калиной (*Viburnum lantana*) встречена была мною между прочим дикая черешня. Последнее дерево, несмотря на такую высоту (около 6000 футов) приносило вполне зрелые плоды. Пройдя некоторое расстояние вдоль по гребню, мы стали спускаться к реке Арюаш. Неподалеку от места нашей прежней стоянки, именно в том месте, где сливаются все три истока Арюаш, мы заночевали и на следующий день отправились в новую экскурсию — к верховьям главного истока Арюаш, берущего начало на Главном хребте близ горы Лайуб. Идя вверх по течению Арюаш по неглубокой долине, мы незаметно поднялись на гребень Главного хребта, который тщательно обследовали.

Здесь развиты те же породы, что и на горе Бырда. В них я нашел в небольшом количестве руду вместе с серным колчеданом и бурым железняком. На другой день я обследовал два других истока Арюаш, и мне удалось найти богатые залежи руды. Надо сказать, что русла правых истоков Арюаш резко разнятся по своему характеру от русла главного истока ее: несмотря на то, что каждый из правых истоков почти втрое короче последнего, русла их необыкновенно глубоки. Эти русла даже мало напоминают русла речек. Спрашивается, откуда могла взяться масса воды, которая промыла такие глубокие русла (саженей 20–30 местами) и нагромодила в них такие громадные валуны?

Я тщательно обследовал все попадавшиеся валуны и сравнивал их с близлежащими породами, залегающими выше истоков. С последними они совсем не имели сходства, но зато представляли большое сходство с теми массивами огненных пород, которые залегают в глинистых сланцах по бокам русел обоих правых истоков Арюаш. Следовательно, они были оторваны от этих последних. Но какая же сила могла оторвать эти громадные валуны и прорыть такие глубокие русла? Несомненно, это мог сделать только ледник. По всей вероятности, это был фирн-глетчер, круто спускавшийся с Главного хребта в долину Мзымты. К такому заключению, по крайней мере, приводит весь общий вид русла реки Арюаш, совершенно загроможденного валунами, расположенными вдобавок грядами, очень напоминающими боковые морены.

На этом я и закончил свои геологические обследования реки Арюаш и немедленно после этого собрался в обратный путь. До перевала Пыв мы шли той же дорогой. Но отсюда решили попробовать пройти иначе — через гору Анчха. Дорога все время идет по альпийским лугам этой горы, и гораздо менее удобна, чем дорога по Баулу. Перевалив Анчху, она переходит на отрог этой горы, составляющий водораздел бассейнов реки Пшица и правых притоков Баула. Отсюда начинается очень неудобный спуск — сначала по густому бурьяну, а затем по частому смешанному лесу — в долину Бзыби, именно — в урочище Рыгдза. Достигнув урочища Рыгдза, мы уже обычным путем, через Псху, вернулись в Гудауты.

6 августа я предпринял свою четвертую и вместе с тем последнюю экскурсию. Я задумал пробраться на Марухский перевал, чтобы оттуда спуститься в Кубанскую область и через Клухорский перевал вернуться обратно в Абхазию. В эту экскурсию я отправился в многочисленной компании, состоявшей из сухумского лесничего фон Дервиза и его помощника Мурзина, студента Харьковского университета Гиршмана и двух немецких путешественников — Дика и фон Клинга. Но из всей этой компании Марухского перевала удалось достигнуть лишь мне и студенту Гиршману с двумя проводниками: все остальные отстали по дороге вследствие болезни или утомления. Этот факт достаточно ясно говорит о том, какие трудности приходилось преодолевать нам по пути. Достигнув Цабала, мы стали подниматься на хребет, составляющий водораздел притоков Кодора—Амткяла и Амткяла—Ачадары.

Мы шли по известной скотопогонной тропе, по которой туземцы гоняют свой скот на альпийские пастбища Лыхты, Куламбы, Ачадары и других гор, соседствующих с Главным хребтом. Дорога поэтому была сравнительно недурная, хотя наши спутники-немцы отказались идти дальше, едва достигнув горы Лыхты, составляющей высший пункт поднятия упомянутого хребта (около 8000 футов). Растительность хребта не представляет ничего особенного. Весь хребет до горы Лыхты покрыт прекрасным девственным лесом, главным образом буковым. Выше попадает пихта. На границе леса, между другими, обычными для этой полосы породами, мы нашли понтийский дуб и новую для Кавказа разновидность *Sorbus aria* — *var. concol*. На горе Лыхта начинаются альпийские луга, растительность которых не представляла для нас ничего нового за

исключением красивого вида шафрана — *Crocus scharojanii*, который местами образовывал сплошной оранжево-желтый ковер.

Что касается геологического строения хребта, то он образован в нижних своих частях плотными юрскими известняками и красноватыми песчаниками. Выше попадаете любопытный раковистый известняк, состоящий почти сплошь из периней (по мнению Н. И. Андрусова он относится к юрской или меловой формации), а на самой горе Лыхта господствуют изверженные породы, именно — мелофир и новейшая лава (Лыхта, как известно, считается потухшим вулканом). От горы Лыхта начинается чрезвычайно крутой и скверный спуск к верховьям реки Джампал — Амткялу. Этот спуск носит название Пардгял. На Пардгяле сильно развиты древние огненные породы, именно — граниты снежно-белого цвета и тонкозернистого строения, прорывающие глинистые, аспидные и кровельные сланцы. Эти сланцы, вместе с залегающими в них массивами гранитов и разных вулканических пород, слагают все горы, лежащие между Пардгялом и Главным хребтом. С верховьев Джампала — Амткяла начинается очень крутой подъем на гору Куламбу. На горе Кулаambe мы встретили близ границы леса, на высоте приблизительно от 6000 футов, значительные насаждения понтийского дуба (*Quereus pontica*). Он оказывается весьма распространенной породой в лесах Абхазии [я встречал его ранее еще на перевале Ачавчара (по дороге к Псху)], на Главном хребте близ перевала Санчара и, как я уже упомянул выше, на горе Лыхта.

Начиная с Кулаамбы путь наш пошел уже исключительно альпийскими лугами. Мы шли по склону хребта Теймаз. Дойдя до истоков реки Амткял — Ачадара, мы обогнули хребет и перешли на верховья реки Адзгары, притока Кодора, которые отделяются от Ачадары лишь небольшой плоской возвышенностью. Достигнув Адзгары, мы вступили в область леса, начинающегося здесь зарослями кустарникового бука, березы и понтийского дуба, между которыми попадают также можжевельник (*Juniperus communis*), черника, малина и костяника (*Rubus saxatilis*). Дальше идет превосходный пихтовый лес, очень редкий и чистый, напоминающий скорее парк, чем лес. Недалеко от его начала, на левом берегу Адзгары, находится железистый источник с водой сильно вяжущего вкуса. Достигнув места слияния Адзгары с рекой Марух, мы перешли на другой берег Адзгары и направились далее вверх по Маруху, который берет начало на самом Главном хребте. В скором времени мы достигли подножия

Главного хребта и продолжали подниматься дальше по ущелью реки Марух, очень широкому и пологому.

Невдалеке от начала ущелья есть прелестный водопад: вода низвергается здесь с высоты пятнадцати саженей широкой струей, разбиваясь при падении в мелкую пыль. Пройдя границу лесной полосы, приходится еще некоторое время подниматься по альпийским лугам. Затем начинается подъем на Марухский ледник. Конечная морена его очень велика и трудно проходима. По самому же леднику идти сравнительно легко. Мешают только частые трещины во льду, из которых некоторые достигают значительной глубины. Кроме того, на леднике встречается масса так называемых колодцев, очень глубоких и чрезвычайно опасных. Лед на поверхности матово-белый, а в трещинках — прелестного голубого цвета. Внизу ледник завален массой камней, которые совершенно маскируют его; сверху же — сравнительно чистый. Ледник полон шумного оживления: по всей его поверхности струятся с мелодическим журчанием многочисленные ручейки, которые прорывают во льду неглубокие канавки. По леднику мы шли полтора часа и прошли его весь, вплоть до начала его из фирнового поля. Здесь мы начали подниматься на перевал, возвышавшийся перед нами крутой невысокой стеной. Подъем сравнительно легкий, и мы одолели его всего в двадцать минут.

С перевала открывается превосходный вид на горы Абхазии. Прямо напротив возвышается обрывистый хребет Теймаз, сверкающий своими ледниками. Направо и налево возвышаются скалистые отроги Главного хребта, также покрытые вечными снегами и ледниками. На кубанской стороне ближние высокие горы закрывают вид; рельефно обрисовывается только широкая и прямая как стрела долина реки Маруха, ограниченная с боков высокими хребтами.

Главный хребет сложен здесь главным образом различными огненными породами: гранитами, сиенитами, лавами, гринштейнами, а также слюдяными и хлоритовыми сланцами. С перевала мы стали спускаться скверной скалистой тропинкой в долину, где лежит огромный Марухский ледник. Марухский ледник, по словам нашего знатока ледников Динника, самый большой в Кубанской области, и среди Кавказских ледников занимает четвертое место. Питает ледник огромное снежное поле, лежащее в обширном кратерообразном цирке к востоку от перевала. Мы

спустились приблизительно на среднюю часть ледника, и несмотря на это нам пришлось идти ледником не менее трех часов прежде, чем мы достигли его конца. Марухский ледник имеет чрезвычайно угрюмый и дикий вид. На наше несчастье, при спуске поднялся вдобавок сильный туман, скрывший от нас окрестные горы. За туманом нам ничего не было видно, кроме бесконечного ледяного пространства с рассеянными по нему обломками скал. В более или менее глубоких канавках или кривассах бежали ручейки, и бурлила вода в глубоких мельницах и колодцах. Трудно было представить себе картину более дикую и неприветливую: настоящая полярная пустыня. Дойдя до конца ледника, мы были вынуждены перевалить через огромную конечную морену или, вернее, через несколько конечных морен, возвышавшихся одна за другой в виде высоких валов и указывавших на постепенное отступление ледника. Затем мы вступили на куполообразные возвышения, покрытые альпийской растительностью и представлявшие собою типичные *domes arrondis*, образованные преждею деятельностью ледника.

После этого дорога пошла по долине Маруха, вдоль ее левого берега, и ничего особенного не представляла. Пройдя по ней верст десять, мы достигли лесной границы. Если альпийская растительность северного склона Главного хребта пока не представляла для нас заметных отличий, то разница в лесной растительности северного и южного склонов резко бросалась в глаза. Границу леса здесь составляли сосны (*Pinus silvestris*) и небольшие заросли березы и ивняка. Сосна, как известно, в Абхазии встречается довольно редко;¹ здесь же она образовывала сплошные насаждения.

Здесь у нас случилось неприятное приключение: карачаевские пастухи украли наших лошадей. Мы должны были потерять целый день на разыскивание их и выдержать с пастухами целое словесное сражение, при этом чуть было не пришлось пустить в дело оружие. Далее мы продолжали путь благополучно.

Пройдя еще верст десять по ущелью, мы взяли проводника из карачаевцев, и с ним направились к верховьям реки Теберды — одного из притоков Кубани, чтобы оттуда пройти на Клухорский перевал. Нам пришлось перевалить два высоких хребта (до 8 000 футов каждый), которые

¹ По рекам Чхалте и Кодору, на Бзыбском хребте, на г. Мамзышха.

представляли собой поперечные отроги Главного хребта, отходившие от него почти под прямым углом. С этих отрогов превосходно виден Эльбрус, находящийся отсюда по прямой линии всего верстах в семидесяти. Отсюда он представляется в виде круглой снежной шапки с двумя черными скалистыми вершинами. Двуглавой формы его отсюда, к сожалению, нельзя видеть, так как он представляется в профиль. Горы, по которым нам пришлось идти, образованы почти исключительно темно-бурыми кварцевыми конгломератами; издали они кажутся красными. Поражает необыкновенная мягкость очертаний кубанских гор в сравнении с абхазскими. Вероятно, это зависит отчасти от состава слагающих их горных пород, которые не так легко выветриваются, отчасти — от более сухого климата Кубанской области.

В состав леса, покрывающего ущелья рек Аксаут, Марка и Муху, который нам пришлось пересекать, входят не только упомянутые выше сосна и береза, но и в качестве существенного элемента — черемуха. Вместе с разными кустарниками — [(альпийской и горной смородиной (*Ribes-alpina et petraea*), черной калиной (*Viburnum lantana*), крыжовником и барбарисом)] все это образует обширные и труднопроходимые заросли.

На реке Муху, на высоте 5 000 — 6 000 футов, к лесу присоединяется нордманновская пихта, а ниже — дуб, бук, каштан и плодовые деревья (яблоня, груша, черешня). На реке Теберде близ впадения в нее Муху господствует смешанный лес, состоящий преимущественно из сосны, тиса, бука и других пород, к которым пихта примешивается лишь отдельными деревьями. Далее же по Теберде идут прекрасные чистые насаждения пихты.

Достигнув Теберды, мы пошли вверх по долине ее, по направлению к Клухорскому перевалу. Здесь идет прекрасная верховая дорога, проложенная недавно правительством и пока еще не доведенная до конца (осталось доделать еще верст пять)¹. На Клухорском перевале она соединяется с такой же дорогой, идущей к перевалу из Сухума. Долина Теберды необычайно красива. Она очень широка (не менее версты шириной)

¹ Она начинается от г. Баталпашинска (ныне Черкесск. — З. А.). Почти на всем протяжении (за исключением только последних 30 верст к перевалу) она доступна езде в экипажах.

и вся поросла превосходным высокоствольным хвойным лесом. С боков долина ограничивается высокими хребтами, увенчанными на вершущке причудливыми скалами, напоминающими развалины замков. С юга долину замыкает одетый вечными снегами и ледниками Главный хребет, на котором особенно рельефно обрисовывается одна конусообразная снежная вершина (Домбай—Ульген). Вообще долина Теберды, даже по словам знатоков Кавказа, представляет редкое по красоте место на Кавказе и ввиду легкой доступности смело может быть рекомендована туристам для посещения.

В последнее время сюда начали направлять некоторых чахоточных больных, которые с успехом лечатся здесь. Воздух этой довольно высоко лежащей над уровнем моря долины (высота до 4 500 футов) необычайно чистый и живительно действующий на организм. Климат же сравнительно мягкий и сухой, и тех ужасных лихорадок, которыми славится Сухум, здесь нет и в помине.

Для нас дорога к Клухорскому перевалу казалась приятным отдыхом после перенесенных нами трудностей. Хотя сам Клухорский перевал гораздо круче Марухского. Может быть, когда будет окончено строительство казенной дороги, на него будет легче подниматься; но теперь он показался нам гораздо более трудным для подъема, чем Марух. Считается, что высота Клухорского перевала около 9 500 футов. С него открываются грандиознейшие виды на Абхазию и Кубанскую область. Кругом теснятся высокие скалистые горные вершины (13 000 футов), на которых местами сверкают вечные снега и ледники. По уверению знатоков Кавказа, Клухорский перевал по своей красоте и грозному величию стоит неизмеримо выше знаменитой Военно-грузинской дороги. Последняя после него кажется будто бы игрушкой.

Клухорский перевал слагается частью обыкновенными белыми гранитами, частью пегматитом, в котором попадаются великолепные пачки мусковитовой слюды, достигающей величины в квадратных вершках. Пегматит нам встречался и раньше, в Кубанской области, верстах в пятнадцати от Клухорского перевала. На северном склоне, к востоку от перевала, с невысокой скалистой вершины спускается небольшой фирн-глетчер, питающий альпийское озеро, из которого вытекает Теберда.

По южному от перевала склону спускается ледник несколько большего размера, весь заваленный камнями, дающий начало Клычу, притоку Кодора. По этому леднику нам и пришлось спускаться в долину Клыча, так как на дороге в это время производились работы порохом и идти по ней было опасно.

Спустившись к Клычу, мы случайно наткнулись на расположившегося здесь лагерь итальянского путешественника, профессора ботаники Медико-физической академии во Флоренции — Эмиля Левье.

Сюда Эмиль Левье, оказалось, приехал из Сванетии, где он собрал значительные ботанические коллекции (с ним было около десятка выючных лошадей, нагруженных исключительно бумагой). Далее он направлялся в Кубанскую область, к Эльбрусу.

Дорога с альпийских лугов вскоре перешла в пихтовый лес, которым поросли склоны узкого и скалистого ущелья Клыча. Здесь я нашел три новых для Кавказа растения: два плауна *Lycopodium clavatum* и *L. annotinum* и один очень редкий папоротник — *Phegopteris robertiana*. В состав леса, кроме пихты, входят: бук, высокогорный клен, горный ильм (*Ulmus montana*), рябина, горная смородина, черная калина (*Viburnum lantana*), *Rhamnus alpina* var. *colchica* Kuzn. и другие породы. Начиная с высоты 4 000 футов пихта исчезает, хотя отдельные экземпляры ее попадаются и ниже (даже в долине Кодора, за Чхалтой), и лес состоит из бука и каштана с незначительной примесью других пород. Что касается геологического строения, то в начале ущелья Клыча господствуют слюдяные сланцы (биотитовые и мусковитовые), сильно пропитанные железом, с залегающими в них небольшими гнездами и прослойками кварца. С ними связаны изверженные породы: граниты с телесного цвета полевым шпатом и биотитовой слюдой и какая-то зеленокаменная порода, ближе пока не определенная. Ниже начинаются глинистые и аспидные сланцы, подстилающие юрские отложения.

Уже верстах в пятнадцати от перевала начинается прекрасная обработанная казенная дорога, которая спускается длинными и частыми зигзагами из ущелья Клыча в долину Кодора.

Выйдя в долину Кодора, дорога идет далее по прекрасным полянам, известным под названием Ажары, покрытым множеством плодовых

деревьев и служившим некогда местами поселений воинственного абхазского сообщества цебель. Затем, начиная от впадения в Кодор Чхалты, она идет по крутому берегу самого Кодора, в густом лесу, состоящему из бука и каштана. Начиная с Чхалты, мы вступили в область юрских известняков и песчаников, прорезанных местами выходами миндалекаменных и зеленокаменных пород. Расстояние от Чхалты до Латы (40 верст) мы легко сделали за один день. От Латы до Сухума идет очень хорошая верховая дорога, описанная уже многими путешественниками, поэтому о ней я распространяться не буду. 56 верст, отделяющие Лату от Сухума, легко пройти по этой дороге в один день.

ПРИМЕЧАНИЕ

Горные породы, собранные за лето 1890 г., определены главным образом профессором Новороссийского университета Р. А. Пренделем и лаборантом того же университета М. Д. Сидоренко, которым я и приношу свою благодарность.

*г. Одесса,
май 1892 года.*

Н. Альбов

СОСТОЯНИЕ САДОВОДСТВА В АБХАЗИИ¹

До сих пор еще, насколько мне известно, в литературе не появлялось систематического обзора садоводства в Абхазии. Между тем в последние годы садовое хозяйство Абхазии в руках опытных и сведущих людей достигло такой высокой степени развития, что по справедливости может быть поставлено наряду с лучшими садовыми хозяйствами Крыма. А во многих отношениях оно даже превосходит их.

Настоящей статьей (для составления которой послужили мои четырехлетние наблюдения) я намереваюсь пополнить означенный пробел.

Собственно говоря, правильное садоводство сосредотачивается исключительно в Сухум-Кале, главном городе провинции. Только здесь оно зиждется на рациональных началах и ведется людьми, знакомыми с делом. Все остальные садовые хозяйства страны ведутся самым рутинным образом и, естественно, ничего выдающегося представлять не могут (исключение может составить разве только садовое хозяйство Псырцхского монастыря), почему я и ограничусь лишь кратким упоминанием о них в конце статьи, где скажу также несколько слов о состоянии садоводства у туземцев-абхазцев².

¹ Из «Записок Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России» 1892 г., № 3. Одесса. 1892.

² Туземец — туземный, местный житель в противоп. приезжему, иностранцу. (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка).

Главным же предметом этой статьи мы изберем детальное обозрение садовых хозяйств Сухума, где имеются в культуре не только все туземные фруктовые и декоративные породы, но также и масса иноземных пород, преимущественно тропических и подтропических, которые все здесь удачно акклиматизировались. Правильное садовое хозяйство было организовано в Сухуме всего лет 40 тому назад, когда по почину начальника края генерала Раевского было положено начало Сухумскому Ботаническому саду, главным назначением которого была акклиматизация разных фруктовых и декоративных растений теплых стран. С тех пор до последнего времени развитие садоводства подвигалось вперед довольно медленно. Его тормозили главным образом непрерывные смуты, господствовавшие в стране. Не следует забывать, что Сухум почти три раза был разорен и разрушен почти до основания восставшими абхазцами, причем озлобленные против русских туземцы не пощадили и садов, безжалостно вырубая в них лучшие экземпляры. После каждого такого погрома приходилось заводить сады почти вновь, и надо только удивляться той быстроте, с какой они возобновлялись.

Секрет этого заключается в необыкновенной силе растительности, которая является следствием теплого и влажного климата Сухума. Представляя из себя котловину, окруженную с трех сторон горами, защищающими его от влияния холодных северных и восточных ветров, и в то же время открытую влиянию южных и юго-западных, которые оставляют здесь всю свою влагу, со средней годовой температурой в 15°, Сухум является своего рода теплицей, в жаркой и всегда насыщенной парами атмосфере которой находят себе приют растения подтропических и даже тропических стран.

Стоит взглянуть только на эвкалипты, катальпы, павловнии, мели, альбиции, которыми, вперемешку с гледичиями и белыми акациями, усажены улицы города, или на пышные кусты олеандров, лагерстремий и сирийской розы (*Hibiscus syriacus*), украшающие каждый садик, чтобы убедиться, что мы имеем здесь дело с совершенно своеобразным климатом. Тем более, что чуть немного севернее культура всех названных растений становится уже затруднительной. Указанные породы являются преобладающими в физиогномике растительности города. Кроме них

в садовой культуре Сухума встречаются кипарисы, туйи, магнолии, эриоботрии (последние ценятся столько же за свои великолепного вкуса плоды, сколько и за необыкновенно ароматные цветы и красивую вечнозеленую листву), а также разные мирты, лавры, агавы и кактусы (опунции). Это все — самые обыкновенные породы, которые можно встретить в любом садике. Кроме того, разводится всюду масса разновидностей роз, из которых наиболее обыкновенны: *Banxia*, *La France*, *Gloire de Dijon* etc. Но едва ли не самым излюбленным деревом в садах является австралийский *Eucalyptus globulus*. Этот уроженец южного полушария нашел здесь, по-видимому, подходящие условия для своего существования и необыкновенно удачно акклиматизировался. Не говоря уже о чрезвычайной полезности этого растения, обладающего дезинфицирующими свойствами. Для страны, изобилующей лихорадками, оно является незаменимым в садовой культуре благодаря своему необычайно быстрому росту. В течение трех-четырех лет из семени, брошенного в землю, уже вырастает дерево сажени две-три вышиной и до трех-четырех дюймов в диаметре!

Ввиду полезных свойств и быстрого роста этого дерева окружное Сухумское управление в последнее время обратило особенное внимание на его культуру, и им засаживают теперь все улицы города.

Прекрасно идут также олеандры, гибискусы и лагерстремии, которые летом бывают сплошь усыпаны розовыми цветами. Лавры, произрастающие в стране в диком состоянии (по берегу моря и в теплых ущельях), естественно, удаются отлично, и нередко можно встретить в садах великолепные штамбы, которые могли бы служить украшением лучшей из оранжерей. В некоторых садах можно встретить также в культуре чайный куст и апельсинное и лимонное деревья. Последние, однако, идут здесь не особенно хорошо, хотя, как мы увидим ниже, на вилле Татаринова и в Псырцхском монастыре есть отличные экземпляры, приносящие в год до 200 штук плодов. Плодовые культуры, за исключением эриоботрии, персиков и абрикосов, не вполне удаются в Сухуме. Причиной, без сомнения, служит слишком сырой климат страны. Яблоки и груши, хотя и достигают необыкновенно больших размеров, не отличаются особенными достоинствами и стоят далеко ниже тех же произведений других местностей Кавказа. Впрочем, черешни, имеющие в лесах Абхазии свое-

го близкого родича — дикую черешню, довольно хороши; здесь различают их два сорта: с белыми и черными ягодами. Кроме названных пород, в садах встречаются также вишни, сливы, айва, гранаты и инжир — последний довольно хорошего качества. Из ягодных кустарников разводится почти исключительно только малина. Из ягодных трав всюду культивируются разные сорта земляники и клубники, идущие с большим успехом.

Такова в общих чертах характеристика садовых хозяйств Сухума. Перейду теперь к описанию некоторых отдельных садов, выделяющихся из массы прочих по обилию или редкости культивируемых в них пород или по своей эффективности.

На первом месте по своей исторической давности должен быть поставлен казенный Ботанический сад. Он существует уже около 50 лет.

К сожалению, погромы, которым три раза подвергался за это время Сухум, а также неумелое ведение дела людьми, которым было поручено заведывать садом, а также ничтожные суммы, что отпускались на его поддержание, привели сад в такое печальное состояние, что по теперешнему его виду едва ли можно судить о блестящем состоянии, в котором он находился двадцать лет назад. Будем надеяться, что теперь, со времени недавнего перехода сада в ведение Министерства государственных имуществ, он вновь возродится. Хотя нельзя не пожалеть, что с передачей сада в более умелые руки ему дается слишком узкое назначение — служить рассадником плодовых и декоративных пород, пользующихся на месте наибольшим спросом. Таким образом, чисто акклиматизационные цели теперь совершенно оставлены.

Сад занимает сравнительно большую площадь — около 8 десятин, из которых 4 десятины заняты культурным садом, а 4 другие остаются пока не разработанными и представляют собой дикие заросли. Орошается сад самым примитивным образом — посредством леек, причем вода берется из протекающей по саду крошечной речки Сухумки. Главное внимание в хозяйстве сада обращено на плодовые культуры и на огород. Из плодовых деревьев больше всего черешни, затем яблонь, груш, персиков, абрикосов, эриоботрии и маслины. Последняя образует здесь значительное насаждение (нечто вроде небольшой рощицы), существующее уже около 50 лет и приносящее превосходного качества плоды. Недавно были

посажены также апельсины и лимоны, об успешности культуры которых пока, разумеется, еще трудно судить. Кроме того, в саду имеется до 36 сортов винограда. Декоративная часть сада находится в настоящее время в полном загоне. Новых экземпляров не сажают. Некоторые превосходные экземпляры декоративных пород, как, например, огромные лавры (до 12 дюймов в поперечнике на высоте груди), лириодендроны, салисбургии, стеркулии, магнолии и др. представляют собою лишь остатки прежнего величия сада. Из вечнозеленых древесных пород, наиболее обыкновенных в саду, назовем: *Ligustrum japonicum* (деревце порядочного размера), лавровишню, *Quercus pyramidalis*, *Maclura*, *Acacia melanoxylon* (прекрасный высокоствольный экземпляр до 4 сажен высотой), *Cryptomeria elegans* и *japonica*, *Abies smithiana* и *douglasii*, *Cunninghamia* и др. Из вечнозеленых кустарников в саду преобладают: *Deutzia crenata*, магония, камфорный лавр, разные мирты и чайный куст (два вида *Thea ciridis* и *Th. bohea*). В питомниках и школах сада разводят для продажи эвкалипты, австралийские акации, пробковый дуб, разные кипарисы и туи, апельсиновые и лимонные деревья, пахучую маслину (*Olea fragrans*), камфорный лавр. *Eucalyptus argenteus* и разные Пех.

В саду имеется также небольшая оранжерея, где можно встретить массу прекрасных глоксиний, арумы, гиацинты и др. растения, разводимые также для продажи.

Вот все, что можно сказать о Ботаническом саду в настоящем его состоянии. Нам предстоит теперь рассмотреть несколько частных садовых хозяйств, заведенных в Сухуме садоводами-любителями. Все эти хозяйства расположены в окрестностях города, к юго-востоку от него, вдоль берега моря. Эти места защищены от влияния холодных ветров еще более, чем сам город, так как непрерывная холмистая цепь, тянущаяся параллельно морскому берегу, делает совершенно невозможным доступ сюда холодным ветрам, дующим со снеговых гор. Так что эти хозяйства пользуются еще более теплым и ровным климатом, чем сухумский. Так, в Сухуме и не пытаются сажать в грунте пальмы, а культура апельсинов и лимонов является там делом довольно рискованным, между тем как здесь названные культуры удаются превосходно, так же, как и культуры бамбука, банана и многих других растений тропического и подтропического поясов.

Из всех этих садовых хозяйств первое место как по давности существования, так и по необыкновенной эффективности, бесспорно, принадлежит саду г-на А. Н. Введенского, который стяжал себе в России вполне заслуженную известность, так что никто из проезжающих мимо Сухума не упускает обыкновенно случая заехать и осмотреть его. Сад был заведен г-ном Введенским еще задолго до последней войны и не был разорен во время нее подобно другим садам Сухума единственно благодаря тому обстоятельству, что турецкий паша, высадившийся в Сухуме, избрал дачу Введенского своей главной квартирой. Вот почему он разросся так пышно, и в нем не редкость встретить деревья двадцатипятилетнего возраста, тогда как все остальные сухумские сады выглядят сравнительно молодыми. Сад г-на Введенского расположен в четырех верстах от города на берегу моря и занимает пространство около 9 десятин, из которых 5 десятин находятся под парком и 4 десятины заняты постройками и фруктовым садом.

Сад находится в сравнительно счастливых условиях орошения, которое производится здесь водой, проведенной из протекающей поблизости речки. В саду особенное внимание обращено на украшение аллей. Составлены аллеи породами чрезвычайно разнообразными, по преимуществу вечнозелеными. Так, в саду есть пышные аллеи из камелий, которые достигают здесь необыкновенной густоты и роста; аллеи из миртов, вечнозеленой каприфоли, японского бересклета, *Crataegus rotundifolia*, японской айвы, *Indigofera australis* и других вечнозеленых пород. Из аллей другого рода укажем на аллеи из платанов и стеркулий (*Sterculia platanifolia* и *S. diversifolia*), на смешанную аллею из конского каштана и яблонь с бордюром из кустарников: *Chamaecyparis* и *Spiraea douglasii*; на необыкновенно эффектную аллею из пестролистного клена (*Acer negundo var. foliis variegatis*), на входную аллею из пирамидальных тополей, эвкалиптусов и гледичий. Крайне оригинальное впечатление производит аллея-тоннель из розы банксии. Можно себе вообразить, какую прелестную картину представляет аллея во время цветения этой маленькой, но миленькой розочки, излюбленной местными жителями для украшения веранд и беседок.

Газонам в саду отведено также видное место. Они образованы главным образом из *Chamaecyparis*, *Santolina* и *Plumbago*. Обширные

пространства между аллеями заняты культурами разных декоративных и фруктовых пород. Среди первых резко бросается в глаза обилие хвойных, культура которых удается превосходно. Наиболее поражают собою величественные экземпляры (в 2–3 сажени высотой) *Araucaria brasiliensis* и *Cunninghamia lanceolata*. Из других наиболее заслуживающих внимания хвойных следует упомянуть о прекрасных экземплярах *Frenella glauca*, о разных видах кедра (*Cedrus deodara* из Гималаев, *Cedrus libani* и *C. atlantica*), о пышной *Thuja gigantea*, о плакучей *Thujopsis dolobrata* и разных видах сосны, из которых наиболее замечательны по своему превосходному состоянию *Pinus pinaster* var. *Hamiltoni*, а также: *P. insignis*, *P. excelsa* (из Гималаев), *Pinus pinia*, *P. austriaca*, *P. regia*, *P. strobus*, *P. maritima* и др.

Пихта и ель находят здесь своих представителей в изящных экземплярах гималайской пихты (*Picea morindo*), *P. obovata*, *P. rubra*, *P. excelsa* и *Abies pinsapo* (из Пиреней). Кроме того, в саду масса разных кипарисов: *Cupressus funebris*, *C. torulosa*, *C. lawsoni*, *C. pendula*. Из других хвойных назовем еще: *Cephalotaxus*, *Gingko*, *Libocedrus decurrens*, *Wellingtonia gigantea*, *Taxodium distychnum* и разные можжевельники: *Juniperus virginiana*, *J. sabina*, *J. prostrate*, *J. lycia*.

После хвойных обращают на себя внимание крупные экземпляры австралийской акации (*Acacia melanoxylon*). Другие виды акаций (*A. dealbata*, *A. albicans* и др.) представлены в саду также очень хорошими экземплярами. Необыкновенно поражают также красивые драцены, достигающие высоты полторы–две сажени и имеющие нередко наверху разветвления. Из древесных пород с опадающими листьями бросается в глаза прежде всего эффектное тюльпанное дерево (*Liriodendron tulipifera*) и красивые высокоствольные стеркулии. Из других пород с опадающими листьями можно упомянуть еще об *Acer platanoides* var. *purpurasens* и о березе (*Betula alba*); последнее растение принадлежит к числу не совсем обыкновенных в Сухуме, так как культура его вследствие неблагоприятного климата здесь удается вообще довольно редко.

Из вечнозеленых пород следует прежде всего отметить прекрасные магнолии, цветы которых поражают столько же своими огромными размерами, как и тонким благоуханием; затем — эвкалипты (во многих

видах) и разных представителей сем. *Leptospermae*, как-то: *Melaleuca*, *Leptospermum*, *Metrosideros* 'ы; кроме того — массу мирт и камелий, которые, как я уже упоминал, растут здесь необыкновенно успешно, достигая величины небольшого дерева, и цветут в течение почти полугода (с ноября по май). Укажем также на хорошие экземпляры камфарного лавра, *Rhamnus alaternus*, *Prunus lusitanica*, *Mahonia gortunati*, на большие деревья (до 4 сажень) пробкового дуба, на обильно цветущие кусты гардений и питтоспорумов, на прекрасные штамбы *Rhynchospermum*, *Abelia floribunda*, *Greccillea robusta* и чрезвычайно странного по своему виду — угловатого и колючего кустарника *Colletia horrida*. Пальм в грунте почти нет. Единственным исключением является пальма *Chamaerops excelsa*, прекрасно идущая в грунте и достигающая порядочной величины. Из других однодольных, кроме драцен и юкк, прекрасно идет еще новозеландский лен (*Phormium tenax*). Из травянистых растений мы застали в саду цветущими разные луковичные: *Tritoma ivaria*, *Funkia*, *Crinum capense* и др.

Плодовые деревья представляют в большинстве случаев обычные породы, культивируемые в Сухуме: эриobotрии, персики, абрикосы и т. д. Из более редких пород заслуживают упоминания: *Myrtus igni*, *Psidium cattlejanum*, *Psidium pomiferum* и др. Из ягодных кустарников разводятся в саду: малина (с большим успехом), красная смородина и крыжовник (идет очень плохо). Из ягодных трав можно назвать интересный сорт земляники *Galion blanc et rouge*, который приносит плоды в течение почти полугода. При саде имеются четыре теплые оранжереи, в которых разводятся для продажи культуры разных тропических растений, главным образом — глоксиний, пальм, бананов, разных хвойных и проч. (относительно хвойных следует заметить, что г-н Введенский необыкновенно успешно размножает их черенками).

Такова в общих чертах картина образцового садового хозяйства г-на Введенского. Заканчивая его описание, нам остается лишь пожалеть, что насаждения в саду велись слишком густо. Густая чаща зелени, в которой утопают аллеи сада, конечно, приятна для глаза, но гибельна для самих растений, которые быстро глушат друг друга. Это обстоятельство сознает и сам г-н Введенский, и недавно ему пришлось скрепя сердце срубить несколько великолепных экземпляров камелий, слишком уж пышно разросшихся.

Наряду с садом Введенского следует поставить сад его близкого соседа П. Е. Татарина, расположенный верстах в двух от города, также на узкой полосе между берегом моря и параллельной ему холмистой грядой. Сад Татарина расположен гораздо выше по сравнению с садом Введенского, который расположен на совершенно низменной местности, что при крайне сыром климате Сухума не совсем благоприятно отзывается на некоторых плодовых культурах. Несмотря на некоторые преимущества такого положения сад Татарина страдает недостатком орошения (поливка сада производится лейками из колодцев и бассейна с дождевой водой), что составляет немаловажное неудобство, в особенности если принять во внимание сравнительно громадную площадь сада (до 12 десятин). Из всего пространства, занимаемого садом, лишь незначительная часть (около одной трети десятины) в настоящее время культивирована, остальная же находится под дикой лесной чащей, покрывающей все склоны и ущелья холмистой гряды, к которой примыкает сад.

Сад очень молод: г-н Татарин завел его всего шесть лет назад, и это обстоятельство — да еще в связи с громадной площадью сада — объясняет, почему он кажется довольно пустынным и, во всяком случае, не производит того эффекта, которого можно было бы ожидать ввиду громадного числа разнообразных пород, акклиматизированных в нем.

Без сомнения, еще лет через пять, когда деревья подрастут, это будет первый по красоте сад в Сухуме. В настоящее же время его можно назвать первым только по редкости и разнообразию разводимых в нем пород.

Г-н Татарин — опытный садовод (в течение многих лет он занимал место секретаря в Императорском Обществе Садоводства), с неунынным рвением заботится об улучшении своего сада, ежегодно обогащая его массой новых интересных растений. В сравнительно короткое время он успел культивировать в своем саду громадное число тропических видов (мы насчитали их до 800, в том числе одних пальм 45 видов, хвойных до 175 видов, 13 видов бамбука, более десятка цикадовых, более полусотни видов кактусов и т. д.) и, главное, доказать на практике возможность акклиматизации в Сухуме таких нежных растений, как пальмы, банан, бамбук, ананасы и проч. В этом и состоит его главная заслуга.

Поставив своею исключительной целью научное решение вопроса об акклиматизации тропических растений в Сухуме, г-н Татаринов не побоялся материальных потерь и культивировал свои растения исключительно в грунте, что, разумеется, сопряжено со значительным риском. К счастью, результаты блистательно оправдали ожидания Татаринова: громадное большинство нежных тропических пород отлично перезимовало в грунте по несколько зим.

Собственно акклиматизационный сад занимает у Татаринова до трех с половиной десятин. Остальная расчищенная часть сада занята огородом и земляничной плантацией. Сад, расположенный на ровной, немного покатой к морю местности, прорезан несколькими аллеями, которые пока еще не заняли надлежащего места в физиогномике сада. Аллеи образованы главным образом кипарисами (*C. pyramidalis*) и эвкалиптами (*E. globulus*). Есть также аллеи из драцен и лавровишни. По обширной площади сада разбросаны вперемежку с фруктовыми деревьями акклиматизируемые породы, из которых иные уже успели пышно разрастись. Свободные пространства заняты газоном, образованным главным образом местными луговыми травами (*Coronilla varia*, разные клеверы, *Dorycnium*, *Bromus*, *Holcus*, *Arrhenatherum*, *Sorghum halepense* и др.). Селется только *Festuca rubra* и местный вид рай-грасса (*Lolium temulentum*, известный на месте под грузинским названием коиндари). Длинная входная аллея, усаженная эвкалиптами, вечнозеленой каприфолью (*Lonicera sempervirens*) и другими вечнозелеными деревьями и кустарниками, приводит нас к даче, построенной у самого подножия холмистой гряды и окруженной эвкалиптами, драценами, юкками, агавами, пышными кустами земляничного дерева (*Arbutus unedo*), камфорного лавра, вечнозеленой калины (*Viburnum sp.*) и питтоспорума.

Обращенная к морю веранда дома вся утопает в зелени разных вьющихся растений: *Glycine*, *Passiflora* и разных видов роз: *France*, *Senateur Vaisse*, *Gloire de Dijon*, *Souvenir de la Malmaison* и др. Эти розы, в особенности великолепная роза *Sennateur Vaisse*, так же, как и растущие возле кусты питтоспорума, во время цветения сплошь усыпанные ароматными цветами, делают веранду весной восхитительной. Около дома сосредотачиваются все более ценные акклиматизируемые породы. Здесь мы

найдем более редкие пальмы: *Washingtonia robusta* [очень большой экземпляр (до сажени), отлично зимовавший все время и составляющий гордость Татаринова], *Brachea roezli*, *Thrinax chuco* (очень редкая пальма), *Iubaea spectabilis*, разные виды финиковой пальмы, из которых *Phoenix canariensis* зимует в грунте уже 6 лет и достигла более сажени в высоту, и др. Всех пальм в саду, как я уже упомянул выше, до 45 видов, в том числе всего более хамеропсов, затем очень много (до 11 видов) кокосовых пальм (*C. australis*, *C. flexuosa*, *C. romanzoviana*, *C. iatay*, *C. bonetii*) и др. Некоторые отлично выдержали в грунте по 5–6 зим и имеют значительную высоту (до полутора сажен), а *C. bonetii* даже недавно цвела. Финиковая пальма представлена 6 видами, так же, как и *Sabal*, *Brachea* имеется 4 вида, а Латании всего один (*L. borbonica*). Такую цифру культивируемых пальм можно назвать весьма солидной.

Кроме разных пальм, тут же, возле дома, можно видеть разные редкие и трудно поддающиеся культуре цикадовые: *Cycas revoluta* (два экземпляра, из них один очень большой), *Encephalartos villosus* и *E. horridus*, разные замии (*Zamia lemani* etc.), макрозамию (*Macrozamia tenuifolia*), цератозамии (*Ceratozamia custeriana*), *Dioon edule* etc. Все названные растения идут превосходно, и некоторые уже перезимовали по нескольку зим. Лучшие экземпляры хвойных нашли себе приют также недалеко от дома. Число акклиматизированных хвойных необыкновенно велико (до 175 видов).

Первое место по красоте и редкости, разумеется, занимают великолепные араукарии (*Araucaria brasiliensis*, *A. imbricata*, *A. bedwilli*), куннингамии (*Cunningamia excelsa*), даммары, веллингтонии, подокарпусы (последний представлен целыми 10 видами), а также разные сосны, в особенности мексиканская сосна (*Pinus russeliana*) и кедры (*Cedrus deodara*, *C. libani*, *C. atlantica*). Из прочих хвойных назовем: *Libocedrus* (3 вида), *Taxodium* (2 вида), криптомерию, *Cephalotaxus*, *Pseudolarix kemferi* (китайская лиственница), очень редкую *Sciadopitys verticillata*, *Torreya myristica*, *Frenella glauca*, обыкновенный гингко с разновидностями: *v. macrophylla incisa* и *v. foliis variegatis*, разные *Abies*, *Picea*, *Tsuga* (всего до 35 видов), интересные варьеты *Taxus baccata* (*adpressa* и *hibernica*), и др. Кипарисов в саду очень много (32 вида и разновидности), из них

самые интересные — *Cupressus australis*, *C. knightiana elegans* и др. Также много разных можжевельников (до 25 видов: *Juniperus sinensis*, *J. japonica*, *J. virginiana*, *J. excelsa*, *J. prostrata*, *J. alpina*, *J. fragrans*). Туй значительно меньше (всего около 12 видов). Вообще хвойные по своему разнообразию играют первенствующую роль в саду у Татарина.

Перехожу к описанию других пород, акклиматизированных в саду. Удобнее перечислять их по семействам. Начнем со злаков. Среди злаков первое место занимают бамбуки, культуре которых Татарин уделил особенное внимание (их имеется у него до 13 видов); идут они все, как я уже говорил, превосходно. Затем в саду много красивых экземпляров саженного роста *Gynierium argenteum* — знаменитой травы пампасов (*Pampass-grass*), которая составляет одно из излюбленных декоративных растений в сухумских садах.

Семейство *Scytamineae* имеет в саду чрезвычайно многочисленных представителей. На первом месте стоят бананы (*Musa ensete* и *M. speciosa*), которые находятся в грунте уже два года (только на зиму их покрывают рогожей), и, тем не менее, до сих пор целы и невредимы, а один вид (*M. speciosa*) даже недавно цвел.

На первое место можно поставить и разные виды канн (впрочем, в Сухуме канны представляют довольно обыкновенное садовое растение), затем — стрелиции (*Strelizia reginae* и *S. augustae*), *Hedichium* и проч.

Семейство австралийских казуарин выражено массою представителей (*C. tennissima*, *C. quadrivalvis* etc. — всего 7 видов). Эти странные растения, представляющие остатки угасших типов и напоминающие собою разом и хвоци, и хвойные, впоследствии также займут, вероятно, видное место в физиогномике сада.

Семейство ананасных (*Bromeliaceae*) имеет в саду семь представителей: *Gregia sphacellata*, *Bromelia pitkairneformis* и др., *Hechtia demuliniana*. *Dyckia princeps*. Все они идут в грунте отлично, и некоторые из них уже приносили цветы.

Переходя затем к обзору лилейных, мы должны упомянуть прежде всего о многочисленных агавах (47 видов, из которых один — *A. van der Wini* — недавно цвел и дал спелые семена), затем — об алоэ (13 видов), драценах (7 видов) и юкках (28 видов), обильное цветение которых немало способствует красоте сада.

Наше внимание останавливают на себе также крупные экземпляры *Beshorneria californica* и странные австралийские растения, являющиеся, подобно казуаринам, также представителями угасших типов — *Xanthorhea hastilis* (травяное дерево) и *Phormium tenax* (новозеландский лен); последний представлен многими разновидностями. Заслуживают упоминания также: *Dasyllirion* (14 видов), *Dorianthes* (2 вида), *Вопорртеа* (2 вида), *Agapanthus umbellatus*, разные лилии (*L. grandiflorum* с цветком почти в четверть аршина величиной, *L. washingtonianum* etc.), тюльпаны, гемерокаллисы, *Allium* 'ы *Asparagus* 'ы, криньы, фритиллярии (*Frittilaria korolkovii*), подснежники, *Muscari*, *Ostrovskia magnifica* и др.

Представители курьезного австралийского семейства *Proteaceae* также весьма многочисленны. Из них наиболее замечательны: *Ванхиа* (3 вида), *Grevillea* (4 вида), *Наскеа* (4 вида), *Lomatia* (2 вида), *Stenocarpus*, *Rhopola*.

ПРИЛАГАЕМ СПИСОК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОЧИХ СЕМЕЙСТВ:

Acanthaceae: *Acanthus mollis* и *spinosissimus*.

Acerineae: *Acer japonicum* (var. *polymorphum* и *palmatum*).

Amentaceae: *Betula purpurea*, 7 вечнозеленых видов *Quercus*.

Amygdaleae: *Cerasus caroliniana*, *C. ilicifolia*, *Prunus lusitanica* (все формы — вечнозеленые).

Anacardiaceae: *Pistacia vera*.

Аросунеае: *Nerium oleander*, *Rhynchospermum*.

Aquifoliceae: *Ilex* в массе видов и разновидностей.

Araliaеае: разные виды *Aralia*, из них 10 вечнозеленых (многие достигают размеров небольших деревьев), *Hedera arborea*, *H. canariensis* etc.

Asclepiadeae: *Stapelia*.

Balsamifluae: *Liquidambar balsamiflua*.

Berberideae: разные виды барбариса и магнолий (в том числе много вечнозеленых), *Nandine*.

Bignoniaceae: *Bignonia* (3 вида: *B. catalpa*, *B. radicans* и *B. crucigera*) и др.

Cactaceae: масса представителей (более полусотни), как-то: *Mammillaria* (20 видов), *Opuntia* (15 видов), *Cereus* (13 видов), *Echinopsis* (4 вида), *Echinocactus* (3 вида), *Echinocereus*, *Pilocereus*.

Caprifoliaceae: *Lonicera sempervirens* и масса вечнозеленых видов *Viburnum*.

Celastrineae: вечнозеленые виды *Euonymus* (*E. japonicus*, *E. radicans*, *E. fimbriatus*) в массе разновидностей.

Compositae: *Vaccharis*, *Senecio platanifolia*, *Olearia* (древовидные вечнозеленые формы).

Crassulaceae: *Echeveria*, *Sempervivum*.

Ebenaceae: *Diospyros* (2 вида), *Rouena*.

Ericaceae: *Arbutus* (*A. unedo* и *A. andrachne*), *Andromeda japonica*, *Azalea indica*. *Daphne pontica* и *japonica*, *Erica arborea* etc.

(NB. *Arbutus Andrachne*, *Daphne pontica* и *Erica arborea* растут в Абхазии дико).

Euphorbiaceae: разные варьеты букса: *Buxus sempervirens*, *B. olearica*, *B. japonica* etc.

Geraniaceae: разновидности *Pelargonium*.

Gnetaceae: *Ephedra monostachys* и *distachys*.

Laurineae: несколько видов *Laurus* (*L. nobilis*, *L. camphora*, *L. glauca*, *L. indica*). *Camphora officinarum*, *Cinammomum sericeum* и *C. pedunculatum*.

Leguminosae: *Ceratonia siliqua*, *Spartium junceum*, *Genista monosperma*, *Glycine*, *Pointiana gellesii* (последнее растение довольно обыкновенно в садах Сухума).

Magnoliaceae: *Illicium* (*I. anisatum* и *I. religiosum*). *Liriodedron tulipifera* и разные магнолии, как вечнозеленые (*Magnolia grandiflora*, *M. fuscata*, *M. pumila*), так и с опадающими листьями — всего до 9 видов.

Malvaceae: разные абутилоны и гибискусы.

Mimoseae: 20 видов новозеландских акаций (*A. melanoxylon*, *A. dealbata*, *A. cyanophylla* и пр.), которые все идут превосходно, пуская около себя многочисленные корневые побеги.

Myrtaceae и *Leptospermae* чрезвычайно многочисленны. Представлены они главным образом австралийскими формами: эвкалиптами (30 видов), метросидеросами и каллистемонами (тех и других масса видов).

Есть также несколько видов южноамериканского рода *Psidium*, масса мирт, *Melaleuca* и *Leptospermum*.

Oleaceae: разные виды маслины (*Olea europaea*, *fragrans* и *ilicifolia*) и лоха (*Eleagnus*).

Rhamnaceae: многочисленные питтоспорумы (*P. tobira*, *P. mayi*, *P. eugenioides*, *P. undulata*) и вечнозеленые виды *Rhamnus* (*Rh. occidentalis*, *Rh. alaternus* etc.).

Rosaceae: масса видов спирей и роз.

Saxifragaceae: виды гидрангеи и эскалонии (*E. glutinosa*, *E. macrantha*).

Scrophulariaceae: разные вечнозеленые вероники.

Therebinthaceae: разные виды *Rhus*; из них некоторые — вечнозеленые (*Rh. trifoliata* etc.).

Ternstroemiaceae: разные варьететы камелий, *Cleyera* (2 вида), *Euria* (3 вида) и чайный куст (*Thea chinensis*).

Что касается последнего, то он не представляет особенной редкости, встречаясь, как мы видели, во многих садах Сухума, и нет сомнения, что культура его в обширных размерах, так же, как и культура хлопчатника, весьма успешно произрастающего в Абхазии, имела бы все шансы на успех, если бы взялись за это дело сведущие люди.

Сделав этот краткий обзор акклиматизационного сада, скажем теперь несколько слов о фруктовом. Фруктовый сад не отделен от акклиматизационного, и плодовые деревья культивируются по всей даче. Подбор фруктовых деревьев у Татаринова значительно разнообразнее, чем у Введенского. В саду имеется большой выбор яблок, груш, персиков, абрикосов, разные сорта слив, вишни, черешни и немного айвы. Есть также, конечно, эриоботрия, инжир, и недавно заведена маслина. Апельсины (*Citrus aurantium*), лимоны (*Citrus limonium*) и мандарины (*Citrus nobilis*) идут в саду отлично, давая каждый год с куста до 200 плодов сбора. Из более редких чужеземных пород, акклиматизированных в саду, укажем на особый род сливы — *Prunus kelsey*, на два крупноплодных вида хурмы (один японский *Diospyros kaki* с тремя разновидностями: *costata*, *maseli* и *czatchia*, другой американский *D. virginiana*). Оба отлично перезимовали по две зимы, а *D. virginiana* уже приносит плоды, три интересных юж-

ноамериканских растения: *Psidium cattlejanum* (каждый год дает плоды), *Myrtus ugni* и *Passiflora edulis*. Последнее растение, замечательное своими крупными вкусными плодами (в этом году уже завязалось несколько), в то же время вполне пригодно благодаря своим красивым цветам и для декоративных целей. Из ягодных кустарников разводится в саду обычная в Сухуме калина, а также немного крыжовника и смородины (красной и белой); последние, однако, идут очень плохо. Оранжерей в саду пока нет, да и не представляется в них надобности. Существуют только холодные парники (ямы, закрывающиеся рамой) — собственно, для выдержки больных растений и для размножения черенками.

Заканчивая описание сада, я не могу не высказать своего удивления по поводу той настойчивости и терпения, с которыми г. Татаринев, почти семидесятилетний старик, добивается осуществления намеченных им научных целей, и не пожелать ему всяческого успеха в дальнейшей деятельности.¹

Кроме садов Введенского и Татаринова, в Сухуме имеется несколько обширных садов, принадлежащих другим лицам. Все они имеют ввиду главным образом культуру плодовых деревьев, и из декоративных пород в них можно встретить только наиболее обыкновенные в Сухуме. Считаю излишним распространяться о них, так как думаю, что уже достаточно их охарактеризовал при общем обзоре сухумской садовой растительности.

Отдельного упоминания заслуживает из них только садовое заведение известной московской фирмы Ноевых. Основано оно весьма недавно (не более двух лет) и имеет своей специальной задачей размножение и выдержку в грунте некоторых пользующихся в Москве наибольшим спросом комнатных и оранжерейных растений: индийской азалеи,

¹ Г. Татаринев уже имел случай 5 лет назад делать доклад о своем саде в Императорском Петербургском обществе садоводства, который затем был напечатан отдельной статьей в мартовской книжке «Вестн. садов., плодов. и огородн.» за 1888 г.

Статья эта, разумеется, уже утратила значительную долю своего интереса ввиду громадных улучшений, произведенных с тех пор в саде, и потому мы полагаем, что наша статья, трактующая о настоящем положении сада, является вполне уместной.

камелий, пальм, цикадей, роз, а также разных луковичных, преимущественно — гиацинтов. За такое короткое время существования предприятия, разумеется, еще не успело оправдать затрат, но и те результаты, которые до сих пор достигнуты, уже достаточно говорят о несомненном успехе его в будущем. Не все породы из перечисленных выше идут в грунте одинаково успешно, и *Azalea indica* — хуже прочих; зато другие идут весьма удовлетворительно, и лучше всех — гиацинты, которые размножаются необыкновенно быстро и дают очень хорошие, сильные луковицы. Гиацинтов имеется богатейший ассортимент, и для хранения и сортировки их устроен даже отдельный сарайчик.

Покончив с обозрением садов Сухума, мы должны упомянуть еще о некоторых садовых хозяйствах, существующих в других пунктах Сухумского округа. Самое крупное из этих хозяйств находится в Псырцхском, или так называемом Новоафонском монастыре, в двадцати двух верстах от Сухума. Там среди монахов нашелся один человек, о. Захарий, который с любовью к делу и с некоторыми сведениями о садоводстве завел при монастыре прелестный сад. В этом саду, помимо массы всяких фруктовых деревьев, имеется довольно значительная плантация маслины, а также несколько апельсиновых и лимонных деревьев, которые будто бы уже дают теперь порядочные сборы (мы лично, посетив монастырь три года назад, видели всего два довольно крупных куста, правда, усыпанных плодами). Здесь уместно будет сказать несколько слов по поводу культуры апельсинов и лимонов в Абхазии. Нам кажется, что единичные случаи успешности названных культур в Сухумском округе еще не гарантируют возможности разведения их в широких масштабах. Не следует забывать в этом случае печальной судьбы апельсиновых и лимонных плантаций, существовавших некогда в Сухуме и Поти, которые в одно прекрасное время все были уничтожены морозом.

Во всяком случае, от этих попыток акклиматизации апельсиновых и лимонных деревьев в Абхазии, правда, довольно удачных, еще далеко до настоящих плантаций, приносящих значительные доходы, и поэтому способных составить самостоятельную отрасль садового хозяйства, подобных тем, что существуют несколькими градусами южнее, на южном берегу того же Черного моря, в турецкой провинции Лазистане. Сады

там состоят почти сплошь из прекрасных двадцатипятилетних апельсиновых и лимонных деревьев, приносящих ежегодно по пять—десять тысяч фруктов каждое.

Этим мы и закончим описание отдельных садовых хозяйств Абхазии, так как все остальные частные хозяйства (около Гудауты и в др. местах) настолько незначительны, что не заслуживают упоминания.

Остается только сказать несколько слов о состоянии садоводства у местного абхазского населения. Но его почти не существует. Беспечные абхазцы совсем не заботятся о поддержании и улучшении своих садов, над созданием которых потрудились их предки, а отчасти и сама природа. Собственно говоря, вся Абхазия (я разумею культурную, т. е. береговую полосу Абхазии и бывшие некогда культурными долины рек Бзыби и Кодора) представляет собой как бы один сплошной сад, если только можно назвать садом беспорядочные заросли плодовых деревьев, частью диких, частью культурных, перемешанных с разными обыкновенными лесными породами — буком, грабом, ольхой, каштаном и др. Эти заросли-сады чередуются с кукурузными плантациями и пустынными полянами, поросшими бурьяном и папоротником. Эти заросли, мало чем отличающиеся от леса, который и сам в некоторых местах состоит едва ли не наполовину из плодовых деревьев, говорят всего лучше о первобытном состоянии садоводства в Абхазии. Плодовые деревья, разбросанные по лесу, полянам и кукурузным плантациям, ничем не огорожены и остаются как бы брошенными на произвол судьбы. Всякий проезжающий считает себя вправе лакомиться их фруктами, причем, последние нередко снимаются с дерева самым варварским образом — путем обламывания веток. Разумеется, при таком полном отсутствии ухода многие деревья скоро пропадают, а лучшие породы быстро дичают.

Тем не менее некогда в Абхазии садоводство процветало. В этом убеждают нас превосходные сорта яблок и груш, которые нередко случалось встречать нам даже в самых диких горных ущельях, на тех местах, где прежде ютились аулы. Также и папоротниковые поляны с разбросанными на них группами орехов и фруктовых деревьев, представляющие собой остатки бывших поселений, красноречиво свидетельствуют, что некогда в Абхазии были лучшие времена: и население было гуще,

и садоводство играло в его занятиях не последнюю роль. Времена эти не так далеки от нас. По словам местных старожилов, упадок культуры начался со времени окончательного покорения Абхазии русскими, когда массы самых деятельных и способных туземцев выселялись в Турцию.

В настоящее время в Абхазии можно встретить среди плодовых деревьев разные сорта яблок и груш, два сорта персика — один крупный, другой чрезвычайно мелкий, но зато весьма ароматный; абрикосы, черешню, вишню, сливу [главным образом алычу (*Prunus divaricata*) двух разновидностей — желтую и красную], хурму, инжир и гранат. Почти всюду имеется в культуре также виноград разных сортов, преимущественно «Изабелла», завезенный сюда, кажется, из Крыма. Виноград абхазцы обыкновенно пускают, используя вместо подпорок деревья хурмы и ольхи. Это окончательно дополняет сходство абхазского сада с лесом, так как нередко в нижних регионах леса можно встретить те же самые деревья, перевитые диким виноградом. Некогда, еще не так давно, Абхазия славилась своими винами, подходящими по своим свойствам к бордоским винам и малаге. И теперь еще в некоторых селениях (Аацы, Дурипш, Ачандары) выделяют превосходные вина с сильным букетом. Для этого главным образом используется виноград следующих трех сортов (я даю местные названия): амлаху (розовый виноград с продолговатыми ягодами, одна сторона которых янтарного цвета, другая — немного темнее), качич (темно-красный сорт с овально-кругловатыми ягодами) и ависырхуаш (белый сорт с круглыми ягодами).¹

Первый из названных сортов (все принадлежат к числу поздних, созревающих в октябре и ноябре) дает лучшее белое вино в Абхазии,

¹ Я называю эти три сорта как наиболее известные. Но автор небольшой заметки «Абхазские вина», помещенной в «Трудах Кавк. Общ. Сел. Хоз.» за 1883 г. № 3, г-н Мачавариани насчитывает в Абхазии целых 30 сортов винограда, из которых самым курьезным является ранний сорт (произрастающий в сел. Бедии), который цветет уже в феврале или марте месяце, а в конце апреля или мая приносит вполне зрелые плоды. См. также статью В. Чернявского: «Плоды Абхазии, Джигетши и Мингрелии» («Вестн. Росс. Общ. Садов.» за 1877 г.), где приводится до 29 туземных сортов и 5 сортов чужеземного происхождения.

имеющее превосходный букет, очень крепкое и склонное к шипучести; второй — темно-красное, очень терпкое и густое, считающееся также одним из лучших в стране; третий — вино бледно-розового цвета. Нередко в виноделии названные сорта подмешиваются к другим, низшим, сортам, отчего значительно улучшается качество вина, получаемого из последних.

Обыкновенное вино, получаемое из «Изабеллы» и других низших сортов, не отличается особенными достоинствами: оно или кислотовато, или терпко, хотя вместе с тем довольно крепко. Впрочем, эти неудовлетворительные качества, весьма вероятно, в значительной степени зависят от первобытного состояния виноделия, а также порой — от умышленной порчи вкусового «букета» разными примесями, главным образом ягодами бузины и лавровишни, служащими частью для окраски вина, частью же для подделки его под вкус кахетинского.

К чести абхазцев надо сказать, что этим занимаются не они, а спекуляторы-мингрельцы, скупающие у них виноград.

К числу плодовых деревьев мы можем причислить и грецкие орехи (*Juglans regia*), встречающиеся в стране повсюду и составляющие необходимую принадлежность каждого сельского ландшафта. Мы могли бы также упомянуть, хотя это и не относится собственно к садоводству, о культуре хлопчатника, который разводится туземцами сыздавна и играет в их домашнем быту такую же роль, как у нас лен.

Такова в общих чертах картина туземного садоводства в Абхазии. Нельзя не сознаться, что эта грустная картина еще более проигрывает при сравнении ее с блестящими успехами садоводства в Сухуме, демонстрирующими, что можно было бы сделать из страны при доброй воле и знании дела.

Можно было бы думать, что с окончательным замирением края временно пришедшая в упадок культура его вновь возродится. Но, к сожалению, факты говорят об обратном. Новые пришельцы, заселившие опустевшую после войны 1877 года страну, не оправдали возлагавшихся на них ожиданий, за исключением только разве немцев, которые очень усердно и со знанием дела занимаются близ Сухума садоводством,

а также полеводством и огородничеством. В особенности же непригодными для роли культуртрегеров оказались русские поселенцы, которые совершенно не сумели приспособиться к местным условиям.

Мало утешительного можно сказать также и об армянских, греческих и мингрельских колонистах. Хотя они и отличаются (особенно армяне) примерным трудолюбием и лучшей приспособляемостью, но стоят на такой низкой ступени культуры и вдобавок обладают такими несимпатичными нравственными качествами (мы говорим главным образом о греках и мингрельцах), что Абхазия едва ли выиграла от заселения ими.

Во всяком случае, как видно из всего сказанного, развитие садоводства в Абхазии пока принадлежит будущему. Будем надеяться, что блестящие результаты, достигнутые сухумскими садоводами, вызовут охоту к этому занятию и у туземных землевладельцев и Абхазия когда-нибудь вместо дикой чащи первобытного леса будет покрыта прекрасными садами, подобными тем, которыми мы любуемся в настоящее время в Сухуме.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящая статья составлена исключительно на основании собственных наблюдений и лично добытых сведений. Для интересующихся привожу список еще некоторых сочинений, касающихся разных отраслей садоводства в Абхазии:

ПАХОМОВ. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. // Записки Кавк. Общ. Сельск. Хоз. 1867. № № 1 и 2; 1868. Т. XIV. Статья довольно обстоятельная, хотя значительно устаревшая.

ПУШКАРЕВА С. Статья о виноградниках и виноделии в Абхазии. // Зап. Кавк. Общ. Сел. Хоз. 1885., а также «Кавказ». 1852. № № 28 и 29.

ЗЕЙДЛИЦ Н. Очерк виноделия Кавказа. Сборник сведений о Кавказе. Т. III; С. 203–206. Эта статья так же, как и предыдущая, нам не известна. Цитированная выше статья Мачавариани «Абхазские вина».

Чернявский В. Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии. // Вестн. Росс. Общ. Садоводов; 1977. С. 76, 130, 208. Весьма обстоятельная статья, касающаяся исключительно туземного садоводства.

Чернявский В. Акклиматизация растений в Сухуме. // Вестн. Росс. Общ. Садоводов. 1877. (Приложение к протоколу № 201). Превосходная статья, рисующая положение садоводства в Сухуме до войны 1877 года (когда большая часть садов была разорена). Любопытно указание автора на удачные опыты разведения в Сухуме бананов (*musa cavendishi*), которые будто бы приносили ежегодно до 100 штук плодов.

В своей коротенькой заметке: «Зима 1876–77 гг. в Сухуме сравнительно с зимой 1872–73 гг.», помещенной в том же номере журнала за 1877 г. на стр. 155–157, г-н Чернявский сообщает о семилетнем апельсинном деревце, росшем на даче генерала Завадского (возле Новоафонского монастыря), которое в 1872 г. дало до 600, а в 1873 г. даже до 800 плодов сбора. Суровой зимою 1874 г., когда морозы доходили до -7° С, оно погибло.

(Все комментарии Н. М. Альбова. — **Ред.**).

Н. Альбов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ В АБХАЗИИ

*(Доклад, читанный в заседании этнографического отделения
Императорского Русского географического общества
22 декабря 1892 года)¹*

Мм. Гг.!

Путешествуя в течение пяти лет по Абхазии, я имел возможность более или менее коротко познакомиться с населением страны, с его домашним и общественным бытом, с его характером, религиозными воззрениями, кое-какими преданиями и проч.

При всяком удобном случае я старался заносить свои наблюдения в записную книжку. Должен однако сказать, что наблюдения эти велись без всякой определенной системы (цель моих путешествий была совершенно иная — ботанические исследования страны), и я записывал лишь то,

¹ Н. М. Альбов. *Этнографические наблюдения в Абхазии «Живая старина»*, вып. III. СПб. 1893. С. 297–329.

что приходилось случайно увидеть или услышать во время моих кратковременных остановок в абхазских аулах. Тем не менее, из этих отрывочных наблюдений составилось известное количество материала, который, быть может, представит некоторое значение для лиц, интересующихся этнографией Кавказа. Впрочем, я не осмелился бы рекомендовать мои скромные наблюдения вашему просвещенному вниманию, если бы не побуждали меня к этому следующие соображения: во-первых, крайняя сбивчивость литературных сведений об абхазцах и, во-вторых, быстрая утрата этим народом своей племенной самобытности, заставляющая опасаться, что в скором времени могут исчезнуть многие распространенные теперь обычаи и, таким образом, будущий этнограф при своем стремлении восстановить старинный быт страны может встретить величайшие затруднения.

Остановимся несколько подробнее на первом из этих соображений. Что касается литературы об Абхазии, мы должны сказать, что едва ли о каком-нибудь другом горском племени Кавказа писали так много, как об абхазцах. Но если перечесть всю эту грудку печатного материала, разбросанного в повременных кавказских изданиях за 1860 и 1870 годы, в наших представлениях об абхазцах неминуемо должен получиться необыкновенный сумбур: так сбивчивы, неясны, а часто и прямо противоречивы сообщаемые о них разными авторами сведения.

Мы не станем упрекать за это лиц, собиравших эти сведения. Не следует забывать, что эти лица жили и действовали в то время, когда мы еще не могли назвать себя хозяевами положения в Абхазии, и вследствие этого собиравшие сведения в стране было сопряжено с величайшими затруднениями и даже нередко с опасностью для жизни собирателя. Тем не менее мы имеем в литературе об Абхазии много весьма ценных статей, которые должны послужить основой для будущих этнографических исследований Абхазии.

Из этих статей на первый план должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки абхазской мифологии» Соломона Званбая, дающие нам превосходное понятие о религиозных верованиях абхазцев, а также целый ряд статей, помещенных в «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 1870 и 1871 гг. и частью

принадлежащих перу бывшего начальника Сухумского округа г-на Введенского¹, частью — генерала Краевича², частью — неизвестного мне автора, скрывшегося за тремя «звездочками»³.

Все эти материалы обстоятельно знакомят нас с религиозным состоянием абхазцев, а также отчасти с их социальным бытом, именно: с разделением на сословия, с некоторыми основами обычного права, с взглядами на брак. Укажем затем на статью г-на Люлье в Записках Кавказ(ского) отдела Русск(ого) географ(ического) общества за 1857 г.⁴, точно устанавливающую границы абхазского племени на Кавказе и связь его с другими кавказскими народностями. Отрывочные, но чрезвычайно правдивые и при том художественно изложенные сведения об Абхазии находятся в известных «Воспоминаниях кавказского офицера» фон Торнау⁵. Статьи гг. Ф. Завадского и И. Аверкиева, помещенные в газете «Кавказ», не представляют ничего нового. К статьям гг. Мачавариани и Чернявского следует относиться с большой осторожностью, так как эти господа собирают сведения не на месте, а из десятых уст. Абсолютно неверные, искажающие истинное положение вещей сведения (которые, к сожалению, нашли себе место в почтенном труде Дубровина «История Кавказской войны»), содержатся в Записках Гавриила, епископа Имеретинского⁶, и в полубеллетристических очерках писателя 50-х годов Сави-

¹ А. Введенский. Религиозные верования абхазцев. Сб. св. о кавк. горц. вып. V.

² Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе (Абхазии и Самурзакани). Сб. св. о кавк. горц. вып. V.

Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. Сб. св. о кавк. горц. вып. III.

³ Абхазцы (Азегга), — по поводу сочинения Дубровина: «Очерк Кавказа и народов, его населяющих». Сб. св. о кавк. горц. вып. VI.

Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии. Сб. св. о кавк. горц. вып. IV.

⁴ Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами, абхазцами и другими народами. // Зап. Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общ. кн. 4. 1857 г.

⁵ Приложение к «Русск. Вестн.», 1864 г.

⁶ Обзорение абхазских приходов // Кавказ. 1870 г., №№ 42, 43, 44.

нова (см. его «Достоверные рассказы об Абхазии», «Два года в плену у горцев» и проч.). Вот и вся главнейшая этнографическая литература об Абхазии. Если прибавить к этому еще старинные сочинения Dubois de Montrèux, Клапрота и Гастгаузена, мы перечислим все, что писалось заслуживающего внимания об Абхазии.

Мы не говорим о многочисленных статейках, принадлежащих перу более мелких авторов, которые разбросаны по номерам газеты «Кавказ» за 1850—1870 гг. Сообщаемые в них сведения настолько скудны и противоречивы, что о них не стоит совершенно упоминать.

Равным образом мы обходим молчанием книжку, изданную братией Новоафонского монастыря (близ Сухума) под громким заглавием «Описание Абхазии». Это произведение, принадлежащее перу какого-нибудь доморощенного монастырского писака, наполнено частью заимствованиями из других авторов, частью — собственными измышлениями, заведомо искажающими истину.

Как видно из этого краткого очерка, литература об Абхазии не отличается особенною полнотою. Не говоря уже о том, что в ней совершенно отсутствуют археологические сведения (если не считать сочинений Dubois de Montrèux, Кондакова, Нордманна и других, трактующих исключительно древние памятники христианской культуры), и не сообщается ничего о преданиях народа. И по другим отделам сообщаемые в ней сведения частью неполны, частью сбивчивы. Вследствие этого, смею думать, что мои наблюдения оказались бы не лишними, пополнив собою некоторые из существующих в литературе об Абхазии пробелов.

Первоначальной моей мыслью было сообщить вам, Мм., Гг., мои наблюдения в том самом отрывочном виде, как они собирались и записывались. Но после я решил, что сообщение мое стало бы значительно интереснее и выиграло бы, если бы я, дополнив свои наблюдения некоторыми сведениями, помещенными в наиболее солидных из вышеупомянутых статей, представил бы вам более или менее связный очерк о современной Абхазии. Таким образом, в мое сообщение кроме личных наблюдений войдут еще (с надлежащими каждый раз о том оговорками) и сведения, почерпнутые мной из литературы (именно — из статей Званбая, Введенского и анонимного автора, скрывшего свое имя за тремя «звездочками»).

Приступая теперь к предмету своего сообщения, я считаю не лишним ознакомить вас прежде всего со страной, о которой идет речь в моем сообщении.

Под именем Абхазии известна страна, лежащая на восточном берегу Черного моря, приблизительно между $43^{\circ} 20'$ и $42^{\circ} 20'$ северной широты. На севере она граничит с Черноморским округом, от которого отделяется Гагринским кряжем; на юге, по реке Ингуру, проходит граница ее с Мингрелией. На северо-востоке Главный Кавказский хребет составляет естественную ее границу с Кубанской областью, а на юге и юго-востоке ее отделяет от Сванетии высокий контрфорс Главного хребта, на пятиверстной карте носящий название Джодисвик, а у туземцев известный под названием Аррымюа.

В общем с северо-запада на юго-восток страна имеет протяжение до 180 верст. Устройство поверхности ее в разных местах различное. Но вообще можно сказать, что это преимущественно горная страна, как это отлично можно видеть на рельефной карте. Горы Абхазии не высоки; самые высокие из них едва достигают 12 500–13 000 футов (Псышь, Капышыстра и Арыхуа); но зато они отличаются необыкновенно трудной доступностью и полным бездорожьем. Последнее замечание имеет силу в особенности по отношению к прибрежным известняковым горам, состояние дорог на которых превосходит всякое описание. Абхазские горы пересечены множеством поперечных ущелий, поразительных по своей неприступности и дикости, по которым мчатся бурливые горные речки, берущие свое начало в ледниках Главного Кавказского хребта или в залежах вечного снега в глубоких ущельях второстепенных кряжей. Наиболее значительные из этих речек следующие: Бзыбь, Гумиста, Кяласур, Кодор, Аадзга. Большинство рек, мы сказали, все время течет в узких и диких ущельях; но некоторые из них, как Бзыбь и Кодор, в среднем течении своем протекают по более или менее широким долинам, вполне пригодным для человеческих поселений, которые некогда и существовали. В северной части страны от реки Бзыби до Псырцхи горы отстоят от моря приблизительно верст на двадцать. Между ними и морским берегом остается более-менее ровное пространство, носящее характер то низменности, то слегка возвышенной равнины, по которой волнами про-

бегают в перпендикулярном к морю направлении волнообразные гряды невысоких холмов, отделяющихся друг от друга неглубокими долинами речек Апста, Хыпста, Мчыш и проч. Эту узкую береговую часть страны мы называем культурной полосой, потому что только здесь в настоящее время сосредоточены абхазские поселения.

Начиная от Псырцхи и далее к Сухуму и реке Кодору, высокие предгорья подходят почти к самому берегу моря, и культурная полоса вследствие этого чрезвычайно суживается, доходя местами всего до трех–пяти верст. За Кодором горы опять отступают от морского берега, и культурная полоса снова расширяется, доходя в Абжуйской части Абхазии верст до 25. Чем дальше мы подвигаемся к югу, тем все далее и далее отступают от морского берега горы. Вместе с тем культурная полоса все более и более расширяется, приобретая характер настоящей низменности, незаметно переходящей за Ингуром в широкую Мингрельскую низменность. В Самурзакани (так называется самая южная часть Абхазии) эта низменность местами имеет ширину верст до 40 и даже несколько более.

Охарактеризовав устройство поверхности страны, скажем теперь несколько слов о ее климате и естественных произведениях. Защищенная от влияния холодных северо-восточных ветров высокою стеною Главного Кавказского хребта, который достигает здесь 9 500 футов средней высоты, и открытая в это же время влиянию теплых и влажных юго-западных ветров, дующих с моря, Абхазия наслаждается чрезвычайно мягким и ровным климатом. Снегу в стране выпадает очень немного, и то ближе к горам, в частях страны, удаленных от берега моря. Морозов ниже -7° -8° C не бывает.

Весна начинается здесь в марте, но уже в феврале и даже в январе расцветают розы, фиалки, цикламены, а уж конец марта и начало апреля — это настоящий разгар весны: леса давно уже одеты зеленью и всюду цветут благовонные азалия и каприфоль, красуются пышные рододендроны. Под свежим пологом лесов ютятся тысячи ярких орхидей, бурачниковых и мотыльковых растений.

Зима начинается здесь только в декабре и по своему характеру мало чем отличается от нашей южной осени. Некоторые местности, как Псырцха и Сухум-Кале, будучи защищены от холодного дыхания снежных

высот Главного Кавказского хребта целым рядом второстепенных кряжей, находятся в еще более благоприятных климатических условиях, чем остальные части страны: средняя годовая температура доходит здесь до 15° С, снега почти совсем не выпадает, термометр редко когда понижается ниже -1° -2° С. И здесь, на открытом воздухе, могут зимовать не только вечнозеленые растения средиземноморской флоры — мирты, олеандры, лавры, апельсины, лимоны, но даже настоящие тропические растения: пальмы, бананы, бромеллии.

При таком теплом и влажном климате, естественно, сила растительности в Абхазии поразительна. Роскошные девственные леса, состоящие из смеси лиственных, вечнозеленых и хвойных пород, покрывают всю страну, начиная от берега моря до значительных высот, тысяч до 7 футов над уровнем моря, где они уступают место привольным нагорным пастбищам, покрытым пышной, сочной травой и горящим миллионами ярких цветов. Человеку приходится здесь вести упорную борьбу с лесом, которым быстро зарастает все брошенные культурой земли. Абхазские леса заключают в себе много весьма ценных пород. Я не говорю о почти неисчислимом запасе превосходного строевого леса, состоящего из каштана, дуба, клена, липы, пихты и пр. Абхазия изобилует также такими драгоценными породами как нежной-дерево (*Taxus baccata*), грецкий орех (*Juglans regia*) и самшит, или кавказская пальма (*Buxus sempervirens*). Что касается культурных растений, то в стране сеют в большом количестве кукурузу и кавказское пшено (*Panicum italicum*), в незначительном количестве — табак и хлопчатник и очень редко — пшеницу и лен. Из огородных растений разводят особый сорт вьющихся огурцов, фасоль, арбузы, тыквы, дыни. Фруктовых садов в Абхазии масса. Вся береговая Абхазия представляет собою как бы один сплошной сад. То же можно сказать и о Цабале, и о верхних долинах рек Бзыби и Кодора. Обычные разводимые в садах породы груш, слив, яблоч, черешни, персиков и абрикосов не отличаются особенными достоинствами. Хурма (*Diospyros lotus*), инжир (*Ficus carica*) и гранатник (*Punica granatum*) растут в стране первые два дерева совершенно, а последнее — почти дико. Винограду в стране разводится до трех десятков разных сортов. Некоторые из них обладают высокими достоинствами

и дают превосходные крепкие вина с сильным букетом, в особенности два белых сорта, известные под местными названиями амлаху и ауасыр-хуаш, и два красных сорта — качич и апапныш, из которых получают белые и красные вина с теми же наименованиями.

Непроходимые дебри абхазских лесов, понятно, изобилуют всякого рода зверем и дичью. Кроме бездны разного хищного зверья — волков, лисиц, шакалов, выдр, куниц, кабанов, медведей и проч., в лесах водятся во множестве дикие козы, фазаны, горные индейки, и местами (в диких и недоступных ущельях Бзыби и ее притоков) — олени. По нагорным пастбищам и по склонам, венчающим горные вершины, бродят целыми стадами серны и туры. Мириады диких пчел гнездятся по лесам и на горах по скалам Абхазии. Они производят необыкновенно сладкий и ароматный мед, которым Абхазия славилась исстари и который составлял некогда вместе с вином предмет вывоза из страны.

Вот, Мм. Гг., краткая характеристика физико-географического и естественноисторического состояния страны, о которой идет речь. Перехожу теперь к непосредственной теме моего сообщения.

Абхазия в настоящее время в административном отношении образует Сухумский округ. В него входят следующие административные участки (прежде — отдельные округа): Гудаутский, Гумистинский, Кодорский и Самурзаканский.

Гудаутский участок есть самый северный. Он объемлет всю так называемую Бзыбскую Абхазию — от Гагр до Псырцхи. Населен он почти исключительно абхазцами, числом до 15 000 душ обоего пола. Административный его центр — местечко Гудауты, на берегу моря.

Гумистинский участок составляет центральную часть Абхазии с городом Сухум-Кале. Он простирается от Псырцхи до реки Кодора. Абхазского населения в этом участке почти нет (есть всего две-три маленькие деревни), а заселен он преимущественно выходцами из разных стран, главным образом — мингрельцами, трапезундскими греками, армянами, немцами, русскими, эстонцами. Население его официально исчисляется в 5 818 душ обоего пола.

Кодорский участок, иначе Абжуа, тянется от р. Кодора до р. Аалдзи. Население его — чисто абхазское, насчитывает до 15820 душ

о. п. Административным центром этого участка является приморское местечко Очамчиры.

Наконец, Самурзаканский участок идет от реки Аадзги до реки Ингура, т. е. до границ Мингрелии. Это самый большой из всех четырех участков. Население его официально показывается в 30 529 человек. Населен этот участок самурзаканцами — племенем абхазского происхождения со значительной примесью мингрельского элемента. Центром его управления служит местечко Окум, находящееся в самой середине Самурзакани.¹

Население Абхазии сосредотачивается в настоящее время исключительно в береговой полосе страны, которую мы и называем поэтому культурной полосой. Но прежде, лет 30 назад, поселения существовали всюду в горах. Наиболее значительными из них были поселения псхувцев в долине Бзыби и цабальцев и дальцев в долине Кодора. После окончательного покорения Кавказа, около 1864 года, население этих долин все целиком эмигрировало в Турцию, и места их бывших аулов в настоящее время совершенно пустуют (исключение составляет Цабал, который теперь быстро заселяется разными пришельцами, преимущественно греками и армянами).

Коренное население Абхазии, по исследованиям барона Услара, Загурского, Люлье и др., принадлежит к совершенно самостоятельному племени, стоящему особняком среди других племен Кавказа. Это племя грузины сыздавна называли «абхазы», откуда и произошло наше русское название страны; а у черкесов оно слыло под названием «абадза» или «азега». Сами себя абхазцы называют «апсуа», а страну свою «Апснэ». Условным откликом их при встрече с другими горцами служит слово «Ахчипсы». Абхазцы имеют очень мало общего как в языке, так и в религии со своими бывшими соседями Черноморскими и Кубанскими черкесами группы адыге, т. е. с натухайцами, шапсугами, кабардинцами, абазехами. Название последних еще не должно служить поводом предполагать родственную связь их с абхазцами, так как оно на языке адыге

¹Сведения о народонаселении почерпнуты нами из Кавк. календаря за 1892 г.

означает только «живущий ниже абхазцев» (по толкованиям Люлье). Что касается убыхов, живших по соседству с абхазцами, около Сочи и Варданэ, то, если можно полагаться на слова турецкого путешественника XVII в. Эвлия-эфенди, они были абхазского племени и говорили по-абхазски.¹ По утверждению же Люлье, убыхи говорили на совершенно особом языке, не имевшем сходства ни с абхазским, ни с черкесским. Впрочем, об убыхах мы не имеем решительно никаких достоверных сведений, так как они тотчас же после покорения Кавказа все до последнего человека эмигрировали в Турцию, а раньше мы не имели с ними никаких сношений, посредством которых могли бы почерпнуть о них те или иные сведения.

Другие ближайшие соседи абхазцев — джигеты (иначе: садзен, садзы или саджзуа, как их называли абхазцы), которые жили по берегу моря у Гагр и Адлера — народ несомненно абхазского происхождения (также по утверждениям Люлье). После Кавказской войны джигеты также все выселились в Турцию. К абхазскому же племени принадлежали так называемые медовеевцы, или медозюи, подразделявшиеся на псхё, ачхипсё и айбга, занимавшие верхние долины рек Бзыби, Мзымты и Псоу; затем — цебельдинцы (или цамбал), занимавшие среднее и верхнее течение реки Кодора, а также ряд народцев, живших по ту сторону Главного Кавказского хребта в Кубанской области, на верховьях рек Большой и Малой Лабы (Лаб. — **З. А.**), Урупа, Зеленчука и Кубани. Это общества: баг, барокой, шегерой, там, кизилбек, башилбай, басьхог и др. Все эти народы после окончательного замирения Кавказа выселились в Турцию за исключением небольших обществ с верховьев рек Зеленчука и Кубани, которые существуют там и поныне.

В настоящее время, как мы уже упоминали выше, коренное абхазское население занимает лишь следующие местности Абхазии: Гудаутский участок (здесь их до 15 000 душ), Кодорский участок — до 16 000 душ и две-три незначительные деревни Гумистинского участка. Таким образом общее число абхазского населения достигает теперь едва 32 тысяч человек: это все, что осталось от прежнего населения Абхазии, насчитывающего в 30-х годах 50 с лишком тысяч, а в 60-х — 70 с лишком тысяч.

¹ Журнал «Кавказ», 1870 г. №№ 64, 65, 68.

Жители Гудаутского участка, или Бзыбской Абхазии, значительно рознятся по языку от жителей Кодорского участка, или Абживской Абхазии. У первых в языке очень много черкесских слов, заимствованных ими от соседей — Черноморских черкесов; у вторых — вследствие близкого соседства с Самурзаканью и Мингрелией — много заимствованных мингрельских слов. Кроме того, в языке тех и других существует разница в самих звуках. Вообще, по словам знатоков абхазского языка, наречия Бзыбское и Кодорское различаются между собою почти в такой же степени, как великорусское наречие от малороссийского. Кроме различия в языке, между населением Бзыбской и Абживской Абхазии существует некоторая разница и в обычаях (о них будет речь ниже).

Что же касается самурзаканцев, то о происхождении их существует два взаимно противоположных мнения. Одни утверждают, что самурзаканцы представляют собой пеструю смесь разных народностей — абхазцев, мингрельцев, имеретин, гурийцев, грузин, одновременно сюда переселившихся, основывая свое мнение на языке самурзаканцев, представляющем особое наречие мингрельского языка. Другие же считают их народом абхазского происхождения, в который лишь впоследствии, всего лет 200 назад, благодаря долговременному политическому влиянию на Самурзакан Мингрелии, вошел элемент мингрельский. В подтверждение своей мысли они (вторые) указывают между прочим на тот факт, что самые распространенные в Самурзакани фамилии — Зухбайя, Анчибайя, Акиртава — суть коренные абхазские (только видоизмененные на мингрельский образец) Зухба, Ачба, Акыртаа. Относительно национальности самурзаканцев мы смогли выяснить на месте следующее: во-первых, многие из самурзаканских фамилий, действительно, настоящие абхазские и даже считаются в родстве с таковыми же фамилиями Бзыбской Абхазии. Во-вторых, господствующий тип населения в северо-западной части страны, на границе с Абжуа, чисто абхазский, в юго-восточной части страны — чисто мингрельский. Посередине, около м. Окума, преобладает тип смешанный. Точно также варьирует и язык. В северо-западной части страны говорят на почти чистом абхазском языке лишь с самой незначительной примесью мингрельских слов; в центре Самурзакани, около Окума, говорят больше

по-мингрельски, хотя встречаются и знающие абхазский язык. Наконец, на юго-востоке от Окума, в общинах Соберии, Дихазурги, Чубурхинджи и др., господствующим языком является исключительно мингрельский, хотя старики рассказывали мне, что в старину здесь говорили больше по-абхазски. В-третьих, названия гор и речек — почти исключительно абхазские.¹ В-четвертых, часть религиозных обрядов — несомненно абхазского происхождения, тогда как другие — мингрельские, а может быть, создались даже на месте. Некоторые молитвы читаются только по-абхазски. В-пятых, народные песни мингрельские. Шестое, господствующие обычаи и на первом плане обычай гостеприимства — строго абхазские. Сами самурзаканцы не причисляют себя ни к абхазцам, ни к мингрельцам, но с гордостью называют себя особым племенем — самурзакан. Самое название самурзакан происходит от слова Мурзакан и означает: владение Мурзакане. Такое название она (вероятно, местность. — **Ред.**) получила в начале прошлого столетия от правителя своего, Мурзакана Шервашидзе, при котором она отделилась от Абхазии и стала самостоятельной страной. Таким образом, большинство данных говорит о том, что самурзаканцы, скорее, происхождения абхазского и мингрельский элемент явился сюда лишь в сравнительно недавнее время.

Попробуем теперь охарактеризовать вкратце внешний тип абхазцев. Все абхазцы вообще отличаются высоким ростом и хорошим сложением. Черты лица — крайне характерные, сразу отличающие их от других племен. В особенности характерен абхазский крючковатый нос и черные глаза, смотрящие из-под нависших бровей дико и вместе с тем наивно. Почти все абхазцы — крайние брюнеты. Blondины с голубыми глазами попадаются как редкое исключение. Курьезно, что изредка попадаются лица с огненно-рыжими волосами и еврейским типом лица. Не остатки ли это той самой народности, о которой говорится в легенде о богатыре Брискиллиа (или Абрскил), поставившем целью своей жизни

¹ Многие абхазские названия сохранились до сих пор на правобережье Ингура, в горной части, прилегающей к современной границе Республики Абхазия. — **З. А.**

истреблять людей с рыжими волосами и голубыми глазами (за то, что они могут сглазить?)¹

Обыкновенно все — и молодые, и взрослые люди — бреют на голове волосы наголо и оставляют только усы и бороду. Старики, в особенности в Самурзакани, имеют очень почтенный вид и напоминают изображения древних патриархов и апостолов. В юго-восточной части Самурзакани, как мы уже говорили, мужчины имеют чисто мингрельский тип лица, т. е. черты более тонкие и мелкие, выражение глаз — более мягкое.

Абхазские девушки в общем очень милостивы, хотя имеют очень крупные черты лица, в особенности, чрезмерно длинный нос. У них чрезвычайно хороши большие черные глаза, красиво вычерченные брови и очень тонкий и стройный стан. Красавиц среди них попадает очень мало. Большая часть красивых типов давно была вывезена на продажу в Турцию. Но и теперь еще в некоторых наиболее глухих аулах — в Отхарах, Калдахуарах, Блабырхуа — попадают настоящие горские красавицы, вроде тех, о которых в старину шла громкая слава: с пышными волосами, необыкновенной белизной и тонкостью кожи, великолепными черными глазами, томно глядящими из-под длинных опущенных ресниц, стройные до очарования. Замужние женщины вообще быстро теряют свою красоту, и абхазские старухи сплошь и рядом представляют собой воплощенное безобразие. Тип женщин в юго-восточной части Самурзакани значительно рознится от абхазского. Кроме того, в Самурзакани можно встретить женщин с совершенно мингрельским типом лица.

Одеваются как мужчины, так и женщины, вообще очень просто. Здесь нет того стремления к щегольству в одежде, которое заметно у мингрельцев, имеретин и гурийцев. Мужчины носят обыкновенно короткую получеркеску из грубого серого сукна местного изготовления, надевающуюся поверх ситцевого бешмета, узкие, в обтяжку, штаны и самодельные башмаки, или вернее, сандалии из необделанной телячьей кожи, так называемые «ажэцю-эйма», замечательные в том отношении, что прежде чем надеть, их нужно долго размачивать. Необходимой при-

¹ См. эту легенду в «Сборнике Материалов для описания местностей и племен Кавказа» за 1892 г. (вып. XIII, отд. II).

надлежностью костюма служит башлык, который носят, то распуская концы его по плечам, то завязывая их на голове наподобие чалмы, по-гурийски. В старину, еще не так давно (всего 30 лет назад), все носили на голове высокие остроконечные папахи из бурки, но теперь это вышло из моды, и все носят меховые шапочки мингрельского или кабардинского образца. За кожаным поясом с насечками из серебра обыкновенно носят массу разного оружия и, по крайней мере, всегда кинжал — с ним никогда не расстаются.

Обычная одежда женщин состоит из длинного бешмета, так называемой «кабы», поверх которого носят нечто вроде безрукавки или жилетки, обыкновенно пестрого и вообще отличного от кабы цвета. У турок такая одежда называется «кантар», а по-абхазски «эйлак». В старину женская каба вместо пуговиц или крючков застегивалась красивыми серебряными застежками, т. н. чапразем.

Шальвары (очень узкие) составляют, разумеется, необходимую принадлежность женского костюма. Обувью женщин служат обыкновенные кавказские сафьянные чупяки или туфли. В старину, говорят, сами абхазки были великие мастерицы изготовлять красивый сафьян для обуви. Но теперь это искусство, кажется, совсем позабыто или существует лишь в нескольких глухих аулах.

Существует мнение, будто черкешенок и в том числе абхазок еще с детства зашивают в длинный корсет, от которого они будто бы освобождаются только по выходе замуж. Мнение это не вполне основательно. Может быть, у черкесов и существует подобный обычай. Я, по крайней мере, слышал, что он еще существует кое-где в Кабарде и у кубанских абазинцев. Что касается Абхазии, так здесь он положительно не имеет места. Абхазские девушки действительно носят нечто вроде корсета, но только не из грубой бараньей кожи, а из сафьяну, или — бедные — просто из ситцу или полотна, и притом далеко не все и не постоянно (надевают его лишь в торжественных случаях). Тем не менее, и существующая форма корсета сильно вредит красоте абхазской женщины. Абхазки, заботясь исключительно о том, чтобы талия их была как можно стройнее и тоньше, плотным корсетом сильно задерживают развитие груди, которые принимают вследствие этого некрасивую отвислую форму.

Абхазские женщины не носят какого-либо определенного головного убора, как грузинки или гурийки. Их головной покров ограничивается простым шелковым или бумажным платочком, который плотно охватывает волосы и завязывается сзади, а по большей части они ходят без всякого головного убора. Свои волосы они всегда тщательно заплетают в несколько кос. Обычай румяниться и подводить брови существует в Самурзакани, куда, вероятно, проник из Мингрелии. Впрочем, абхазки вовсе и не нуждаются в этом, они обладают очень красивым цветом лица и бровями, лучше которых не мог бы навести на лице женщины ни один куаффер-художник.

Скажем теперь несколько слов о жилищах, занятиях и вообще о домашнем быте абхазцев.

Абхазцы никогда не селятся скученными аулами, как дагестанские или кубанские горцы, а живут по большей части изолированными друг от друга хуторами, окруженными фруктовыми садами и кукурузными плантациями. Только в Самурзакани, а из настоящей Абхазии в тех общинах, где население сыздавна было более скученным, живут более тесно, и их дома с кукурузными плантациями следуют без перерыва одна за другой. Обыкновенно же отдельные хозяйства или дымы (как их принято называть на административном языке) разбросаны на значительном друг от друга расстоянии. Иногда они отделяются друг от друга небольшими перелесками, так что иная абхазская деревня тянется верст на десять. Только в последнее время туземцы начали заводить деревянные жилища (акуася) на манер гурийских или имеретинских, которые строят им плотники-грузины. Обыкновенным же излюбленным абхазцами и самурзаканцами жилищем является их национальная сакля (по-абхазски «аюны», по-самурзакански «пацха»), плетенная из прутьев ивы или чаще рододендрона и покрытая сверху папоротником или особым злаком, называемым по-абхазски «акармаш». Обыкновенно, строят на каждом дворе несколько сакль, по крайней мере, две-три: одну — парадную, предназначенную для приема гостей и пребывания самого домохозяина с семейством, другую — играющую роль кухни, и третью — для помещения скота в зимнее время. Для коз существует всегда отдельный плетеный сарайчик, поставленный высоко на столбах, куда эти животные,

большие любители лазить, взбираются по лесенке. Подобный же сарайчик на столбах делается для хранения кукурузы (для предохранения ее от почвенной сырости). В каждом хозяйстве имеется также отдельная плетуха для помещения домашней птицы и плетеный сарайчик для хранения вина. Всякое жилище имеет впереди нечто вроде веранды, на которой хозяева обедают и спят в летнее время. Войдя внутрь абхазской сакли, мы увидим прежде всего посередине ее место для очага, на котором всегда горит костер. Над ним — спускающийся с поперечной балки под крышей на длинной цепи или палке с крючьями чугунный котелок для варки национального блюда — абысты (абыста — каша из кукурузной муки). Потолка в сакле нет, нет и трубы, и дым прямо выходит сквозь щели стен. Возле стен в сакле стоят деревянные тахты или лавки с разбросанными на них маленькими цилиндрическими подушечками (грузинские мутаги), а на одной из лавок стоят украшенные кованым железом и медью сундуки с хозяйским добром. Горюю возвышаются сложенные одно на другое пышные ватные одеяла, которых у каждой хозяйки бывает великое множество. По стенам развешано разное оружие и парадная одежда хозяев, а также произведения рукоделья хозяйки. Если хозяин дома добрый христианин, у него непременно красуется где-нибудь на видном месте раскрашенная русского произведения лубочная картинка с сюжетом из Святой истории. Мебели, кроме низеньких скамеечек для сидения у костра и таких же низеньких круглых столиков, на которых подают пищу, в аюны не полагается. Где-нибудь в углу аюны, на столике, расставлены простые принадлежности домашнего хозяйства: классический медный кувшинчик с таким же тазиком (мингрельской работы) для омовения рук и ног, один-два стакана и несколько деревянных чашек нашего кустарного производства. Такова обстановка абхазского жилища, которая совершенно удовлетворяет нетребовательных туземцев. Мы, разумеется, рисуем обстановку среднего небогатого абхазца, где-нибудь в отдаленном, глухом селении. Богатые люди, в особенности князья и дворяне, устраиваются гораздо комфортабельнее, на русский или имеретинский лад.

Что касается занятий абхазцев, то главное и, можно сказать, исключительное занятие их — земледелие. Землей владеют на общинных началах, а именно — все незанятые под культуру земли считаются собствен-

ностью общины (одной или нескольких деревень) и всякий может ими пользоваться, т. е. в случае надобности имеет право расчистить их под посев, пасти на них скот и т. д. Сеют абхазцы преимущественно кукурузу и немного проса (*Panicum italicum*). Кукурузу предпочитают сеять на том основании, что она требует меньше ухода. Вся работа по культуре кукурузы ограничивается тем, что ранней весной, в марте—апреле, кое-как вспашут первобытным плугом землю, и в конце апреля, а иные, более ленивые хозяева, даже в конце мая, засеют пашню под кукурузу. Затем в течение лета придется два—три раза перетохать кукурузу, выполоть сорные травы. К концу августа кукуруза поспевает, и ее начинают — иногда вплоть до октября — собирать и сушить. Отдельного огорода при доме не бывает.

Тут же, в кукурузнике, сажают арбузы и тыквы, по высоким стеблям кукурузы пускают фасоль, а по изгороди предоставляют виться огурцам. Отдельного сада по большей части также не существует. Фруктовые деревья и грецкие орехи разбросаны частью во дворе, частью — по кукурузным плантациям. Тут же по деревьям ольхи и хурмы вьется абхазский виноград. Около самого дома мужчины засевают немного табака, а женщины — хлопчатника. Последний (по-абхазски его называют «абамбá») служит в абхазском быту вместо нашего льна. В старину, говорят, сеяли много льна, из которого туземные женщины умели готовить тонкие ткани, которые сами же окрашивали растительной краской, получаемой из ягод дико растущей здесь *Phytolacca decandra*. Теперь лен, я слышал, разводят только в глухом ауле Блабырхуа, где вообще упорно держатся старины.

В старину в стране было развито шелководство. Теперь оно почти оставлено и существует только кое-где в Самурзакани и Абжуа.

Хлопоты по домашнему хозяйству распределены в семье следующим образом. Полевые работы и работы по сбору фруктов, винограда и приготовлению вина лежат исключительно на хозяине дома. На нем же лежит обязанность припасать валежник для костра и присматривать за скотом — гонять его на пастбу и обратно, доить коз и коров. Дети, преимущественно мальчики, по мере сил помогают отцу в присмотре за скотом. Женщины по сравнению с мужчинами несут очень мало обязанностей. В их исключительном ведении находится огород и плантация

хлопчатника. Они также должны убрать комнату, принести из источника воды и приготовить пищу. В свободное от этих работ время они занимаются рукоделем. В шитье и в особенности в вязании они большие искусницы.

Абхазцы — плохие скотоводы. Впрочем, сама природа в стране такова, что не позволяет вести этот род хозяйства в широких масштабах. Развитию его препятствует прежде всего отсутствие постоянного подножного корма. Хороший подножный корм бывает в стране только летом на нагорных лугах, куда обычно и гоняют в это время скот. В остальное же время года скот остается внизу и с трудом отыскивает себе в лесных зарослях скудную пищу. Сено же у туземцев заготавливать не в обычае, да и крайне неудобно. Развитие скотоводства тормозит также лихорадочность климата. Лучшие привозные породы скота (существует уже печальный опыт) не выдерживают нездорового климата страны и быстро чахнут. Выдерживает климат и прочие неблагоприятные условия только туземная, невзрачная на вид, тощая и низкорослая скотина: крошечные коровы, крошечные быки и такие же небольшие горские лошадки. Лошадей туземцы очень любят, так как почти все — отличные наездники, выработка умения хорошо править лошадью входит существенным элементом в программу абхазского воспитания. Из других животных держат коз и буйволов, которые чувствуют себя в этой стране превосходно. Баранов разводят в Абхазии очень мало.

Прежде одной из важных статей абхазской промышленности был звериный промысел, именно — ловля куниц в особые капканы, а также добывание меда диких пчел. В настоящее время, благодаря введению в стране новых лесных законов, воспреещающих охоту и сбор меда без билета от лесничего, оба эти промысла почти оставлены. В Самурзакани и Абжуа много занимаются пчеловодством.

Торговлей абхазцы не занимаются и терпеть ее не могут, считая это занятие позорным, так же, как и ростовщичество. Самурзаканцы держатся точно такого же взгляда на торговлю, и это резко отличает их от соседей-мингрельцев, которые в душе все страшные торгаши. Торговля в Абхазии находится всегда в руках мингрельцев, армян или турок. Как правило, в каждом большом абхазском селении находится один-два

духана или лавочки, куда туземцы сносят для промена свои естественные произведения — кукурузу, местное сукно, сыр, домашнюю птицу. Денег при промене не употребляется. Каждый кусок ситцу или каждый платок идет за известную меру кукурузы или за известное число кружков сыру. Материю, кстати, туземцы при покупке отмеряют локтями — счета на аршины избегают. Кроме своих излюбленных посредников в торговле — армян, мингрельцев и турок, они ни с кем другим в торговые отношения не вступают, и ни за какие деньги русскому путешественнику нельзя приобрести какой-либо предмет, который однако охотно променяют духанщику за половину его действительной стоимости. Все сказанное относится, разумеется, во-первых, к жителям более отдаленных, глухих аулов и, во-вторых, к простым крестьянам. Что же касается князей и дворян, то некоторые из них, в особенности обладающие большими поместьями, занимаются деятельной торговлей, главным образом, отправкой кукурузы и самшитового дерева за границу.

Описывая занятия жителей, нам следовало бы теперь сказать несколько слов об их бывшем сословном разделении. Но так как со времени введения в 1866 году на Кавказе крестьянской реформы деления на сословия более не существует и жизнь населения складывается теперь совсем уже на других началах, чем прежде, то мы считаем это излишним. А интересующихся этим вопросом отсылаем к обстоятельным статьям об этом предмете, напечатанным в «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 70-й и 71-й годы.¹

Покончив с обозрением физического типа абхазцев и их внешней культуры, перейдем теперь к характеристике их внутреннего мира. Начнем с характера абхазцев. Абхазцы вообще очень живы, порывисты в душевных движениях, крайне любопытны и склонны к болтливости не менее женщины. Поэтому поговорка «Болтлив как баба» не может иметь здесь места. Наблюдая разговор абхазцев, удивляешься его живости, массе жестикуляций и звукоподражаний, которыми они его сопровождают.

¹ Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе (Абхазии и Самурзакани). «Сборн. свед. о кавк. горц.», вып. V.

Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // «Сборн. свед. о кавк. горц.», вып. III.

Абхазцы — большие любители пения. Песни их, однако, очень монотонны и дики для нашего слуха, состоят по большей части из повторения бессмысленных слов: «уара да, уара да» или чего-нибудь в этом роде. Обыкновенно кто-нибудь высоким голосом запекает, а остальные хором временами ему вторят, как бы аккомпанируя, обыкновенно на низких нотах. Иногда запекала импровизирует, рассказывая какой-нибудь забавный случай или кого-нибудь восхваляя. Девушки поют очень редко — из скромности. Абхазцы любят потанцевать, но танцы их очень однообразны и неинтересны. В Абжуа и Самурзакани еще пляшут с грехом пополам лезгинку, но в Бзыбской Абхазии танцы solo напоминают прыганье козы. Самый распространенный из всех танцев — это т. н. «круговой танец», или «танец плеч» (по-абхазски «напэй эбакныкуашура», по-самурзакански «худжи скапуа»). Молодые люди и девушки берутся за руки и составляют общий круг. Под звуки песни, которая поется всем хором, все в такт подпрыгивают или кружатся в ту или другую сторону. Такие танцы устраиваются на собраниях в большие праздники — праздник Пасхи, Рождества, Св. Георгия и на свадьбах. Занятие музыкой в большом ходу в Абхазии. Почти в каждой сакле имеется какой-нибудь музыкальный инструмент. В Бзыбской Абхазии преобладает род скрипки, называемой по-абхазски «абхярца» или «чангур», в Абжуа и Самурзакани — мингрельский чонгури. Последний инструмент разительно напоминает своей формой испанскую мандолину. Абживские абхазки и самурзаканки большие мастерицы играть на чонгури. В последнее время в Бзыбской Абхазии стала быстро распространяться русская гармоника.

Одно из любимейших увеселений абхазцев составляют скачки. Они устраиваются при всяком удобном случае, когда только бывает народное собрание — на праздниках, на свадьбах, на поминках. На поминках устраиваются специальные скачки — скачки детей. Карпузики от 8–10 лет, едва видных от земли, сажают на горячих коней, и они мчатся на них во весь опор. Стрельба в цель составляет также излюбленную народную забаву, без которой не обходятся ни одни поминки и ни одна свадьба.

Абхазцы очень приветливы, вежливы в обращении и даже, если хотите, галантны. Иногда бываешь положительно поражен тактом, с каким умеет держать себя какой-нибудь простой абхазский крестьянин. Уменье

держат себя, так сказать, хороший тон абхазцев особенно резко бросается в глаза при сравнении их с другими горцами, например, их кубанскими соседями — карачаевцами: последние кажутся в сравнении с абхазцами какими-то неучами и дикарями. Когда вы приезжаете в абхазский дом, хозяин и хозяйка после первых приветствий сейчас же осведомляются о состоянии здоровья вас самого и вашего семейства и, если бы вам хотелось с дороги отдохнуть, спешат удовлетворить ваше желание и оставляют вас в покое. Во всяком случае, здесь нет и в помине того назойливого любопытства, доходящего до бесцеремонности, которое проявляют по отношению к гостю карачаевцы или сванеты. Когда вы находитесь в дороге, все равно, кто бы вы ни были, вы получаете от всех встречных приветливое «здравствуй» («бзелауаабейт») или «добрый день», «добрый вечер» («мшыбзиа», «хулбзиа»). Этого вы не встретите на дорогах в Мингрелии.

К встречным пастухам в Абхазии обращаются с приветствием «бзе хэйт» — «да будет здоров твой скот»; занятых полевыми работами приветствуют словами: «бзиа жуйт», т. е. «да спорится твоя работа», и т. д.

Что касается абхазского гостеприимства, то оно, полагаю, слишком общеизвестно, чтобы о нем стоило распространяться. Скажу только, что на основании обычая гостеприимства всякий проезжающий имеет полное право остановиться в любой сакле, в какое бы то ни было время дня и ночи, и домохозяин не только не будет за это в претензии, но напротив, будет чрезвычайно доволен, что вы заглянули в его жилище. Совершенно неверно расхожее мнение, будто абхазец, зазвав проезжего к себе в саклю и хорошо угостив его, затем подстерегает его на дороге, грабит и убивает. Ничего подобного на деле не существует, и самый факт этот находится в прямом противоречии с абхазским взглядом на обязанности хозяина по отношению к гостю.

Гостеприимство здесь не только простой обычай, но скорее — закон, вообще нечто священное, что нарушить считается важным грехом, не говоря уже о том, что нарушение его навлекает на того, кто дозволит себе сделать это, всеобщее порицание. Каждый хозяин, как бы он беден не был, старается предложить гостю все, что у него есть лучшего из съестного и приготовить ему для отдыха самое пышное, какое только найдется

у него в доме, ложе. Во время угощения хозяин будет все время стоять, не смея сесть с вами за стол без вашего приглашения. Его старшая дочь или жена разносит вам кушанья и подает воду для омовения рук до и после ужина, а когда вы будете ложиться спать, та же девушка подойдет к вам — помочь раздеться и омыть ваши ноги.

У абхазцев очень развито чувство собственного достоинства. Они не так обидчивы и вспыльчивы как гурийцы, но тем не менее, не выносят даже простой брани и тем более побоев. Всякого, кто позволит себе оскорбить абхаза действием, ожидает кровная месть со стороны обиженного. Ругательств на абхазском языке не существует, и сварливые люди не пользуются в стране никаким уважением. Особенно позорным считается оскорбить, хотя бы простыми словами, женщину и, в особенности, девушку. Не было еще примера, чтобы такое оскорбление оставалось безнаказанным: обидчика неминуемо ожидает смерть от руки брата или мужа обиженной.

Абхазцы довольно ленивы, медлительны в своих движениях и чрезвычайно склонны к праздности. Проезжающие постоянно видят целые группы туземцев, праздно валяющихся летними жаркими днями в тени раскидистых орехов. Когда надоедает лежать под одним деревом, переходят под другое. Время для абхазцев ничего не стоит, и проезжему путешественнику, вступившему в сношения с ними по какому-нибудь делу, например, по найму лошади, приходится сильно испытывать свое терпение. Впрочем, упрек в лени и праздности мы не имеем права бросать в лицо всем поголовно. Среди туземцев попадает много очень работающих людей, которые не любят ни минуты сидеть без дела, и благосостояние которых создано исключительно благодаря их честному труду.

Абхазцев очень часто и не без некоторого основания упрекают в страсти к конокрадству. В последние годы, действительно, порок этот достиг ужасающих размеров и принял характер настоящего народного зла. То, что делалось в Абхазии в апреле и мае настоящего (1892) года, положительно выходит за пределы вероятного. Тем не менее, рискованно приписывать это дурное качество всему народу. Как отлично известно всякому, кому случилось пожить более или менее долгое время в Абхазии, занятие конокрадством в настоящее время стало почти исключительно

привилегией бывшего класса князей и дворян, считающих унижительным для себя заниматься какой бы то ни было работой. Почти в каждом селе-нии укажут вам на какого-нибудь из князей Шервашидзе или Анчабадзе, или дворян Лакербайя и Маргания как на известного в округе вора. Во-обще же у абхазцев занятие конокрадством считается делом предосуди-тельным, и человек, раз в нем заподозренный, не пользуется уже никаким уважением.

Абхазцы отличаются необыкновенной выносливостью и способны в дороге делать громадные переходы при самой скудной пище. Трудно бывает поверить, чтобы тот же самый ленивый абхазец, который внизу, в деревне, составлял ваше мучение, досажая вам своею медлительностью, мог так внезапно и так полно переродиться, как только он попадает в горы. Горы и лес — это настоящая стихия абхазца.

Абхазцы чрезвычайно воздержанны в пище. Едят обыкновенно все-го два раза в день — утром и вечером — пищу, неизменно состоящую из кукурузной каши, т. н. абысты (то же, что у черкесов паста), из свежего или круто просоленного козьего или коровьего сыра и кислого молока. Иногда к этому скудному обеду присоединяют еще имеретинскую лобию (по-абхазски акуд), т. е. вареную фасоль, протертую вместе с грецкими орехами и красным перцем, поджаренный на огне початок молодой куку-рузы и кое-какие овощи. В случае приезда гостя всегда режется курица, а иногда — баран, и печется сдобный кукурузный хлеб с сыром. Масла ту-земцы готовить не умеют, и потому его нет в употреблении. Вина ту-земцы выделывают много (есть иные домохозяева из простых крестьян, которые заготавливают его до 500 ведер в год), потому что они большие любители этого напитка и пьют его много, в особенности в гостях. Впро-чем, пьянство здесь совершенно неизвестно, и считается крайне непри-личным для мужчины быть навеселе и вообще выказывать какие бы то ни было признаки опьянения.

Равным образом абхазцы чрезвычайно целомудренны. Мужчины не знают женщин иногда лет до 30–35, до самой своей женитьбы. Совер-шенно лишены основания сообщаемые Гавриилом, епископом Имере-тинским, сведения о половой разнузданности абхазцев. Отношения мо-лодых людей обоего пола, напротив того, отличаются безукоризненной чистотой, доходящей до пуризма. Никаких внебрачных отношений не

допускается, и молодого человека, соблаздившего девушку, неизбежно ожидает кровная месть со стороны ее родственников. Если же девушка согласилась разделить его любовь добровольно, ее ожидает всеобщее презрение. Обычай не позволяет молодому человеку даже объясниться в любви девушке, и тем более — наоборот. Это считается чрезвычайно стыдным, и никто не решится сделать этого. Обыкновенно, если молодому человеку нравится девушка и он хотел бы на ней жениться, он подсылает от себя какое-нибудь доверенное лицо к ее наперснице выведать, нравится ли ее подруге такой-то? Если окажется, что — да, начинается формальное сватовство. Хотя в настоящее время браки устраиваются по большей части родителями, но тем не менее желание последних не обязательно для девушки и она вольна выбрать себе в мужа кого ей хочется.

Абхазцы, по-видимому, очень страстны, и лучшее доказательство тому — уголовная хроника: наибольшее число убийств в стране, вызванных ревностью или же как последствия очень распространенного в стране обычая умыкать невест. Кстати сказать, в последние годы убийства приняли хронический характер (совершаются регулярно раз или даже по два раза в месяц).

Умыкание невест производится либо с предварительного согласия девушки, либо же насильно, и в последнем случае дело не обходится без нескольких жертв как со стороны партии похитителя, так и со стороны родственников девушки, которые бросаются в погоню за похитителем.

Что касается брака, то в нашей форме, т. е. брака, освященного церковью, у абхазцев не существует. Его избегают даже самурзаканцы, которые во всех других отношениях ревностные христиане. Существует два типа брака у туземцев, из которых один — чисто туземный, а другой заимствован из Турции, и его придерживаются исключительно магометане (здесь мы делаем оговорку, что некоторую часть сведений о браке мы заимствуем из статьи неизвестного автора (три звездочки) в VI вып. Сборника сведений о кавказских горцах.¹

Первый род брака состоит в том, что, заручившись согласием девушки и ее родителей, жених приносит отцу девушки, ее матери и ближай-

¹ *Абхазцы (Азеза), — по поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народовъ, его населяющихъ».*

шим родственникам более или менее ценные подарки. Ценность подарков обуславливается состоянием жениха. У богатых князей иногда идут в дар целые табуны породистых лошадей. Со своей стороны отец невесты отдаривает жениха подарками равной стоимости. Раз обмен подарками произошел, брак считается заключенным, и жених имеет право взять к себе девушку. Брачный пир обыкновенно следует сейчас же после обмена подарками. Но так как жених или отец невесты очень часто не могут собраться со средствами, чтобы представить все подарки сразу, то брачный пир откладывается на более или менее продолжительное время, иногда на год или даже на два. В промежутке между первым обменом подарками и свадебным пиром девушка или уходит в дом к своему мужу — в случае, если остановка за подарками произошла со стороны отца невесты, или же, если задержка за подарками существует у жениха, продолжает жить в родительском доме, где однако жених может свободно видаться с ней. Это наиболее распространенный в стране род брака. Другой тип брака, заимствованный у мусульман, состоит в том, что жених дает девушке так называемый «меках» или письменное обязательство обеспечить ее известной суммой денег на случай добровольного развода или его смерти (жена в Абхазии не пользуется имущественными правами после смерти мужа). Меках закрепляется муллою и свидетелями при прочтении известной молитвы. Ни в коем случае не следует смешивать меках с калымом. Калым всегда означает покупку женщины и указывает на приниженное состояние женщины в стране, где он существует. Меках же наоборот свидетельствует о сравнительно свободном положении женщины. О значительном развитии прав женщины говорит и тот факт, что развод в Абхазии — дело крайне обыкновенное и совершается чрезвычайно легко. Женщина после развода вольна выйти замуж за кого ей угодно. Но это бывает лишь в том случае, если развод произошел по добровольному соглашению супругов. Если же развод произошел по вине жены, виновную ожидает общее презрение, а муж, мало того, что волен расправиться как ему угодно с соблазнителем, имеет еще право требовать от родственников жены уплаты кровомщения (т. е. цены крови его жены, которую, по обычаю, он мог бы убить за неверность).

Скажу теперь несколько слов о положении женщины в доме мужа и о взаимных отношениях супругов. Жена в доме считается полной хозяй-

кой и вовсе не занимает в доме того угнетенного положения, на которое указывают некоторые авторы, а со слов их и Дубровин. Напротив того, как мы уже это видели, на женщинах лежит весьма мало хозяйственных обязанностей. Жена может самостоятельно принимать в отсутствие мужа гостей и сама выезжать из дому без мужа, лишь в сопровождении свиты из нескольких приближенных людей (свита эта назначается вовсе не для охранения женщины в дороге, а исключительно для почета). Очень часто бывает, что жена отправляется одна хлопотать по разным делам мужа. Роль хозяйки дома — вежливой, обходительной, распорядительной — абхазки, даже из простых крестьянок, ведут с поразительным умением. Вообще, относительно абхазской женщины можно сказать, что она по развитию стоит гораздо выше мужчины. Многие абхазки получают в настоящее время образование в трехклассной женской прогимназии в Сухуме, тогда как для абхазских мальчиков других школ, кроме начальных горских, в крае не существует.

Постороннего человека поражает необыкновенная странность отношений, существующих в абхазской семье между супругами, в особенности между молодыми. Так, новобрачные в течение многих лет брака не имеют права в присутствии отца, матери, старшего брата или гостя находиться вместе: если муж входит в комнату, где находится одно из названных лиц, жена сейчас же удаляется из комнаты, и наоборот. Точно так же муж не может обращаться к своей жене в присутствии таких лиц с каким-либо вопросом или приказанием: он всегда передает ей таковые через третье лицо. Наконец, муж не смеет произносить настоящего имени своей жены. Если кто-нибудь, не знакомый с абхазскими обычаями, спросит у абхазца, как зовут его жену, ему ни за что не удастся добиться от последнего ответа, и он поневоле должен будет обратиться с этим вопросом к кому-нибудь из присутствующих. Для того, чтобы обращаться к своей жене, муж придумывает ей какую-нибудь условную кличку. Но Боже его избави назвать ее по имени: это навлекло бы на него всеобщее порицание. Все эти курьезные факты, насколько мне известно, в литературе об абхазцах не упоминались. Будучи крайне заинтересован ими, я подверг их тщательной проверке. Оказывается, что такие странные отношения между супругами распространены во всей Бзыбской Абхазии, Абжуа и даже отчасти в Самурзакани.

Любопытно, что подобные же отношения между супругами существовали и у черкесов, например, у кабардинцев.¹

Полагаю, что сказанного совершенно достаточно, чтобы дать вам понятие о взглядах абхазцев на брак и взаимные отношения супругов.

Перейдем теперь к характеристике отношений между родителями и детьми. Отношения родителей к детям у абхазцев отличаются необыкновенной нежностью. Совершенно лишено основания утверждение, высказываемое Гавриилом, епископом Имеретинским, будто абхазцы никогда не ласкают и вообще не любят своих детей. Напротив, все, что мы видели, указывает на то, что в отношениях родителей к своим детям существует самая трогательная нежность. Телесных наказаний — не только розог, но и более невинных, вроде щелчков, дранья за волосы и т. п. при воспитании совершенно не практикуется, так как туземцы вообще гнушаются телесными наказаниями и тем более позорным считают применять их к существам беззащитным и при том столь дорогим для них, как дети. Вообще, на наш взгляд, детей в Абхазии даже чересчур балуют. Нам редко случалось слышать даже, чтобы мать прикрикнула на своего ребенка. В свою очередь дети платят родителям крайней почтительностью и послушанием.

Почтительное отношение к старшим вообще составляет одно из самых отрадных явлений в жизни Абхазии. Дети и даже взрослые молодые люди, по обычаю, не имеют права в присутствии старших садиться и должны все время скромно молчать до тех пор, пока кто-нибудь из старших не обратится к ним с вопросом. Всегда, как только входит в комнату старик, принято всем — и старым, и малым, — вставать с места и садиться вновь только тогда, когда старик пригласит их. Всякое лицо, как бы влиятельно оно ни было, не исключая и князей, подчиняется этому обычаю. Всякое мнение, высказываемое стариками, выслушивается присутствующими с величайшим вниманием и уважением.

Говоря об отношении родителей к детям, мы должны упомянуть о чрезвычайно распространенном в Абхазии, и в особенности в Самурза-

¹ Сравни: *Народные сказания кабардинцев, помещенные в «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 1871 год.*

кани, обычае отдавать детей на воспитание в чужую семью. Обычай этот существует преимущественно у князей и дворян, а из простых крестьян у тех, кто имеет большие средства, так как передача детей на воспитание, равно как и усыновление их сопряжены с большими расходами. Обычай требует, чтобы как лицо, отдающее ребенка на воспитание, так и вскормивший его воспитатель обменялись ценными подарками. Обычай отдавать детей на воспитание вызывается вовсе не какими-нибудь корыстными или вообще практического свойства соображениями, а возник еще в давние времена вследствие желания установить более тесную связь между различными фамилиями. Желание это в особенности имело свой *raison d'être* в эпоху до покорения нами Абхазии, когда страна была раздираема постоянными междоусобиями и кровная вражда была в полном разгаре. К обычаю усыновления часто прибегали, чтобы покончить мирным путем кровную вражду, существовавшую между двумя семействами. В последнем случае обидчик отдавал своего сына на воспитание к обиженному, и когда тот возвращал ему последнего с подарками, считалось, что с враждой покончено.

Иногда лицо, которое желало заручиться чьим-либо содействием в очень важном для него деле, не рассчитывая на простое обещание этого последнего и желая получить от него более надежную гарантию, прикладывалось губами к сосцам его жены или матери, после чего считалось усыновленным. И его новые молочные родственники были обязаны заботиться о нем, как о родном сыне или брате. Подобный обряд усыновления пришлось, между прочим, проделать автору «Воспоминаний кавказского офицера», когда он нанимал проводника для своего опасного путешествия в горы и желал получить от последнего гарантию, что он его не выдаст. Вообще, лицо, взявшее ребенка на воспитание, относится к нему как к собственному сыну, окружая его не меньшей заботливостью, чем родной отец или мать. Так как ребенок находится у кормильца лет до 12 (а мальчики даже и до 16) и только тогда возвращается родителям, то это, разумеется, влияет до некоторой степени на отношение его к последним. Хоть он и платит им должную дань уважения, но, естественно, с большей нежностью он будет относиться к своим кормильцам. Молочное родство у абхазцев считается отнюдь не менее важным, чем кровное.

Лицо из фамилии, которая находится в молочном родстве с другою фамилией, не имеет права вступать в брак с кем бы то ни было из представителей этой последней фамилии, хотя бы то были отдаленные родственники. Заметим, что обычай вступать в молочное родство был сильно развит и у черкесов, где он носил название аталычества (аталык — кормилец).

Теперь нам следовало бы сказать несколько слов о туземном обычном праве и о применении судебных обычаев к судопроизводству. Предмет этот, однако, настолько обширный, что рассмотрение его завлекло бы нас слишком далеко. К тому же мы лично почти не собрали о нем сведений и потому господ интересующихся отсылаем к обстоятельной статье, посвященной этому предмету, в IV вып. Сборника сведений о кавказских горцах.¹

Перейдем теперь к рассмотрению религиозного состояния абхазцев. О религиозном состоянии Абхазии писалось очень много, пожалуй, больше, чем о чем-либо прочем. К сожалению, далеко не все написанное по этому вопросу заслуживает доверия. В особенности грешат против истины мелкие статейки разных неизвестных авторов, помещавшиеся в газете «Кавказ» за 60-е годы. Сведения же о религии абхазцев, сообщаемые беллетристом 50-х годов Савиновым в его «Достоверных рассказах об Абхазии» абсолютно неверны и не имеют решительно никакой цены. Во-первых, автор пользуется чужими наблюдениями, которые он приукрашивает произведениями собственной фантазии, и во-вторых, он постоянно путает абазехов, абазин и абхазцев, между тем как первые, как мы уже упоминали, представляют народ, относящийся к черкесской группе адыге и не имеющий с абхазцами решительно ничего общего ни в языке, ни в религии. Вследствие этого, например у Савинова, попадают в число абхазских божеств такие как Тлепс — бог огня, как Мизитх — бог лесов, божества чисто черкесские, о которых абхазцы не имеют никакого представления. К сожалению, сообщаемые Савиновым сведения вошли полностью в почтенный труд Дубровина.

Ценные сведения о языческих божествах Абхазии мы находим в статье бывшего начальника Сухумского округа г-на Введенского (в V вып.

¹ *Статья «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии».*

Сборника сведений о кавказских горцах).¹ Однако кажется, что почтенный автор излишне умножил число абхазских божеств, а о некоторых дает не совсем верное представление. Так, например, он упоминает об абхазском божестве адзылан, которую он называет покровительницей вод. Адзылан, по нашим расспросам, есть просто русалка, водяная нимфа, по большей части очень злая женщина, по одним сведениям, очень безобразная, с длинными отвислыми грудями, которые она забрасывает себе за плечи; по другим, напротив, очень красивая голубоглазая девушка с длинными распущенными волосами. Вообще, сведения об адзылан отличаются сбивчивостью: очевидно, старые предания стали уже забываться. Однако все сходится на том, что адзылан — все очень сильные женщины и всякому, кто имеет несчастье встретиться с ними, предлагают померяться силами: если адзылан одолеет, она заставляет побежденного жить с ней в течение известного времени. Самые цельные сведения о языческой религии абхазцев мы находим в «Очерках абхазской мифологии», написанных природным абхазцем Соломоном Званбайя.²

Наши мимолетные наблюдения не могли ничего прибавить существенного к этим сведениям, и потому всех интересующихся подробностями религиозных воззрений абхазцев мы отсылаем к статьям Званбайя и Введенского. Здесь же, для полноты нашего этнографического очерка, мы скажем лишь несколько слов о религиозном состоянии, в котором застаем страну в настоящее время. Абхазия переживает тот момент, когда религиозные верования, завещанные стариной, забываются, а новых основ религии население воспринять не успело. Вследствие этого в умах населения существует полный хаос воззрений; обрывки языческих верований перемешиваются в них с остатками старинного христианства и кое-какими магометанскими предрассудками. Хотя теперь в стране усиленно стараются распространять христианство, но способ, принятый для распространения его таков, что едва ли может положить прочную основу христианского учения в умах населения. А между тем как легко было бы посеять здесь семена христианства. Абхазия ведь сыздавна была

¹ *Религиозные верования абхазцев (Введенский).*

² *Кавказ» 1867 г.; №№ 74, 75, 76;*

христианской страной. Как известно, абхазцы приняли христианскую веру еще при императоре Юстиниане. До сих пор еще в стране сохранилось уважение к древним храмам в Пицунде, Дранде, Лыхны, Елыре — памятникам христианской культуры XI века, которые обстоятельно описаны в сочинениях Dubois de Montpèreux, Кондакова, Нордманна и проч.

Этим храмам приносятся в известное время жертвы, они считаются неприкосновенными, и присяга, произнесенная в них, нерушимой. До сих пор туземцы исполняют некоторые христианские обряды, чтут Великий и Успенский посты, празднуют день св. Пасхи, Рождества, св. Георгия, Михаила и Гавриила, на Пасху красят яйца и проч. Кроме того, если прочесть внимательно «Очерки абхазской мифологии» Званбайя, нетрудно убедиться, что даже при своих языческих жертвоприношениях, даже называя имя какого-нибудь языческого бога, абхазцы тем не менее обращаются не к каким-нибудь фетишам или олицетворениям божества, а к всемогущему Высшему Богу. Весьма характерен в этом отношении ответ, данный одним абхазцем Соломону Званбайя. Званбайя однажды спросил старика-пастуха, совершавшего жертвоприношение тому, кого он подразумевает под именем Хахту (Всевышний) и которого призывал при обряде. Тот отвечал ему: «Бога, Создателя всего мира и человека». Званбайя предложил ему принять христианскую веру. Пастух сказал, что рад сделать это, но не знает, что читает священник. Когда же он сам с открытою душою простирает руки к Богу и собственными словами просит о прощении грехов и ниспослании благ, то на душе делается легче.

К числу остатков древнего христианства следует между прочим отнести очень распространенное в Абжуа и Самурзакани моление архангелам Михаилу и Гавриилу (по-самурзакански Самгариа-хвама, по-абхазски — Самкагариа-лыпха-хавай, или Микамгариа-анэхера). Об этом молении в литературе не упоминалось, и поэтому я вкратце опишу его. Моление в честь Михаила и Гавриила совершается раз в год, обыкновенно по понедельникам. Домохозяин, задумавший его, приглашает к себе всех соседей (мужчин). Перед началом моления режут телянку, и все присутствующие гости и члены семейства собираются около кувшина с вином, зарытого в земле. Затем все преклоняют колена, и старший в семье зажигает восковую свечу и бросает на уголья ладан, моля при этом архан-

гелов Михаила и Гавриила о даровании здоровья всему семейству. После этого достают из земли кувшин с вином, и начинается пир. Жертвенное мясо при этом позволительно есть только мужчинам.

Что касается остатков языческих верований, то они, в кратких словах, сводятся к следующему: абхазцы почитают несколько божеств, управляющих теми или другими явлениями природы, которым они приносят в известное время года жертвы. Вот названия этих божеств: Афы, бог грома и вообще атмосферных явлений. Ему приносят жертвы, во-первых, при отправлении стад в горы и возвращении их оттуда, во-вторых, во время летней засухи и, в-третьих, если молнией во время грозы убьет человека или домашнее животное. В последнем случае, по словам Званбайя, «хозяин собирает всю деревню без различия пола, устраивает на четырех столбах вышку такой вышины, чтобы на нее не могли впрыгнуть собаки или хищные звери. После устройства вышки все присутствующие совершают вокруг убитой скотины пляску, напевая известные слова: одна половина присутствующих поет хором «воетла», а другая «чаупар», и скотину поднимают на вышку. Там она остается на жертву хищным птицам. По совершении пляски и поднятии трупа убитой скотины, хозяин в знак благодарности Богу за посещение приносит ему в жертву другую скотину. Однако же в заключение молитвы, читаемой во время жертвоприношения, он просит Бога пощадить на будущее время как его самого, так и стада его. Если молнией поразит человека, то и над его телом совершают подобный же обряд. Во время круговой пляски родственники убитого не должны плакать, потому что, по понятиям абхазцев, Афы поразит всех присутствующих одним ударом. Описываемое суеверие до такой степени укоренилось в Абхазии, что никто без пляски и песни не решится поднять тело убитого громом человека или скотины». Мы нарочно привели столь подробно эту выдержку из статьи Званбайя.

Дело в том, что в христианской Самурзакани мы обнаружили существование почти такого же обряда. Там он известен под названием «жинишь-хвама», что значит верхняя молитва, и абхазцы из Абжуа прямо переводили мне это название на абхазский язык «афульпха», т. е. молитва в честь Афы. И действительно, жинишь-хвама есть почти буквальное повторение вышеописанного абхазского обряда, лишь

с незначительными изменениями. Название «верхняя молитва» присвоено обряду потому, что совершается он на горе.¹ Курьезно, что подобный же обряд существовал и у черноморских черкесов (ноткуаджь и шапсугов).²

За Афы, богом грома, следующим по степени важности божеством является Шасшу, бог кузнецов. Ему молятся кузнецы накануне Нового года. У абхазцев, даже у абживцев и самурзаканцев, чрезвычайно распространено почитание Шасшу. Самой действительной в стране присягой считается присяга, произнесенная в кузнице. Присягающий при этом говорит: «если я не скажу правды о том, о чем меня спрашивают» или «если я виноват в том, в чем меня обвиняют, то да разобьет Шасшу голову мою молотком на наковальне», и при этих словах ударяет три раза молотком по наковальне (С. Званбайя).

Но еще более действенной считается в Бзыбской Абхазии присяга, принятая на горе Дыдрыпшь, служащей местом жительства какого-то всемогущего божества Анэбснеха, а в Самурзакани и Абжуа — присяга, произнесенная перед древним образом св. Георгия в Елырской церкви. Кроме богов Афы и Шасшу существует еще бог Ажвейпшаа Абна анчваху, покровитель охотников, которому молятся, отправляясь на охоту; Айттар, покровитель домашнего скота, которому приносят жертву пастухи; Джаджи — бог земного плодородия, которому молятся домохозяева, со-

¹ Вот подробное описание этого обряда, сообщенное нам образованной самурзаканской девушкой Дзааку Кардава: «Когда убьет громом человека или скотину, берут большой медный котел с цепью, который до тех пор хранился в доме без употребления, серебряный инурок и лучшего козла из стада, и с этими предметами отправляются на ближнюю гору, где собирается народ со всего околотка. Там втыкают в землю 4 столба, на них кладут перекладыны, все покрывают листьями и окружают со всех сторон серебряным инурком. Затем режут козла и мясо его кладут на листья. После этого все пляшут круговую пляску, поют и в заключение творят молитву Вышнему, чтобы он в другой раз пощадил их. Если при этом среди присутствующих окажется кто-нибудь неверующий, он сделается бешеным, и болезнь его пройдет лишь тогда, когда он помолится Вышнему».

² Верования, религиозные обряды и предрассудки черкесов//Люлье Л. Я. Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. кн. V. 1862.

бирая плоды с полей и садов. Любопытно, что крайне характерный языческий обряд, который проделывают абхазские девушки во время засухи, описанный в статьях Званбайя и Введенского, существует полностью, как мне удалось выяснить, и в Самурзакани. Характерно, что слова распеваемой при этом песенки произносятся по-абхазски.¹

Вот все главнейшие остатки языческих верований в Абхазии. О проявлениях магометанского влияния мы не станем говорить вовсе, потому что оно слишком ничтожно и касается исключительно внешних обрядов.

Теперь нам еще остается сказать несколько слов об абхазских народных преданиях и памятниках седой старины в стране. Что касается первого предмета, то, насколько мне известно, он почти не затронут в литературе. Я по крайней мере встречал в литературе всего два предания: самурзаканское предание об очокочи (лесных людях) и абживское предание о богатыре Брискиллиа (или Абрскил), напечатанные в Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа. Ввиду этого крайне желательно было бы, чтобы кто-нибудь из этнографов взялся поскорее собрать абхазские предания, пока они еще не исчезли из памяти народа. Мне лично привелось слышать всего три предания.

¹ Сообщаем вкратце суть этого обряда для лиц, незнакомых с упомянутыми статьями. Когда в Абхазии или Самурзакани бывает сильная засуха, девушки со всего селения собираются в каком-нибудь месте, где делают куклу из соломы, которую одевают в женское платье. Эту куклу сажают затем на осла, прикрыв последнего белой простыней, и все отправляются к какой-нибудь речке, где заранее был ими приготовлен маленький плот. При этом все девушки, участвующие в процессии, распевают следующие слова: «Дзиау, дзиау дзари! Ква ква мыкрылд апи-ах ипа дидишуайт адзы хучик адзы хучик», что буквально значит: «Воды, воды достать! Достать воды дождевой — маргаритку красную. Сын Владыки, жаждем немного воды, немного воды». Дойдя до речки, снимают куклу с осла, кладут ее на плот, поджигают и пускают плот по течению. Затем стараются перегнать осла через речку и наблюдают, закричит он при этом или нет. Если закричит — это считается хорошим признаком, предзнаменованием скорого дождя; и чем сильнее будет реветь осел, тем сильнее будет дождик. Если осел не станет кричать, через несколько дней обряд повторяют снова.

Это, во-первых, предание о великанах адоу, или адоуква (мн. ч), существующее в Бзыбской Абхазии, во-вторых, о лесных людях (обнаоэ) и, в-третьих, о карликах цаниях (или ацанах). Последние два предания распространены по всей Абхазии.

Первое предание гласит, что некогда в ущелье реки Бзыби, около Калдахуары, жило племя страшных великанов-людоедов с семьей и более головами, которые имели во лбу по одному глазу. Они долгое время разбойничали в стране, наводя ужас на жителей окрестностей, пока не явились сюда богатыри Нарты и не победили их. Могилу одного из этих великанов-одноглазов и доньне указывают в Калдахуарском ущелье, близ развалин крепости Хасанта-абаа.

Остановимся несколько на этом интересном предании. Адоу по-абхазски значит собственно богатырь. В Абхазии именем Доу или Адоу назван один из известных перевалов (где, кстати сказать, находят в земле в большом количестве старинные железные стрелы). Это абхазское предание невольно наводит нас на мысль о совершенно подобных преданиях, существующих у других кавказских горцев. У осетин мы также сталкиваемся со сказаниями о борьбе богатырей доу или дзау, составлявших в древние времена туземное население Осетии, с храбрыми и неустрашимыми рыцарями-нартами, явившимися к ним из Персии и вступившими с ними в упорную борьбу, которая кончилась поражением нартов и слиянием их с туземцами¹.

¹ Настоящая статья была уже приготовлена для печати, когда мы получили от нашего корреспондента в Абхазии, учителя Горской школы при Новоафонском монастыре (в Псырцхе) Б. Г. Хорава письмо, в котором он сообщает существующую в Абхазии легенду о Нартах, совершенно аналогичную Нартовским сказаниям осетин и черкесов-адыге. Эта легенда вместе с другими преданиями, сообщаемыми г. Хорава, будет напечатана нами впоследствии в подробностях. Любопытно, что главным героем в ней является, как и в осетинских и черкесских сказаниях, все тот же Сосрыко (по-абхазски Сасрыкуа, по-черкесски Саузурек), рожденный чудесным образом от обольстительной и хитрой женщины Сатанэй.

У кабардинцев и черноморских черкесов также чрезвычайно распространены предания о борьбе неуклюжих великанов-людоедов с храбрыми и хитрыми нартами.¹

Передавая абхазское сказание о циклопах, я не могу удержаться, чтобы не упомянуть здесь кстати о любопытнейшем предании о великанах-одноглазах, записанном в Мингрелии, близ границ Самурзакани.² Предание это представляет почти буквальное повторение Гомеровского сказания о циклопах.

Любопытно, что в предании местом жительства этих великанов названы некие скалы на берегу Черного моря, из которых вытекает мед. По нашему разумению, это должно быть не что иное, как знаменитые медовые скалы на Черных горах между Гаграми и Адлером (недалеко от устья Бзыби), где в громадном количестве гнездятся дикие пчелы, дающие в изобилии превосходный мед. Таким образом, мингрельское предание сходится с абхазским вплоть до указания места жительства великанов.

Второе сказание, которое нам особенно часто приходилось слышать, так как оно чрезвычайно распространено в стране, — это сказание о лесных людях (обнауаю). Эти лесные люди изображаются в сказании чрезвычайно дикими существами, живущими в глуши девственных лесов Абхазии. Они имеют длинные волосы, одеваются в звериные шкуры, и на груди у них всегда привешен небольшой топор. Они очень злы, и встреча с ними в лесу не обещает ничего хорошего. Живут лесные люди охотой. В старое время, когда абхазцы только что явились в страну, лесные люди жили всюду по лесам Абхазии, и пришельцам пришлось вести упорную борьбу с ними. Любопытно, что английский путешественник по Кавказу Фрешфильд принял это предание за истину и, сылаясь на авторитет русских официальных лиц, в своем отчете в Королевском географическом

¹ Д. Шанаева. *Нартовские сказания Осетин* // *Сборн. свед. о кавказских горах*. Вып. V;

Люлье А. Я. *Верования, религиозные обряды и предрассудки черкесов* // *Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. общ.* Кн. V. 1862.

² Петров И. *Мингрельское сказание об одноглазе* // *Сборн. материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. V. 1886.

обществе об экспедиции для разыскивания погибших на Кавказе англичан сообщил о существовании в лесах Абхазии, в долине р. Кодора, диких лесных людей.

Третье предание — о цаниях или ацанах, бесспорно, самое любопытное из всех. Насколько мне известно, в литературе оно пока не появлялось. Прежде чем рассказать его, я должен ознакомить вас, Мм. Гг., с оригинальными постройками, с которыми это предание связано. Постройки эти замечательны как по своему оригинальному типу, так и (в особенности) по своему положению высоко в горах, близ вечных снегов. В археологической литературе о них я не нашел никаких сведений. Почти на всех горах Абхазии на высоте от 7 000 до 8 000 футов находятся оригинальные городища, имеющие вид очень низеньких каменных оград, сложенных из необтесанного камня и замкнутых обыкновенно в виде четырехугольника. Большею частью они находятся в полуразрушенном состоянии, и неопытному глазу в таких случаях бывает трудно отличить их от естественных груд камней, образующихся на этих высотах из-за обвалов и осыпей. Расположены они по обыкновению где-нибудь на ровной лужайке, удобной для пастбы скота, близ горного потока. Эти постройки носят у туземцев название ацангуара, т. е. ограда ацанов. Вот что говорит об ацанах народное предание (заметим — совершенно тождественное как в Бзыбской Абхазии, так и в Абжуа и Самурзакани). Некогда в этих оградах жили карлики, принадлежавшие к племени ацан или цания (первое название абхазское, второе — самурзаканское).

«Тогда на земле было еще то блаженное время, когда не существовало ни ветра, ни холода, ни дождя, ни снега, ни даже — различия между днем и ночью. Солнце вечно сияло на безоблачном небе, и ацанам не было вовсе холодно на высотах, которые теперь доступны для жительства лишь в течение трех летних месяцев. Ацаны беззаботно жили здесь со своими стадами, которые паслись на сочной траве нагорных лугов, возле прохладных ручьев, бежавших из подземных источников. Питались ацаны исключительно молочными продуктами и мясом коз; мясо ели сырым, так как употребления огня не знали. Ацаны были нечестивым народом — они совершенно не хотели признавать существования Бога. И вот Бог, разгневавшись на них за отсутствие веры, задумал наказать их.

Однажды кто-то из ацанов заметил, что у козла, стоявшего неподалеку на скале, стала пошевеливаться борода, и вслед за этим ацаны почувствовали новое для них ощущение холода. Это был ветер, который послал в первый раз Бог на Землю, чтобы наказать нечестивых ацанов. Ветер нагнал черные тучи, которые закрыли солнце, и вскоре с неба стали падать хлопья белой ваты, которые и покрыли всю землю. Вслед за тем Бог послал с неба огонь, который воспламенил вату и сжег ацанов».

Вот суть предания об ацанах. Я слышал его от нескольких лиц, и все они повторяли его приблизительно в одних и тех же выражениях.

Рассказав о постройках ацанов, я должен упомянуть еще об одном крайне любопытном памятнике старины, который мне также довелось наблюдать в горах Абхазии. Я хочу сказать о жертвенниках, которые находятся на многих горных перевалах. Я лично видел их на высоких перевалах Дзина и Хымсы. В «Воспоминаниях кавказского офицера» упоминается о подобном же жертвеннике на перевале через Главный Кавказский хребет, в Абхазии, у горы Капышистры.

Жертвенники эти состоят из нескольких сложенных в виде четырехугольника камней. Сюда каждый переваливающий через хребет обязан положить какое-нибудь приношение Духу Гор, иначе тот пошлет ему на дороге туман или снежную вьюгу. Приношения эти бывают самого разнообразного характера. Обыкновенно кладут пули, деньги, какое-нибудь не очень нужное оружие; женщины — пуговицы, ножницы, лоскутки. На жертвеннике Дзина я встретил среди приношений большой кристалл известкового шпата. Никто из путников под страхом неминуемого наказания свыше не смеет присвоить себе какую-либо из находящихся на жертвеннике вещей. Описываемые жертвенники принадлежат, очевидно, к глубокой древности, так как на некоторых из них, в гряде накопившихся веками приношений, находятся и железные наконечники стрел и копий. От этого и происходит абхазское название таких жертвенников «ахчакуахыку», т. е. место, где лежат стрелы. Вот образцы этих наконечников, собранные мною в земле на перевале Ачавчара. Они совершенно подобны найденным мною на перевале Дзина (с пер. Дзина я не мог захватить их, так как зорко наблюдавший за мною проводник не позволил мне сделать этого).

Памятники старины в Абхазии вообще едва затронуты исследованиями и нуждаются в деятельном дальнейшем изучении. В Абхазии например, есть много пещер, служивших некогда местом жительства человека, и их крайне интересно было бы исследовать. Самая любопытная из этих пещер или, вернее, пещерных жилищ, есть Мчышская пещера, расположенная между селами Отхарой и Блабырхуа. Она находится в скале, из-под которой вытекает река Мчыш. Когда вы приблизитесь к этому месту, то увидите перед собою громадную, совершенно отвесную скалу, в разных местах которой виднеются четырехугольные отверстия — род окон. Эта скала — совершенное подобие знаменитой скалы Уплис-цихе близ г. Гори.

В Мчышскую пещеру в недавнее время, говорят, пробовал пробраться один абхазский князь, проживавший в селе Отхары, Маджар Шервашидзе (недавно умерший). При помощи нескольких десятков людей он соорудил нечто вроде воздушного моста, по которому и достиг одного из окон и через него спустился в пещеру. Князь ограничился, однако, исследованиями только первой комнаты, не решился спуститься в другие. В этой комнате он нашел какие-то серебряные сосуды, которые, говорят, были переданы им местному участковому начальнику. Какая дальнейшая судьба постигла находки, мне неизвестно. Не мешало бы поэтому господам археологам серьезно заняться обследованием Мчышской пещеры.

Равным образом я хотел бы обратить внимание археологов и на крайне интересную в археологическом отношении местность, находящуюся в Самурзакани, на правом берегу р. Ингура, около селения Дихазурги. Это так называемая Дихазурга. Местность, известная под этим именем, лежит на северо-восточном склоне горы Сатанжи, которая и сама по себе представляет много интересного. На вершине этой горы находится высокая старинная башня, видная издалека, а внизу, у подошвы горы, на берегу р. Ингура, также находятся какие-то развалины. В этой местности сыздавна при распашке земли находят разные вещи, преимущественно оружие. Я видел несколько таких находок. Это суть: медный (или бронзовый) топор, наконечник копья и женская застежка (фибула).

Этими сведениями я и закончу свое сообщение, которое и без того уже разрослось до нежелательных размеров.

В заключение я считаю своим долгом повторить, что вовсе не претендую своим сообщением внести что-либо существенно новое в этнографическую литературу об Абхазии. Я желаю лишь изложением своих личных пятилетних наблюдений устранить кое-какие ошибки, вкравшиеся в эту литературу и до сих пор не исправленные.

Мне хотелось также возбудить среди этнографов интерес к абхазцам — этому любопытному народу, что в настоящее время является единственным представителем тех рыцарских черкесских племен, которые еще не так давно занимали все Восточное побережье Черного моря вплоть до реки Ингура. Народу, который теперь, к сожалению, под давлением русской культуры быстро утрачивает свою племенную самобытность.

Н. Альбов

БОТАНИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЗАПАДНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ
В 1893 году¹

Наблюдения над флорой юрских известняков

Цель настоящей статьи — опубликовать некоторые из ботанико-географических исследований, собранных в Западном Закавказье, именно в следующих провинциях его: Аджарии, Гурии, Мингрелии, Самурзакани, Абхазии, Черноморском округе — в течение пяти с половиной месяцев этого года, с мая по октябрь. Хотя мои ботанические коллекции пока еще не разработаны, но ввиду особенного интереса, который представляют некоторые полученные мною выводы относительно географического распределения растений, я нахожу полезным ознакомить с ними публику раньше, нежели окончится разработка коллекций. Я считаю это позволительным ввиду некоторого предварительного опыта, который я

¹ Предварительное сообщение, читанное в собрании членов Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества 30 октября 1893 г. Перепечатано из Записок КОИРГО. Т. XVI. Тифлис. С. 115—158.

имею во флоре Западного Закавказья (растительность последнего мне достаточно известна по Абхазии, составлявшей предмет моих исследований в течение 5 лет, с 1888 по 1892 год).

Разумеется, разработка собранных гербариев может заставить меня несколько видоизменить или дополнить сообщаемые здесь выводы, но однако не пошатнуть их, так как они опираются на строго проверенные факты, которые, собственно говоря, и составят сущность этой статьи.

Кроме чисто ботанических наблюдений, которые были главной целью моих путешествий, в статью войдут также кое-какие и другие наблюдения, ничего общего с ботаникой не имеющие, как-то: этнографические, археологические, сельскохозяйственные, а также — чисто географические. Эти наблюдения велись мною только попутно, в минуты свободного времени. Оговаривая это, я надеюсь, что читатели не осудят меня за их краткость и, быть может, поверхностность. Совсем отказаться от таких наблюдений я не мог: в такой малоисследованной стране как Западное Закавказье (в особенности, если взять Черноморский округ) это было бы даже с моей стороны непростительно.

Главным мотивом, побудившим меня предпринять в настоящем году исследования Западного Закавказья, было следующее обстоятельство. Изучая растительность Абхазии, я был поражен резкой разницей в систематическом составе альпийской флоры известняковых и неизвестняковых (огненно-кристаллических и шиферных) гор этой страны. На эту разницу я указывал уже в своей статье в Записках кавказского отдела, относящейся к 1890 году¹. Позднее, в своем сообщении, читанном в Ботаническом Отделении С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей в январе текущего года, я еще более резко и определенно подчеркнул этот факт.² Чрезвычайно заинтересованный им и желая во что бы то

¹Отчет о ботанических исследованиях Абхазии за 1890 год //(Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. общ. Кн. XV. С. 167–168.

²Результаты ботанических исследований Абхазии (Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей, 1893. С. 80–81.

ни стало найти ему объяснение, я решил сделать пробег по всему Западному Закавказью и проследить растительность как известняковых, так и неизвестняковых гор на всем протяжении этой страны. Мое намерение встретило к себе сочувствие у М-г William Barbey в Женеве, собственника Herbarium Boissier (лучшего в мире собрания растений Востока), который будучи сам живо заинтересован малоисследованной флорой Западного Закавказья, предложил мне реализовать запланированное путешествие на средства Herbarium Boissier. Разумеется, мне не удалось осуществить своего проекта полностью: Западное Закавказье — страна слишком обширная, чтобы ее можно было осмотреть в такой короткий промежуток времени, как пять с половиной месяцев. Я не успел посетить именно Имеретию и Сванетию; Черноморские горы были мною также не достаточно полно обследованы. Но если принять во внимание, что в двух названных провинциях (Сванетии и Имеретии) известняковых гор очень мало, да и эти последние находятся в ближайшем соседстве с мингрельскими известняковыми горами, то позволительно думать, что мои наблюдения, касающиеся главным образом известняковых гор, мало теряют от этих изъянов. Тем более, что флоры всех провинций Западного Закавказья от Батума до Туапсе вообще чрезвычайно сходны между собой (в особенности травянистая растительность). Как бы то ни было, но и посещенные мною провинции: Аджария, Гурия, Мингрелия, Самурзакан, Абхазия и Черноморский округ дали мне достаточное количество фактов для того, чтобы я мог положить руку на сердце построить на основании их сообщаемые ниже выводы. В интересах цельности изложения я считаю за лучшее сгруппировать эти выводы, равно как и самые факты (растительность известняков) в конце статьи, которую я начну с изложения разносторонних — ботанико-географических, этнографических и иных наблюдений, произведенных мною в различных провинциях Западного Закавказья.

Начну с Гурии, куда была направлена моя первая экскурсия в конце мая. В Гурии я сделал несколько небольших экскурсий в нижней полосе гор и, кроме того, прошел на значительном протяжении Аджаро-Имеретинский хребет, где посетил между прочим знаменитые пастбища Бахмаро—Дзелигори.

Растительность Гурии в общем совершенно напоминает растительность Абхазии, только представляется еще более пышной. Так, нигде в

Абхазии не видал я таких колоссальных размеров лавровишни и рододендрона. Рододендрон решительно принимает здесь древовидную форму, достигая двух сажен в высоту при поперечнике в пол-аршина, а о размерах лавровишни можно судить по тем цифрам, которые дало нам измерение одного экземпляра ее, встреченного по дороге на Бахмаро: он оказался до трех четвертей аршина в диаметре при двух с половиной–трех саженях в высоту!

Вообще, в Гурии чувствуется климат более теплый и более влажный. Это сказывается, между прочим, и присутствием в лесах ее нескольких вечнозеленых форм, которых нет в Абхазии, лежащей гораздо севернее, а именно двух видов *Phillyrea*: *Ph. media* и *Ph. medwedewii* (*Ph. vilmoriniana*). Что касается состава лесов, то он ничем не отличается от лесов Абхазии: внизу господствует тот же смешанный лиственный лес, составленный из нескольких десятков разных пород, среди коих трудно указать преобладающую — дуба, граба, бука, ольхи, карагача, полевого клена и проч., — и образующий непроходимую чащу, перевитую всякого рода лианами, главным образом обвойником (*Periploca graeca*), экалой (*Smilax excelsa*), плющем (*Hedera helix*, *H. colchica*), ломоносом (*Clematis vitalba*) etc. Чаща изобилует массой колючих кустарников — вроде *Ilex*, *Ruscus*, *Rubus fruticosus* etc. Выше, начиная с 2 000–2 500 футов, идут более или менее чистые буковые насаждения с примесью каштана и с подлеском из понтийского рододендрона, азалии, лавровишни и кавказской черники. Еще выше, начиная с 4 000 футов, произрастают хвойные — еловые и пихтовые леса, изобилующие также буком, кленом (*Acer platanoides*) и горным ильмом.

Так же, как в Абхазии, названные хвойные породы не везде присутствуют в этих лесах; именно на открытых солнечных склонах лес представляется состоящим исключительно из лиственных пород, главным образом бука¹. Наконец, лесная растительность заканчивается полосой низкорослых деревьев и кустарников, вроде *Viburnum lantana*, *Sorbus aria*, березы (*Betula alba*), рябины, кавказского рододендрона и проч., совер-

¹ Сравн. об этом в моих статьях: *Леса Абхазии* // *Зап. общ. сел. хоз. Южн. России 1892 г.*) и *Результаты ботанических исследований Абхазии* // *Труды СПб. Общ. Ест. Т. XXIII. 1893.*

шенно аналогичной подобной же полосе Абхазии. В этой полосе, которая при описании растительности Абхазии названа пограничной полосой или просто границей леса, произрастает между прочим открытый там Я. С. Медведевым новый вид березы — *Betula medwedewii*. До сих пор вид этот считался эндемичным для Гурии, но, как я расскажу ниже, мне удалось его найти также в Мингрелии. Предел распространения лесной растительности в Гурии, по моим наблюдениям, варьирует в границах 2 000—2 200 м, т. е. 6 562—7 220 футов над уровнем моря. Что касается растительности нагорных лугов Гурии, то она представляет мало интересного, будучи совершенно сходной с растительностью нагорных лугов Западного склона Главного Кавказского хребта на всем его протяжении от Черноморского округа до Имеретии. Здесь вы встречаете тот же самый разноцветный ковер из *Anemone narcissiflora*, *Anemone sulphurea*, *Alchemilla vulgaris*, *Aquilegia olympica*, *Betonica grandiflora*, *Aster caucasicus*, разных примул, педикулярисов, *Macrotomia* и других растений, характерных для альпийской полосы кристаллических и сланцевых гор Западного Закавказья. Точно так же формация растительности, покрывающей вершинные скалы Аджаро-Имеретинского хребта, имеет полный аналог в той же формации западного склона Главного Кавказского хребта и его отрогов и состоит из характерных для этой формации миниатюрных изящных растений: *Gentiana pyrenaica*, *Gentiana verna var. alata*, *Campanula tridentata*, *Dryas octopetala*, *Alchemilla sericea*, разных камнеломок (*Saxifraga exarata*, *sibirica* etc.), драб (*Draba imbricata*, *tridentata* etc.) и проч.

Такова в общих чертах растительность Гурии. Через некоторое время, уже в начале июля, я снова возвратился в Гурию. На этот раз я обследовал горы, лежащие на ее границе с Кинтришем. Я проник сюда из Кинтришского ущелья и осмотрел нагорные пастбища гор Хино-Сагбиели (вершины в 8 522 и 7 938 футов над уровнем моря). Отсюда, по истокам реки Джуджи, я спустился через Гогиевское ущелье в Озургети. Пастбища Хино—Сагбиели почти ничем не отличаются от пастбищ Бахмаро—Дзелигори, кроме разве присутствия на них одного интересного вида осоки, свойственного, собственно говоря, западнее лежащему Лазистану — *Carex lazica*. Этот вид осоки был найден мною также и на известняковых горах Абхазии.

Спускаясь в покрытое лесом Гогийетское ущелье, я встретил между истоками р. Джуджи и ее левого притока, на высоте около 2 150 метров (7 054 футов), обширные заросли *Betula medwedewii*. Эта порода вместе с рябиной, *Viburnum lantana*, *Sorbus aria* и проч. составляет здесь лесную границу. Таким образом, *Betula medwedewii* имеет в Гурии обширное распространение и встречается по всему гурийскому склону Аджаро-Имеретинского хребта. Вместе с *Betula medwedewii* в образовании лесной границы участвует и понтийский дуб (*Quercus pontica*). Этот интересный вид дуба, с листьями, имеющими форму каштановых, впервые был найден Кохом в Турецком Лазистане. После того, в 1889 году, я нашел его в Абхазии, а в 1890 году Краснов — на границе Абхазии и Сванетии (в Самурзакани). Поначалу оставался открытым вопрос: встречается ли он в промежуточных странах между Лазистаном и Абхазией. В настоящем году мне удалось разрешить этот вопрос окончательно: я нашел понтийский дуб в Аджарии, Гурии и Мингрелии. Понтийский дуб растет всегда в верхней полосе леса, начиная от лесной границы (2 000–2 200 м или 6 562–7 218 футов), не спускаясь ниже 1 350–1 400 м (4 430–4 593 футов).

Вот и все, что я могу в этой предварительной статье сообщить о растительности Гурии.

Из Гурии я перешел в Аджарию. В Аджарии я ездил очень мало, так как не надеялся встретить там что-либо интересное для себя (страна была уже неоднократно посещаемая ботаниками — Я. С. Медведевым, кн. Масальским, Sommier и Levier и пр.), и главная цель моих исследований — флора известняков — увлекла меня в Мингрелию и Черноморский округ. В Аджарии, как и в Гурии, как известно, нет известняковых гор, достигающих альпийской высоты, т. е. высоты нагорных пастбищ (2 000 м или 7 218 футов и выше). Я был в Аджарии два раза: один раз в конце мая, другой — в начале июля, и за это время сделал следующие экскурсии. В первый раз — в конце мая — я делал из местечка Кеды восхождение на хребет Медзибна (вершина Герат-Кесунь, 6 468 футов), служащий водоразделом рек Мериси и Маджахлис-цкали (Мачахелис-цкали). Отсюда я спустился в ущелье реки Маджахлис-цкали и прошел им до его впадения в ущелье Чороха.

В начале июля я повторил это восхождение. Другой раз я прошел из Кобулету через Чаквис-мта (5 077 футов) в долину реки Аджарис-цкали

и обратно, через перевал Калва (6 398 футов) спустился в Кинтриш к деревне Хино, откуда поднялся на пограничные с Гурией пастбища Хино—Сагбиели.

В растительности Аджарии меня интересовало всего более географическое распространение двух вечнозеленых кустарников, которые считаются для этой страны эндемическими, ибо в других местах они пока найдены не были. Это именно *Rhododendron ungerii* и *Rhododendron smirnowii*. Эти два пышных куста, столько же поражающие красотой своих цветов (окраска которых бывает то снежно-белой, то нежно-розовой, то ярко-красной), сколько великолепием своей листвы, сверху ярко-зеленой, снизу беловойлочной, почему-то оставались науке неизвестными до самого последнего времени. Впервые они были открыты в Лазистане г. Казбеком, путешествовавшим в этих местах в начале 70-х годов.¹ Затем Каневский, тот самый, который написал прелестную книгу «Любопытные уголки Кавказа», нашел их в Аджарии. Описание свое они получили только в 80-х, и сделал это Траутфеттер.

К сожалению, мои исследования мало прибавили к тому, что мы уже знаем о распространении этих кустарников. Я могу только сказать, что в изобилии встретил один из этих видов — с белыми и розоватыми цветами (*Rhododendron ungerii*) на хребте Медзибна. Он попадает там отдельными кустами уже начиная с высоты 1 325 метров (4 347 футов), но успешнее всего произрастает на высоте между 1 500 и 1 600 м (4 920–5 250 футов). На этих высотах он образует сплошные заросли вместе с понтийским дубом, *Rhamnus colchica*, лавровишней, азалией и понтийским рододендроном. Таким образом, в отношении места своего обитания этот рододендрон занимает середину между *Rhododendron ponticum* и *Rhododendron caucasicum*: первый распространен на всем вертикальном протяжении леса, от берега моря до 6 600–7 000 футов, тогда как второй произрастает исключительно в верхней, альпийской полосе гор, встречаясь на высоте от 6 500 футов и выше, доходя до 9 000 и даже до 9 500 футов над уровнем моря. Границами же вертикального

¹ Казбек. Три месяца в турецкой Грузии // Зап. Кавказ. отд. Русск. Геогр. общ. Кн. X. Вып. I. 1876. С. 112.

распространения *Rhododendron unqernii* надо считать высоты между 1 300–1 850 метров (4 265–6 070 футов). По-видимому, этот рододендрон не выходит из пределов Аджарии и даже, кажется, горы, отделяющие Кинтриш от Малой Аджарии, составляют его северную границу. Я по крайней мере не встречал его на перевале Калва (1 852 м или 6 398 футов по пятиверстной карте), а на перевале Чаквис-мта (1 500 м или 4 920 футов) встретил всего один куст, без цветов.

Что касается состава лесной растительности Кинтриша и Аджарии, то она, за исключением присущих ей двух новых рододендронов, не представляет ничего особенного по сравнению с Гурией. Здесь, в нижних районах леса, мы в изобилии встречаем те самые вечнозеленые породы, которые составляют особенность лесов Гурии, а именно: два названных выше вида *Phillyrea* — *media* и *Ph. medwedewii*. Из других вечнозеленых пород лесов Аджарии отметим еще *Arbutus andrachne*, попадающееся также и гораздо севернее по побережью Черного моря, именно — в Крыму и Абхазии. Другие полосы лесной растительности Аджарии имеют полные аналоги в лесах Гурии и Абхазии. Укажу только на необыкновенно низкие пределы, до которых спускается здесь елка (*Picea orientalis*): я ее встретил в ущелье Маджахлис-цкали всего на 600 м (около 2 000 футов) высоты, тогда как в Гурии и Абхазии (в особенности в Абхазии) она ниже 4 000 футов никогда не спускается. Граница леса в Аджарии поднимается значительно выше, нежели в Гурии и в Абхазии, и доходит на горе Хино до 2 300 и даже до 2 400 метров (7 546–7 874 футов), т. е. почти до 8 000 футов (карликовый бук, кавказский рододендрон). Альпийская растительность Аджарии также не представляет почти ничего особенного по сравнению с таковою же растительностью Гурии и Абхазии. Отмечу только присутствие в ней красивого губоцветного с розовыми цветами — *Scutellaria pontica*. Это растение было известно прежде только в Лазистане. Оно было найдено мной не только в Аджарии, но также и в Абхазии, причем в последней — исключительно только на известняковых горах. И это — все, что я решаюсь сказать о растительности Аджарии в предварительном очерке.

Прежде чем перейти к описанию флоры остальных провинций, посещенных мною этим летом, я хотел еще несколько остановиться на этой

стране и коснуться одного сельскохозяйственного вопроса, возвращенного на ее почве. Я хотел поговорить именно о попытках культуры чайного куста в Аджарии, в местности, носящей название Чаква, близ Батума. В последнее время в обществе возник большой интерес к этому вопросу. И многие обращались ко мне с просьбой высказать о нем свое мнение. Будучи в некоторой степени знакомым с попытками чайной культуры, как на Чакве, так и в других местах Западного Закавказья, я охотно исполняю эту просьбу, оговариваясь однако, что считаю себя совершенно не компетентным в этом вопросе во всем, что касается его практической стороны.

С чайными плантациями на Чакве я ознакомился еще в прошлом году, в имении г-на Соловцова. Поделюсь впечатлениями, которые я вынес из осмотра плантации г-на Соловцова, в связи с теми сведениями, которые мне удалось получить от него. Плантация г-на Соловцова имеет внушительные размеры. В мае прошлого года я застал там до 3 000 кустов чая, причем г-н Соловцов надеялся к концу года довести это число до 5 000. На плантации находились как кусты четырехлетнего возраста, выращенные из семян, так и кусты, сохранившиеся от выписки из Китая (кустов 40 возраста 6–7 лет). Кусты идут очень успешно. Ежегодный прирост куста достигает 0, 5–1 аршина. Чем старше куст, тем больше побеги. Масса кустов цвела и дала зрелые семена, из которых г-н Соловцов выгоняет новые кусты. Почва, на которой разведена плантация, — глинистая. По словам г-на Соловцова, чайный куст лучше всего растет в тени, на росе. Вот те замечания, которые я могу сообщить из беглого осмотра плантации Соловцова. Нет сомнения, что (судя по настоящему блестящему состоянию плантации) попытка г-на Соловцова (уже насчитывающая 7–8 лет) будет иметь успех. Весь вопрос только в том, будет ли чай чаквинской плантации того же высокого качества, что и получаемый в Китае и Индии. Этот вопрос, разумеется, может быть разрешен только со временем. В сущности же, в самом факте успешного произрастания чая в Аджарии и в других местах Западного Закавказья, например в Сухуме, нет ничего удивительного, ведь растут же там с не меньшим успехом камелия и японская мушмула [*Mespilus (Eryobothria) japonica*], происходящая из тех же самых стран, которые служат родиной чая.

Раз я заговорил о чайных плантациях на Чакве, небезынтересно будет также напомнить историю их возникновения. Собственно говоря, все чайные кусты чаквинских плантаций происходят от нескольких десятков кустов, которые Н. К. Зейдлиц выписал в 1884 году из Китая через Русское Общество Пароходства и Торговли для своего имения на Чакве. Таким образом, г-ну Зейдлицу принадлежит почин в деле разведения чайного куста у нас в Закавказье.¹

Следующей провинцией Западного Закавказья, на которую я перенес свое внимание, была Мингрелия. Так как известняковые горы занимают в ней значительное пространство, то понятно, она и составила главный предмет моих исследований. Могу сказать, что я прошел ее почти вдоль и поперек — с северо-запада на юго-восток и с юго-запада на северо-восток (говоря так, я разумею исключительно горную Мингрелию — от Зугдиди до Салхино и от Салхино до Горди). Этот пробег я сделал в течение двух больших экскурсий. Одну из них я предпринял в середине июня, другую — в начале августа. Первый раз исходным пунктом у меня было село Джвари возле Ингура. По ущелью Ингура я прошел до села Худон и отсюда начал свой подъем на Мингрельские Альпы. Путешествие было необыкновенно трудным. Вследствие раннего времени (весна в этом году повсюду в Закавказье сильно запоздала) большинство гор еще были завалены снегом. Это значительно усложняло путешествие и без того тяжелое, так как горные тропы в Мингрелии находятся в ужасном состоянии — не лучше, чем в Абхазии. Все время мы шли пешком, без лошадей, неся все вьюки на себе. За 10 дней пути нам пришлось пройти до пяти больших перевалов.

Вот названия этих перевалов (высота их определена anerоидом):

1. Перевал от горы Урулап к урочищу Наотипуре — 2 700 м (8 858 футов).
2. Гора Джикирш (водораздел рек Тхэиш и Катцлендж) — 2 300 м (7 546 футов).

¹ Г. Зейдлиц читал доклад о своей попытке на Международном съезде садоводов в С.-Петербурге в 1884 г. Реферат об этом докладе был в свое время напечатан в петербургских газетах.

3. Гора Гуандра (перевал от урочища Вани на реке Катцлендж к урочищу Ураш) 2 725 м (8 940 футов).

4. перевал Натахты с верховьев реки Ураш на верховья реки Хопицкали — 2 780 м (9 121 футов).

5. Гора Чита-гуаля (на пятиверстной карте Чажки-боль — 9 906 футов) — перевал с Хопицкали на верховья реки Магана — 2 850 м (9 350 футов).

Крайний северо-восточный пункт, до которого мы дошли, было урочище Зани на реке Катцлендж, на границе с горами Ушкульского общества (в Вольной Сванетии).

Я прошел сюда через горы Урулап, Сацхено, Наотипуре, Джикирш, и затем через горы Гуандра, Натахты, Чита-Гуаля и Кернахони вернулся в населенную полосу, спустившись в село Джгал (верстах в пятнадцати к юго-востоку от Джвар). Все горы, пройденные мною — неизвестняковые, за исключением Кернахони, которая сложена юрскими известняками. Таким образом, за эту экскурсию я мог проследить на большом протяжении растительность нагорных пастбищ гор неизвестнякового, т. е. огненно-кристаллического или сланцевого сложения. Растительность здесь в высшей степени однообразна, почти не отличается от растительности нагорных пастбищ Абхазии, Гурии и Аджарии и характеризуется теми же примулами (*P. amoena* var. *meyeri*, *P. auriculata* etc.), анемонами (*Anemone narcissiflora*, *A. sulphurea*, *pulsatilla*, *albana*), аквилегиями (*Aquilegia olympica*), педикюлярисами (*Pedicularis condensata*, *atrorubens*, *nordmanniana*), незабудками (*Myosotis alpestris*), *Veronica gentianoides*, *Macrotomia*, *Geranium amethystinum* etc. etc. Вообще альпийская растительность мингрельских неизвестняковых гор представляет естественный переход от альпийской растительности Гурии к альпийской растительности Абхазии. Здесь, например, встречается по скалам красивый вид потентиллий с розовыми цветами и серебристо-белыми листьями — *Potentilla oweriniana*, весьма распространенная в Абхазии, Сванетии, Карачае, и которой однако нет в Гурии. С другой стороны, здесь обыкновенны некоторые альпийские растения, свойственные Гурии и Аджарии. В Абхазии они не встречаются (список этих растений будет приведен мною после точного их определения. — Н. А.). Как на интересную

находку могу указать на один вид лютика, *Ranunculus raddeanus*, — вид, открытый в горах Мингрелии dr. Radde и описанный покойным Регелем по одному весьма плохому экземпляру. Я собрал массу превосходных его экземпляров (на урочище Вани, где он растет в изобилии), по которым, разумеется, можно будет составить более верное представление о природе этого растения, чем то, которое существовало доселе. Лишь в одном месте в мингрельских горах я нашел флору несколько более разнообразную — это именно на спуске с горы Чита–Гуаля в долину реки Магана на высоте около 2 250 м (7 382 футов). Здесь, на отвесной скале, обращенной на юг и потому постоянно находящейся на солнцепеке, приютилась целая колония интереснейших растений, как *Selaginella helvetica*, *Saxifraga akinfiavii*, *Omphalodes loikae*, *Jurinea pumila* etc. Последние три из названных растений представляют новые виды, недавно описанные Красновым, Соммье и Левье, и мною.

Теперь следует сказать несколько слов о лесной растительности пройденных мною мингрельских гор. Леса северо-восточной Мингрелии от Джвар до Вани, от Вани до Чита–Гуаля и от Чита–Гуаля до Джгал, не представляют решительно никаких особенностей по сравнению с лесами Абхазии. Здесь можно отметить те же самые полосы, какие отмечал я и там, т. е. нижнюю полосу смешанного леса, полосу буко-каштановых лесов (2 000–4 000 футов), полосу высокогорных хвойных и лиственных лесов (ель, пихта, *Acer platanoides*, бук, горный ильм) и пограничную полосу леса (рябина, береза, *Acer trautvetterii*, *Sorbus aria* etc.). На границе со Сванетией, возле Вани, на хребте Джикирш, лес заканчивает сосна (*Pinus montana*) вместе с березой и кавказской черникой. Высший предел распространения лесной растительности в Мингрелии варьирует между 1 900 и 2 250 м (6 234 и 7 382 футами). В среднем его следует считать так же, как в Гурии, между 2 000–2 200 м (6 562–7 218 футами). Сосна на хребте Джикирш поднимается до 2 300 м (7 516 футов).

Этими замечаниями можно будет пока ограничиться для характеристики кристаллических и сланцевых гор Мингрелии. Я упомянул, что мною была посещена также одна известняковая гора Кернахони.

Ввиду цельности изложения я считаю более полезным описать растительность этой горы тогда, когда я буду говорить вообще о раститель-

ности известняковых гор Западного Закавказья, т. е. в конце своей статьи.

Следующую поездку в Мингрелию я предпринял в начале августа. На этот раз исходной точкой моего путешествия послужило село Горди, на границе Лечгума, Мингрелии и Имеретии. Отсюда я поднялся на известняковый хребет Асхи, прошел его почти весь и спустился по реке Чачхур в село Салхино. Здесь я занялся снаряжением новой экскурсии. Прибыв в селение Курзу, верстах в 15 выше Салхино по реке Техуру, я поднялся на известняковые горы Мигариа и Джвари и затем посетил лежащие несколько далее на северо-востоке неизвестняковые горы Лекудели и Каргишаль (эти горы на пятиверстной карте не обозначены: они лежат близ горы Натолёб). Таким образом, за эту экскурсию я мог сразу, одновременно ознакомиться с растительностью как известняковых гор, так и гор кристаллического и сланцевого сложения. Сообщу вкратце все, что я нашел и наблюдал интересного во время этих двух экскурсий, отложив характеристику флоры известняков Мингрелии на конец статьи.

Известняковые горы Мингрелии — Асхи, Мигариа, Джвари и Кернахони — совершенно сходны по строению с таковыми же горами Абхазии (сравн. мое описание известнякового Бзыбского хребта в статье «Отчет об исследованиях Абхазии в 1890 году»)¹. Они образованы теми же самыми сероватыми юрскими известняками. Они представляют ту же самую изрытую ямами, а местами как бы изъеденную или изъязвленную, изборожденную глубокими трещинами поверхность. Так же, как и последние, они отличаются полным безводием. Известняковые горы Мингрелии не высоки. Наиболее высокие из них — горы Асхи — не превышают 2 400–2 450 м (8 000 футов). Остальные значительно ниже: Мигариа 2 130 м (до 7 000 футов), Кернахони — едва 2 000 м (6 562 футов). Луговая растительность на всех известняковых горах Мингрелии носит совершенно одинаковый характер и резко отличается от растительности неизвестняковых гор. Не говоря пока ничего о характере этой растительности, скажу несколько слов о некоторых сделанных мною на известняках Мингрелии находках. На горах Мигариа и Джвари мне посчастливи-

¹ *Зап. Кавк. отд. Имп. Русск. Геогр. общ. Кн. XV. С. 168.*

лось найти новый род сложноцветного, впервые открытого в Мингрелии Кузнецовым и остающегося до сих пор без описания из-за недостаточного количества взятых Кузнецовым экземпляров. Затем мною был найден новый вид астры, новый колокольчик с блестящими кожистыми листьями и новый для Кавказа цикламен, весьма близкий к *Cyclamen europaeum* (может быть, лишь разновидность последнего). Леса, покрывающие известняковые возвышенности Мингрелии, дали мне также интересные находки. Именно на горах Мигариа и Джвари, на границе леса, я нашел медведевскую березу (*Betula medwedewii*). На названных горах, в полосе от 2 000 м (6 562 футов) и ниже — до 1 250 м (4 100 футов) она образует сплошные заросли. Надобно только удивляться, как эти заросли могли ускользнуть от внимания прежних исследователей. Быть может, не лишнее будет сказать два слова о характерных признаках этой малоизвестной породы, которая получила свое первое описание из рук покойного Регеля. Медведевская береза — в высшей степени типичное растение, резко отличающееся от всех прочих видов березы всем своим обликом. Листья ее менее всего напоминают листья березы. Скорее можно сказать, что это — листья орешника или ольхи. Они имеют иногда овальную, иногда округленную форму и очень крупны, достигают порой одного вершка в диаметре. В цветочных сережках всякий найдет сходство с обыкновенной березой, но плоды опять отличаются, составляя переход от плодов березы к плодам ольхи. Плодовые сережки медведевской березы бросаются в глаза прежде всего своей необыкновенно крупной величиной. Кора на старых стволах серебристо-белая — совершенно как у обыкновенной березы, только слегка темнее и при том с шелковистым отливом; на молодых она сероватая или буроватая.

Имея в руках молодую веточку с одними листьями, без цветов, ни один ботаник в мире не мог бы распознать в ней березу. Медведевская береза — растение высоких скал. Ствол ее обыкновенно ползет, извиваясь змеей по голой поверхности скал. Ниже, в лесу, где она образует сплошные насаждения, ствол ее становится более прямым, хотя все-таки она не выходит из размеров небольшого деревца, до полутора сажень в высоту, при полутора-двух вершках в поперечнике на высоте груди. *Betula medwedewii*, по всей вероятности, принадлежит к остаткам флоры

прежних геологических периодов. Об этом свидетельствует ее странный облик, напоминающий некоторые ископаемые березы, а из ныне живущих — восточно-сибирские виды. В пользу того же предположения говорит и изолированность мест ее рождения (какое значение имеет это последнее обстоятельство, я яснее изложу в конце статьи, когда буду говорить об известняковой флоре).

Вместе с *Betula medwedewii* я нашел на тех же известняковых горах Мингрелии, на границе леса, на скалах, *Rhamnus microcarpa* — именно тот вариант его, который описан Траутфеттером под названием *microphylla*. Этот вид *Rhamnus* (карликовый кустарничек, лепящийся по скалам с крошечными листьями и плодами) свойственен Лазистану. Но он найден был также и на Кавказе, именно — в Боржоми (Раdde), в Дагестане (им же) и в Абхазии (Я. С. Медведевым). Этим же летом я нашел его также на известняках Абхазии (*var. typical* Trautv.). Курьезно, что, по словам д-ра Раdde, в Дагестане, точно так же, как в Абхазии и Мингрелии, этот *Rhamnus* растет только на известняках, тогда как в Абхазии и Боржоми он встречается на породах неизвестняковых.

О нахождении в Мингрелии понтийского дуба я уже упоминал выше. Он встречается там на горах неизвестняковых (Лекудели, Каргисаль).

Чтобы закончить перечисление особенностей лесов Мингрелии, упомяну как о курьезе о нескольких экземплярах самшита (*Vixus sempervirens*) до одного вершка толщиной, встреченных мною на верховьях реки Чита-цкари на высоте около 1 400 м (4 593 футов) в компании с *Betula medwedewii* и *Rhamnus alpina var. colchica*!

В нижней, лесной полосе Мингрелии я нашел между прочим также описанный мною из Абхазии новый для Кавказа род — *Rhamphicarpa medwedewii*. Этот тропический род, принадлежащий к тропической группе *Buchneraceae* (колена *Gerardiaceae*, семейства *Scrophularineae*), представители которой живут все под тропиками, впервые был найден на Кавказе Я. С. Медведевым, который передал его для описания мне. Яков Сергеевич нашел его в болоте возле города Поти. В прошлом году мне самому удалось вновь открыть его в двух местах — в Абхазии и в Самурзакани. Оно растет обыкновенно в сухих канавках возле проезжих дорог. В нагорной Мингрелии оно принадлежит, по-видимому, к числу весьма рас-

пространенных растений. Я встретил неподалеку от Салхино, по дороге к Толэрской канцелярии, целое сухое болотце, сплошь покрытое этим растением. *Rhamphicarpa* — очень изящное растение с узкоразрезными листьями и крупными белыми или розовыми цветами, издающими очень приятный запах. При засушивании растение все чернеет — как листья, так и цветы, — и приобретает не особенно привлекательный вид. В своей работе о *Rhamphicarpa*¹ я доказываю, что растение это принадлежит к остаткам третичной флоры. Об этом говорит изолированность обитания как этого вида *Rhamphicarpa*, так и шесть (или семь) других видов, принадлежащих к тому же роду. Эти виды разбросаны по самым разнообразным странам Старого и Нового Света, которые некогда были между собой тесно связаны, а теперь совершенно отделены друг от друга морями и океанами (Индия, Египет, Мадагаскар, Южная и Центральная Африка, Австралия, Западное Закавказье).

Вообще остатки третичной флоры в Западном Закавказье, как я показал в другой своей работе,² чрезвычайно многочисленны. К числу их я отношу, между прочим, следующие деревья и кустарники, которые были весьма распространены в Европе в третичную эпоху, а теперь там или вымерли или сохранились лишь в немногих более теплых местах Средиземноморского побережья:

<i>Rhododendron ponticum.</i>	<i>Arbutus andrachne.</i>
<i>Diospyros lotus.</i>	<i>Andrachne colchica.</i>
<i>Buxus sempervirens.</i>	<i>Zelcowa (planera) crenata.</i>
<i>Rhododendron ungeronii.</i>	<i>Betula medwedewii.</i>
<i>Rh. smirnovii.</i>	<i>Quercus pontica.</i>
<i>Jasminum officinale.</i>	<i>Phillyrea medwedewii (vilmoriniana).</i>
<i>Jasminum fruticans.</i>	<i>Ph. media.</i>
<i>Ficus carica.</i>	<i>Laurus nobilis.</i>
<i>Erica arborea.</i>	<i>Smilax excelsa.</i>

¹ Н. Альбов. Два новых рода для флоры Кавказа — *Rhamphicarpa* и *Dioscorea* // *Acta Horti Petropolitani*, vol. XII. № 9. 1893.

² Н. Альбов. Результаты ботанических исследований Абхазии // *Труды СПб. Общ. Естествов.* Т. XXIII. 1893. С. 65–99.

Azalea pontica. *Vitis vinifera.*
Vaccinium arctostaphylos (= *V. maderense*) etc.¹ ;

и следующие травянистые растения, встречающиеся под тропиками или принадлежащие к тропическим родам:

Dichrocephala latifolia. *Fragaria indica.*
Carpesium abrotanoides. *Eleusine indica.*
Datisca cannabina. *Siegesbeckia orientalis.*
Erianthus ravennae. *Prenanthes purpurea.*
Imperata cylindrica. *Dioscorea caucasica* etc.

В заключение о нагорной растительности Мингрелии скажу, что во всем Западном Закавказье, за исключением одной Абхазии, я не знаю ни одной провинции, которая подобно Мингрелии могла бы дать такую массу неожиданных открытий. Я почти уверен, что последующие исследования обнаружат еще много интересных новостей в Мингрелии, в особенности в пастбищной и лесной полосе известняковых возвышенностей.

От Мингрелии я перешел к исследованию Черноморского округа. Черноморский округ уже давно привлекал меня своей почти полной неисследованностью. Говоря без преувеличений, это — в полном смысле *terra incognita*, обетованная страна всяких открытий, почти не затронутая исследованиями, кроме энтомологических и отчасти геологических.² В ботаническом отношении в Черноморском округе можно назвать обследованными только окрестности Новороссийска и верховья реки

¹ В этот список я включил между прочим некоторые виды, которые в третичных отложениях Европы найдены не были (*Andrachne colchica*, оба Аджарские вида рододендрона, *Phillyrea medwedewii*, *Quercus pontica*, *Betula medwedewii*), но принадлежность которых к третичной флоре несомненна в силу других соображений.

² Как известно, энтомолог А. А. Старк, проживающий в Уч-Дэрэ возле Сочи, прекрасно обследовал фауну жуков Черноморского округа, а г-н. Коленко, геолог, дал геологические исследования некоторых гор, лежащих в южной части Черноморского округа.

Мзымты. Первая местность была детально обследована Липским, вторая — мною. Кроме того, Н. И. Кузнецов делал ботанико-географические наблюдения в береговой полосе Черноморского округа. Меня всегда особенно интересовала южная часть Черноморского округа, именно — известняковые горы Аибги (под именем Аибга известна верхняя долина реки Псоу). Я пытался не раз пробраться туда, но всегда — без успеха, из-за отсутствия в крае знающих дороги проводников. В прошлом году, достав, наконец, хороших проводников в Абхазии, я, казалось, был близок к осуществлению своей цели. В июне прошлого 1892 года я вышел из села Калдахуары, чтобы через абхазские горы — Мамзышху, Кутушару и Арбаику пробраться к хребту Ахагуашь (или Хаг на пятиверстной карте), служащему водоразделом притоков Бзыби и Псоу, и оттуда спуститься на Аибгу. Но после нескольких дней ужасной дороги по известняковым скалам, без лошади, принужденный нести вещи на себе, я заболел и вынужден был вернуться домой с полдороги. В настоящем году я попытался вновь осуществить свое намерение. В Сухуме мне рекомендовали людей из абхазцев, которые будто бы бывали на Аибге и брались меня туда доставить. С этими людьми во второй половине июля я двинулся в путь из Сухума. На этот раз я избрал более удобную дорогу — через Псхё, по долине реки Бзыби и затем по притоку ее Агурипста (на пятиверстной карте он неправильно назван Баулом), на верховья рек Лашпсы и Уадхара (на пятиверстной карте Одохара — тоже приток Бзыби), и отсюда — на перевал Ахыхудаара (путь этот подробно уже описан мною в моей статье в Записках отдела).¹ Мы дошли до перевала Ахыхудаара и, чтобы попасть в Аибгу, должны были свернуть налево к западу, подняться на небольшой хребет Кутхыку (служащий границей Сухумского и Черноморского округа) и перевалить через высокие скалы хребта Ацытаку,² в который упирается хребет Кутхыку. Но тут обнаружилось, что мои проводники совершенно не знают дороги, что они даже совсем не бывали в этих

¹ *Отчет об исследованиях Абхазии в 1890 г., в зап. К. О. Геогр. об. Кн. XV. С. 166–187.*

² *На 5-верстной карте — Агенста.*

местах. Одним словом, я был кругом обманут.¹ Идти на свой страх, отыскивая дорогу через страшные скалы Ацытаку (11 700 футов высотой), я не рискнул, не имея достаточно съестных припасов и будучи связанным двумя лошадьми со значительным вьюком. Поневоле пришлось отказаться от намерения попасть на Аибгу и ограничиться более детальным обследованием верховьев реки Мзымты.

Позже выяснилось, что я только выиграл от такого изменения в планах. Занявшись исследованием хребтов Кутхыку и Ацытаку (Ацытаку — хребет, отделяющий долину Мзымты от Псоу и идущий совершенно параллельно Главному Кавказскому хребту), я натолкнулся на целый ряд интересных географических открытий. Прежде всего, мною было обнаружено существование на хребте Ацытаку огромного ледника, не обозначенного на пятиверстной карте. Ледник этот носит у абхазцев название Хымс-анакоу (анакоу по-абхазски значит ледник). Из этого ледника, по всей вероятности, и берет начало главный (левый) исток реки Мзымты. Ледник отлично виден с правого верховья реки Мзымты, от озера Кардыбач (Кардывич на пятиверстной карте). К сожалению, мне не удалось подойти к леднику ближе, чем на две-три версты. Ближайшим пунктом, откуда я его рассматривал, был один из отрогов горы Ацытаку, обозначенный и на пятиверстной карте, находящийся часах в трех пути от хребта Кутхыку. Кроме этого большого ледника, имеющего, вероятно, версты две-три в длину и ширину весьма значительную, на том же хребте Ацытаку видно еще несколько малых ледничков. К подножью одного из таких ледничков я подходил.

В свое первое посещение Мзымты в 1890 году я также видел описываемый большой ледник; но так как тогда я наблюдал его только издали и притом в дурную погоду, то не мог тогда составить о нем точного представления. Вот почему в своей статье я о нем вовсе не упоминаю. Насколько мне известно, еще ни один исследователь не был на леднике

¹ *Чтобы не повторился такой же случай со следующими путешественниками, считаю не лишним для предупреждения последних назвать имена проводивших меня людей: Шахир Джуударипа из Эшеры и Ахмет Хеб из Джгярды. Не следует также доверяться рекомендациям лесных объездчиков Дуги и Сейдоха из сел. Эшеры.*

Хымс-анакоу. В прошлом году студент Института инженеров путей сообщения В. Константинов, который, стараясь попасть с Аибги на Мзымту, перевалил через хребет Ацытаку как раз в том самом месте, где и находится ледник.

По словам г. Константинова, ледник не меньших размеров спускается также с юго-западной стороны хребта Ацытаку в сторону Аибги. На хребте Ацытаку, близ соединения его с Кутхыку, я обнаружил также несколько альпийских озер, не обозначенных на пятиверстной карте. Таких озер я насчитал до пяти. По величине некоторые из них не уступают значащемуся на карте озеру Мзы.

Поднявшись на одну из вершин горы Ацытаку близ ледника (на юго-западе от него) на высоту 2 850 м (9 405 футов), откуда во все стороны открывается вид на огромное пространство, я убедился, что ближайшие местности нанесены на пятиверстную карту неправильно. Неверность карты в этом месте слишком очевидна. Так, большое лесное озеро Рица, которое образует на своем течении реку Лашпсы (приток Бзыби), находится по крайней мере верст на пятнадцать выше (вверх по течению реки) того места, где оно обозначено на карте. Замечу мимоходом, что это — не только мое наблюдение. На то же указывали мне работавшие в этих местах лесной таксатор Орехов и землемер Максимов. Равным образом известняковый хребет по правую сторону Бзыби, идущий от горы Мамзышха к г. Ахагуашь (Хаг на пятиверстной карте), имеет не северо-южное направление, как это значится на карте, а SO — NW.

Весьма поучителен вид, открывающийся с вершины Ацытаку на Главный Кавказский хребет. Главный хребет представляется отсюда весьма низким (таков он есть и на самом деле, в среднем его высота не более 9 000 футов). Он весь покрыт прекрасными пастбищами и имеет очень мало скалистых вершин. Возвышающийся за ним параллельный ему хребет в Кубанской области гораздо выше, точно так же, как и сам хребет Ацытаку (по тригонометрической съемке 11 700 футов). Я уже имел случай в своей статье в Записках отдела¹ указывать на такой странный характер Главного хребта на верховьях Мзымты. Мои наблюдения подтверждает

¹ Кн. XV. С. 174.

и г-н Старк, много путешествовавший в этих местах. Укажу также на характерную разницу в петрографическом составе Главного хребта и хребта Ацытаку. Между тем как Главный хребет сложен в этих местах преимущественно сланцами (глинистыми, аспидными и пр.), хребет Ацытаку образован мощными массивами красного гранита и какой-то красноватой тоже метаморфической породой, имеющей сланцевую отдельность и ближе мною не определенной. Местами эта последняя порода поднята чрезвычайно круто и образует как бы натуральную лестницу.

Я не стану распространяться о растительности верховьев Мзымты, полагая, что она уже достаточно подробно описана мною в Записках кавказского отдела.

Следующая моя экскурсия в Черноморском округе была направлена на горы Фишт и Оштен¹ на Главном Кавказском хребте. Прошел я туда вверх по реке Шахе. Исходным пунктом послужил черкесский поселок Кичмай, откуда я взял себе проводников. Я прошел затем по ущелью реки Шахе до Бабуковой поляны (2 345 футов), откуда поднялся на Главный хребет и через перевал Шитлиб (Белореченский) (6 249 футов) вышел на верховья реки Шхагуаше (Белая), в Кубанскую область. Отсюда я уже совершал восхождения на горы Фишт и Оштен.

Фишт и Оштен — горы в высшей степени замечательные. Как известно, Главный Кавказский хребет на всем своем протяжении (по крайней мере там, где он поднимается выше лесной полосы) образован исключительно древними породами — гранитами, гнейсами, сиенитами, диоритами и т. п., или же метаморфическими сланцами (сланцевыми, тальковыми, хлоритовыми и пр.). Но вот приблизительно на 44-й параллели северной широты в Главный хребет внезапно вклиниваются известняки, которые образуют здесь два громадных массива — Фишт и Оштен. Явление это — присутствие известняков в составе Главного Кавказского хребта, да вдобавок на такой высоте, настолько необычное, что оно просто поражает. Тем более, что эти известняки, проникая в Главный хребет, приносят с собой и совершенно другую флору, резко отличающуюся от

¹ Строго говоря, обе эти вершины расположены не на самом Главном хребте, а несколько в стороне от него — на небольшом отроге.

обычной альпийской флоры Главного хребта. Ниже я укажу на все особенности этой флоры. Здесь же уместно будет рассказать лишь о следующем любопытном обстоятельстве. В прошлом году, когда я был занят флорой Абхазии, Н. И. Кузнецов, известный своими путешествиями по Кавказу, указал мне на два редких растения, найденных им на горе Оштен, на *Daphne sericea* и *Gentiana alata forma floribus luteis* N. Alboff (*Gentiana oshtenica* Kuznetsoff in litt.). С другой стороны, из литературы мне было известно о существовании на той же горе весьма редкого растения *Thalictrum triternatum*. Все три названных растения принадлежат к типичнейшим представителям флоры известняковых гор Абхазии. Меня чрезвычайно озадачил факт нахождения их на одной из вершин Главного хребта. Н. И. Кузнецов ничего не сказал мне о породе, на которой эти растения были найдены. Но я никак не мог предполагать, что эта порода была иная, нежели огненно-кристаллическая или сланцевая. А если это так, то спрашивается: как объяснить себе существование на ней таких типичных известняковых растений? Разрешить этот вопрос так или иначе — это и была главная цель моей поездки в настоящем году на гору Оштен. Каково же было мое удивление и радость, когда я увидел, что названные растения растут на Оштене именно на известняках!

Обещаю возвратиться к известняковой флоре Оштена и Фишта в конце статьи, а пока опишу эти горы только с географической и геологической точек зрения. Горы Фишт (9 360 футов) и Оштен находятся на Главном Кавказском хребте в том самом месте, где он начинает весьма быстро понижаться. Эти две горы — последние пастбищные вершины Главного хребта. Следующие за ними вершины — Аутль (4 400 футов) и проч. — едва выходят из лесной полосы. Насколько низок Главный хребет возле самой горы Фишт, можно судить из того, что перевал Шитлиб, ведущий с верховьев реки Шахе на верховья р. Шхагуаше, имеет всего шесть с небольшим тысяч футов высоты. Я делал восхождение и на Фишт, и на Оштен. Фишт имеет две главные вершины, разделенные чрезвычайно глубоким и узким ущельем, по которому спускается на северо-восток небольшой ледник. Одна из вершин, на которую я восходил, достигает 9 000 с лишком футов высоты (по anerоидному определению). Другая — значительно выше, футов на 500 по крайней мере. Оштен

несколько ниже Фишта. Обе горы образованы сплошь известняками красно-серого цвета (благодаря присутствию в них железа). Эти известняки представляют самые ужасные рывины, бездонные провалы и промоины, глубочайшие трещины. Местами поверхность скал просто как бы изъедена. Словом — та самая картина, что на известняковых горах Мингрелии или Абхазии. Любопытно, что весь дальнейший ряд вершин Главного хребта по направлению к юго-востоку [Абаго, Шугуш (10 642 футов) и пр.] уже не известняковый, как в этом меня заверяли гг. Старк и Константинов, бывшие в тех местах.

Горы Фишт и Оштен, как я уже заметил, составляли исключительную цель моего второго путешествия в Черноморский округ. Посетив их, я вернулся тем же самым путем к берегу моря. Здесь следовало бы охарактеризовать лесную растительность посещенной мною местности. Но она так сходна с лесною растительностью Абхазии, что описывать ее — значило бы повторяться. По реке Шахе я встречал все или почти все лесные породы Абхазии, распределенные в вертикальном направлении по тем же самым полосам. Только рост и развитие их значительно уступает тому, что можно видеть в Абхазии, что легко объясняется более северным положением местности. По реке Шахе довольно много самшита, который растет здесь на литографском сланце. Повсюду в долине реки Шахе мы встречали остатки убыхских и шапсугских садов и, между прочим, массу отличного винограда. Все это безвозвратно пропадает, будучи заглушаемо быстро разрастающимся сорным ольховым и орешниковым лесом.

В долине реки Шахе, говорят, находится много дольменов, судя по рассказам, совершенно тождественных с теми, которые существуют на урочище Пшад и близ Лазаревского. В особенности много этих дольменов возле урочища Старый Кичмай, а также на хребте против впадения в Шахе реки Бзычь. Расположены дольмены всегда по вершинам гор. О происхождении их у черкесов существует любопытная легенда. Дольмены эти (по-черкесски «спун») были выстроены великанами Иниж. Эти великаны жили на положении рабочих у карликов Спи, которые, собственно, и были настоящими хозяевами дольменов, и жили в них вместе со своими лошадьми-зайцами (тхагмэках).

Пользуясь своим пребыванием у черкесов, я старался добыть о них кое-какие этнографические сведения. Черноморские черкесы едва затронуты этнографическими исследованиями. Объясняется это их быстрым выселением в Турцию после окончательного покорения нами Кавказа. Одно из черкесских племен, именно убыхи, исчезло совершенно бесследно для науки, которая даже не знает в точности на каком языке говорил этот народ. О черноморских черкесах — шапсугах и ноткуадж — я знаю всего только две работы, заслуживающие доверия. Одна — сочинение Велля «*Journal d'une residence en Circassie*», а другая — статьи Люлье, в 50-х и 60-х годах помещенные им в Зап. Кавказского отдела Русского географического общества.¹

Статьи Люлье представляют в высшей степени солидные произведения, и мои мимолетные наблюдения едва ли могут прибавить что-либо существенное к сообщаемым в них сведениям. Так как (однако повторю) о черноморских черкесах все-таки слишком мало известно, и скоро, по всей вероятности, этот народ сойдет со сцены и тогда уже окончательно будет потерян для науки, то я считаю своим долгом рассказать здесь все, что мне удалось узнать о них на месте.

Черкесы, у которых я был, принадлежат к племени шапсугов. Они — остатки небольшого народца хакучей, жившего прежде на верховьях реки Хакучипсё. Этот народец оказался всех более привязанным к своей родине, и завоевателям пришлось употребить немало усилий, прежде чем удалось выжить хакучей из их гнезд в неприступных ущельях черноморских гор; хакучи, во всяком случае, ушли в Турцию последними. Те хакучи, которых я застал на реке Шахе, — последние могикане из этого народа. Осталось их всего 110 домов. Из них 40 домов живут теперь на реке Шахе, образуя селение под названием Кичмай, а другие

¹ Люлье. *Верования, религиозные обряды и предрассудки черкесов*. Зап. КОИРГО. 1862. Кн. V.

Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев. Зап. КОИРГО. 1866. Кн. VII.

Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами: черкесами, абхазами и другими смежными с ними. Зап. КОИРГО. 1857. Кн. IV.

О натухайцах, шапсугах и абадзехах. Там же. Кн. I.

70 домов составляют селение Александровское на верховьях реки Ашше. Прежде они жили в урочище Лесном на реке Мзымте, возле Адлера, и перебрались сюда лишь в сравнительно недавнее время. Живут они с большим достатком, даже богато: например, один из моих бывших проводников имеет целый табун лошадей. С русской культурой успели свыкнуться. Большинство говорят и почти все понимают по-русски. В жилищах более состоятельных вы найдете русскую мебель и русскую домашнюю утварь, в том числе даже самовар. Несмотря, однако, на благосостояние, которым они теперь пользуются, многие из них поговаривают о выселении в Турцию, невыгоды которого, впрочем, все отлично понимают. Причина — боязнь солдатчины.

Несмотря на такое внешнее усвоение чуждой им культуры, хакучи однако отлично сохранили в памяти предания старины, сохранили даже в гораздо большей степени, чем, например, упорно консервативные абхазцы. Даже молодые черкесы могли назвать мне имена черкесских языческих божеств и рассказать одно-два нартовских предания. Мусульманская религия, кстати сказать, привилась у них очень слабо, хотя у них и существуют мечеть, медресе и мулла. Молитв они вовсе не знают, намазов не творят, омовений не делают. К мулле особенного почтения не питают. Напротив, как я сам бывал свидетелем, исподтишка над ними подсмеиваются. Единственное, в чем они являются правоверными, так это в том, что не пьют вина и не едят свинины. По характеру народ этот довольно симпатичный — мягкий, приветливый, хотя вместе с тем расчетливый и хитрый. В противоположность абхазцам, черкесы-хакучи очень молчаливы и сдержанны. Во всяком случае, они умнее, практичнее и более способны к культуре, чем абхазцы. Обычаи черкесов во многом напоминают абхазские. Несмотря на мусульманскую религию, девушка держится здесь совершенно свободно, так же свободно, как в Абхазии. Она постоянно является в кунацкую прислуживать гостям. С ней можно разговаривать и даже шутить. До сих пор у хакучей распеваются песенки про красавицу Цраць, гремевшую в этих местах лет 30–40 тому назад. Ее чересчур острый язычок не оставлял в покое ни одного посетителя, являвшегося в дом ее отца, и в конце концов, разогнал всех гостей из кунацкой. Замужняя женщина, напротив того, гостям не показывается, хотя при встрече

лица своего и не закрывает (в Абхазии, как известно, напротив, хозяйка дома выходит навстречу гостю и принимает в приеме его не меньшее участие, чем сам хозяин). Взгляд на женщину, благодаря влиянию ислама, у хакучей значительно разнится от существующего в Абхазии. Абхазцы смотрят на женщину как на существо с мужчиной равноправное, работ она несет гораздо меньше мужчины, и брак у абхазцев вовсе не носит характера купли-продажи: жених и отец невесты обмениваются подарками равной стоимости, после чего брак считается заключенным. Кроме того, у абхазцев большею частью девушка вольна в выборе жениха. У черкесов брак заключается посредством мекия или обязательства выплатить за девушку известную сумму, обыкновенно 300–500 рублей. Большая часть этих денег присваивается родителями невесты, и лишь незначительная идет под обеспечение жены на случай смерти мужа или развода. Таким образом, мы имеем здесь дело не с мекием в собственном смысле этого слова, как оно понимается у мусульман (обязательство обеспечить жену известной суммой денег на случай смерти или развода — нечто вроде *douaire* французов и *dower* англичан), а скорее — с татарским калымом, который в сущности прямо означает куплю-продажу девушки. Из-за этого калыма у черкесов постоянно бывают недоразумения и ссоры, и еще не так давно произошло из-за него кровавое столкновение.

Я хотел рассказать о черкесских суевериях и охарактеризовать различные божества черкесов. Но все это так обстоятельно описано в превосходной статье Люлье, что мои расспросы не могли прибавить к этому ничего нового. Замечательно, что черкесы давали мне характеристику своих божеств в тех самых выражениях, в каких они описаны у Люлье. Это, с одной стороны, придает еще более солидности статье последнего, а с другой — наглядно демонстрирует, как твердо держатся у черноморских черкесов старинные верования несмотря на влияние мусульманства. Верования и религиозные обряды настолько хорошо сохранились в памяти народа, что до сих пор еще вам могут не только пересказать, но даже пропеть некоторые старинные молитвы. Упомяну о некоторых суевериях черкесов, почему-то не вошедших в статью Люлье.

1. Черкесы верят в существование особых добрых гениев в образе прекрасных женщин, которых они называют джинёф (от слова «джинё» — дух). Эти джинёф обладают даром всеведения и могут сообщать

его людям. Они нередко вступают в связь с человеком, которого полюбят, и тогда исполняют все его желания. Для всех других кроме своего любовника они — невидимки. Но горе тому человеку, с которым они живут, если он признается, что с ним в связи джинёф; тогда он навеки теряет ее.

2. По поверьям хакучей, в лесах их страны обитают какие-то дикие существа, мезлануквы (лесные люди). У них на груди всегда привешен маленький топор. На людей эти существа бросаются и убивают их. Несомненно, что мезлануквы совершенно тождественны с абхазскими абнаоё и самурзаканскими очокочи, т. е. в переводе лесными людьми, которых абхазское и самурзаканское предания рисуют также с топорами на груди.

3. Кроме мезлануков, в лесах живут еще другого рода существа — мезцыф (мез — лес, цыф — человек). Это существа — все обросшие волосами. Ходят они без всякой одежды. Человека не трогают. Не есть ли это грузинские маймуни (люди-обезьяны)?

Любопытно будет сопоставить обряд, исполняемый шапсугами над трупом убитой громом скотины (или человека), с подобным же обрядом, существующим в Абхазии и Самурзакани. Обряд этот у шапсугов носит название шибляс (от слова шибле — бог грома). Он превосходно описан у Люлье, и я считаю поэтому излишним распространяться о нем. Скажу только, что он состоит в том, что убитое животное поднимают на нарочито устраиваемую для этого вышку и все участвующие в церемонии, взявшись за руки, начинают плясать вокруг вышки, причем одна сторона поет «о-елля», а другая отвечает «е-ллэ». Затем все вместе подхватывают: «о-елляэ-эллэ». Обряд заканчивается закланием жертвенного животного и общим пиром. Повторяю: совершенно в такой же форме существует этот обряд в Абхазии и Самурзакани. У абхазцев он носит название Афы-лыпха, т.е. молитва в честь Афы (бога грома), а у самурзаканцев — жиниш-хвама, т.е. верхняя молитва. Только у абхазцев при пляске поется другой припев, а именно: одна половина хора поет «во-етла», а другая — «чаупар», затем хоры соединяются и поют вместе «во-етла — чаупар».¹ Слова «во-етла» и «чаупар» не имеют в абхазском языке никакого значения, точно так же, как и у черкесов «елляэ-эллэ».

¹ Сравн.: Соломон Званбайя. *Очерки абхазской мифологии*. Газ. «Кавказ» 1867. № 74–76.

У хакучей до сих пор отлично сохранился в памяти этот обряд, и один сравнительно молодой черкес в высшей степени живо описал мне его и даже пропел припев. Курьезно, что не менее живо сохраняется этот языческий обряд и в христианской Самурзакани.

Находясь в гостях у хакучей, я старался также выведать у них все, что им известно относительно их бывших соседей — убыхов. Убыхи, как я уже говорил, представляют народ, бесследно погибший для науки. Они все до последнего человека выселились в Турцию прежде, чем этнографы могли узнать что-либо об их обычаях, верованиях и языке. По словам Люлье, убыхский язык не похож ни на черкесский, ни на абхазский. Впрочем, Люлье сам у убыхов не был, а у шапсугов, среди которых он долго жил, не мог добиться об этом положительных сведений. А вот турецкий путешественник XVII века Эвлиа-эфенди, проехавший по всему Черноморскому побережью и посетивший в том числе земли убыхов, напротив утверждает, что последние говорили именно на абхазском языке.

Известный исследователь кавказских наречий барон Услар начал было изучать убыхский язык, пользуясь пребыванием в русском лагере убыхского мальчика, но занятия его оборвались неожиданным образом в самом начале их: этот мальчик в один прекрасный день внезапно исчез из лагеря. То, что успел записать Услар, по словам его, приводит его к мысли, что убыхский язык очень близок абхазскому. Со своей стороны, я лично получил от хакучинских стариков, помнящих убыхов, одно важное сведение, которое подтверждает слова Эвлиа-эфенди и барона Услара. По словам хакучей, у убыхов было два языка — один общечеркесский, адыге, общераспространенный среди них и более всего употреблявшийся, а другой — свой собственный язык, которым они пользовались тогда, когда желали, чтобы их не поняли другие черкесы, например, находясь в плену. Этот последний язык носил у них название абзабзы. Если разобрать хорошенько этимологию этого слова, то выходит следующее: «абзабзы» есть слово абхазского происхождения, состоящее из двух слов «апс» и «абзы» и значит оно в русском переводе «абхазский язык» (апсуа — абхазский, абз — язык). Сопоставляя вместе все вышеприведенные данные, можно теперь сказать с уверенностью, что убыхи говорили именно на абхазском языке, вероятно на каком-то особом наречии его, вроде того, какое существовало у других абхазских народцев, обитавших в го-

рах Черноморского округа и Кубанской области (медозной, садзен, там и проч.).

Я полагаю ограничиться вышеприведенными этнографическими данными для характеристики черноморских черкесов, отослав всех желающих получить более подробные сведения к превосходным статьям Люлье.

Перехожу теперь к остальным двум провинциям, которые были посещены мною этим летом, — Абхазии и Самурзакани. Собственно говоря, эти провинции были детально исследованы мною еще в прошлом году. Несмотря однако на это, мне удалось и в настоящем году сделать там несколько замечательных находок. Это показывает, как богата и как вместе с тем мало исследована растительность двух названных провинций. Мои находки в Абхазии и Самурзакани приурочиваются исключительно к известняковым горам. На известняках Абхазии я нашел между прочим два новых сложноцветных. Одно из них есть новый вид *Aster*, а другое — новый, еще не известный в науке род, относящийся к трибе *Vuphtalmeae*, стоящий близ родов *Postia* и *Chrysophthalmum*.¹

Оставляя за собой право подробного описания этого рода впоследствии в специальных ботанических журналах, теперь ограничусь сообщением его краткого диагноза. Это в высшей степени изящное растение с ланцетными листьями, сверху ярко-зелеными, снизу — снежно-белыми. Цветы — беловато-сероватые, напоминающие цветы *Linosyris*. Растение более красиво своими листьями, чем цветами. Вот латинский диагноз этого рода, которому я даю название *Barbeya*, в честь ботаника William Barbeya, шефа Herbarium Boissier, в Chambesy, возле Женевы.

Barbeya n. gen. N. Alboff:

Capitulum cylindricum radiatum, habitu *Linosyridis*, flosculis tubulosis omnibus hermaphroditis. Involucri phylla dense imbricata. Receptaculum paleaceum, paleis longis lanceolato-linearibus. Antherae basi caudatae. Styli rami incurvi lineari-cylindrici. Achaenia subcompressa adpresse hirta apice dense pilosa, pappo uniseriali eis 2–3-plo longiore, coronata. Pappi setae

¹ И то, и другое растение, как я упоминал выше, были найдены мною также в Мингрелии.

scabrae inaequales. — Herba perennis gracilis 1-vel pluriflora, foliis supra nitidis viridibus, subtus argyreo-canis. — Genus ex affinibus *Chrysophthalmi*, *Postiae* etc. (subtrib. *Vuphtalmeae* trib. *Inuloideae*).

Оба названных растения были найдены мною на Бзыбском хребте, в Северной Абхазии. Во время поездки по Самурзакани я обнаружил кроме того, на известняковом хребте Охачкуэ, существование нового вида *Sampanula* — того самого, который встречается и на известняковых горах Мингрелии. О характере растительности Абхазии и Самурзакани считаю говорить излишним ввиду многочисленных статей, которые я посвятил ее описанию.¹

В частности об известняковой флоре этих стран будет речь ниже, когда я буду характеризовать известняковую флору Западного Закавказья вообще.

Путешествуя настоящим летом по Абхазии, я старался пополнить свои этнографические сведения о ней. Интересующихся этими сведениями я отсылаю к своему пространному докладу, читанному мною в декабре прошлого года в Этнографическом Отделении Императорского Русского географического общества. (Доклад этот в скором времени должен быть напечатан в «Живой Старине» — сборнике, издаваемом Императорским географическим обществом).

Говоря об Абхазии, я не могу обойти молчанием любопытные памятники старины, широко распространенные во всей Абхазии, от Бзыби

¹ Н. Альбов. Описание новых видов растений, найденных в Абхазии // Труды Одесск. отд. общ. садовод. 1891, а также

Состояние садоводства в Абхазии. Зап. общ. сел. хоз. Южн. России. 1892.

Леса Абхазии (*ibid*).

Абхазские папоротники // Зап. Новоросс. общ. естеств. 1891.

Два новых рода для флоры Кавказа — *Rhamphicarpa* и *Dioscorea*. *Acta Horti Petropolitani*. 1893.

Из Абхазии // Русское Лесное Дело. 1893.

Результаты ботанических исследований Абхазии. СПб. Тр. общ. естеств. 1893.

Отчет о ботанических исследованиях Абхазии за 1890 г. Зап. КОИРГО. XV. 1893. *Contributions a la flore de la Transcaucasie: plantes nouvelles ou peu connues trouvées en Abkhasie de 1889 a 1892. Bull. de l'Herbier Boissier, vol. 1. № 5. 1893.*

до Ингура, именно — о так называемых ацангуара, постройках (буквально — оградах) ацанов, с которыми у абхазцев и самурзаканцев связано одно любопытное предание. В литературе я не встречал упоминания об этих оригинальных сооружениях, равно как и о самом предании.

Хотя я подробно говорил о них в докладе в Императорском географическом обществе, но ввиду того, что отчет этот пока еще не опубликован, не считаю лишним коснуться этого предмета в настоящей статье. Почти на всех горах Абхазии, на высоте от 7 000 до 7 500 футов (от 2 133 до 2 286 м) можно встретить оригинальные сооружения, имеющие вид низеньких оград, грубо сложенных из камней без всякого цемента. Они расположены то в виде четырехугольника, иногда разделенного еще на отделения, то в виде неправильного круга. Часто они находятся в полуразрушенном состоянии, и тогда их нетрудно смешать с обыкновенными осыпями камней, хотя все-таки искусственный их характер выдается их правильным расположением. Так как постройки эти имеют мало типичного, то я (да и всякий другой наблюдатель) склонен был бы считать их за простые ограды, устроенные пастухами для своих стад, если бы у туземцев не существовало об их происхождении предания, которое слово в слово повторяется как в Северной Абхазии, так и в Абжуа (Кодорской Абхазии) и Самурзакани.

Предание это гласит следующее. «В очень давнее время на этих горах жили карлики, принадлежавшие к роду ацанов (по абхазскому произношению) или цаниа (по-самурзакански). Они занимались пастушьям хозяйством и построили эти ограды для себя и своих стад.

Тогда на земле было еще то блаженное время, когда не существовало ни дождя, ни снега, ни ветра, ни холода, и не было различия между днем и ночью. Солнце вечно сияло на безоблачном небе, и ацанам вовсе не было холодно на этих высотах, которые теперь доступны для обитания лишь в течение трех летних месяцев. Ацаны не знали употребления огня и питались молочными продуктами своих стад и сырым мясом. Воду они брали из ручьев, бежавших из подземных родников. Ацаны были очень нечестивым народом, совсем не признававшим существования Бога. И вот Бог, разгневавшись на ацанов за их неверие, решил достойно наказать их. Однажды ацаны сидели, собравшись в кружок, в своих оградах. Вдруг один из них заметил, что у козла, стоявшего неподалеку на скале, стала пошевеливаться борода. Это был ветер, который Бог впервые по-

слал на землю. Ветер нагнал на небо черные тучи, которые заслонили от ацанов солнце. Затем с неба начали падать хлопья ваты, которые покрыли землю точно снегом. После того Бог послал на землю огонь, который воспламенил вату и вместе с нею сжег нечестивых ацанов».

Коснувшись археологии Абхазии, не могу не упомянуть об оригинальных жертвенниках, существующих на некоторых перевалах абхазских гор. Один из таких жертвенников на перевале через Главный хребет (перевал Наур) был описан еще фон Торнау в его превосходных «Воспоминаниях».¹ Я такие жертвенники видел на перевале Хымсы и на перевале Дзина. Жертвенники эти состоят обыкновенно из небольшого четырехугольного возвышения, сложенного из камней. Всякий переваливающий через хребет непременно должен после прочтения молитвы положить на жертвенник какое-либо приношение. В противном случае Дух гор непременно пошлет ему на дороге какое-нибудь несчастье, столкнет в пропасть, занесет снегом, или что-нибудь в этом роде. На перевале Дзина в числе приношений я видел пули, ружейные патроны, разноцветные лоскутки и обломки ножниц (это последнее, очевидно, приношение женщин), хороший кристалл известкового шпата и целую массу старинных железных наконечников стрел и копий. О таких же стрелах на перевале Наур упоминает и фон Торнау. От этих стрел происходит и самое название жертвенников (по-абхазски «ахчакхыку», т. е. место, где лежат стрелы). Я не мог захватить с собою стрелы с перевала Дзина, так как меня не допустили до этого мои проводники: по абхазскому суеверию, всякий, кто присвоит себе какое-либо из приношений, будет за это жестоко наказан Богом. Но у меня есть стрелы, найденные мною на перевале Ачавчара, в земле, которые ничем не отличаются от стрел с перевала Дзина. Любопытно, что подобные же стрелы встречаются в земле возле одного дольмена в Черноморском округе, в долине реки Мзымты, близ села Романовского (Красная Поляна).²

¹ *Воспоминания кавказского офицера. Москва. 1865.*

² *В Черноморском округе, в бассейне р. Мзымты, около одного дольмена близ сел. Романовского, находят наконечники стрел и копий, совершенно сходные с описываемыми.*

Этими сведениями я закончу изложение разнообразного материала, собранного мною во время моих поездок по различным провинциям Западного Закавказья, и перейду теперь, в частности к фактам, которые я добыл при исследовании флоры известняков, и к тем выводам, на которые эти факты наталкивают.

Прежде всего я должен подробно охарактеризовать известняковую флору Абхазии, которая послужила точкой отправления для моих исследований. Уже в своей статье в Записках кавказского отдела, написанной в 1891 году, я достаточно ясно наметил особенности флоры известняков Абхазии, говоря о растительности нагорных пастбищ Бзыбского хребта. С большей полнотой и определенностью я развил свой взгляд в сообщении, читанном мною в январе месяце текущего года в Ботаническом отделении С.-Петербургского общества естествоиспытателей. Вот главные положения, высказанные в этом сообщении:

1. Растительность известнякового Бзыбского хребта резко различается от растительности остальных (неизвестняковых) гор Абхазии.

2. Она характеризуется целым рядом эндемических форм, из коих некоторые представляют собою совершенно новые виды, а другие — очень редкие эндемические кавказские виды. К числу первых относятся: новый вид *Geum* (*Geum speciosum* N. Alboff), новый вид *Ranunculus* (*Ranunculus helenae* N. Alboff), новый шафран (*Crocus autranii* N. Alboff). К числу редких эндемичных кавказских видов принадлежат: *Daphne sericea*, *Thalictrum triternatum*, *Gentiana alata* var. *floribus luteis* N. Alboff.

3. В числе растений известнякового Бзыбского хребта попадает несколько видов, свойственных только южнее лежащему Лазистану. Эти виды в других, неизвестняковых горах Абхазии не встречаются. Таковы чрезвычайно характерный вид осоки (*Carex lazica*), *Scutellaria pontica* (var. *abchastica* N. Alb.).

4. Хотя вышеприведенные растения составляют весьма незначительный процент в сравнении с массой других видов, общих у Бзыбского хребта с другими горами, но зато распространены они в таком громадном количестве, что нередко исключают всю другую растительность. Мне случалось, например, видеть целые громадные участки альпийского луга, заросшие сплошь *Geum speciosum* и *Carex lazica*.

В таком виде я резюмировал свои наблюдения над флорой абхазских известняковых гор в петербургском сообщении. Настоящим летом, как я уже упоминал, я вновь посетил абхазские известняки, и мне удалось сделать там два важных открытия (два новых сложноцветных — *Aster* и *Barbeya*). Кроме того, ознакомившись предварительно с растительностью известняковых гор Мингрелии и Черноморского округа, я принужден был при моем новом посещении абхазских известняков отметить еще целый ряд растений, много раньше игнорированных как вульгарные, но которые, как я убедился при сравнительном изучении известняковых флор Западного Закавказья, представляются также весьма характерными для известняков.

Наконец, при разработке моих новейших коллекций из Абхазии в Гербарии Буассье весной этого года, в них оказались еще три растения, свойственные также только известнякам Абхазии, из которых два представляют новые виды *Ranunculus sommieri* и одно зонтичное. Таким образом, мне пришлось сделать существенные дополнения к вышеприведенному списку растений Бзыбского хребта.

Привожу теперь этот список полностью:

* <i>Geum speciosum</i> .	* <i>Umbelliferarum n. sp.</i>
<i>Carex lazica</i> .	(n. genus?).
<i>Daphne sericea</i> .	<i>Bupleurum heterophyllum</i> .
<i>Astrantia biebersteinii</i> .	<i>Geranium robertianum var.</i>
<i>Thalictrum triternatum</i> .	<i>purpurea</i> .
<i>Galium valantioides</i>	<i>Salvia verticillata</i> .
<i>Helianthemum vulgare</i> .	<i>Omphalodes cappadocica</i> .
<i>Draba bruniiifolia</i> .	<i>Asperula aspera</i> .
<i>Primula acaulis typica</i> .	<i>Campanula alliariifolia</i> .
<i>Doronicum caucasicum</i> .	* <i>Gentiana alata f. floribus luteis</i> .
* <i>Aster n. sp.</i>	* <i>Crocus autranii</i> .
* <i>Ranunculus helenae</i> .	* <i>Ranunculus sommieri</i> .

**Barbeya* (n. gen. *Compos.*).

Scutellaria pontica var. *abchaica* N. Alb.

Sedum acre.

Origanum vulgare.

Umbilicus oppositifolius.

Arctostaphylos uva-ursi.

Здесь * обозначены мои новые виды.

Охарактеризовав известняковую растительность Абхазии, переходя к обозрению луговой растительности известняков в других провинциях Западного Закавказья.

Начну с Мингрелии.

Асхи — самый южный из известняковых хребтов Западного Закавказья, который удалось мне исследовать. Я уже упоминал, что по своему геологическому строению он совершенно напоминает Бзыбский хребет. Посмотрим, проявляет ли такое же сходство его флора.

Вот список растений, записанных мною на хребте Асхи как не попадающих на соседних гранитных и сланцевых горах:

* *Geum speciosum*.

Carex lazica.

Astrantia biebersteinii.

Asperula aspera.

Galium valantioides

Geranium robertianum v.

purpurea.

Helianthemum vulgare.

Salvia verticillata.

Origanum vulgare.

Arctostaphylos uva-ursi.

Sedum acre.

**Campanula alliariifolia*.

Cyclamen n. sp.

Бедность списка объясняется тем, что я был на Асхи в разгар засухи, когда большая часть растительности погорела, а та, которая уцелела, была сильно потравлена скотом. Бросив беглый взгляд на этот список, мы не можем не заметить, что все отмеченные в нем, за исключением одного *Cyclamen* n. sp., представляют типичные известняковые растения Абхазии.

Перехожу к следующим горам, лежащим далее на север — Мигариа и Джвари. Отмечаю их характерные растения:

* <i>Geum speciosum</i>	<i>Achillea grandifolia.</i>
<i>Carex lazica.</i>	<i>Galium valantioides</i>
<i>Daphne sericea.</i>	<i>Asperula aspera.</i>
<i>Astrantia biebersteinii.</i>	<i>Helianthemum vulgare.</i>
<i>Sedum acre.</i>	<i>Geranium robertianum var.</i>
	<i>purpurea.</i>
* <i>Barbeya</i> (n. gen. <i>Compos.</i>).	<i>Salvia verticillata.</i>
* <i>Aster</i> n. sp.	<i>Umbilicus oppositifolius.</i>
	<i>Arctostaphylos uva-ursi.</i>
* <i>Campanula</i> n. sp. № 1.	<i>Origanum vulgare.</i>
<i>Campanula alliariifolia.</i>	<i>Thalictrum triternatum.</i>

И здесь мы видим полное сходство, даже еще большее, чем на Асхи, со списком известняковых растений Бзыбского хребта — за исключением опять-таки того же *Cyclamen* и еще одного нового колокольчика, эндемичного для этих гор (буду его пока называть № 1 в отличие от другого нового вида, найденного в Черноморском округе).

Перехожу теперь к горе Кернахони (около селения Джгал). Кернахони — очень невысокая гора, едва выходящая из лесной полосы, отчего ее растительность довольно бедна. Я был здесь очень рано весной, и притом в дурную погоду, и мог записать здесь только следующие растения:

* <i>Geum speciosum.</i>	<i>Omphalodes cappadocica.</i>
<i>Daphne sericea.</i>	<i>Scutellaria pontica var. abchasica.</i>
<i>Carex lazica.</i>	

Опять все типичные известняковые растения Бзыбского хребта.

Кернахони заканчивает собою ряд исследованных мною известняковых возвышенностей Мингрелии.

Перейдя затем через реку Ингур в Самурзакан, мы сейчас же наталкиваемся на типичный известняковый хребет Охачкуа, высота которого достигает не менее 7 500 футов (2 286 м). На Охачкуа я был поздней осенью, в октябре месяце, но тем не менее успел записать здесь следующие растения, которые не встречаются в соседних неизвестняковых горах:

* <i>Geum speciosum.</i>	<i>Helianthemum vulgare.</i>
<i>Daphne sericea.</i>	<i>Salvia verticillata.</i>
<i>Astrantia biebersteinii.</i>	<i>Galium valantioides.</i>
<i>Origanum vulgare.</i>	<i>Omphalodes cappadocica.</i>
<i>Campanula alliariifolia.</i>	<i>Sedum acre.</i>
* <i>Campanula n. sp. № 1.</i>	<i>Scutellaria pontica var. abchasica.</i>
* <i>Cyclamen n. sp.</i>	<i>Geranium robertianum var. purpurea.</i>

Как видно, список совершенно тождественен со списком мингрельских известняковых растений, а от абхазского отличается лишь присутствием в нем новых видов *Cyclamen* и *Campanula*.

После Охачкуа на большом протяжении не встречается пастбищных известняковых гор. Высокие горы Самурзакани и Абжуа—Анаара, Апшара, Ачырасра, Ходжал и проч., так же, как и пастбищные горы верховьев Кодора и Гумисты, образованы частью огненными, частью метаморфическими сланцами. В прошлом году я сделал большой пробег по всем этим горам и не нашел на них ни одного из приведенных выше растений. Известняковые горы поднимаются выше пастбищной полосы только в Бзыбской Абхазии. Первой такой горой будет Гумишха (около 6 000 футов или 1 830 м), затем Бзыбский хребет, высочайшая вершина которого, гора Дзышра, поднимается до 9 000 футов (2 744 м) с лишком, а прочие — Чапшыра, Ахибаху, Акугра, Ахырджа — имеют каждая более 8 000 футов (2 438 м). Так как растительность Бзыбского хребта была мною уже достаточно детально охарактеризована, то я к ней более не возвращаюсь.

Севернее Бзыбского хребта, за рекой Бзыбью, лежит целая группа известняковых возвышенностей — Мамзышха, Кутушыра, Арбаика. Из них первая гора имеет высоту незначительную (6 400–6 500 футов или 1 950 и 1 980 м), а две другие достигают приблизительно той же высоты, что и Бзыбский хребет. Вот перечень растений, записанных мною на этих горах:

**Geum speciosum*.
Daphne sericea.
Scutellaria pontica var. *ab-*
chasica.
Arctostaphylos uva-ursi.
Geranium robertianum var.
purpurea.

**Ranunculus helenae*.
Doronicum caucasicum.
Sedum acre.
Primula acaulis typica.
Jurinea mollis.

Очевидно, что растительность этих гор представляет буквальное повторение растительности Бзыбского хребта. Бедность списка объясняется тем обстоятельством, что я был здесь очень рано весной, когда многие типичные растения, как *Astrantia biebersteinii*, *Carex lazica* и другие еще не успели развиться. Кроме того, как я уже упомянул выше, пребывание мое здесь было чрезвычайно непродолжительное: я здесь заболел и принужден был поспешно вернуться назад, не успев детально обследовать эти горы.

Еще севернее названных гор, уже в Черноморском округе, лежит группа известняковых хребтов, отделяющих приморскую полосу от верхней долины реки Псоу. Это так называемые горы Аибги: хребты Кыщырхра, Ачишха, Арашха и Ахагуашь (Ахаг). Как я уже имел случай говорить выше, я не мог попасть на эти горы, несмотря на неоднократные мои попытки, из-за отсутствия проводников. Хотя, повторяю, сам я в этих горах и не был, но имею о них достаточное представление со слов г. Старка, много раз на них бывавшего. По его словам, горы Аибги представляют типичнейшие известняковые хребты со всеми их особенностями: они изрыты глубокими ямами, изборождены трещинами, совершенно безводные. Такие же самые сведения об этих горах я получил от землемера Заборовского, производившего недавно здесь съемку. Разумеется, упомянутые господа, не будучи ботаниками, не могли ничего сообщить мне о растительности этих гор. Но я не сомневаюсь, что она мало чем отличается от растительности смежных с ней гор Арбаики, Кутушыры и Мамзышхи, с которыми горы Аибги связаны самым тесным образом посредством хребта Ахагуашь.

Наконец, еще далее к северу, пастбищные известняки встречаются лишь на верховьях реки Шахе, где они участвуют в сложении Главного Кавказского хребта, образуя высокие вершины гор Фишта и Оштена. Посмотрим, в какой степени сохраняется своеобразный характер флоры на этих известняковых горах. Вот перечень растений, свойственных горам Фишту и Оштену, которых нет на ближайших гранитных и шиферных горах:

<i>Daphne sericea.</i>	<i>Arctostaphylos uva-ursi.</i>
<i>Thalictrum triternatum.</i>	<i>Geranium robertianum var.</i> <i>purpurea.</i>
* <i>Ranunculus helenae.</i>	<i>Umbilicus oppositifolius.</i>
* <i>Gentiana alata forma</i> <i>floribus luteis.</i>	<i>Helianthemum vulgare.</i>
<i>Asperula aspera.</i>	<i>Campanula alliariifolia.</i>
<i>Draba bruniifolia.</i>	<i>Campanula betulaefolia.</i>
<i>Galium valentioides.</i>	* <i>Campanula n. sp. № 2.</i>
<i>Astrantia biebersteinii.</i>	<i>Sedum acre.</i>

Здесь, в этом списке, при всем его сходстве со списками растений Бзыбского хребта и мингрельских гор, мы уже встречаем некоторые довольно значительные отклонения. Во-первых, бросается сразу в глаза обеднение списка. Обеднение это не может быть объяснено несовершенством или неполнотою наблюдений: в нем не хватает таких крупных и видных растений, как *Geum speciosum* и *Carex lazica*, которые пропустить невозможно. Во-вторых, мы замечаем в списке присутствие двух новых растений — именно двух колокольчиков, из коих один представляет вид, свойственный Лазистану, — (*Campanula betulaefolia*), а другой — совершенно новое растение. Несмотря, однако, на указанные отличия, всякий найдет в списке поразительное сходство с другими приведенными выше списками известняковых растений.

Горы Фишт и Оштен, как уже сказано выше, составляют на севере последние горы Западного Закавказья, имеющие пастбища. Таким образом, ими был завершен цикл моих исследований известняков Западного Закавказья.

Сведем теперь вместе все сказанное нами при рассмотрении флор известняков каждой провинции в отдельности, чтобы получить представление об известняковой флоре Западного Закавказья вообще.

§ 1. Флора нагорных лугов известняковых гор Западного Закавказья на всем их протяжении от горы Фишт в Черноморском округе до г. Асхи в Мингрелии представляет значительные особенности по сравнению с таковой же флорой гор огненно-кристаллических и сланцевых.

§ 2. Особенности эти заключаются в присутствии в ней целого ряда растений, которые на горах кристаллических и сланцевых совсем не встречаются.

§ 3. Хотя означенные растения составляют сравнительно небольшой процент от общего числа видов, свойственных альпийской растительности известняковых гор, но распространены они в таком громадном количестве экземпляров, что нередко совершенно исключают всю другую растительность, сплошь покрывая своими зарослями целые участки альпийского луга. Это в особенности можно сказать относительно *Geum speciosum* и *Carex lazica*.

§ 4. Отдельные флоры известняков Черноморского округа, Абхазии и Мингрелии лишь незначительно отличаются между собою присутствием в них тех или других эндемических растений. Так, на мингрельских и самурзаканских известняках произрастают новый вид *Cyclamen* и новый колокольчик (№ 1); на бзыбских известняках — новый крокус, новый лютик (*Ranunculus sommierii*) и новое зонтичное; на черноморских известняках — новый колокольчик (№ 2).

§ 5. Присутствие на одних известняках известных эндемических видов и отсутствие последних на других может быть объяснено недостаточной исследованностью известняковых гор. Вероятно, эндемические виды, свойственные мингрельским известнякам, будут найдены также и на абхазских, и наоборот. Отсутствие на мингрельских известняковых горах характерного для Бзыбского хребта и для Фишта эндемического вида *Ranunculus helenae* объясняется незначительной высотой мингрельских известняковых гор [*Ranunculus helenae* не встречается ниже 7 500 футов (2 286 м), а обыкновенно — гораздо выше].

§ 6. Флора известняковых вершин Главного хребта — Фишта и Оштена более значительно различается от других известняковых флор: именно она характеризуется внезапным обеднением списка известняковых растений. В нем не хватает широко распространенных в других флорах *Geum speciosum* и *Carex lazica*.

Соединим теперь все наши списки в один и составим один общий список, который будет характеризовать альпийскую флору известняков Западного Закавказья:

* <i>Geum speciosum</i> .	<i>Daphne sericea</i> .
* <i>Ranunculus helenae</i>	<i>Carex lazica</i> .
* <i>Ranunculus sommierii</i>	<i>Astrantia biebersteinii</i> .
* <i>Campanula</i> n. sp. № 1.	<i>Scutellaria pontica</i> var. <i>ab-</i>
<i>chasica</i> .
* <i>Campanula</i> n. sp. № 2.	<i>Campanula alliariifolia</i> .
* <i>Cyclamen</i> n. sp.	<i>Campanula betulaefolia</i> .
* <i>Aster</i> n. sp.	<i>Umbilicus oppositifolius</i> .
* <i>Crocus autranii</i> .	<i>Thalictrum triternatum</i> .
* <i>Barbeya</i> (n. gen.).	<i>Helianthemum vulgare</i> .
* <i>Umbellifera</i> n. sp. (n. gen.).	<i>Sedum acre</i> .
* <i>Gentiana alata</i> f. <i>lutea</i> .	<i>Galium valantiodes</i> .
* <i>Draba bruniifolia</i> .	<i>Asperula aspera</i> .
<i>Salvia verticillata</i> .	<i>Geranium robertianum</i> var.
<i>purpurea</i> .
<i>Omphalodes cappadocica</i> .	<i>Jurinea mollis</i> .
<i>Arctostaphylos uva-ursi</i> .	<i>Origanum vulgare</i> .
<i>Doronicum caucasicum</i> .	<i>Primula acaulis typica</i> .
<i>Bupleurum heterophyllum</i> .	<i>Achillea grandifolia</i> .

Всего 34 вида

Если считать общее число альпийских видов Западного Закавказья 350 (у меня из одной Абхазии определено их до 300), то число ви-

дов, свойственных исключительно известнякам, составит всего 10 % от общего числа альпийских видов. Если же теперь сопоставить число известняковых и число неизвестняковых видов растений на каждой из исследованных мною гор в отдельности, то полученное процентное соотношение будет значительно больше, ибо наличность флоры каждой горы в отдельности ограничивается значительно меньшей цифрой, чем показанная выше, между тем как число известняковых видов остается приблизительно одним и тем же. Наиболее полные списки у меня имеются с Бзыбского хребта, с горы Мигариа и с горы Фишт. Записи мои дают для этих гор следующие цифры:

	Бзыбский	Мигариа	Фишт
	хр.		
Общее число растений до	156	— 50	— 134
Число известняковых растений до	28	— 18	— 16
	18%	36%	12%

Должен, однако, сознаться, что цифры эти грубо приблизительны, так как зарегистрировать все растения альпийского луга до последнего нет возможности. Более точные цифры получатся только после окончательной разработки моих гербариев, где, разумеется, имеются многие растения, не попавшие в мою записную книжку. Полагаю однако, что несмотря на всю свою приблизительность, эти цифры сообщают некоторые данные для суждения о характере флор разных известняковых гор.

Из сравнения этих трех столбцов цифр мы видим, что процентное содержание известняковых растений всего выше на горе Мигариа, которая действительно и поражает более чем какая-либо другая из посещенных мною гор своей оригинальной флорой. Высокий процент содержания известняковых растений здесь объясняется сравнительной бедностью общего числа альпийских видов, свойственных этой горе, а эта бедность, в свою очередь, обуславливается незначительной высотой горы Мигариа, едва выходящей за лесную полосу.

Следующей за Мигариа горой по богатству известняковыми видами является Бзыбский хребет (18 %). Здесь процентное содержание

значительно ниже вследствие того, что Бзыбский хребет, имея значительную высоту, дает приют большому числу альпийских растений, между тем как число известняковых видов увеличивается лишь в весьма слабой степени. Еще меньшее процентное содержание мы замечаем на горе Фишт, что легко объясняется, с одной стороны, обеднением списка известняковых растений, с другой — значительной высотой этой горы.

Вернемся опять к составленному нами общему списку известняковых растений. Посмотрим, на какие заключения может натолкнуть нас его подробный анализ.

Звездочкой в списке отмечены описанные мною новые виды. Таких видов оказывается целых 11, что составляет почти половину общего числа видов. Такая крупная цифра новых видов среди растений, характерных для известняков, не может не поражать всякого. Если к моим новым видам присоединить еще два вида, описанных Ледебуром и Рупрехтом и также исключительно свойственных известнякам, а именно: *Umbilicus oppositifolius* Ledeb. и *Thalictrum triternatum* Rupr., то названная цифра возрастет до 13.

Формулируем наш вывод:

§ 7. Флора известняков Западного Закавказья чрезвычайно богата эндемическими видами, которые составляют около 33 % от общего числа растений, им свойственных, или около 3 % всей луговой флоры.

Рассмотрим остальные растения нашего списка. Следующие растения: *Daphne sericea*, *Campanula betulaefolia*, *Carex lazica*, *Scutellaria pontica* свойственны Понтийскому хребту и другим горам Малой Азии, а на Кавказе встречаются только на Аджаро-Имеретинском хребте, где они произрастают на породах неизвестняковых. Отмечаем этот факт.

§ 8. Некоторые из растений, характерные для известняков Западного Закавказья, южнее, на Понтийском и Аджаро-Имеретинском хребтах, встречаются не на известняках.

Что касается остальных растений нашего списка, то это — растения, попадающиеся и в других провинциях Закавказья (Грузия, Дагестан и проч.). К сожалению, в литературе не имеется никаких указаний на то, на каких породах они там встречаются. Если теперь мы проследим вертикальное распространение этих растений, то заметим следующее курьезное обстоятельство: все это суть растения, свойственные, собственно

говоря, более теплым, нижним регионам гор. Присутствие их среди луговой растительности всегда звучит резким диссонансом с общим тоном альпийского луга. Действительно, мы привыкли их видеть скорее где-нибудь на береговых предгорьях, на высоте 1000–2000 футов (305–610 м), а некоторые даже и ниже (например, *Helianthemum*, *Origanum*).

Некоторые из эндемических видов известняковых хребтов, как-то *Cyclamen* n. sp. и *Umbilicus oppositifolius*, встречаются также весьма низко (*Cyclamen* — в Окумском ущелье на высоте 1000 футов, *Umbilicus oppositifolius* на Псху — на 2000 футов, а в Гаграх еще ниже).

Таким образом, на основании всех этих фактов мы заключаем:

§ 9. Большинство растений, свойственных луговой флоре известняков Западного Закавказья, имеет чрезвычайно широкие пределы вертикального распространения. Собственно говоря, они не принадлежат даже к числу настоящих альпийских растений, будучи скорее растениями, свойственными нижней, более теплой полосе гор.

К вышеприведенным замечаниям следует добавить еще одно, касающееся одного из растений, помещенных в моем списке в числе эндемических видов известняков; именно *Gentiana alata forma floribus luteis* N. Alboff (*Gentiana alata* var. *oschtenica* Kuznetsoff). Я должен сказать, что растение это встречается в Западном Закавказье и на неизвестняковых горах, но при этом всегда в ближайшем с ними соседстве. Так, оно попадает на горе Ачха, рядом с Бзыбским хребтом, и на горе Онара близ хребта Охачкуа.

Отметим этот факт в ряду наших выводов под § 10.

Эти 10 параграфов, в сущности, и исчерпывают собою все наблюдения, которые я произвел над растительностью известняков Западного Закавказья с записной книжкой в руках. Разумеется, разработка коллекций заставит меня несколько дополнить мои выводы, а может быть, даже слегка видоизменить их. Возможно также, что некоторые малотипичные растения, как *Asperula aspera*, *Galium valantioides*, найдутся в коллекциях с кристаллических и шиферных гор, и тогда их придется вычеркнуть из списка известняковых растений. Но самый список, заключающий в себе такие характернейшие растения, как *Geum speciosum*, *Carex lazica*, *Daphne sericea*, *Crocus autrani*, *Ranunculus helenaе*, *Barbeya* и проч., растения, которые нельзя было пропустить на других горах даже при всем моем

желании, едва ли потеряет от этого в своем значении. Флора известняков Западного Закавказья, несомненно, всегда будет представляться резко обособленной от флор кристаллических и сланцевых гор той же страны, какое бы число растений не заключал ее список.

Я не буду давать здесь объяснений вышеприведенным фактам, отлично сознавая, какие огромные затруднения встретятся мне на этом пути при крайней скудости или, вернее сказать, полном отсутствии геоботанических и ботанико-географических сведений о флорах других провинций Закавказья, с которыми известняковую флору Западного Закавказья приходится сравнивать. Однако я надеюсь некоторые объяснения сообщить в своей статье, которая будет опубликована после окончательной обработки коллекций весной будущего года. Теперь же считаю более благоразумным ограничиться сообщением голых фактов, существование которых отрицать невозможно.

Тифлис.

8 ноября 1893 г.

Я. С. Медведев

ученый-лесовод, исследователь лесов Кавказа,
уполномоченный министра государственных имуществ на Кавказе

Рецензия на работу Н. М. Альбова
«Описание новых видов растений,
найденных в Абхазии в 1889–1890 гг.»

в Записках КОИРГО, т. XVI. Тифлис, 1893 г.

Настоящая статья составляет небольшую часть труда, который автор готовит о флоре Абхазии, исследованной им в течение трех лет, с 1888 по 1890 г.

Растительность Абхазии, как и других местностей Черноморского побережья Кавказа, изучена вообще крайне слабо. Весьма естественно поэтому, что ближайшее исследование обнаружило в ней немало форм новых или таких, которые до того не были известны на Кавказе. Новых видов растений найдено г-ном Альбовым 11; все они подробно описаны им на латинском и русском языках. Приводим перечень этих видов: *Ranunculus helenaе*, *Delphinium schmalhauseniі*, *Delphinium pyramidatum*, *Trifolium ponticum*, *Sieversia speciosa*, *Potentilla divina*, *Psephellus abchasicus*, *Rhynchocorys intermedia*, *Scutellaria helemae*, *Ornithogalum schmalhauseniі*, *Alopecurus sericeus*.

Располагая ограниченной литературой, автор не ручается за строгую самостоятельность установленных им новых форм и допускает, что

некоторые из них при ближайшем изучении могут оказаться разновидностями или помесями известных уже видов. Со своей стороны заметим, что немалое значение имеют в данном случае климатические влияния, определяющие мощность развития растительных особей. Известно, что в возвышенных горных областях развитие вегетативных частей растения крайне сокращается. Разительным примером тому могут служить многие виды *Ranunculus R. caucasicus* MB., *elegans* C. Koch, *villarsii* DC. и др., широко распространенные в лесной и альпийской полосах Кавказа. Такой же пример климатического влияния представляет, по-видимому, найденный г-ном Альбовым на вершине горы Чедым (на высоте около 9 000 футов) миниатюрный *Ornithogalum schmalhauseni*, который, по нашему мнению, тождественен с *O. balansae* Boiss. Этот последний вид в изобилии встречается в альпийских и подальпийских областях Понтийского хребта, Аджаро-Шавшетских гор и Ахалцихо-Имеретинского хребта, роскошно развиваясь несколько выше границы лесной растительности и являясь наоборот, пигмеем на высотах 8 500–9 000 футов.

В конце своей брошюры г-н Альбов поместил список растений наиболее редких, а также найденных на Кавказе впервые. К числу первых относятся: *Thalictum triternatum* Rupr., *Hypericum nummularioides* Trautv., *Melilotus hirsuta* Lipsk., *Senecio stenocephalus* Boiss., *Veronica monticola* Trautv., *Quercus castaneaefolia* C. A. Meyer.

Вызывает сомнение факт, что в Абхазии Альбов обнаружил *Quercus castaneaefolia*. Этим названием г-н Альбов обозначил, по-видимому, весьма схожий по листьям с каштаном *Quercus pontica* C. Koch, свойственный Понтийскому хребту и в последнее время найденный в верхней лесной полосе Гурии и Сухумского округа.

Весьма интересен список впервые найденных на Кавказе растений, из которых три формы были находимы только в Крыму: *Ranunculus dissectus* MB., *Genista depressa* MB., *Veronica peduncularis* MB. var. *umbrosa* Boiss.

Из числа остальных видов *Alsine recurva* All. var. *nivalis* Boiss. найдена была ранее во многих местах Кавказа (см. Acta Hort. Petrop., II, p. 512 IV, p. 118, 356 V, p. 415).

Я. С. Медведев

Рецензия на работу Н. Альбова
«АБХАЗСКИЕ ПАПОРОТНИКИ»

ЗАПИСКИ НОВОРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ,
т. XVI. вып. I. с. 97–106. Одесса. 1891.

До последнего времени папоротники Абхазии (Сухумский округ Кутаисской губ.) были почти вовсе не исследованы. В 1869 году Л. В. Рейнгард¹ насчитывал там всего 11 видов, — число, очевидно, далеко не соответствовавшее действительности. Абхазия, со своим влажным климатом и обширными тенистыми лесами, бесспорно, представляет все условия для роскошного развития этого класса растений. Н. Альбов, занимавшийся в течение трех лет изучением флоры Черноморского побережья Кавказа, собрал в Абхазии 25 видов папоротников. Перечень этих видов, а также найденных в Абхазии же трех видов плаунов и одного вида хвощей с указанием место нахождения, составляет предмет приведенной статьи.

Перечисляем собранные г-ном Альбовым виды. Папоротники: *Ophioglossum vulgatum* L., *Ceterach officinarum* Willd., *Woodsia fragilis*

¹ См. Заметки о папоротниках Абхазии. Труды Общества испытат. природы при Императорском Харьковском университете. 1869. Т. I.

Trevir., *Polypodium vulgare* L., *Phegopteris polypodioides* Fee, *Ph. robertiana* Hoffm., *Allosorus crispus* L., *Pteris cretica* L., *P. aquilina* L., *Blechnum spicant* L., *Scolopendrium officinarum* L., *Adiantum capillus-veneris* L., *Asplenium viride* Huds., *A. trichomanes* L., *A. ruta-muraria* L., *Adiantum nigrum* L., *Athyrium alpestre* Hoppe, *Aspidium lonchitis* L., *A. aculeatum* L. в двух формах — *vulgare* Doll. и *swartzianum* Koch, *Nephrodium thelypteris* L., *N. Oreopteris* Ehrh., *N. filix-mas* L. var. *incisum* Moor, *N. spinulosum* Sw. var. *dilatatum* Koch, *Cystopteris fragilis* L. var. *anthriscifolia* Koch, *Onoclea struthiopteris* Hoffm.: плауны: *Lycopodium selago* L., *L. clavatum* L., *L. annotinum* L., хвощи: *Equisetum telmateja* Ehrh.

Этот список может быть дополнен довольно распространенными в Западном Закавказье видами папоротников, без сомнения, встречающимися и в Абхазии: *Phegopteris dryopteris* L., *Notochlaena marantae* L. *Asplenium septentrionale* L., *Athyrium filix-femina* Roth, *Botrychium lunaria* (L.) Sw., *Osmunda regalis* L.

Считаем бесполезным исправить указания автора о найденных, по его мнению, впервые на Кавказе, видах папоротников.

Allosorus crispus Bernh. Найден Г. И. Раде в Хевсурии, в Альпах Чаухи (см. Act. Hort. Petrop., 1878, V, 488).

Asplenium viride Huds., *Nephrodium spinulosum* Sw. var. *dilatatum* Koch собраны Н. К. Срединским в горах Рачинского уезда Кутаисской губ. (см. его Herb. Cryptogam. Rossic., fasc. I, Petrop., 1876, tab. 2, 16).

Н. Альбов

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЧЕРНОМОРСКИХ ГОРАХ в 1894 г.

Едва ли найдется на Кавказе какая-либо страна, которая была бы так мало затронута исследованиями, как Черноморский округ. Оно и понятно. До 1864 года эта страна была занята воинственными племенами абазин и черкесов, которые делали доступ в нее исследователям невозможным. После окончательного покорения Кавказа в 1864 году эти племена, почти до последнего человека, эмигрировали в Турцию, и страна опустела. Вскоре, правда, явились сюда колонисты; но эти пришельцы, принадлежавшие ко всевозможным национальностям, но только не к кавказским, поселились лишь на низменной части страны; вся ее горная часть осталась незанятой, и так пустует и донныне. Таким образом, исследователю, которого, разумеется, интересуют главным образом горы, и до

сих пор негде достать людей, знающих горные тропы. Путешествовать же без проводников, как это известно всякому, кому случалось странствовать по Кавказу, невозможно. Руководствоваться в этом случае одними картами нельзя, так как карты (я говорю именно про карты Черноморского округа), особенно гористой части края, снятые давно, очень неудовлетворительны. До сих пор единственными проводниками для всех путешественников в Черноморском округе служили черкесы, проживающие в селе Кичмай — последние могикане некогда господствовавшей здесь черкесской народности. С ними я ходил в прошлом году на гору Фишт, на верховья Шахе. Но и эти черкесы кроме гор, окружающих верховья Шахе, других не знают. Кое-кто из греков и эстонцев, живущих на Красной Поляне, может привести вас на перевал Пшашха и к верховью Мзымты. Но нет решительно никого, кто бы мог служить вам проводником на горы Аибги и верховья Псоу. Между тем этот юго-восточный угол Черноморского округа, лежащий на границе с Абхазией, крайне любопытен. Еще ни один ботаник не бывал в этих горах, да и в географическом отношении они известны очень мало. Меня давно занимала мысль посетить эти горы, и я делал к тому неоднократные попытки. Пробовал я пройти сюда из Абхазии, но мои попытки оканчивались всегда неудачей, так как проводники оказывались малосведущими.

Наконец, в настоящем году мне удалось осуществить мою заветную мысль. Г-н Старк, управляющий великокняжеским имением в Учъ-Дэрэ возле Сочи, много путешествовавший в Черноморских горах, в том числе и горах Аибги, любезно дал мне указания относительно пути туда. По его совету я направился в село Микелрыпш, лежащее близ выхода реки Псоу из ущелья, у самого подножья хребта Ахахьча. Здесь я нанял несколько человек армян в качестве рабочих и одну лошадь под выюк. Снарядив таким образом экспедицию, я начал свое восхождение на хребет. Привожу целиком журнал этого путешествия.

Экскурсия на хребет Ахахьча, Ёыцырхра и сопредельные горы

(Путевой дневник)

3 АВГУСТА

Сегодня в 8 часов утра мы вышли из Микелрыпша. Оставив деревню за собой, мы взяли направление на северо-восток. Вначале мы придерживались небольшой тропки, которая обозначилась в лесу при выходе из деревни. Но не успели мы пройти и двух верст, как тропка эта потерялась в первобытном лесу, и нам пришлось идти далее наобум, прокладывая себе дорогу в чаще леса топорами. Лес, окружающий Микелрыпш, типичный колхидский. Та же пестрая смесь всевозможных лиственных пород — бука, граба, орешника и проч., перевитых разными лианами: ежевичником (*Rubus discolor*), сассапарилью, хмелем и диоскореей (*Dioscorea caucasica*). Местами попадаются в лесу поляны, поросшие цепкой ежевикой, чрезвычайно затрудняющей движение: это остатки бывших абазинских аулов. Такой лес господствует приблизительно на высоте от 450 до 1000 м.¹ Выше же начинается царство бука, лес становится чрезвычайно однообразным и гораздо менее густым.

До высоты 1000 м подъем был очень пологим, затрудняла путь только постоянная борьба с дикой чащей. Но, начиная с этой высоты, подъем вдруг сделался чрезвычайно крутым, по склону почти в 45° и более. Тут нам посчастливилось попасть на след старой пастушьей тропы. Ее мы и стали придерживаться. Это тропинка, и без того чуть заметная, местами совершенно пропадала в сплошных зарослях лавровишни и понтийского рододендрона. Здесь снова приходилось братья за топоры. Вообще, редко мне приходилось видеть тропы более скверные. Надо только удивляться, как наша бедная лошадь с полным вьюком могла взбираться на такую крутизну, продираясь при том через чащу кустарника. Мои ленивые армяне гнали лошадь без милосердия, и только в двух-трех особенно трудных местах снимали с нее вьюк и переносили его на плечах. После

¹ Сел. Микелрыпш (казарма) 400 м.

пяти часов утомительного пути мы заметили, наконец, первые следы альпийской растительности. Это подало нам надежду, что мы скоро выберемся из несносной лесной чащи. Действительно, вскоре тропинка вывела нас на альпийские луга. Лес на хребте Ахахьча кончается приблизительно на высоте 1 850–1 900 м. Лесная граница составлена обычными для нее породами: буком, орешником, лавровишней (*Laurocerasus* var. *brachystachya* Trautv.), кавказской черникой, азалеей и скалистой смородиной. Всех выше поднимаются лавровишня, кавказская черника и азалея. Они забегают даже местами в альпийскую область. Таков состав лесной границы на юго-западном склоне хребта. На северо-восточном склоне он несколько иной.

Здесь лес кончается елками (*Picea orientalis*) и пихтами (*Abies nordmanniana*), а лесная граница образована лавровишней (*Cerasus larocerasus* var. *brachystachya* Trautv.), кавказской черникой, медвежьей грушей (*Sorbus aria* var. *graeca*), *Sorbus suecica* Briquet; низкорослым орешником, скалистой смородиной, альпийской смородиной и кавказской жимолостью. Альпийские пастбища хребта Ахахьча роскошны. Это почти сплошные заросли великолепного *Geum speciosum* N. Alb., к которому примешаны в незначительном количестве колокольчики (*Campanula lactiflora*), девясил (*Inula glandulosa*), *Senecio othonae*, *Betonica grandiflora*, гигантский борщевник (*Heracleum pubescens*) и другие альпийские и подальпийские травы. Трава так высока, что местами почти скрывает за собой человека. Таким образом, надежды наши, что раз мы выберемся на нагорные пастбища, нам легче будет отыскать себе дорогу, не оправдались. Едва мы вышли из леса, как тропа наша совершенно исчезла в густой траве. Не удалось нам отыскать также и те два родника, о которых нам говорил А. А. Старк. Между тем мы на них очень рассчитывали, почему и не взяли с собой воды снизу. Таким образом, после утомительного восьмичасового поднятия в жаркий летний день, нам пришлось заночевать среди альпийского луга, изнемогая от жажды, не имея ни капли воды, чтобы удовлетворить ее. Незадолго перед закатом солнца, мы увидели два стада серн и стали стрелять по ним. С первого же выстрела удалось нам убить одну из них. К сожалению, нам не пришлось попользоваться ее мясом. Дров, чтобы развести огонь, не было, а самое

главное — не было воды, а без нее на пищу совсем не тянуло. Нести же ее с собой на всякий случай далее мои ленивые проводники не хотели. Так мы ее и бросили.

4 АВГУСТА

Сегодня ночью лил дождик. К счастью, я догадался заблаговременно закрыть вещи непромокаемым брезентом, и они не промокли. Едва рассвело, как мы двинулись в путь. Мы взяли направление на В.—Ю.—В. по косогору, вдоль хребта, к истокам реки Лаша. Вскоре мы напали на тропку. Она шла местами по пастбищам, близ самой лесной границы, местами спускалась неглубоко в лес с тем, чтобы снова выйти на луга. По пути мы встретили в углублениях скал дождевую воду, которой и утолили несколько жажду. Пить так хотелось, что мы с жадностью лизали мокрые ветви деревьев и собирали капли воды, сохранившиеся на траве, в особенности на листьях манжетки. Пересекши три балки, мы вышли, наконец, к довольно широкой долине, посередине которой, на холмике, одиноко возвышалось несколько гигантских пихт. Наша тропка направлялась как раз к этим пихтам. Подойдя к ним, мы увидели, что это — великолепное место для ночлега, и нашли здесь многочисленные следы пребывания пастухов. Погода стала немного разъясняться. Можно было ориентироваться в окрестностях. Внизу под нами чернела глубокая долина Псоу, и явственно выделялся высокий хребет, обрамлявший ее на северо-востоке. На востоке обрисовывалась двуглавая вершина горы Ахаг, а за ней в облаках виднелся величественный Ацытаку, весь в скалах и снегах. Хребты Ахахьча и Кыцырхра были закрыты от нас туманом. С глубокой седловины, разделяющей эти два хребта, спускалась вниз пологая балка, в которой, по нашим предположениям, должны были находиться истоки реки Лаша. Речки, однако, нигде видно не было. Вдруг, к великой нашей радости, мы заметили в направлении седловины, всего в полуверсте расстояния, поднимающийся из лесу дымок. Не было сомнения, что это — пастухи. А раз есть пастухи, следовательно, должна быть и вода. Мы стали окликать пастухов. Нам ответили. Залаяли собаки. Мы поспешно направились в сторону крика. Едва прошли мы несколько десятков сажен по балке, как блеснула перед нами вода. Это и были искомые истоки реки

Лаша. Эта речка местами совершенно теряется в камнях и образует сухое ложе, местами же — снова появляется на свет божий. Мы с жадностью прильнули к живительной влаге. Вода была превосходная, холодная как лед. Через четверть часа мы добрались до пастухов. Оказалось, это были два эстонца из поселка на Аибге. Они держали здесь немного коз и овец. Возле туба¹ пастухов, мы заметили палатку и около нее — массу людей. Это был землемер Доманский, расположившийся здесь лагерем. Он только что вернулся с хребта Кыцырхра, на который делал восхождение. Ему не удалось однако хорошенько снять его вследствие постоянных туманов, мешавших работе. Теперь он собирался сворачивать свой лагерь, чтобы спуститься обратно на Аибгу, где у него была главная квартира. На этом месте мы сделали большой привал. Расставаясь с нами, г-н Доманский любезно начертил нам путь, по которому он поднимался на хр. Кыцырхра и которого мы решили придерживаться. Несколько подкрепившись пищей и отдохнув, мы не стали мешкать и двинулись в путь. Подъем начинается сейчас же за тубом пастухов. Вскоре мы пришли к седловине, разделяющей хребет Ахахьча и Кыцырхра.² Она имеет, по нашему anerоидному измерению, высоту 2 140 метров. Достигнув седловины, тропа наша стала подниматься на хребет Кыцырхра по самому его гребню. Седловина между Ахахьча и Кыцырхра представляет резкую границу растительности. Это обуславливается различным характером минералогического строения хребтов. Хребет Ахахьча — известняковый, почему и растительность на нем — типичная известняковая, доказательством чему служат сплошные заросли *Geum speciosum*. За седловиной это растение исчезает как бы по мановению волшебного жезла. Дальше уже не встречается ни одного его экземпляра. Загадка легко объясняется тем, что в сложении хр. Кыцырхра участвуют породы неизвестняковые, которые и исключают названное растение, любящее известняки. Гребень Кыцырхра в начале покрыт зарослями кавказского рододендрона, азалеи,

¹ Я употребляю это абхазское название для обозначения шалаша пастухов.

² По-абхазски первый хребет называется Микелгуадз, второй — Цедьшига. Названия Ахахьча и Кыцырхра, хотя и звучащие по-абхазски, абхазцам совершенно неизвестны.

Vaccinium Arctostaphylos и кустарниковой лавровишни (var. *brachystachya*). Дальше идут тощие пастбища, местами образованные сплошь одним злаком (*Calamagrostis* sp.). Почва становится местами торфяниковой, и тут вместе с упомянутым злаком встречаются характерные для альпийских торфяников *Orchis sphaerica* и *Potentilla tormentilla*. Что касается альпийской растительности хребта, то она образована обычными для Кавказа видами:

<i>Anemone sulphurea.</i>	<i>Pulsatilla albana.</i>
<i>Campanula aucheri.</i>	<i>Pedicularis nordmanniana.</i>
<i>Campanula tridentata.</i>	<i>Veronica gentianoides.</i>
<i>Geranium silvaticum.</i>	<i>Senecio aurantiacus.</i>
<i>Hedysarum obscurum.</i>	<i>Pastinaca armena.</i>
<i>Carum meifolium.</i>	<i>Vaccinium vitis-idaea.</i>
<i>Centaurea axillaris.</i>	<i>Empetrum nigrum.</i>
<i>Anthyllis vulneraria.</i>	<i>Juniperus communis v. nana.</i>
<i>Astragalus</i> sp. (с круглыми плодами).	<i>Euphrasia minima.</i>
<i>Epilobium angustifolium.</i>	<i>Solidago virgaurea.</i>
<i>Cephalaria tatarica.</i>	<i>Aquilegia olympica</i> , и другие.

Через два часа легкого перехода мы достигли вехи, поставленной землемером (2 650 м). Это — поворотный пункт хребта. До сих пор он имел направление В.—С.—В.—З.—Ю.—З.; начиная отсюда же, он поворачивает слегка на восток, становясь при этом все более и более скалистым. На юге он имеет, хотя и очень крутые, но все-таки покрытые альпийскими пастбищами склоны, тогда как на северной стороне обрывается почти отвесными стенами. Тропа идет то по самому гребню хребта, то по косогору, с правой стороны его. Почти все время она доступна для лошади.

Только два раза мы принуждены были развьючивать лошадь и переводить ее порожняком — там, где дорогу преграждали нам скалы. В полутора часах расстояния от вехи землемера от хребта отделяется на юг небольшой контрфорс, круто спускающийся вниз. Отсюда хребет Кыцырхра принимает северо-восточное направление — поворот довольно крутой.

Под вечер туман стал гуще, стал накрапывать дождик, и мы принуждены были заночевать на самом хребте, в небольшой ложбинке на северном склоне его, на высоте около 2 600 м. Ночью мы страшно зябли. Дорогой нас порядочно промочило, а с наступлением ночи вдобавок стал дуть с большой силой холодный ветер, леденивший наши члены, от которого не могли защитить нас бурки. Огня было развести не из чего. Кое-как мы закусили сухарями и утолили жажду снеговой водой. Усталость берет свое, и мы, несмотря на сырость и холод, кое-как заснули.

5 АВГУСТА

В полночь туман рассеялся, и при полном свете луны мы увидели, что ночуем неподалеку от горы Ахаг. Эта красивая гора с двуглавой вершиной, вся известняковая, ярко белела в лунном свете. К нам она была обращена своей юго-западной стороной, представляющей страшные отвесные обрывы. С этой стороны она положительно неприступна, но кажется, на нее довольно легко взойти с С.—З.—С., куда она спускается незаметно пологими террасами, покрытыми пастбищами. Утро наступило ясное, и лишь только солнышко поднялось над горами и обогрело нас своими лучами, мы двинулись в путь дальше. Шли мы по-прежнему все вдоль хребта. Через три четверти часа пути мы подошли к седловине, которая образуется от того, что в этом месте от хр. Кыцырхра отделяется боковой хребет. Этот боковой хребет, заканчивающийся горой Ачмарда, служит водоразделом рек Хашупсы и Жюапсы и имеет направление с севера на юг. Он образует под седловиной горбообразное возвышение, до 2 700 м высоты. В начале он покрыт альпийскими пастбищами, но затем вскоре становится лесным. По нему косогором пробегает маленькая тропка. Направо от седловины возвышается величественная вершина Ахаг, соединенная с ней небольшой, но высокой перемычкой. Седловина представляет перевальный пункт. Здесь хребет Кыцырхра оканчивается. Отсюда открывается вид на абхазские горы. Прямо перед нами возвышается мощный известняковый массив Арбаика — Ахагуашь¹ со своим лабиринтом скалистых вершин, между которыми в разных местах белеют

¹Так я называю высокое нагорье, имеющее своими главными вершинами гг. Арбаику и Ахэгёшь.

пятна вечного снега. Вид массива чрезвычайно негостеприимный: всюду осыпи, обрывы, голые скалы. Высота седловин, по нашему измерению, 2 640 м. С седловины идут две дороги: одна спускается несколько вниз и затем по косогору огибает перемычку Ахаг — Кыцырхра. Другая направляется к упомянутому выше боковому хребту. Обе дороги, по-видимому, вполне доступны для лошади. Немного ниже перевала есть отличный родник — начало какой-то безымянной речки. У этого родника мы сделали привал.

После полудня я отправился с одним из проводников по дороге, идущей в обход перемычки Ахаг — Кыцырхра, с намерением дойти до того места, откуда видны Ацытаку и Бзыбские горы, а также, чтобы посмотреть, нет ли поблизости пастухов. Пройдя некоторое расстояние по этой тропе и убедившись, что до вечера невозможно обогнуть массив Ахаг, я решил вернуться назад к своей стоянке. По дороге попадалась нам масса ручьев. В двух местах нам приходилось переходить через балки, где лежал снег; там цвели еще ранние весенние растения — примулы, драбы и проч. Грунт по косогору везде неизвестняковый — изверженные породы (трахиты?); но скалы, венчающие гору, — известняковые. Минералогическому составу склона отвечает и состав растительности: это типичная растительность огненно-кристаллических и сланцевых гор, чрезвычайно пышная (*Primula grandis*, *Hedysarum obscurum*, *Coronilla carpadocica*, *Trifolium ambiguum*, *Linum hypericifolium* etc., etc.). Только в одном месте я был чрезвычайно поражен внезапным появлением среди этой растительности целой свиты известняковых растений — *Geum speciosum*, *Carex lazica*, *Helianthemum vulgare*, *Genista humifusa*, etc. Но эта неожиданность сейчас же нашла себе объяснение: оказалось, что как раз в этом самом месте, среди изверженных пород, выступали известняки.

Вернувшись с этой экскурсии, я предпринял восхождение на гору Ахаг. По перемычке, связывающей ее с хребтом Кыцырхра, я легко добрался до ее вершины; на самую же вершину подняться не было никакой возможности. Она обрывается совершенно отвесными скалами. Растительность скал очень скудная. Здесь я встретил обычные для этой полосы (2 850 м) растения: *Potentilla oweriniana*, *Chamaescidium acaule*, *Saxifraga scleropoda*, *S. cartilaginea*, *Draba tridentata* и, между прочим, характерный для абхазских известняков *Senecio calcareus* N. Alb.

Заночевали мы все на той же седловине, у родника. На следующий день я хотел пойти в обход г. Ахаг и предпринять восхождение на эту гору с другой стороны. Но один из моих проводников, грубый и бестолковый армянин, заявил, что он нездоров, что чуреки у них кончились и поэтому они дальше идти не могут. Пришлось скрепя сердце покориться необходимости, отложив детальное исследование г. Ахаг до другого раза, вернуться той же дорогой назад.

6 АВГУСТА

Ночь выдалась превосходная — месячная и звездная. На нашей поляне было тепло: мы находились в котловине, защищенной от ветров хребтами. Утро наступило такое же ясное, как и ночь. С первыми лучами солнца мы двинулись в путь. На этот раз, благодаря превосходной погоде, идя по хребту, мы могли наслаждаться великолепными видами с обеих сторон. На юге, за неширокой зеленой низменностью, на необозримое пространство расстиралось голубое море, а на севере, под нашими ногами, чернела широкая долина Псоу, вся поросшая густым пихтовым лесом. На другом берегу Псоу, высоко над рекой виднелась небольшая поляна и на ней несколько домиков: поселок эстонцев, выстроившийся на том самом месте, где в старину стоял большой абазинский аул Аибга. Грустно было смотреть на эту некогда оживленную и цветущую долину, теперь опустевшую и возвратившуюся к своей первобытной дикости.

Вскоре после полудня мы прибыли к стоянке эстонских пастухов. Здесь мы решили заночевать. Временем, остававшимся до вечера, я воспользовался, чтобы сделать ботаническую экскурсию на невысокий (2 100–2 200 м) известняковый кряж, возвышавшийся как раз напротив стоянки, на той стороне речки Лаша. Здесь мне удалось собрать массу любопытнейших растений, которыми всегда так богаты известняки: *Rhamnus microcarpa*, *Botrchium lunaria*, *Senecio calcareus* и, разумеется, всю свиту известняковых растений — *Geum speciosum*, *Umbilicus oppositifolius*, *Helianthemum vulgare*, *Campanula alliariaefolia*, *Galium valantioides*, *Galium calcareum* etc.

Сегодня мы тронулись в обратный путь в Микелрыпш. Часть моих людей с вьючной лошадей пошла прежней дорогой по косогору. Я же, взяв с собой одного человека, поднялся к седловине между хребтами Кыцырхра и Ахахьча и направился дальше по самому гребню хр. Ахахьча. Хребет Ахахьча, как я уже говорил, весь сложен известняками и представляет все характерные особенности известняковых хребтов, т. е. он изобилует глубокими впадинами и провалами и представляет картину полного разрушения. Нога ежеминутно спотыкается об острые камни или проваливается в трещины, замаскированные густейшей растительностью. Хребет очень неровен — высота его варьирует от 2 150 до 2 300 метров. Растительность хребта я уже описывал: она типичная известняковая. Прибавлю еще, что на вершинных скалах хребта я был чрезвычайно обрадован находкой великолепной новой юринии (*Jurinea levieri* N. Alb.), которую я раньше встречал на г. Фишт, и не менее великолепного нового вида *Vupleurum* (*Vupleurum rischawi* N. Alb.) (последнее растение мною было ранее найдено на известняках Абхазии). Как о курьезе упомяну о целых зарослях кустарниковой лавровишни (*Cerasus laurocerasus* var. *brachystachya* Trautv.), кавказской черники и карликового орешника (с плодами!), встреченных мною на самом гребне на высоте 2 150 м среди чистого альпийского луга!

Часа через четыре нелегкого пути мы пришли к опушке леса — к тому самому месту, где мы вышли раньше, при поднятии на хребет. Около лесной границы, в нескольких саженях от тропки, мы наткнулись на плохой родник, вероятно тот самый, о котором упоминал нам г-н Старк.

Спускались с хребта мы по прежней дороге с удивительной быстротой, делая 650 метров в час. При спуске мы уже не придерживались строго прежней дороги. Спустившись до 1000 метров, мы случайно вышли на настоящую хорошую дорогу, которую нам описывал А. А. Старк и которую нам не удалось найти при восхождении на хребет. Дорога эта, хотя и мало заметна, но хорошо расчищена, и нам уже не приходилось более рубить лес направо и налево. Следуя этой дорогой, мы легко, в какие-нибудь полтора часа, добрались до сел. Микелрыпш. Здесь мы разыскали старшину. После долгих разговоров он достал нам двух лошадей, на которых мы благополучно доехали до местечка Адлера.

Экспедиция на хребет Арацха и гору Ацытаку

Убедившись, что с армянами из Микелрыпша далеко уйти нельзя, я решил вторую свою экспедицию в Черноморские горы предпринять из Абхазии. Абхазцы, несмотря на все свои отрицательные качества, — склонность к капризам, неумение держать свое слово и некоторую лень, все-таки стоят неизмеримо выше всех других народностей, населяющих Западное Закавказье, по своей привычке к долгим и трудным путешествиям. По-моему, они первые проводники на всем Черноморском побережье. Только одни мингрельцы могут отчасти соперничать с ними.

Во всяком случае, мне надо было выбрать надежных и честных людей. Опыт предыдущих лет научил меня соблюдать в этом деле большую осмотрительность. С этой целью я отправился в село Отхары в Бзыбской Абхазии, где проживал один абхазец по имени Туга Мукба, лично мне известный своей порядочностью: он ходил со мною по абхазским горам уже несколько лет. Если он не знал дороги сам, то всегда мог рекомендовать сведущих людей. Действительно, тотчас по прибытии в Отхары я при его помощи нашел нескольких абхазцев, выразивших готовность идти со мной. Люди эти однако запросили такую цену за свои услуги (по 1 руб. 50 коп. в день с человека), что я наотрез отказался взять их. Хотя они затем и сбавили свои претензии и просили уже всего по рублю в день, я, видя в них не вполне надежных людей, не пожелал иметь с ними дела.

Попеняв своему знакомому, что он рекомендует мне людей, предъявляющих такие непомерные требования, я в досаде покинул деревню и направился в село Калдахуары, рассчитывая найти там больший выбор. Действительно, при содействии псаломщика деревни Трофима, у которого я остановился, расторопного имеретинца, мне посчастливилось сейчас же найти нужных людей. Это были два бравых абхазца, Дамей Барцыц и Урус Чагуаа. Оба долгое время пасли стада на пограничных горах Абхазии и Черноморского округа и знали там дороги в совершенстве. Физиономии их мне понравились, и я без колебания остановил на них свой выбор.

Маршрут мы наметили следующий. Мы должны были подняться на известняковый массив Арбаика — Ахагуашь, господствующий над

правым берегом Бзыби при выходе ее из ущелья, перевалить через него к верховьям реки Хашупсы и оттуда по контрфорсам горы Ахаг и хребту Арацха пройти к горе Ацытаку. Обратный путь я предполагал сделать другой дорогой, именно — не возвращаться назад в Калдахуары, а через верховья Мзымты, перевал Ахыхудаара, верхнюю долину Бзыби и перевал Ачавчара спуститься в Сухум. Мои проводники как честные люди тут же мне заявили, что дороги от Ацытаку до Сухума они не знают, и за нее я принял ответственность на себя, так как эта дорога была мне хорошо знакома. Сговорившись с проводниками насчет пути, я отпустил их готовиться к путешествию, а сам стал приискивать вьючное животное для переноски наших вещей. Через того же псаломщика я нашел поблизости дородного ишака, которого нанял на очень выгодных условиях.

Под вечер явился из Отхары и Туга Мукба, пожелавший также сопровождать меня. Таким образом, на следующее утро, 18 августа, все были в сборе, и мы могли выступить в путь.

Редко мне случалось снаряжать в Абхазии экспедицию быстрее, чем в этот раз — всего в один день! Обыкновенно на это требуется два-три дня, из-за необычайной склонности абхазцев к пустым разговорам и неумению сразу зрело обдумать свое решение. Поистине, счастливые авгуры нам покровительствовали с самого начала.

18 августа рано утром мы покинули Калдахуары. Погода была превосходная. Ишачок наш, хотя и перевьюченный донельзя (он нес, наверное, не менее пяти пудов), бодро шагал вперед. Только при переправе через Бзыбь с ним вышли большие хлопоты. Упорное животное никак не хотело перейти на паром. Потребовали от перевозчика, чтобы он поставил особые широкие сходни («ачадацха», ишачий мост, как их называли мои абхазцы). Это мало помогло делу. Толчки и побои не возымели никакого действия, и мы принуждены были, взявшись — все, кто был на пароме, — за руки, гужом тащить упрямец, оглашавшего воздух жалобными криками. Эта забавная картина подняла нам настроение, и, переправившись на другой берег Бзыби, мы незаметно для себя сделали первые — самые трудные 700 метров подъема. Дорога здесь поднимается чрезвычайно круто и идет по обнаженному склону под палящими лучами солнца. Редкие деревца дубняка, грабинника, сумаха и держиде-

рева указывали на сильный припек и на крайнюю сухость почвы. Только начиная с высоты 700–750 метров стали попадаться более или менее крупные экземпляры граба, под тенью которых можно было передохнуть от нестерпимой жары. В полдень мы пришли, наконец, к роднику Дзихча (850 м), где и расположились на отдых под тенистыми каштанами. Возле родника нашли пристанище коровьи и буйволиные пастухи. Здесь мы вскипятили чай и сварили абысту. Когда дневной жар спал, мы снова начали восхождение. На высоте около 1250 метров дорога вступила в пихтовый лес и подъем стал легче, так как склон сделался более пологим. До ночи мы не успели выбраться на пастбища и принуждены были заночевать в лесу.

19 АВГУСТА

Сегодня мы двинулись в путь часов в 7 утра. Вскоре мы вышли на альпийские пастбища, а к полудню уже были на вершине горы Мамзышхи (2 100 м). Граница леса на Мамзышхе находится на высоте немного ниже 2 000 м. Она образована пихтой, низкорослым буком, лавровишней, местами — колхидской крушиной и орешником. Выйдя на границу леса, я занялся исследованием растительности скал, которая всегда более интересна, чем собственно луговая растительность. Действительно, здесь я нашел немало редких растений. Кроме обычных для известняков: *Geum speciosum*, *Daphne sericea*, *Salvia verticillata*, *Helianthemum vulgare*, *Galium calcareum*, я собрал здесь *Senecio calcareus* n. sp., *Pyrethrum starkii* n. sp., *Cerastium ponticum* n. sp., *Vupleurum rischawi* n. sp. Красивый желтый пион, *Paeonia wittmanniana* рос тут в изобилии, так же, как и ландыш, весьма редкий в горах Западного Закавказья.

С горы Мамзышхи мы стали держать путь свой на урочище Щхабаашта, лежащее часах в четырех от места, где мы находились. Так как на Щхабааште в эту пору воды не бывает, то мы захватили с собой снегу из глубокого провала, который встретился нам по дороге. Дорога до Щхабаашты не представляет ничего особенного, пролегая все время по монотонным альпийским пастбищам. Заночевали мы на Щхабааште под огромными пихтами. Пихты дали нам надежную защиту от дождя, который стал накрапывать к вечеру.

Скажу два слова о том, как мы устраиваемся на ночлег. Картина весьма колоритная и не лишена задушевности. Прибыв на место, мы первым делом разводим большой костер и усаживаемся вокруг в ожидании, когда вскипит чайник или будет готова абыста¹. Проводники мои сосредоточенно курят трубки, напевая вполголоса наивные абхазские мелодии, а я веду свои путевые записки или возжусь с укладкой растений. Около костра я чувствую себя уютно, как дома. Кругом лес погружен в глубокий мрак, смотрит зловеще. Но под нашими пихтами светло и тепло. Наш ишачок постоянно торчит около нас, у огня, и тянется к котелку с абыстой, чем вызывает немало смеху. Как только поспекает абыста, мы начинаем свой скромный ужин, единственной приправой к которому служит немного лука и сыра. Затем мы приготавливаем себе постель из широких вай папоротника и, завернувшись в бурки, тотчас засыпаем как убитые.

20 АВГУСТА

Сегодня предстоял нам значительный переход — с Щхабаашты перевалить на западную сторону нагорья, к верховьям Хашупсы. Первым этапом на нашем пути являлась гора Кутышь. Дорога до г. Кутышь очень сносная — пролегает она частью вдоль лесной границы, частью по пастбищам. Но под самой горой Кутышь начинается отвратительный спуск в глубокое ущелье, берущее начало на этой горе. Здесь пришлось нам освободить ишака от части груза и спускать его со всеми предосторожностями. Спуск имеет уклон в 60°–70° и представляет то голые скалы, то мелкую известняковую осыпь. Можно себе вообразить, как приятно было спускаться по такой осыпи!

Зато за все затруднения, которые мы здесь претерпели, мы были вознаграждены находкой массы редчайших растений и, между прочим, — нового вида *Corydalis* с чрезвычайно длинными стеблями, зарывающимися глубоко в известняковую осыпь (такую же самую *Corydalis* я видел раньше на известняковых осыпях г. Ахибаху в Абхазии), и *Chaerophyllum borodini*, n. sp., ранее встреченный много на г. Фишт в Черноморском округе.

¹ Так называют в Абхазии круто сваренную кашу или, вернее, тесто из кукурузной муки — нечто вроде итальянской поленты.

Спустившись на дно ущелья, наша тропинка повела нас вверх по нему к перевалу. Подъем некрутой, но трудный: нога ежеминутно спотыкается о камень, замаскированные травой. Почти незаметно для себя мы вскоре поднялись к самому перевалу, который носит у абхазцев название Усакуашара. Он имеет высоту до 2 600 м. Вершины, царящие над ним справа и слева, возвышаются, наверное, не менее чем до 2 700–2 800 м. Спуск с перевала в ущелье Хашупсы чрезвычайно отлогий. Вскоре за перевалом мы встретили глубочайший провал, на дне которого лежал снег. Проводники мои как-то ухитрились спуститься туда и достать снегу. Здесь мы сделали привал. Огня нельзя было развести, так как дров не было. Поэтому мы закусили сухарями, запивая их снеговой водой. Затем стали спускаться дальше. Заночевали на поляне, у самого леса возле родника Дзыхьщха (не следует смешивать с Дзихча, что на горе Мамзышке). Родник обилен водой, и она превосходная.

21 АВГУСТА

Сегодняшний переход был из числа самых трудных. Приходилось идти по страшным трущобам. Редко я видал на Кавказе места более дикие. Сейчас же за родником Дзыхьщха дорога поднимается на скалы и идет сначала вдоль лесной границы. На горе Копэймье (так называется один из западных склонов нагорья) она выходит на альпийские луга; потом у скал Ашёмпыдж снова спускается к лесной границе и уже не выходит из нее до самого урочища Чамхашха. Гора Копэймье представляет собой перевальный пункт, откуда открывается вид на Черноморские горы Ахаг и Кыцырхра (Цандцха). Сложения она, как и все прочие склоны, известнякового. Здесь я встретил почти все типичные известняковые растения.¹ До г. Копэймье дорогу можно назвать довольно легкой, но не-

¹ *Helianthemum vulgare*, *Salvia verticillata*, *Stachys germanica*, *Galium valantioides*, *Galium calcareum*, *Scutellaria pontica*, *Thalictrum majus*, *Astrantia biebersteinii*, *Arctostaphylos uva-ursi*, *Genista humifusa*, *Daphne sericea*, *Carex lazica*, *Geum speciosum*, а также: *Amphoricarpus elegans* N. Alb., *Pyrethrum starkii* N. Alb., новый колокольчик с молочно-белыми цветами (*Campanula calcarea* N. Alb.) и великолепную *Betonica nivea* с изящными, длинными и узкими листьями, снизу белыми как снег.

посредственно за этой горой начинается чрезвычайно трудный спуск в небольшое боковое ущелье по едва заметной тропинке, лепящейся над самым обрывом. Ишак наш как-то ухитрился пройти здесь с полным вьюком. Спустившись на дно ущелья, мы снова начинаем подниматься по головокружительной тропинке, имея с одной стороны глубокий обрыв, а с другой — отвесные скалы до 1000 футов высотой. Скалы, царящие над этим местом, носят название Ашёмпыдж. На этих скалах я собрал массу редких растений — *Senecio calcareus*, *Thalictrum triternatum* (в цвету в эту пору!), *Vupleurum rishawii*, *Aster roseus*, *Umbilicus oppositifolius* вместе с *Amphoricarpus elegans*, *Pyrethrum starkii* и другими известняковыми растениями. Здесь же, на совершенно отвесных известняковых стенах, я нашел великолепный новый вид *Campanula*, резко отличающийся от всех известняковых видов колокольчиков. Он растет небольшими кустиками, до 1 фута высотой, с чрезвычайно разветвленными и несущими до сотни и более крупных голубых цветов. Он имеет длинный веретенообразный корень и овальные, суженные книзу кожистые листья с острыми зубчиками и шипами по краям. Я даже не знаю, право, к какой группе можно было бы отнести этот колокольчик. Некоторое, впрочем, очень слабое сходство он представляет с *C. aizoides* Boiss., имеющим такие же кожистые листья. Этот колокольчик так красив и так оригинален, что я затрудняюсь дать ему подходящее название. Все названия казались бы для него слишком банальными.

Вскоре вслед за скалами Ашёмпыдж тропинка становится прекрасной битой дорогой до одного метра в ширину. Видно, что эта тропа посещается часто, или по крайней мере раньше была бойкой дорогой. Она идет под приятную тенью леса и незаметно приводит нас к урочищу Чамхашха. Под именем Чамхашха известна поляна, находящаяся в устье глубокого и длинного ущелья, врезающегося в массив Арбаика — Ахагуашь с западной стороны и ограниченного справа скалами Ашюмпыдж, а слева — хребтом Пшишэгра. По дну ущелья протекает шумный ручей, берущий начало в снеговой залежи и местами совершенно пропадающий под камнями. На поляне разбросана масса буковых и кленовых деревьев (*Acer trautvetteri*), откуда и название поляны (Кленовая гора). Здесь мы остановились на ночлег, несмотря на то, что было еще рано, всего

2 с половиной часа пополудни: дальше не предвиделось удобного для ночлега места. Я воспользовался временем, остававшимся до вечера, чтобы просушить свои растения, а проводники мои пошли на скалы в надежде убить какую-нибудь дичь. К ночи они возвратились с пустыми руками.

22 АВГУСТА

Первые лучи солнца, которые добрались до нашей поляны, застали нас уже готовыми двинуться в путь. Мы направились на восток, вверх по ущелью. Чем выше мы поднимались, тем ущелье становилось все более и более диким. Справа от нас возвышались отвесными стенами высотой до 2 000 футов грандиозные скалы Ахагуашь-ахра. Слева поднимался высокий боковой кряж (Пшишэгра), через который нам предстояло теперь перевалить. Немного не доходя до лесной границы, в полудне от Чамхашха, мы встретили на поляне очень хорошо сохранившиеся ацангуара (постройки ацанов).¹ Они имели здесь вид круга, сажени две в диаметре.

Подъем на Пшишэгра чрезвычайно крут, хотя особенных трудностей не представляет. Хребет (Пшишэгра) имеет западно-восточное направление. Сложения он неизвестнякового, поэтому известняковая растительность здесь мгновенно исчезает. Перевал Пшишэгра—Ахудары достигает высоты 2 540 м. Отсюда по отличной тропинке, идущей по косоугору, мы за полчаса приходим к перевальному хребту, соединяющему массив Арбайка—Ахагуашь с восточным отрогом горы Ахаг и служащему водоразделом рек Хашупсы и Геги. Перевал через этот хребет не высок, всего 2 480 м. На перевале с нашей тропинкой соединяется другая, идущая с хребта Кыцырхра (Цандышха), обе затем спускаются на север, в ущелье, где берет начало исток река Гега. Перевальный хребет сложения неизвестнякового, но при спуске в ущелье начинают попадаться известняки, которые составляют на дне ущелья господствующую породу. Там, где выступают известняки, сейчас же появляется *Salvia verticillata*, но *Geum speciosum* почему-то отсутствует. Спустившись на дно ущелья, тропинка идет некоторое время вдоль по ущелью косоугором, по-над течением речки. Склоны ущелья представляют то голые альпийские поля-

¹ См. об этих постройках в моей статье в Зап. КОИРГО за 1894 год.

ны, то лесные заросли, где преобладает бук и встречается также пихта. На высоте 1 700 м к деревьям, обычным для подальпийских высот (буку, рябине, скалистой смородине и кавказской жимолости), примешиваются: граб, лавровишня (*forma typica*) и горный ильм (*Ulmus montana*). На высоте около 1 550 м тропка спускается к самой речке. Здесь, на большой поляне, мы устроили дневной привал. Немного ниже этого места с нашей тропинкой соединяется тропа, идущая с г. Ахагуашь. Она направляется также к г. Ацытаку. Эта тропа представляет кратчайший путь между Калдахуарами и верховьем Геги. Она начинается у урочища Щхабаашта и идет затем по вершинным скалам гор Кутышхецера, Арбаикой и Ахагуашь. Она на целые сутки короче тропы, которую мы избрали, но зато доступна только для пешеходов, и притом только для хороших пешеходов, так как приходится все время идти по диким скалам. К верховью Геги она спускается со страшной крутизны, на которую жутко взглянуть.

Тотчас же за местом соединения тропинок начинается подъем на хребет Чюгдырхуа, отрог горы Ахаг, господствующий над левым берегом речки. Подъем отвратительный, по уклону градусов в 75. Местами буквально приходится лезть на стену. Путь затрудняется еще густыми зарослями кустарника, через которые приходится пробиваться. Наш ослик едва мог справляться с этим подъемом. Каждые 10 минут приходилось останавливаться, чтобы дать передохнуть бедному животному. Выбравшись из чащи орешника, тропинка вступает на поляну, поросшую гигантским борщевником, со стеблями более сажени вышиной. Мои проводники, как малые дети набросились на эту траву, чтобы понаделать из нее флейт. На поляне, по известняковым осыпям, растет между прочим новый вид колокольчика, с белыми цветами (см. выше). С поляны тропинка вступает в девственный пихтовый лес, где подъем ничуть не лучше, пожалуй, даже круче, чем был ранее. После невероятных усилий мы добрались, наконец, до альпийских лугов. Лесная граница проходит на 2 150 м. На альпийской поляне, близ границы леса, есть родник, сильно засоренный пастухами. Мои люди захотели здесь остановиться на ночлег, но я воспротивился этому, рассчитывая к ночи перевалить на ту сторону хребта. Вода здесь была абсолютно не пригодна для питья. К тому же пастухов поблизости не было. Между тем нам во чтобы то ни стало нужно

было поскорее добраться до них, так как съестные припасы наши истощались: я взял из Калдахуар провизии на полных 15 дней, но мои беспечные абхазцы захватили ее едва на 5 суток. Пришлось поэтому поделиться с ними тем, что имел, и возложить упование в дальнейшем на счастливую встречу с пастухами. После некоторого сопротивления со стороны проводников, мне удалось-таки заставить их идти дальше. Мы легко, за какой-нибудь час, перевалили хребет (перевал высотой едва 2 300 м).

С перевала открылся нам роскошный вид на огромное пространство. На юге за нами возвышалась мощная громада нагорья Арбаика—Ахагуашь с ее дикими обрывистыми вершинами. Обе главные вершины нагорья — горы Арбаика и Ахагуашь были отсюда отчетливо видны. На юго-востоке и востоке обрисовывался ряд абхазских гор: вдали высокой и длинной стеной тянулся Бзыбский хребет, а ближе к нам протянулся скалистый кряж Арыхуа, заканчивавшийся пирамидальной вершиной Анча. На северо-востоке, за низким хребтом, разделяющим течения рек Уадхара и Лашпсы, возвышался сплошной зубчатой стеной главный Кавказский хребет, увенчанный кое-где снегами. Как раз напротив нас на севере гордо поднимались к небу грандиозные вершины Ацытаку и Хылып. От последней горы отбегал по направлению к нам длинной изогнутой линией хребет, связывающий ее с вершиной Чюгдзырхуа. Чтобы достигнуть Ацытаку, нам предстояло пройти весь этот хребет вдоль. Хребет, как я уже сказал, имеет вид ломаной линии. Первое ее колено, упирающееся в гору Чюгдзырхуа, носит название хр. Арацха, второе, связанное с г. Хылып, — Атыжьырта. Из-за последнего хребта виделся высокий продольный кряж, идущий от г. Хылып на северо-запад и служащий водоразделом верхних течений рек Мзымты и Псоу. Этот кряж носит у абхазцев название Аюмха, или иначе — Аюмха-ришха (т. е. высоты Аюмха).

Возвращаясь к горе Чюгдзырхуа. Сложена она частью известняками, частью глинистыми сланцами и изверженными породами. Минералогическому составу горы отвечает растительность, в которой известняковые растения, как *Geum speciosum*, *Thalictrum majus*, хотя и встречаются, но уже не в таком количестве, как на чистых известняках. Видно по растительности, что известняки не представляют здесь господствующей породы.

С перевала дорога чуть спускается на другую сторону хребта и идет затем косогором по альпийским лугам вдоль лесной границы. Пройдя некоторое расстояние, мы вскоре заметили поднимающийся из лесу дымок пастухов, а через час были уже в их стоянке, расположенной на границе леса, близ места соединения горы Чюгдзырхуа и хребта Аращха. Здесь мы встретили самый радушный прием — сколько угодно молока, свежего и кислого, и добрый кусок только что убитой серны. Пастухи оказались односельчанами моих проводников, и эти последние в долгой и веселой беседе, продлившейся за полночь, скоро забыли все трудности пути, перенесенные за этот день.

23 АВГУСТА

Сегодня тронулись в путь сравнительно поздно, около половины девятого. Гостеприимные пастухи никак не захотели отпустить нас без обильного завтрака.

Наша тропинка некоторое время шла косогором, вдоль хребта Чюгдзырхуа, затем спустилась в ущелье, где бежала речка — один из истоков Геги. Пройдя с полверсты по дну ущелья, покрытому частью роскошными пастбищами, частью лесом (пихта, береза), мы начали подниматься на хребет Аращха. Подъем очаровательный: дорога пролегает по девственному хвойному лесу, где сплошь и рядом попадаются пихты — великаны в два-три обхвата. Кроме пихт в лесу встречаются: бук, лавровишня, кавказская черника, *Viburnum lantana*. Граница леса на хребте Аращха проходит на 2 200 м; образована она обычными для нее породами: березой, буком, кавказской черникой, черной калиной, *Daphne Mezereum*.

Выйдя за лесную границу, наша тропа направилась альпийскими лугами вдоль абхазского (восточного) склона хребта. Хребет Аращха не высок: едва поднимается он за лесную полосу. Вскоре тропа перевалила на черноморскую сторону хребта и круто спустилась к лесу; после того поднялась снова и пошла косогором по редкому пихтовому и буковому лесу. Таким образом она дошла до седловины, разделяющей хребты Аращха и Атыжьырта. Седловина (2 060 м) вся поросла густым лесом из бука, пихты, траутфеттеровского клена, рябины и кавказской жимолости. На седловине тропа разветвляется. От нее отделяется влево широкая, хоро-

шо утоптанная тропа, идущая на хребет Аюмха, и оттуда — к урочищу Аибге. Тропа эта сейчас же за седловиной спускается в лесистое ущелье, где бежит исток Псоу, затем поднимается на альпийские пастбища хребта Аюмха и идет то по гребням хребта, то вдоль него альпийскими лугами — вплоть до спуска к Аибге. Другая ветвь тропы из седловины спускается на абхазскую сторону и направляется вдоль хребта Атыжьырта к горе Ацытаку.

Я еще не сказал ничего о петрографическом составе хребта Арацха. В составе этого хребта преобладают породы вулканических извержений, но местами выходят наружу известняки. Сообразно этому присутствие известняковых растений на альпийском луге почти незаметно; но везде, где выступают известняки, непременно появляется *Geum speciosum* со своими спутниками *Carex lazica* и *Salvia verticillata*.

Пройдя небольшое расстояние вдоль по абхазскому склону хребта Атыжьырта, мы остановились на ночлег в лесу близ родника, под хорошими пихтами. Было еще рано, всего три часа пополудни, но дальше идти мы не решились: иначе рисковали бы заночевать без воды.

24 АВГУСТА

Погода за ночь круто изменилась. Набежали тучи. Заморосил дождик. Поднялся холодный ветер, от которого наши пихты давали нам слабую защиту. Утром положение вещей не улучшилось. Так как сидеть в лесу без съестных припасов нам не было никакого расчета, то мы, несмотря на дурную погоду, решились все-таки двинуться дальше. К счастью, погода вскоре несколько разъяснилась.

Дорога сейчас же от места нашей стоянки стала подниматься на хребет и, выбравшись на альпийские луга, пошла затем косогором, придерживаясь высоты около 2 300 метров. Таким образом мы дошли до места соединения хребта Атыжьырта и горы Хылып. Здесь тропинка спустилась в ущелье, берущее в этом месте начало (по нему пробегает один из истоков Геги). Спуск небольшой, едва 200 футов, но ужасный — почти по отвесному склону, по скользкой траве. Ослик наш однако взял его геройски.

Пока мои люди с вьючным животным спускались в ущелье, я предпринял восхождение на вершину Атыжьырта. Хребет круто поднимается

по мере приближения к горе Хылып. Высшая точка его 2 670 м. Сложен частью известняками (плотные известняки с кристаллическими прожилками), частью — огненно-кристаллическими породами (белый гранит). Господствующая растительность хребта — известняковая. Вершину хребта покрывают почти сплошные заросли *Geum speciosum*, к которому присоединяется *Carex lazica* и редкое зонтичное *Ligusticum arafae* N. Alb.¹ По известняковым скалам попадают и другие известняковые растения как *Helianthemum vulgare*, *Daphne sericea*, *Genista humifusa*, *Polygala comosa*, *Salvia verticillata*, *Astrantia colchica*, *Stachys germanica* etc. С гребня хребта открывается роскошный вид на черноморские и на абхазские горы.

Возвращаюсь к своему маршруту. Выбравшись из ущелья, тропинка поднимается на короткий, но высокий отрог, отходящий от горы Хылып. Когда мы перевалили через отрог, перед нами открылось глубокое ущелье, разделяющее горы Хылып и Ацытаку. Ущелье имеет направление на юг и смотрит на массив Арбаика—Ахагуашь. Гора Ацытаку была теперь как раз перед нами. Она поражает своим грандиозным и диким видом. С вершины ее сползает небольшой ледник, обращенный на юго-запад. Ледник дает начало шумному потоку, сбегаящему со скал каскадами. Поток этот представляет также исток Геги (четвертый, по нашему счету), один из наиболее значительных. Он носит у абхазцев название Арба-а-арюаш, или Арбаа-адзыхь (арюаш значит поток, адзыхь родник). Нам предстояло теперь спуститься на дно ущелья, к потоку. Спуск такой же крутой и скверный, как и подъем. Склоны ущелья поросли густым пихтовым лесом с примесью бука и выше — лавровишни, кавказской черники, березы и рябины. Дно ущелья покрыто частью подальпийскими полянами, частью — зарослями березы и других подальпийских деревьев. Пройдя некоторое расстояние вверх по ущелью, мы остановились на ночлег на альпийской поляне, близ лесной границы. Я был немало

¹ Растение это замечательно своим сильно пахучим корневищем (по-абхазски «арафе») и оригинальными листьями: последние бывают то тройственные, то цельные, разительно напоминающие в последнем случае листья некоторых видов винограда. Это растение весьма распространено в Абхазии, но в других провинциях Западн. Закавказья оно мне не попадалось.

удивлен, застав здесь в цвету *Anemone narcissiflora* и *Caltha polypetala* — весенние растения, давно отцветшие в других местах. Вероятно, сказывается влияние ледника, понижающего температуру в ущелье.

Ночью лил дождик, и так как мы расположились безо всякой защиты, то нас изрядно промочило.

25 АВГУСТА

К утру погода разъяснилась. Я решил воспользоваться благоприятной погодой, чтобы предпринять восхождение на Ацытаку. Восхождение удалось как нельзя лучше. Ацытаку (хребет. — **Ред.**) в этом месте легко доступен. Поднимались мы сначала прямо вверх по альпийским лугам, затем взяли наискось вправо и по скалам, которые возвышались ступенями, легко достигли ледника. Ледник кончается на высоте 3 000 м. Он не велик. Мы пересекли его весь в какие-нибудь полчаса. Он имеет незначительное падение. Вправо от ледника возвышается футов на 500 над его уровнем коническая вершина Ацытаку, а непосредственно над ним господствует гряда высоких скал, убегаящая по направлению к г. Хылып и представляющая таким образом перемычку между вершинами Ацытаку и Хылып. Взобравшись на эту гряду, мы очутились на перевале. С перевала (3300 м) открывается вид не на верховья Мзымты, как я ожидал, а на горы Абхазии, именно на гору Пшагишца, лежащую на юго-востоке по ту сторону Лашпсы. Следовательно, перевальная гряда не представляет собой водораздельного хребта, а есть не что иное, как его контрфорс, имеющий на конце своем гору Ацытаку. Настоящий водораздельный хребет возвышается поблизости и имеет восточное направление. По-видимому, гора Хылып представляет собой узел, от которого на восток отходит водораздельный хребет и на юг отделяется контрфорс Ацытаку. На водораздельном хребте, тотчас же за местом соединения его контрфорсом, находится грандиозная вершина, еще более высокая и неприступная, чем вершина Ацытаку. Надо думать, она и высоту имеет не менее 3 500–3 600 метров. Она обрывается на юго-восток совершенно отвесными скалами. С нее свешивается большой фирн-глетчер. Абхазцы

не имеют отдельного названия для этой горы. Они называют ее собирательным именем Ацытаку.¹

Высокий хребет, составляющий ее продолжение на востоке, носит то же название. Чтобы не вышло путаницы в названиях, я буду называть эту последнюю вершину Ацытаку № 2 в отличие от Ацытаку № 1, находящейся на боковом отроге. Водораздельный же хребет, служащий продолжением Ацытаку № 2 на востоке, я буду просто называть хребтом Ацытаку (резко обозначенных вершин он уже не имеет). От Ацытаку № 2 отходит на юг высокий отрог, покрытый альпийскими лугами. Между этим отрогом и Ацытаку № 1 образуется род высокой альпийской котловины. К ней спускается с перемычки между двумя Ацытаку небольшой ледничек, дающий начало потоку. Глетчер Ацытаку № 2 дает начало другому потоку.

Я попробовал взобраться на скалы, возвышавшиеся влево от перевала. Но мне едва удалось достигнуть 3 350 м. Дальше путь преграждали отвесные скалы, доступные только для туров (которых, кстати сказать, здесь множество). Таким образом, я принужден был спуститься назад к перевалу. Тем временем погода круто изменилась. Вершину Ацытаку окружили тучи, загредел гром, и грянул проливной дождь, смешанный с крупой. Все это случилось внезапно, как это обыкновенно бывает в горах. К счастью, мы нашли поблизости небольшую пещерку, в которой укрылись от дождя. Здесь, выкуривая одну трубку за другой, мы спокойно переждали, пока перестал дождик, и затем начали спускаться назад. При спуске заметили на альпийском склоне горы Хылып пастухов с бараньими стадами. Они также спускались в ущелье. Мы поспешили к ним навстречу. Вскоре мы пришли к их тубу, который, оказалось, был недалеко от места нашей стоянки. Нас изобильно угостили кислым молоком и турьим мясом. Так как припасы у нас кончились, то я сторговал у них за очень сходную цену хорошего барана.

Я не сказал еще ничего о растительности Ацытаку. Гора Ацытаку сложена породами огненно-кристаллическими, почему луговая флора ее и представляет только вульгарные формы, свойственные гранитным

¹ Это г. Аганста или Агенста. — З.А.

и сланцевым хребтам всего Западного Закавказья. Известняковых растений вы здесь не встретите — за исключением одного *Helianthemum vulgare*, Бог весть как сюда попавшего. На вершинных скалах, господствующих над перевалом, я также нашел лишь обычных представителей этой зоны: *Draba imbricata*, *Erigeron alpinum*, *Alchemilla sericea*, *Alsine imbricata*, разные камнеломки (*Saxifraga exarata*, *cartilaginea*, *sibirica*) и проч. Новинкой для меня явился оригинальный вид *Anthemis* с почти цельными листьями и красивыми снежно-белыми цветами. Он растет в изобилии на скалах пониже ледника.¹

26 АВГУСТА

Сегодня нам предстоит перевалить через хребет Ацытаку на верховья Мзымты. Я предполагал раньше, не зная хорошенько топографического положения Ацытаку, что это не представит особых затруднений. Но, как выяснилось из осмотра местности с высоты птичьего полета, это гораздо труднее, чем мне представлялось. Понадобится, вероятно, не менее двух дней, чтобы перевалить на ту сторону хребта и дойти до перевала Ахыхудаара, ведущего с верховьев Мзымты в Абхазию. Познания моих проводников оканчиваются горой Ацытаку. Дальше приходится отыскивать дорогу общими силами. Некоторые сведения о дороге сообщили нам пастухи. Они направляются дальше по тому же пути, что и мы.

Пастухи прогнали свое стадо рано утром. Мы последовали за ними. Дорога из ущелья поднялась на южный склон Ацытаку № 1 и, достигнув лесной границы, пошла затем вдоль нее, придерживаясь ее все время. По дороге приходилось пересекать более или менее глубокие лесистые балки. В общем, дорога довольно сносная. Ослик может пройти повсюду. Обогнув Ацытаку, наша тропа спустилась в довольно глубокое ущелье. Здесь пастухи остановились, и дальше нам пришлось идти одним. Из ущелья начинается чрезвычайно крутой, до невероятности, подъем на альпийский хребет, отходящий от Ацытаку № 2 (см. выше). Подъем может поспорить по крутизне с подъемом на гору Чюгдзырхуа. Ни одна ло-

¹ Как увидим ниже, этот вид встречается и дальше на этом Ацытаку. Это же самое растение было найдено г-ном Ноской на Главном хребте, на верховьях Мзымты (я видел его в гербарии Радде).

шадь не может пройти здесь. Да и ослику нашему пришлось плохо: едва он выбрался за лесную границу. Так как был близок вечер, то мы остановились на ночлег на поляне близ границы леса, как раз в устье альпийской котловины, которая заключена между двумя Ацытаку. По поляне пробегают два потока, берущие начало с ледников Ацытаку. Неподалеку от места нашего ночлега находится большое городище ацанов. Оно имеет вид неправильных кругов и четырехугольников. Внизу, глубоко под нами, чернеет лесистое ущелье, по которому бегут истоки Геги. Оно представляет очень широкое и ровное пространство. Здесь, говорят, стоял в старину черкесский аул Мдзаа.¹ По этому ущелью проходит низовая дорога с горы Ацытаку на Арбаику — Ахагуашь.

Лес, покрывающий южный склон Ацытаку, образован главным образом пихтой, к которой на лесной границе примешаны бук, траутфеттеровский клен, рябина, береза, медвежья груша, кавказская черника, лавровишня, скалистая смородина и кавказская жимолость.

Альпийские склоны Ацытаку образованы в основном известняками (по крайней мере, по дороге), почему и растительность господствует здесь известняковая:

Daphne sericea

Helianthemum vulgare.

Geum speciosum!

Galium calcareum.

Salvia verticillata

Thalictrum majus

Pyrethrum starkii

Campanula calcarea

В подальпийской полосе, на известняковых скалах, встречаются *Astrantia biebersteinii* и *Ranunculus brutii*. Последнее растение показано мною для Кавказа впервые. Оно характерно для известняков Абхазии (Мамзыщха, Чапшыра. 1 800–2 000 м).

27 АВГУСТА

Сегодня выдалась превосходная ночь. На небе не было видно ни облачка. Полная луна освещала своим холодным блеском дикие скалистые вершины, возвышавшиеся над нами. Нет ничего печальнее лунной ночи высоко в горах. Каким-то смертельным холодом веет от этих старых скал,

¹ Черкесская поляна. — З. А.

залитых лунным светом. Зловеще блестят на них неприступные глетчеры. Кругом ни звука, кроме глухого ропота горного потока. Чувствуется, что мы находимся в царстве неорганического мира, и присутствие здесь нас, живых существ, кажется чем-то странным. Загадочные постройки ацанов, свидетели доисторического прошлого, находящиеся возле нас, еще более способствуют этому впечатлению. Кажется, мы на доисторическом кладбище, на рубеже старого и нового мира...

Лишь только солнце бросило первые лучи свои на нашу поляну, мы тронулись в путь. За ночь мы порядком иззябли, и потому хотелось поскорее согреться движением. Сегодняшний день был одним из труднейших в нашем путешествии. Тотчас с поляны тропа наша начала подниматься на высокий контрфорс, отходящий от 2-й вершины Ацытаку. Перевалив через него (перевал 2 480 м), она спустилась в глубокую альпийскую балку и затем начала снова подниматься все выше и выше. Дальше балки от хребта Ацытаку не отделялось больше боковых отрогов. Он представлялся на этом участке сплошной высокой стеной с чрезвычайно крутыми склонами. Мы шли теперь, собственно говоря, уже без тропы, направляясь наудачу к перевалу через хребет. По мере удаления нашего на восток, хребет Ацытаку становился все более и более неприступным. Пришлось забирать сильно вверх, чтобы обойти сланцевые обнажения, преграждавшие нам дорогу. Пешеход еще может кое-как здесь пройти, но для осла это становится большим вопросом. Надо отдать справедливость необыкновенной ловкости нашего животного, которое пробиралось через скользкие плиты сланцев, ни разу не споткнувшись. После утомительного подъема, при котором каждые 10–15 минут приходилось останавливаться, на высоте около 2 800 м обозначилась тропинка, направлявшаяся наискось к перевалу.

По ней без всяких затруднений мы вскоре его достигли. Перевал находится на высоте 2 930 м. С него открывается обширный вид — разом на долину Мзымты и на абхазские горы. Главный хребет — вся его часть от горы Лайуб до Пшашха — перед нами как на ладони. Вдали обрисовываются в тумане последние значительные вершины его — Абаго, Шугуш (Чугуш. — З. А.), Фишт. На абхазской стороне отсюда отлично видно большое озеро Рица, которое образует в своем среднем течении

река Лашпсы. Спустившись с перевала на северную сторону, мы расположились на отдых на зеленой лужайке, залитой точно червонным золотом, крокусами (*Crocus scharojani*). На скале, на перевале, растительность крайне скудная, состоящая из обычных представителей скалистой зоны (*Saxifraga exarata*, *Gypsophila tenuifolia* etc.). По мере того, как мы спускаемся вниз, она становится все пышнее, представляя резкий контраст с выжженной солнцем растительностью южного склона. Травы становятся гораздо сочнее. Цветут еще многие весенние цветы, хотя крокус напоминает о приближении осени. Видно, что здесь, на северном склоне, гораздо холоднее и растительность значительно запаздывает. По склону из-под снегов сбегает с веселым журчанием масса ручейков, около которых приютились золотистые лютики (*Ranunculus oreophilus?*), розоватые кардамины (*Cardamine seidlitziana*) и ярко-желтые крестовники (*Senecio taraxacifolius*). Некоторые склоны сплошь синие от гераней (*Geranium gymnocaulon*) в полном цвету. Неподалеку от перевала мне посчастливилось снова найти тот новый *Anthemis*, который открыл я на вершине Ацытаку.

Спуск с перевала очень недурной, хотя дороги здесь не видим никакой. Так идет дело, пока мы не достигаем того места, где с горы спускается ледник, дающий начало могучему горному потоку (конец ледника на высоте 2 530 м). Поток каскадами по ступеням из скал мчится вниз к Мзымте. Нам предстояло теперь перебраться на другую сторону потока и спускаться далее, придерживаясь его течения (обойти поток не представлялось возможным, потому что по обеим сторонам его возвышались неприступные скалы). Ослика пришлось, разумеется, развьючить и переносить вещи на себе. Прыгая со скалы на скалу, мои brave проводники легко переправили на ту сторону вещи и затем помогли перебраться туда и мне. Но не так-то легко было заставить перейти через поток нашего ослика. Пришлось силой столкнуть его в воду. Очутившись в кипящей влаге, с головокружительной быстротой мчащейся вниз, умное животное остановилось на мгновение, как бы размышляя, потом сделало необыкновенно смелый и ловкий прыжок, за который мы ему невольно аплодировали, и благополучно очутилось на противоположной стороне. Дальше спуск был хотя и скверный — по ступеням скал, через нагроможденные друг

на друга камни, но не невозможный. Вскоре мы спустились к зеленой лужайке, за которой невысоким барьером возвышалась древняя морена. На этой морене, за неимением лучшего места, мы и расположились на ночлег. Проводники достали внизу, в буковом леске, немного дров, что дало нам возможность вскипятить чай и сварить абысту. Взглянув назад на нашу дорогу, мы невольно дались диву, как мы смогли здесь спуститься с нашим осликом! Последний, впрочем, был измучен донельзя. Как только мы сняли с него ношу, он вместо того, чтобы пастись на сочной траве лужайки, лег и так провалялся целую ночь.

28 АВГУСТА

Начиная от места нашей стоянки, местность была мне уже достаточно знакома. В прошлом году я делал восхождение на Ацытаку неподалеку от этого места. Теперь, чтобы достигнуть перевала Ахыхудаара, нам оставалось только перевалить через высокий и длинный боковой кряж, отделявшийся от Ацытаку на расстоянии одного часа пути от нашей поляны. Этот хребет у абхазцев носит название хребта Гега.¹ В прошлом году я перевалил через него как раз в месте соединения его с Ацытаку. Перевал, насколько я помнил, весьма трудный, едва доступный для пешеходов. Перевести через него осла нечего было и думать. Приходилось отыскивать для последнего более подходящую дорогу. Проводники советовали мне спуститься в лес и перевалить через хребет в том месте, где он становится ниже. Но это мне казалось слишком длинным (после мы узнали от пастухов, что перевал существует именно в лесной части хребта), и я решил попытаться перейти через хребет несколько левее соединения его с Ацытаку. Здесь с хребта спускалась небольшая балка, которая, несмотря на свою крутизну (до 60°), казалась доступной для восхождения. Итак, мы направились вверх по этой балке. Каково было мое разочарование, когда, дойдя до перевала, я увидел, что на ту сторону

¹ Следует отличать от реки Геги. В названии гор обе буквы произносятся твердо, тогда как в названии реки их следует произносить мягко, с сильным придыханием.

спускалась чистая сланцевая осыпь с уклоном градусов в 70! Здесь едва можно было спуститься пешему. Спускаться же с ишаком — об этом, казалось, не могло быть и речи! Как бы то ни было, прежде чем отступить, я решил держать совет со своими проводниками. Они придерживались иного мнения. По их словам, спуск был, бесспорно, труден, но не невозможен. Пока мы обсуждали вопрос о спуске, прибыло наше вьючное животное. Оно было измучено донельзя. Мы сняли с него вьюк и дали ему отдохнуть. После получасового отдыха, *séanca tenante*, мы решились на спуск. Сначала спустили часть вещей. Более хрупкие вещи мои проводники перенесли на плечах. Затем пришла очередь спускать нашего осла. Подойдя к перевалу, последний посмотрел вниз, поводит недоверчиво ушами и решительно повернул назад. Никакими усилиями нельзя было заставить его сделать ни шагу вперед. Пришлось без дальних церемоний просто столкнуть его с перевала. Очутившись за перевалом на скользкой сланцевой осыпи, бедное животное, видя, что назад нет более возврата, решило спускаться как умело. Поджав под себя ноги, почти ползя на брюхе и цепляясь за малейшие неровности почвы, осторожно подвигалось оно вперед. Мы с невольным трепетом сердца следили за его движениями. Как только оно миновало опасное место и очутилось внизу на ровной лужайке, у всех нас невольно вырвался вздох облегчения. Вслед за осликом, с помощью наших альпийских палок, спустились и мы. Собравшиеся внизу пастухи с любопытством наблюдали картину этого невиданного у них спуска. Туб пастухов находился тут же неподалеку. Через какие-нибудь полчаса мы были там. Нечего и говорить, что мы были встречены с распростертыми объятиями. Пастухи, стоящие в этих труппах, бывают всегда рады гостям. Нас ожидало обильное угощение из молока во всех видах и мяса тура и серны. Целую ночь не прекращалась шумная беседа и игра на флейтах, которые понаделали себе мои проводники.

29 АВГУСТА

Узнав, что мы думаем сегодня же двинуться дальше, пастухи принялись было нас упрашивать, чтобы мы погостили у них еще хоть денек. Но нам было не до того. Съестные припасы наши подходили к концу: единственное, что у нас оставалось, это было копченое баранье мясо

и несколько горстей кукурузной муки. К тому же погода начинала портиться. Поэтому надо было спешить с возвращением в Сухум. Дальше дорога была мне хорошо знакома и не представляла никаких затруднений. За какой-нибудь час мы добрались до места соединения Ацытаку с хребтом Кутэхёку. Направившись затем вдоль по хребту Кутхыку, мы благополучно дошли до перевала Ахыхудаара (перевал с верховья Мзымты на верховья Уадхары). Дорога от Ахыхудаара в Абхазию была мною подробно описана в статье в Записках кавказского отдела за 1893 г.¹; поэтому я о ней не распространяюсь. При спуске к Уадхаре, мы встретили абхазских пастухов, у которых возобновили съестные припасы. С Уадхары рукой подать до Лашпсы. Отсюда небольшой и легкий подъем к перевалу Пыв. Здесь, под вековой пихтой, мы заночевали.

30 АВГУСТА

Сегодня сделали пробег только до поляны Ахюйтара. Меня задержал на перевале сбор *Crocus scharojani* и *Ligusticum arafoe*, которые растут здесь в изобилии. Кроме того, наш ослик был сильно измучен, и приходилось щадить его силы.

Урочище Ахюйтара лежит при выходе из ущелья Агурыпста у подножья Главного хребта. Это обширная поляна, на которой разбросано несколько старых грушевых деревьев. Неподалеку от нее бежит ручеек с отличной водой. Это излюбленное место ночлега всех путешественников, об этом свидетельствуют многочисленные огнища.

31 АВГУСТА

За этот день мы сделали очень большой переход. Двинувшись в путь с рассветом, к полудню мы были у реки Бзыби. Бзыбь в эту пору не бывает полноводной, и мы легко переправились через нее вброд. На том берегу реки, в урочище Псхё (или Псху, как называют его русские), мы остановились на отдых.

Погода к полудню испортилась: собрались тучи, грянула гроза. Нам однако некогда было выжидать изменения погоды к лучшему, и,

¹ Н. Альбов. Исследования Абхазии в 1890 году.

несмотря на проливной дождь, мы двинулись дальше. Проводники мои дороги здесь не знали, и потому вел их я. К вечеру мы успели подняться на перевал Ачавчара. Здесь мы принуждены были заночевать. На перевале нет больших деревьев, под которыми можно было бы приютиться, и потому ночевали мы à la belle étoile. Эта ночь была не из приятных. К вечеру дождик перестал, но зато поднялся страшный холодный ветер, но это было все-таки лучше, чем дождик. Ветер скоро разогнал туман, и при последних лучах заката мы увидели ближайшие горы — Цыбыщху и Ахибаху — все покрытые свежавыпавшим снегом. Мы невольно поблагодарили судьбу, что так вовремя спустились с гор. Что теперь делалось на Ацытаку! (После я узнал, что пастухи в дальних горах были захвачены снегом и масса скота при этом погибла).

На перевале валялось упавшее дерево. Мы зажгли его и возле этого гигантского костра блаженно прокоротали холодную ночь.

1 СЕНТЯБРЯ

Сегодня мы легко спустились до Двух Речек (по-абхазски: Аюдзыхь-хымалуа). Дорога слишком хорошо известна, чтобы стоило о ней говорить. Это — большая дорога из Псхё в Сухум, построенная солдатами.

2 СЕНТЯБРЯ

Это был последний день нашего странствия. Выйдя с Аюдзыхь-хымалуа с рассветом, к полудню мы прибыли в греческое селение Гум, а с закатом солнца были уже в Сухуме.

Конец дневника.

Н. Альбов

БОТАНИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ
в 1894 году¹

В настоящем докладе, по примеру прошлогоднего, я намереваюсь ознакомить с некоторыми результатами ботанико-географических наблюдений, произведенных мною в Западном Закавказье в этом году.

В настоящем году мне пришлось начать свои исследования сравнительно поздно. Разработка собранных в прошлом году гербариев задержала меня за границей почти до конца июня, так что я мог попасть на Кавказ лишь в первых числах июля. С другой стороны, чрезвычайно рано наступившая в горах зима (снег, как известно, выпал уже 2-го сентября) заставила меня прекратить путешествия ранее обыкновенного. Тем не менее, за два с половиной месяца, которые были в моем распоряжении, я успел сделать четыре больших горных экскурсии в разных местностях Западного Закавказья — Мингрелии, Самурзакани, Абхазии и Черноморском округе.

¹ Приводимые данные составляют дополнение к исследованию, помещенному мною в Записк. К. Отд. Рус. Геогр. Общества под оглавлением: Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г. Наблюдения над флорой юрских известняков. С. 115–158.

Главная цель моих исследований, как всегда, была ботаническая, а именно — детальное изучение луговой растительности известняковых гор Западного Закавказья. Исследования в этом направлении были начаты мною еще в прошлом году, и главные результаты их уже напечатаны в XVI кн. Записок Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества. Мне тогда в течение одного года невозможно было осмотреть все известняковые горы такого обширного края, как Западное Закавказье. Оставались пробелы, которые нужно было во что бы то ни стало пополнить, иначе пострадала бы точность моих выводов. Оставался непосещенным целый большой угол, занятый известняковыми горами, в южной части Черноморского округа, на границе с Абхазией. Кроме того, не все известняковые горы были осмотрены мною и в Мингрелии. Наконец, в Самурзакани необходимо было исследовать точнее большой известняковый хребет Охачкуэ, посещенный мною в прошлом году поздно осенью, когда часть растительности была уже уничтожена морозами. В названной местности я и проводил исследования в настоящем году.

Что касается научных результатов этих исследований, могу сказать, что посещение новых известняковых гор подтвердило вполне ранее сделанные мною заключения об исключительном характере известняковой флоры.

Мне пришлось только несколько расширить их, дополнив новыми данными, и сделать к ним кое-какие незначительные поправки. В чем именно состоят эти дополнения и поправки, я сообщу в конце этой статьи, на который и откладываю для удобства изложения связанный очерк о флоре известняков.

Теперь же я в кратких чертах познакомлю со своими маршрутами.

В географическом отношении сколько-нибудь важный интерес могут представить лишь экскурсии в Черноморском округе и в горах Черноморского округа, граничащих с Абхазией. Там приходилось мне проходить по местам, где наверное не ступала еще нога исследователя-натуралиста и которые в значительной степени представляют *terra incognita* и для географа.

Что же касается моих путешествий в Мингрелии и Самурзакани, то они затронули места, слишком хорошо известные в географическом

отношении, чтобы о них стоило распространяться. С физическим же строением известняковых гор названных провинций, полагаю, я уже достаточно ознакомил в своем сообщении, помещенном в XVI кн. Зап. Отдела. Поэтому, говоря об этих провинциях, я ограничусь простым указанием своих маршрутов. В Самурзакани я поднялся из Окума на известняковый хребет Охачкуэ, прошел его вдоль весь, сделал восхождение на его вершину (2 450 = 8 038 футов, а по пятиверстной карте 7 073 футов) и затем спустился в Мингрелию к сел. Джварам. Из Джвар я поднялся на известняковую гору Квира (2 300 м), спустился с нее на Кернахони (6 000 футов с небольшим), затем осмотрел пастбища ближней горы Чхороцху (около 7 000 футов). Отсюда я направился к высокой горе Окаре (больше 9 000 футов) с тем, чтобы оттуда пробраться на верховья р. Хопицкали и затем по ущелью этой реки спуститься к дер. Мухури. Неожиданное обстоятельство помешало выполнению моего намерения: при переправе через один бурный поток, близ самой горы Окаре, мои проводники имели неосторожность уронить в воду весь вьюк, вследствие чего наши съестные припасы пропали, а коллекции сильно попортились. Пришлось поэтому поспешно вернуться по прежней дороге назад в Джвары, чтобы спасти с таким трудом собранные коллекции.

Перехожу теперь к своим экскурсиям в Черноморском округе. Меня давным-давно занимала мысль пробраться на верховья реки Псоу, т. е. на горы, окружающие бывшее черкесское поселение Аибгу. В прошлом году я делал неоднократные попытки пройти туда то из Черноморского округа, то из Абхазии, но попытки эти закончились неудачей, поскольку трудно найти знающих туда дороги проводников.

В настоящем году, наконец, мне удалось-таки осуществить мое намерение. Г-н Старк, управляющий имением Уч-Дэрэ, возле Сочи, много путешествовавший в этих горах, был настолько любезен, что дал мне некоторые указания относительно дороги. По его совету я направился в село Микелрыпш, нанял здесь в качестве рабочих несколько местных жителей — армян, взял еще с собой лошадь для вьюка и, снарядивши таким образом экспедицию, начал подъем на господствующие над Микелрыпшем высоты хребта Ахахьча (такое название он носит на карте; абхазцы же называют его Микелгуадз). Дороги, о которой говорил

г. Старк, мы не нашли, и нам пришлось подниматься наобум, прокладывая себе путь в дикой чаще первобытного леса топорами. После долгих блужданий нам удалось все-таки выбраться из лесной полосы на нагорные пастбища. Хребет Ахахьча (Микелгуадз) — типичный известняковый и покрыт роскошными альпийскими лугами с растительностью, имеющей все особенности флоры известняковых гор. Целые огромные пространства здесь заросли столь характерным для известняков Западного Закавказья *Geum speciosum* N. Alb. На гребне по известняковым скалам ютятся великолепные *Jurinea levieri* N. Alb. (растение, характерное для известняков Черноморского округа). Хребет тянется в направлении с З.—С.—З. на В.—Ю.—В. Средняя высота его 2 200 м (7 260 футов). Наивысшие точки 2 250 и 2 300 м (7 425 и 7 590 футов по anerоидному измерению). Как всякий известняковый хребет, хребет Ахахьча — безводный, и нам пришлось жестоко поплатиться за свое незнание местности: в течение целых суток мы не имели ни капли воды.

Перевалив через хребет, мы в скором времени набрали на чуть заметную тропку, которая по косогорувдоль лесной границы направлялась к верховьям реки Лаша (один из притоков Псоу). Тропинка благополучно привела нас к небольшому ручью, местами совершенно исчезавшему под камнями. Это и был исток реки Лаша. Она берет начало близ глубокой седловины, отделяющей хр. Ахахьча от хр. Кыщырхра. Здесь мы встретили землемера Доманского, работавшего в партии, командированной этим летом для изучения вопроса о колонизации долины Псоу. Как и мы, он был без проводников и сильно затруднялся дорогами. Тем не менее, нам удалось получить от него кое-какие указания, как подняться на хр. Кыщырхра, на который он уже делал восхождение. Подъем этот не представляет особенных затруднений. Мы быстро достигли упомянутой седловины между хребтами Ахахьча и Кыщырхра (2 100 м = 6 890 футов). Отсюда тропа, достаточно заметная, прямо поднимается по гребню на хребет Кыщырхра. Седловина между Ахахьча и Кыщырхра — место замечательное. Здесь проходит резкая граница между породами, входящими в состав того и другого хребта. Хребет Ахахьча, как я уже говорил, сплошь известняковый, между тем как Кыщырхра образован породами частью сланцевыми, частью кристаллическими. И поэтому

типично известняковая растительность хребта Ахахьча, как только мы переходим за седловину, резко меняется на обычную растительность гранитных и сланцевых хребтов.

Нет ничего поразительнее картины этого изменения растительности. Только что мы видели целые заросли великолепного *Geum speciosum*, столь типичного для всех известняков Западного Закавказья, а тут, сделав шаг за седловину, мы уже не встречаем его — ни одного экземпляра. Напротив, нам попадаются на глаза только вульгарные вещи, общие для всего Кавказа, как *Betonica grandiflora*, *Veronica gentianoides*, *Anemone sulphurea*, *Hedysarum obscurum* etc.

Часа через два подъема тропинка достигает высшей точки хребта, 2650 м (веха, отмеченная инженером). Затем хребет становится более или менее ровным, сохраняя приблизительно одну и ту же высоту 8 500–8 858 футов (2 600–2 700 м). Тропинка все время придерживается гребня хребта. Хребет имеет В.–С.–В. — З.–Ю.–З. направление. На севере он обрывается очень круто (местами отвесными стенами), а на юге спускается несколько более пологими, хотя тоже довольно крутыми откосами. Все время тропа легко доступна для лошади. Часа через два с половиной пути от вехи инженера тропинка приводит нас к перевальному пункту. Здесь хребет оканчивается. Вправо от него отделяется небольшой отрог, убегающий по направлению к морю. Влево же, около самого хребта, связанный с ним только небольшой перемычкой, возвышается грандиозный известняковый массив горы Ахаг. Перевал, о котором идет речь, на картах не обозначен никаким именем. Между тем следовало бы его как-нибудь отличать, так как в старину через него пролегла большая дорога из Абхазии в Черкесские земли. Здесь кстати сказать, что название хребта — Кыцырхра — совершенно не известно абхазцам. Всюду в Бзыбской Абхазии он известен под именем хребта Цандыщха. С перевала открывается вид на абхазские горы, именно на мощный массив Арбаика — Ахагуашь, который отделяется от Кыцырхра глубоким и широким ущельем. Тропа разветвляется на перевале на две: из них одна идет на боковой хребет и затем по ущелью реки Хашупсы спускается к морю. Другая идет налево, в обход отрога, отходящего от г. Ахаг на северо-восток по направлению к массиву Арбаика — Ахагуашь, и ведет к г. Ацытаку. Как боковой хребет,

так и отрог горы Ахаг сложения известнякового (так же, как и сам хребет Кыцырхра). Сообразно этому, вы везде встречаете растительность, свойственную известняковым горам. Но попробуйте пройти некоторое расстояние вдоль юго-восточного склона горы Ахаг и ее отрога: на некоторых местах альпийского луга вдруг вы встречаете целую свиту типичных известняковых растений, как *Geum speciosum*, *Carex lazica*, *Helianthemum vulgare*. Вы невольно останавливаетесь в недоумении. Как объяснить себе их присутствие здесь? Но ваше недоумение продолжается недолго. Вы тотчас же замечаете, что как раз в этом самом месте, среди сланцевых и огненно-кристаллических пород вклиниваются известняки. Таким образом, кажущееся противоречие только еще раз подтверждает правило, что известняки всюду вносят с собой особенную, им свойственную растительность. С перевального пункта я пробовал по перемычке подняться на гору Ахаг. Но мне удалось достигнуть только высоты 2 800 м. Выше с этой стороны подняться на Ахаг невозможно, так как ее вершина обрывается на эту сторону отвесными скалами.

Спустившись с Ахаг назад к перевалу, я направился тем же самым путем, по хребтам Кыцырхра и Ахахча, назад в село Микелдрышш. Этим я закончил свою первую экскурсию в Черноморском округе.

Во вторую свою экскурсию в Черноморский округ я направился из Абхазии. Эта экскурсия была, бесспорно, самой интересной и самой богатой по количеству собранных материалов и наблюдений. Она заняла целых 16 дней. Интерес ее заключался для меня как для ботанико-географа в том, что на этом пути идет целый ряд известняковых и известняковых возвышенностей, так что я мог проверить свои заключения об известняковой флоре на целом ряде отдельных примеров.

Маршрут был намечен мною следующий. Из села Калдахуары в Абхазии я должен был подняться на известняковые высоты, господствующие над правым берегом реки Бзыби, перевалить через них к пограничным горам Черноморского округа, пройти по этим последним вплоть до горы Ацытаку, перевалить оттуда на верховья Мзымты, а затем через перевал Ахыхудаара, долину Бзыби и перевал Ачавчара (вернуться — **Ред.**) в Сухум. Маршрут этот мне удалось выполнить в точности. Позволю себе остановиться на нем в подробностях ввиду интереса, который представляют названные местности.

В селе Калдахуары мне посчастливилось найти двух бравых абхазцев, Дамея Барцыци и Уруса Чагуаа, настоящих горных волков, знающих все тропы от Бзыби до Ацытаку. Прихватив с собой еще жителя села Отхары Тугу Мукба, сопровождающего меня в путешествиях по Абхазии вот уже третий год, и наняв здорового осла для перевозки вьюка, я выступил из Калдахуар и начал подъем на высоты правого берега Бзыби. Собственно говоря, горы, господствующие над правым берегом Бзыби, представляют собой один громадный известняковый массив, вытянувшийся с юга на север. Массив этот занимает обширный угол между Калдахуарами, верховьями Жоэквара и Хашупсы, хребтом Кыцырхра, верховьями рек Геги и Бзыби до места впадения в Бзыбь Геги. Он поднят в среднем на высоту от 7 000 до 9 000 футов. Самая низкая вершина его, первая при подъеме из Калдахуар, г. Мамзышха, достигает едва 7 000 футов. Следующая за ней гора Кутыщ имеет уже около 8 000 футов, а все другие — не менее 9 000 футов. Самые крупные вершины массива — горы Арбаика и Ахагуашь — несомненно превосходят значительно эту высоту и, насколько можно судить по глазомеру, достигают по крайней мере 9 500 футов высоты, если не более. Со стороны, если например, смотреть на массив с хребта Кыцырхра, из Черноморского округа, он представляется в виде высокого поднятого нагорья, на котором возвышается целый лабиринт вершин, разделенных глубокими ущельями. Во все стороны вершины обрываются почти отвесными скалами. Там и сям между ними белеют большие пятна вечного снега. Лишь в нижней альпийской полосе, т. е. начиная с 7 500 футов и ниже, массив представляет более или менее пологие склоны. Выше же этой полосы только и видишь, что страшные обрывы. Вообще, картина массива крайне угрюмая, неприветливая. Я не знаю более диких пейзажей в Западном Закавказье. Как велик массив, можно судить из того, что абхазцы, привычные ходоки, употребляют не менее 2-х дней на то, чтобы пересечь его вдоль от г. Мамзышха до верховья р. Геги. Через этот массив, который да позволено будет мне именовать массивом Арбаика—Ахагуашь, пролегают две тропы, направляющиеся обе к горе Ацытаку. Одна из них идет верхом массива, через вершины Мамзышху, Кутушцацару, Арбаику—Ахагуашь. Другая поднимается от горы Мамзышхи на гору Кутыщ, через перевал Ауасакуашара переходит

на западную сторону массива, огибает затем массив по его северо-западному склону, идя все время на высоте от 6 000 до 7 500 футов. Обе тропы сходятся у северного конца массива, на верховьях реки Геги. Чтобы дойти от горы Мамзышхи до верховья Геги по первой тропе, требуется три дня, по второй — около пяти дней. Первая тропа доступна только для пешеходов, по второй может пройти и осел. Так как с нами было это животное, мы принуждены были избрать последнюю тропу. Хотя эту тропу абхазцы и называют ачадамюа, т. е. ослиная дорога, но она настолько тяжела и опасна, что по ней впору пройти только пешеходу. Жалко было смотреть на нашего ослика, когда он, нагруженный до *non plus ultra*, выбиваясь из сил, карабкался на известняковую крутизну. Особенно труден спуск под уклон в 60 и более градусов по известняковой осыпи и густой траве, маскирующей острые камни. К неудобству дороги присоединяется еще недостаток воды. Массив Арбаика—Ахагуашь, как всякая известняковая гора, совершенно безводный. От родника Дзыхча, что при подъеме на Мамзышху, приходится идти целых два дня, не встречая воды. Утолить жажду можно только снегом, который лежит местами в глубоких провалах. Только перевалив через перевал Ауасакуашара на северо-западную сторону массива, встречаешь впервые воду (родник Дзыхча). Дальше дорога идет косогором в обход массива, и идти становится легче, хотя все же встречаются места чрезвычайно опасные, где одно неверное движение может стоить вам жизни.

Зато какие же интересные эти места! Известняковую растительность вы видите здесь во всей ее пышности. Самые редкие растения, которые вы можете встретить только на известняках, да и то не везде, здесь собраны вместе, как бы для того, чтобы вознаградить исследователя за его труды и лишения. Здесь мы нашли тысячами редчайший вид *Amphoricarpus elegans* (n. sp.), ранее встреченный мною только в двух местах в Абхазии и Мингрелии (в прошлогоднем докладе он неправильно назван мною новым родом *Barbeya*). На этом же пути, именно в местности, называемой Ашэмпьдж, мне посчастливилось найти новый великолепный колокольчик. Это в высшей степени красивое растение, растущее низеньким кустом, с блестящими кожистыми листьями и целой сотней очень крупных небесно-голубых цветов. Оно ютится по неприступным известняковым

скалам, откуда достать его нелегко. Этот колокольчик настолько превосходит своею пышною красотою все остальные виды колокольчиков, что я нахожу только одно название для него подходящим — *Campanula regina*. Облик растения настолько странен и так резко отличается от всех ныне живущих видов колокольчика, что для нас вне сомнения, что этот колокольчик принадлежит флоре прежних геологических периодов.

Другие редкие известняковые виды, как *Thalictrum triternatum* Rupr., *Selinum agasyloides* N. Alb., *Bupleurum rischawi* N. Alb., *Chaerophyllum borodini* N. Alb. etc., были здесь собраны мною во множестве. Редко мне случалось иметь более богатую ботаническую жатву.

Дня через полтора пути тропинка, державшаяся до сих пор косо-гора, начинает круто подниматься на высокий отрог (абхазцы называют его Псышгуара) известнякового сложения, отходящий от г. Ахагуашь, и, перевалив через него, переходит на перемышку, связывающую гору Ахаг с массивом Арбаика—Ахагуашь. Эта перемышка составляет водораздел истоков Геги и Хашупсы. Высота перевала 2 480 м (8 137 футов). Отсюда тропа спускается в ущелье, где берет начало правый исток Геги, идет некоторое время этим ущельем, затем снова поднимается на альпийский отрог, отходящий от горы Ахаг. Вершина этого отрога носит у абхазцев название Чугдзырхуа. В образовании его помимо известняков участвуют также породы сланцевые и огненно-кристаллические, вследствие чего растительность его уже не имеет типичного известнякового характера, хотя попадающиеся местами *Geum speciosum* и *Campanula calcarea* (n. sp.) еще продолжают давать знать о присутствии под ногами известняков. Обогнув Чугдзырхуа с северо-востока альпийскими лугами, тропинка спускается в небольшое ущелье и затем переходит на хребет Арацха, связанный попеременно с Чугдзырхуа и с горой Ахаг и идущий на В.—С.—В. По этому хребту проходит граница Абхазии с Черноморским округом. На северо-восток отсюда бегут истоки реки Псоу, на юг — истоки реки Геги. Хребет этот едва достигает 7 000 футов высотой. Легкой седловиной, покрытой пихтовым и буковым лесом, отделяется он от хребта Атыжьырта, составляющего его естественное продолжение на В.—С.—В.

В этой самой седловине тропа наша разветвляется на две: одна спускается к истоку реки Псоу, поднимается затем на водораздельный хребет Аюмха и идет по альпийским лугам этого последнего по направлению к урочищу Аибге. Другая, спустившись незначительно на абхазскую сторону косогором вдоль хребта Атыжьырта, направляется к г. Ацытаку. Хребет Атыжьырта значительно выше хребта Арацха. Он поднимается по мере удаления своего на В.–С.–В. до высоты 2 670 м. Протяжение он имеет всего какие-нибудь пять верст по прямой линии. Хребет же Арацха имеет длину и того меньше. Между тем на пятиверстной карте они показаны чуть ли не в два раза длиннее. Кроме того, на карте оба хребта представлены в виде прямой линии, тогда как на самом деле они имеют вид ломаной. Сложены оба хребта частью известняковыми, частью сланцевыми и огненно-кристаллическими породами. Сообразно этому, растительность на них преобладает известняковая (*Geum speciosum*, *Carex lazica*, *Daphne sericea*, *Helianthemum vulgare*, *Chaerophyllum borodini* etc.). Хребет Атыжьырта упирается своим северо-восточным концом почти перпендикулярно в гору Хылып, одну из вершин длинного продольного хребта, тянущегося параллельно Главному и разделяющему верхнее течение рек Мзымты и Псоу. На карте хребет этот не носит никакого названия. Обозначена только одна из вершин его под именем Агепста. Название это, хотя и звучащее по-абхазски, абхазцам совершенно не известно. Абхазцы приурочивают к описываемому хребту два названия: северо-западная часть хребта, начиная от горы Хылып, называется у них Аюмха, или Аюмха-ришха (т. е. высоты Аюмха); часть же хребта, лежащая на юго-восток от горы Хылып, известна под названием Ацытаку, причем последнее название является собирательным для целого ряда крупных вершин.

Надо сказать, что хребет в юго-восточной своей части значительно выше, чем в северо-западной. Между тем как в последней, по-видимому, он не превышает 8 500 футов, на юго-восточном конце высота его достигает в среднем не менее 9 500 футов. Отдельные же вершины поднимаются до 11 000 футов с лишком.¹ Значительная высота хребта допускает возможность образования на нем ледников.

¹ Триангуляционное измерение одной из вершин Ацытаку, Агепста, (Хылып?) дало 10 700 ф. (См. Изв. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. IX. С. 205).

В прошлогоднем моем докладе я уже имел случай сообщить, что с северной¹ стороны хребта Ацытаку спускается в долину Мзымты целый ряд ледников, из которых самый значительный носит название Хымс-анакоу. С южной стороны хребта, между горой Хылып и 1-й вершиной Ацытаку, сползает также один небольшой ледник (его отлично видно с хребтов Арашча и Атыжьырта). Я предпринимал на этот ледник специальное восхождение. Ледник этот третьеразрядный и лежит очень высоко, оканчиваясь на высоте 3 000 м (9 843 футов). Пройдя некоторое расстояние вверх по леднику и питающему его небольшому фирновому полю, мы достигаем пункта 3 300 м = 10 827 футов. Отсюда открывается вид на абхазские горы. Следовательно, ледник спускается не с самого хребта, а с небольшого отрога, отходящего от него на юго-запад, на котором и расположена вершина Ацытаку № 1 (я обозначаю этим названием, за неимением другого, вершину Ацытаку, ближайшую к горе Хылып). Недалеко от перевального пункта, связанная с ним высоким гребнем, возвышается громадная вершина Ацытаку № 2. С нее свешиваются несколько неприступных глетчеров. Это, кажется, самая высокая вершина хребта Ацытаку.² Подняться на нее нет возможности: она обрывается почти отвесными скалами. Сожалею, что не могу сообщить более точных сведений о вершинах Ацытаку: внезапно наступившая дурная погода заставила меня оставить дальнейшее исследование их и поспешно спуститься вниз.

Гора Ацытаку и была конечной целью моего путешествия. Отсюда я должен был повернуть к перевалу Ахыхудаара, чтобы перейти на большую дорогу, ведущую из Абхазии на верховья Мзымты. По ней я и рассчитывал возвратиться в Сухум. С точки зрения географической, эта вторая часть пути уже не представляла такого интереса, как первая. Зато в моей памяти сохранились испытания, которые пришлось здесь перетерпеть из-за нашего незнакомства с местностью. Если дорога от Калдахуары до Ацытаку была местами трудна и подчас даже опасна, зато проводники мои знали ее в совершенстве; и мы шли все время наверняка к своей цели, теперь же нам пришлось познакомиться со всеми неприятностями

¹ Вернее северо-восточной.

² На современных картах это Агепста (3 256 м) — З. А.

бездорожья, так как дороги по хребту Ацытаку никто из нас хорошенько не знал.

Проводники мои как добросовестные люди прямо заявили мне при найме, что они берутся вести меня только до горы Ацытаку и что дальше дорога им не известна. Последнее обстоятельство меня ничуть не смущало, так как дорогу от Ацытаку до Сухума через абхазские горы знал отлично я сам. Но, не имея ясного представления ни о размерах Ацытаку, ни о ее топографическом положении, я никак не предполагал, что Ацытаку есть слово собирательное, относящееся к целому ряду огромных вершин.

Поэтому мне и в голову не приходило при найме расспросить проводников точнее, до какого именно пункта хребта Ацытаку им известна дорога. Теперь оказалось, что они знали дорогу только до первой вершины Ацытаку. Мне же самому она была известна лишь от крайнего юго-восточного пункта хребта — от того места, где пересекается с ним хребет Кутхыку. Таким образом, нам предстояло идти до самого конца хребта наобум, ощупью отыскивая себе дорогу. Нам даже не было известно, существует ли тут какая-либо дорога и можно ли провести по ней осла. Отчасти нам помогли своими указаниями встречные абхазские пастухи. Следуя по протоптанной ими тропе, мы направились вдоль хребта косогором, придерживаясь лесной границы. Таким образом мы успешно обогнули крутобокую вершину Ацытаку № 1. Эта часть дороги была для меня полна глубокого интереса, так как на нижнеальпийских склонах Ацытаку огненно-кристаллические породы чередовались с древними известняками, чем обуславливалась крайне курьезная, резкая смена одной растительности другою. Там, где выступали известняки, непременно появлялся *Geum speciosum*, который сопровождала целая свита других известняковых растений, таких как *Daphne sericea*, *Salvia verticillata*, *Pyrethrum starkii*, *Campanula calcarea n. sp.* etc.

Мы обогнули Ацытаку № 1, и тропка привела нас к широкой поляне, по которой бежали два горных потока, что берут начало в котловине между вершинами Ацытаку № 1 и Ацытаку № 2. Там было расположено довольно большое городище ацанов (ацангуара). За этой поляной

тропа наша начала круто подниматься вверх. Перевалив через высокий отрог, отходящий от Ацытаку (2 480 м или 8 137 футов), она спустилась ненадолго в небольшую котловину и затем решительно стала подниматься все выше и выше по альпийским лугам. Дойдя, наконец, до того места, где склоны Ацытаку становятся значительно круче и где выходят на поверхность аспидные сланцы, она вдруг исчезла. Не зная, чем теперь руководствоваться, мы очутились в большом затруднении. Идти дальше косогором в обход Ацытаку было немыслимо: крутые и скользкие сланцевые склоны совершенно отрезали нам путь. Поэтому нам оставалось только попытаться перейти так или иначе через хребет и спуститься в долину Мзымты. Итак, без всякой тропы, по сланцевым осыпям, мы стали круто подниматься по направлению к гребню хребта. На наше счастье, близ самого гребня обозначилась чуть заметная тропка. Следуя ей, мы пришли к перевалу, высота которого по anerоидному измерению оказалась 2 930 м (9 613 футов). Но если нам трудно было добраться до перевала, то еще труднее было спуститься с него в долину Мзымты. Тропы тут уже ровно никакой не было. Спускались прямо по камням, прыгая со скалы на скалу, причем наш ослик выделявал чудеса ловкости. Следуя течению бурного потока, бравшего начало в небольшом ледничке (низшая точка последнего 2 530 м), мы спустились таким образом до высоты 2 300 м (7 546 футов), где начиналась лесная граница. Оказалось, мы очутились на том самом месте, с которого я предпринимал в прошлом году восхождение на Ацытаку. Отсюда дорога мне была уже несколько знакома. Теперь следовало идти все косогором вдоль хребта на юго-восток. Пять часов такой дороги достаточно, чтобы дойти до места соединения Ацытаку с хребтом Кутхыку. Но дорога эта, едва заметная тропка, доступна лишь для хороших пешеходов. Являлся вопрос: как пройти по ней с ослом? Особенное затруднение представлял для нашего вьючного животного высокий луговой хребет, отходящий от Ацытаку по направлению к Мзымте и известный у абхазцев под названием Гега¹. Перевал через этот хребет очень крут и высок, и на него приходится буквально

¹ Следует отличать от реки Гега: в последнем слове оба «г» произносятся мягко, с придыханием.

карабкаться. Вести через такой перевал осла было невысказимо. Приходилось искать другую, более удобную дорогу. Нам показалось, что перевал, лежащий несколько левее, будет более доступен. По узкой и крутой балке с уклоном более 45° мы кое-как взобрались на этот перевал (2 600 м). Но здесь нас ожидало разочарование. С другой стороны перевала спускалась чистая сланцевая осыпь под уклоном градусов в 60. По этой осыпи мудрено было спуститься и человеку. Провести тут осла нечего и думать. Мы очутились в пренеприятном положении: идти вперед невозможно, возвращаться назад — бесполезно, ибо лучшей дороги мы не знаем; медлить же, наугад отыскивая на хребте более удобный перевал, никак нельзя было, так как съестных припасов у нас оставалось едва на несколько дней. Как бы то ни было, но мы решили попытаться идти вперед, т. е. спуститься с перевала. Кое-как нам удалось спустить вниз свои вещи. Затем пришла очередь спускать наше вьючное животное. Не так-то легко было заставить нашего ослика перешагнуть за перевал. Дойдя до перевала и взглянув вниз, он решительно повернул назад, и никакими силами нельзя было заставить его сдвинуться с места. Совместными усилиями нам удалось притащить его к перевалу, и так как добровольно перейти за перевал он все-таки не хотел, то мы принуждены были просто столкнуть его вниз. Очутившись за перевалом и не имея возможности вернуться назад, бедное животное принуждено было поневоле спускаться. Почти ползя на брюхе и цепляясь копытами за малейшие неровности почвы, оно осторожно подвигалось вперед и, к нашей радости, наконец, миновало опасное место. Вслед за ним благополучно спустились и мы. Пастухи, собравшиеся внизу, у подошвы хребта, с удивлением наблюдали картину такого небывалого спуска.

Собственно говоря, этот перевал представлял последнее затруднение на нашем пути. Вся остальная дорога от хребта Кутхыку и следующего за ним перевала Ахыхудаара вплоть до самого Сухума была мне хорошо знакома и не представляла ничего трудного. В прежних своих статьях я уже достаточно описывал ее, чтобы стоило о ней теперь распространяться. Таким образом, 2 сентября мы благополучно прибыли в Сухум, едва не захваченные страшным снегом, который падал в горах накануне.

Прежде чем кончить об этой последней экскурсии, я хотел бы сказать несколько слов о памятниках седой старины, которые мне

приходилось часто наблюдать на своем пути. Я разумею именно так называемые ограды ацанов — ацангуара. В XVI книге Записок отдела я уже достаточно охарактеризовал их, рассказав при этом абхазскую легенду об их происхождении. Теперь опишу несколько подробнее их устройство, так как в этом году мне довелось наблюдать очень типичные ацангуары.

Я видел два различных типа этих построек. Одни имеют форму круга (иногда двух concentрических кругов) диаметром сажени двести. Это — форма более редкая. Другая гораздо более распространенная форма ацанигуар — неправильные четырехугольники, разделенные поперечными перегородками на отделения разной величины. Прекрасно сохранившиеся ацангуары второго типа можно видеть на верховье Мзымты, на поляне, близ места соединения хребта Геги с Ацытаку (как раз там, где мы спустились). Эти ацангуары имеют длину до 10 сажен. Высота стены у них местами до аршина. Стена сложена из грубых обломков скал, без всякого цемента. Другие большие ограды ацанов, еще более крупного размера, находятся на восточном (абхазском) склоне хребта Кутхыку, в месте соединения его с хребтом Ацытаку, близ озера Мзы. Их отлично видно с хребта Кутхыку.

Наблюдая эти оригинальные сооружения, невольно задаешься вопросами: для чего они служили? И какой народ их построил? Служили ли они местом упокоения усопших или были воздвигнуты в ознаменование какой-нибудь победы, или же, наконец, в самом деле в них жили какие-то карлики, как того хочет абхазская легенда?

Иными словами, если жили там люди, как объяснить незначительную высоту стен, которые может легко перешагнуть или перепрыгнуть всякий взрослый человек? Замечательно, что ограды ацанов всегда расположены в самых лучших местах, какие только можно встретить в горах: на хорошо защищенных от ветра ровных луговинах, близ воды, недалеко от леса. Быть может, раскопки, произведенные в оградах, позволят нам выяснить что-либо об их происхождении.

Для нас несомненно пока только одно — что они принадлежат к глубокой древности и что служили для более или менее продолжительно-

го пребывания. Абхазские пастухи, кстати сказать, оградами ацанов никогда не пользуются, хотя и останавливаются всегда неподалеку от них.

Вот все немного, что я могу сообщить здесь о своих экскурсиях этого года. Перехожу теперь к наблюдениям моим над флорой известняков. Я упомянул в начале, что в настоящем году мне пришлось внести кое-какие дополнения и поправки в списки известняковых растений. Дополнения были вызваны посещением новых местностей и новыми находками, поправки — неверностью в определении некоторых растений, которые обуславливались спешностью работы моей в Тифлисе и отсутствием здесь нужных научных пособий (это выяснилось только при тщательной разработке коллекций в Женеве, в Гербарии Буассье). Чтобы не сообщать этих дополнений и этих поправок в отрывочном виде, без связи с выработанными мною ранее данными, я позволю себе привести здесь еще раз полностью, в систематическом порядке, наблюдения, произведенные мною над нагорно-луговой растительностью известняков Западного Закавказья в прошлом и настоящем году. Начну с гор Мингрелии.

Самые южные известняковые горы, посещенные мною в Мингрелии, были на хребте Асхи. На этом хребте отмечены мною следующие растения, ему специально свойственные и на соседних с ним неизвестняковых горах не встречающиеся:

<i>Arctostaphylos uva-ursi</i> L.	* <i>Geum speciosum</i> N. Alb.!
<i>Asperula aspera</i> var. <i>latifolia</i>	<i>Helianthemum vulgare</i> L.
Boiss.	<i>Origanum vulgare</i> L.
<i>Astrantia biebersteinii</i> Trautv.	<i>Salvia verticillata</i> L.!
<i>Campanula alliariifolia</i> Willd.	* <i>Scabiosa ochroleuca</i> var.
<i>Carex lazica</i> Boiss.	<i>calcarea</i> N. Alb.
<i>Cyclamen europaeum</i> L.	<i>Sedum sexangulare</i> L.(?)
<i>Galium valantoides</i> M.-B.	<i>Thalictrum majus</i> Murr.
<i>Geranium robertianum</i> var.	
<i>purpurea</i> Vill. (sp.).	

В этом списке произведены мною следующие изменения против прошлогогоднего: определения *Sedum acre* L. изменено на *Sedum sexangulare* L.

и присоединены к списку 2 растения — *Scabiosa ochroleuca* var. *calcarea* N. A. и *Thalictrum majus*, не попавшие в записную книжку, но оказавшиеся в гербарии. *).

На г. Мигария (2 000 м) и смежной с ней г. Джвари я записал следующие известняковые растения:

* <i>Amphoricarpus elegans</i> N. Alb.	<i>Geranium robertianum</i> v.
<i>Arctostaphylos uva-ursi</i> L.	<i>purpurea</i> Vill.
<i>Asperula aspera</i> var. <i>latifolia</i>	* <i>Geum speciosum</i> N. Alb.!
Boiss.	<i>Helianthemum vulgare</i> Gaertn.
* <i>Aster colchicus</i> N. Alb.	<i>Origanum vulgare</i> L.
<i>Astrantia biebersteinii</i> .	<i>Salvia verticillata</i> L.
<i>Campanula alliariifolia</i> Willd.	<i>Sedum sexangulare</i> L. (?)
* <i>Campanula dzaaku</i> N. Alb.	* <i>Scabiosa ochroleuca</i> var.
<i>Carex lazica</i> Boiss.!	<i>calcarea</i> N. Alb.
<i>Cyclamen europaeum</i> L.	<i>Thalictrum triternatum</i> Rupr.
<i>Daphne sericea</i> Vanl.	<i>Umbilicus oppositifolius</i> Led.
<i>Galium valantioides</i> M.-B.	

NB. В этом списке исправлено определение *Barbeya* n. gen. на *Amphoricarpus elegans* N. Alboff (n. sp), *Cyclamen* n. sp. на *Cyclamen europaeum* L. и прибавлено одно растение: *Scabiosa ochroleuca* var. *calcarea*, оказавшееся при разборке гербария.

Далее к северу, на горе Кернахони (6 000 футов), мною зарегистрированы следующие растения:

<i>Carex lazica</i> Boiss.!	<i>Helianthemum vulgare</i> .
<i>Daphne sericea</i> Vanl.	<i>Omphalodes cappadocica</i> .
<i>Geranium robertianum</i> var.	* <i>Scutellaria pontica</i> C. Koch
<i>purpurea</i> Vill.	β. <i>abchastica</i> N. Alb.
* <i>Geum speciosum</i> N. Alb.!	

* Звездочкой отмечены в списке описанные мною новые виды и разновидности. Восклицательный знак, поставленный вслед за названием, означает, что растение принадлежит к числу наиболее распространенных в данном месте.

На соседней с ней г. Квира (1 959 — 2 300 м):

* <i>Amphoricarpus elegans</i> N. Alb.!	* <i>Geum speciosum</i> N. Alb.
* <i>Aster colchicus</i> N. Alb.	<i>Galium valantioides</i> M.-B.
<i>Astrantia biebersteinii</i> Trautv.	<i>Geranium robertianum</i> v.
<i>Campanula alliariifolia</i> Willd.	<i>purpurea</i> Vill.
* <i>Campanula dzaaku</i> N. Alb.	<i>Salvia verticillata</i> L.
<i>Cyclamen europaeum</i> L.	* <i>Scutellaria pontica</i> Koch β .
<i>Daphne sericea</i> Vahl.	<i>abchastica</i> N. Alb.

Горой Квира заканчивается цикл посещенных мною известняковых гор Мингрелии.

Перехожу к Самурзакани. Здесь, на известняковом хребте Охачкуа (2 200–2 300 м.), я отметил следующие характерные для него растения:

* <i>Amphoricarpus elegans</i> N. Alb.!	<i>Helianthemum vulgare</i> Gaertn.
* <i>Aster colchicus</i> N. Alb.!	<i>Omphalodes cappadocica</i> Willd.
<i>Astrantia biebersteinii</i> Trautv.	<i>Origanum vulgare</i> L.
<i>Campanula alliariifolia</i> Willd.	<i>Polygala comosa</i> Schk.
* <i>Campanula dzaaku</i> N. Alb.	<i>Polygala major</i> Jacq.
<i>Carex lazica</i> Boiss.!	<i>Salvia verticillata</i> L.
<i>Cyclamen europaeum</i> L.!	
<i>Daphne sericea</i> Vahl.	* <i>Scabiosa ochroleuca</i> var.
* <i>Galium calcareum</i> N. Alb.	<i>calcareum</i> N. Alb.
<i>Galium valantioides</i> M.-B.	* <i>Scutellaria pontica</i> Koch β .
* <i>Geum speciosum</i> N. Alb.	<i>abchastica</i> N. Alb.
<i>Geranium robertianum</i> var.	<i>Sedum sexangulare</i> L. (?).
<i>purpureum</i> Vill.	<i>Stachys germanica</i> L.

Известняковые горы Абхазии изучены мною лучше, чем такие же горы других провинций Западного Закавказья. Поэтому и список характерных для них растений отличается у меня большей полнотой. Особенно обстоятельный список у меня имеется с Бзыбского хребта. Привожу его в дополненном против прошлогоднего виде:

- * *Amphoricarpus elegans* N. Alb.
Arctostaphylos uva-ursi L.
Asperula aspera latifolia.
Boiss.
- * *Aster tuganianus* N. Alb.
Astrantia biebersteinii Trautv.
Betonica nivea Stev.
- * *Bupleurum rischawii* N. Alb.
Campanula alliariifolia Willd.
- * *Campanula collina* M.-B. β
abchastica N. Alb.
- * *Campanula ciliata* β *pontica*
N. Alb.
Carex lazica Boiss!!
- * *Cerastium ponticum* N. Alb.
- * *Corydalis calcarea* N. Alb.
- * *Crocus autranii* N. Alb.
Daphne sericea Vahl.
Draba bruniaefolia var. *diversifolia*.
- * *Galium calcareum* N. Alb.
Galium valantioides M.-B.
Genista humifusa L.
- * *Gentiana alata* Gries.f. *floribus luteis* N. Alb.
Geranium robertianum v.
purpurea Vill.
- * *Geum speciosum* N. Alb.
Helianthemum vulgare Gaertn.
Omphalodes cappadocica Willd.
Origanum vulgare L.
Oxytropis albana var. *abchastica*
N. Alb.
Primula acaulis typica L.
- * *Ranunculus helenae* N. Alb.
Salvia verticillata L.
- * *Scutellaria pontica* β .
abchastica N. Alb.
- Sedum sexangulare* L. (?).
- * *Selinum agasyloides* N. Alb.
- * *Senecio calcareus* N. Alb.
Stachys germanica L.
Thalictrum foetidum L.
Thalictrum triternatum Rupr.
Umblicus oppositifolius Led.
- * *Valeriana barbeyana* N. Alb.

NB. В этом списке по сравнению с прошлым годом я произвел следующие изменения: определение *Bupleurum heterophyllum* Rochel. исправлено на *Bupleurum rischawii* n. sp., *Doronicum caucasicum* на *Senecio calcareus* n. sp., *Barbeya* n. gen. на *Amphoricarpus elegans* n. sp.; вычеркнут из списка *Ranunculus sommierii* N. Alb. как вид, мало характерный для известняков. Добавлены следующие растения, оказавшиеся в гербарии: *Betonica nivea*, *Corydalis calcarea* n. sp., *Cerastium ponticum* N. Alb., *Campanula collina* β . *abchastica* N. Alb., *Campanula ciliata* β . *pontica* N. Alb., *Selinum agassyloides* N. Alb., *Oxytropis albana* var. *abchastica* N. Alb., *Stachys germanica* L., *Thalictrum foetidum* L.

Для того, чтобы обозреть луговую растительность громадного известнякового массива Арбаика—Ахагуашь, исследованного мною в настоящем году, я нахожу полезным (условно. — **Ред.**) разбить это высокогорье на три части: юго-восточную, центральную и северо-западную.

В юго-восточной части высокогорья, т. е. на г. Мамзышке, Кутышке и Арбаике (2 100–2 450 м) я записал следующие характерные растения:

<i>Arctostaphylos uva-ursi</i> L.	<i>Jurinea mollis</i> L.
* <i>Bupleurum rischawii</i> N. Alb.	* <i>Primula acaulis typica</i> L.
* <i>Cerastium ponticum</i> N. Alb.	* <i>Pyrethrum starki</i> N. Alb.
<i>Daphne sericea</i> Vahl.	<i>Ranunculus helenae</i> N. Alb.
* <i>Galium calcareum</i> N. Alb.	* <i>Salvia verticillata</i> L.
<i>Galium valantioides</i> M.-B.	<i>Scutellaria pontica</i> Koch β .
<i>Genista humifusa</i> L.	<i>abchasica</i> N. Alb.
<i>Geranium robertianum</i> v.	<i>Sedum sexangulare</i> L.
<i>purpurea</i> Vill.	* <i>Senecio calcareus</i> N. Alb.
<i>Geum speciosum</i> N. Alb.	* <i>Viola calcaratas</i> δ . <i>gracilior</i> .
<i>Helianthemum vulgare</i> Gaertn.	N. Alb.

В центральной части, на г. Кутышь (2 400 м) и перевале Ауасакушара (2 600 м), мною зарегистрированы растения:

* <i>Arctostaphylos uva-ursi</i> L.	<i>Salvia verticillata</i> L.
<i>Carex lazica</i> Boiss.	* <i>Scutellaria pontica</i> β . <i>abchasica</i>
* <i>Cerastium ponticum</i> N. Alb.	N. Alb.
<i>Chaerophyllum borodinii</i> N. Alb.	* <i>Selinum agasyloides</i> N. Alb.
* <i>Corydalis calcarea</i> N. Alb.	<i>Stachys germanica</i> L.
<i>Genista humifusa</i> L.	<i>Teucrium chamaedrys</i> L.
* <i>Geum speciosum</i> N. Alb.	* <i>Viola calcaratas</i> δ . <i>gracilior</i> .
<i>Helianthemum vulgare</i> Gaertn.	N. Alb.

Наконец, для северо-западной части высокогорья (горы Копэймье, Ашёмпыдж) характерны растения:

* <i>Amphoricarpus elegans</i>
N. Alb.	<i>Geranium robertianum</i> v.
<i>purpurea</i> Vill.
<i>Arctostaphylos uva-ursi</i> L.	* <i>Geum speciosum</i> N. Alb.
<i>Aster roseus</i> Stev.	<i>Helianthemum vulgare</i> .
<i>Astrantia biebersteinii</i> Trautv.	<i>Jurinea mollis</i> L.
<i>Betonica nivea</i> Stev.	* <i>Pyrethrum starki</i> N. Alb.
* <i>Bupleurum rischawii</i> N. Alb.	<i>Salvia verticillata</i> L.
<i>Campanula alliariifolia</i> Willd.	* <i>Scabiosa ochroleuca</i> v.
* <i>Campanulae</i> sp.	* <i>Scutellaria pontica</i> β . <i>abchasica</i>
N. Alb.
* <i>Campanula calcarea</i> N. Alb.
<i>calcarea</i> N. Alb.	<i>Selinum agasylloides</i> N. Alb.
<i>Carex lazica</i> Boiss.	<i>Senecio calcareus</i> N. Alb.
* <i>Cerastium ponticum</i> N. Alb.	<i>Stachys germanica</i> L.
<i>Daphne sericea</i> Vahl.	<i>Teucrium chamaedrys</i> L.
* <i>Galium calcareum</i> N. Alb.	<i>Thalictrum majus</i> Murr.
<i>Galium valantioides</i> M.–B.	<i>Thalictrum triternatum</i> Rupr.
* <i>Genista humifusa</i> L.	<i>Umbilicus oppositifolius</i> Led.

Перехожу к пограничным горам Абхазии и Черноморского округа.

На г. Чугдзырхуа, сложенной наполовину известняками, наполовину сланцевыми и огненно-кристаллическими породами, я мог констатировать лишь следующие известняковые растения: *Geum speciosum* N. Alb., *Campanula calcarea* N. Alb. и *Thalictrum majus*.

На хребте Арацха, столь же разнообразном по своему сложению, как и гора Чугдзырхуа, я отметил только: *Geum speciosum* N. Alb., *Carex lazica* Boiss., *Salvia verticillata* L.

На хребте Атыжырта, сложенном главным образом известняками, я мог уже записать целую массу характерных известняковых растений:

<i>Asperula aspera</i> v. <i>latifolia</i>
Boiss.	<i>Helianthemum vulgare</i> Gaertn.
<i>Carex lazica</i> Boiss.	<i>Polygala comosa</i>
* <i>Pyrethrum starki</i> N. Alb.

- * *Chaerophyllum borodinii* N. Alb.
Daphne sericea Vahl.
- * *Galium calcareum* N. Alb.
Genista humifusa L.
- * *Geum speciosum* N. Alb.

- * *Scabiosa ochroleuca* v.
calcarea N. Alb.
- Sedum sexangulare* L. (?)
- Stachys germanica* L.
- Thalictrum majus* Murr.

Юго-Западный склон Ацытаку № 1, именно то место его, где выступают известняки, дал мне также целый ряд известняковых растений:

- Astrantia biebersteinii*.
- * *Campanula calcarea* N. Alb.
Daphne sericea.
- * *Galium calcareum* N. Alb.
Genista humifusa L.
- * *Geum speciosum* N. Alb.

- Helianthemum vulgare*.
- * *Pyrethrum starki* N. Alb.
- Salvia verticillata* L.
- Scabiosa ochroleuca* v. *calcarea*
N. Alb.
- Thalictrum majus*.

В Черноморском округе мною были исследованы следующие известняковые горы: хребет Ахахьча, г. Ахаг и горы Фишт–Опшен.

На хребте Ахахьча я отметил следующие растения как характерные для известняков:

- * *Vupleurum rischawii* N. Alb.
- * *Geum speciosum* N. Alb.!!
Helianthemum vulgare.
- Carex lazica* здесь не встречается.

- * *Jurinea levierii* N. Alb.
- Teucrium chamaedrys* L.
- Umbilicus oppositifolius* Led.

На верховьях реки Лаша, на известняковом отроге, отходящем от хребта Кыщырхра, я записал:

- Campanula alliariifolia*.
- * *Galium calcareum* N. Alb.
- Galium valantioides* M.–B.
- * *Geum speciosum* N. Alb.

- Helianthemum vulgare*.
- * *Senecio calcareus* N. Alb.
- * *Umbilicus oppositifolius* Led.

На юго-восточном склоне горы Ахаг, там, где выступают известняки, я встретил:

Carex lazica Boiss.

Genista humifusa L.

* *Geum speciosum* N. Alb.

Helianthemum vulgare.

Наконец, на горах Фишт–Оштен мною отмечены растения:

* *Alsine circassica* N. Alb.

* *Alsine laricifolia* var. *pontica* N. Alb.

* *Alsine rhodocalyx* N. Alb.

Arctostaphylos uva-ursi L.N. Alb.

Asperula aspera v. *latifolia*

Boiss.

Astrantia biebersteinii Trautv.

Campanula alliariifolia Willd.

* *Campanula autraniana* N. Alb.

* *Campanula ciliata* β . *pontica* N. Alb.

* *Chaerophyllum borodinii* N. Alb.

Daphne sericea Vahl.

Draba bruniifolia var.

diversifolia Boiss.

* *Galium calcareum* N. Alb.

Galium valantioides M.–B.

* *Gentiana alata* f. *floribus luteis*

Geranium robertianum v.

purpurea Vill.

Helianthemum vulgare Gaertn.

* *Jurinea levierii* N. Alb.

* *Ranunculus helenae* N. Alb.

Scabiosa ochroleuca L.

Sedum sexangulare L. (?)

Thalictrum triternatum Rupr.

Umbilicus oppositifolius Led.

* *Valeriana chodatiana* N. Alb.

NB. Этот список отличается от составленного в прошлом году. В нем произведены следующие изменения и дополнения: определения *Campanula betulaefolia*, *Campanula* n. sp. № 2, и *Sedum acre* L. исправлены на *Campanula autraniana* n. sp., *Campanula ciliata* β *pontica* n. var. и *Sedum sexangulare* L. Список дополнен следующими растениями, пропущенными в записной книжке и обнаруженными при разработке гербария: двумя новыми видами и одной новой разновидностью *Alsine*, *Chaerophyllum borodinii* N. Alb. (n. sp.), *Jurinea levieri* N. Alb. (n. sp.), *Valeriana chodatiana* N. Alb. (n. sp.) и *Scabiosa ochroleuca* L.

Просматривая все вышеприведенные списки, мы замечаем, что они содержат почти одни и те же растения. Разница будет заметна только тогда, когда мы будем сравнивать между собою целые провинции, например, Мингрелию и Самурзакан с Абхазией и Черноморским округом. Неполная тождественность списков с разных гор одной и той же провинции легко объяснить неполнотой и несовершенством наблюдений. Есть так-

же основание думать, что многие мелкие или малохарактерные растения, вроде разных *Alsine*, *Draba bruniifolia*, *Valeriana chodatiana* etc., замеченные пока только в одной или двух провинциях, будут найдены и в других: ведь известняковые горы пока еще так мало исследованы.

Существует однако целый ряд растений, несомненно, эндемичных для каждой отдельной провинции. Растения эти настолько видны собой и характерны, что нельзя было в других местах пропустить их без внимания. К числу таких растений мы относим, например, *Cyclamen europaeum* L., *Geum speciosum* N. Alboff, *Carex lazica* Boiss., *Campanula autraniana* N. Alboff, *Campanula dzaaku* N. Alboff, *Aster tuganianus* N. Alboff, *Aster colchicus* N. Alboff, *Aster roseus* Stev. etc. Что же касается также очень характерного *Crocus autranii* N. Alboff, свойственного Бзыбскому хребту (не решаюсь с уверенностью настаивать на его эндемизме для Абхазии), то начинает цвести он только в октябре, а в эту позднюю пору я мог посетить лишь весьма немногие известняковые горы (кроме Бзыбского хребта только хребет Охачкуа).

Сгруппируем теперь эндемические формы для каждой провинции в отдельности.

МИНГРЕЛИЯ И САМУРЗАКАН

* <i>Aster colchicus</i> N. Alb.	<i>Cyclamen europaeum</i> L.
* <i>Campanula dzaaku</i> N. Alb.	

АБХАЗИЯ

Бзыбский хребет

* <i>Aster tuganianus</i> N. Alb.	* <i>Crocus autranii</i> N. Alb.
<i>Betonica nivea</i> Stev.	* <i>Oxytropis albana</i> var. <i>abchasica</i>
N. Alb.
* <i>Vupleurum rischawii</i> N. Alb.	<i>Primula acaulis typica</i> L.
* <i>Campanula ciliate</i> β . <i>pontica</i>
N. Alb.	* <i>Ranunculus helenae</i> N. Alb.
* <i>Campanula collina</i> β . <i>abchasica</i>
N. Alb.	* <i>Selinum agasylloides</i>
N. Alb.
* <i>Cerastium ponticum</i> N. Alb.	* <i>Senecio calcareus</i> N. Alb.
* <i>Corydalis calcarea</i> N. Alb.	* <i>Valeriana barbeyana</i> N. Alb.

Массив Арбаика–Ахагуашь

<i>Aster roseus</i> Stev.	<i>Primula acaulis typica</i> L.
<i>Betonica nivea</i> Stev.	* <i>Pyrethrum boissierii</i> N. Alb.
* <i>Bupleurum rischawii</i> N. Alb.	* <i>Pyrethrum starki</i> N. Alb.
* <i>Campanula</i> sp. N. Alb.	* <i>Ranunculus helenae</i> N. Alb.
* <i>Campanula calcarea</i> N. Alb.	* <i>Selinum agasyллоides</i> N. Alb.
* <i>Cerastium ponticum</i> N. Alb.	* <i>Senecio calcareus</i> N. Alb.
* <i>Chaerophyllum borodinii</i> N. Alb.	* <i>Viola calcarea gracilior.</i> N. Alb.
* <i>Corydalis calcarea</i> N. Alb.	
<i>Jurinea mollis</i> L.	

Пограничные горы

(Чугдзырхуа, Арашха, Атыжырта, Ацытаку)

* <i>Campanula calcarea</i> N. Alb.	* <i>Chaerophyllum borodinii</i>
* <i>Pyrethrum starki</i> N. Alb.	N. Alb.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ОКРУГ

Горы Аибги (хр. Ахахьча, верховья р. Лаши, г. Ахаг)

* <i>Bupleurum rischawii</i> N. Alb. *	<i>Oxytropis albana</i> β <i>abchasica</i>
* <i>Cerastium ponticum</i> N. Alb.	N. Alb.
* <i>Jurinea levierii</i> N. Alb.	* <i>Senecio calcareus</i> N. Alb.

Горы Фишт и Оштен

* <i>Alsine circassica</i> N. Alb. *	<i>Campanula autraniana</i> N. Alb.
* <i>Alsine laricifolia</i> β . <i>pontica</i> N. Alb.	* <i>Campanula ciliate</i> β . <i>pontica</i>
* <i>Alsine rhodocalyx</i> N. Alb.	N. Alb.
* <i>Chaerophyllum borodinii</i> N. Alb.	* <i>Valeriana chodatiana</i> N. Alb.
* <i>Jurinea levierii</i> N. Alb.	<i>Carex lazica</i> – нет.
* <i>Ranunculus helenae</i> N. Alb.	<i>Geum speciosum</i> N. Alb. –нет.

Из сопоставления всех этих списков мы видим, что богаче всех эндемичными видами Абхазия. Затем идет Черноморский округ и, наконец, Мингрелия и Самурзакан. Сравнивая подробные списки известняковых растений Мингрелии и Самурзакани, легко убедиться, что они тождественны и что эндемичные виды в них одни и те же. Поэтому известняковые

горы этих двух провинций можно рассматривать как одну общую растительную область, имеющую свои собственные эндемичные виды (*Aster colchicus*, *Campanula dzaaku*, *Cyclamen europaeum*). Абхазские известняки составят другую естественную область, характеризующуюся целым рядом эндемичных видов (22), из коих у них 68 видов общих с Черноморским округом.

Черноморские известняки составят также особую растительную область, хотя тесно связанную с абхазской целыми шестью общими эндемичными видами. Эта область значительно беднее абхазской эндемичными растениями. Их здесь всего тринадцать. Если же вычесть из этой цифры шесть общих с Абхазией видов, то на долю Черноморских известняков собственных эндемичных видов остается лишь семь. Сопоставляя между собой списки с разных гор Черноморского округа, мы замечаем, что флора Черноморских известняков резко распадается на две отдельных области. Первую область составляют горы Аибги, лежащие на границе с Абхазией. Эта область самым тесным образом связана с абхазскими известняками, отличаясь от них только одним эндемичным видом *Jurinea levierii* N. Alboff. Ко второй области относятся горы Фишт и Оштен. Эта область уже значительно разнится от абхазской, но не столько появлением в ней новых 5 эндемических видов, сколько отсутствием в ней самых обыкновенных известняковых растений *Geum speciosum* N. A. и *Carex lazica* Boiss., которые столь характерны для известняков не только Абхазии, но и всего Западного Закавказья. По-видимому, хребет Ахяхьча составляет крайний северный предел распространения этих двух растений.

Интересно будет теперь разрешить вопрос: в каком отношении находятся известняковые виды к общему числу растительных видов, свойственных нагорно-луговой флоре известняков Западного Закавказья? С точностью ответить на этот вопрос невозможно.

Отсутствует физическая возможность собрать, особенно во время таких больших пробегов, какие делал я, полную флору каждой известняковой горы, до последнего вида. Записи же, делаемые на месте с записной книжкой в руках, всегда только грубо приблизительны [нельзя же уследить (объять. — **Ред.**) взором решительно все растения!]. Как бы приблизительны они ни были, они все же имеют свою ценность, так как дают

нам наглядное представление о преобладающем характере растительности. Во время своих путешествий я старался делать подобные записи, где только возможно. Их накопилось у меня довольно и, полагаю, на основании их позволительно будет построить кое-какие выводы. Вычислив процентное содержание известняковых видов в нагорно-луговой флоре разных известняковых гор Западного Закавказья и сопоставив полученные цифры, можно видеть, что в разных местах относительное число известняковых видов чрезвычайно варьирует. Об этом свидетельствуют следующие цифры:

Мингрелия	{ г. Мигария	36 %
	{ г. Квира	54 %
Самурзакан	хр. Охачкуа	28 %
Абхазия	{ Бзыбский хр.	22 %
	{ г. Кутышь и перевал Ауасакуашара	31 %
	{ г. Копэймье	58 %
Черноморский округ	{ Верховья реки Лаша	42 %
	{ г. Фишт — Оштен	17 %

Еще раз повторяю, что я этим цифрам не придаю серьезного значения, слишком хорошо осознавая неполноту моих списков. Но все-таки даже по этим грубым цифрам можно судить, какую важную роль играют известняковые виды в физиономике альпийского луга. Эта роль является тем более значительной, что некоторые известняковые виды, в особенности *Geum speciosum* и *Carex lazica*, обыкновенно бывают распространены в невероятном множестве, заполняют целые огромные участки альпийских лугов и местами почти исключают всякую другую растительность (подобные сплошные заросли можно наблюдать, например, на хребте Ахахьча или на Бзыбском хребте).

Составим теперь из приведенных нами отдельных списков один общий список растений, характерных для нагорно-луговой флоры известняков Западного Закавказья, и проанализируем этот список.

**Список растений, характерных для нагорно-луговой флоры
известняковых гор Западного Закавказья**

* <i>Alsine circassica</i> N. Alb.	* <i>Crocus autranii</i> N. Alb.
* <i>Alsine laricifolia</i> β . <i>pontica</i>
N. Alb.	<i>Cyclamen europaeum</i> N. Alb.
* <i>Alsine rhodocalyx</i> N. Alb.	<i>Daphne sericea</i> Vahl.
* <i>Amphoricarpus elegans</i>
N. Alb.	<i>Draba bruniifolia</i> var. <i>diversifolia</i> Boiss.
<i>Arctostaphylos uva-ursi</i> L.	* <i>Galium calcareum</i> N. Alb.
<i>Asperula aspera</i> v. <i>latifolia</i>
Boiss.	<i>Galium valantioides</i> M.–B.
* <i>Aster colchicus</i> N. Alb	* <i>Genista humifusa</i> L.
<i>Aster roseus</i> Stev.	* <i>Gentiana alata</i> v. <i>floribus uteis</i>
N. Alb.
* <i>Aster tuganianus</i> N. Alb.	<i>Geranium robertianum</i>
v. <i>purpurea</i> Vill.
<i>Astrantia biebersteinii</i> Trautv.	* <i>Geum speciosum</i> N. Alb.
<i>Betonica nivea</i> Stev.	<i>Helianthemum vulgare</i> Gaertn.
* <i>Bupleurum rischawii</i> N. Alb.	* <i>Jurinea levierii</i> N. Alb.
<i>Campanula alliariifolia</i> Willd.	<i>Jurinea mollis</i> L.
* <i>Campanula autraniana</i> N. Alb.	<i>Omphalodes cappadocica</i> Willd.
* <i>Campanula ciliate</i> β . <i>pontica</i>
N. Alb.	<i>Origanum vulgare</i> L.
* <i>Campanula collina</i> β . <i>abchasica</i>
N. Alb.	<i>Polygala comosa</i> Schk.
* <i>Campanula dzaaku</i> N. Alb.	<i>Polygala major</i> . Facq.
* <i>Campanula calcarea</i> N. Alb.	<i>Primula acaulis typica</i> L.
<i>Carex lazica</i> Boiss.	* <i>Pyrethrum starki</i> N. Alb.
* <i>Cerastium ponticum</i> N. Alb.	* <i>Pyrethrum boissierii</i> N. Alb.
* <i>Chaerophyllum borodinii</i>
N. Alb.	* <i>Ranunculus helenae</i> N. Alb.
* <i>Corydalis calcarea</i>
N. Alb.	<i>Salvia verticillata</i> L.
	* <i>Scabiosa ochroleuca</i> v. <i>calcarea</i>
N. Alb
	<i>Sedum sexangulare</i> L.
	<i>Senecio calcareus</i> N. Alb.

Итого 59 видов.

Рассматривая этот список, мы видим, что он более чем на половину составлен из новых видов и разновидностей (они отмечены у меня звездочкой). Эти новые формы являются строго эндемичными для известняков Западного Закавказья, так как нигде в других местах они найдены не были. К числу таких же строго эндемических видов следует также отнести один ранее описанный вид — *Umbilicus oppositifolius*, распространение которого ограничивается также только известняками Западного Закавказья. Вместе с ним число эндемичных видов известняков возрастет до 32, а это почти 54 % от числа всех растений списка.

Обратимся к остальным 26 растениям списка. Из их числа прежде всего останавливает на себе внимание *Cyclamen europeum* L.¹ Присутствие этого вида, свойственного горам Средней Европы, в списке известняковых растений Западного Закавказья крайне странно и необъяснимо. Известняки Мингрелии и Самурзакани — это единственное место, где он (вид — **Ред.**) встречается на Кавказе. Он распространен здесь в полосе высотой от 300 до 2300 метров (984–7 546 футов).

Genista humifusa L. представляет собой очень редкое растение, ограниченное в своем распространении горами восточного Понтийского побережья. Мы его поместили в число известняковых растений, несмотря на то, что изредка нам случалось встречать его и не на известняках. Оно крайне характерно для известняковой флоры и постоянно сопутствует (по крайней мере в Абхазии) другим типичным известняковым растениям.²

¹ Это *Cyclamen colchicum* (Albov) Albov.

² То же самое замечание я должен сделать относительно 2-х других растений списка: *Helianthemum vulgare* и *Gentiana alata* f. *floribus luteis*. И то и другое растение изредка можно встретить и не на известняках (за 7 лет путешествий я однако два раза находил эти растения не на известняковых породах). Даже столь типичный для известняков *Geum speciosum* я раз встретил не на известняке (впрочем, ближе породы я не определял); но это был единственный куст; рос он в ущелье между гг. Квира и Окарэ (в Мингрелии), в подальнейшей полосе, на высоте около 5 500 — 6 000 ф.

Daphne sericea Alb. — очень красивый вечнозеленый кустарничек с пышными розовыми цветами — принадлежит к флоре гор Малой Азии, в том числе и гор Аджарии. Встречается также и в некоторых местах Средиземноморского побережья. Это растение нельзя назвать альпийским в собственном смысле слова, так как оно произрастает и гораздо ниже альпийской области: в том же Западном Закавказье оно спускается (по известнякам) местами до 2 000 футов и даже ниже. На каких породах оно произрастает в горах Малой Азии, неизвестно. В горах Аджарии (единственное его местонахождение на Кавказе) оно растет, по-видимому, не на известняках.

Carex lazica Boiss. — крайне характерный вид осоки, резко отличающийся от всех известных видов осок за исключением Гималайского, с которым он имеет ближайшее сродство, и кроме известняков Западного Закавказья встречается на Понтийском хребте в Лазистане и на Аджаро-Имеретинском хребте, на границе Гурии и Аджарии (я его встретил на горе Хино — Сагбиели). На Аджарском хребте он растет не на известняках.

Aster roseus Stev. — оригинальнейший вид астры с длинными линейными листьями. На Кавказе находится также в горах Дагестана, произрастая там, по-видимому, также на известняках.

Thalictrum triternatum Rupr. — весьма типичное растение. На Кавказе область его распространения строго ограничивается известняками Западного Закавказья. Недавно оно было найдено Сиктеннисом в Турецкой Армении.

Asperula aspera latifolia Boiss. — растение, также свойственное горам Дагестана (и Салатавии).

Draba bruniifolia var. *diversifolia* Boiss. Свойственна Восточному Кавказу, г. Арарат и Персии (Савелан).

Betonica nivea — в высшей степени изящное растение с длинными и узкими, снизу снежно-белыми листьями и крупными желтоватыми или розоватыми цветами. Встречается (кроме известняков Абхазии) еще в Дагестане (известняки) и в Персии на горе Эльбурс.

Geranium robertianum v. *purpurea* Vill. (*G. purpureum* Vill.) — растение, свойственное горам Малой Азии и Персии, а также всему Средиземноморскому побережью (Крит, Южн. Европа, Сев. Африка). В Западном

Закавказье оно распространено в полосе от 500 до 7 000 футов, исключительно на известняках.

Jurinea mollis L. и *Sedum sexangulare* L. — растения, свойственные горам Европы (первое — юго-восток Германии, Далмации, бассейну р. Дуная, Балканскому полуострову; второе — Северной и Средней Европе, Средней России, Испании, Италии, Балканскому полуострову). На Кавказе, помимо известняков Западного Закавказья, по-видимому, они не встречаются. *Jurinea mollis* распространена в Западном Закавказье в полосе от 500 до 7 000 футов.

Astrantia biebersteinii — растение, довольно обыкновенное на горах Центрального Кавказа. Непонятно, почему оно селится в Западном Закавказье только на известняках.

Arctostaphylos uva-ursi L. — растение, свойственное умеренно холодным странам всего северного полушария (Европа, Россия, Сибирь, Сев. Америка). Оно крайне характерно для сосновых боров названных стран и произрастает там на песчаной почве. Почему оно в Западном Закавказье избирает для своего поселения исключительно известняки, и притом альпийской области, совершенно необъяснимо. На Кавказе, кроме Черноморского округа, Абхазии и Мингрелии, оно встречается также в Раче (на известняках).

Что касается остальных 13 растений списка — *Origanum vulgare*, *Salvia verticillata*, *Campanula alliariaefolia*, *Helianthemum vulgare* etc., — то они представляют весьма вульгарные растения, чрезвычайно распространенные на Кавказе. К сожалению, полное отсутствие в ботанической литературе о Кавказе точных указаний, на каких породах или даже на каких горах они встречаются, лишает нас возможности делать о них какие-либо определенные заключения. Впрочем, мы сами встречали многие из этих растений в Аджарии и Лазистане на породах неизвестняковых. Странно, почему они в Западном Закавказье приурочиваются исключительно к известнякам. Характерно, однако, следующее обстоятельство. В самом Западном Закавказье названные растения принадлежат также к числу самых вульгарных, обладающих самую широкою областью распространения. Но обычная область их распространения, где они встречаются без различий на известняковых и на неизвестняковых породах, — есть

нижняя полоса гор — от 500 до 2000 футов. Некоторые же из них, как *Helianthemum vulgare*, *Origanum vulgare*, *Polygala major* etc., можно встретить даже у самого берега моря, на песке или глине. Раз мы знаем это, нас не может не поражать факт, что эти растения входят существенным элементом в состав альпийской флоры известняков. Известно, как отличается альпийская растительность всяких других гор от травянистой растительности, господствующей в нижних регионах. Обыкновенно, попадая в область альпийских пастбищ, вы как бы вступаете в совершенно иной мир, где вы не встретите ни одного знакомого вам растения из нижней полосы гор. На известняках же Западного Закавказья наблюдается как раз обратное явление: вступая на альпийские луги, вы с удивлением снова видите своих старых знакомцев, которых вы было оставили далеко внизу, у берега моря. И размножены эти растения здесь в таком невероятном количестве, что местами совершенно затеняют обычный колорит альпийской растительности.¹

Как попали сюда эти растения, свойственные, собственно говоря, более теплым областям, и почему они растут здесь только на известняках, тогда как внизу их можно встретить как на известняковых, так и на неизвестняковых породах? Почему, наконец, они так страшно размножились на альпийских лугах известняковых гор, что подавляют своею численностью настоящие альпийские растения?

Вот вопросы, которые естественно приходят нам на мысль, и разрешение которых должно пролить свет на происхождение оригинальной растительности известняков.

Вот все те фактические данные, какие мне удалось собрать в течение последних лет о нагорно-луговой флоре известняков Западного Закавказья. Как я уже сказал выше, трудно сделать какие-либо общие выводы на основании этих данных. Флора других провинций Кавказа слишком слабо еще изучена даже с систематической стороны

¹ Это замечание, помимо перечисленных вульгарных растений, распространяется также на *Cyclamen europeum* L. и *Aster colchicus* N. Alboff.: и то и другое растение (первое в легкой разновидности *var. colchica* N. Alboff) встречаются и гораздо ниже альпийской области, спускаясь местами до 1500 и даже 1000 ф.

(не говоря уже о геоботанической), чтобы можно было пускаться в какие-либо сопоставления. В продолжительном и тщательном изучении нуждается и сама флора известняков Западного Закавказья. Нельзя же, в самом деле, назвать изученной флору страны, где каждый год приходится делать важные открытия (укажу хотя бы на открытие мною в настоящем году двух новых колокольчиков).

Здесь надо считаться с крайним эндемизмом, который проявляет известняковая флора. Каждое новое ущелье, каждая новая вершина могут заключать особые, им только свойственные формы. Опыт предыдущих лет научил нас в этом случае готовиться ко всяким неожиданностям.

Во всяком случае, вопрос о луговой флоре известняков Западного Закавказья я оставляю открытым.

Тифлис.
1 НОЯБРЯ 1894 ГОДА.

Н. М. Альбов

В ЗАБРОШЕННЫХ УГОЛКАХ КАВКАЗА

(Воспоминания о путешествии по Кавказу в 1894 г.)¹

Мм. Гг.! Ваш председатель просил меня рассказать несколько эпизодов из моих путешествий по Кавказу в течение лета 1894 г. По правде сказать, эта просьба поставила меня в затруднительное положение. Могут ли мои экскурсии в горах Западного Закавказья, из которых самые высокие едва достигают 3 500–3 600 метров, представлять какой-либо интерес для отважных туристов, привыкших взбираться на самые высокие вершины Альп? К тому же я, будучи скорее ботаником, чем альпинистом, в своих исследованиях ограничивался лишь тою областью, которая находится ниже линии вечных снегов. Естественно, что эта зона горных пастбищ интересовала меня больше, чем пояс ледников и голых скал.

¹ Сообщение, сделанное Н. М. Альбовым в начале 1895 г. в Женеве, в Альпийском клубе, на французском языке. Опубликовано в периодическом издании «Землеведение» Географического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. VI. Кн. I–II. М. 1889. Перевод Ф. Е. Гинкулова.

Впрочем, эти места, более скромные, чем та страна, к которой направлены стремления вашего клуба, имеют свою прелесть, благодаря отчасти своей изолированности, которая для страстного путешественника является весьма сильным магнитом. Наконец, единственная в своем роде природа Западного Закавказья, так мало похожая на природу Швейцарии, и в особенности условия путешествия, совершенно отличающиеся от существующих в Альпах, быть может, представляют для вас некоторый интерес.

В течение лета 1894 г. я побывал почти во всех уголках Западного Закавказья. Я посетил земли черкесов, Абхазию, Мингрелию. Я заканчивал тогда исследования этих мест в ботаническом отношении, производившие мною на протяжении семи лет. Из всех этих своих экскурсий, представляющих интерес главным образом для ботаника, я буду говорить только о тех, которые я предпринимал в Черноморском округе. Быть может, на всем Кавказе не найдется уголка менее известного и менее исследованного, чем южная часть этого округа. Обширная территория, некогда заселенная воинственным народом — черкесами, всего только 30 лет как перешла после ожесточенной борьбы под власть России. Победенным было предложено одно из двух: или подчиниться и сделаться русскими подданными, или уходить на все четыре стороны. Гордый народ, высоко ценивший свою свободу, предпочел последнее, и в целом составе, до последнего человека, эмигрировал в Турцию. Местность вследствие этого ухода сделалась пустынной. Вскоре, правда, явились новые поселенцы, выходцы из всех стран Света: армяне, греки, финны, русские, немцы и т. д. Из этих элементов русское правительство думает создать новое население в округе. Но эти колонисты, привыкшие к другому образу жизни, чем черкесы, поселились только в некоторых пунктах, весьма удаленных от берега моря; а вся остальная часть округа — высокие долины рек, некогда кипевшие народом, остались не занятыми и остаются таковыми до сих пор. Кроме того, путешественник, который пожелал бы проникнуть вглубь страны, очутился бы в очень затруднительном положении вследствие недостатка в проводниках, знакомых с горными тропинками. Тропинки же эти за 30 лет, протекших со времени завоевания, успели обвалиться или совершенно зарости непроходимым лесом. Путешествовать

одному нет никакой возможности. Карты Главного штаба приносят небольшую пользу, так как они относятся ко времени завоевания края. Что касается новых карт, основанных на позднейших съемках, то они стали издаваться только в самые последние годы.

Все это объясняет, почему исследователи, исходившие в последнее время Кавказ во всех направлениях, оставляли в стороне Черноморский округ. Некоторые из них, впрочем, посетили северную часть этой местности, где население гуще и горы не так высоки, но южная часть, почти необитаемая, со своими грандиозными горами, остается до сих пор совершенно неисследованною. А между тем ее высокие горные цепи, из которых некоторые не уступают по высоте Главному Кавказскому хребту, наверное представляют глубокий интерес. Меня в особенности сильно занимала одна горная цепь в южной части округа, не высокая, но замечательная во многих отношениях и вся состоящая из известняковых пород.

Но здесь я должен сделать маленькое отступление, чтобы вкратце познакомить вас с топографией этой местности.

Южная часть Черноморского округа орошается двумя реками или, лучше сказать, двумя главными горными потоками, которые берут свое начало на Главном Кавказском хребте или на его контрфорсах и через узкие ущелья яростно несутся к морю. Эти реки называются Мзымта и Псоу. Первая из них берет свое начало в одной из вершин Главного хребта; вторая — в боковой цепи, соседствующей с первой рекой. В верховьях эти реки следуют по продольным долинам, параллельно Главному хребту. Эти долины отделены одна от другой высокою горною цепью, превосходящею по высоте даже Главный хребет и в северной части носящей название Аюмха, а в южной — Ацытаку. Кроме того, между верхнею долиною Псоу и Черным морем тянется длинный известняковый кряж по имени Ахахьча — Кыцырхра, непосредственно переходящий в горы Абхазии. На этот последний я особенно желал бы обратить ваше внимание.

Он представляет совершенное подобие Юры, по крайней мере в той ее части, которая видна со стороны Женевы, и имеет почти ту же высоту. Высокая долина Псоу, лежащая между ним и Аюмха — Ацытаку, известна под именем Аибги. Тут некогда жил разбойничий народец

абхазского племени, нашедший ныне себе убежище в Турции. В настоящее время эта местность совершенно пустынна.

Проникнуть в горы со стороны соседней долины Аибги было постоянной моей мечтой, и я несколько раз пробовал пройти к ним со стороны Абхазии. Но все мои попытки были безуспешны из-за отсутствия хороших проводников. Наконец, в этом году я решился возобновить свое предприятие без проводника, рассчитывая только на собственные силы.

Задумано — сделано. Первой остановкой на моем пути должен был служить вышеупомянутый известняковый кряж Ахахьча, который находится от берега Черного моря в каких-нибудь 15–20 километрах.

В армянской деревушке, расположенной у подошвы этой горы, я подрядил для пути трех человек и нанял вьючную лошадь. Снарядив таким образом экспедицию, я двинулся в путь. Вы скажете: разве трудно взобраться на гору, которая поднимается прямо над равниной, да кроме того, относительно и невысока (в своей наивысшей точке едва достигает 2 700 метров)?

То, что я вам сейчас расскажу, убедит вас, что это вовсе не так-то легко. Дело в том, что вся эта гора до самой вершины совершенно покрыта самым густым девственным лесом, через который так же трудно пролагать себе путь, как в каком-нибудь тропическом лесу.

Представьте себе непроходимую чащу всякого рода густолиственных деревьев — дуба, граба, бука, каштана, смоковницы, хурмы и т. д., перемешанных между собой, тесно прижатых друг к другу, отвоевывающих взаимно каждую пядь земли. Они перевиты сверху донизу разными лианами и ползучими растениями: *Sasaparilla*, *Dioscorea* и т. д. Длинные и гибкие как веревки, эти растения перекидываются с дерева на дерево, опутывают их как нитями, затем падают на землю колючими лентами и при малейшем вашем движении цепляются за платье. Эти паразиты иногда так густо окутывают деревья, что из-за них невозможно различить породу дерева: получается лишь бесформенная масса зелени. За лесом тянется точно такая же густая заросль колючих кустарников: *Ruscus*. *Cotoneaster* и т. д., опутанная ползучею ежевикой с твердыми иглами.

Можно себе представить, до какой степени затрудняет путь такая чаща. Мои люди, не переставая, работали топором, кинжалом, рубя на-

право и налево лианы, и все-таки мы подвигались вперед с трудом. Как велико было наше удовольствие, когда на высоте около 1000 метров кончилась, наконец, эта дьявольская чаща и лес стал реже и светлее. Но тут нас ожидали новые трудности: внезапно подъем сделался крайне крутым, а поэтому и очень трудным для нашей лошади. К тому же почва была каменистой. Затем потянулись бесконечные заросли лавровишни и понтийского рододендрона: они подобно стене преграждали нам дорогу. Мы принуждены были вновь прибегнуть к топору и возобновить ожесточенную борьбу с лесом. Но наконец пройдена высшая граница деревьев и достигнута альпийская зона: всем нашим злоключениям, казалось, наступил конец. Увы!

Едва только мы ступили ногой на альпийские пастбища, как встретились с еще большими трудностями. Дело в том, что Ахахьча, уже 30 лет не посещаемая никем, покрылась самими тучными пастбищами, какие только можно себе представить. Трава достигает метра и даже более высоты. Местами луг покрыт исключительно новым видом *Geum* с оранжевыми цветами (*Geum speciosum*). Нет никакой возможности отыскать дорогу в этом настоящем травяном лесу. Идти наудачу, ощупью, весьма неприятно и даже опасно: каждую секунду рискуешь вывихнуть себе ногу, так как гребень хребта состоит из бесчисленных обломков известняковых глыб, полых трещин и глубоких впадин. И все это скрыто под густой травой. Притом ни одной капли воды на всем протяжении хребта. Не предвидя этого последнего обстоятельства, мы не запаслись водой и были жестоко наказаны за свою непредусмотрительность. Встреча после нескольких шагов по лугу с большим стадом серн убедила нас в полном отсутствии человека в этих местах. Эти животные нисколько не думали спасаться бегством и с любопытством смотрели на нас, как бы спрашивая: кто это осмелился проникнуть в их владения, в которых они всю жизнь видели только подобных себе? Нам не стоило никакого труда с первого же выстрела убить одну серну. К сожалению, мы не могли ею воспользоваться, так как у нас не было дров, чтобы изжарить ее мясо.

Мы принуждены были остановиться на ночлег там, где застала нас ночь, среди открытого луга, без всякой защиты на случай ненастной погоды. Как нарочно, ночью пошел проливной дождь и промочил нас до

костей; к счастью, он пощадил мои коллекции, завернутые в клеенку (не имея палатки, я всегда беру с собою два или три куса клеенки, которая служит мне для защиты моих вещей). Однако дождю этому суждено было избавить нас от мучительной жажды: и действительно, на другой день мы отыскивали в расщелинах скал дождевую воду, которой и должны были довольствоваться за неимением лучшей.

Но вот погода прояснилась, и мы направились далее вдоль хребта; вскоре мы нашли тропинку, которая нас привела, наконец, к ключу, источнику реки Лаша (приток Псоу). Отсюда мы шли по довольно заметной тропинке. Таким образом нам удалось пройти Ахахъчу — Кыцырхру по всему ее протяжению. Дойдя до конца, мы очутились в виду горы Ахаг, значительного горного узла, связанного контрфорсами с одной стороны с горами Абхазии, а с другой — с Ацытаку и истоками Мзымты. Мы попытались было взобраться на эту красивую гору, но без успеха, так как склоны ее очень круты, а местами почти вертикальны. Я хотел идти дальше до горы Ацытаку, но мои армяне энергично воспротивились этому, один оправдываясь болезнью, другие усталостью.

Пришлось отказаться от своего проекта и вернуться по тому же пути, оставив до другого раза исследование этих гор, несмотря на их близость. Так окончилась моя первая экскурсия в Черноморском округе. Она подтвердила мои предположения о совершенном неведении, в котором мы находимся насчет флоры этого края, так как я в эту экскурсию собрал целую коллекцию новых или очень редких видов.

Убедившись, что без хороших проводников я не могу достигнуть успехов в своих исследованиях, и потеряв всякую надежду найти их в Черноморском округе, я решил предпринять новую экспедицию со стороны Абхазии, с проводниками из абхазцев — самыми лучшими, по-моему, во всем Западном Закавказье.

Страстный любитель бивуачной жизни, охоты и горных приключений, почти всякий абхазец проводит несколько лет своей жизни в горах в качестве пастуха или охотника. Я часто встречал в обществе пастухов далеко в горах совершенно маленьких ребят, едва шести-семи лет от роду. Привыкши с детства к горной жизни, абхазец умеет, как бы по инстинкту, всюду находить дорогу в горах. Он является вместе с тем незамени-

мым товарищем: он услужлив, ловок, всегда умеет найти удобное место для ночлега, развести большой костер даже под дождем, отыскать воду и т. д. Нет ничего легче, как найти спутников в абхазской деревне: почти все готовы сопровождать вас, особенно, если вы хорошо платите. Но в то же время очень трудно найти настоящих проводников. Большинство добродушных жителей, которые выдают себя за таковых, на самом деле только хвастуны, хотя в общем, и хорошие малые. Под влиянием перспективы прогуляться в горы и в то же время заработать несколько копеек, они прибегают к этой невинной лжи, рассчитывая всегда дойти до цели с помощью расспросов у пастухов или охотников, а то и просто полагаясь на собственный инстинкт. Но если им не встретился никто, кто мог бы дать указания, или если собственное чутье их обманет, то тем хуже; они способны тогда заявить вам среди дороги, что не желают идти дальше, и преспокойно возвращаются домой. Подобный случай был со мною два раза. И это не результат злой их воли, а просто следствие их примитивного взгляда на вещи, эти люди — истинные дети своей дикой страны, действительно не понимают, что такое обязательство. Необходимо поэтому быть крайне осторожным в выборе проводников. Прежде чем нанять кого-нибудь из них, следует тщательно выведать все, что он знает, и навести справки насчет его достоинств. Самое лучшее, это — познакомиться в той местности с кем-нибудь, к кому вы можете питать полное доверие и кто мог бы найти вам нужных для экскурсии людей.

Таким полезным другом был для меня некий Туга Мукба, земледелец из самой дальней в данной местности деревни. Он сопровождал меня в течение двух лет в моих путешествиях по Абхазии, и я не могу достаточно нахвалиться его достоинствами как проводника и его хорошим характером. Уже пожилой, по-богатырски сложенный, еще бодрый и деятельный, с доброю улыбкой ребенка, он был очень приятным компаньоном, с которым легко было коротать трудные часы путешествия. Оставившись у него проездом, я всегда находил в его доме сердечный прием и самое широкое гостеприимство. Туга был отцом нескольких дочерей, восхитительных девушек, настоящих черкесских красавиц с большими черными миндалевидными глазами и длинными шелковыми ресницами. Вся эта молодежь радостно бросалась мне навстречу, зная хорошо, что я привез конфет и для каждой маленький подарок.

Какой восхитительный уголок у этого Туги! Чистенький домик из досок с террасой во двор, в котором теснится несколько гигантских ореховых деревьев; пред домом садик, где яблони и груши растут без всякого ухода вперемешку с лесными породами — смоковницей, хурмой; их обвивает виноград, черные кисти которого свешиваются с ветвей наподобие драгоценных серег. Справа и слева тянутся плантации кукурузы — целый лес высокой широколиственной зелени; гранаты протягивают вдоль изгороди свои огненно-красные плоды. Далее виднеются хижины соседей, сплетенные из ветвей рододендрона и покрытые камышом или папоротником и окруженные большими традиционными орехами. Во дворе, близ дома Туги, также виднеется несколько подобных хижин (вы сказали бы плетенки), из которых одна служит кухней, другая — амбаром, третья — хлевом. За домом начинается лес, дремучий девственный лес, который тянется до самой горы, покрывая весь ее склон.

Поздоровавшись, я затем объясняю цель своего прихода Туте, который охотно соглашается меня сопровождать несмотря на ожидающую его дома работу. По правде сказать, он не знает гор Черноморского округа, но берется найти более сведущих людей, и действительно, на другой день я вижу, как в его дом приходят туземцы в сопровождении толпы зевак, привлеченных любопытством. Тотчас же начинаются переговоры.

Нет ничего труднее, как договорить людей или нанять лошадей в Абхазии: отчаянные болтуны, беспечные, не знающие цены времени, нерешительные, добрые абхазцы сильно испытывают ваше терпение. Переговоры могут длиться по несколько часов без всякого результата. Иногда дело кажется уж слаженным, как вдруг из-за какого-нибудь самого ничтожного повода они берут свое слово назад. Важные советники, которые присутствуют при этих переговорах, часто являются виновниками этих недоразумений. Точно так было и на этот раз. Я считал уже переговоры оконченными — мои абхазцы были готовы меня сопровождать, как вдруг, посоветовавшись с окружающими, они заломили с меня такую цену, такую неслыханную в этих краях цену, что я был вынужден прекратить с ними всякие разговоры. Взбешенный своею неудачей, браня своего хозяина за подобную рекомендацию, я тотчас же его покинул и отправился в другую деревню, надеясь быть там счастливее. В деревне

Калдахуара, расположенной на левом берегу реки Бзыби (одна из главных рек Абхазии), близ границы с Черноморским округом, я сразу нашел тех, кто был нужен мне. Это были Дамей Барцыц и Урус Чагуаа, настоящие горные волки, прошедшие в горах почти половину своей жизни. На вид немного дикие в своих лохмотьях, с длинными всклокоченными бородами, с большими наивными глазами, но веселые, довольно любезные и очень подвижные. Они мне сразу понравились. Их условия были очень скромны, и мы договорились в две минуты. Они помогли мне найти поблизости осленка для перевозки багажа.

На закате солнца пришел из своей деревни и Туга Мукба, тоже желая мне сопутствовать. Затем на другой день очень рано все сошлись в одном месте, и мы могли двинуться в путь. Вот каков был план нашей экскурсии: перейти горы, которые возвышаются по ту сторону реки Бзыбь, дойти до границы бывших черкесских поселений, следовать пограничными цепями и добраться до горы Ацытаку, внушительного массива высотой в 3 500 метров, служащего водоразделом между истоками Псоу и Мзымты; затем по истокам Мзымты и абхазским горам спуститься к Сухуму. Все это расстояние — около 200 километров — мы думали пройти в 15–16 дней. Это не очень много, но если принять во внимание, что мы должны были проходить по заброшенным местам и рисковали не встретить ни одной живой души, то наше предприятие обещало быть не из легких.

Было великолепное солнечное, ярко сияющее утро, когда мы покинули Калдахуару. Чуден был вид деревни, если так можно назвать отдельные усадьбы, разбросанные в беспорядке вдоль холмов на пространстве около 25 квадратных километров, окруженном плантациями кукурузы и садами вперемешку с настоящими лесами. В деревне все уже давно проснулось. С плантации доносился шум тохи (железное орудие вроде лопаты для уничтожения сорной травы и в то же время для рыхления земли). Сквозь полупросвечивающие стены хижин-плетенок проходил голубоватый дым от очагов, на которых готовился завтрак. Я весело воспринимал все деревенские звуки: вызывающее пение петуха, ленивый лай собак, голоса людей, перекликающихся вдали, блеяние коз, маленькое стадо которых гнал нам навстречу полунагой мальчишка, гордый в своих лохмотьях, с большими черными, глубокими глазами. На дороге, близ источника,

мы встретили неподвижную, как статуя, молодую абхазку с кувшином на голове. Легкая и стройная, с черными как смола волосами, повязанными небольшим платком, с роскошными бровями, удивительными глазами, гордо подбоченившись свободною рукой, она, казалось, застыла в классической позе. Когда мы, приблизившись к ней, произнесли утреннее приветствие «щыжи бзиа» (доброе утро), она, не поднимая своих длинных шелковых ресниц, отвечала нам: «бзела убааит» (здравствуйте), и мы продолжали свой путь. Внизу, у подошвы зеленых холмов, стремительно катил свои пенистые волны большой горный поток — Бзыбь, торопливо направляясь к морю. Мы переправились с помощью парома и затем стали забираться на высоты, поднимающиеся по другую сторону речки. Эти высоты, господствуя над Бзыбью, образуют громадный известняковый массив на пространстве около 25 километров. На нем, как на гигантском пьедестале, возвышается целый лабиринт скалистых вершин под 3 000 метров вышиной, изборожденных дикими ущельями. В них скопившийся за зиму снег сохраняется все лето. Две дороги идут через этот массив: одна, достигнув высоты почти 2 600 метров, проходит вдоль всего северо-западного его склона до самого контрфорса, который связывает массив с горами земли черкесов. Другая дорога следует по массиву во всю его длину, проходя по самому гребню. Первая называется у абхазцев «ачадамюа», т. е. ослиною дорогой, так как она доступна для этих животных: вторая — «ашапымюа», что значит дорога пешеходов. Имея с собою вьючное животное, мы выбрали, конечно, первую. Медленно карабкались мы со своим осленком по совершенно обнаженному известняковому скату, который солнце начинало жечь всею силой своих лучей. Какою великою радостью было для нас, утомленных сильно жарой, встретить рощицу тенистых каштанов, которые наподобие оазиса поднимались среди печального и пустынного склона. Под ними мы сделали привал.

Совсем близко около нас вырывался из скалы великолепный ключ ледяной воды. Это была последняя вода на нашем пути: в продолжение следующих трех дней мы ее больше не видали.

Ночь нас застала в древнем лесу из гигантских пихт (роскошная *Abies nordmanniana* ваших парков и садов). Выбрав из этих деревьев самое

удобное для защиты на случай ненастной погоды, мы расположились под этим природным шатром. Мои проводники тотчас же создают великолепный костер, который они поддерживают смолистыми ветвями пихты. Толкнув ногой осленка, мы предоставляем ему пастись там, где ему кажется лучше, а сами приступаем к приготовлению обеда. Чайник — верный и незаменимый товарищ моих путешествий — уже весело кипит на ярком огне; в другой посуде варится нечто вроде каши или, лучше сказать, похлебка из воды и кукурузной муки. В продолжение двух недель эти два блюда: чай с черствым хлебом да абыста (абхазское название кукурузной каши), с прибавкой куска соленого туземного сыра и нескольких сырых луковиц, будут неизменно составлять нашу утреннюю и вечернюю еду. В исключительных случаях, после особенно трудно проведенного дня, всем будет раздаваться по небольшому количеству водки. И каким питательным кажется нам этот скудный обед, так как усталость и голод заставляют нас не быть требовательными! Под гостеприимным покровом исполинской пихты, близ разгоревшегося огня, который весело пылает и трещит, мы чувствуем себя как дома. В то время как весь лес кругом погружился в глубокий мрак и кажется зловещим и полным таинственности, в нашем уголке светло и тепло. Пламя костра, меняясь и колеблясь, резко освещает деревья, придавая им фантастические очертания. С ветвей склоняющихся над нами пихт длинными серыми лентами падает бородачатый лишайник (*Usula barbata*). И эти ветви кажутся нам мохнатыми лапами какого-то необыкновенного чудовища. С наступлением ночи лес наполняется таинственными звуками.

Чу! Как раз над нами раздается пронзительный крик филина. «У-гу!» — отвечает ему из недр леса зловещий и мрачный, как из могилы, голос совы. «У-гу!» — отвечаю я, подражая ей. В течение моей шестилетней бивуачной жизни я привык к этим унылым ночным звукам, которые являются настоящим пугалом для новичков. Расположившись поудобнее вокруг огня, мы с наслаждением упиваемся чаем и покуриваем трубки. Мои болтливые абхазцы, не умеющие молчать ни одной минуты, рассказывают как быль разные фантастические истории, приключения в горах, на охоте и т. п. или распевают вполголоса дикие и наивные мелодии своей родины. Затем веки наши тяжелеют и напоминают нам об

укрепляющем сне. Мои проводники устраивают мне роскошное ложе из ветвей папоротника. Завернувшись в свою просторную бурку, я бросаюсь на эту импровизированную постель и моментально засыпаю.

На рассвете нас будит резкий холод, и с наступлением дня мы трогаемся. В полдень небольшая остановка на один или два часа и скудный завтрак из черствого хлеба, размоченного в воде. Уже поздний вечер, а мы все идем, чтобы остановиться в месте, заранее намеченном проводниками. Так проходит у нас всякий день.

Наконец, достигнув горных пастбищ, мы начали взбираться на известняковый массив, поднимавший перед нами свои белые скалистые вершины. Путь наш проходил по унылым лугам, выщипанным стадами и сожженным солнцем (это был конец августа, осень в горах). Вследствие недостатка воды мы были принуждены заменять ее снегом, который мои отважные абхазцы умудрялись доставать со дна очень глубокой пропасти, истинного ада, доступного лишь дьяволу или абхазцу. Тропинка была, впрочем, довольно удобная, и мы к следующему дню могли без особого труда подняться на высоту 600 метров и начать свой спуск по северо-западному склону. С наступлением ночи мы отыскивали воду, и с тех пор не имели в ней недостатка.

Теперь нам предстояло идти вдоль северо-западного склона в продолжение нескольких дней, держась постоянно направления к северу. Что вам сказать об этой части нашего пути? В течение шести лет моих кавказских экскурсий я редко видал более дикие и грандиозные места, более головокружительные дороги. Наша тропинка то поднималась на почти отвесные известняковые утесы, то быстро сбегала по склону, покрытому обломками скал, которые, ускользая из-под ног, угрожали нам серьезной опасностью. Наш осленок — нужно отдать ему справедливость — героически совершал эти восхождения и спуски. Мы принуждены были только один раз облегчить его ношу. В некоторых местах едва приметная тропинка висела над зияющей бездной, между тем как с другой стороны над нашими головами воздвигалась стена отвесных скал в 300 метров вышины и больше. Зато какая богатая и разнообразная флора покрывала эти дикие и мрачные места, способные служить прекрасною иллюстрацией для Дантова «Ада»! Все, что есть особенного, редкого, нового во

флоре известняков Западного Закавказья, было сконцентрировано здесь как бы для того, чтобы богатейшею ботанической добычей вознаградить меня за все усилия и утомления в этом пути! Роскошная *Betonica nivea* с длинными и очень узкими листьями, снежно-белыми снизу, и с большими желтыми цветами; *Amphoricarpus elegans* — красивая композиция серебристо-белых листьев; грациозная *Scutellaria pontica* с прекрасными розовыми цветами; новые виды *Chaerophyllum*, *Vuplerum*, *Pyrethrum* и т. д. украшали на каждом шагу известняковые скалы, превращая их в настоящий цветущий сад. В одном месте, на отвесной известняковой стене, в нескольких метрах над дорогой, я вдруг заметил большое лиловое пятно — какое-то растение в полном цвету. Хотя я не мог рассмотреть его издали, тем не менее я тотчас же решил, что это какой-нибудь новый вид, до такой степени по внешности оно отличалось от всей знакомой мне флоры края. Не будучи в состоянии достать его сам вследствие большой высоты скалы, я послал туда одного из моих проводников, который босиком с ловкостью кошки вскарабкался на стену и успел с помощью своей палки сорвать желаемое растение. Спустя минуту я держал в руках великолепную кампанулу (*Campanula mirabilis* Alb.), подобной которой я еще не встречал; крепкий стебель умеренной толщины, разветвляющийся от основания, несущий на концах своих ветвей более сотни больших цветов красивого бледно-лилового цвета с пурпуровым оттенком. Настоящая пирамида из цветов, начинающихся прямо от грунта. Листья этого растения самые необыкновенные — очень твердые, почти пергаментной консистенции, и снабжены по краям прозрачными маленькими иглами. Как необычный вид это растение занимает совершенно особенное место в семействе колокольчиковых. Оно не напоминает ни один из существующих видов, и это заставляет меня думать, что оно — остаток флоры предшествующей геологической эпохи. Оно было для меня самой ценною наградой за все то трудное путешествие, не говоря уже о весьма законном чувстве удовлетворения от сознания, что я посетил места, в которых ни разу не ступала нога европейца.

Вечером, на пятый день нашего пути, мы, наконец, достигли первых отрогов черкесских гор. Чем дальше мы подвигались, тем более местность делалась дикою и необитаемою. Наша тропинка то шла через девственные

леса, в которых царили полумрак и торжественная тишина обширного храма, то следовала по роскошным лугам, покрытым колоссальными зонтичными, три метра высотой, и стеблем в пять сантиметров толщиной. Мои абхазцы, из которых некоторые, как например Туга, были уже с проседью, набрасывались как дети на эту траву, чтобы смастерить из нее себе свирели. Во время вечернего привала они занимались пробой этих импровизированных инструментов, и каждый друг перед другом старался извлечь лучший звук.

Ни единой живой души на всем пути!.. Правда, иногда ночью вдали мы замечали огни пастухов, но это было очень далеко, быть может, в одном или двух днях пути!

В один прекрасный день проводники мне объявляют со смущенным видом, что провиант наш на исходе и что у них остается только несколько горстей кукурузной муки. Взбешенный, я спрашиваю, почему они не запаслись провизией, по крайней мере, на две недели?

Они, видите ли, надеялись встретить пастухов! Это было, на мой взгляд, очень плохим оправданием, так как опыт моих путешествий научил меня справедливости следующей поговорки: «Нужно быть сумасшедшим, чтобы рассчитывать на свет луны или на пастухов». Как луна может скрыться за облаками и светлая ночь смениться густым мраком, точно так же и абхазские пастухи, этот бродячий народ, располагаются сегодня здесь, а завтра там, и которых не всегда и отыщешь, могут очень легко не оказать никакой помощи. Всякий путешествующий в этих краях всегда должен рассчитывать на самого себя. Теперь я испытывал это на себе. Что делать? Необходимо было подчиниться печальной действительности. Я делю собственный провиант со своими проводниками, и мы продолжаем путь, надеясь на счастливую встречу с пастухами.

Судьба нам благоприятствует. Вскоре мы замечаем совсем близко голубоватый дым, поднимающийся из соседнего леса, и слышим лай собаки: два верных признака присутствия человека. Мы направляемся туда и через несколько минут оказываемся в веселом и шумном обществе пастухов. Последние встречают нас тем более сердечно, что в проводниках они узнают своих земляков. Наш осленок также находит здесь несколько знакомых товарищей из той же деревни и приветствует их восторженны-

ми звуками. Таким образом, все довольны. Осленка выгоняют пастись в компании его друзей.

Что касается нас, то мы располагаемся у огня, у которого нам приготовлено почетное место. Абхазские пастухи не строят себе шалашей, у них нет даже простых палаток, и ночи они проводят под открытым небом, завернувшись в бурки. Наше прибытие обрадовало их тем более, что они уже два месяца никого не видали. Как только мы уселись вокруг огня, начался взаимный обмен новостями с жестами, восклицаниями, взрывами смеха. Тут были люди всех возрастов, начиная с согбенных летами старцев до мальчиков 7–8 лет. Все они дышали здоровьем, тела загорели на солнце, у всех были живые веселые глаза. Одеты они были в неопишуемые лохмотья и маленькие войлочные шляпы конической формы. У каждого было по длинной палке из твердого дерева кизила (*Cornus mascula*) с железным наконечником и крючком наверху. На этот крючок, когда палка воткнута в землю, навешивается ружье. Хозяйство у этих пастухов очень несложное: четыре кола поддерживают небольшой навес из ветвей и папоротника, а под ним какая-нибудь провизия и посуда. Близ огня бродили собаки, очень злые, похожие на волков и бросавшиеся на нас при каждой нашей попытке отойти от стоянки. Стадо коз, приведенное только что с пастбищ, окружало нас со всех сторон. Эти животные дерзко, без всякой церемонии, приближались к нам, карабкались на наши вещи, грызли их, причиняя нам всякие неприятности даже ночью. Между тем как в большом чугуне варится мясо для ужина, пастухи предлагают нам только что сдоенного молока. Мясо готово, и нам дают его таким как есть, с прибавкой кислого молока и сыру. Абхазские пастухи не знают хлеба, и кукурузная каша является для них роскошным блюдом. Их ежедневная пища состоит из кислого молока и свежего сыру; к этому иногда прибавляют мяса серны или козленка. После плотного ужина каждый закуривает свою трубку. Затем заводится один из тех шуточных и бесконечных разговоров, на которые так падки абхазцы. В промежутках они поют или пробуют недавно сделанные свирели. Далеко за полночь, уже засыпая, я еще слышу взрывы смеха и дикие звуки хора...

На другой день утром мы прощаемся с пастухами, которые отказываются от всякой платы, и снова трогаемся в путь.

Теперь мы идем вдоль пограничной линии, отделяющей Черноморский округ от Абхазии, и с высоты кряжа, по которому следуем, наслаждаемся великолепным видом на горы этих двух областей. Гора Ацытаку — главная цель нашего путешествия, недалеко от нас. Ее грациозная вершина, вся из скал, ее сияющий на солнце ледник, — вот они, прямо перед нами. Еще два дня пути, и мы будем у ее подошвы. Мы ночуем в ущелье, по которому бежит шумный поток, текущий из ледника Ацытаку. Мы предполагаем, что отсюда возможно взобраться на вершину и исследовать этот ледник, не обозначенный на карте Главного штаба. На другой день прекрасная погода, и ничто не мешает нашему подъему. Оставив свой багаж внизу, в долине, мы начинаем восхождение, без труда достигаем ледника и, пройдя его с одного конца до другого, приходим к перевалу, откуда видим, как развертываются перед нами горы Абхазии. На скалах, господствующих под этим перевалом, мы замечаем дикую козу; она спокойно смотрит на нас, считая себя в полной безопасности: ведь невозможно, в самом деле, думать об охоте на этих недоступных утесах. Мы все-таки пытаемся взобраться на них, но напрасно. И едва только мы достигли высоты 3 300 метров, как были застигнуты грозой, одною из тех гроз в горах, которые так же быстро кончаются, как и возникают. Мы находим убежище под наклонною скалой, и в то время как дождь, смешанный с градом, льет ливнем, а гром оглушает нас своими ударами, мы преспокойно покуриваем трубки. Гроза прошла, мы продолжаем спуск к маленькой стоянке, в долину. В это восхождение я обогатился новым видом *Anthemis*, собранным на берегу ледника.

Мы держим совет, чтобы решить, куда продолжать путь, ибо сведения моих проводников кончаются горой Ацытаку (о чем, впрочем, они предупредили меня), а я сам знаю только дорогу к истокам Мзымты, куда я ходил четыре года назад. Но вот в чем затруднение. Чтобы достигнуть этих истоков, нужно перевалить через хребет Ацытаку, а не так-то легко переправиться через эту стену с вьючным животным. Но хочешь-не хочешь, а нужно идти вперед наудачу.

Теперь нет возможности рассчитать наши ночевки вперед, и мы принуждены расположиться на ночлег там, где нас застает ночь. Это уже девятая в нашем путешествии; мы ее проводим на обширном альпийском

лугу, в долине между двумя высокими вершинами Ацытаку. С ледников, нависших под нею, сбегают два шумных потока, которые омыают луг с двух сторон и затем как бешеные бросаются в глубокое ущелье. Середина луга покрыта постройками мифических ацанов, доисторическими развалинами, имеющими вид ограды из камней в метр вышиной, и происхождение которых абхазская легенда приписывает мифическому народу карликов (ацанов или цаниев). Ацаны были пастушеским народом и круглый год пребывали в горах. Эти карлики жили в то счастливое время, когда на земле не было ни дождя, ни ветра, ни снега, ни холода, ни разницы между днем и ночью, когда солнце вечно сияло на безоблачном небе. Ацаны питались молоком и мясом своих коз, которое они ели сырым, так как не знали употребления огня. Но это был народ нечестивый, не веривший даже в существование Бога. Однажды Бог, разгневанный их неверием, решил их наказать. Он сперва наслал на землю ветер, тот нагнал огромные черные тучи, и из этих туч тотчас же начали падать хлопья ваты, быстро покрывшие густым слоем горы, населенные ацанами. Затем Бог изринул на землю огонь, который воспламенил эту вату и сжег ацанов. Таков был печальный конец этого таинственного народа, развалины построек которого то в виде кругов, то в виде четырехугольников встречаются почти всюду на высоких горах Абхазии.

Ничего нет мрачнее этих ночевок на обширных уединенных лугах... Чувствуешь себя всеми покинутым, совершенно заброшенным... Это чувство особенно овладевает при пробуждении, когда, еще не отрешившись окончательно от сновидений, вы созерцаете окружающий вас печальный и дикий пейзаж, залитый белым светом луны.

Мертвящий холод, холод могилы, исходит от этих серых скал, нагроможденных над нами, скал со своими голубоватыми ледниками, которые сияют среди этого полумрака. Ни единого звука кругом. Один только шумный поток ревет на дне ущелья, убегая к темному лесу. Мои проводники спят глубоким сном, завернувшись в свои бурки, у огня, который вот-вот потухнет. Наш бедный осел тоже спит, уставший после трудного дня. Вся наша маленькая группа кажется брошенной на этом необъятном лугу у подножья исполинских вершин. Это — царство неорганической природы, и в этих молчаливых пустынях присутствие

живого существа кажется чем-то ненормальным и странным... Таинственные постройки ацанов — остатки доисторического прошлого — усиливают впечатление. Чувствуешь себя на громадном кладбище, на грани, которая отделяет настоящее от прошедшего.

День, последовавший за этой ночью, был самым критическим и трудным в нашем путешествии. Нам предстояло перевалить через хребет Ацытаку, чтобы спуститься в долину Мзымты, и при том без всяких указаний идти наудачу по направлению к гребню по крутому сланцевому склону. В некоторых местах мы должны были облегчать от тяжести нашего осла и вести его с тысячею предосторожностей по скользким плитам. После многих усилий мы достигаем, наконец, гребня, где на высоте около 3 000 метров наслаждаемся великолепным видом на горы Абхазии, на далекое море, на чудную долину Мзымты — совершенно прямую, глубокую и покрытую красивыми лесами вперемешку с богатыми пастбищами. Хотя эта долина и обладает всем, что может сделать человека счастливым; водой, прекрасным строевым лесом, бесподобными пастбищами, плодородною почвой, минеральными источниками и даже рудами — свинцовой, цинковой, сурьмяною (открытою мною 4 года назад), тем не менее, в ней живут только две-три кучки бродячих пастухов.

А 30 лет назад она кишела людьми. Тут находился целый ряд селений, принадлежавших абхазскому народу, очень воинственному, очень хищному, славившемуся особенно своими женщинами, которые считались первыми красавицами на всем Кавказе. После завоевания все население этих мест эмигрировало в Турцию.

Мы делаем полуденную остановку тотчас около гребня, по ту сторону хребта, на зеленой лужайке, усеянной красивым крокусом золотисто-желтого цвета (*Crocus sharojani*), и начинаем спускаться.

О, этот спуск по лестнице из каменных глыб на окраине морены древнего ледника, через груды вечного снега, вдоль бешеного потока, который грозил увлечь и наше животное, и нас самих! Невозможно его забыть! И только достигнув границы леса, мы облегченно вздыхаем, так как пройдена самая трудная часть пути. Истоки Мзымты уже недалеко. Однако мы еще не у цели наших трудов!!!

Высокий отрог горы Ацытаку возвышается пред нами, преграждая путь. Обогнуть его нет возможности. Нужно перейти во что бы то ни

стало. Выбрав самый доступный по виду пункт хребта, мы поднимаемся в этом направлении по очень крутому ущелью и после тысячи усилий достигаем перевала. Но вообразите себе наше отчаяние, когда мы убеждаемся, что с другой стороны гребень срезан почти отвесно. Что делать? Я считаю спуск невозможным, но мои проводники другого мнения и хотят попытаться. Попытаться? Но ведь это вопрос жизни и смерти для нашего бедного осла, который бросает на склон недоверчивый взгляд, двигает своими длинными ушами и ... делает решительный вольт-фас! Но мы не следуем его примеру, так как не видим никакого другого выхода из нашего положения.

Мы берем осленка за поводья, разгружаем его и несмотря на сопротивление соединенными силами толкаем его вперед. Бедный осленок! Когда его втащили на склон и он увидел, что всякое отступление для него окончательно отрезано, он решается идти; наклонившись к самой земле, пользуясь самыми незначительными выступами, чтобы упереться копытом, он сходит, или лучше сказать, сползает на животе и подвигается вперед медленно и осторожно. Затем, когда опасный переход пройден, мы видим, как он прыгает, весь дрожа от волнения, все мы облегченно вздыхаем и невольно аплодируем храброму животному.

Внизу, у подошвы хребта, смотрят с удивлением на этот фантастический спуск пастухи. Мы встречаемся. После обычного приветствия: «бзехёит» («да будет здорово твое животное»), на которое они отвечают словом «бзелаабыид» («здравствуйте»), мы становимся их гостями. Готовится блестящий пир, которым мы хотим отпраздновать конец нашего путешествия. Жарят и варят в изобилии мясо серны и дикой козы, вымоченное в свежем молоке. Взамен я предлагаю водки и табаку. Зброшенные в далекие горы, эти добрые люди чрезвычайно довольны нашим прибытием и настойчиво просят нас провести у них еще несколько дней... Мы отклоняем это приглашение, так как погода начинает портиться и запасы наши близки к концу. Нужно спешить вернуться в Сухум.

На другой день мы без труда проходим через перевал Ахыхудаара по истокам Мзымты в Абхазию и можем сделать ночной привал в этой области.

Но я не хочу злоупотреблять вашим вниманием и утомлять вас однообразием своего рассказа. Скажу только, что в проходе Ачавчара

(на высоте около 1500 м) мы были застигнуты дурною погодой и, промокнув весь день под проливным дождем, всю ночь дрожали под ужасными порывами ледяного ветра, напрасно стараясь согреться около гигантского костра.

На другой день утром погода прояснилась, позволив нам видеть все окрестные горы, покрытые только что выпавшим снегом, а было лишь 12 сентября.

Еще два дня пути и, наконец, мы добираемся до Сухума, красивого городка на берегу моря, с белыми, чистенькими домиками, разбросанными у подошвы зеленых волнистых холмов и утопающими в густой зелени аллей и садов, наполненных *Pawlownia*, *Mimosa*, *Gleditchia* или *Eucalyptus*'ами. С невыразимым удовольствием после шестнадцати тяжелых дней, проведенных в суровых горах, мы вдыхаем приятный и ароматический морской воздух. На море разыгрывается буря, тяжелые черные облака заволакивают небо. Но что мне до этого теперь, когда я в комнате комфортабельной гостиницы, в безопасности от непогоды, могу попивать чай и покуривать трубку.

— Любезный Дамей, — говорю я своему главному проводнику, — где мы проведем эту ночь, найдем ли мы подходящую пихту, корм для осла, воду для чая?

— Ничего этого не нужно, — отвечает он, улыбаясь, и в этой улыбке можно прочесть чувство удовлетворения человека, который приготовился насладиться вполне заслуженным отдыхом.

Перевел Ф. К. Гинкулов

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

*(составлен Н. М. Альбовым в качестве Приложения
к Материалам для флоры Колхиды)*

- A a t z y* (pagus), А а ц ы, селение в Северной Абхазии;
A b g a d z y (fous), А б г а д з ы, родник на Бзыбском хребте близ селения Отхара;
A b z h i s h k h a (locus), А б ж и ш х а, местность близ г. Чипшира;
A c z a w c z a r a (jugum), А ч а в ч а р а, перевал из долины р. Гумисты в долину р. Бзыби;
A c z i (pagus), А ч и, селение в Гурии;
A c z i r a s s e r a (jugum), А ч и р а с е р а, хребет на верховьях р. Гализги;
A d z a r i s - t z k a l i (flumen), А д ж а р и с - ц к а л и, приток р. Чороха;
A d z h a r o - I m e r e t i c u m (jugum), А д ж а р о - И м е р е т и н - с к и й (иначе Г у р и й с к и й) хребет, отделяющий Гурию от Армении;
A d z i t u k o (mons et jugum), А д з и т у к о, гора и хребет на границе Абхазии и Черкесии;
A g d g h e r (locus), А г д г е р, урочище недалеко от слияния рек Ахёй и Баул (Бяюй) в Сев. Абхазии;
A g u r a (flumen), А г у р а, иначе Баул, один из притоков р. Бзыби;
A k h a k h c z a (jugum), А х а х ч а (иначе Микелгуадз), хребет в Черкесии;

A k h i b o s h (mons), А х и б о х, гора, одна из вершин Бзыбского хребта;

A k h c z i p s o e (locus), А х ч и п с ё (иначе Красная Поляна), урочище на среднем течении Мзымты;

A k h y a w y a (mons), А х я в я, гора в С. Абхазии близ горы Чедым;

A k r i a (ragus), А к р и а, селение на верховьях Маджахлис-цкали;

A m d z h i a s h t a (locus), А м д ж и а ш т а, местность на верховьях Мзымты, неподалеку от пер. Хёхудара;

A m t k i a l – A c z a d a r a (flumen), А м т к я л – А ч а д а р а, один из притоков р. Кодора;

A n a p a (urbs), А н а п а, город в Сев. Черкесии;

A o s s a k w a s h e r a (jugum), А о с с а к в а ш е р а, перевал от г. Кутышь к верховьям Хошупсе;

A p s a d z y k h (sfcatio), А п с а д з ы х (иначе Царские Колодцы), пост в Самурзакани;

A p s h i r a (mons), А п ш и р а, гора в Самурзакани;

A p s h r a (mons), А п ш р а, гора в Сев. Абхазии (одна из вершин Бзыбского кряжа);

A p s t a (flumen), А п с т а, река в Сев. Абхазии;

A r a s h k h a (jugum), А р а ш х а, хребет на границе Абхазии и Черкесии;

A r b a i k a (mons), А р б а и к а, гора в Сев. Абхазии;

A r t w i n (orpidum), А р т в и н, городок на границе Турецкой Грузии и Армении;

A r y u m y e (jugum), А р ю м ь е (иначе Джодисвик), хребет на границе Абхазии и Сванетии;

A s h o e m p y d z h (locus), А ш ё м п ы д ж, местность неподалеку от горы Копэймье, в Сев. Абхазии;

A s h s h e (flumen), А ш ш е, река в Черкесии, недалеко от м. Туапсе;

A s k h i (jugum), А с х и, хребет в Мингрелии;

A s t y u s h (mons), А с т ю ш, гора по дороге от Сухума к г. Чедым;

A t o e z h e r t a (jugura), А т ё ж э р т а, хребет на границе Абхазии и Черкесии;

A t s h y a r a (locus), А т ш я р а, местность в горной Самурзакани;

A y u d z y g – k h y m a l u a (locus), А ю д з ы г – х ы м э л у а, урочище в Сев. Абхазии (иначе Д в у р е ч ь е);

A z h y u m y e (jugum), А ж ю м ь е, хребет, господствующий над Псырцхой;

B a k h m a r o (pascua), Б а х м а р о, пастбища на верховьях р. Бахвис–цкали в Гурии;

B a k u s h i n z h a r a (locus), Б а к у ш и н ж а р а, местность на верховьях р. Гализги в Южной Абхазии;

B e b e y – I s y r (lacus), Б е б е й – И с ы р, озеро в Самурзакани;

B e k i l – B g a l l a r a (jugum), Б э к и л – Б г а л л а р а, перевал из долины р. Апсты в долину р. Бзыби;

B o m b o g y (locus), Б о м б о р ы, местность на берегу моря неподалеку от Гудаут;

B o r c z k h o v e l B o r c z k h a (pagus), Б о р ч х о (Борчха), селение в долине р. Чороха, на границе Аджарии и Армении;

B z y b i c u m (jugum), Б з ы б с к и й хребет, горная цепь в С. Абхазии, тянущаяся параллельно долине р. Бзыби. Главнейшие вершины: Ахабох, Дзышра, Акугра, Чипшира и пр;

C z a k w i s – M t a (mons), Ч а к в и с – М т а, гора в Нижней Аджарии;

C z e d y m (mons), Ч е д ы м, гора в Сев. Абхазии;

C z i t a – G w a l a (mons), Ч и т а – Г в а л я (иначе Чишки-бол), гора в Мингрелии;

C z i t a – t z k a l i (flumen), Ч и т а – ц к а л и, речка, приток р. Хопицкали в горной Мингрелии;

C z k h a b a a s h t a (locus), Ч х а б а ш т а, местность близ г. Мамзышхи, в Сев. Абхазии;

C z k h a l t a (flumen et statio), Ч х а л т а, река, один из притоков Кодора; станция того же имени при впадении этой реки в Кодор;

C z k h o r o k h t z u v e l C z k h o r o t z k h u (pascua), Чхорохцу (Чхорохцу), пастбища в горной Мингрелии, неподалеку от г. Кернахони;

C z m a k o o i t – p e r k h a r t a a (pascua), Чмакоойтперхартаа, пастбища близ г. Ачха;

C z o r o k h (flumen), Ч о р о х, главная река Аджарии;

C z u g d z y g k h w (mons), Ч ю г д з ы р х в гора на границе Черкесии и Абхазии, близ г. Хаг;

D o u k h y a k y a (locus), Д о у х я к я, урочище по дороге от Сухума к Псахё;

D z h i k i r s h (jugum), Д ж и к и р ш, хребет в горной Мингрелии;

D z h w a r i (mons), Д ж в а р и (иначе Ч о к а ш и), гора в Мингрелии;

D z i n a (mons), Д з и н а, перевал через Бзыбский хребет;

D z y u k h w a (mons), Д з ю х в а, гора в Сев. Абхазии, неподалеку от Сухума;

E s h i r i p s h (locus), Э ш и р и п ш, урочище в долине р. Бзыби, близ Псахё;

F i s h t (mons), Ф и ш т, гора, одна из вершин Главного Кавказского хребта в Черкесии;

F o n t e s f l. M d z y m t a, истоки р. Мзымты (Главный Кавказский хребет с его вершинами: Лайуб, Бырдзаа, Аишха);

F o n t e s f l. S e k e n, истоки р. С е к е н а (гора Узункул, на границе Абхазии с Сванетией);

G a g r y (locus), Гагры, местность на берегу Черного моря, между Пицундой и Адлером;

G a l i s g a (flumen), Г а л и з г а, река на границе Абхазии и Самурзакани;

G e g a (jugum), Г е г а, хребет (отрог г. Адзитуко);

G e l e n d z h i k (pagus), Г е л е н д ж и к, поселок в Сев. Черкесии, немного южнее Новороссийска;

G h e g h a (flumen)), Г е г а, один из притоков Бзыби;

G l u k h o g (jugum), Г л у х о р, перевал через Главный Кавказский хребет, из долины р. Клыча в долину р. Теберды;

G o g i e t y (pagus), Г о г и е т ы, селение в Гурии;

G o l o w i n s k y (pagus), Г о л о в и н с к и й, пост в Черкесии при устье р. Шахе;

G u d a u t y (oppidum), Г у д а у т ы, приморское местечко в Абхазии;

G u n u r k h w a (locus), Г у н у р х в а, урочище близ г. Ахибаху;

G w a n d r a (mons), Г в а н д р а, гора в нагорной Мингрелии;

G w a n d r a (mons et flumen), Г в а н д р а, гора и река в Абхазии, на границе с Сванетией;

H e s z i g w a r a (vallis), Г е ч и г в а р а, альпийское ущелье неподалеку от р. Чипшира, на Бзыбском кряже;

I n g u r (flumen), И н г у р, река на границе Самурзакани и Мингрелии;

K a l d a k h w a r a (pagus), К а л д а х у а р а, селение в Сев. Абхазии, на берегу р. Бзыби;

K a l w a (mons), К а л в а, гора в Нижней Аджарии;

K a t z l e n d z h (flumen), К а ц л е н д ж, река, один из притоков р. Ингура;

K e d y (pagus), К е д ы, местечко, административный центр Нижней Аджарии;

K e l a s s u r (flumen), К е л а с с у р, река в Абхазии, недалеко от Сухума;

K e r n a k h o n i (mons), К е р н а х о н и, гора в Мингрелии, близ с. Джгали;

K h a g (mons), Х а г, гора в южной части Черкесии;

K h a g – K y t z y r k h a (jugum), А х а г – К ы ц ы р х р а, перемычка, связывающая гору Ахаг с хр. Кыцырхра (на карте не носит никакого названия);

K h e i s h (flumen), Х э и ш, речка, приток реки Ингура, в горной Мингрелии;

K h i n o (mons), Х и н о, гора на границе Гурии и Аджарии;

K h o e k h u d a r a (jugum), Х ё х у д а р а, перевал из Абхазии в Черкесию;

K h o p i t z k a l i (pasqua), Х о п и ц к а л и, пастбища на верховьях реки того же имени в горной Мингрелии;

K h o u (jugum), Х о у, отрог Бзыбского кряжа близ г. Чипширы;

K l y c z (flumen), К л ы ч, река, один из истоков Кодора;

K o d o r (flumen), К о д о р, главная река Абхазии;

K u t e k h o e k u (jugum), К у т х ы к у, хребет на границе Абхазии и Черкесии;

K u t y s h (mons), К у т ы ш, гора в Сев. Абхазии, между г. Мамзышха и плато Арбаика;

K w i r a (mons), К в и р а, гора в Мингрелии близ сел. Джвары;

K y t z y r k h a (jugum), К ы ц ы р х р а (иначе Цендышха), хребет в Южной Черкесии;

L a k h t a (mons), Л а х т а, гора в Центральной Абхазии;

L a s h a (flumen), Л а ш а, речка, приток р. Псоу, в Южной Черкесии;
L a s h i p s o e (flumen), Л а ш и п с ы, речка, приток р. Бзыби;
L a t y (pagus), Л а т ы, поселок в средней долине р. Кодора;
M a d z h a k h l i s – t z k a l i (flumen), М а д ж а х л и с - ц к а л и, речка,
 приток р. Чороха;
M a d z h a r k a (flumen), М а д ж а р к а, речка неподалеку от Сухума;
M a h a n a (flumen), М а г а н а, река в горной Мингрелии;
M a m d z y s h k h a (mons), М а м з ы ш х а, гора в Северной Абхазии;
M a r s h a n i – k w a r a (flumen), М а р ш а н и – к в а р а, речка, при-
 ток р. Окум, в Самурзакани;
M a r u k h (mons), М а р у х, перевал через Главный Кавказский хре-
 бет из Абхазии в Кубанскую область;
M d z y m t a (flumen), М з ы м т а, река в Южной Черкесии;
M e l e k e d u g (pagus), М е л е к е д у р, селение близ г. Озургет, в
 Гурии;
M e r i s s i (flumen), М е р и с с и, приток р. Аджарис-цкали;
M i g a r i a (mons), М и г а р и я, гора в Мингрелии;
M i k h e l g i p s h (pagus), М и к е л ы п ш, поселок в Южной Чер-
 кесии близ хр. Ахахьча;
M t z a g a (locus), М ц а г а, урочище в ущельи р. Апсты, в Северной
 Абхазии;
M u z y k w a r a (jugum), М у з ы к в а р а, хребет на верховьях реки
 Гализги, в Южной Абхазии;
N a k a l a k e w i (pagus), Н а к а л а к е в и, селение в Мингрелии;
N a k h a r (mons), Н а х а р, перевал через Главный Кавказский хре-
 бет из Абхазии в Кубанскую область;
N a t a k h t y (jugum), Н а т а х т ы, перевал с верховьев р. Ураш на
 верховья р. Хопицкали;
N o w o r o s s i y s k (urbs), Н о в о р о с с и й с к, город в С. Черкесии;
N o w o – S e n a k i (urbs), Н о в о - С е н а к и, городок в Мингрелии;
O s z e m s z i g y (oppidum), О ч е м ч и р ы, местечко на берегу Чер-
 ного моря южнее Сухума;
O k a r e (mons), О к а р е, гора в нагорной Мингрелии близ г. Чи-
 та-Гваля;
O k h a s z k u e (jugum), О х а ч к у е, хребет в Самурзакани;

O k u m (pagus), О к у м, местечко, центр управления Самурзакани;
 O n a r a (mons), О н а р а, гора в Самурзакани;
 O s h t e n (mons), О ш т е н, вершина Главного Кавказского хребта,
 находящаяся по соседству с Фиштом;
 O t k h a r a (pagus), О т х а р а, селение в Сев. Абхазии;
 O t i p u r e v e l N a o t i p u r e (locus), О т и п у р е или Н а о т и п у
 р о, местность в горной Мингрелии, неподалеку от р. Хэишъ;
 O z u r g e t y (urbs), О з у р г е т ы, город в Гурии;
 P a l e o s t o m (lacus), П а л е о с т о м, озеро близ г. Поты, в Мин-
 грелии;
 P i t z u n d a (monasterium), П и ц у н д а, монастырь на берегу Чер-
 ного моря, несколько Севернее Гудаут;
 P o e v (jugum), П ы в, перевал из долины р. Агура в долину р. Ла-
 шипсё, в Сев. Абхазии;
 P o t i (urbs), П о т и, город в Мингрелии;
 P s e a s h k h a (jugum), П с е а ш х а, перевал через Главный хребет,
 из Южной Черкесии в Кубанскую область;
 P s i t z a (locus), П с и ц а (иначе Пшица), урочище при подъеме от
 Ахацха на г. Чмакоойтперхарта, в Сев. Абхазии;
 P s k h o e (locus), П с х ё (иначе Псху), урочище на верховьях р.
 Бзыби;
 P s y r t s k h a (locus), П с ы р ц х а, местность на берегу Черного
 моря в 25 верстах от Сухума к северу, где расположен монастырь Святого
 Пантелеймона (Новый Афон);
 R e c z i (jugum), Р е ч и, хребет в Самурзакани;
 R y g d z a a (ager) Р ы г д з а а, поляна в долине р. Бзыби близ г. Ачха;
 R y u k h a (jugum), Р ю х а, хребет в Сев. Абхазии;
 S a l a r e t (pascua), Саларет, пастбища выше г. Артвина;
 S a l o m i a, (locus) С а л о м и а, местность близ г. Ново-Сенаки в
 Мингрелии;
 S a t z k h e n o (pascua), С а ц х е н о, альпийские пастбища близ г.
 Урулаб в горной Мингрелии;
 S h a k h e (flumen), Ш а х е, река в Средней Черкесии;
 S o c z y (orpidum), С о ч и, местечко на берегу моря в Южной Чер-
 кесии;

S o m l i a (mons), С о м л и а, гора, одна из вершин Аджаро-Имеретинского кряжа;

S u c h u m vel S u c h u m – K a l e (urbs), Сухум (иначе: Сухум–Кале), главный город Абхазии;

S u p s a (flumen), С у п с а, река на границе Мингрелии и Гурии;

T o l a k h–k o r d o n (locus), Т о л а х–к о р д о н, урочище на границе Гурии и Кобулеты;

T u a p s e (oppidum), Т у а п с е, местечко на берегу моря в Черкесии;

T z i n g o t vel S i n k o t (pagus), Ц и н г о т (С и н к о т), местечко в долине р. Чороха, между Борчхо и Артвином;

U a d k h a r a (flumen), У а д х а р а (на карте: О д о х а р а), приток р. Лашипсы;

U r a s h (flumen), У р а ш, река в горной Мингрелии;

U r u l a b (mons), У р у л а б, гора в Мингрелии неподалеку от сел. Худон;

U z u n k o l (mons), У з у н к у л, гора на границе Абхазии и Сванетии;

V a n i (pascua), В а н и, пастбища в долине р. Кацлендж в горной Мингрелии;

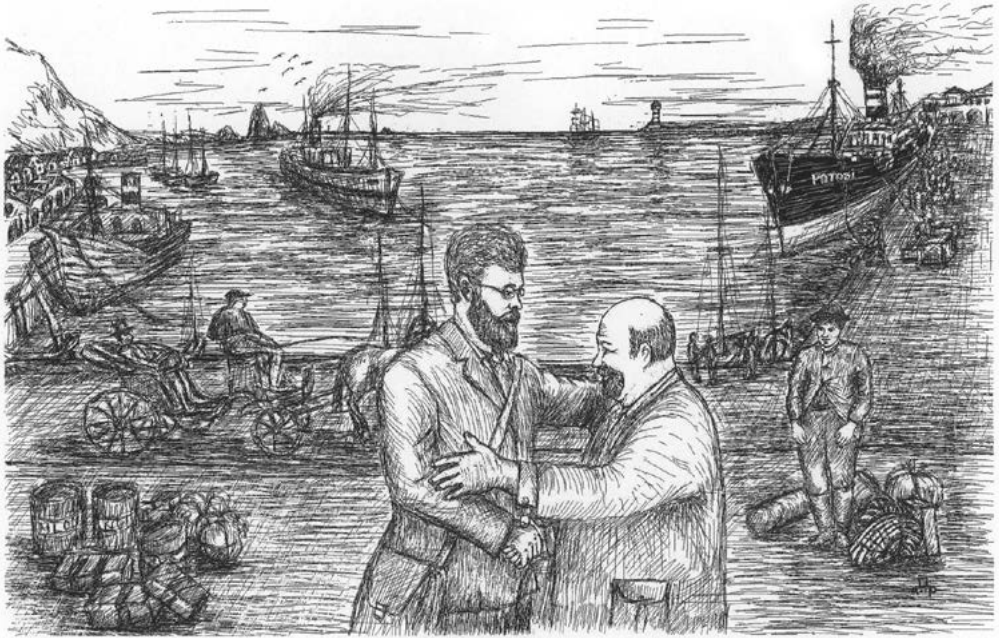
Y a i l a M e d z y b n a (jugum), Я й л а М е д з ы б н а, хребет в нижней Аджарии;

Z h i p i s h k h a (mons), Ж и п и ш х а, гора в Самурзакани;

Z o t i m e r i a (locus), З о т и м е р и а, местность при спуске с Аджаро-Имеретинского кряжа к Чохотаури;

Z o t i s k h e l i (mons), З о т и с х е л и, одна из вершин Аджаро-Имеретинского кряжа в Гурии;

Z u g d i d i (urbs), З у г д и д и, город в Мингрелии;

ИЗ ЗАГРАНИЧНЫХ ПИСЕМ АЛЬБОВА

(из Западной Европы и Южной Америки)

ЖЕНЕВА. 2 МАРТА 1893 г.

Я окончательно устроился в Женеве. Каждый день с 8 ч. до 16.30 я занимаюсь в Herbiere Boissier, который находится в местечке Chambésy, в пяти минутах езды по железной дороге от Женевы. Каждый день через массивное окно своей комнаты я могу любоваться голубым простором Леманского озера и цепью снежных Альп, раскинувшихся за ним. Монблан постоянно пред моими глазами. В Herbiere Boissier в мое распоряжение предоставлена целая комната с тремя громадными окнами. Вообще прием, который я встретил в Herbiere Boissier, превзошел все мои ожидания. Меня здесь встретили с распростертыми объятиями, ибо я первый русский, который явился сюда со своей далекой родины для занятий в

Гербарии. Как собственник Гербария Barbeu, так и его консерватор Autran делают решительно все, чтобы облегчить и ускорить мой труд, а также чтобы сделать мое пребывание в Женеве возможно более дешевым, комфортабельным и приятным. В моем распоряжении находится весь Гербарий Буассье и вся сосредоточенная в нем обширнейшая литература. Результаты моей работы Barbeu предлагает мне напечатать в издаваемых при *Herbier Boissier* бюллетенях, а для моих новых видов он заказывает за свой счет в лучшей типографии Парижа рисунки. Растения, в которых имею основания сомневаться, частью уже посланы теперь, частью будут посланы на днях разным ученым специалистам Европы, от которых через 7–10 дней они будут получены обратно с точными определениями.

Кроме того, чтобы доставить мне возможность читать и заниматься дома, М-г Barbeu был так любезен, что снабдил меня входным билетом в *Société de Lecture*, коего он состоит членом и которое обладает богатейшею библиотекой. Обедаю также у Barbeu, в *Herbier Boissier*; но устроился я собственно в Женеве, в одном из пансионеров, который рекомендовали мне мои новые женевские знакомые. За семь дней пребывания в Женеве успел перезнакомиться со всеми здешними ботаниками: Alphonse и Casimir de Candolle, Chodat, Briquet, Correvon. К последнему я имел рекомендательное письмо из Петербурга от его друга. Все приняли меня как нельзя лучше. Равным образом за это время я успел вполне освоиться с женевскою жизнью и чувствую себя теперь как настоящий *Genevois*. В воскресенье вечером был на так называемом *Grand Kermesse* — народном празднике, происходившем в *Bâtiment Electoral* (здание, где проходят выборы). *Kermesse* — собственно церковный праздник (один из праздников Великого поста). Празднуется он здесь однако весьма оригинально. Это нечто вроде карнавала. Громадная зала *Bâtiment Electoral*, освещенная многочисленными люстрами, была полна народу, среди которого можно было видеть и представителей высшего общества, и простых мастеровых, и рабочих. Для развлечения публики были устроены тир, лотерея, гимнастические игры, разные *Musées de Curiosités* и пр. В разных местах гремели многочисленные оркестры. Оживление было общее. Публика шумно выражала свои восторги криками и аплодисментами. В заключение были поставлены многочисленные живые картины

из древнегреческой и древнеримской жизни, очень удавшиеся. После этого предполагались танцы, но было так тесно, что осуществить это намерение не было физической возможности. Вообще праздник отличался крайнею непринужденностью. Каждый делал что хотел; полиции не было, а между тем все было чинно, прилично, без всяких скандалов, хотя буфет усиленно работал.

Вы, разумеется, интересуетесь, знать, что такое жизнь за границей? Мне будет очень трудно удовлетворить ваше желание. Не побывав за границей, невозможно составить себе никакого понятия о том, что такое тамошняя жизнь. Надо все видеть самому. Книги не дают и доли настоящего представления о заграничной жизни. Быть может, лучше всего будет ответить на ваш запрос словами популярного армянского анекдота. Одна барыня полюбопытствовала у кинто (так называют в Тифлисе армян — торговцев фруктами), что такое айва? Тот сначала подумал, а потом спросил ее:

— Апелсын знаешь?

— Знаю.

— Лымон знаешь?

— Знаю.

— Пэрсыйк тоже знаешь? Гранат тоже знаешь? Абрикос знаешь? Инжир знаешь? Ну, так слушай: это нэ апелсын, нэ лымон, нэ пэрсыйк, нэ гранат, нэ абрыкос, нэ инжир — совсем другое!

Так точно отвечаю вам и я: заграничная жизнь — это совсем не то, что русская жизнь.

Женева — город на редкость красивый. Красоте его много способствует его живописное положение на берегу красивого Женевского (Леманскаго) озера, откуда берет свое начало Рона. Внешнее благоустройство города не оставляет желать ничего лучшего. Даже наиболее благоустроенный русский город Одесса кажется грязным и непорядочным в сравнении с Женевой (а равно и другими городами Европы, которые я видел проездом, — Цюрих, Вена). Про Петербург и говорить нечего. Москва же, Киев и другие города, извините, кажутся после европейских помойной ямой.

О своем путешествии подробнее напишу как-нибудь после. Теперь очень занят. Дорога от Одессы до Вены требует всего полутора суток,

а от Вены до Женевы — двое суток. Путешествие представляет много привлекательности — особенно в Тироле: красивые места, все еще покрытые снегом, характерная публика.

ЖЕНЕВА. 24 МАРТА 1893 г.

Из своего auberge я перебрался на частную квартиру. Auberge оказался чрезвычайно беспокойным: он возле самой железной дороги, и шум от поездов, особенно от экспрессов, страшный, так что я не мог спать по ночам. Кроме того, содержатель auberge оказался плутом: в недельном счете за все были поставлены цены вдвое, чем следовало по условию.

Поэтому я отыскал себе другую квартиру. У меня теперь прелестная комнатка, комфортабельно и элегантно обставленная, на одной из лучших улиц города — rue du Mont Blanc. Из окон (комната на 5-м этаже) открывается чудесный вид на Mont Blanc. Из окна ход на балкон и на крышу, и я могу таким образом каждое утро, не выходя из комнаты, делать маленькую прогулку на свежем воздухе и любоваться восходом солнца из-за Альп. В Herbieg я езжу по железной дороге с 07. 30 поездом и возвращаюсь оттуда поездом в 16. 45. После восьмичасовых сидячих занятий делаю маленькую прогулку по городу или в предместьях (погода здесь стоит все время чудеснейшая). В 7 часов пью чай по-русски с легкой закуской. Затем читаю или пишу. В 11 часов все кончаю и ложусь спать, чтобы встать в 6. 30.

Работа моя идет недурно. В своей коллекции последнего года я откопал много интересного, в том числе целых два новых рода растений, которым придется надавать названий. В начале будущей недели имею в виду выпустить маленькую работу в Бюллетенях Herbieg Boissier.

ЖЕНЕВА. 2 АПРЕЛЯ 1893 г.

Пасха здесь уже началась сегодня. Но празднование ее в Швейцарии не отличается ничем особенным. В церквях обычные мессы и проповеди, на улицах оживление, как всегда в воскресный день, когда бывает хорошая погода, часть магазинов открыта, и на почте был прием корреспонденции до часу. Вообще, несмотря на изобилие здесь разных культов, народ здесь не отличается пристрастием к внешним обрядам и

торжествам. Преобладающая религия здесь протестантская: она считается официальной. Затем следуют исповедания: свободное евангелическое, национальное евангелическое, реформатское, лютеранское, свободное католическое, римско-католическое, не считая более мелких. Каждое исповедание, разумеется, имеет собственные церкви и залы для молитвенных собраний. Здесь есть и русская церковь, ничем не замечательная снаружи, но необыкновенно изящно отделанная внутри. Я редко встречал подобные церкви в России. Церковь маленькая, но достаточно поместительная. Впрочем, посетителей бывает в ней очень мало, несмотря на многочисленность русской колонии в Женеве. Служение происходит на русском языке. На клиросе поет хор любителей из девиц и молодых людей.

Только сегодня я отдыхаю. С завтрашнего дня снова продолжаю свои занятия в Herbig Boissier (Herbig бывает по воскресеньям закрыт). Я очень спешу с окончанием своей работы. Времени у меня в распоряжении немного, а между тем дела еще остается довольно. В свободные от занятий часы почитываю, что возьму из библиотеки Société de Lecture, веду корреспонденцию или посещаю какие-либо интересные конференции (так называются здесь речи и публичные лекции, которые читаются в церквях и общественных залах по разным вопросам науки, морали и житейской практики). В воскресенье обязательно делаю загородную прогулку. Погода здесь стоит все время восхитительная. Тепло теперь почти летнее. Все ходят без верхнего платья. Деревья уже начали разворачивать листья. Черешня в полном цвету. На базаре масса всяких диких цветов. Климат здесь почти такой же, как в Одессе, только более ровный.

ВЕНА. 12 ЯНВАРЯ 1894 Г.

Я в настоящее время в Вене. Я здесь уже 3-й день. Дорогой схватил легкую простуду и вынужден был на время прервать свое путешествие, чтобы несколько справиться (с болезнью. — **Ред.**).

Пренеприятная, право, это вещь — железные дороги. Порядки же на австрийских дорогах от Вены до русской границы плохи. В особенности вносят с собою беспорядок галицийские евреи и поляки. Народ шумный, суетливый, беспокойный. Только когда проедешь Польшу, уже за

Краковом становится спокойнее: попадаешь в среду немецкого населения. Замечательно поражает разница в нравах и вообще в духе населения немецкого (от Отерберга до Вены) и славянского (Галиция и Польша). Первому свойственно спокойствие, добродушие, мягкость и приветливость в обращении и добросовестность. Второму — грубость, с одной стороны, или же любезность до приторности (поляки), отсутствие душевного равновесия, порывистость в душевных движениях и крайняя недобросовестность. Я мало встречал случаев такого наглого обдирания, какое практикуется на железнодорожных станциях в Галиции и Кракове. Таможенный досмотр в Подволочиске был весьма снисходительный — не то, что в прошлом году, когда австрияки боялись, как бы пассажиры не провезли из России холеры.

Одним из первых впечатлений по приезде в Австрию является всегда страшный антагонизм между разными национальностями. Я и в настоящую поездку был свидетелем грубого антисемитизма, подобный которому едва ли существует в России. Со мною в вагоне ехал в одном купе еврей из России — очень приличный, хотя весьма подозрительной профессии (едет в Париж показывать в стереоскоп выставку в Чикаго); прежде занимался уличною адвокатурой, а потом ездил в Лондон показывать какую-то феноменальную курицу. Конечно, он заявил себя отчаянным патриотом. Но, повторяю, он был вполне приличный еврей. На одной станции к нам в купе втерлась компания из двух барышень-чешек и молодого чешского студента-юриста. Студент говорил немного по-немецки, барышни же не знали другого языка кроме чешского. У студента в руках была пачка чешских газет. Газеты носили название «Zigadlo». Я спросил студента, что это значит. Оказалось, что это «Жало». Я спросил, кого же жалит эта газета? Оказывается — жидов! Антисемитский орган. Конечно, мой еврей ввязался со студентом в отчаянный спор. Как только студент узнал, что его собеседник — еврей, сейчас же пересел на другую скамейку. В скором времени в то же купе вошла компания из господинна и двух барынь. Все в высшей степени изысканно одеты. Видно, что из Вены. Так оно и оказалось. Барыни очень красивы, по типу — жидовки. Я об этом только догадывался, но для остальных это было несомненно. Сейчас же разыгралась следующая сцена: барыня (еврейка) поставила

свою корзинку возле чемоданчика, принадлежащего барышне-чешке. Та моментально вскакивает, взбешенная, и говорит по-чешски своему спутнику-студенту: «Уберите мои вещи отсюда, а то попадут туда жидовские вши!»

Евреи, оказалось, по-чешски понимали, и барыня, сидевшая рядом со мною, засмеялась и перевела нам по-немецки, в чем дело. Мы тоже засмеялись. Выходка была уж слишком глупа. В скором времени барыни и их спутник-еврей перебрались в освободившееся соседнее купе. Забирая свою корзинку, еврей обратился к чешской барышне по-чешски: «Ну, теперь вы можете быть покойны; я забираю своих вшей с собою!» С этими словами он вежливо приподнял свою шляпу и вышел. Вы, конечно, можете себе представить смущение и злость барышни-чешки!

В Вене снегу совсем нет, но очень холодно. В гостиницах в номерах совсем не топят, и приходится мерзнуть. Хорошо, что от холода спасают немецкие перины. Жизнь в Вене довольно дорога, хотя дешевле, чем в Одессе. Я посетил в Вене знаменитый Музей искусств. Ничего подобного по роскоши и изяществу я не видел. Эрмитаж в Петербурге совершенно блекнет в сравнении с ним.

ЖЕНЕВА. 30 января 1894 г.

Мои женевские знакомые встретили меня очень радушно и оказывают мне всяческое внимание, которое меня в чужой стране очень трогает. Для своих работ я получаю везде полное содействие и простор для их осуществления. Всякий мой труд будет немедленно напечатан. Несколько здешних обществ, в том числе ботаническое, приглашают меня прочесть доклады о моих путешествиях, что я сделаю в непродолжительном времени. Погода здесь стоит очень сносная, довольно теплая, иногда выдаются настоящие весенние дни. В окрестностях уже появляются первые весенние цветы.

ЖЕНЕВА. 17 февраля 1894 г.

На днях я дебютировал пред европейской публикой в Обществе покровительства растений с сообщением (conference) под заглавием «Природа и жизнь Западного Закавказья». Дать эту конференцию

побудил меня президент Общества, мой знакомый. Вообще должен сказать, что мои здешние знакомые, желая мне всего лучшего, стараются меня выдвинуть, за что, конечно, я им искренне признателен. К сожалению, они заходят чересчур далеко, нередко рекламируя меня, что мне уже вовсе нежелательно. Публичная лекция моя, как можете судить по газете, имела некоторый успех. Читал, собственно говоря, не я, а мой близкий знакомый, любезно предложивший мне свои услуги. Для дебюта я очень боялся за свое произношение. Я ангажировал еще одну conference в Обществе покровительства растений как продолжение предыдущей и две или три conference в ботаническом Обществе. Эти конференции я буду читать уже сам.

ЖЕНЕВА. 12 МАРТА 1894 г.

По предложению президента Альпийского клуба готовлю доклад для этого последнего, который буду читать в апреле или в мае. На ваши запросы скажу, что жизнь моя уже с давнего времени сложилась так, что изменять ее теперь, по меньшей мере, бесполезно. Пусть я цыган и бродяга, так что ж из этого? Я счастлив. Я чувствую себя, по крайней мере, счастливым. И потом я не бездельничаю. Я скитаюсь, это правда, как настоящий цыган, но везде оставляю за собою настоящий след — «на песках времени» (*on the sands of time*), как выражается американский поэт Лонгфелло. Этот след не пропадет даром. Им воспользуются другие, пойдут по проторенной мною дороге, и результатом этого будет, полагаю, некоторая положительная польза для науки и общества. Может быть, я пропаду на этом пути — тем хуже; но зато другие будут иметь удачу. Вот что меня утешает, и вот почему я без чувства малейшего сожаления покорюсь всякому удару судьбы. Вы говорите о приискании постоянного места и занятия. Мне незачем приискивать последнее — я его имею и им доволен. Что касается первого, то вы знаете мое решение: ни под каким видом не приму никакого engagement в России кроме Кавказа. Это решено и подписано. Если Кавказ не выгорит, то — тем хуже.

Здесь теперь стоит уже настоящая весна, цветут фиалки, примулы. Подснежники и анемоны, кажется, уже отцвели. Погода большею частью великолепная. В этом году здесь зимы почти не видали.

ЖЕНЕВА. 24 АПРЕЛЯ 1894 г.

Весна теперь в полном разгаре, все деревья в зелени, яблони и вишни в полном цвету. Погода по большей части стоит превосходная. С каждым днем Женева все хорошеет и хорошеет: каждый садик, вновь одевающийся зелению, прибавляет к ее красоте. Что теперь делается у нас в Шамбези, трудно передать словами. Деревня вся утопает в зелени садов, и нам приходится каждое утро по дороге в Гербарий пересекать парк, где воздух напоен ароматом цветущих яблонь, груш и магнолий.

Здание Гербария Буассье все обвито глицинной и желтой розой, которые теперь начинают распускаться. Кругом здания — пышные кусты рододендрона в полном цвету. Прибавьте к этому голубое озеро, все залитое ярким солнечным светом, прямо перед вами — величественная снежная цепь Монблана и вдали — голубые горы, задернутые полупрозрачною дымкой тумана. Вы поймете теперь, почему работа у меня так спорится (я работаю с поразительной быстротой): стоит только взглянуть в окно на эту картину, чтобы получить новые силы для труда. Я сам даже удивляюсь, как я могу столько работать, никогда мне не приходилось испытывать ничего подобного. Встаю в 6. 30 утра, а кончаю работу нередко в час или два ночи. Только теперь понял я с поразительной ясностью, что такое значит труд по доброй воле, по призванию. Такой труд нисколько не тягостен. Напротив, он есть источник наслаждения.

Недавно я давал в Альпийском клубе конференцию. Признаться, я сильно трусил за нее, так как изготовил ее всего в семь дней. К счастью, опасения мои не оправдались. Она удалась как нельзя лучше. Аудитория, которая наполняла всю залу клуба, шумно мне аплодировала и даже кричала «Браво!» Конференция заключала всякого рода сведения о Колхиде: ботанические, минералогические, зоологические, исторические, географические и этнографические. Последняя часть понравилась публике больше всего, особенно рассказ об абхазцах и их образе жизни. Все это здесь совершенно неизвестно, и потому описание абхазского гостеприимства, религиозных верований и проч. возбудило живейший интерес.

ЖЕНЕВА. 30 АПРЕЛЯ 1894 г.

Погода на Пасху выдалась здесь ужасная. С озера дует вот уже второй день страшная *bise* (так называют здесь холодный ветер необыкновенной силы, дующий с СВ), моросит дождик. Светлая ночь была не лучше: полное ненастье. Тем не менее, дурная погода не помешала собраться в русской церкви массе народу, среди которого можно было заметить женевауэцев и нескольких англичанок, пришедших из любопытства.

В субботу, накануне праздника, я посетил здешний цветочный рынок, чтобы выбрать цветов. На 80 сантимов я мог купить целую кучу сирени, нарциссов и тюльпанов. Ландыши теперь уже появились в продаже, хотя еще дороги. Странно, весна здесь так авансирует в сравнении с нашей, хотя бы с одесской. Годовая температура в Женеве, впрочем, довольно высокая, 12° С (в Одессе 9, 9° С). Но даже в Западном Закавказье сирень цветет только в середине апреля (по новому стилю), а между тем температура там на 3° выше (15° С).

Здесь жизнь течет очень тихо и монотонно. Театр закрыт, и теперь по воскресеньям решительно некуда деваться — разве в *Café-Concert*. Политические злобы дня очень мало волнуют женевауэцев, и например сегодня, накануне рабочей манифестации 1-го мая, никто о ней и не думает, хотя она обещает быть грандиозною.

ЖЕНЕВА. 13 МАЯ 1894 г.

Жизнь здесь идет однообразно: сегодня буквально то же, что вчера. Только работаю я теперь еще больше — с 8 часов утра до 6 вечера — чтобы успеть закончить все к июлю, что сомнительно. Работа так меня утомляет, особенно глаза, что нередко, придя домой и выпив стакан чаю, бросаюсь на постель и засыпаю.

ЖЕНЕВА. 1 ИЮНЯ 1894 г.

Погода здесь все время отвратительная — вот уже скоро полтора месяца — дожди, холода. Развлечений никаких или почти никаких, поэтому скука страшная. Стыдно (должно быть. — **Ред.**) немного женевауэцам: столько к ним приезжает иностранцев, столько они от них пользуются — хотя бы концерт на бульварах устроили или постоянный

оперный театр. Ведь в это время даже у нас в Одессе куда веселее. Нет, женевазцы решительно скупой народ. До сих пор не могут устроить порядочного вокзала! Теперешний вокзал — это сарай какой-то или хлев, и вдобавок тесный. Я на русских дорогах не видывал подобного вокзала ни на одной значительной станции. Например, Salle d'attente, где пассажиры ожидают поездов, представляет одну комнату, общую для всех трех классов, разделенную на три части низенькими барьерами, долженствующими разделить публику 1-го, 2-го и 3-го классов. Буфета не полагается. Если хотите закусить или выпить, направляйтесь в плохонькое кафе напротив вокзала, носящее громкое название Buffet de la gare. На жевевском вокзале можете между прочим наблюдать оригинальный способ передвижения вагонов — с помощью лошадей. Бедную лошадку запрягают, и она должна тянуть целый поезд. Здесь, видите ли, из экономии или по недостатку паровозов предпочитают заменять паровозы лошадиною тягой. Подобное явление можно наблюдать в Лионе и даже, говорят, на некоторых парижских вокзалах, где эта примитивная и варварская система изумляет иностранцев, особенно англичан. Зато наряду с лошадьми, тянущими поезд, вы можете видеть здесь последнее слово железнодорожной цивилизации — *dinins wagons* или *wagons-restaurants* шикарной отделки, вдвое длиннее обыкновенных вагонов 1-го класса, где вы можете за небольшие деньги позавтракать и пообедать. Незачем даже вылезать из своего вагона, чтобы войти в *wagon-restaurant*. Теперь между вагонами 1-го класса введено крытое сообщение, и вы можете спокойно во время хода поезда переходить из вагона в вагон. Делают все возможное, чтобы доставить больше комфорта богачам, а об улучшении 3-го класса не думают. Я ни на одной русской железной дороге не видел таких мерзких чуланов, какие на богатейшей линии Paris — Lion — Méditerranée называются вагонами 3-го класса.

МАРСЕЛЬ. 12 ДЕКАБРЯ 1894 Г.

Благополучно, после одиннадцатидневного плавания, прибыл я в Марсель. Завтра утренним поездом еду в компании с профессором здешнего университета М., с которым встречался на Кавказе, в S-t Zachariah в Прованс, в имение маркиза de Saporta. Маркиз де Сапорта — известный

французский палеонтолог. Мы с ним уже давно находимся в переписке по поводу связи флоры Закавказья с ископаемой флорой Европы, и он выражал непереносимое желание видеть меня у себя. У меня есть, кстати, к нему дело по поводу богатой и интересной коллекции ископаемых растений, переданной мне М.

Надеюсь, что г-н де Сапорта не откажется взять на себя труд определить эту коллекцию.

Вернусь из S-t Zachariah, вероятно, послезавтра, и следующие два дня пробуду в Марселе, затем проеду прямо в Женеву.

О своем путешествии по морю и о Константинополе напишу как-нибудь после. Теперь страшно занят. На пароходе мне было не до писем — все время писал работу для Кавказского отделения Географического Общества, которую должен послать на днях.

Марсель мне чрезвычайно нравится. Нашей Одессе далеко до Марселя — оживления здесь в десять раз больше. К тому же народ совсем в другом роде. Погода стоит превосходная. Страшного мистраля, который свирепствовал здесь на днях, теперь, к счастью, нет.

ОРАНЖ (ПО ДОРОГЕ ИЗ МАРСЕЛЯ В ЛИОН).

18 ДЕКАБРЯ 1894 Г.

Чтобы избежать бессонной ночи на пути из Марселя в Женеву, а также, чтобы посмотреть на знаменитых тарасконцев, так живо описанных Альфонсом Доде, я остановился переночевать в г. Веаусаиге, расположенном на берегу Роны, vis-à-vis Тараскона. Кажется, напрасно поклепал Доде на Тараскон и его обитателей. Право, городок как все, точно так же, как и его жители. Я достаточно узнал южан в бытность в Марселе, и потому особенного впечатления они на меня не произвели. Что же касается тарасконок, то мне кажется, Доде сделал большое упущение, не упомянув об их достоинствах. Это — самые красивые женщины, каких я только видел в Европе. С ними могут соперничать только гурийки и имеретинки на Кавказе. Они чрезвычайно высоки, стройны, великолепно сложены, с крупными идеально правильными чертами лица, чудно очерченными бровями и с роскошными черными лоснящимися волосами. Глазами они уступают гурийкам. Замечательно содействует их красоте и живописный

костюм — нечто вроде кружевной мантильи á l'espagnole на плечах и фригийская шапочка, перевязанная широкою лентой на голове (волосы зачесываются наверх, на макушку). Соседки тарасконок, обитательницы BeaUCAIRE, не уступают им и, пожалуй, превосходят их в красоте. Но всех лучше, несомненно, арлезианки (жительницы Arles). Они по справедливости считаются первыми по красоте женщинами Франции. Это было, между прочим, причиной, почему я останавливался в Арле (не доезжая Тараскона). Впрочем, в Арле достойны внимания также великолепно сохранившиеся руины римского амфитеатра (они описаны у Доде в его «Numa RUMESTAN»). При здешних порядках на железных дорогах очень легко останавливаться на пути. Вы визируете ваш билет у начальника станции, сдаете ваши вещи в Dérot (это стоит всего 5 сантимов с вещи) и затем можете отправляться куда угодно.

Еще два слова о Тарасконе. Содержатель гостиницы в BeaUCAIRE, где я останавливался, говорил мне, что не все, что пишет Доде о них, вымысел. Одна из выведенных у Доде личностей недавно умерла, а другие здравствуют и поныне. Вообще, по его словам, тарасконцы — dróles de gens. Он рассказал мне о них какую-то забавную историю, которую я хорошенько не понял, так как говорил он на странной смеси французского языка с провансальским (провансальский язык совершенно особенный, напоминающий отчасти испанский).

ЖЕНЕВА. 1 января 1895 г.

Новый год я встретил весело. В Женеве я попал на старую квартиру, которую очень доволен. Хозяйка моя, швейцарка из итальянского кантона Тессина, чрезвычайно добродушная и милая женщина, окружающая меня всевозможными заботами. Десять раз на день прибегает ко мне справиться, достаточно ли греет печка, хороша ли перина, которую покрываюсь, не нужны ли еще одеяла и прочее. Муж ее, собственник мебельной мастерской, француз из Прованса, очень скромный и любезный человек. В первый день Рождества мои хозяева любезно предложили мне разделить с ними их скромный обед. За обедом, за стаканом старого киршвассера, мы очень мило провели время, болтая о Франции, о Провансе, об арлезианках и проч. Вчера, накануне Нового года, хозяин предложил

сопровождать меня в город, где в полночь на Cour S-t Pierre должны были встречать Новый год. На площади перед старым кафедральным собором, освещенной бенгальскими огнями, собралась многотысячная толпа. Около полуночи местное певческое общество, Lyre chorale, исполнило какую-то пьесу, посвященную Новому году. Ровно в 12 часов, или в 12 ч. 36 м. по центральному времени, которое здесь официально принято, загудел густым надтреснутым басом старый соборный колокол, la Clempese. Это послужило сигналом для радостных кликов, общего веселья. Знакомые обнимали друг друга, желали счастливого Нового года. Откуда-то раздался звук трубы, исполнявшей начальные аккорды национального швейцарского гимна, толпа как один человек подхватила его, и этот гимн, который пела многотысячная толпа, ночью, при фантастическом освещении, производил сильное впечатление... Видно, что здесь народ любит свое отечество. Когда на площади все кончилось, толпа устремилась шумным потоком в нижние улицы, где уже были на полном ходу карусели, всевозможные балаганы, saltimbanques и проч. Все было ярко освещено газом и электричеством. Со всех сторон неслась оглушающая музыка. До самого утра сплошная масса народу слонялась по улицам. Отовсюду слышались веселые песни — хором и врознь, шутники бросали в толпу конфетти и серпантин, хлопали под нос хорошеньким дамам хлопушками и проч. Редко я видел город таким веселым и оживленным. Сегодня, в 11 ч. утра, явились ко мне хозяин и хозяйка с поздравлениями и с бутылкой вермуту. По обычаю, мы должны были выпить по стакану и пожелать друг другу счастливого Нового года.

NB. Оригинальный состав квартирантов у моей хозяйки: русский, француз, грек (торговец губками), француженка. Сам хозяин — провансалец, а хозяйка — тессинуазка. Можете судить по этому, какая смесь национальностей в Женеве!

Расскажу теперь по порядку мои странствия по морю и суше. Начну с Константинополя. Он не произвел на меня такого сильного впечатления, как я ожидал. Быть может, оттого, что я уже довольно видел восточных городов. Панорама его действительно великолепна и выше всякого описания. Особенно живописны огромные мечети на самом верху горо-

да. Великолепен также рейд, с массой судов и пароходов. Но впечатление от роскошной панорамы города изглаживается сейчас же, как только вы в него вступаете.

Вы высаживаетесь обыкновенно в Галате — греческой части города. Это совершенное подобие, только в увеличенном виде, наших жидовских местечек. Трудно себе представить грязь более отвратительную, несмотря на сухое время года. Греки, разумеется, меня тут же надули, обсчитав при размене денег на несколько франков и надавав дурной монеты. Лавки темные, грязные, вонючие. Старый Стамбул несколько лучше, во всяком случае, много чище, просторнее и живописнее. Несмотря на то, что наш пароход стоял в Константинополе всего несколько часов, я счел своим долгом обежать Старый Стамбул, турецкие кварталы, отыскивая то место, где обитал Пьер Лоти со своею прелестною Азиаде, дамой из гарема. Оригинальная черта турецких кварталов: все окна в мелких деревянных решетках, не позволяющих никого видеть в доме с улицы, но не мешающих его обитателям наблюдать улицу. По улицам всюду масса собак, находящихся под покровительством турецких законов. Побродил около св. Софии, но внутрь не заходил: предпочел осмотреть в течение малого времени, которое оставалось в моем распоряжении, базар и улицы старого города. Длинный мост, переброшенный через Золотой Рог, чрезвычайно оживленный, соединяет Старый Стамбул с Галатой. Из Галаты туннель, по которому вагоны поднимаются на зубцах, приводит в Перу. Пера — европейский квартал. Она имеет общий характер с южноевропейскими городами, т. е. узкие улицы, высокие здания, бойкая торговля, кипучая уличная жизнь. Последняя, впрочем, отличает и Галату, но там другие типы, а главное — другая атмосфера. В Перу нет уже той вони и грязи, которая характеризует Галату. К сожалению, я мог ознакомиться с городом только очень бегло: пароход стоял здесь едва 6 часов.

После Константинополя состав пассажиров на пароходе резко изменился, и пароход принял совсем другой вид. До Константинополя с нами ехал во втором классе владелец стада баранов, простой грек в грязной шубе. Бараны его занимали всю палубу и делали воздух ужасным. Остальная публика была вроде этого пассажира: всевозможные восточные люди — армяне, греки, турки. Только в Самсуне к нам сели

две французские монахини. Ввиду такого смешанного общества капитан не удаивал спускаться в кают-компанию к табльдоту. Вся эта публика следовала в Константинополь.

Здесь образовался совершенно новый контингент пассажиров: молодой человек, русский, ехавший лечиться в Ментон, француженка из Парижа, двое очень приятных армян, ехавших в Америку, и итальянец-левантинец. В первом классе ехали богатые греки и французы из Марселя. Пароход тщательно вымыли, и на нем не осталось следов от пребывания баранов. Капитан, очень любезный человек с юга Франции, стал спускаться к нашему столу. Скоро все перезнакомились, и время долгого переезда, целых шесть дней, легко и весело летело в оживленных беседах. Остроумною собеседницей являлась, конечно, парижанка; итальянец, изъяснявшийся на ужасном французском языке, оказался большим забавником. Интересным и веселым собеседником был также французский военный матрос с маленького военного судна, стоявшего в Константинополе, ехавший на нашем пароходе в отпуск. С этим матросом, добрым малым, можно было говорить о чем угодно: о литературе, о науке, о политике, — обо всем он читал и во всем знал толк, хотя, конечно, поверхностно. Ну да чего же и требовать от матроса! Но всего интереснее он был как неподражаемый рассказчик разных *histoires crues*, т. е. историй, не вполне приличных по нашим понятиям, которые однако во Франции можно рассказывать при дамах.

Несколько мешала беседам неблагоприятная погода. Море от Константинополя до Марселя почти все время было чрезвычайно бурное. В архипелаге еще было довольно спокойно, но когда мы вошли в Адриатическое море, поднялся страшный ветер, который принялся рвать и метать нас. Волны гуляли по всей палубе. Все люки были закрыты. Ночью нас метало на койках из стороны в сторону: то голова ударялась о стену, то ноги. Не было возможности заснуть от страшных ударов волн, которые с грохотом пушечного выстрела разбивались о борты. На следующий день пассажиры были все больны. Уцелел только я (на меня качка не имела никакого действия), и к табльдоту являлся я один.

На третью ночь мы прошли Мессинским проливом между Италией и Сицилией. Пролив так узок, что видны были огни городов Мессины и

Реджио, на том и другом берегу. Когда мы вошли в Средиземное море, снова поднялась качка. Чем более мы удалялись от Италии, тем ветер более свежел и крепчал. Это заставляло капитана выражать опасения, как бы мы не имели у острова Корсики бури. К счастью, мы прошли на следующий день мимо Cap Corse (северного мыса Корсики) при совершенно безоблачном небе и спокойном море. «Жандарма», как называют моряки злой ветер, подстерегающий мореплавателей за мысом, здесь не было: вероятно, он спал. Подходя к Марселю, опасались мистраля. На наше счастье, этот ветер, достаточно нашалившись несколько дней назад, теперь отдышал, и мы прибыли в Марсель вовремя и без всяких аварий.

Марсель производит с моря впечатление, хотя и не столь большое, как Одесса. Порт его громаден и чрезвычайно хорошо приспособлен для стоянки и разгрузки судов: множество молв делят его на части; по молам пролегают рельсы железной дороги. Мы вошли в город при солнечном свете, и он показался нам в самом благоприятном виде. Город чрезвычайно веселый и оживленный. Уличная жизнь кипит, особенно на набережных и на главной улице — Cannebiere, выходящей на море. О ней марсельцы хвастливо говорят: «Если бы Париж имел одну Cannebiere, он был бы маленьким Марселем». В порте качается на воде масса всевозможных судов всевозможных национальностей. Огромные океанские стимеры бок о бок с утлыми одно- и двухмачтовыми парусными суденышками. Всюду стоит веселый гам, свистки пароходов, лязг цепей, крики торговцев, грохот повозок, звуки музыки — все это мешается вместе. И все это залито золотыми лучами чисто весеннего солнца, сверкающего на ярко-голубом небе.

ЖЕНЕВА. 3 января 1895 г.

Жизнь моя потекла снова своим порядком, то есть однообразно, как и в предыдущие годы. Целый день сижу за работой, да и вечерами не остаюсь без нее. Раз в неделю бываю в театре — это мое единственное развлечение при отсутствии знакомств, более или менее близких. Одна знакомая дама из Тифлиса, уроженка Женевы, поручила мне посетить ее родственников, которых у нее здесь бездна. Она рассчитывала тем доставить мне новые знакомства. Но, прожив более 20 лет в России

и сделавшись почти русскою или, вернее, кавказскою, она, вероятно, забыла дух скаредности и замкнутости, которым пропитаны женевазцы. Я же с этим духом уже хорошо освоился, а потому ничуть не был удивлен, встретив везде вежливый, но сухой прием. Потому, обежав большую часть родственников дамы и сообщив ей полный отчет о своих визитах, я решил более их не повторять.

Скажу вкратце, как я провел свое время в Марселе. Расскажу именно о своей поездке в S-t Zachariah, к де Сапорта. Знаменитый ученый выражал неоднократно желание меня видеть, и поэтому, как только я прибыл в Марсель, профессор Марьон, его друг и сотрудник в ученых работах, известил его о моем приезде телеграммой. Когда мы сошли на станции Ариоль, у маленькой железнодорожной ветки, идущей вглубь Прованса, нас уже ожидала у подъезда карета, высланная за нами маркизом. Через полчаса езды по веселой, залитой солнцем долине, засаженной оливковыми деревьями, мы подъехали к замку де Сапорта. Маститый ученый, уже старик, лет за семьдесят, но живой и бодрый как юноша, выбежал к нам навстречу с распростертыми объятиями. Я имел для него подарок — небольшой гербарий редчайших кавказских древесных пород, нарочно отобранных из числа тех, которые были или могли быть в допотопные времена распространены на юге Франции. Я считал своим нравственным долгом предложить ему этот маленький подарок в отплату за великолепные тома его сочинений, которые маркиз прислал мне в прошлом году. Не успели мы путем обменяться приветствиями, как он увлек меня в свой кабинет, чтобы тотчас же начать исследовать привезенные мною растения. Часа два мы возились с этими гербариями, и эти часы пролетели для меня как минута, в живой и интересной беседе с великим ученым. Приход слуги, возвещавшего, что завтрак сервирован, заставил нас прервать на время наше занятие и спуститься в обеденную залу.

Предложенный нам завтрак можно было скорее назвать обедом: так он был обилен, состоял по меньшей мере из семи или восьми блюд превосходной провансальской кухни. Любезные хозяева (маркиз и его сын) то и дело подливали нам в стаканы на пробу разные французские вина из Прованса, Бордо и проч. К концу обеда старый дворецкий, кото-

рый служит у маркиза вот уже 35 лет, принес из погреба пыльную бутылку 50-летнего руссильонского вина. Руссильон — городок на юге Франции близ Пиреней. Там у де Сапорта есть имение. Руссильонские вина считаются лучшими на юге Франции. Благородное вино от старости изменило свой обычный розовый цвет на превосходный янтарный. Когда бутылку торжественно раскупорили, в комнате распространился нежный аромат. Букет вина был так силен, что его приходилось пить маленькими глотками.

После обеда нас пригласили перейти в гостиную — с мебелью прошлого века и портретами предков де Сапорта (маркизы де Сапорта ведут свое происхождение из Испании). Здесь нам сервировали кофе и ликеры, и разместившись возле камина, мы закурили сигары. Затем по приглашению хозяина мы отправились осматривать прелестный парк, окружающий замок и представляющий заросли вечнозеленых дубов и олив наряду с массой редких деревьев из разных стран света. Полтора часовая прогулка по парку нас нисколько не утомила, и потому, когда маркиз предложил нам предпринять маленькую палеонтологическую экскурсию в окрестности S-t Zachariah, к каменоломням, где находят много ископаемых растений, мы с радостью приняли приглашение. Погода была превосходная, и наша прогулка удалась как нельзя лучше. Мы шли по маленькой прелестной долинке, окруженной невысокими горками, покрытыми зарослями приморской сосны и вечнозеленых дубов. Темная зелень этих последних представляла резкий контраст с бледными тонами оливковых плантаций на дне долины. Все это было залито золотыми лучами солнца, которое греет здесь в это время по-весеннему. На лужайках возле дороги тысячи маргариток в полном цвету, а лаванда и розмарин на пригорках были так же свежи и зелены, будто это было летом. Вернулись мы назад часа через два, обремененные богатою добычей. Затем скоро мы начали собираться в обратный путь — нам нужно было попасть к вечернему поезду. Расстались мы так же сердечно, как и встретились: на прощанье де Сапорта попросил позволения обнять меня! Вернулся я в Марсель в восторге от этого вечно юного старца. Да продлит Провидение его дни еще на многие годы!

Еще о Марселе и Провансе напишу как-нибудь после.

ЖЕНЕВА. 5 ФЕВРАЛЯ 1895 г.

Здесь стоят страшные холода: температура доходит до — 15° С и почти не поднимается выше — 4°. Каждые несколько дней дует с ужасною силой биза, делающая холод еще более невыносимым. Когда морозы спадают, начинает падать снег, и выпадает он в невероятном количестве. Везде навалены сугробы. На кантональных дорогах правительственный треугольник, запряженный 6–10 лошадьми, несколько раз начинал свою работу, чтобы расчистить дороги от снега. На днях экспресс между Лозанной и Женевой застрял почти на полсутки в сугробах, нанесенных метелью. Это неприятное время держится здесь более полутора месяцев подряд и вконец раздражает нервы. Холод еще чувствительнее оттого, что комнаты здесь отапливают скверно: маленькая железная печка служит для нагревания целой большой комнаты, а иногда и двух! Иногда, во время бури, несмотря на все старания моей хозяйки, невозможно поднять температуру выше 10°, и я сижу, закутавшись в бурку.

ЖЕНЕВА. 10 ФЕВРАЛЯ 1895 г.

Теперь, когда у меня выдалась минута свободного времени, спешу вам досказать свои похождения во Франции.

В Марселе остановился я в Hôtel du Globe — очень приличной гостинице, на одной из главных улиц, против почты. В этой же гостинице случайно остановился еще один русский — молодой офицер, только что выпущенный из военной школы. Двое русских в одной гостинице — это, вероятно, было для Марселя необыкновенное событие, потому что держатель гостиницы на следующий же день вывесил у подъезда русский флаг! Вероятно, в нашу же честь в конторе гостиницы беспрестанно играли на пианино «Боже, Царя храни!» Как бы то ни было, но подобное внимание со стороны хозяина отеля меня тронуло. Не могу, впрочем, сказать, что он в ознаменование франко-русской дружбы пощадил мои карманы. Впрочем, брал с меня по-божески, умеренно, не то что трактирщики в Лионе. По всему видно, что народ на юге более мягкий и симпатичный, чем северяне.

Первым делом по прибытии я сделал визит профессору марсельского факультета естественных наук Марьону, известному палеонтологу, с которым я случайно познакомился в 1893 году на Кавказе. Я встретил

у него самый радушный прием. Он ввел меня в свое семейство и оказал мне самое широкое гостеприимство, видимо, желая отплатить за гостеприимство, которое он встретил в России. Профессор очень любит Россию и в восхищении от своей прошлогодней поездки туда (в 1893 г. Русское правительство пригласило его в качестве эксперта для решения вопроса о борьбе с филлоксерой на юге России и на Кавказе). Профессор Марьон — директор филлоксерного комитета на юге Франции.

Супруга профессора, великолепная хозяйка, познакомила меня с лучшими произведениями провансальской кухни, которую я нашел превосходною. Существенным ингредиентом в составе блюд провансальской кухни являются всевозможные травы, пряности и острые вещи вроде красного перца, чеснока и лука, что заставляет издеваться над нею парижан. Но мне, кавказофилу, если не кавказцу, она пришлось по сердцу, так как у нас она в том же роде.

Из бесчисленных провансальских блюд укажу лишь на несколько наиболее известных, которыми могу заинтересовать вас. Во-первых, знаменитая *bouillabaisse* — рыба (названия не помню), главную пикантность которой составляет мудреный и многосложный соус из яиц, чеснока и проч. Соус настолько сложен, что у французов-северян слово *bouillabaisse* вошло в поговорку и означает: всякий вздор, чепуха, нечто вроде нашего выражения «винегрет» или «каша», но только сильнее. Во-вторых, не менее знаменитая *baudade* (см. А. Доде: «Нума Руместан» — *baudade* послужила, между прочим, причиной разрыва Нума Руместана с его супругой); *baudade* — это сухая треска, протертая со сливочным маслом, яйцами и прочими ингредиентами. Кушанье — на объеденье, но тяжело, его едва можно осилить несколько ложек. Третье, *aioli* (от слова *aïl* — чеснок) — чрезвычайно странное, но необыкновенно вкусное блюдо, состоящее из разных овощей: картофеля, моркови, свеклы (в цельном виде), подающихся с густою помадой из масла, чеснока и проч. (всех составных частей не упомяну). Вся суть блюда в этой помаде, для приготовления которой требуется особенное искусство. Блюдо отменное, но тяжело чрезвычайно, почему его едят только за обедом, и то не каждый день. Четвертое блюдо — *sanepani* — блинчики с рубленным мясом и разными специями.

Вообще, провансальский обед можно переварить, только запивая его доброю бутылкой вина, которое в Провансе очень недурно и по терпкости немного напоминает кавказское. Впрочем, беспощадная филлоксеры уничтожила лучшие виноградники юга Франции, и теперь вина уже не те, что были прежде. С провансальской кухней я еще обстоятельнее познакомился в ресторане Паскаля — знаменитом маленьком ресторане в Старой Гавани, где готовят исключительно по-провансальски.

В качестве десерта в марсельских ресторанах подают апельсины и бананы (из Алжира). Последние здесь очень дешевы: всего 10 сантимов штука. В большом употреблении здесь разные произведения моря: омары, морские ежи, разные устрицы и ракушки. Набережные Марселя представляют в полдень очень оригинальный вид: вдоль тротуаров разместились торговцы устрицами и проч. Прохожие останавливаются и тут же у витрин лакомятся морепродуктами. В то время как вы сидите на веранде кафе, выходящей на море, вас осаждают маленькие савояры — чистильщики сапог, затевающие из-за обладания вашими ногами между собою целую драку; торговец попугаями предлагает вам разноцветных жако, а напротив вас устраивается на мостовой целый концерт из скрипок и арфы или шарманки, уличная певица поет последнюю модную песенку (теперь в большом ходу во Франции песни: «Сожаления по поводу смерти Царя» и «Привет России»). Уличная жизнь в Марселе вообще чрезвычайно развита, и толпа крайне интересна — ее стоит понаблюдать. Каких только народностей здесь ни увидишь! Вот пробегает мимо вас, кокетливо семеня маленькими ножками, изящная парижанка в последнем модном туалете, по правде сказать, довольно вычурном — с широчайшими рукавами, но необыкновенно ловко охватывающем ее тонкую талию. За нею плавно и гордо выступает высокая и стройная марсельезка или арлезианка, с могучими формами, черными, как смоль, волосами, крупными черными бровями, живыми глазами, в мантилье *l'espagnolé*. Одной рукою она упирается в бок, а другою придерживает на голове корзину. Вот тип марсельца: великолепный мужчина, почти великан, быть может, чересчур полный, с огромными черными усами, добродушный, несмотря на свой грозный вид, без заботы на лице, с улыбкой *bon enfant*, непременно в широкополой шляпе. Вот эlegantный французский офицер в кепи, синем

мундире и красных штанах, дребезжащий саблей, которая волочится за ним. Вот зуавы в фесках, расшитых куртках и огромных шальварах, увешанные разным восточным оружием; вот моряки — офицеры и матросы всевозможных наций, продавцы газет, продавцы матросских поясов, попугаев, мартышек, марсельского мыла и т. д. Нет, надо видеть эту толпу на Cannebiere, залитой южным солнцем, полной веселого гама, чтобы оценить ее.

Уличному оживлению немало способствует живость и экспансивность южного темперамента. Об этом можете судить по следующей забавной сцене, которую мне случилось наблюдать. Раз как-то с профессором Марьоном и его дочкой я проходил поздно вечером по Cannebière. Мы воспользовались отличною погодой, чтобы прогуляться. Впереди нас выступало несколько испанских caballeros: надвинув на брови sombrero и кутаясь в длинные черные капы, они выступали важно и мрачно, изредко перекидываясь словами и не обращая ни на кого внимания, — словом, как говорится в одном испанском стихотворении:

Un hombre embozado

Y en sombrero a los ajos recatado...

То есть, человек, закутанный в плащ, в шляпе, надвинутой на глаза.

Мы невольно любовались этою величественною группой, полною сознания своего достоинства (хотя надо вам сказать, наши caballeros были не кто иные, как простые коммерсанты, торговцы апельсинами). Вдруг в соседнем переулке раздаются крики. Мигом вся толпа с тротуара бросается в переулок, а за нею, распустив свои капы, вприпрыжку, забыв всю свою степенность, и мои испанцы. Мы — за ними. Оказывается, дерутся два пьяных матроса. Драка остановлена в самом ее начале, так как к месту действия приближается фигура «агента мира» (agent de paix — так здесь называют полицейских). Он благополучно разнимает дерущихся и направляет их в Commissariat de police, или попросту, в участок. Наши hombres embozados снова закутываются в капы и продолжают путь свой далее как ни в чем ни бывало.

Не могу также забыть первого впечатления, произведенного на меня марсельцами. Я зашел в университет узнать адрес профессора Марьона. Вызываю швейцара.

— Как мне найти профессора Марьона?
— Нет ничего легче: он теперь в университете.

— Могу ли я его видеть?

— О, это невозможно!

— Почему?

— Он читает теперь лекцию.

— Но после?

— О, если вы будете иметь терпение ждать!

— Но, конечно... Впрочем, если он теперь занят, может быть, я могу увидеть его завтра?

— О, это тем более нельзя!

— Почему?!

— Он завтра не читает лекций!

— Но, быть может, я могу его застать у себя? Не можете ли вы указать мне его адрес?

— О, это невозможно! Как я могу указать вам его адрес, когда сегодня он живет здесь, а завтра там. Разве можно помнить все адреса?

Вероятно, разговор еще долго продолжался бы в том же роде, если бы не явились ко мне на выручку жена и дочь швейцара, привлеченные в переднюю криками (надо вам сказать, разговор велся в мажорном тоне, с обилием восклицаний и жестов).

— Monsieur, monsieur! — кричит мне первая, — я могу сказать вам адрес профессора Марьона!

— Нет, мама, постой, ты не знаешь, — перебивает ее дочь, — это я, monsieur, могу вам дать точный адрес!

— Постой, чего ты суешься! Улица такая-то!

— Нет, мама, улица другая!

— Нет, так!

— Нет, неправда!

— Постойте, — перебивает их отец, — не все равно, какая улица! Ведь monsieur не знает Марсея! Знаете вы Марсель? — строго обращается он ко мне.

— Нет, не знаю... Но...

— Ну, так значит вам бесполезен адрес: вы все равно его не найдете.

— Но я имею план...

— А! Вы имеете план! Это другое дело!

— Постойте, сударь, я укажу вам, — вмешивается супруга.

— Нет, мама, дай лучше я! — перебивает дочь.

— Идите по такой-то улице, садитесь на конку...

— Нет, мама, это далеко: пускай лучше monsieur идет по другой улице: возьмите здесь омнибус, затем на десятом переулке сядьте на конку, затем на таком-то перекрестке слезьте и идите столько-то шагов...

— Постойте вы, егозы! — перебивает их обеих швейцар, сохранявший до сих пор презрительное молчание, — я растолкую все monsieur.

Он вырывает из их рук план и строго обращается ко мне:

— Умеете вы читать?

— Но, я думаю...

— Eh, bien! Идите так-то, так-то и так-то, — начинается длинное перечисление кварталов, улиц и переулков. Я теряю терпение.

— Послушайте, да вы скажите толком, на какой улице он живет?

— На такой-то.

— Так какого же черта мне колесить по всему городу на конках и омнибусах, когда это всего в нескольких кварталах от меня?..

Впрочем, несмотря на их маленький недостаток — экспансивность, марсельцы очень милый народ — беззаботный, добродушный, словоохотливый, приветливый. Я с удовольствием вспоминаю о нескольких знакомствах, сделанных мною через профессора Марьона.

Простился я со своими марсельскими друзьями самым теплым образом. На прощанье пригласил профессора Марьона и еще одного общего знакомого на ужин к Паскалю. Здесь мы в живой беседе прекрасно прокоротали последний мой вечер в Марселе.

На днях я получил от профессора Марьона печальное известие о внезапной кончине нашего общего знакомого, маркиза де Саппорта, симпатичного ученого-старца, о котором я уже писал вам. Он умер от болезни сердца, которою страдал в течение двух лет.

Из Марсея я сделал экскурсию вдоль побережья Средиземного моря. Был в Тулоне, но до Ниццы не доехал; слишком дорого, да и времени было мало. Тулон как город ничего особенного не представляет.

Замечательна только его площадь, окруженная финиковыми пальмами значительной высоты (до 3 сажен). Рейд уступает марсельскому, хотя и поместительнее его. На подъезде к Тулону начинаются сады из апельсинов и лимонов: уже в Oioui, деревушке на полпути из Марсея к Тулону, можно видеть маленькие аллеи из пальм, что стало для меня новостью, так как я ничего подобного на Кавказе не видал, хотя климат Марсея и Тулона холоднее кавказского.

ЖЕНЕВА. 3 МАРТА 1895 г.

Вы просите сообщить вам что-либо о моей жизни? Право, я очень затрудняюсь дать Вам на это ответ: моя жизнь в Женеве так однообразна и неинтересна. С раннего утра до вечера на работе, вечером — тоже за работой в своей каморке. Вот и вся моя жизнь. Не вижу я решительно никого, а тем более из русской колонии, среди которой, как Вы знаете, я не имею вовсе знакомств. Жалею поэтому, что не могу Вам ничего сообщить о ней.

Ужасная погода, стоявшая здесь почти два с половиной месяца подряд, прекратилась лишь со вчерашнего дня, и то, кажется, только на время. Что здесь делалось — не поддается описанию. Город был буквально завален снегом — *il neigeait, il neigeait toujours...* На расчистку улиц от снега за 2 месяца муниципалитет затратил до 600 тысяч франков — солидная сумма для города с населением 40 тыс. жителей (представьте себе затрату в 600 тыс. рублей, сделанную для этой цели хотя бы Тулой!).

Поезда испытывали сильные замедления, а сообщение с Францией было прервано почти на сутки: не ходили не только поезда, но даже из всех телеграфных проволок действовала только одна. На смену снегу являлись морозы в 10—12° и до 17° — одни или с бизой. Можно себе представить, какую прелесть представляли эти комбинации! Я страдал от непогоды, тем более, что она застала меня врасплох. Рассчитывая на мягкий климат Женевы, я захватил с собою лишь легкое пальто, а свою теплую обувь — сапоги из бурки — оставил в Тифлисе. О последнем мне пришлось особенно пожалеть, так как иногда, чтобы добраться из Женевы до Шамбези, приходилось пробираться через огромные сугробы в башмаках, без калош (которые отказались служить!).

При моем полном одиночестве и однообразной работе эта ужасная погода производила на меня угнетающее впечатление, порождая глубокую апатию и отвращение ко всему.

Теперь кажется, это тяжелое время кончилось и надо ждать в гости весну. Тяжелы климаты Севера. Может быть, они по вкусу некоторым людям с хорошим достатком, но весь бедный, плохо одетый и плохо питающийся люд их вместе со мною проклинает.

ЖЕНЕВА. 9 АПРЕЛЯ 1895 г.

Хотел отправить вам это письмо вчера, чтобы оно пришло к вам в самый день праздника Пасхи, но не успел. Вчера я давал в здешнем Ботаническом обществе конференцию («Флора известняков Западного Закавказья» — моя главнейшая работа за этот год). Эта конференция заняла у меня весь вечер, а днем, вы сами знаете, я на работе до половины шестого.

Конференция удалась вполне. Президент общества, здешняя знаменитость Казимир де Кандолль поздравил меня с замечательными открытиями, а другой, тоже выдающийся здешний ботаник, профессор Шода, заявил, что вполне присоединяется к моим заключениям. Этот успех значительно ободрил меня. Значит, есть какой-нибудь толк из моих семилетних трудов. Конференция будет опубликована в течение этого месяца в Бюллетенях Гербария Буассье. Не знаю, как встретят в России эту публикацию!

Эта конференция поглотила у меня добрых две недели времени. Ранее перед тем давал другую конференцию в Альпийском клубе. Эта носила заглавие: «Dans les coins perdus du Caucase», т. е. «В тущобах Кавказа» — пересказ моих путешествий в прошлом году. Собралось более 100 человек в крошечном зале Альпийского клуба. Эта конференция имела шумный успех — пожалуй даже больший, чем конференция в том же роде, которую я читал в прошлом году. После заседания мне представился редактор журнала «L'Echo des Alpes» и предложил напечатать конференцию в ближайшем номере своего журнала, на что, конечно, я согласился. Она будет напечатана, быть может, с рисунками. На следующий день через одного из своих знакомых получил приглашение от

редактора лучшего здешнего литературного журнала «Semaine litteraire» дать какую-нибудь статейку для его журнала. Последнее предложение поставило меня в несколько затруднительное положение. У меня теперь такая масса спешной научной работы, что я, право, жалею, что у меня не четыре руки! В течение месяца–полутора, которые я пробуду в Женеве, мне нужно приготовить к печати кроме вышеназванной конференции еще большую работу (листов шесть–семь), результат моих занятий в Гербарии Буассье. Хотелось бы опубликовать еще одну–две маленьких работки, которые давно созрели в голове, но не знаю, хватит ли времени. Разработка моих коллекций быстро идет к концу, но все еще остается довольно, на добрых три–четыре недели. Работа значительно тормозится массой новых растений, которые приходится описывать (за эти 4 месяца описано, думаю, до 30–40 видов, если не более). Не обходится и двух–трех дней без «крестин»!

Но довольно о себе. Перейду к Женеве. Погода, вот уже три недели, установилась весенняя, а последние дни солнце греет как летом. Снег давно везде сошел, кроме гор. Здесь это делается быстро. Женеве снова приняла свой опрятный, праздничный вид. Здешняя Пасха совпадает в этом году с нашею, и город теперь полон оживления. У нас занятия будут прекращены с четверга до понедельника. Таким образом, есть возможность отдохнуть, а то, признаюсь, я сильно устал.

Единственное мое здесь развлечение — музыка. Бываю раза два в месяц в опере (очень недурная в этом году). Недели три тому назад слушал концертное исполнение знаменитого «Реквиема» Берлиоза. Концерт происходил в Victoria Hall, здешнем новом концертном зале, недавно построенном, представляющем собою последнее слово роскоши, комфорта и дешевизны (громадная зала, способная вместить несколько тысяч слушателей, буквально тонет в золоте; бесчисленны электрические лампочки в виде цветов — то поодиночке, то в букетах-люстрах освещают al giorno эту роскошную залу; места очень недороги: на второй галерее, откуда прекрасно все слышно, кресла стоят всего 1 франк, а иногда даже 50 сантимов!). Исполнителей «Реквиема» было до 300 — музыканты и хор. Исполнение было поразительным по своей грандиозности, хотя, признаюсь, особенного впечатления на меня не произвело. Музыка

чересчур театральная, бьющая на эффекты, идущие для исполнения в каком-нибудь грандиозном кафедральном соборе, в торжественном служении, но совершенно не подходящая для служения над телом обыкновенного смертного в простенькой и тихой провинциальной церкви. В этом отношении наша церковная музыка стоит, по-моему, несравненно выше, ближе подходит к чувствам человека, охваченного скорбью, и отвечает печальной обстановке отпевания. В «Реквиеме» Берлиоза, правда, есть эффекты поразительные, заставляющие содрогнуться. Например, момент «Tuba mirum», когда при последних звуках замирающего хора вдруг из глубины сцены, со страшною силой раздастся труба архангела; ей отвечает с правой галереи другая труба, потом с левой — третья; наконец, с авансцены — четвертая. Вслед за тем все трубы сливаются в потрясающем аккорде, от которого буквально дрожат стены. Все это, конечно, превосходно, производит сильное впечатление, но, повторяю, чересчур театрально. Хорош также по выразительности хор: «Dies irae, dies illa...» («День гнева, тот знаменательный день, который превратит землю в пепел» ...)

Вы видите, что в Женеве можно проводить время с пользою и удовольствием, причем последнее можно получить на самые скромные средства.

ЖЕНЕВА. 1 июня 1895 г.

Надеюсь, вы извините мое долгое молчание. Причина ему была уважительная. Я был всецело поглощен приготовлением к печати моей большой работы, составляющей свод моих семилетних исследований. Работа эта заняла целых четырнадцать печатных листов, и только на днях я кончил последний лист манускрипта. Теперь остается мне только следить за печатанием, поправлять корректуры (работа уже больше месяца в наборе: вышло в свет пока шесть печатных листов). Кроме того, послезавтра должен подготовить к печати другую работу (она давно уже закончена, остаются кое-какие поправки). Сдав ее в типографию, примусь за третью работу, и это уже будет последняя. Как видите, дел у меня по горло, хотя все-таки самое главное, можно сказать, я уже сбыл с рук. Занятия мои в Гербарии Буассье скоро окончатся: послезавтра приведу к

концу огромную работу, стоившую мне семи лучших лет жизни. От всех этих трудов, которые вел без малейшего отдыха, чувствую себя страшно утомленным. Кажется, если бы продолжал так работать еще в течение одного-двух месяцев, не хватило бы сил моих.

В Женеве пробуду еще недели две — нужно следить за печатанием, чтобы закончить все до отъезда. Из Женевы думаю проехать в Париж. Там теперь работает мой бывший коллега по Ботаническому кабинету. Приятно будет встретиться и поболтать вместе после долгого отчуждения — и ему, и мне. Здесь, за полгода пребывания в Женеве, я почти не говорил на русском языке.

В жизни моей здесь перемен особенных нет. Отмечу только один факт, который, быть может, вам приятно будет услышать. В прошлое заседание (на котором я не присутствовал) Ботаническое общество Женевы по предложению своего президента, известного ботаника К. де Кандолля, избрало меня членом-корреспондентом. По объяснению шефа Гербария Буассье, подобное избрание, в особенности, если речь идет об иностранце, считается здесь за большую честь.

Что вам сказать о Женеве? Мы переживаем теперь чрезвычайно непостоянный сезон, где палящая жара чередуется внезапно с холодами, почти заморозками, и где в течение дня можно наблюдать переходы от безоблачного неба к проливному дождю, от совершенного затишья к страшной бизе. Редко видел я климат более изменчивый. Даже наша Одесса, стяжавшая себе славу непостоянства и климатических контрастов, не может идти в сравнение с Женевой. Зимние холода загубили здесь много растений, особенно южных: фиговые деревья, магнолии, рододендроны здешних парков сильно пострадали.

Последнее время Женева была очень занята голосованием против недавно провозглашенного в Женевском кантоне закона — о вотировании в субботу вечером вместо воскресенья, как это было доселе. Закон прошел в Государственном совете большинством с перевесом всего в четыре голоса. За закон были радикалы и социалисты, против — демократическая партия, т. е. консервативно-протестантская. Католики оставались в стороне. Вам кажется, это пустое дело: не все ли равно — вотировать в субботу или в воскресенье. Но радикальная партия придавала этому

закону большое значение, имея за ним свои цели. Закон этот пришелся весьма не по вкусу женевазцам, большинство которых принадлежит к демократической партии. Тотчас же по провозглашении закона раздался голоса о референдуме, т. е. о собрании подписей против нового закона. Когда собралось узаконенное число подписей, приступили к всеобщему голосованию, и вот в предпоследнее воскресенье новый закон торжественно провалили. При мне за три года здесь таким образом проваливаются вот уже третий закон. Система законодательства здесь до крайности проста: право референдума, протеста, предоставленное каждому гражданину, гарантирует страну от дурных законов, являющихся следствием одностороннего увлечения депутатов или известного соглашения между партиями (как было в настоящем случае). Громадные прокламации, расклеиваемые разными партиями на всех перекрестках, знакомят граждан с разными направлениями общественного мнения. Надо отдать честь женевазцам: у них есть положительный здравый политический смысл. Все пустые немецкие затеи, идущие из Берна, по инициативе депутатов из немецких кантонов, здесь всегда проваливаются. Так, при мне провалили знаменитый билль Право на работу, внесенный в Федеральный Совет социалистами. Такая же участь, без сомнения, постигнет табачную монополию, проект которой вносится вскоре в Федеральный Совет. Вообще нельзя не сознаться, что в политическом устройстве Швейцарская конфедерация не оставляет желать лучшего. Все идет здесь как по заведенному порядку, правильно, толково, осмысленно. Все довольны, никаких революций не бывает. Да и мыслимы ли здесь они, когда каждый швейцарец имеет законом предоставленное ему право отвергать не нравящийся ему закон, или когда все оружие находится в руках у граждан, а арсеналы правительства пустуют? Каждый швейцарец может с полным правом сказать о себе: «Государство — это я сам». Такое впечатление выношу я из Швейцарии после трех зим, проведенных в Женеве. Сама Женева менее симпатична. Причина — ультрапротестантский или, если хотите, кальвинистский дух, господствующий здесь и доходящий до шовинизма. Сомневаюсь, чтобы это религиозное направление способствовало чистоте нравов (человек останется всегда человеком, хотя бы и принадлежал к наилучшей религии); но несомненно, что оно кладет известный

тяжелый отпечаток на всю общественную жизнь. Для иностранца, который здесь бывает проездом, это незаметно, но для более или менее оседлого жителя это очень чувствуется. Я не имею ничего против религиозности. Я против шовинизма в религии. Вот вам все немногие впечатления, какими могу пока поделиться с вами.

Вы спрашиваете меня, почему моя популярная французская статья подписана Д-г N. Alboff. Жалею, что по моему недосмотру проскользнуло в печать это выражение, подавшее в России повод к недоразумениям. В Женеве меня все величают «доктором». «Docteur» — это здесь первая и вместе с тем единственная степень, которую получает студент, сдавший успешно все экзамены и написавший диссертацию. Эта степень соответствует вашему «кандидату», даже несколько меньше ее. Слово же «кандидат» здесь совершенно неизвестно. То же самое в Австрии и Германии. О наших степенях магистра и доктора ботаники здесь не имеют понятия. Повторяю, *docteur ès sciences naturelles* здесь совершенно то же, что у нас *candidat ès sciences naturelles*.

Суза. 12 июня 1895 г.

Я случайно очутился в Италии. Профессор ботаники в Женеве, мой знакомый, пригласил меня участвовать в экскурсии, которую он предпринял со студентами через Мон-Сени в Италию и затем обратно, через Модену в Женеву. Я с радостью принял предложение, так как мне очень хотелось посмотреть Альпы и сравнить их растительность с кавказской. Экскурсия удалась как нельзя лучше. Позавчера с ночным поездом мы оставили Женеву, ночью проехали Францию (*viá* — Шамбези — Гренобль — Модена) и к утру прибыли в пограничную станцию Модену. Из Модены сейчас же начали подъем на Мон-Сени. Погода все время благоприятствовала: к вечеру достигли перевала; ночевали на итальянской стороне, в маленьком бурге. Прекрасная гостиница, чисто, дешево. Ели мясо, приправленное сахаром, и макароны. Пили знаменитое *Asti*. На следующий день поднимались на Мон-Сени, собрали массу интересных растений. Ночевали в той же гостинице, и сегодня стали спускаться к Сузе (первый город в пьемонтской Италии). Пишу сейчас же по прибытии в гостинице «Солнце». Пробудем здесь неделю. Пообедаем — и сейчас

же будем спускаться дальше, к первой станции железной дороги. А оттуда поездом возвращаемся через Модену в Женеву. Дороги превосходные, виды очаровательные, особенно на итальянской стороне. Со всех сторон импозантные горы, не уступающие кавказским, хотя бесконечно менее дикие. Резкая разница между французским и итальянским склонами — и природа, и жизнь другая. С языком кое-как справляюсь, благодаря знанию испанского языка, который имеет много сходства с итальянским.

ЖЕНЕВА. 30 июня 1895 г.

Спешная работа у меня теперь окончена, в Гербарий Буассье хожу изредка и только за справками. Работаю теперь дома, а *mon aise* — отчего и сама работа кажется легче.

Путешествие или, вернее, прогулка через Мон-Сени в Италию значительно подкрепила меня, успокоив несколько расшатавшиеся нервы. Работаю теперь совершенно спокойно. Скажу несколько слов об этой прогулке. В письме из Сузы, которое писал торопясь, за обедом, я мог передать вам лишь очень немногое.

Прогулку можно назвать очень удавшеюся. Погода нам благоприятствовала, и, самое главное, мы, по счастью, избежали затруднений на итальянской границе. Надо вам сказать, отношения между Италией и Францией крайне натянутые — пахнет почти войной — и будь мы французы, не отделались бы так дешево от итальянских жандармов. По крайней мере, не далее как позавчера я прочел во французской газете, что итальянские *carabinieri* захватили двух французских ботаников, гербаризировавших почти одновременно с нами, на итальянской границе (в Приморских Альпах) и посадили их в тюрьму! На наше счастье, участники экскурсии, весьма большая компания (с профессором 17 человек), были швейцарцы, кроме двух немцев, четырех русских барышень и меня, а также одного француза (который оказался тоже швейцарцем). Как бы то ни было, на перевале Мон-Сени жандармы продержали нас с полчаса, — телефонировали вниз в первый поселок местным властям о нашем прибытии, а когда мы спустились туда и хотели зайти в гостиницу, нас никуда не пустили! Пришлось пуститься в переговоры с комендантом казармы *bersaglieri* (альпийские стрелки), стоявших тут, чтобы

испросить позволения провести здесь ночь и сделать на следующий день экскурсии в окрестностях. Хорошо, что у профессора был открытый лист от ректора университета, приглашающий власти оказать нам внимание. Но документ был на французском языке — пришлось переводить его через одного из участников экскурсии — швейцарца из итальянского кантона Тессина. К счастью, все уладилось.

В самой казарме мы нашли отличный ресторан (на высоте 2 000 м!), приличные комнаты с чистыми постелями и великолепную итальянскую кухню. В этом ресторане столуются офицеры, а кофейня при нем служит равно для офицеров и солдат (здесь нравы демократические). Кстати, об офицерах: великолепные ребята, красавцы как на подбор, в блестящих униформах. Я не видел еще мундиров более красивых — с большим числом серебряных и золотых нашивок. Кроме bersaglieri (форма — шляпа с перьями) здесь же стоит эскадрон другого оружия — пехотинцы с красными итальянским фесками с кистью, падающею далеко на затылок, и еще какие-то белошапочные солдаты. Все имеют удивительно бравый вид (хотя смахивают на солдат из опереток), веселы, держатся непринужденно. Отличительная черта итальянских сынов Марса: шумят необыкновенно. За обедом поднимают целый содом — не могут говорить без крика. После обеда (или ужина, если хотите) сейчас же засаживаются за карты, и тут шум удваивается. Впрочем, держатся все — и офицеры и солдаты — необыкновенно прилично и с нами были безукоризненно вежливы.

Затруднения наши на границе объясняются тем, что горы на итальянской стороне перевала все усеяны фортами — и понятна отсюда деликатность положения путешественников — альпинистов, которых легко принять за шпионов.

Первое неприятное впечатление от Италии быстро рассеялось после того, как мы расположились в комфортабельной гостинице за бутылками превосходного Asti (славное итальянское шипучее вино). Курьезно, что здесь Asti, несомненно натуральное, стоит 1 франк 50 сантимов бутылка, тогда как в Женеве продают бутылку «настоящего» Asti за один франк! Этому обстоятельству мы много смеялись.

Следующий день мы посвятили экскурсиям. Обошли кругом красивого озера, расположенного непосредственно под перевалом и взо-

брались на одну из вершин Мон-Сени — до 2 700 м. Погода была превосходная — было даже жарко, и я очень жалел, что взял с собою бурку, нести которую на себе в течение трех дней вместе с другими вещами было делом нелегким. Бурка возбуждала всеобщее любопытство. Молодые люди — студенты над нею посмеивались (все они вышли налегке), равно как и над моими кавказскими чувяками (здесь ходят в горы в башмаках, подбитых большими гвоздями). Что бы однако они сказали, если б погода изменилась к худшему и мы были бы в дороге не три дня, а дней десять–пятнадцать, и гостиниц на пути у нас не было бы? Здесь не понимают, что условия путешествий здесь и на Кавказе совершенно иные: здесь можно промокнуть до костей, прозябнуть, проголодаться и к ночи наврное спуститься в комфортабельную гостиницу или хотя бы в простой auberge (постоялый двор), где можно высушиться, обогреться и подкрепиться горячею пищей. Здесь прислуга вычистит вам сапоги, даже найдется лицо исправить их, если они потерпели аварию. А попробуйте, например, с этими башмаками явиться на Кавказ! Кавказские чувяки — естественное приспособление к путешествиям в той стране: берут в запас несколько пар, и сослужившие службу тут же выбрасывают.

На третий день мы спустились по великолепной дороге к первому итальянскому городу Сузе. Виды по дороге прекрасные. Грандиозное ущелье, поросшее каштановым лесом, напомнило мне Кавказ. Вообще здешние горы имеют с Кавказом мало сходства, как по своим очертаниям, так и по растительности. При спуске солнце палило невыносимо, и нам приятно было встречать по дороге почти на каждом шагу прохладные ручьи или тень грецких орехов.

В Сузе сделали небольшую экскурсию в окрестностях и остальную часть дня провели довольно весело. В городе было большое оживление: мы попали в день выборов двух муниципальных советников, и поэтому уличная жизнь кипела ключом. Ужинали если не весело, то очень шумно: наши бурши пели во все горло на немецком языке свои студенческие песни и истребляли Asti и марсалу; в истреблении последней принял деятельное участие и я, в чем каюсь, ибо чувствовал себя среди этой компании совершенно одиноким. Немецкая грубая речь, по-видимому, здесь не только не режет слух, как во Франции или хотя бы в Женеве, где

один подвыпивший французский солдат в отпуске дал оплеуху прохожему за то, что он говорил со своим спутником по-немецки («са т'агасе, са т'агасе» — объяснил он на суде). Напротив, скорее кажется, она ласкает итальянский слух ввиду существования «тройственного союза». Я по крайней мере заметил в маленьком городишке Сузе несколько характерных вывесок: «Прусский питейный дом», «Прусское агентство» и т. п.

Если мы ужинали шумно, то еще более шумно ужинали в соседней зале друзья новоизбранного муниципального советника, которые, неистово топая ногами в честь героя дня, угрожали продавить пол ненадежного здания гостиницы «Солнце» — «Albergo del Sole», как гласит вывеска, изображающая золотое светило, распространяющее лучи свои далеко кругом.

Черта Италии: много, слишком много музыки. Солдаты в казарме, кажется, только и занимаются тем, что музицируют. Идут на ученье с музыкой, маршируют под музыку, возвращаются с музыкой, отдыхают тоже под музыку. С утра до ночи с разных сторон казармы только и слышишь что музыку — всевозможные инструменты, в том числе и фортепиано (на последнем упражняются дамы).

В поселке Мон-Сени (по-итальянски Монте-Ченизио) мы имели визит ректора приюта для странников, который приглашал нас осмотреть это учреждение. Приют образцовый: порядок, чистота необыкновенная. Тут же находится колония для детей, которых за казенный счет отправляют сюда на лето поправляться. Все очень просто, но удобно и уютно: для детей имеется библиотека, гимнастика, игры и даже театр, где дают представления скучающие офицеры и их жены.

Итальянки-пьемонтки некрасивы: чрезвычайно низенькие, квадратные, с невыразительными лицами.

Париж. 30 июля 1895 г.

Я в Париже четвертый день. Несмотря на короткий срок пребывания, уже успел отведать всех прелестей этого будто бы «центра» европейской цивилизации. Редко даже на Востоке я встречал город более беспорядочный, некрасивый, антипатичный. Население грубо, невежливо (и откуда это взялся предрассудок о французской любезности?!),

никакого толку здесь ни от кого добиться нельзя. Приехав сюда из Женевы, испытываешь чувство, будто попал в страну варваров. Это буквальное впечатление. Город заполнен полицейскими (целая армия!) и чиновниками *ostroï*. Эти последние стерегут все выходы из города и с вокзалов. Если вы входите в город и несете что-нибудь в руках, вас обыскивают, ощупывают и т. п., совершенно как в Турции. Здесь существует странный налог на продукты первой необходимости, особенно на съестные припасы, ввозимые в город. Дороговизна жизни здесь страшная. За городом все стоит дешевле. Дорого здесь платят за удовольствие жить в Париже!

И хоть бы город был красивый: есть несколько красивых улиц и зданий в центре, на правом берегу Сены, а в Латинском квартале (левый берег) все безобразно, серо, грязно, улицы узки, дома — коробки разной величины. Иногда около крохотного домика — высоченное здание и т. д.

Деньги здесь уходят из кармана с неслыханною быстротой, и едва ли я останусь здесь долее, чем потребует крайняя необходимость — дней 14.

Ученые учреждения и библиотеки здесь обставлены скверно: как будто они существуют лишь для чиновников, которые ими заведуют. На публику не обращают никакого внимания, ей оказывают всевозможные стеснения. Мой коллега, работающий здесь, уже успел испытать это на себе, несмотря на «франко-русскую дружбу». Никогда никакой неприятности ни в Германии, ни в Австрии, где он раньше работал, не чувствовал. Как видно, и мне не много придется выиграть для своей работы от пребывания в Париже.

Я поселился на самой окраине, почти в предместье, около великолепного парка *Montsouris*, в одной маленькой гостинице. Неподалеку от меня живет мой коллега, который и приискал мне настоящую квартиру.

До своего отъезда буду еще вам писать. Теперь же кладу перо — меня ждет спешная работа.

Лондон. 19 августа 1895 г.

Как видите из заголовка этого письма, я теперь в Лондоне. Приехал я сюда, воспользовавшись дешевым поездом из Парижа в Лондон (по случаю праздника Успения), чтобы поработать некоторое время в знаменитом Гербарии королевских садов в Кью (первый в мире), в ожидании

пока выйдет в свет моя большая работа «Флора Колхиды» и будет набрана еще одна новая периодическая публикация в Бюллетенях Гербария Буассье. Непременно хочу покончить с этими делами за время пребывания моего в Европе, ибо они требуют моего личного присутствия.

В Лондоне пробуду еще неделю. Пока живу в Est—End, восточной части города, но завтра перебираюсь ближе к Кью, в Вест—Энд. Не бывав в Лондоне, трудно составить себе представление, что это за город: он раз в десять больше Москвы. Париж, Вена после него кажутся ничем. Впрочем, ориентироваться здесь чрезвычайно легко, купив за 6 пенсов путеводитель с картой. Порядок здесь всюду царствует образцовый, не то что в Париже. Обратившись к первому встречному полисмену, первому служащему на железной дороге, даже к первому прохожему, всегда легко добиться толку и найти что нужно, несмотря на слабое знание языка. Город пересекают во всевозможных направлениях железные дороги, надземные и подземные. Поезда на подземных дорогах циркулируют каждые две—пять минут. Все устроено толково, удобно, общепонятно. Народ очень вежливый и обязательный. К иностранцу, раз он говорит на английском языке, относятся предупредительно и внимательно. В частности, в Кью меня встретили очень любезно и с величайшей готовностью дали мне дозволение работать в этом образцовом учреждении. Впрочем, я имел к директору сада рекомендательное письмо из Женевы. Великолепные сады и оранжереи Кью открыты для осмотра публикой ежедневно. Вход свободный, без всякой платы, без всяких билетов и дозволений. То же самое и в других учреждениях и музеях. Здесь считают, что ученые учреждения созданы для публики, а не для прокормления заведующих ими чиновников (как во Франции).

Лондон так велик, что все осмотреть в нем в такой короткий срок нет возможности, особенно если проводить утро за работой. До сих пор успел осмотреть только собор св. Павла, Вестминстерское аббатство, Тауэр, Парламент снаружи и лондонские доки. Всё до такой степени поразительно, что трудно разобраться во впечатлениях. Могу сказать, что до сих пор в жизни я не видал ничего подобного. Нигде, даже в Париже, не видал столь грандиозных и художественных храмов, зданий и памятников. Один Парламент и Вестминстерское аббатство чего стоят! Я не говорю уже о St.-Paul's. В Вестминстерском аббатстве и соборе св. Павла

можно мечтать целые дни среди могил и статуй великих людей — памятников славного прошлого великой нации.

Толпа и оживление, господствующие здесь на улицах, поразительны: движение на парижских улицах — ничто в сравнении. Особенно велико оно теперь на наших улицах (между Aldgate и Whitechapel, в коммерческих кварталах; Whitechapel — чисто еврейский квартал), по случаю праздников. Здесь вечерами на улице сплошная толпа. Несмотря, однако, на эту суету и движение, порядок здесь царствует образцовый. По малейшему знаку полисмена экипажи останавливаются и пропускают прохожих.

Видел я войсковые здания: солдаты необыкновенно brave, служат по найму. Воззвания к желающим поступить на военную службу с перечислением всех выгод последней можно видеть на стенах улиц. Форма — красные мундиры и маленькие шапочки, чрезвычайно элегантные. Французские солдаты в синих мундирах с огромными красными эполетами и красных штанах кажутся марионетками и представляют отличную мишень для неприятеля. Вы видите, ничто мне во Франции не нравится — и справедливо.

Жизнь здесь, за исключением квартир, очень дешева; в общем дешевле, чем в Париже, но не в отелях, где цены ужасные. В Кью жизнь значительно дороже, чем в Лондоне: это дачное место, и конкуренции здесь меньше. Вот почему я поселился не в Кью, а в столице, и предпочитаю ездить туда по железной дороге.

Пока кладу перо в сторону. Меня ожидают корректуры, которые я только что получил.

Париж. 30 августа 1895 г.

Я должен здесь остаться еще недели на две, хотя книга моя совсем готова. Дело в том, что мне не совсем везет в последнее время: что-то нездоровится. Извините, что пока не пишу о своих намерениях в будущем. Вы знаете, я не люблю распространяться о планах, которые еще не получили окончательной формы. Как только определюсь, не замедлю тотчас же известить вас о них.

В Париже я на этот раз устроился недурно, в центре города, в Латинском квартале, в довольно приличном, а главное, спокойном отеле.

Я нисколько не жалею, что потратился на поездку в Лондон. Не говоря уже о том, что в моих интересах важно было завязать отношения со знаменитым Гербарием в Кью, сама поездка в Лондон была для меня весьма поучительна. Сознаюсь, я не видал еще доселе города, который произвел бы на меня большее впечатление. Вот где настоящий очаг жизни! Париж с его сутолокой кажется провинцией после Лондона. Париж не оставляет после себя никакого впечатления, Лондон — глубочайшее. Какие монументы, какие исторические здания, какие роскошные и богатейшие музеи! И какая кипучая жизнь везде — жизнь вечно занятого делового народа. Парижского фланерства — людей, праздно слоняющихся по улицам и разглядывающих магазинные витрины, в Лондоне нет и следа. Там по улицам гулять нельзя — вас сейчас затолкают.

Если хотите гулять, идите в любой из роскошных парков, находящихся в центре города — Hyde parc, Battersea parc и проч. Я искренно жалел, что срок моего обратного железнодорожного билета не позволял мне остаться в Лондоне больше двух недель, чтобы ознакомиться со всеми богатствами его музеев, тем более, что жизнь гораздо дешевле в Лондоне, чем в Париже, даже принимая во внимание одинаковые условия. В последнее время я жил в предместье Лондона, где царствует полная тишина и спокойствие и обстановка чисто деревенская — тянутся ряды коттеджей с садиками около них.

Англичане — народ необыкновенно вежливый и предупредительный (совсем иное представление слагаем мы о них по книгам). Переплачивать зря, как во Франции или даже у нас в России, нигде не приходится.

Железнодорожное сообщение организовано превосходно. Все просто, толково, общепонятно. Разумеется, нужно знать местный язык, ибо, по большей части, англичане, даже и образованные, на другом языке кроме английского не говорят. Нет ничего поразительнее, чем когда вы, промчавшись полчаса по подземной железной дороге, из шумного сити переноситесь в предместья с их чисто провинциальным колоритом.

Был свидетелем оригинального явления, которого нигде в Европе кроме Англии не увидишь. Это — митинги. Они устраиваются обыкновенно по воскресеньям (остальная жизнь по воскресеньям в Англии замирает: улицы мертвы, все закрыто, даже театры). Митинги бывают разного

сорта — религиозные, политические, социалистические и антисоциалистические. Я видел всякие. Часто религиозный митинг идет бок о бок с социалистическим и антисоциалистическим. В последнее воскресенье в Hyde park'e был грандиозный митинг Trades Union (рабочих союзов). В 4 часа в парк вошла громадная процессия с огромными роскошными знаменами в добрых две квадратных сажени величиной (каждое несли по 10 человек), с тремя оркестрами музыки. Впереди — кавалькада всадников в костюмах. Митинг велся на открытом воздухе, на зеленой лужайке. Народу было тысяч до пяти — зрителей и участвующих.

Местные митинги, например в нашем предместье, скромнее, но пожалуй, еще картиннее. Раз я наблюдал около моста через Темзу в нашем предместье такую сцену: около самого моста расположился социалистический митинг; рядом с ним поместилась какая-то религиозная миссия (проповедник доказывал, что все социальные учения — ерунда и вся суть в религии), пели гимны и играли на органе; еще поодаль расположился антисоциалистический митинг, где оратор громил социалистов. Все это освещалось ярким летним солнцем.

Вообразите мост, полный оживления, где местные красавицы прогуливаются, выставляя свои туалеты, прохожие стоят у перил, флегматично покуривая трубки. Берега реки — в зелени садов, вдали возвышаются фабричные трубы, по воде тихо скользят парходики или мчатся гребные лодки... Англия напоминает несколько Швейцарию — по спокойствию, добродушию и вежливости обывателей. Приятное впечатление производит любовь к порядку и религиозный дух. В воскресенье, во время службы, от 11 до 1 ч. запираются даже двери железнодорожных станций!

Париж. 3 сентября 1895 г.

Здесь стоит теперь такая африканская жара, что решительно никакая работа не спорится. Вот уже несколько дней, как солнце палит невыносимо, термометр в тени показывает до 28°, в воздухе ни малейшего движения, дышать просто нечем. Хорошо еще, что ко всему этому нет пыли — улицы поливаются исправно. Зато от жажды решительно изнемогаешь. Париж, который кичится, что он первый город в мире, не позаботился устроить достаточного количества фонтанчиков для питья, как

это водится везде в цивилизованных городах, даже в нашей Одессе (у нас в Одессе жаркими летними днями даже для собак ставят на улицах воду). Чтобы найти воды, нужно иногда пройти километры, и случается, проедешь чуть не полгорода, а ее все-таки не найдешь. Не угодно ли поэтому удовлетворять жажду в кабаках, где за 30 сантимов вы получите маленький стакан пива или сифон теплой сельтерской.

Стыдно Парижу не иметь приспособлений для удовлетворения такой насущной потребности. В Лондоне, по крайней мере, на каждом шагу вы встретите на улицах дешевые чайные, где за 1 пенни (10 сантимов) всегда найдете стакан чаю, кофе или какао, или же бутылку холодного лимонаду или имбирного пива (тоже нечто вроде лимонада). Сейчас видна разница между обоими городами: Париж — это город для богатых, здесь они найдут все, чтобы удовлетворить своему избалованному вкусу; Лондон же по преимуществу город людей среднего достатка, царство демократии; жизненные продукты здесь дешевы, и роскошь не так бьет в глаза. В Париже налог на съестные припасы и другие продукты первой необходимости (керосин, свечи и т. п.) составляет главную статью городских доходов. В Лондоне, напротив, обложены большим налогом (и то государственным, а не городским) предметы роскоши или излишества, например, сигары, табак. В Лондоне за 1 франк вы можете сытно и хорошо пообедать, а чтобы быть сытым и не расстроить желудок в Париже, нужно заплатить за обед по крайней мере полтора франка. Зато в Париже на 50 сантимов можно напиться пьяным, выпив три стаканчика абсенту (самый ужасный из спиртных напитков). В Лондоне же, чтобы достигнуть этого, пьяница должен затратить целый шиллинг, ибо крепкие напитки там очень дороги. Вы видите, сравнение не в пользу Парижа.

Раз зашло дело о параллелях, пойдем далее. Трудно себе представить контрасты более поразительнее, чем эти два города. Внешне Париж куда элегантнее Лондона: таких просторных и красивых площадей, как площадь Согласия, и таких изящных, широких, усаженных деревьями *avenues* и бульваров в Лондоне, конечно, нет. Но это справедливо только, пока мы будем говорить о правом берегу Сены. На левом же берегу, в Латинском квартале и предместьях, такие узкие, темные, грязные и вонючие переулки, каких надо поискать в Константинополе. В Лондоне тесно,

улицы узки и мрачны, дома и в особенности все исторические здания и монументы черные от копоти, что, впрочем, сообщает им оригинальный вид. Но зато почти в самом центре города есть несколько великолепных парков — Гайд-парк, Реджент-парк и др., которые переносят вас из шумной столицы в настоящий лес. В Париже в центре города есть несколько красивых парков — Люксембургский сад или Елисейские поля, но слишком небольших и притом чересчур фешенебельных. В Париже мало исторических зданий, по крайней мере, мало таких, которые производят впечатление. Лувр громоздок и издали напоминает какой-нибудь товарный склад или казарму. Единственное, что мне здесь нравится — это Notre-Dame de Paris, собор Парижской Богоматери. Изящный, но отнюдь не величественный снаружи, внутри собор этот производит глубочайшее впечатление. Надо прослушать под его величественными сводами в ясное воскресное утро торжественную мессу, чтобы оценить всю силу этого впечатления. Окна собора все покрыты яркою живописью, а два громадных круглых боковых окна представляют собой настоящий калейдоскоп волшебнейших красок. Представьте себе, какая игра света получается, когда снопы солнечных лучей врываются в церковь! Прибавьте к этому торжественные звуки органа, великолепный хор и громадные своды, уходящие далеко ввысь, поддерживаемые массой спаянных вместе тонких изящных колонок. Вестминстерское аббатство в Лондоне такого же точно типа, но несколько меньше и мрачнее. Зато в Notre Dame de Paris нет тех монументов и статуй великих людей, которые составляют славу и украшение Вестминстерского аббатства. Собор св. Павла в Лондоне, конечно, куда грандиознее Notre Dame: один его гигантский купол, подавляющий своими размерами, чего стоит! Но опять-таки он много мрачнее парижского собора, хотя это, быть может, лишь увеличивает силу впечатления от него. S-t Paul's также приютил у себя под сводами статуи великих людей английской истории — лучшие произведения английской скульптуры.

Был я в Париже в прошлое воскресенье в русской церкви. Церковь маленькая, не больше женевской, и снаружи непримечательная. Внутри отделана скромно, но изящно. Позолоты нет, но есть несколько замечательных картин, работы лучших русских художников («Хожделение по

водам» — картина во всю стену). Хор отличный, и служение обставлено весьма прилично. Не понимаю только, зачем у дверей храма приставлена полиция? Отчего этого нет у других храмов, хотя бы у той же Notre-Dame?

Если внешность Парижа резко отличается от лондонской, то еще более разницы в жизни обоих городов. Лондон — это город делового народа, город работы, движение здесь огромное, но все совершается молча, в порядке, без лишнего шума (я не говорю о грохоте экипажей и повозок с товарами). Улицы здесь — пути сообщения, по которым люди молча бегут, спешат на работу. Если вы останавливаетесь перед выставкой магазина, вас могут затолкать, а *rick-rocket*'ы не замедлят вытащить у вас из кармана кошелек. Если хотите гулять, отправляйтесь в парк, да и там в будние дни мало кого встретите. Париж, напротив, по преимуществу город праздных людей, которые ищут развлечения. Улицы полны праздных и лентяев. На лавочках вдоль улицы вы постоянно встречаете оборванцев, которые тут нередко и спят. У витрин магазинов масса зевак. У кофейен за столиками расположилась на тротуарах масса любопытных, созерцающих за стаканом пива или абсента прохожих или занятых бесконечно болтовней. Этого вы уж никак не встретите в Лондоне (в Париже прескверный обычай переносить кофейню и питейный дом на тротуар).

Несмотря на сравнительно меньшее движение, чем в Лондоне, шум и гам (в Париже. — **Ред.**) стоят невообразимые. Целая армия всевозможных разносчиков кричит на разные лады, экипажи громяют, кучеры хлопают бичами... А что делается вечером!

Лондон превращается в город пьяниц лишь в воскресенье вечером, да и то больше в предместьях. Париж же, можно сказать, с утра до вечера каждый день недели представляет собой сплошной кабак. Я из любопытства считал питейные дома на ближайших от меня улицах: на каждой маленькой улочке их добрый десяток, а то и два. Армия публичных женщин, заполняющих вечерами большие бульвары и главные улицы Латинского квартала, представляет также характерное для Парижа явление. По-видимому, это ремесло здесь почетное, ибо городские оказывают ему всяческое снисхождение.

Кстати, разные писатели расхвалили красоту и изящество парижанок. Уверяю вас, редко я встречал женщин более некрасивых — толстые, гру-

бые черты лица, часто с усами, глаза без выражения. Платья они носить, правда, мастерицы. И действительно, требуется особое искусство, чтобы носить изящно такие безобразные моды, какие господствуют в настоящее время.

ПАРИЖ. 17 СЕНТЯБРЯ 1895 г.

Вы видите из предыдущих моих писем, какое невеселое мнение сложил я о столице Франции. Вы найдете его, конечно, резко противоречащим расхожему мнению о французах и, в частности, о парижанах. Причина разногласия заключается в том, что наши путешественники за границей знакомятся обыкновенно только с показной стороной французской жизни, мне же — увы! из-за недостатка средств пришлось познакомиться с ее изнанкой! Разумеется, человек богатый, не знающий счета деньгам, будет ослеплен парижской жизнью, ибо он изучает ее в больших отелях и на модных бульварах. Такому же бедняку, как я, которому дорог каждый сантим, суждено поневоле видеть лишь ее «грязные» стороны.

Среди французов есть и превосходные люди, как некоторые из ученых, с которыми я имею удовольствие быть знакомым. Впрочем, наука всегда и везде стояла особняком от жизни — это своего рода каста. Во всяком случае, с французскими ботаниками, которых я знаю, я в наилучших отношениях.

Но довольно о французах. Скажу два слова о себе. Благодаря наступающей прохладе, работа моя идет довольно быстро вперед. Завтра или послезавтра надеюсь ее кончить. Она разрослась до двух с половиной печатных листов. Это моя последняя работа по Закавказью. Здоровье мое поправляется, хотя и медленно.

ЛА-РОШЕЛЬ. 28 АВГУСТА 1895 г.

Буду теперь говорить вам о моих планах, так как тому пришло время. Извините меня, что не писал вам о них ранее. Я не хотел, чтобы что-либо повлияло на ход моего решения, тем более, что оно уже невозвратимо. Впрочем, вы знаете, это в моих привычках — не распространяться о плане ранее, чем он будет готов к исполнению.

Я в настоящее время нахожусь в La Rochelle, приморском французском городке, откуда завтра сажусь на пароход английской компании Pacific

Steam Navigation Company и еду в Буэнос-Айрес, в Южную Америку. Когда вы получите это письмо, я буду уже далеко в открытом океане.

Надежды мои на устройство на Кавказе не осуществились, а ничего другого подходящего у меня в России не было, поэтому я обратил свою мысль на Новый Свет, а именно на Южную Америку. В Женеве я имел случай познакомиться с генеральным (для всей Швейцарии) консулом Аргентинской республики, который уверил меня, что там устроиться мне будет нетрудно, раз я заявлю себя своими работами. Там ученых людей очень ценят и даже нарочно выписывают их из-за границы ввиду недостатка собственных. Он указал мне даже на одного русского ученого, который давно поселился в Буэнос-Айресе и успел быстро составить себе видное положение. По собранным мною из других источников справкам я получил сведения в том же роде. Оказывается, один наш одессит, бывший редактор сельскохозяйственного журнала, недавно туда переселившийся, уже успел там недурно устроиться. Мне рассказывали, что были и другие примеры. Вообще, как видно, поприще для деятельности там обширное, и на интеллигентных людей спрос большой.

Я бы все-таки, быть может, и поколебался бы туда ехать, если бы моему плану внезапно не пришло на помощь следующее обстоятельство. В бытность мою в Париже я получил предложение собирать за хорошие деньги ботанические коллекции для двух ученых учреждений — для Парижского музея и для одного частного гербария. Со своей стороны собственник Гербария Буассье еще при отъезде моем из Женевы предложил мне купить мои будущие коллекции и теперь, узнав о парижских предложениях, вновь повторяет свои слова. Кроме того, вероятно на мои коллекции подпишется еще один ботаник из Будапешта, который уже приобрел от меня часть моей прошлогодней кавказской коллекции. Таким образом, у меня заранее обеспечены три-четыре коллекции, что дает мне возможность первое время существовать безбедно, даже занимаясь сбором коллекций.

Прискорбно, но не по моей вине в числе моих подписчиков не фигурирует ни один русский университет, ни одно русское ученое учреждение. Язык страны (испанский) мне отчасти знаком, ибо я изучаю его уже около года.

Жизнь в стране (кроме Буэнос-Айреса) везде очень дешева. В провинции же, говорят, сохранилось еще старинное испанское гостеприимство. Прочтите, впрочем, прекрасное описание страны у Ионина: «Путешествие по Южной Америке».

Вы видите таким образом, план мой строго обдуман, и я принял все зависящие от меня меры для его осуществления. Разумеется, я несколько рисковую, пускаясь в такую даль, в страну, где у меня нет ни друзей, ни знакомых, но что же делать? Не рискуя, ничего и не получишь.

Вы спросите меня: когда же я думаю возвратиться? Мне, право, трудно дать на это определенный ответ. Скажу только, что вернусь я тогда, когда положение мое упрочится, когда я составлю себе более или менее известное имя в ученом мире.

Вернуться нетрудно — переезд стоит не бог знает каких денег (всего 165 франков в 3-м классе с продовольствием). Правда, это несколько далеко (от России около 12 000 верст), но вы отлично знаете, что и у нас в России есть места, расстояние до которых очень большое (например, Владивосток), и однако едут же туда служить люди.

Итак, будьте за меня покойны. Я себе не враг, и рисковать мне не впервой. Теперь перехожу к своему адресу. По правде разумеется, я должен остаться некоторое время в Буэнос-Айресе, чтобы осмотреться и предпринять первые шаги к обеспечению моего положения. Но затем, если не найду выгодного заработка в столице, тотчас же еду в провинцию, к подножию Кордильер, где немедленно приступаю к сбору коллекций (теперь как раз время — наступает весна в Южном полушарии).

Пароход, на котором я еду, один из крупных (4 230 тонн). Компания известна солидностью конструкций и скоростью своих пароходов. Они возят почту из Англии в Тихий океан, в Вальпараисо. Лучшая публика обыкновенно ездит на этих пароходах.

Только что был здесь у аргентинского консула, где визировал свой паспорт. Консул принял меня весьма любезно. Он дал мне целую связку брошюрок, относящихся к географии страны, ее сельскохозяйственной промышленности и т. д., для меня чрезвычайно ценных. Он даже заговорил, не хочу ли я поступить на службу аргентинскому правительству, и сказал, что правительство ученым людям всегда радо. Он дал мне

кое-какие сведения о Буэнос-Айресе и адрес одного своего знакомого, к которому я могу обратиться в случае нужды за указаниями.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН. 27 СЕНТЯБРЯ 1895 г.

В 8 часов утра специальный поезд подвез нас в La Pallice, прямо к паровой пристани, где разводя пары, уже стоял наготове Steamer P. S. N. C. «Potosi». На пристани царствовало шумное оживление. Спешили догружать пароход, так как он должен был отвалить в 9 часов. Большая часть пассажиров была уже давно на пароходе, я попал в число запоздавших. Перенести мои вещи на палубу было делом минуты. Осмотрев свое новое помещение — грязную и темную каюту в носовой части, где было сосредоточено до 20 коек, я поднялся наверх и стал ждать момента отхода. На пристани была масса народу — провожавших и любопытных. Напрасно я искал в толпе знакомое лицо, здесь все были мне чужды. Я уезжал одиноким. Я знал, что здесь никто не мог прийти проводить меня, сказать мне последнее «прости».

Однако я ошибался. Чу, чей-то голос окликнул меня: «Bonjour, monsieur, et comment ça va?» Кто бы это мог быть? Не различая в толпе лица, бросаю наугад: «Tout doucement, merci, et vous-mêmes?» «Pas mal, merci!» — голос раздается ближе, и я узнаю аргентинского консула, низенького и толстого старичка. Он желает мне счастливого пути, обнадеживает, что переезд будет недурен — погода благоприятствует. Я благодарю, я рад ему искренне.

Но вот раздается последний свисток парохода, снимают сходни, поднимают якорь. Раздаются последние прощанья. Мы тронулись. Толпа провожающих следит за медленно подвигающимся вперед пароходом, идя по бесконечному молу. По дороге многие отстают, и только небольшая кучка остановилась на конце мола у входа в океан и машет нам платками и шляпами. Еще момент — и мы в открытом океане. Пустынная, безжизненная La Pallice с ее белыми известняковыми берегами быстро исчезает из глаз.

Погода отличная. Жарко. Солнце сверкает на совершенно безоблачном небе нестерпимым для глаз блеском. Океан — синий-синий и едва колышется. Хорошо, если бы весь переезд был такой! Я впиваюсь

глазами в голубую даль океана и не обращаюсь назад к исчезающим из виду берегам негостеприимной Франции, которые — кто знает? — быть может, не придется мне увидеть никогда.

Я равнодушен. Мне не жаль покинуть Европу. Я не оставил здесь ничего дорогого. Мое дорогое — там, в России. Прощай, прошлое, навсегда! С этого момента начинается для меня новая жизнь. Вернусь ли я когда-нибудь в горы счастливой Абхазии, где чистые и прозрачные, как хрусталь, горные потоки шумно катят в море свои воды по диким ущельям, где азалея и каприфоль так благоухают весной?.. Услышу ли я снова мелодический звон чонгури тихими и теплыми летними вечерами и веселое щебетанье чернооких дочерей Абхазии? А встречи в чаще первобытного леса с угрюмыми и важными фигурами в черкесках, с широкими кинжалами за поясом, в папах, надвинутых на самые брови? Можно ли забыть прошлое? Нет.

Но надо обратиться к действительности. Вот звонит колокол — нас призывают обедать. Нам раздают жестяную посуду — тарелку, стакан, ложку, ножик и вилку и делят нас на группы, по 10 человек в каждой. Каждый из нас по очереди должен ходить на кухню за обедом. Я помещаюсь в группе каталонцев из Барселоны — трое отменно вежливых *caballeros* и черноглазая сеньора, с которыми я быстро свожу знакомство. Мне приходится впервые говорить по-испански, и, право, разговор клеится довольно недурно. Я любезничаю с сеньорой (за которой зорко следит ревнивый муж), предлагаю ей конфеты (сеньора чувствительна к морскому переезду). К нашей же группе присоседилось несколько итальянцев, с которыми мы имеем *toutes ces reines du monde* поддерживать разговор, так как они на другом языке кроме итальянского не изъясняются. На пароходе преобладающие языки — английский и испанский. Наш ресторатор говорит на том и на другом. Впрочем, среди пассажиров есть швейцарцы изерна, едущие в Сантьяго, с которыми я разговариваю по-немецки, и французы. Эти последние, как и везде, везут с собой неистощимый запас веселости — распевают последнего издания шансонетки, рассказывают *histoires raides*. Они едут в Рио-де-Жанейро.

Большая же часть пассажиров едет в Чили, в Вальпараисо. Но вот обед подан. Он сервирован прямо на палубе, в двух блюдах, одно с супом

и мясом, другое с картофелем. В ведерке подано вино. Хлеб кладем прямо на что попало: на доски, на канаты. Вино и хлеб весьма хороши, суп же и мясо были бы недурны, если б не были приготовлены так грязно. Как бы то ни было, обед проходит очень весело на открытом воздухе и напоминает пикник. После обеда мы сами моем посуду в больших чанах с горячею водой. Потом, сидя кто на канатах, кто прямо на палубе, закуриваем свои трубки. Некоторые из пассажиров, более опытные, захватили с собою складные стулья — мы им невольно завидуем. Время летит быстро за разговорами, погода прекрасная, расположение духа вследствие этого превосходное. Все пассажиры и эмигранты (я в числе последних) веселы: никто, по-видимому, не жалеет покинутой родины. Всех веселее, конечно, французы. В их кучке вечно хохот. Женщин скабрзные истории, должно быть, ничуть не стесняют: они сами присоединяются к общему хору. Англичане — моряки, едущие в Магелланов пролив, собрались в кружок на носовой части, изредка перебрасываются фразами, покуривая трубки. Итальянцы — грязные, оборванные, масса женщин несчастного вида и ребятишки, кричащие вечно благим матом, образуют особую группу. Этим уж наверное не жаль своей родины, откуда их выгнала безысходная нищета. Очень типичны испанцы — смуглые, важные, в надвинутых на лоб беретках. Те, к которым я присоседился, по-видимому, видали лучшие дни. По крайней мере, к нашему спартанскому обеду они почти не притрагивались. С одним из них я сошелся ближе, ведем с ним разговор о политике, о театре. Так летит час за часом. В 4 часа звонок снова призывает нас к обеду: дают приблизительно то же, что и утром. Вечером, в 7 часов, нам сервируют (или вернее, мы сами сервируем) на палубе чай: приносим из кухни ведерко с темною подсахаренною жидкостью и пьем это с хлебом и маслом. Сегодня, по случаю воскресенья, нам дали также яблочного варенья, довольно вкусного. Затем наступает ночь, луна поднимается над безграничным океаном, заливая своим серебристым светом палубу. Мы сидим еще несколько часов, мечтая или ведя беседу. Затем укладываемся спать на наши жесткие и грязные койки.

30 СЕНТЯБРЯ.

Сегодня погода начала портиться. Поднялся ветер, небо в облаках. Изредка моросит дождик. Океан еще сравнительно спокоен. Тем не менее, число больных прибавляется. В полдень мы подходим к Согупа, первому испанскому городу, живописно расположенному на холмах и отрогах Пиренеев (последние рисуются в отдалении). Берега утрюмые, обрывистые. Кое-где видна тощая растительность. Мы получаем визит испанских таможенных и торговков фруктами и сигарами. Цены немалые: за дюжину груш и яблок берут франк, за 7 сигар — франк же, за коробку сардинок — 6 пенсов («сикис-пенсо», как выкликивают торговки). Характерная черта нравов: один из пассажиров, испанец из Южной Америки, вероятно гаучо или что-нибудь в этом роде, покупает огулом целую корзину и затем раздает яблоки всем пассажирам, направо и налево. К пароходу подчаливают несколько барок, нагруженных живым товаром, эмигрантами из Галиции (*gallegos*, как их здесь называют), едущими в Чили. С их приездом число пассажиров удваивается. Эмигранты, большей частью молодые люди, низенькие, но здоровые ребята в открытых жакетах, широчайших поясах, штанах с бесчисленными заплатами и живописных беретах на головах. Береты носят решительно все, видимо, это — головной убор Северной Испании. Среди эмигрантов также масса женщин — низенькие и тонкие смуглянки с черными как смоль волосами, заплетенными в одну косу, и с большими черными глазами, в ярких желтых с красным платьях и мантильях и таких же платках. Типом своим они замечательно напоминали мне наших абхазок или самурзаканок, только глаза не столь выразительны.

Сегодня вечером устроились у нас импровизированные танцы. У одного из моряков оказалась шотландская волюнка (зурна). Под эту музыку несколько шотландских моряков лихо «отхватывали» национальный танец. В свою очередь *gallegos*, собравшись в кружок, начали отплясывать свой, щелкая в такт пальцами вместо кастаньет. Все это выходило очень живописно при свете полной луны под шум волн, рассекаемых пароходом.

1 ОКТЯБРЯ.

Сегодня скверный день. Погода окончательно испортилась. Идет мелкий дождик. Дует сильный свежий ветер. Океан разбушевался — качает нас из стороны в сторону неистово. Обедаем все-таки на палубе, под дождем, другого помещения нам не дают. Сегодняшний обед был из рук вон плох — в мясе оказались черви. Я почти ничего не ел из брезгливости. Утром мы зашли в другой испанский порт — Vigo, где взяли еще добрую сотню пассажиров-эмигрантов. Их разместили всюду, где можно, даже в трюме! Скопление народа в 3-м классе теперь невообразимое. В каютах воздух невозможный, тем более, что нельзя открыть окна.

Вечером мы пришли к берегам Португалии. Oporto — первый португальский порт на нашем пути. Береговые предгорья лесистые и заволочены туманом. О плоский песчаный берег разбиваются с шумом буруны. В общем картина напоминает колоритом западно-кавказское побережье. Здесь взяли новых пассажиров, но уже другого типа, в широкополых шляпах и длинных высоких колпаках.

2 ОКТЯБРЯ.

Сегодня в 9 часов утра мы прибыли в Лиссабон. Порт очень обширный с узким входом. Панорама города превосходная — город разбросан по склону горы и напоминает несколько панораму Константинополя, хотя уступает ей в величественности. Погода разгулялась, и многие из пассажиров отправились на берег, чтобы сделать там закупки (торговцы, на которых мы рассчитывали, почему-то на борт парохода не явились). За это удовольствие они, впрочем, заплатили недешево: по 2 франка с человека. Я остался на пароходе, не желая тратить лишние деньги. Пассажиры здесь еще прибавилось, особенно в 1-м классе. Появились негритянки и мулатки. В числе наших пассажирок есть также несколько типичных англичанок, мисс и миссис, замечательно безобразно-плоских как доска, лишенных всякой грации и зубастых. Одна из них постоянно дает знать о себе романсами, которые она завывает под фортепиано. Едет с нами также (конечно, не в 3-м классе!) бразильский консул в Женеве — высокий, смуглый и стройный мужчина с великолепными черными усами. С ним я разговорился. Курьезно, что он, как все южноамериканцы, терпеть не

может Европы, которую порицает за ее любовь к внешности, жадность к деньгам и проч.

Мы покинули Лиссабон в 4 часа. В момент, когда мы выходили из порта, нам встретился, пройдя почти бок о бок, пароход той же компании Orissa, возвращавшийся из Америки. Мы, конечно, салютовали ему флагами. На палубе его была масса народу, и, как только мы поравнялись, на обоих пароходах поднялся неистовый крик — махали платками и т. п. в знак приветствия. Наверное, встречные пассажиры были счастливее нас, потому что они возвращались назад на родину! Сочувствие к ним и выразилось в крике, которым мы их единодушно приветствовали. К вечеру, когда мы вышли в открытый океан, погода разъяснилась, но боковая качка продолжалась отчаянно. Я заснул на палубе, завернувшись в свою бурку.

3–5 октября.

Ничего замечательного не произошло. Нас начинает донимать однообразие. Ничего не видать кроме бесконечного океана. Он, впрочем, не наскучивает. Вечером мы целыми часами смотрим в даль, залитую лунным светом. Небо и океан принимают какой-то молочный оттенок. Небо заволочено легкими испарениями, из-за которых просвечивает луна. День и ночь дует легкий приятный бриз. Он значительно освежает температуру, тем не менее чувствуется, что мы приближаемся к теплым широтам. Океан вечно шумит. Глухой гул разбивающихся о борт волн становится для нас привычным шумом. В субботу мы пошли под парусами — мы теперь в области пассатов. Благодаря парусу качает более, несмотря на сравнительно спокойное море.

С нами на пароходе путешествует несколько бесплатных пассажиров — маленькие птички, вроде воробьев, которые кормятся около кухни и прогуливаются довольно свободно по палубе. Они составляют развлечение пассажиров.

Пассажиры знакомятся ближе друг с другом. Выделяются отдельные характеры. Любопытны двое французов, из которых один едет в Рио-де-Жанейро, другой в Буэнос-Айрес. Первый employé de commerce, совсем молодой человек, бесконечный jaseur, бесплатный увеселитель

пароходного общества (продельывает гимнастические штуки, поет скабрезные шансонетки), едет в Бразилию только потому что, по слухам, там мало французов и что следовательно ему как французу легко будет найти занятие. Ни языка, ничего о стране он не знает, и решение его было задумано и исполнено в 5 дней! Вот настоящий тип авантюриста, *pur sang*. Другой тип, более серьезный — молчаливый молодой человек, с довольно симпатичною физиономией, кончил *Ecole des mines* в Сент-Этьенне. Едет в Аргентину делать фортуны и, вероятно, искать приключений. С ним вечерами мы ведем разговор о философии, о религии, об оккультизме. Испанские сеньоры, с которыми я познакомился, тоже едут в Чили делать фортуны. У одного брат давно устроился в Сантьяго, где он имеет паровую фабрику для приготовления искусственных камней. Он едет, чтобы вести с ним дело вместе, и затем лет через десять, сделав состояние, возвратиться в Испанию и начать там жизнь довольства и наслаждений. Один молодой человек, испанец из Барселоны же, едет просто ради прогулки — побывать у многочисленных родных в Аргентине и Чили. Среди пассажиров есть также типы настоящих авантюристов, изъездивших всю Южную Америку и говорящих на разных языках. Один из моих соседей по койке, старик испанец с видом гаучо, — коммерсант, занимающийся торговлей скотом между Буэнос-Айресом и Англией. Швейцарцы (из Берна), едущие со мной — мастеровые, которые уже ранее бывали в Чили и имеют там родственников.

Вообще жизнь на пароходе проходит довольно весело: каждый вечер устраиваются танцы: *gallegos* чрезвычайно шумно отплясывают свой национальный танец (*gallegada*) или аррагонскую хоту (*jota*). Этот адский шум, производимый людьми, представляет резкий контраст с могучим шумом океана.

6 ОКТЯБРЯ.

Жаркий, солнечный день. Мы идем теперь тропиками, и жара дает себя чувствовать. Впрочем, она значительно смягчается освежительным бризом, дующим с порядочной силой, в особенности по вечерам. Ночи восхитительные, звездные. На палубе дышишь полной грудью, зато внизу страшная духота. Сегодня на пароходе была в 11 часов воскресная служ-

ба. Служили на английском языке в салоне 1 класса. Нас однако туда не пустили, так как мы были плохо одеты. В какой ужасный век мы живем: даже общение с Богом доступно только богатым! По случаю праздника мы имели за обедом добавочное блюдо: десерт из грязнейших фиг и гнилых грецких орехов. Вечером по-прежнему шумные танцы под звуки бубна и гармоники.

7 ОКТЯБРЯ.

Сегодня, часов в 10 утра, внезапно выросла перед нами посреди океана гора, которую ранее скрывала от нас завеса тумана. Это был один из островов Зеленого Мыса, S-t Antonio. В полдень мы подходим к другому острову Сент-Винсенту: дикие, обрывистые, безжизненные скалы, возвышающиеся прямо из пучины океана. Ни дерева, ни кустика. Кое-где серые скалы окрашены в зеленый цвет. Может быть — лишайники, а может быть — газон.

В глубине открытой бухты приютился городишко Сент-Винсент. У самого входа в бухту из открытого океана торчит одинокая скала вроде сахарной головы, на которой помещается маяк. Едва мы остановились на рейде, как наш пароход окружила флотилия с неграми — продавцами фруктов. Везли на продажу целые мешки апельсинов, лимонов и немного бананов. Черные дьяволы и дьяволенки быстро вскарабкались по веревкам на пароход, и моментально наша палуба превратилась в сплошной базар. Пассажиры набросились на фрукты, и продавцы торговали на славу. Апельсины продавали сначала 14 шт. за 1 франк, затем — 18 и наконец цена упала до 20! Лимоны под конец также можно было приобрести по такой же цене. Продавали также португальский табак по полшиллинга за пакет, сигареты, спички, хлеб, жареную рыбу, сардинки, сыр местного приготовления в виде грязных комков и различные раковины. В обращении были монеты всякого рода — французские, португальские, испанские, английские. Чтобы узнать, хорошая монета или нет, бросали ее на пол и узнавали по звуку. Торговля велась на испанском языке. Полуголые негротянки за один-два су бросались в океан и мастерски ныряли, вылавливая брошенную монету. Пароход стоял на рейде часа четыре, грузясь углем. На рейде было еще два-три парохода французских и голландских,

которые тоже запасались здесь углем. В 4 часа погрузка угля закончилась, и мы стали готовиться к отплытию. В это же самое время «сервировали» нам обед. Негры-грузильщики, еще более черные от покрывавшего их угля, набросились на наши блюда и принялись их уписывать как настоящее лакомство, прямо из тарелок. Надо было видеть, с какой жадностью один из них ел наш вечный гороховый суп, черпая его из блюда громадной суповой ложкой! По-видимому, *ces pauvres diables noirs* редко едят даже такую пищу. Под конец, перед тем как покинуть пароход, один из них ухитрился-таки стибрить жакетку у одного из моих барселонцев. Позднее была обнаружена в эмигрантских каютах кража белья у бедняги-итальянца, к которой, без сомнения, причастны также воровитые черные дьяволы. Впрочем, их нельзя упрекать в недостатке вежливости — на вопросы они отвечают с предупредительностью и за предложенный им табак неизменно благодарят: «*oblisrado*». Как бы то ни было, мы были рады, когда наконец от них избавились. По их уходе палубу, сплошь покрытую апельсиновыми корками, подвергли основательной чистке.

В 5 часов мы снялись с якоря, взяв направление прямо на юг. Через час остров так же таинственно исчез из наших глаз, как ранее появился, и мы снова очутились в открытом океане.

8 ОКТЯБРЯ.

Погода превосходная. Небо в легких облаках, солнце палит нестерпимо. Впрочем, временами подует освежительный бриз. К вечеру обыкновенно небо заволакивается черными облаками, и ночью выпадает, минут десять, проливной тропический дождик. Мы теперь в центре тропиков. Летающие рыбы уже не редкость, и на них более никто не обращает внимания. По ночам, когда облака рассеиваются, небо представляет таинственную темную завесу, всю усыпанную яркими золотыми звездами. Я не узнаю более созвездий: мы плывем под новыми небесами. Я люблю, лежа ночами где-нибудь в укромном уголке на палубе, с лицом, обращенным к небу, всматриваться в эту таинственную звездную даль, которая сливается на горизонте с далью океана. Мне кажется, я несусь в неизвестность, и это чувство является для меня источником наслаждения.

9 ОКТЯБРЯ.

Жаркий, солнечный день. Океан едва колышется. Дует легкий освежительный бриз. Около 12 часов мы встретили большое парусное судно, которое делало нам какие-то сигналы. Ранее, в предыдущие дни, мы встретили несколько пароходов. Один из них прошел всего в нескольких саженях от нас. Мы плывем теперь между 7° и 8° с. ш.; завтра к вечеру пересечем экватор. Жара, несмотря на приближение к экватору, нисколько не увеличивается. После обеда погода круто изменилась, небо в облаках, ветер свежеет.

10 ОКТЯБРЯ.

Пасмурная погода весь день. Ветер усиливается. Сегодня в 10 часов вечера под дождем и холодом мы пересекли экватор.

11 ОКТЯБРЯ.

Дурная погода продолжается. Многие пассажиры простудились. Я сам чувствую себя нехорошо и вынужден принять хинин. Кавказская бурка мне очень пригодилась.

12 ОКТЯБРЯ.

Дождик весь день. Горизонт в тумане. Так как сегодня должны мы прийти в Пернамбуко, то я стал готовить письма.

В 4 часа из разорвавшегося тумана показались внезапно берега Америки: низкие гряды холмов, покрытых густым пальмовым лесом. О песчаное побережье с шумом разбивались буруны. На берегу видны были одинокие домики. В общем картина напоминала кавказское побережье (кроме пальм, конечно). Появление берегов Америки не произвело ни на кого из нас особенного впечатления. Все отнеслись к этому событию более или менее равнодушно. Мы живем в такой век, когда путешествия, подобные переезду из Лиссабона в Южную Америку, являются совершенным пустяком.

Лиссабон, Сент-Винсент, Пернамбуко, Байя и прочее звучат в наших ушах не более как названия станций железной дороги, выкликаемые

кондуктором... Мало-помалу из тумана выплывал перед нами город Пернамбуко — ряд низеньких белых строений на плоском побережье. Поднимаются стройные пальмы с букетами листьев наверху. После довольно длинных карантинных формальностей (пароход обсыпали хлорной известью и окурили серой) позволили приблизиться к пароходу лодкам. Один или два торговца навезли ананасов, апельсинов, табаку и сигар. Все бросились покупать ананасы, которые, впрочем, продавались недешево: 50 сантимов и 1 франк штука, смотря по величине. Все до последнего gallego запаслись этим лакомым фруктом. По случаю приезда в Америку я выкурил первую из четырех взятых мною на «особый» случай манильских сигар. Стояли в Пернамбуко недолго — не более трех часов — и все время под проливным дождем.

13 октября.

Мы снова в открытом океане далеко от берега. Погода превосходная — настоящая весенняя. Небо — бледно-лиловое, в легких облаках, океан синий-синий и чуть колышется, дует свежий ветерок.

14 октября.

Рано утром прибыли в Bahia (Байя). Громадный залив. Местоположение города роскошное, берега утопают в зелени пальм. Город довольно большой, расположен по склону холмов, с массой церквей и оригинальными домиками с крутыми коричневыми крышами. Глядя на тропическую зелень, в которой утопал город, брала зависть слезть на берег и осмотреть все это ближе. Многие из пассажиров слезали и жестоко поплатились: торговцы, пользуясь тем, что перед ними иностранцы, брали с них двойные и тройные цены. Самый переезд стоил всего 1 франк туда и обратно. Впрочем, незачем было сходить на берег за покупками: торговцы навезли на пароход всего — ананасов, бананов, апельсинов, кокосовых орехов, каких-то плодов вроде тыкв, а также сигар, табаку и даже водки из тростникового сахара, так называемой каньи (cana). Ананасы стоили уже гораздо дешевле, чем в Пернамбуко: на 1 франк давали 3, бананы за 1 франк 25–30 штук, кокосовые орехи — 3 на 1 франк. Сигары

довольно дешевы, по 6 сантимов штука, но неважные. Стояли мы в Байи довольно долго, до часу дня. Жара была страшная. Тропическое солнце палило невыносимо. Когда мы вышли в открытый океан, снова поднялся освежительный ветер.

15 октября.

Идем открытым океаном. Свежий ветер с юга. Погода прекрасная, океан спокоен. К вечеру ветер крепнет, и небо заволакивается тучами. С наступлением ночи океан начинает бушевать, волны ходят точно горы, носовую часть парохода заливает. Ночью нет возможности оставаться на палубе.

16 октября.

Продолжается бурная погода. Корабль качает. Льет проливной дождик. Несмотря на дождь мы обедаем на палубе! Обед каждый день почти одно и то же: гороховый суп с несколькими кусочками солонины или вовсе пустой картофель, иногда треска или tripres. Я питаюсь главным образом картофелем и хлебом. Вечером и утром мы пьем чай в компании с французом-инженером и одной швейцарскою девицей, едущей в Чили; иногда приглашаем парижанина. Вследствие дурной погоды пароходная публика собирается теперь внизу за столом в общей комнате: играют в карты, балагурят.

NB. Gallegos — народ крайне неблаговоспитанный, шумят, галдят, сквернословят. Волей-неволей пришлось узнать целый диксьонер отборных испанских ругательств и скверных слов.

17 октября.

Проснувшись сегодня утром и выглянув в окошко, я увидел, что мы стоим на якоре на рейде против Рио-де-Жанейро. Соур d'oeil превосходен. Панорама Константинополя бледнеет в сравнении с Рио-де-Жанейро. Город расположен в глубине обширнейшей бухты, которую обрамляют со всех сторон горы, покрытые пышнейшею тропическою растительностью. На горах, кажется, нет ни одного голого клочка земли — всюду лес, лес. Там и сям на зелени леса вырисовываются силуэты

пальм. Сам город разбросан по склону береговых холмов в живописном беспорядке. Впрочем, никакое слово не может передать красоты панорамы. Ее нужно видеть. За городом масса вилл — маленькие городки, разбросанные по всему побережью, утопающие в тропической зелени. В бухте много островов: на одном выстроена очень красивая церковь, которая издали кажется выходящею прямо из воды. Вход в бухту стерегут несколько крепостей и фортов; один из них, сильно потерпевший во время гражданской войны, расположен на островке. У входа в бухту возвышается крайне характерная гора в виде конуса, значительно превышающая береговую возвышенность. Береговые горы очень круты, причудливых очертаний, но не высоки — футов 400–500, не более. Наш пароход остановился сначала очень далеко от города, но потом, получив практику, подошел ближе. На рейде стояло довольно пароходов, в том числе несколько военных бразильского флота. Как только наш пароход бросил якорь, его окружила флотилия маленьких лодок; на некоторых были торговцы апельсинами, бананами, хлебом и пр. Апельсины продавались 25 штук за 1 франк, бананы — 30 штук на франк. Один лодочник устроил у себя в лодке целый ресторан: на переносном очаге жарились рагу и бифштексы, которые по веревкам в тарелках поднимались на палубу; он же продавал пиво и канью кружками. Таким образом, довольно дешево можно было пообедать и выпить. Мы стояли на рейде до 5 часов вечера. Пароход запасался углем и грузился апельсинами и бананами (бразильские апельсины мелкие, но превосходные, а именно чрезвычайно сладкие).

В Рио-де-Жанейро сошли с нашего парохода: парижанин, француз с женой, болтающий свободно на испанском и португальском языках, человек бывалый, которому Южная Америка знакома как свои пять пальцев, и другой француз, работавший прежде на плантациях Бразилии. Здесь же сошло довольно gallegos, и на палубе стало много просторнее. Из новых пассажиров, севших здесь, отмечу бразильянца, шведа (говорит на английском, испанском, португальском и итальянском языках), негра, нескольких аргентинцев и уругвайцев с их пончо и кинжалами за поясом.

Аргентинский дневник

Буэнос-Айрес. 24 октября 1895 г.

Позавчера, после 22-дневного плавания, я прибыл, наконец, в Буэнос-Айрес. Путешествие прошло для меня благополучно; несмотря на все лишения, которые я претерпел за время переезда, и в особенности на грязь, которою я был окружен на пароходе «Potosi», будучи пассажиром третьего класса (до сих пор не могу вспоминать об этой грязи без отвращения), прибыл я сюда здоров и невредим.

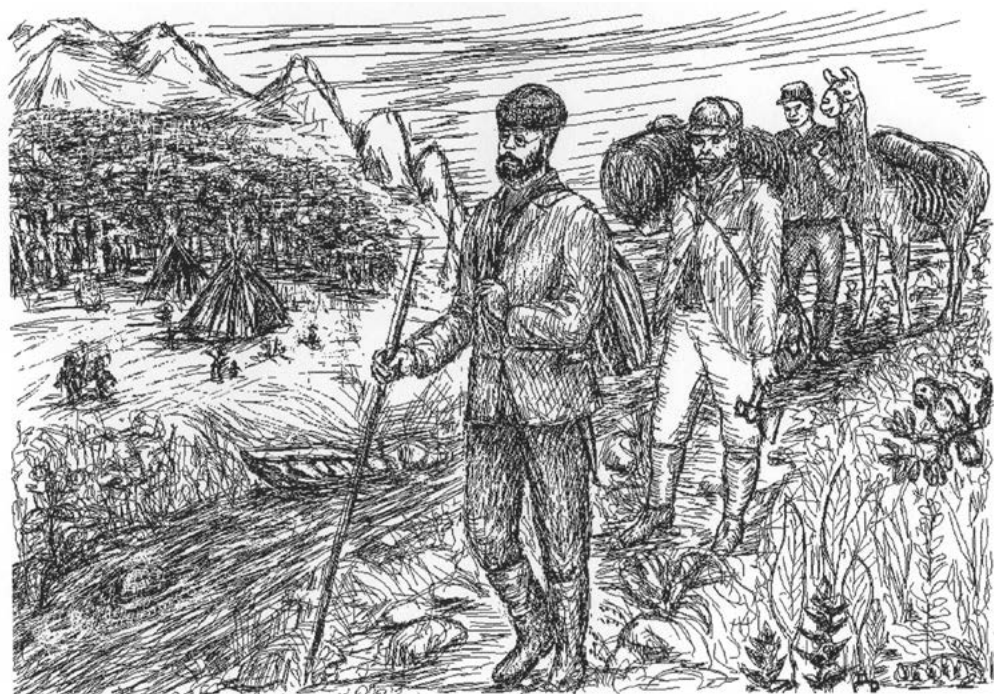
Путешествие в третьем классе, бесспорно, крайне неприятно, но по-видимому, в первом и втором не более здорово: один из пассажиров первого класса в дороге заболел и умер, и его пришлось выбросить в море (между Рио-де-Жанейро и Монтевидео).

Мне остается не многое досказать о моем путешествии. После Рио-де-Жанейро мы заходили еще в Монтевидео. В этом последнем городе была пересадка на речной пароход американского типа, который доставил нас за одну ночь в Буэнос-Айрес. Кстати, об этом пароходе (компания Platense). Я еще не видал большей роскоши в обстановке пароходов: в первом классе громадные салоны, масса зеркал, кресел, все залито электрическим светом; второй класс проще, но много простору и чистота образцовая; третьего класса нет. Нам пришлось провести ночь просто на палубе, так как все места были заняты.

Когда мы проезжали мимо американских портов, мне, к сожалению, не удалось сойти на берег; это стоило, во-первых, недешево, а во-вторых, в мое отсутствие могли стащить вещи (воровство на пароходе страшное). У меня, по счастью, украли только кокосовый орех, десятка

два апельсинов и коробку с мылом, другие же поплатились бельем, платьем и пр. Пришлось поэтому созерцать роскошные панорамы американских берегов только издали. Тем не менее, тропическая растительность, в которой утопают Пернамбуко, Байя, Рио-де-Жанейро, — пальмы, пальмы, пальмы, — достаточно импозантна и издали. С тропическими продуктами я познакомился порядочно, будучи на борту парохода. Привозимые торговцами апельсины и бананы являлись для нас, пассажиров 3 класса, необходимым добавлением к нашему невзрачному пароходному обеду. Громадный ананас мы уписывали за один прием вдвоем, иногда втроем. Ананасы превосходные, сочные, ароматные. В общем путешествие обошлось мне очень дешево: помимо 165 франков за билет я истратил еще на табак и съестные припасы всего 15 франков, тогда как многие из эмигрантов, в том числе и оборванные gallegos платили по 2 франка в сутки пароходному ресторатору за прибавочную пищу. Я довольствовался пароходным обедом (2 раза в сутки). Пароходного кофе и чаю, правда, я не мог пить (они отвратительные) и потому брал из кухни горячую воду и приготавливал свой чай, который мы пили утром и вечером в компании с одним французом и швейцарскою барышней, платя повару за воду a tour de rote. Мой спутник-француз добывал иногда через посредство французского гарсона кое-какие блюда из 1-го класса, которыми делился с нами. Как видите, питались мы неважно. Но довольно о путешествии.

В Буэнос-Айресе я устроился очень комфортабельно и дешево. Поселился я в одной комнате с моим спутником по путешествию, французом-инженером, в приличном французском отеле в центре города. Нам обходятся сутки всего 4 франка золотом, tout compris, т.е. комната, утренний кофе, обед, ужин. Я не предполагал подобной дешевизны в городе, который насчитывает 500 000 жителей. Впрочем, и эту цену, 4 франка, я нахожу сравнительно дорогою; послезавтра мы переселимся в другую отель, где жизнь стоит всего 3 франка. Вообще, знакомство мое с новою страной обошлось для меня очень недорого. В особенности мне помогает в этом знание местного языка: я могу объясняться всюду без переводчика. Гораздо дороже обошлось оно моему сожителю: несмотря на мои предостережения, он доверился комиссионеру-французу, который навязался провожать нас в контору для размена денег.

Мой француз не знал местного курса, а здесь курс бумажных денег варьирует ежедневно, и бумажки имеют всевозможных цен, есть даже кредитки по 5 сентаво, т.е. 25 сантимов или 8 сантимов золотом; монетная же единица — пезо или пиастр — равняется 5 франкам или 100 сентаво и составляет золотом (по курсу) около полутора франков. Меняла-негодяй (без сомнения, в стачке с комиссионером) нагрел его при размене 100 франков на 60 франков бумагой или на 23 франка золотом. Я был благоразумнее, и вместо того, чтобы менять сразу большую сумму, разменял всего золотую монету в 20 франков и потому потерял при размене лишь 2 франка золотом. Проученные этим опытом, мы теперь меняем деньги уже в большом банке, а мой сожитель решил впредь компатриотам не доверяться.

Что вам сказать о впечатлении от города? На европейские города он не похож и по типу относится скорее к испано-американским. Я живу в самом центре, а между тем ничто здесь не напоминает столицы, центра огромного государства: улицы узкие, дома низенькие, в один этаж,

с плоскими крышами, с внутренними двориками в испанском вкусе. Эти дворики (*patio* по-испански) содержатся обыкновенно в образцовой чистоте, часто вымощены плитами или мрамором и украшены цветами. Здесь проводят обыкновенно день обитатели дома. И в нашей гостинице есть подобный дворик. Главная площадь — *Victoria* — малюсенькая и окружена строениями, которых и не во всяком русском захолустном городе сыщешь. Правда, среди этих строений возвышаются и величественные здания вроде здания банка, другого какого-то общественного здания с дорической колоннадой, а также дворца правительства. Последний может быть причислен к красивейшим зданиям и мог бы смело фигурировать в центре столицы Европы.

Зато непосредственно позади дворца, между ним и портом, находится настоящее болото, с камышом и осокой. Порт Буэнос-Айреса громаден: благодаря молам пароходы могут приставать непосредственно к пристани. Вдоль доков тянется целый ряд таможен. Кстати, таможенники были ко мне очень благосклонны, ящик, в котором были книги, совсем не осматривали, как только увидели, что там книги.

Я сказал, что Буэнос-Айрес носит смешанный испано-американский характер. Если испанский характер выражается в архитектуре, то американский — в уличной жизни или, так сказать, в физиогномике улиц. Все улицы освещаются газом и электричеством а *profusion* и одеты точно паутиной громадную сетью телефонных и электропроводных проволок. Эти два явления современной цивилизации представляют странный контраст с провинциальным характером зданий. Буквально почти на каждой улице проходят рельсы конно-железной дороги (Буэнос-Айрес — второй город в мире по количеству трамваев. Первый — это Рио-де-Жанейро). Магазины на центральных улицах, на таких, как *Calle Florida*, *Cuyo*, *Reconquista* etc., громадны и по роскоши своих витрин перещеголяют Париж. В частности *Calle Florida*, вечером вся залитая электрическим и газовым светом (фонари в виде гирлянд перебрасываются во многих местах через улицу), с ее элегантными магазинами, оживленным движением экипажей и пешеходов может соперничать с *Avenue de L'Opera* Парижа, сохраняя в то же время, благодаря своеобразию строений, свой оригинальный характер.

Я пока еще не знаю, что буду делать. Завтра только отправляюсь с визитами к лицам, к которым у меня рекомендательные письма. До сих пор отдыхал с дороги, чистился и знакомился с городом.

Буэнос-Айрес. 12 ноября 1895 г.

Спешу прежде всего уведомить Вас, что вот уже несколько дней, как я стал здесь, на американской почве, совершенно твердыми ногами. А именно я получил место ботаника при музее Ла-Платы (Ла-Плата — город неподалеку от Буэнос-Айреса, столица штата Буэнос-Айрес). Обязанности мои будут состоять в следующем: летом (т. е. по-вашему, зимой) путешествовать за счет музея в разных местах Аргентинской республики и собирать коллекции, а зимой (т. е. по-вашему, летом) разрабатывать их.

Когда Вы получите это письмо, я, вероятно, уже буду в дороге где-нибудь в Патагонии или в Кордильерах.

Музей — огромное учреждение, подобного которому я не видал даже в Европе. Коллекции музея богатейшие (нет только ботанических), но, к сожалению, пока не все разработаны. При музее имеется собственная типография и фототипия, где печатаются три великолепных ежегодных издания музея. При музее состоят всякого рода специалисты — геологи, зоологи, антропологи, топографы. До сих пор не было только ботаника, и вот занять это вакантное место суждено мне. Так как ботанического отдела пока при музее нет, то мне придется, так сказать, создать его. Работа, конечно, нелегкая, которая потребует многих лет. Место я получил благодаря рекомендательному письму от аргентинского консула в Женеве, а также благодаря моим сочинениям, составляющим мой научный паспорт. Дело мое было улажено по-американски, ровно в пять минут. Завтра я отправляюсь на место своего служения. Недели 3–4 останусь там, пока готовится экспедиция. Как только приготовления будут окончены, немедленно двинусь в путь. Сколько времени продлится путешествие, пока не знаю.

С местной жизнью уже значительно освоился. С языком не имею затруднений. Он чрезвычайно прост, да и к тому же я с ним ранее основательно ознакомился.

Погода здесь стоит теплая — весна в полном разгаре. Вчера и позавчера праздновали здесь официально приход весны. В роскошном саду

Palermo был устроен corso de los flores, т. е. bataille des fleurs. Я был на вчерашнем corso: более тысячи элегантных экипажей циркулировали в пальмовых аллеях сада, освещенных al giogno электричеством. Я не видал еще нигде ни таких породистых лошадей, ни роскошных экипажей. Туалеты дам поражали роскошью и изяществом. Красавиц не перечесать. Цветы сыпались со всех сторон в изобилии. Воздух был насыщен их ароматом. Змеи серпантина извивались во всех направлениях. К сожалению, внезапно хлынувший дождь скоро положил предел празднику.

Ла-Плата. 8 декабря 1895 г.

Последние две недели я был в отсутствии — на экскурсии в горах Сиерра-де-ла-Вентана (километров 600 к югу от Ла-Платы). Экскурсия была снаряжена, по здешнему обыкновению, чересчур поспешно — я едва имел время собраться как следует (утром нам объявили, что к вечеру надо быть готовым выехать), в 5 часов вечера мы сели в поезд, а на следующий день были уже на месте. Экскурсии здесь снаряжают вполне прилично. Железнодорожная компания дала нам бесплатный проезд туда и обратно в спальном вагоне 1 класса. Железнодорожное сообщение здесь устроено очень удобно: в каждом поезде имеется маленький буфет-ресторан, так что можно выпить и закусить за весьма умеренную цену, не выходя из вагона. Здесь существует всего только два класса вагонов, 1-й и 2-й, соответствующие нашим 2-му и 3-му. Во 2-м классе здесь из порядочного общества никто не ездит, он предоставлен рабочим и эмигрантам. Хотя я не разделяю этого предрассудка, но в силу необходимости должен подчиниться обычаю и при своих путешествиях из Ла-Платы в Буэнос-Айрес и обратно брать билет только первого класса, иначе станешь здесь притчей во языцех.

По дороге мы встретили оригинальный поезд, перевозивший батальон солдат кавалерии с их лошадьми и женами в Байю-Бланку. Поезд растянулся в длину почти на полкилометра. Передние вагоны, открытые, с решетчатыми стенками, все были заняты четвероногими пассажирами. За ними следовали товарные вагоны, битком набитые солдатскими женами (превосходные коллекции типов мегер, начиная от чисто индейского и чисто негритянского типа и перехода через разные степени метисок и

мулаток к смуглому испанскому типу). Я еще никогда не видал таких варварских физиономий. Посередине вагонов разводили огонь, на котором эти дамы кипятили чай или мате. Их мужья следовали за ними в вагонах 2-го класса, откуда несся раздражающий уши дикий концерт труб, дудок, барабанов и проч., — всего разом. Офицеры следовали в последнем вагоне — салоне 1 класса. Полковник или батальонный командир — элегантный офицер с яркими галунами — почему-то забрался на локомотив и ехал там во главе батальона. По прибытии на станцию этот пестрый мир высыпал на платформу, и маленькая станция, затерявшаяся в глуши пампы, наполнилась нескладным гамом. Господа офицеры, заметив невдалеке заманчивую вывеску «despacho de los bebidos» (продажа питья), немедленно направились к ней. По дороге встретили чей-то брэк (шарабан) без хозяина, без церемонии завладели им и понеслись вскачь к заведению. Через минуту показался хозяин брэка. Заметив исчезновение экипажа, он бросился за ним вдогонку и повис сзади. Завязался, конечно, оживленный диспут, сопровождаемый энергичными жестами. К счастью, в это время лошади остановились у кабака: вся компания направилась туда (в том числе и потерпевший) и возвратились оттуда, по-видимому, примиренная.

Рельсовый путь пролегает по совершенно дикой пампе, в некоторых местах которой разбросаны редкие хутора и поселки. Напоминая в общем наши степи, пампа резко разнится от них по своей растительности: она не имеет тех пестрых и ярких цветов, которые украшают степи, а представляет собою однообразное пространство, поросшее сплошь то гигантскими злаками, то чертополохом, завезенным сюда из Европы. Изредка между серебристыми злаками проглянет кое-где огненно-красная вербена. Всюду по пампе бродит масса полудикого скота, особенно коров. Эти последние животные, столь безобидные в Европе, здесь чрезвычайно свирепы (их называют здесь «храбрые коровы»), и встреча с ними не обещает ничего хорошего; ни один самый отважный гаучо не решается подойти к коровам в пампе пешком.

Видел я также в пампе стадо диких страусов (американский вид размерами значительно меньше африканского). Птиц в пампе видимо-невидимо. Человека они совершенно не боятся; куропатки спокойно

переходят перед нами дорогу, а маленькие грациозные совки пампы, усевшись на проволочных изгородях, флегматично рассматривают вас, когда вы проезжаете мимо верхом. Среди птиц есть один вид попугая и две очень красивые маленькие птички: *recho amarillo* (с желтой грудкой) и *recho colorado* — черная с ярко-красной грудью. Последняя чрезвычайно ручная; когда мы были на станции, каждый день являлась она к нам утром и вечером: усядется на крошечном кустике коллекции против нашей веранды, пропищит: «чирик, чирик, чи-и-ик», растягивая последнее слово, затем вспорхнет и улетит.

Что она хотела нам этим сказать? Был ли это привет, вопрос или попросту просьба о подачке? Мы так привыкли к ее визитам, что утром, заслышав из комнаты знакомое «чирик-чирик-чиик», я говорил своим товарищам: «вот *recho colorado* пришла сделать нам визит», мы выходили на веранду и не ошибались: наша гостья была уже там. Колибри также водятся в пампе, но гораздо севернее. В Ла-Плате очень обыкновенны два ее вида, которые залетают часто в сады.

По прибытии на станцию Ториквист (поселок, образованный русскими немцами, выселившимися сюда с Волги) мы взяли лошадей и поехали со своим багажом на эстансию, расположенную в самом центре гор Сьерра-де-ла-Вентана. К хозяину эстанции (хутора) мы имели рекомендательное письмо, и потому нас устроили весьма комфортабельно. Самого эстансера дома не было (это богатый человек, который живет по большей части в Париже), принимал нас его мажордом. В наше распоряжение дали просторную комнату с верандой, выходящей на юг, с видом на горы; ночью прямо перед нами загоралось созвездие Южного Креста. Два раза в день — в полдень и вечером — нас звали обедать. Пища простая, но обильная: мяса сколько угодно. Завтрак и обед здесь обыкновенно состоит из супа, пучеро (вареное мясо с овощами) и ассадо (жаркое). К обеду прибавляется еще какое-нибудь мясное и сладкое блюдо. Хлеб на эстансиях заменяют всегда сухие галеты, а вместо вина служит ключевая вода. Не привыкший к такой сплошной мясной пище, я едва осиливал половину того, что мне предлагали, и никакие упрашивания черноокой сеньориты, игравшей роль хозяйки, не могли прибавить мне аппетита. Мои же спутники, хорошо обамериканившиеся, ели за двоих и просили сами еще.

Я говорю — мои спутники, ибо я выехал на эту экскурсию в компании с зоологом, коллегой по службе в музее Ла-Платы. Другой мой спутник был ботаник д-р Спегацини, директор факультета в Ла-Плате, с которым судьба случайно столкнула меня у кассы железнодорожной станции: он ехал как раз в ту же местность. Была ли это простая случайность или соревнование с его стороны, не знаю, но мы сошлись очень быстро, и он оказался для меня чрезвычайно полезным, ознакомил меня сразу с местной флорой. Д-р Спегацини — первый и, можно сказать, единственный в настоящее время ботаник в Аргентинской республике. По возвращении с экскурсии мы были уже друзьями и, надеюсь, сохраним хорошие отношения, которые будут полезны для нас обоих, в особенности же для меня. Вы видите, как здесь судьба сталкивает с людьми.

На эстансии мы прожили две недели, делая экскурсии в окрестных горах. Горы невысокие (едва 4 500 футов высотой), но чрезвычайно дики и совершенно голы: ни деревца, ни кустика. Единственный представитель кустарниковой растительности здесь — небольшой кустарничек, чрезвычайно колючий, без листьев (листья превратились в иглы) — коллекция ферокс (коллекция ужасная). Он вместе с сухой травой составляет единственное топливо для жителей эстансии.

Травянистая растительность тоже небогата — по большей части вербена (из тех, что разводят у нас в садах), разные злаки, пасленовые, кустарниковые сложноцветные и разные кактусы (4 вида). Один плоский, в виде круглых лепешек одна на другой — *Opuntia*; другой — в виде толстых граненых палок — *Cereus*, и два остальные *Melocactus* и *Echinocactus* — в виде маленьких дынь, усаженных колючками (их разводят и у нас в горшках). Последние два вида чрезвычайно оригинальны: растут обыкновенно в трещинах скал (их почти не видать) и только ярко окрашенный золотистый цветок высовывается наружу. Из-за кактусов путешествия здесь весьма затруднительны — иглы то и дело вонзаются в ногу. Моя тонкая кавказская обувь оказалась совсем непригодной, пришлось покупать местную обувь — альпархаты — легкие полотняные туфли на толстой подошве, плетеной из веревки.

Путешествие делает довольно неприятным также множество змей. Мы убили до восьми видов; из них один — крестовая змея — чрезвычай-

но опасна, так как укусы ее обыкновенно смертельны. Есть в пампе и гигантская боа — змея в несколько метров длиной и толщиной в руку — совершенно безопасная, но мы ее не видели, она очень редка здесь.

Из животного населения здесь — в горах и пампе — масса пумы или американского льва. Этот зверь здесь размерами много меньше африканского и не имеет гривы. Он чрезвычайно труслив и от человека всегда убегает, даже будучи раненым. Охотятся на него с собаками. Я видел на эстансии чучело недавно убитой пумы. Горы ими кишат.

Мы обнаружили одну пещеру, служащую пристанищем этому зверю, земля в ней была вся покрыта отпечатками лап пумы. В пещере валялись обглоданные остовы быка и гуанако. Гораздо опаснее пумы американский тигр или ягуар; он достигает солидных размеров и чрезвычайно свиреп; от человека, впрочем, тоже убегает, но если ранен, вступает в бой. Из безобидных животных назову гуанако, который заменяет в здешних горах серну и дикого козла европейских гор. Это крупное и стройное животное семейства верблюдов, с длинной шеей и маленькой мордой, напоминающей верблюжью. Крик у него тоже вроде верблюжьего, какое-то хрюканье. Хвост чрезвычайно забавный — в виде короткой кисти. Я встречал гуанако два раза, один раз шагах в ста, не более: зверь ничуть не спешил удалиться от меня, потому что видел: я без оружия, и спокойно меня рассматривал. Когда я стал подходить к нему ближе, он потихоньку стал удаляться, постоянно оборачиваясь. Так продолжалось с четверть часа, пока я не пустил вдогонку камень, заставивший его удалиться галопом.

Горы, где мы были, всего 20 лет тому назад были еще полны индейцев из племени арауканцев. Теперь их здесь нет ни души. Экспедиция генерала Рока частью их истребила, часть откинула далее на запад, к пределам Чили. Так все изменяется со временем. Мы свободно и безопасно путешествовали, часто в одиночку, там, где двадцать лет назад нельзя было показаться иначе, как в сопровождении сильного отряда со скорострельными ружьями и пушками. Не то же ли самое и на Кавказе? Там, где я один беззаботно пробирался по диким горным тропам Абхазии и Черкесии, всего тридцать лет назад даже хорошо вооруженная компания нескольких отважных людей подвергалась величайшим опасностям.

Из инцидентов нашего путешествия отмечу один как наиболее замечательный, когда мы были застигнуты ночью на самой вершине сьерры внезапно собравшейся страшной грозой. Ночь наступила как бы внезапно. Все небо сделалось черным, и на этом черном как уголь фоне ежеминутно змеились и вспыхивали яркие молнии. Я предлагал своим спутникам переждать эту ночь в пещере — в знаменитой пещере львов и тигров. И хотя звери могли ночью возвратиться в свое логово, это было бы для нас все-таки в тысячу раз безопаснее, чем в непроглядной тьме спускаться очертя голову верхом по скалистым сьеррам.

Мои спутники не хотели меня слушать, и мы начали этот ужасный спуск. Спускаться в том месте, где мы поднялись, было невысказимо, там были страшные обрывы. Пришлось ехать некоторое время вдоль сьерры и искать более пологий спуск. Гроза нас захватила как раз во время спуска. Я никогда не забуду этого пути по камням в абсолютной темноте: мы были принуждены, опустив поводья, довериться лошади. Иногда молния вспыхивала и ярко озаряла обрыв, который был под нами. Я закрывал глаза, опускал поводья, лошадь спотыкалась, скользила, но все-таки подвигалась вперед и не упала ни разу. Наконец мы выбрались на пампу (у каждого вырвался вздох облегчения) и под проливным дождем понеслись галопом. Скакали целый час. Всадников впереди меня почти не было видно, белела только куртка доктора, скакавшего непосредственно передо мною. Вспыхивавшая молния на мгновение освещала фигуры всех всадников — мажордома без шапки с ружьем в руках далеко впереди и двух моих спутников, и затем снова все погружалось в абсолютный мрак. Наконец, вблизи блеснул огонек — это наша эстансия. Мокрые с ног до головы, мы переменяем белье и костюмы и являемся к ужину. Никаких последствий это путешествие, к счастью, не оставило.

Гораздо более неприятным для меня стало другое приключение: в той же компании на другой день я поехал в горы. Когда пришлось подниматься чрезвычайно круто по скалам и камням, я предложил спешиться и вести лошадей в поводу, как это делают на Кавказе, из предосторожности и чтобы не мучить лошадь. Не согласились. Не успели мы сделать несколько шагов, как моя лошадь, как раз на самом скверном месте подьема, взвилась на дыбы (вероятно, седло стало съезжать). Я, конечно, был

сброшен сейчас же. Упал я, к счастью, в сторону и прокатился по обрыву всего метров пять. Лошадь же, потеряв равновесие, полетела вниз кувыркком метров на пятнадцать или более. Я отделался испугом, легкими ушибами да небольшим повреждением в левой ноге; но лошадь поплатилась за свой каприз глубокими ранами на груди и ногах. Я с больной ногой принужден был возвратиться домой пешком, и один, так как спутники не захотели меня сопровождать и поехали далее (таковы американские нравы). К вечеру я кое-как добрался до дому и перевязал ногу. Дней десять я похромал, но теперь все обстоит благополучно. Спутники мои, проученные этим опытом, вероятно, будут впредь благоразумнее, ибо в горах безрассудно полагаться на лошадь. На Кавказе я знаю несколько случаев, совершенно сходных с моим. Когда я пешком, то могу пройти везде, исключая неприступные скалы. С лошадью же даже на хорошей горной дороге можно натолкнуться на скверное приключение.

Я живу пока в Ла-Плате, приводя в порядок собранные коллекции. Ла-Плата — очень скучный провинциальный город. Оживления никакого, улицы мертвы. Как-то странно видеть в этой глуши роскошные дворцы, воздвигнутые строителями города для разных правительственных учреждений, густую сеть телефонных проволок и электрическое освещение (улицы освещаются исключительно электричеством). Строители рассчитывали превратить Ла-Плату в крупный административный и промышленный центр — и ошиблись. Вот уже 12 лет как существует город, а оживления мало. В городе, правда, есть оперный театр и издаются три или четыре журнала. Но тем не менее он остается настоящей провинцией; по вечерам у ворот каждого патио собираются поглазеть на прохожих сеньоры и сеньориты — совсем как у нас где-нибудь в глуши (не достает только щелканья подсолнухов), а на главную улицу часам к пяти выполняют местные сливки общества и показывают свои туалеты (любимые цвета дам: красный и желтый). Жизнь здесь довольно дешева. Главный расход на белье и платье (то и другое дорого). При том одеваться здесь надо весьма прилично — в Аргентине на одежду обращают больше внимания, чем в Европе.

ЛА-ПЛАТА. 30 ДЕКАБРЯ 1895 г.

Пишу Вам за несколько дней перед отправлением своим на Огненную Землю. Экспедиция наша должна была выехать еще 24-го, но с того времени отъезд все откладывается со дня на день из-за починки машины на пароходе, а также вообще из-за медленности аргентинцев. Мы едем на одном из военных пароходов, которые ежегодно крейсируют в водах около Магелланова пролива и Огненной Земли. Надо думать, что пароход будет готов к отплытию если не 3-го, то 5-го. Если нам удастся выехать хотя бы 5-го, в таком случае мы будем в Punta Arenas (Магелланов пролив) 12 января (т. е. 1 января по вашему стилю).

Неделю тому назад мы, все служащие в музее, ездили в Буэнос-Айрес во дворец правительства представляться министру иностранных дел (так как мы едем в территории, принадлежащие частью Чили). Министр принял нас любезно, сказал несколько слов по поводу экспедиций, вроде того, что правительство ожидает от вас многого и т. п. В свою очередь старший из нас, норвежец-топограф, ответил, что мы постараемся оправдать высокое доверие аргентинского правительства, ибо Аргентинская республика для нас — вторая родина, и т. д. К счастью, весь этот утомительный церемониал продолжался недолго, и через полчаса мы покинули раззолоченный кабинет. Министр на прощанье жал нам всем руки.

Теперь я занят приготовлениями к отъезду, которые, конечно, довольно сложны, так как экспедиция должна продлиться ни много ни мало пять-шесть месяцев. Другие экспедиции — в Патагонию и Кордильеры — уже выехали несколько дней назад, а наша двинется с опозданием в числе последних. Просвещенное аргентинское правительство не жалеет денег для устройства научных экспедиций, и в этом году в одну Патагонию музеем организовано целых три экспедиции, которые пересекут ее в разных направлениях, да в Кордильеры — две. Сам директор тоже постоянно находится в путешествиях.

Минувшие праздники Рождества прошли у меня невесело. Могу сказать, что мне едва ли приходилось встречать их в более печальной обстановке. Несмотря на разгар лета, погода стоит здесь бурная, подчас довольно холодная, а в самую ночь Рождества разырилась одна из страшнейших гроз, какие мне случалось видеть в жизни. Весь праздник

дождь лил как из ведра, и улицы превратились в болото. Впрочем, к счастью, я здесь не одинок. Мне удалось перетащить сюда моего приятеля-француза, горного инженера, с которым я ехал на пароходе. По моей рекомендации его приняли на службу в музей, и мы живем теперь опять вместе. Квартиру мы занимаем просторную — я один снимаю две комнаты, спальню и кабинет, выходящий на балкон, весь увитый цветами. Хозяйка — каталонка (испанка из Барселоны) содержит дом в примерной чистоте. Дом в двух шагах от эвкалиптового парка, где находится музей. Когда в жаркие дни ветер дует с той стороны, воздух бывает так насыщен благовонными испарениями эвкалиптов, что кажется, будто на улицах накурили ладаном.

Теперь мало-помалу я составил себе кое-какие знакомства среди местных жителей и, право, не в такой степени беспомощен, как был ранее, когда только приехал сюда.

Ла-Плата. 14 января 1896 г.

Пишу Вам наскоро накануне отъезда в Огненную Землю. Кажется, завтра выедем уже наверное. Можете представить, как мы были измучены ожиданием с 24 декабря до 15 января! Нельзя было приняться ни за какую работу, никуда выехать, потому что можно было ежеминутно получить депешу: пароход уходит сегодня во столько-то. Вина в этом промедлении, конечно, в складе аргентинского характера, который в этом отношении представляет много сходства с Востоком.

Вы ошибаетесь насчет характера наших экспедиций. Они носят чисто ученый характер; некоторые из них также имеют целью съемку карты страны (у нас есть целое топографическое отделение). Время военных экспедиций здесь давно миновало. Экспедиция генерала Рока (лет 15 назад) была последней. Патагонцы отброшены далеко на юг, в пустыни, а арауканцы или перебиты, или отодвинуты за Кордильеры в Чили. Там, где я путешествовал недавно в Сьерра-де-ла Вентана, было некогда гнездо арауканцев. Но вот уже 15 лет, как там нет ни одного индейца. Поэтому, как видите, книга Ионина является уже большим анахронизмом для жизни этой страны, которая идет крупными шагами. Вот, например, он описывает Ла-Плату как город *en construction*, с пустынными пло-

щадями, большими пустырями и т. п. Теперь это большой населенный (40 000 жителей) город, который существует как будто испокон веку; а пустырей кроме как на окраинах я и не видал здесь. Теперь, возвращаясь к индейцам, можно сказать, что они сохранились в Аргентинской республике лишь на крайнем севере, в Гран-Чако, на границе с Боливией и Парагваем, да в Огненной Земле, куда мы едем. Там целых три племени, различных друг от друга по языку. Это, говорят, народ весьма смирный. Впрочем, там давно находится английская миссия мистера Бриджа, которая успела их несколько цивилизовать.

Минувшие рождественские праздники прошли в Ла-Плате очень шумно. В городском парке, в двух кварталах от моей квартиры, были ежедневные гулянья с 25 декабря по 6 января. Музыка гремела, ракеты лопались, не переставая, каждый вечер. Я соблазнился и ходил туда раза два со своим приятелем. Времени даром не потерял. Картина очень интересная. Парк *al giorno* освещен электричеством, настроена масса балаганов для летучих ресторанов, карусели, лотереи-аллегри и проч. Народу масса, как местных жителей, так и пришлого из сапро, так называемых «*chinno*». Красавиц настоящих испанских не перечесть. Весь этот народ пришел, чтобы покутить и поплясать на открытом воздухе. Между деревьями в небольших кружках отплясывали под звуки зурны, барабана и бубна национальные испанские танцы, хоту и фандангито (последний танец американский). Все это было не лишено колорита, хотя оживление далеко не такое, какое бывает в подобных случаях хотя бы у нас на Кавказе.

К слову сказать, грациозный испанский женский костюм здесь давно изгнан из употребления и местные красавицы рядятся в безобразные французские платья.

Спешу ответить на вопросы сестры:

1) Буэнос-Айрес следует произносить «Буэнос-Айрес». Местные французы произносят это слово по-своему: «Бюэноз-Эйр».

2) Мате я пью каждый вечер, но всегда из чайника. Бомбия здесь имеется в каждом доме, но я нахожу употребление ее предосудительным ввиду того, что одна и та же бомбия переходит обыкновенно изо рта в рот. Самая трава, служащая чаем, называется здесь не *mate*, а *yerba* (джерба по аргентинскому выговору), т. е. просто трава. Словом же *mate*

называют чашечки — тыкы, в которых сервируют этот напиток. Yerba стоит здесь очень дешево — лучший сорт 80 сентаво кило, т. е. 20 копеек фунт;

По пути на Огненную Землю. 15 января 1896 г.

В 8 ч. 50 м. утра мы прибыли в Буэнос-Айрес на станцию Central со своими вещами. Часть вещей — все ящики и груженные чемоданы — были отправлены на несколько дней раньше. С нами идет огромный багаж: одна зоологическая секция везет до 65 ящиков, не считая сундуков и чемоданов; я везу три ящика с цинковыми коробками для сохранения растений в спирту, два ящика с бумагой для сушки, ящик, сундук, чемодан и хурджины с моими собственными вещами.

По прибытии на станцию нас ожидало разочарование. Встретивший нас г-н Д., препаратор музея, отправившийся из Ла-Платы накануне, заявил нам, что пароход отправляется только на следующий день. Можно себе представить нашу досаду: мы были и без того измучены скучным ожиданием отхода парохода с 24 декабря по 15 января, т. е. более трех недель! Послав к черту аргентинские порядки, мы должны были, однако, примириться со своей участью. Погрузив все вещи на карро, мы немедленно отправились в доки, на борт парохода, чтобы узнать точнее о времени отхода. Мы увидели у мола близ парходной пристани Platense крохотный парходик, сидевший в воде почти по самые борты — так сильно он был нагружен. Это и был пароход «Ushuaia», который должен был везти нас на Огненную Землю. Пароход имел в длину 58 шагов, а в ширину едва 10–12. Две довольно крупные мачты — одна с хорошею парусною оснасткой — делали его похожим скорее на парусное судно. Мы представились коменданту судна, и он сделал распоряжение об отводе нам помещения. Первый класс, где мы поместились, представляет собой пространство шагов в десять длиной и столько же шириной и состоит из четырех необыкновенно тесных, без окон, каюток, рассчитанных на 10–12 пассажиров. Я поместился в маленькой скверной каюте с г-ном Д., препаратором музея, и еще двумя пассажирами, едущими в Ушуйю. Г-н Б. — напротив, в другой подобной же каюте. Пассажиров кроме нас на пароходе всего пятеро: кроме двух упомянутых аргентин-

цев еще два испанца и один англичанин (мистер Л.). Почти все едут за казенный счет, кроме одного испанца. Кроме пассажиров 1 класса на пароходе имеется еще человек до пяти палубных пассажиров. Командуют пароходом два офицера. Так как они, по-видимому, не вполне доверяют своим мореходным познаниям, то взяли с собой лоцмана-каталонца, который в сущности и является настоящим капитаном судна. Матросы-испанцы — здоровые красивые ребята, необыкновенно степенные, с серьезным, почти важным выражением лиц.

Таково было наше впечатление от парохода, который должен был везти нас на Огненную Землю. Запоздание с отходом объяснялось тем, что на пароходе заново поправляли машину. Только на днях закончили. Исправленная машина дала результаты — ход ее равнялся всего 6 милям в час. Нашли однако, что этого вполне достаточно.

На следующий день с раннего утра начались приготовления к отъезду. Так как груз все прибывал и прибывал, то час отъезда с восьми перенесли на полдень. На пароходе между прочим поместили партию арестантов, которыми хотят колонизировать Огненную Землю, а также с десятков женщин, содержащихся при полиции за пьянство и разврат, которых отправляют в Ушуайю с той же целью. Последняя группа представляла значительный интерес; тут были всевозможные типы: негритянки, мулатки, квартеронка, испанки, итальянки и метиски. Все ужасные физиономии, на которые порок наложил свое клеймо. Все эти «дамы» разместились на пароходе как у себя дома и, по-видимому, нисколько не грустили о своей доле. Только одна итальянка, старая пьяница, я заметил, плакала. Их поместили как раз над нашей столовой, и они все время путешествия надоедали нам, свешиваясь через иллюминаторы и прося постоянно «винца».

За час до отхода на пароход попрощаться с нами прибыл директор музея г-н М. и вслед за ним — губернатор Огненной Земли. Вещи губернатора идут с нами, но сам он поедет до Пунта-Аренаса лучшим пароходом.

В 12 часов мы, наконец, отвалили от набережной и тронулись в путь. Погода стояла прекрасная, и казалось, все благоприятствовало плаванью. Но не тут-то было: едва отъехали мы на 20 миль, как на па-

роходе случилось происшествие, заставившее нас немедленно вернуться обратно. Среди арестантов, которые перепили каньи (неизвестно каким образом проникшей к ним), завязалась ссора, перешедшая вскоре в драку. Когда матросы принялись унимать ее, драчуны обрушились на последних, и тут начался настоящий бунт. Зачинщики (конечно, итальянцы-неаполитанцы, которые всегда фигурируют в уголовной хронике страны) стали оскорблять капитана, обратившегося к ним с увещеваниями. Капитан вместо того, чтобы принять энергичные меры, оставался безучастным к ругательствам, и это придавало бунтовщикам смелости. От слов перешли к действиям. Один схватил валявшуюся на палубе доску, другой — железный болт, и бросились с этим оружием на матросов. Последние принуждены были обнажить тесаки и начали раздавать удары плашмя. Капитан немедленно раздал людям ружья. Около капитанской каюты и у трапов поставили часовых со штыками наголо, с ружьями наготове. Пассажиры, конечно, были перепуганы, а ехавшая с нами сестра капитана рыдала. К счастью, это продолжалось недолго. Матросам удалось вырвать из рук бунтовщиков опасные орудия, а самих их связать. Вслед за тем капитан отдал приказ дать машине задний ход, и мы направились назад в Буэнос-Айрес. Из-за встречного ветра, мы только к ночи прибыли туда и принуждены были оставаться на рейде. Капитан подозвал пароходик *remorqueur* и отправился на берег известить власти о случившемся. На следующее утро прибыло десятка полтора из портовой полиции, и бунтовщиков спланили на землю. Только тогда мы могли тронуться в путь, бесполезно потеряв таким образом целые сутки.

Первая неделя плавания прошла для нас в общем благополучно. Небо было почти постоянно ясное. Зато два раза нас потрепало: один раз килевой качкой при южном ветре, когда волны достигали размеров двух-трех сажень и захлестывали палубу, другой — боковой качкой при восточном ветре: волны были не так велики, но ветер был страшной силы и так накренил судно, что казалось, вот-вот оно ляжет на бок. Пароход ежеминутно черпал воду бортами; она заливала всю палубу и с шумом перекачивалась по ней. Мы все собрались на верхней палубе, так как в каютах оставаться было невозможно, и стояли там, держась кто за что мог, чтобы не скатиться вниз, в воду. Капитан немедленно

изменил курс, и вместо того, чтобы идти открытым океаном, мы взяли на юго-запад и стали искать берег. В сущности, это было актом не только благоразумия, но и необходимости, так как из-за испортившегося хронометра мы не знали, под какую долготой находимся (ошибка в вычислении доходила до двух градусов). Вскоре мы увидели в отдалении берег, и у всех невольно вырвался крик радости. Когда подошли к земле ближе, то по характерным береговым возвышенностям узнали, что находимся близ мыса Трех гор (*capo de Tres montes*). Теперь нам оставалось пересечь большой залив San-Jorge, чтобы достигнуть Puerto Deseado. На это мы употребили ночь и на следующий день (24 января) около 4 часов пополудни мы бросили якорь в небольшой спокойной гавани, Puerto Deseado (*Port Désiré*). Как только пароход стал на якорь, мы с господами Л. и Б. отправились вместе с капитаном и *comissario* на берег, в капитанию. *Port Désiré* — необыкновенно пустынная, печальная местность, ограниченная с юга голой песчаной равниной, покрытой галькой, а с севера и запада — угрюмыми голыми скалами, что поднимаются террасами одна за другой. Высота каждой террасы едва ли превосходит 100 футов. Вторая терраса образует голое пустынное плато («*meseta*»). На юге, близ берега моря, среди равнины находится курьезная группа скал с возвышающейся посередине столпообразною, разветвленною на верхушке скалой. Мы сняли с нее фотографию. Можно подумать, что кто-то нарочно поставил ее в этом месте.

Скалы состоят из кварца. Растительность чрезвычайно бедная; голая почва покрыта кое-где кустиками сложноцветного *Lepidophyllum cypressiforme* и разных других сложноцветных с кустарниковым стеблем, барбарисом (*calaxata* — *Berberis heterophylla*, с довольно вкусными сухими черными ягодами, сидящими поодиночке, и с необыкновенно крупными, сильными колючками), кустарниковым видом *Adesmia* с чрезвычайно ароматическими листьями, кустарниковым видом *Verbena*, со стеблем, напоминающим араукарию, с подушками оригинального зонтичного *Azorella*, двумя видами кактуса и кое-какими другими тощими растениями. Замечательно, что почти все растения снабжены колючками, необыкновенно сухи и почти всегда ароматичны, что прямо говорит о сухом климате страны.

Поселение в Р. Deseado ничтожное, всего три-четыре дома, один из них принадлежит эстансиеро — французу по происхождению. В Саритания, одиноко стоящей при входе в залив, нас встретил маленький старичок с английским типом лица. Это и был сам капитан порта. Он сейчас же потащил нас к себе в комнату, приглашая чувствовать себя свободно как дома, с полным доверием. Первым предметом, бросившимся мне в глаза в комнате, был штоф с каньей, которою капитан и принялся нас угощать сейчас же из больших стаканов.

По-видимому, в подобных заброшенных углах истребление каньи составляет главное занятие капитанов. Что им остается больше делать? Пароходы заходят сюда раз в полтора-два месяца! У капитана в комнате было собрание разных диковинок, как-то: морские раковины, разные гады в спирту и т. п. Мы пробыли на берегу всего час и к ночи возвратились на пароход. На следующий день до отхода парохода мы успели сделать основательную экскурсию по берегу. Погода все время была превосходная.

26 января.

Под вечер мы вышли в просторный порт Santa Cruz и стали на якорь близ южного берега. Санта-Круз — «столица» территории того же имени, пожалуй, еще печальнее Р. Deseado: это абсолютная нагота. Невдалеке от берега крутой стеной поднимается невысокое (до 500 футов) плато или, по-здешнему, «месета». У подножья его приютились несколько домиков, в том числе капитания и единственный альмасен (магазин и он же кафе—ресторан—бильярд). Сойдя на берег, мы пересекли береговую равнину, поросшую девственным лесом из *Lepidophyllum cupressiforme* вышиной в аршин, и сделали затем поднятие на месету. Вид угрюмый, но не лишенный величия. Пустыня иногда имеет свою красоту. Растительность — повторение растительности Р. Deseado. Те же колючие кустарники и кое-какие травы с прибавлением чрезвычайно колючей *Adesmia* и *Mulinum* sp. В альмасене мы купили оберточной бумаги, которая была мне столь необходима для сушки растений (вся моя бумага в ящиках, далеко в трюме). Затем вернулись на пароход.

27 ЯНВАРЯ.

Сегодня вечером мы вошли в устье реки Rio Gallegos. Так как в устье имеются две очень опасные песчаные мели, то пилот парохода не решился войти в порт вечером. Бросили якорь в виду порта, милях в пяти от него.

28 ЯНВАРЯ.

Сегодня утром, когда дали ход машине, винт после нескольких взмахов вдруг остановился. Оказалось — испортилась машина, засорились трубы паровика. Поэтому пришлось заняться починкой машины, оставив надежду прибыть в порт утром. К счастью, к полудню машину исправили и в 3 часа двинулись вперед. В 4 часа мы бросили якорь почти у самого берега. В Rio Gallegos — население гораздо более значительное, чем в Santa Cruz или P. Deseado: здесь наберется с десятков, если не более, домов; есть крохотная церковь и высокий деревянный «дворец» губернатора провинции Santa Cruz (губернатор перенес сюда свою резиденцию, поскольку отсюда ближе до Пунта-Аренаса). В поселке и окрестностях наберется человек до 100 поселенцев (по-видимому, баски; есть также одна французенка-эстансиеро, очень красивая пожилая женщина с энергичным, умным выражением лица, у нее большое хозяйство — несколько тысяч овец и проч.). В Рио-Галлегосе мы зашли все гурьбой в альмасен и уже снабженные предметами первой необходимости превосходного качества выпили там по стакану джина. Затем пароходные власти отправились к губернатору, а мы, побродив некоторое время по равнине, окружающей поселение, собрали кое-какие растения (почти те же самые, что в S. Cruz, с прибавлением одной *Calceolaria* красивого коричневого цвета — крошечного ползучего кустика с голубовато-белыми цветами и одного очень изящного сложноцветного с ароматными цветами) и затем вернулись на борт. По дороге зашли в другой альмасен, где доктор Л. хотел выбрать себе «капу», т. е. мех гуанако. Ничего однако не купили, так как мех оказался посредственным, да и цена довольно высокая — 25 пиастров. В магазине, между прочим, завязался очень интересный спор о политике, о том, кто возьмет верх в предстоящей войне — Аргентина или Чили? Молодой человек — аргентинец, сопровождавший нас, типичный «сын

страны», с апломбом доказывал, что сила, организация, деньги — все на стороне Аргентинской республики, что Чили — полное ничтожество и т. д. Удивительная страсть у аргентинцев к политике и при этом великое самомнение.

Rio Gallegos в общем производит гораздо более веселое впечатление, чем два предыдущие порта. Причину этого следует искать, вероятно, в его большой населенности и просторе, его окружающем (возвышенности подступают к берегу здесь только с севера, на юге же он представляет открытое савро).

NB. Характеристика испанских поселений вроде Rio Gallegos, Santa Cruz и т. п.: масса, целые кучи разбитых бутылок виски, джина и т. п. Это весьма характерно для современного человека, вроде того, как известные «кухонные кучи» характерны для каменного века. Геолог отдаленного будущего по этим остаткам в отложениях безошибочно определит присутствие «белого человека».

29 января.

Сегодня утром мы обогнули саро de Virgen и вошли в Магелланов пролив, круто поворачив на юго-запад. У саро de Virgen заметили на берегу несколько домиков, это — золотоискатели, промывающие здесь золото. За мысом кончаются аргентинские владения и начинаются пределы Чили, о чем свидетельствует возвышающийся на берегу пограничный столб. Магелланов пролив встретил нас крутой переменой погоды: небо со стороны Огненной Земли (она виднелась в отдалении как низкая равнина с невысокими холмами) заволокло тучами и заморосил дождик. К вечеру погода однако разъяснилась, зато поднялся необыкновенной силы ветер, дувший нам прямо в лицо. Около половины седьмого мы остановились на якоре в небольшой бухте патагонского берега, близ входа в первые теснины (First Narrow) пролива. На берегу бухты несколько домиков эстансиеро, имеющих здесь богатые стада овец (до 300 000). В бухте стоит английский понтон с грузом угля для проходящих пароходов. Местность еще не потеряла патагонского характера, но уже значительно веселее — больше зелени. Противоположный берег Огненной Земли при входе в 1-ю теснину отстоит, быть может, всего на три — пять миль.

NB. О нашем питании на пароходе. Едим мы очень и очень недурно. В 7 часов, в постели — кофе с бисквитиками, в 11 — завтрак [суп, иногда fiambres (холодное мясо)], три жарких или же жаркое и два блюда legumbres (чечевица, фасоль), иногда яичница или пирожки с треской; раз подавали итальянскую поленту; на десерт — сыр, инжир, орехи или пастила, кофе и вдоволь очень порядочного вина). В половине шестого — обед (почти такой же). В промежутке между двумя и половиной третьего сервируют кофе. Вечером в 9 часов — чай.

NB. Для чтения на пароходе я купил в Буэнос-Айресе испанский перевод «Крейцеровой сонаты» Толстого. Перевод очень недурен, и я прочел его с удовольствием, без затруднений, не прибегая к лексикону. Курьезно, что торговец, продававший мне книгу, заметил, что уступает ее мне так дешево (1 пиастр) лишь потому только, что автор книги — неизвестный, тогда как «известным» авторам, таким как Ксавье де Монтепен, Э. Амичис и т. п. (!), цена совсем другая.

30 января.

Двинулись в путь рано, около 3 часов. К 10 часам мы входили во вторую теснину Магелланова пролива. Берега отстоят здесь едва на полторы мили один от другого. Характер их остается тот же — пустынный, меланхолический. Патагонская сторона становится все более и более гористой, хотя горы незначительны. Берега Огненной Земли представляют невысокие террасы и чрезвычайно голы. Погода стоит недурная, солнце ярко светит, но дует противный ветер.

Около трех часов мы бросили якорь на рейде у Пунта-Аренаса. Характер местности изменяется как бы по очарованию. Патагонский берег представляет невысокие (до 2 000 — 3 000 футов) горы, густо одетые зеленым лесом. Лес покрывает все ближайшие к Пунта-Аренасу холмы и низменности. Пунта-Аренас — веселый маленький городок в зародыше, живописно разбросанный по склонам береговых холмов. Больших строений не видать; все только маленькие деревянные домики, отстоящие друг от друга довольно далеко. На самом берегу, на окраине города, видна лесопильня. Две длинные деревянные пристани выдаются в обширную бухту. На рейде стояло несколько пароходов, в том числе

«Potosi» Тихоокеанской компании, обогнавший нас сегодня утром, а также большой броненосец чилийского флота, военный аргентинский пароход «Уругвай», небольшой коммерческий пароход «Prensa» из Буэнос-Айреса (необыкновенно грязный и нескладный) и др. В общем бухта носит очень веселый характер. Сам городок имеет свой собственный отпечаток, хотя очень напоминает некоторые городки на берегу Черного моря, как Сухум или Туапсе, а еще более — городки северо-западного побережья Испании — Виго, Ла-Корунья.

Около 4 часов на пароход прибыл капитан порта, и мы получили свободную практику. Вскоре один за другим стали прибывать к нам посетители. Одним из первых приехал губернатор Огненной Земли. Он только что прибыл с пароходом «Potosi». Затем офицеры с парохода «Уругвай». Наш капитан вскоре уехал на берег вместе с губернатором. Но нам, пассажирам, никому не позволено было покидать пароход.

31 января.

Скверный дождливый день. Поехали на берег в 7 часов утра. Ступив на твердую землю, мы первым делом отправились на почту — справиться, не прибыло ли писем на наше имя. На почте нам объявили, что корреспонденция наша будет передаваться аргентинскому консулу. Отправились к последнему. Ничего не оказалось. Затем мы пошли по магазинам делать покупки. Путешествие по городу не из приятных. Улицы до чрезвычайности грязны, и переходить их весьма затруднительно. Город в общем дает впечатление построенного на скорую руку. Дома маленькие, одноэтажные и, что называется, шиты на живую нитку. Магазинов масса и, несмотря на их непривлекательную внешность, снабжены товаром весьма обильно. Как обыкновенно бывает во вновь возникающих городах, они носят космополитический характер, т. е. в них всякого жита по лопате. Мы зашли сперва в большой магазин Мендеса в центре города, где все приказчики говорят по-французски. Нам говорили на пароходе, что в Пунта-Аренасе из-за отсутствия таможенных пошлин все дешево (Пунта-Аренас — порто-франко). На деле оказалось не то. Впрочем, может быть, с нас драли как с иностранцев.

Так как мы опоздали к баркасу, который должен был везти нас на борт, то мы с г-ном Д. пошли в один из лучших ресторанов на берегу

моря завтракать. Ресторан принадлежит норвежцу; публику составляют тоже норвежцы и англичане. В ресторане я познакомился между прочим с одним ученым, временно находящимся здесь профессором из Сантьяго, командированным Чилийским правительством для производства геологических исследований в Пунта-Аренасе и на Огненной Земле. Он дал мне известия об экспедиции Норденшёльда. Этот путешественник находится в настоящее время вместе с ботаником экспедиции в северной части Огненной Земли. Зоолог экспедиции профессор Олин теперь в Пунта-Аренасе, и живет близ этого самого ресторана.

После обеда мы отправились опять бродить по городу. Я купил себе табак разных сортов, в том числе североамериканского, конденсированного, в таблетках. В табачном магазине видел, между прочим, русские папиросы фирмы Бостанджоголо. Они стоят 90 сентаво коробка в 25 шт. (около 60 коп.). Табак вообще довольно дешев. В Чили монетной единицей служит бумажный пиастр (около 70 коп.). Но есть также в обращении серебряные монеты низкой пробы — пиастры и монеты в 20 и 10 сентаво. Бумажек ниже одного пиастра, на счастье, нет.

В Пунта-Аренасе издается, между прочим, журнал «El Magellane», выходящий два раза в неделю. Там я нашел интересные для меня сведения об экспедиции Норденшёльда, а также детали о недавно случившемся близ св. Себастьяна нападении индейцев на колонистов.

На улицах города мы встретили нескольких представителей индейцев Огненной Земли она (представителей расы, населяющей северо-восточную часть), мужчин и женщин. Это необыкновенно жалкие, тупые существа. Кожа их кирпичного цвета. Гладкие волосы, висящие прядями, они красят тоже в коричневый цвет. В лицах нет ничего отталкивающего. Они не безобразны и (особенно женщины) напоминают монгольский тип. Одеты в оборванные европейские платья.

Под вечер приехали на пароход губернатор со своим семейством и еще дочь капитана, которая также следует до Ушуайи. Вследствие такого наплыва пассажиров каюты переполнились народом. Капитан отдал в распоряжение губернатора свое собственное помещение.

Мы тронулись в путь поздно вечером.

1 ФЕВРАЛЯ.

Проснувшись утром, я увидел, что мы плывем уже в канале Магдалены, среди островов Огненной Земли. Пароход шел совсем близко к берегу, в каких-нибудь двух-трех сотнях метров от него. Канал не широк (две-три мили), и берега чрезвычайно живописны: довольно высокие крутые горы, густо одетые вечнозеленым буковым лесом. Кое-где на вершинах гор белеет снег, и сползают ледники. К полудню ненастная погода несколько прояснилась, и мы могли наслаждаться *à notre aise* великолепными видами, открывавшимися перед нами один за другим, один другого лучше. Панорама ни с чем не сравнимая. Я не видел еще ничего подобного в жизни. Пожалуй, сравнить ее можно разве что со Швейцарией или Тиролем, который подвергся бы гигантскому наводнению, так что воды океана хлынули бы во все долины и ущелья и из воды возвышались бы только вершины гор. Разница со Швейцарией будет лишь та, что там вершины гор — голые, здесь же острова густо одеты лесом, который подходит к самой воде.

Все утро мы плыли узкими, но очень глубокими (лот не достает дна) каналами, которые открывали нам великолепные виды на оба берега. Под вечер мы вышли в открытое водное пространство — это был Тихий океан. На юге виднелась бесконечная водная даль, и небо было все в густых испарениях. На нас подул сильный южный ветер, который сейчас же подняла чувствительную качку. К счастью, мы были здесь недолго и тотчас же поворотили налево, в Вреклок-рассаже. Поворот был настолько крут, и пролив так узок в этом месте, что невольно казалось, будто мы идем в пространство без выхода. Пролив напоминал здесь настоящее дикое горное ущелье, только наводненное океаном, и имел всего несколько десятков сажен ширины. Вход в этот проход загораживали банки, и мы с большими затруднениями прошли мимо них. Мы шли так близко к берегу, что могли ясно различить белые цветы, росшие там в изобилии. Восточная сторона пролива вообще гораздо лесистее западной, которая представляет во многих местах совершенно голые скалы сланцевого сложения. Вскоре мы вынырнули в более широкий канал. Около 7 часов вечера мы бросили якорь в маленькой бухточке, всего в нескольких саженях от берега. С вечера стал крапать дождик.

2 ФЕВРАЛЯ.

Проснувшись, я увидел обстановку сильно изменившеюся. Мы плыли теперь довольно широким (около мили) каналом, который с обеих сторон ограничивали ряды высоких гор с большими залежами вечного снега. Кое-где сползали с них ледники. Чем дальше мы плыли, тем ледники становились все значительнее и значительнее. Наконец, в Daruin Sound, близ горы Daruin, к самому морю спускались каскадами гигантские ледники в 3 000–4 000 футов высотой. Это было зрелище для меня совершенно невиданное. Гигантская стена ледника круто обрывалась у самого берега и давала начало величественному водопаду. Горы по мере нашего приближения ко входу в канал Beagle вообще становятся все выше и выше. Снежный Pic Français, возвышающийся непосредственно над каналом, имеет высоту до 2 000 м. Замечательна разница в природе обоих берегов канала. Северный берег представляет по большей части голые серые сланцевые скалы, с которых древние ледники как бы стерли всякую растительность. Только в нижних частях они одеты лесом, впрочем, весьма скудно. Южный берег, напротив того, представляется густо одетым лесом до значительной высоты. Горы здесь построены из какой-то красноватой породы, напоминающей песчаник. Слои замечательной правильности и изогнуты в складки, совершенно соответствующие горным складкам. Между красноватой породой виднеются местами тонкие прослойки беловатой породы, вероятно, кварца.

Около часу пополудни однообразие нашей пароходной жизни было нарушено интересным событием, именно встречей с дикарями. Мы заметили, что на северном берегу нам делают какие-то знаки красным плащом, чтобы привлечь наше внимание, и в то же время мы увидели приближающееся к нам саное с индейцами. Пароход остановился, чтобы дать возможность последним сообщить с нами. На берегу, под сенью буков, виднелся их вигвам, напоминавший формой юрту, и около него несколько полуголых людей, которые при нашем приближении стали поспешно спускаться на воду другую лодку. Первая лодка скоро причалила к нам, и мы увидели в ней женщину и мальчика, гребших изо всей силы. Они начали что-то кричать нам и жестиковать. Тем временем подплыла другая лодка, где были мужчина, женщина и ребенок. Мужчина держал в руках

несколько тюленьих шкур и начал с нами разговор на языке из смешанных английских и испанских слов и жестов. Этого оказалось достаточно, чтобы понять друг друга. Тотчас же начался оживленный обмен, и мы (т. е. капитан парохода) приобрели две шкурки (стоящие в Буэнос-Айресе около двадцати пиастров) за мешок галет (едва пять пиастров) и две бутылки скверной каньи. Дикари, по-видимому, были довольны обменом, ибо с жестами радости повернули назад, крича: «adios, Ushuaja!» Мы поплыли далее. Дикари, встреченные нами, вовсе не имели того отталкивающего вида, который описывается Дарвином. Конечно, они были весьма некрасивы, но среди европейцев попадаются лица хуже. Например, сопровождающие нас «дамы».

Мужчина имел кожу почти белого цвета, очевидно, он был из метисов. Объяснялся довольно сносно на английском языке, которому он научился у мистера Бриджа, миссионера. Все были одеты в европейское платье — кто в одну рубашку, а кто и в штаны! Только на одном ребенке вместо обычного платья была шкурка. Она застегивалась спереди как пелеринка.

В 8 часов вечера мы остановились на якоре в просторной бухте, против поселка Лапатайя, где имеется лесопильня. Этот поселок уже входит в пределы губернаторства.

3 ФЕВРАЛЯ.

Сегодня тронулись в путь с рассветом, и рано утром, часов около пяти, бросили якорь в бухте Ушуайе. Погода была неприятная. Небо все в облаках. Горы заволочены туманом. Моросит мелкий дождик. Так встретила нас Ушуайя.

Несмотря на то, что теперь здесь лето, дожди в этой местности выпадают почти каждый день. Ясные дни — исключение. Климат чрезвычайно влажный, дождя выпадает в год 5 000–6 000 миллиметров, т. е. втрое больше, чем в известном своей сыростью Западном Закавказье.

В ненастную погоду вид Ушуайи не привлекателен. На берегу разбросано десятка два домиков, в том числе сравнительно большие дома капитании и губернатора, также лесопильный завод. За ними сейчас же начинается лес — густой буковый, частотой насаждения напоминающий

леса Колхиды. В общем вид носит печать глубокой меланхолии. Здесь нам суждено прожить целых три месяца! Признаюсь, я ожидал большего. Не менее, если не более нас были разочарованы женщины. Они с понуренными головами всматривались в побережье, где им придется провести остаток жизни.

Позавтракав на пароходе, мы начали сгружаться. Первым уехал шеф нашей экспедиции, д-р Л. Мы втроем остались наблюдать за погрузкой вещей. Грузили вещи безобразно, бестолково. Несколько ящиков поломали, другие поставили на дно лодки в воду (лодка была полна воды). Таким образом мой сундук и ящик с вещами совершенно наполнились водой, и все белье, платье, съестные припасы и проч. промокли. Я никогда не видел подобного варварского отношения к чужой собственности. Не менее меня был возмущен и д-р Л., у которого подмок ящик с фотографическими пластинками. Но что было делать? Жаловаться капитану — неудобно, можно испортить с ним отношения, а он и без того ворчун. Губернатору — бесполезно, ему нет до нас никакого дела. Наконец, в 3 часа дня, после томительных ожиданий, нас свезли на берег.

Нам отвели для помещения школу, состоящую из четырех комнат и кухни. Каждому досталось по комнате, кроме господ Д. и Б., которые поселились вместе. С нами же поселился англичанин, мистер Л., который приехал сюда для устройства другой лесопильни.

Моя комната окнами выходит на бухту, и из нее открывается очень живописный, хотя вместе с тем меланхолический вид. Разместились мы как могли. В комнатах ничего нет — ни столов, ни стульев, ни кроватей. Я устроил себе постель из бурки и одеяла; матрац же свой одолжил соседу-англичанину, который не взял с собой ничего. Вместо стола я раздобыл ученическую парту, и пишу теперь на ней. На ней же привожу в порядок растения.

До 6 часов вечера мы провозились, принимая с пристани ящики и размещая их, которые в комнатах, которые в складе позади домика. В половине седьмого нас позвали ужинать в комедор капитании. Нас приняли капитан порта и комиссар. За столом собрались мы все и кроме нас еще два ехавшие с нами пассажира. Ужин состоял из супа, жаркого и зелени и был более чем скромн. Кофе плохой, но вино чилийское — очень

недурное. Отличный хлеб, выпекаемый в здешней пекарне (содержит ее грек!). После ужина комиссар повел нас, чтобы показать квинту, т. е. огороды, которые здесь процветают (есть превосходная капуста, редиска, бобы, картофель, земляника). Затем он пригласил нас к себе. Он помещается через дом от нас, в маленьком домике на курьих ножках, построенном из досок и состоящем всего из двух очень уютных и чистеньких комнат. Комиссар заведует также почтой, и у него в комнате стоит гигантский красный почтовый ящик — колонна, вроде тех, какие красуются на улицах Буэнос-Айреса. Здесь мы долго сидели и болтали. В 9 часов распростились и вернулись к себе. В комнате Б. мы развели огонь в небольшой железной печке и стали около нее обогриваться, ибо было очень свежо. В ознаменование прибытия на Огненную Землю мы выпили по стаканчику коньяку, а я выкурил вторую из своих четырех манильских сигар. Где-то мне придется выкурить третью и придется ли вовсе курить четвертую — сигару возвращения на родину? Затем, улегшись на своем спартанском ложе, я уснул.

4 ФЕВРАЛЯ.

Сегодня поднялись около половины шестого и принялись приводить в порядок вещи. Я вынес все белье на воздух сушиться. Утро было прекрасное, солнечное, хотя по небу бродили серые облака. Так как теперь завеса тумана спала с окрестных гор, то мы увидали их грандиозные очертания. Непосредственно за Ушуайей, километрах в десяти, поднимаются гигантские вершины, до 7 000 футов высотой, с залежами вечного снега и ледниками. На востоке поднимаются еще более величественные вершины. На той стороне канала Бигль также возвышаются горные хребты. Панорама в общем чрезвычайно дикая и грандиозная. Все горы густо одеты лесом.

УШУАЙЯ. 8 ФЕВРАЛЯ 1896 г.

По ночам бывает у нас очень холодно, особенно когда дует южный ветер, достигающий страшной силы (иногда весь дом дрожит до основания). Вчерашней ночью температура упала так низко, что вода в сенях замерзла. Впрочем, днем бывает довольно тепло, до 20°, и даже раз вече-

ром было до 17° С. Вы видите, как непостоянны здесь погода и температура. И подумать, что такой климат существует под 56° широтой (т. е. под широтой Москвы)! Впрочем, зимы здесь мягкие, мало чем отличающиеся от лета. Нам придется, по всей вероятности, захватить кусочек зимы. Завтракаем и обедаем мы в Gobernacion, т. е. в доме управления, где имеется большая обеденная зала (это единственный мало-мальски просторный дом в Ушуайе), в компании с начальником полиции, секретарем управления и комиссаром. Кормят очень недурно — три блюда, десерт, кофе, вино. Между прочим, за десертом подают яблоки и персики. Это можно назвать здесь роскошью, под 56° южной широты, в такой труппе как Ушуайя: известно, что яблок аргентинская земля не производит и идут они из Северной Америки, а персики происхождением из Парагвая! Вечером, после обеда, усаживаемся около своего домика, на самом берегу бухты, и, куря сигары, любуемся роскошной панорамой гор, раскинувшихся на той стороне канала Бигль. Сама бухта и окрестности Ушуайи имеют очень меланхолический вид, но не лишены своего рода грустной привлекательности. Когда спустится ночь, мы перебираемся в кухню, где разводим огонь и греемся около него. Тем временем на плите готовится чай и мате. Мы разделились на две группы: двое французов сосут мате, мы с англичанином пьем чай. Шеф экспедиции не пьет ни того, ни другого.

Каждый день я делаю экскурсии в окрестностях.

9 ФЕВРАЛЯ.

Сегодня рано утром, воспользовавшись прекрасной теплой погодой, мы в компании с г-ном Д. и англичанином решили совершить восхождение на горы. Выступили в путь в половине шестого утра. Я взял с собою кавказский кинжал, чтобы расчищать дорогу в лесу. Он оказался крайне полезным, ибо на каждом шагу приходилось бороться со страшной лесной чащей. Трудность путешествия в лесу увеличивается из-за массы валежника и гнилых деревьев, валяющихся на дороге. Хотя вообще почва в лесу довольно чистая, за исключением открытых мест, которые все заняты торфяниками, поросшими *Gunnera magellanica* и разными мхами. Слой растительной почвы вообще ничтожный, насколько можно судить по обнажениям по берегам ручьев. Непосредственно под слоем

перегной залегают сланцы (ardoises), из которых сложены окрестные горы. Поднявшись на первую террасу (месету) я нашел прелестную орхидею *Codonopsis lessoni* с крупными цветами чисто белого цвета, с красными крапинками на губе. Лес состоит из двух видов бука — *Fagus antarktica* и *F. betuloides*. Выше тот и другой превращаются в кустарниковую форму. На самой границе леса *F. antarctica* образует карликовые кусты и деревца с мелкой глянцевитой листвой. В лесу попадаются два вида барбариса — *B. ilicifolia* и *B. buxifolia*. Последний идет до самой лесной границы, и я нашел несколько экземпляров его в цвету. Мшистая почва леса покрыта *Empetrum rubrum* и *Pernettya microphylla* — это прелестное вересковое с белыми цветами и мелкими вечнозелеными листьями. На высоте около 500 м в лесу начали попадаться небольшие торфяниковые луговины, нечто вроде подальпийских полей, густо заросшие *Acoena* sp., *Hamadryas* и *Nassauvia* sp. (очень красивое растение с ползучим стеблем, зубчатыми листьями и ароматическими беловатыми цветами, собранными шапкой). В этой же полосе нашел в лесу в изобилии оригинальный вид *Geum* с мелкими беловатыми цветами. Лес кончается приблизительно на высоте 550 м. Я направился из седловины прямо вверх по течению ручья, к грандиозной стене горной цепи, замыкающей горизонт с севера. Альпийская область здесь резко отличается от того, что нам знакомо под этим именем в горах Европы. Это скорее торфяники, образованные подушками или кочками разных миниатюрных растений — *Azorella* sp., *Plantago*, *Mulinum* sp., *Forstera*, *Saxifraga*. Вдоль ручья на таких торфяниках растет масса *Hamadryas*, *Cerastium* sp., *Caltha*, сложноцветного с красивыми белыми цветами, *Armeria chilensis* (очень красивые розовые цветы), еще два вида сложноцветных с желтыми трубчатыми цветами, *Nassauvia*, *Acoena* sp., — этим исчерпывается почти вся наличность альпийской флоры.

Я еще не видал такой бедности в нагорной флоре. Собрав на альпийском лугу ботаническую жатву и позавтракав небольшим хлебцем и плиткой шоколада, я попробовал подняться на горную стену, заслоняющую вид с севера. По громадной сланцевой осыпи мне удалось подняться по уклону почти в 45 и более градусов до высоты 900 м. Далее отвесные скалы заграждали путь, да и времени не было. Здесь, под скалой, защи-

щенный от ветра, я присел отдохнуть и выкурить несколько трубок, любуясь роскошной панорамой, открывающейся на юг. На той стороне канала Бигль одна за другой громоздились дикие и грандиозные горные цепи, покрытые кое-где пятнами вечного снега. За ними далеко-далеко в виде туманной полосы обозначался Тихий океан. Ближние горы имели очень печальный вид. Вершины совершенно голые, лишённые всякой растительности. Всюду каменистые осыпи. Видно, что ледники уничтожили здесь следы растительности. Было без четверти одиннадцать, когда я достиг высоты 900 м. Без четверти двенадцать я начал спускаться. По длинной мелкой осыпи я спустился или, вернее, сбежал очень быстро. На альпийском дугу снова ботанизировал и затем, немного отдохнув, стал спускаться к дому. Спуск был труднее подъема, так как я попал на очень плохие места, оказался в непролазной чаще. Наконец, я выбрался из нее без всяких повреждений и в половине шестого был уже дома.

Я позабыл сказать о своих спутниках. По дороге мы разделились. Англичанин спешил чрезвычайно, и я от него отстал. Д. пошел с англичанином. Вдвоем они сделали восхождение на ближайшую вершину и вернулись домой гораздо ранее моего. После этой немножко форсированной прогулки я нисколько не устал; напротив, чувствовал себя чрезвычайно бодрым и с аппетитом съел ужин. С нынешнего дня нас начали кормить хуже. Свежее мясо кончилось, и теперь дают тощие *fiambres* (колбаса, треска и т. п. с зеленью), солонину (чарки) и бобы.

13–17 ФЕВРАЛЯ.

Мы предприняли путешествие в долину реки Оливайи с целью найти из нее проход на ту сторону гор, к большому озеру, по которому проходит граница Аргентины и Чили.

Один из комиссаров выбрал нам людей для переноски тяжестей из числа индейцев племени она, которые живут вот уже год или более в ранчо в Ушуайе. Выбор пал на двух молодых людей, Вентуру и Тисико. Они имели внушавшее доверие физиономии, и *senor* комиссар сказал нам, что мы можем положиться на них «с полным доверием». Дороги они, правда, не знали, но один из индейцев ранчо, Эмилио, бывавший на большом озере, объяснил кое-как дорогу. По его словам, чтобы попасть туда,

нужно пересечь три цепи гор, из которых самая высокая — центральная. Сам он не пошел с нами, так как был не совсем здоров. Губернатор показал нам карту работы Комиссии по разграничению с Чили, по которой мы несколько сориентировались.

Приготовления наши к пути были сделаны еще с вечера. Утром 13-го, встав в пять часов, я сделал последние приготовления, и в половине девятого, выпив по стакану чаю, мы с г-ном Д. отправились в путь. Шляпка Gobernacion должна была доставить нас к устью реки Оливайи. На маленькой деревянной jetée, против Gobernacion, доктор Л., г-н Б. и мистер Л. собрались, чтобы проводить нас. Доктор Л. сделал снимок. На мне был порядочный вьюк: большой пакет бумаги, бурка, полотняная сумка через плечо с мелкими вещами и в руках маленькая клюка. Я захватил также с собою свой кавказский кинжал и большой чилийский револьвер дальнего боя. Г-н Д. взял с собою только сумку через плечо, сверток из двух пончо, ружье и топор. Индейцы несли мой хурджин и дорожную суму г-на Д. со съестными припасами. Вьюк был сравнительно небольшой, едва 16–20 кило на человека. Взяли мы с собою следующие вещи: котелок, чайник, небольшую банку прованского масла, кусок жиру, соли, красного и черного перцу, пять кило фариньи и шесть с половиной кило маисовой муки, два с половиной кило галет, несколько хлебцев, луку в головках, сахару белого и красного, чаю, yerba и маленькую бутылочку виски. Припасы были рассчитаны на пять-шесть дней.

Около девяти часов шляпка тронулась в путь. День был превосходный, безоблачный, бухта совершенно неподвижная. По дороге мы спугивали многочисленных пингвинов: при нашем приближении они быстро ныряли в воду. Вдали, в канале, кит пускал из воды свой фонтан. Через три четверти часа пути мы были в устье реки Оливайи (4 мили от Ушуйи на юго-восток). Мы высадились на берег (обширная plage, покрытая сплошь раковинами; marees бывают здесь чрезвычайно сильны). Прощаясь с матросами, мы условились, что по возвращении дадим знать о себе тремя огнями и по этому знаку шляпка должна прийти искать нас.

Очутившись на берегу, мы начали сейчас же подниматься по правому берегу реки. Подъем шел сначала по безлесному пространству, густо поросшему *Berberis buxifolia*, *Acoena ascendens*, *Pernettya mucronata* (с де-

коративными крупными кораллово-красными ягодами, очень недурными на вкус) и др. растениями. Затем вскоре мы углубились в лес — в типичный буковый лес из *Fagus antarctica* и *F. betuloides* с густым колючим подлеском из *Berberis ilicifolia* (удивительно напоминающим *Plex aquifolium*). В начале леса я нашел кустарник, весьма распространенный в лесу, с вечнозелеными кожистыми листьями, в котором я думал распознать *Maytenus magellanicus*. Плодов его, впрочем, не было. Путешествие по частому лесу с массой упавших и гниющих деревьев и горами валежника, вдобавок в колючей чаще барбариса, было чрезвычайно затруднительно, но, к счастью, мы натолкнулись скоро на тропинку гуанако и стали ее придерживать. Тропинка была довольно ясная, местами хорошо утоптанная, с многочисленными следами гуанако. Проводники-индейцы с удивительным чутьем отыскивали ее снова, как только она пропала. На одном из подъемов я встретил очень красивое вечнозеленое растение — крошечный кустарник с прелестными белыми цветами, испускавшими ароматический запах, — *Callixene marginata*. Он после встречался нам и далее в лесу вдоль долины реки Оливаи. Лес, несмотря на дикий хаос, царящий в нем, не лишен своего рода дикой прелести. Стволы деревьев, как живых, так и упавших и гниющих, густо одеты всевозможными мхами и лишайниками, из которых некоторые очень красивы. *Usnea* sp. — бородатый лишайник свешивается всюду с веток деревьев короткими седыми прядями.

Травянистая растительность в лесу очень бедна, в некоторых местах почва совершенно голая, покрытая валежником и мхами. Лишь на небольших прогалинах и по берегам ручьев замечается пышная растительность из разных злаков, *Gunnera magellanica* (покрывающая сплошь целые пространства, где почва очень сырая), кустарникового сложноцветного с войлочнорубыми листьями и белыми ромашковидными цветами, *Ranunculus* sp. с многолепестковыми цветами, *Senecio* — это почти все. Из трав почти всегда встречаются в лесу: зонтичное с *Anthriscus* видными листьями и такими же плодами. *Ranunculus*, *Senecio* sp. (*Tubiflorae glabrae*), *Acoena ascendens*, *Cardamine* sp. и два сложноцветных — одно с лировидно рассеченными листьями, другое с овальными, снизу белыми листьями и с железистыми плодами. Начиная с высоты около 100 м

попадает на сухих почвах миниатюрное сложноцветное с крошечными астровидными цветами величиной едва пять миллиметров, или и того менее. Весьма распространен в лесу маленький вечнозеленый кустарничек с ягодообразными плодами. Он покрывает иногда целые пространства. Нередок также маленький ползучий кустарничек из семейства вересковых. На буках во многих местах мы заметили паразитирующий *Myzodendron*, издали очень напоминающий омелу. Из папоротников в лесу самые обыкновенные: миниатюрный *Asplenium* и *Cystopteris fragilis*, растущие на сваленных стволах деревьев, и еще один папоротничек, живущий на земле. На некоторой высоте (100–200 м) мы встретили на стволах деревьев и по скалам два курьезных папоротничка: один близкий к *Polypodium*, с мелкими цельными лопатчатовидными вайями, и другой, совершенно напоминающий мох — *Hymenophyllum* sp. На буковых деревьях чрезвычайно распространены шарообразные наплывы на стволах и сучьях. На них обыкновенно паразитирует съедобный гриб, *Cyttaria darwinii*, имеющий форму шарика. Индейцы его очень любят и едят сырым. Это тот самый гриб, который описывает Дарвин в своем путешествии. В глубине леса очень распространена желтая орхидея и нередко попадает прелестная белоснежная *Codonopsis lessonii*. Несколько выше, в четырех-пяти часах пути от берега, мы встретили в лесу в изобилии *Lycopodium*, почти не отличающийся от нашего *L. clavatum*.

Мы пробирались по лесной чаще очень медленно. Индейцы ежеминутно совещались, какое направление взять. То поднимаясь на крутые отроги до 200 м высотой, то спускаясь в сырые балки, поросшие *Gunnera magellanica*, мы прибыли, наконец, около 1 часа пополудни к небольшому горному потоку, где и расположились на отдых. Развели костер и повесили котелок кипятиться. Индейцы не хотели ничего делать, едва придя на место, сейчас же завалились спать, и нам пришлось самим готовить обед. Впрочем, они так грязны, что я не согласился бы отведать их кухни. Г-н Д. в своих путешествиях по Чако и Парагваю привык к индейской грязи, и потому ко всему относится без брезгливости.

Вскоре котелок закипел, и я начал готовить абхазскую абысту, т. е. поленту на воде и без соли. Вышла она несколько крута, но тем не менее, проголодавшись, мы ели ее с удовольствием. Приправой служил лук

и чарки, жаренный на вертеле. Выпив затем по стакану мате (индейцы ели и пили с нами одно и то же), мы двинулись дальше.

Часа через два пути после крутых подъемов и спусков мы заметили невдалеке внизу, на легком повороте долины, свободное от леса пространство. Это были торфяники, протянувшиеся приблизительно на километр. Пересекши их, мы остановились на ночлег на берегу реки Оливаи, как раз напротив горы Оливайя (величественная скалистая вершина), под купой буковых деревьев. Место было для ночлега подходящее — ровное, не очень сырое, и кругом много валежника. Индейцы сейчас же построили себе ранчо из кольев, покрыв их кусками древесной коры. Мы же расположились на открытом воздухе. Я с удовольствием развалился на своей кавказской бурке и выкурил трубку после утомительного дня. Скоро закипели чайник и котелок.

На этот раз поваром был г-н Д. Он приготовил фаринью по-парагвайски, но она вышла размазней, что объясняется тем, что он не привык сам готовить пищу. Мы принуждены были есть ее взятыми нами на этот случай с берега моря раковинами. Так как голод не привередлив на пищу, то мы с большим аппетитом съели это кушанье. Перед ужином выпили по стаканчику виски, а после закурили сигары, и затем, подбавив дров в костер, завернулись в свои покрывала и заснули.

NB. В лесу, на высоте 175–200 м, на скалах, встретили в изобилии сложноцветное с розовато-белыми астровидными цветами и серебристыми листьями, цельными и лировидно-подрезными (вид *Draba*) и прелестную *Calceolaria sp.*

На следующее утро выступили в дальнейший путь. Пройдя часа полтора узким ущельем по скверной тропинке, забиравшей на страшную крутизну, до 200 м, мы вышли на просторную торфяниковую поляну, имевшую километра два–три в ширину и километров восемь в длину. Прямо перед нами, en face, открылась превосходная панорама величественной горной цепи. Через эту цепь нам следовало перевалить, чтобы попасть на ту сторону, к озеру. Где находится перевал, мы не знали, — проводники в этих местах никогда не бывали, — а потому пошли наудачу, по направлению к цепи.

Едва прошли мы несколько десятков шагов по торфяникам и остановились, чтобы сфотографировать панораму цепи, как заметили перед

собою, шагах в двухстах, трех гуанако. Они с любопытством всматривались в нашу сторону, вытягивая длинные шеи и испуская крики, похожие на ржание. Г-н Д. тотчас же схватил скорострельное ружье и, наклонившись, побежал к ним. Гуанако его нисколько не испугались, напротив, подошли ближе, чтобы рассмотреть его хорошенько. Выстрел решил судьбу одного гуанако: бедное животное упало с простреленной шеей. Когда животное было убито, мы побежали на место. Индейцы dokonчили его ножом и тотчас же принялись препарировать его. Содрав кожу, разрезали на части мясо. Вслед за тем индейцы принялись разводить костер, чтоб полакомиться мясом. Я энергично воспретил эту неуместную остановку, и тогда индейцы стали есть мясо сырым. Насилу удалось нам оторвать их от этого места. Перед тем, как идти далее, индейцы связали мясо и спрятали его в ближнем лесу, повесив на дерево.

Мы продолжали свой путь торфяниками вдоль реки, изредка пересекая небольшие участки карликового букового леса там, где ущелье сужалось. Нам стоило большого труда пробиваться сквозь эту непролазную чащу, и я принужден был прибегать к своему кинжалу. Торфяники Огненной Земли чрезвычайно характерны и имеют свой *couleur locale*, не лишенный прелести. Это — обширные ровные пространства беловатого, желтоватого или красноватого цвета, усеянные кочками. Кочки эти образованы *sphagnum*, который в цвету имеет красноватую окраску. На кочках растет постоянно *Empetrum rubrum*, дающий массу кораллово-красных ягод, похожих на бруснику, и *Pernettya pumila*, крошечный ползучий вечнозеленый кустарничек с крупными розоватыми ягодами величиною с клюкву. Постоянно присутствует на торфяниках очень характерное *Juncaceae* с крупными одиночными цветами. Карликовый бук разбросан среди торфяников в виде кустов с мелкими глянцевитыми листьями от полуметра до метра высотой. Другой кустарниковой или древесной растительности я на торфяниках не заметил.

Час спустя после полудня мы остановились перекусить и выпить чаю под деревьями на берегу реки, в том месте, где она, не доходя полтора–два километра до горной цепи, круто поворачивает на запад. Речка неширока — всего метров шесть, но очень глубока и течет среди торфяников по илистому дну, поэтому переход через нее чрезвычайно опасен.

К тому же сила течения достаточно велика. Закусив и отдохнув, мы побрели далее по течению речки в надежде отыскать брод. Но мы прошли несколько километров — броду видно не было. Между тем мои индейцы начали роптать, жалуясь на тяжелую ношу. Вентура натер своими высокими сапогами ногу и шел, охая. Я вынужден был отдать ему свои альпархаты. Тисико был благоразумнее и взял с собою самодельные индейские альпархаты из кожи гуанако — кусок кожи, кое-как сшитый в форме лаптей или скорее, лыж. К вечеру Вентура совсем расклеился.

Идти с такими проводниками далее нечего было и думать, да и к тому же ни они, ни мы не знали дороги. Идти же наугад вверх по течению было бесполезно, так как речка могла брать начало весьма далеко. Поэтому мы решили заночевать в лесу, vis-a-vis величественной вершины с огромным ледником, дававшим начало одному из притоков реки Оливайи, и затем прежним путем возвратиться обратно, попытав по дороге восхождение на ближайшую вершину правого склона долины. В лесу не было хорошего места для ночлега, и мы принуждены были заночевать на берегу маленького ручейка, на низком сыром месте, в страшной глуши. Мы сфотографировали вид этого бивуака. Индейцы по обыкновению построили себе шалаш из коры. Мы же легли под открытым небом, тем более, что погода была превосходная и термометр показывал вечером до 14° С. На ужин я сварил отличную поленту на масле (фаринью мы оставили, так как никто из нас не умел ее готовить).

На следующее утро поднялись сравнительно поздно. Г-н Д. пошел фотографировать вершину с ледником, а я готовил обед. Кончив завтрак, мы отправились в обратный путь. По дороге в лесу нашел несколько интересных растений. Вышли на торфяники, там тоже немного гербаризировали. На торфяниках между кочками попадают небольшие луговины, заросшие дерном из *Tetroncium magellanicum*, *Azorella ranunculoides*, крошечной генцианы, *Caltha appendiculata*, *Primula farinosa* и одним видом осоки. Среди торфяников много небольших озер, и в одном из них я нашел *Hippuris*. По окраинам торфяников, на берегу ручьев и рек растет великолепный декоративный *Senecio* с огромными соцветиями белых цветов, с паутинисто-мохнатыми листьями и стеблями высотой до метра и более. По-моему, это одно из самых красивых растений Огненной Земли.

Не доходя до места, где мы убили гуанако, мы расположились на ночлег, выбрав себе отличное чистое место в просторном лесу, на берегу потока. Было еще очень рано, когда мы прибыли к нашему бивуаку, и потому, закусив, мы хотели предпринять небольшую экскурсию. Но выпив стакан чаю, я почувствовал легкое недомогание и заснул. Вечером, после дозы хинина, снова оправился. Мы решили назавтра предпринять восхождение на ближайшие высоты. Ночь была холоднее предыдущей (в 7 часов вечера 11° С), но огонь у нас был отличный. Греясь у костра, мы долгое время сидели и толковали о религии и науке, о древней цивилизации Рима. Наверное, в первый раз подобные разговоры велись в этом затерянном уголке Огненной Земли.

Мы уже ложились спать, когда в лесу послышались странные звуки вроде крика ночной птицы или какого-нибудь зверя: у-о, у-о!

Мы спросили у проводников, что это такое, какой зверь? Тисико отвечал смеясь: — Это не зверь. — Что же это такое? Люди? — Да, это люди кричат, — отвечал тот.

Оказалось, по словам Тисико, это были охотники из племени она, внимание которых было привлечено нашим большим огнем. Ложась спать, я зарядил свой револьвер, а г-н Д. — ружье, и мы положили их под изголовья.

Ночью я внезапно пробудился от дождя, барабанившего по бурке. Я разбудил г-на Д., и мы бросились разводить потухший огонь и спасать от сырости вещи. Всю ночь мы дрожали под дождем, дремая возле костра.

На следующее утро встали с рассветом и, закусивши холодной абыстой, поспешно отправились в путь. Моросил дождик, и дул холодный южный ветер. Горы были в тумане. Особенно давал себя знать ветер на торфяниках. Воздух, впрочем, был не холодным. Термометр показывал до 7° С, а погруженный в торфяную почву — и до 8,5° С. На торфяниках я быстро собрал некоторые растения, и затем мы вошли в лес. Мы шли не прежней дорогой, а забрали значительно выше. Шли, часто останавливаясь. Проводники очень уставали от ноши (наши вещи и гуанако), особенно Вентура, этот никуда не годный парень. По дороге в лесу я собрал богатую жатву мхов и лишаяев.

Около трех часов остановились перекусить холодной абыстой с чарки, на том самом месте, где мы в первый день завтракали, и затем продолжили путь далее. Остановились на ночлег у отличного ручья (последнего на нашей дороге) в очень дикой и живописной балке. К ночи дождик перестал, но мы, тем не менее, распорядились, чтобы проводники построили нам шалаш. К ночи зажгли три больших огня и около них блаженно грелись, курия сигары, после вкусного ужина из абысты на масле, чарки, гуанако на вертеле и чаю.

Ночью дождя не было, но было очень сыро, и на следующее утро небо продолжало быть облачным. Встав в шесть часов и напившись чаю, мы поспешно двинулись в путь. Через два часа пути вышли к устью р. Оливайи, на берег моря, и сейчас же зажгли три условных огня. Вскоре мы увидели в Ушуайе в ответ также три дыма: это был знак, что нас заметили. Через полчаса показалась со стороны Ушуайи приближавшаяся к нам лодка. Еще через полчаса мы уже плыли по направлению к Ушуайе.

29 ФЕВРАЛЯ.

День чудный, солнечный, теплый. Продолжает дуть северный ветер, приносящий с собою тепло и сухость.

Сегодня предпринял восхождение на вершину, возвышающуюся слева от ледника, против миссии, которая давно уже меня соблазняла. Мы ее видим каждый день через открытую дверь comedor'a. Она глядит на юго-восток и имеет четыре вершины в форме пирамидок. Гора эта принадлежит к группе Montes Martiales. Взяв направление через лес по диагонали Ушуайя — ледник, целых пять часов пробивался я через скверный сорный лес, пока не достиг долины потока Rio Ushuaia (мое название. — **Н. А.**), который берет начало с ледника. Лес по дороге очень однообразный, по большей части *Fagus betuloides* с подлеском из калафата, *Berberis ilicifolia* и изредка *Ribes antarctica*. Высота потока у входа в ущелье около 300 м. Закусив на берегу потока галетой и плиткой шоколада, я продолжал путь. Мне пришлось пересечь еще один или два скверных буковых перелеска и обширную сухую торфяниковую поляну, пока я не достиг подножия горы, откуда начинался подъем. Подниматься отсюда остается немного — всего 250 м до лесной границы, но подъем очень

утомителен, так как лес чрезвычайно сорный. Лесная граница находится на высоте 500 м, но карликовые заросли бука идут до 600 м. Альпийская растительность занимает лишь небольшой пояс — едва 100—150 метров. Выше начинаются совершенно голые осыпи сланцев-кварцитов, из которых сложена вершина. Между наиболее обыкновенными альпийскими растениями фигурируют: *Hamadryas*, *Caltha appendiculata*, *Forstera muscosa*, *Nassauvia*, *Cerastium*, *Epilobium magellanicum*, *Acoena* sp., Compositae 4–5 видов, из коих самый красивый — низенькое растеньице с изящно разрезными перистыми листьями и голубыми цветами, а также — *Balsam bogs* (кочки *Bolax glebaria*). На альпийском лугу или, вернее, дерне я встретил вид *Ourisia*, а также крайне оригинальную миниатюрную фиалку с кожистыми листьями. Выше на сланцевых осыпях почти не встречается других растений, кроме кустистого черно-зеленого лишайника и едва 3–5 видов явно брачных растений (*Cerastium*, *Poa*, *Saxitraga*, *Donatia*, *Azorella*, *Astelia*).

Мне удалось взобраться только на первую вершину (1 040 м). Следующий пик представлял крутые скалы, трудные для подъема, да и к тому же погода начала портиться и заставляла меня поторапливаться с возвращением. Было с лишком три часа, когда я достиг вершины (я покинул поток в 12 ч). С полчаса я пробыл на вершине, немного закусил, выкурил сигару, и затем начал спускаться обратно. В семь часов я был снова в глубине долины и расположился на ночлег у самого потока. Я развел хороший огонь и жарил на нем взятый с собой кусок чарки. Это жаркое вместе с тремя галетами и головкой лука и составило весь мой ужин. Потом я сварил в железном котелке один за другим три стакана чаю. Затем выкурил сигару и блаженно заснул возле огня. Ночь была очень теплая.

На следующий день проснулся с рассветом. Снова развел потухший за ночь костер и сварил себе шоколаду. Затем тронулся в обратный путь. На этот раз я очень удачно выбрал направление: ледник — mission, следуя течению речки, которая впадает в бухту около миссии. Все время я шел очень чистым лесом, где встретил, между прочим, два вида папоротников, почти не отличающихся от моха. Через час пути я неожиданно вышел на тропинку, проложенную дровосеками, очень приличную, по которой и пошел полным шагом. Она вскоре привела меня к берегу моря, в

четверти часа от Ушуайи. Таким образом, на обратный путь я употребил всего два часа.

Погода в этот день серенькая, но теплая. После обеда показался в канале дымок парохода «Villarino», и под вечер этот аргентинский транспорт бросил якорь в нашей бухте. Пароход привез с собою тревожные вести: в аргентино-чилийском вопросе наступили серьезные осложнения и пахнет войной. Аргентинское правительство занято деятельными приготовлениями к обороне берегов. В Santa Cruz отправлено 140 пушек. Сам «Villarino» пришел на этот раз вооруженный четырьмя пушками и двумя митральезами. Ходит слух о возвращении на родину всех служащих в Ушуайе. Корреспонденции нам почему-то не было, и это нагнало на нас некоторое уныние.

4 МАРТА.

Утром пасмурная, дождливая погода, но около 12 часов день внезапно разъяснился. Затем около 3 часов поднялся страшной силы северный ветер, который принес с собою дождь. К вечеру опять ясное небо и роскошная лунная ночь. Луна восходит теперь около 8 часов и показывается из-за гор острова Наварина в виде огромного желтого шара. В этот момент сцена приобретает необыкновенно угрюмый, зловещий колорит. Длинные, черные как смоль облака, нависшие над месяцем и как бы грозящие пожрать его, сонные воды канала, возвышающиеся в отдалении черные зубчатые горы с пятнами вечного снега, белеющими в разных местах, — все это носит отпечаток чрезвычайной меланхолии. Все говорит о далекой негостеприимной пустыне, и щемящее чувство одиночества охватывает душу. Хорошо, что я здесь не один и мы коротаем время довольно дружно и даже весело. Сегодня, например, доктор Л. пел нам наиболее пикантные песни из полкового репертуара. Комическим талантом он обладает необыкновенным.

Сегодня я собрался было в путешествие на верховья Rio Grande, один в сопровождении двух индейцев она — Тисико и Канико, но дурная погода помешала нашему отъезду.

5 МАРТА.

Сегодня в 6 часов утра мы выехали на лодке по направлению к устью Рио-Гранде. Погода стояла превосходная и обещала хорошее путешествие. Прибыв на место, мы высадились на левом берегу и сейчас же начали восхождение на невысокую (500 футов) месету, возвышающуюся в двух-трех километрах от берега реки. Мы поднялись как раз посередине: между реками Оливаией и Рио-Гранде. Подойдя почти к основанию значительной альпийской возвышенности, стоящей особняком между долиной реки Оливаии и левым притоком Рио-Гранде, мы взяли направление на запад и начали по склону возвышенности спускаться вниз в долину правого истока Рио-Гранде (это и была цель нашего путешествия).

Лес всюду по дороге удивительно чистый; мы шли без всяких затруднений скорым шагом. В лесу преобладает *Fagus antarctica*, но выше преобладание переходит на сторону *F. betuloides*. Подлесок обычный — *Ribes antarctica* со спелыми плодами, *Berberis ilicifolia* и *buxifolia*, а внизу, возле устья Рио-Гранде, — масса *Maitenus magellanicus*. На буковых наплавах масса гриба *Cyttaria darwinii* («тэ-эр» на языке она и «иссёф» на языке яган). Около 12 часов мы спустились к реке и остановились на берегу ее в буковом лесу обедать. Здесь мы провели добрых два с половиной часа. Левый берег реки покрыт сплошь буковым лесом, тогда как правый представляет болото, поросшее карликовым буком, где нога иногда проваливается в воду выше колена. Мы хотели было направиться по болоту, но вскоре пришлось отказаться от этого намерения и следовать по-прежнему лесом. В дальнейшем дорога становится еще легче, потому что идет все время по ровному месту в глубине долины. Лес всюду очень чистый, и почва покрыта превосходными кормовыми злаками (2 или 3 вида, также вид осоки). Речку приходится переходить два или три раза. Она неглубока (вода не выше колена), хотя довольно бурная. Только раз всего мы переходили ее вброд; остальное время пользовались естественными мостами, т. е. упавшими деревьями. На высоте около 300 м начинаются подальпийские торфяники, поросшие обычной растительностью, т. е. *Empetrum rubrum*, *Pernettya microphylla*, *Nanodea muscosa*, *Caltha appendiculata* и т. д. Пройдя первую маленькую торфяниковую поляну, мы вскоре остановились на ночлег в буковом лесу возле небольшого ру-

чья, бежавшего с восточного склона. Индейцы построили себе вигвам, а я спал под открытым небом, покрывшись буркой. Ночью нас помочило дождем, впрочем немного, и, поднявшись до света, мы могли обсушиться и обогреться у гигантского костра. На этот раз я доволен индейцами. Они очень послушны и идут вперед бодро. Готовить пищу продолжаю я сам, но обедаем мы вместе, за общим столом, т. е. на буковой листве. На этот раз припасов я взял довольно, и мои аона (она) пьют сколько угодно чаю и едят сколько угодно галет. Это способствует их хорошему настроению. Наш ночлег был расположен в том месте, где ущелье начинает сильно сужаться и прямо против нас на противоположном берегу возвышался, а затем круто спускался к реке гигантский массив с живописными голыми скалами на вершине в виде трона. В альпийской области видны довольно значительные луговины, и на одной из них мы видели двух гуанако.

На следующий день, обсушившись, тронулись дальше. Дорога становилась все приятнее и приятнее. Долина постепенно и медленно поднимается, и мы незаметно перешли в альпийскую область. Вскоре за местом нашего ночлега начались сырые торфяниковые поляны, с растительностью несколько иного типа. *Juncaceae*, *Tetroncium*, *Caltha appendiculata* здесь преобладают, а на очень сырых местах, по берегам бесчисленных ручейков, я встретил во множестве *Plantago monanthes*, образующий дерновины. На сухих местах, по кочкам, вместе с *Empetrum rubrum* встречаются *Lycopodium clavatum* var. *magellanica*, та самая карликовая форма, окрашенная в желтый и красноватый цвета, которая так обыкновенна на полуострове Ушуайя.

В двух часах пути от нашего ночлега долина перегораживается небольшим каменистым отрогом, спускающимся с гор с запада. За этим отрогом долина вновь расширяется, и отсюда открывается вид на истоки реки — ледник, окруженный четырьмя оригинальными вершинами совершенно конической формы. Вероятно, это потухший вулкан.

Начиная от этого места растительность принимает альпийский характер. Именно на сухих (относительно) пригорках начинает попадаться во множестве *Caltha dionacifolla*, образующая дерновины, — оригинальное миниатюрное растение с листьями *Dionasa muscifula*, которое я обнаружил здесь впервые. Выше, близ границы леса, я встретил на берегу

ручья дерновины оригинальнейшего растения из семейства *Liliaceae* с кожистыми твердыми вечнозелеными листьями, свернутыми в виде лодочки, и двумя желтоватыми цветами, сидящими посередине. Это растение мне совершенно неизвестно, и в списках растений Огненной Земли его не существует (я имею с собою в записной книжечке список всех растений Огненной Земли, включая коллекцию Спегацини). Вероятно, это — новость. Уже в подальпийской области на полянах встречается элегантно сложноецветное с перистыми голыми листьями и белоснежными цветами (*Nassauvia* или близкий род из семейства *Mutisiaceae*). Это то самое растение, которое я нашел раньше на высотах правого берега реки Ушуайи. *Nassauvia suaveolens* и *Hamadryas*, которые так обыкновенны на высотах, господствующих над Ушуайей, я здесь не заметил вовсе. Лес кончается на высоте около 500 м. Отдельные кусты карликового *F. antarctica* следуют и выше, до 600 м. Альпийская растительность характеризуется кочками *Balsam bogs* и *Azorella* sp. *Empetrum rubrum* встречается на высоте до 800 и даже 1000 м. Весьма обыкновенен в альпийской области вид *Viola*, образующей дерновины, а также *Caltha dionacifolia*, *Forstera muscosa*. *Nanodea muscosa*, *Caltha appendiculata*, также образующая дерновины.

Все время поднимаясь по долине и оставив исток речки слева, мы незаметно, без всякого труда, достигли перевала (около 700 м), откуда нам открылся роскошный вид на всю верхнюю долину реки Оливайи и всю Cadena Central. Мы очутились как раз против гигантского ледника, который сфотографировали с торфяников Оливайи. Ледник чрезвычайно внушителен, и кажется тем грандиознее, что мы рассматривали его en face, отделенные от него всего тремя-четырьмя километрами по прямой линии. Только с высоты этого перевала можно оценить как следует всю грандиозность Cadena Central. Это поистине гигантская цепь, главный хребет Огненной Земли. От самого хребта отходят перпендикулярно длинные конترفорсы (ничуть не меньших размеров, чем сам хребет), отделенные друг от друга длинными и глубокими ущельями. По-видимому, по этим ущельям можно дойти до перевала. (Впрочем, последнего, равно как и самого хребта, не видать). По мере удаления своего на запад цепь становится все более и более обильной вечными снегами и ледниками: с этих ледников, находящихся позади Лапатайи, берет начало река Оли-

вайя. На перевале находятся три альпийских озера с холодной как лед водой. На болотистом берегу одного из них я нашел целые дерновины, образованные каким-то тонко рассеченным ветвистым печеночником (*Hepatica*). С перевала мы поднялись влево, на доминирующие над нами скалы, в надежде встретить гуанако (одного мы видели на неприступной вершине). Поднялись до 900 м. Дальше начинаются неприступные скалы. Вершина сложена из шиферных сланцев и огромных глыб чистого, белого как сахар кварца (впрочем, абсолютно бесплодного). Почти единственную растительность скал составляет черноземный кустистый лишайник с прибавлением кое-каких мхов, других лишайников, дерновинок *Azorella* — вот и все. Пробыв некоторое время на скалах, полюбившись роскошным видом, открывающимся отсюда, мы спустились к перевалу и расположились закусить на берегу альпийского озера. Затем начали обратный спуск. Погода стала портиться — небо закутывалось облаками, и нужно было спешить к месту ночлега. К счастью, дождя не было. Пришли на место нашего бивуака довольно быстро.

Ночь была темная. На следующее утро, уже не рано, пустились в обратный путь. Торопиться было незачем: во всяком случае, в этот день вечером мы должны были быть в Ушуае. Выйдя в 8 часов с места ночлега, около часу дня мы уже были на морском берегу. Немедленно зажгли условные три огня и в ожидании баркаса занялись чаепитием. Но прошло три часа — лодки все не было. Опасаясь быть застигнутыми дождем, мы решили возвратиться домой пешком. Для этого нужно было перейти вброд Рио-Гранде. Мы отыскиали брод, где воды было на четверть выше колена, и легко перешли реку. Через час хорошей ходьбы мы были уже у себя дома.

В Ушуае мы застали два парохода — «Villarino» и «Ushuaia» — на якоре. Один вернулся из Лапатайи, другой шел из Сан-Себастьяна. С последним прибыла наша корреспонденция.

13 МАРТА.

Роскошное утро. Сегодня собрался было в Лапатайю, с двумя индейцами, как было условлено. Но индейцы оказались заняты. По совету комиссарио, я решил вытребовать яганов из миссии. Выкинули красный

флаг. По этому знаку три часа спустя прибыли из миссии люди, которые объявили, что алькальда в отлучке, а без него проводников дать нельзя. Не желая ждать г-на алькальда еще целые сутки, я решил идти один, без всяких проводников, поэтому потребовал себе бот, чтобы переправиться на ту сторону Оливайи, откуда и хотел предпринять восхождение на ближние высоты. Через час бот был готов, и я поспешно отправился в путь. Бот доставил меня на ту сторону залива, в место, где находилось заброшенное ранчо индейцев. Ранчо представляло отличную защиту от непогоды, но беда в том, что воды поблизости не было. За нею нужно было ходить к устью реки Оливайи, которое находилось километрах в двух по прямой. Так как идти берегом невозможно из-за отвесных скал, упирающихся в море, то приходится подниматься на высоту до 500 футов на господствующие над берегом холмы, все поросшие колючим калафатом, и оттуда спускаться к реке. Это путешествие требовало минимум три четверти часа. Как бы то ни было, поскольку лучшего пристанища не было, я решил остановиться здесь и на следующий день искать более удобное убежище. Матросы, высадив меня у ранчо, уехали, обещая приехать за мною через три дня, как было условлено, и я остался один.

Уже был вечер, первым делом нужно было принести воды и приготовить дров. Валежнику было довольно в окрестностях ранчо, но чтобы принести воды, мне пришлось предпринять целое путешествие. Вернувшись, наконец, с водой, не пролив ни капельки из трех сосудов, несмотря на спуски по скалам и зарослям калафата, я принялся разводить огонь, и вскоре он весело запылал, разливая приятный свет и тепло в моем ранчо в виде шатра, сколоченном наскоро из балок и скудно прикрытого сухой травой. Когда огонь разгорелся, я принялся за приготовление чая и абысты. Солнце тем временем село, и ночные тени легли на пустынные берега. Смолкли последние голоса птиц, и кругом настала торжественная тишина. Но мне была приятна и эта тишина ночи, и это одиночество, на которое я добровольно осудил себя. Вскоре чайник закипел, и аппетитно задымилась абыста. Добрый кусок чарки поджаривался на горячих угольях. После ужина, выкурив сигару и подбросив в огонь хвороста, я завернулся в бурку и заснул спокойным сном. Ночью слышались стран-

ные звуки, точно тяжелые вздохи какого-то огромного зверя: это было дыхание спящего океана.

Ночью внезапно хлынул дождик, который потушил огонь. Ветер вривался сквозь многочисленные отверстия ранчо, и я принужден был подняться до света, чтобы развести огонь снова. На следующий день дождик продолжался, барометр стоял очень низко, и я посвятил все утро починке ранчо и заготовке топлива — в ожидании еще худшей ночи. Весь этот день я провел в своем шалаше, не в состоянии двинуться с места из-за дождя, выкуривая от скуки одну трубку за другой. Вечером я принужден был повторить путешествие за водой и ввиду его крайней неприятности решил обращаться с водой экономнее, а именно не варить более абысты, которая требует много воды, а довольствоваться чаем и галетами.

Ночь была очень холодная, и мне пришлось постоянно поддерживать огонь. Следующее утро не обещало ничего хорошего — подул страшный ветер с севера, небо было в облаках, и в воздухе пахло дождем. Я все-таки решил выйти на экскурсию; сидение на одном месте в ранчо мне надоело. Так как о восхождении на горы теперь нечего было и думать (они покрылись за ночь снегом), то я решил довольствоваться путешествием вдоль берега. Это путь нелегкий, дорога постоянно преграждалась скалами, выступающими в море.

Несмотря на то, что я вышел в благоприятный момент, во время отлива, однако пройдя около двух километров, убедился в невозможности продолжать путь далее и решил подняться на ближние высоты (не выше 1 000 футов), но вдруг поскользнулся на влажной скале и повредил себе ногу. Боль в ноге не позволяла и думать о дальнейшем путешествии, и скрепя сердце я возвратился в свое ранчо, улегся возле огня и заснул. Я проспал часа два, раздавшийся вблизи выстрел заставил меня внезапно проснуться. Выглянув из ранчо, я увидел бот и около него людей, среди которых узнал г-на Д. Он объяснил свое внезапное прибытие беспокойством за меня, так как все это время в Ушуайе не было видно моего дыма, а между тем погода была скверная, и потому боялись, как бы чего не случилось. Мы вернулись домой. К вечеру опять настало ненастье.

16 МАРТА.

Роскошнейший день за время нашего пребывания в Ушуае. Утром солнце просто палило, и было наслаждением сидеть на открытом воздухе, позади нашего дома, на солнцепеке. Животные, обитатели Ушуайи, именно козы и барашек, принадлежащие нашему соседу, были не менее нас рады солнечному дню и весело резвились перед нашими глазами. Разделяли общую радость и наши соседи — хмурый черный пес Сина и степенный кот Gator, совершенно эбеновой масти. Позабыв свою исконную вражду, они весело прыгали около своего хозяина. К вечеру опять погода изменилась, подул холодный ветер, и небо заволоклось облаками.

УШУАЙЯ. 20 МАРТА 1896 г.

Перехожу к своей жизни и похождениям в Огненной Земле. Путешествия наши здесь надо считать уже законченными. На днях выпал на всех окрестных горах большой снег, и об экскурсиях по ним нечего больше и думать. Остается обследовать подробнее береговую линию. К сожалению, мы лишены возможности развивать наши исследования из-за жалких условий, в которых находится наша миссия. Денег у нас очень мало, а здешнее начальство мало расположено оказывать нам услуги. Мы рады были бы поскорее отсюда уехать, потому что наступает зима, началось ненастье, дуют страшные юго-западные ветры, и в нашей хижине — настоящем картонном домике — холодно, очень холодно. Вечером еще кое-как согреваемся в кухне около огня, но по ночам решительно дрогнем от холода в своих нетопленных комнатах с тонкими дощатыми стенами. Я говорю — мы рады уехать — да не тут-то было: оказывается, мы уехать не можем, по крайней мере, еще полтора месяца. Дело в том, что аргентинское правительство, дав нам бесплатный проезд от Буэнос-Айреса до Ушуайи, позабыло позаботиться о нашем возвращении. Теперь, чтобы разъяснить вопрос о нем, приходится писать министру, и когда-то придет от него ответ — Богу известно. Конечно, мы можем уехать любым пароходом, заплатив из своего кармана 100 пиастров (60 руб.), но беда в том, что денег у миссии слишком мало, чтобы позволить себе такие траты (четыре человека — это 440 пиастров, да к тому же еще оплата багажа, которого с нами до 60 ящиков). Признаюсь, такого «пассажа»

мы не ожидали. Не ожидал, вероятно, и сам директор музея. Кстати, вы спрашиваете, какой он национальности? Аргентинец, сын страны. Явление довольно редкое, чтобы аргентинец стал заниматься наукой.

За полтора месяца пребывания здесь я успел сделать довольно экскурсий в горы; бывал, наверное, в местах, где не ступала нога не только натуралиста, но и «белого человека» вообще. Проводниками моими были индейцы, как из племени аона, живущие во внутренней части страны (некоторые из них, совершенно мирные, живут в Ушуайе), так и из племени яган (джяган по-аргентински), или *indios de сапоа*, которые живут по берегам канала. Первое путешествие я сделал в компании с товарищем-французом, остальные — один. С индейцами я сошелся ничего себе. Это недурные ребята, еще не испорченные цивилизацией, хотя в качестве проводников и ходоков по горам они не чета нашим кавказским горцам. Познания в их языке мне не были необходимы, так как аона понимают немного по-испански, а яган — по-английски. Путешествовал я таким же способом, как бывало на Кавказе, т. е. со своей буркой, в папахе, с той же самой провизией, только сыр, которого здесь достать нельзя, заменял чарки или сушеной говядиной. Пришлось заменить и кавказские кожаные чуваки на местные альпархаты (полотняные туфли с плетеной из веревки подошвой). По-прежнему на моих ночлегах кипятился мой дорожный чайник — старый приятель, который путешествует со мной вот уже пять лет, и варилась в котелке кавказская абыста (кукурузная каша), в которую я допустил легкое прибавление — немного масла, так как проводники мои отказывались есть сваренную просто на воде. На ночь, в то время как мои индейцы устраивали себе шалаш из древесной коры, я завертывался в свою широкую бурку и спал, ей-богу, не хуже, чем они, вспоминая о своем далеком славном Кавказе. Придется ли мне когда в жизни увидеть его?..

Природа носит здесь оригинальный характер. Среди этого сурового климата, холодных ветров и вечной сырости, вы вдруг видите леса, полные вечнозеленых деревьев и кустарников. Из деревьев особенно красиво *Drimys winteri* — род очень близкий к магнолии и весьма напоминающий ее, только с более мелкими цветами. *Embothryum coccineum* — вечнозеленый кустарник с пышными пунцовыми цветами. Как-то

не верится, глядя на эти полутропические растения с широкой вечнозеленой листвой, что находишься в антарктических странах!

На днях мы на пароходе с большим обществом, вместе с губернатором и его семьей, нанесли визит миссионеру мистеру Бриджу. Он живет в милях 36 от Ушуайи, далее на восток по каналу Бигль. Я остался очень доволен этой прогулкой, так как она продемонстрировала, что может сделать человек доброй воли и энергии даже в таких негостеприимных местах, как Огненная Земля. Миссия мистера Бриджа (существует миссия уже 25 лет) представляет собой настоящий центр цивилизации. Все живущие окрест индейцы яган отлично говорят по-английски и работают, пожалуй, не хуже европейцев. Вообще, яган очень быстро освоились с европейской цивилизацией. Домик мистера Бриджа просторный, солидно построенный на хорошо выбранном месте и представляет настоящий уголок Англии. Внутреннее убранство его поражает комфортом, даже роскошью, которые никак не ожидаешь встретить в Огненной Земле. В комнатах всюду цветы, ковры, изящные фотографии, альбомы, кипсэки, книги в дорогих переплетах. Миссис Бридж, респектабельная леди с совершенно седыми волосами, которые так идут к ее румянному, здоровому лицу, угощала нас превосходным ароматным чаем и шоколадом с разными вареньями и несравнимыми cakes, готовить которые умеют только англичанки. При доме великолепный огород, где необыкновенной величины картофель, репа, цветная капуста невольно вызывают удивление. И надо заметить, что климат здесь чрезвычайно неблагоприятен для этих культур, и если они так удались у мистера Бриджа, то единственно благодаря его неустанному труду и неусыпной энергии. Пока я не знал мистера Бриджа лично, то, по рассказам о его 25-летней миссионерской деятельности на Огненной Земле, представлял себе его широкоплечим, могуче сложенным старцем патриархального вида, с большой бородой, падающей на грудь. На самом же деле он оказался маленьким человеком, довольно тощим, необыкновенно подвижным, с чрезвычайно нервными чертами лица, выбритой бородой, с глазами, в которых блистал нервный огонек. Когда все общество уже распрощалось с ним, мистер Бридж взял меня под руку и сказал: «*Vamos por arriba, amigo!*» (Пойдем наверх, друг!). Мы вззошли на вершину холма. Остановившись, он продолжил:

«para vivir acá, preciso trabajar» (чтобы жить здесь, надо работать). И в доказательство показал мне устройство своего курятника. Это образцовое по чистоте учреждение, где для кур устроено нечто вроде отдельных комнат с комфортабельными насестами. Для наседок и кур, несущих яйца, имеются особые гнезда — вроде ящиков в шкафу. Корм хранится в отдельном помещении, и весь курятник тщательно выметается. Признаюсь, я не видал еще большего комфорта в устройстве помещения для пернатых... Мы пробыли у м-ра Бриджа всего два часа и уехали пароходом обратно, так и не повидав знаменитой своей красотой дочери его, мисс Бридж (она находится в Англии). Перед отъездом сфотографировали дом мистера Бриджа. Заставили стать около дома и меня. Губернатор поместился в общей группе. Снимал нас доктор Р.

Одним из главных событий дня в Ушуае было прибытие на днях пароходом 89 индейцев аона с восточного берега Огненной Земли. Они были захвачены в плен шефом полиции во время охоты на индейцев, которая была организована месяц тому назад в связи с убийством двух чилийских подданных. Пленных водворили в Ушуае для увеличения населения колонии. Интересно было наблюдать их прибытие. Это был их первый шаг на цивилизованной земле. Когда они были высажены на берег, их построили в нечто вроде эскадрона, с малыми детьми впереди. Так губернатор их и сфотографировал. Затем по сигналу, данному зашипевшей ракетой, весь этот эскадрон двинулся в путь к уготованному им жилищу в сарае.

Что это было за войско! Почти совершенно голые, прикрытые только грязными шкурами гуанако, невообразимо грязные, с волосами, выбритыми на макушке и падающими по сторонам длинными черными прядями, телами почти шоколадного цвета и дикими чертами лица они напоминали скорее животных, даже диких зверей. Как-то не верилось, что они такие же люди, как и мы. Их поместили в сарае, который освободили от дров. Около сарая развели два костра, возле которых они постоянно и греются. Наши гости недолго пробыли в Ушуае: уже на второй день, воспользовавшись отсутствием призора и темнотой ночи, они сбегали en masse. Бросились их преследовать, организовалась целая военная экспедиция, и несчастных застигли уже довольно далеко в горах. Так как

они были безоружные, то сопротивления никакого не оказали, и их легко воротили назад. Это было вчера. Теперь, конечно, их не оставляют без караула, а зачинщиков связали цепями по двое. Интересно, что в охоте за ними принимали участие мирные индейцы из их же племени, которых на сей случай снабдили скорострельными ружьями.

Что еще вам рассказать о жизни в Ушуае? Кажется, в этом городке, несмотря на его околуполярное положение, живется очень весело. Каждое воскресенье половина населения (165 человек), в том числе поголовно все ссыльные, мужчины и женщины, напиваются пьяными. Пьянство возрастает, когда на рейде Ушуаи стоит пароход. Редко обходится без кровавых сцен. Обыкновенно вечером в воскресенье из кабаков то и дело выносят людей с какими-нибудь повреждениями — с разбитыми черепами, сломанными ключицами и т. д. Среди завязтых пьяниц почетное место принадлежит, бесспорно, греку Георгию Аслану, или, как он называется здесь по-испански, Хорхе Леону. Это почти мой соотечественник, так как знает по-русски два слова: «братушка, здравствуй!». Бывал в Одессе, в Батуме. Я доставил ему большое удовольствие, поговорив с ним по-турецки. В Аргентине он уже восемь лет и за это время успел совершенно обаргентиниться: играет в трисо (карточная игра) и пьет джин с азартом настоящего гаучо. Профессия его — булочник, и он выпекает или вернее, выпекал очень недурной хлеб для всей Ушуаи. Булочная его носила очень оригинальное название «Плевна». Я сначала думал, что это название — патриотическое воспоминание, вызванное участием в знаменитой осаде. Ничуть не бывало: в осаде он, правда, участвовал, но в качестве... маркитанта.

Я говорю «носила» название, а не «носит», потому что, увы! со вчерашней ночи местной Плевны больше не существует. От нее осталось только печальное воспоминание в виде безобразно торчащей печной трубы. Вчерашней ночью «Плевна» сгорела, погребя под своими развалинами товарища и помощника Хорхе Леона — беднягу-итальянца, такого же горького пьяницу, как и сам хозяин. Самого Леона вынесли из пламени чуть живым. Пожар случился из-за неблагоприятной привычки Хорхе Леона напиваться каждый вечер до самозабвения. Свидетели видели его возвращавшимся домой в час ночи совершенно «готовым», а че-

рез час начался пожар. Sic transit gloria mundi! Из-за пожара мы остались без хлеба и принуждены есть галеты до самого возвращения в Буэнос-Айрес, а вдова и шестеро детей сгоревшего итальянца остались без всякой поддержки и обречены отныне на нищету. В пользу их открыли сейчас же подписку, по которой удалось собрать до 300 пиастров; этих денег будет достаточно, чтобы поддержать в первое время несчастное семейство.

В ожидании отъезда в Буэнос-Айрес мы в хорошую погоду делаем небольшие экскурсии в окрестностях Ушуайи. В холодные ненастные вечера греемся в своей кухне у пылающего очага. Время проходит тогда незаметно. Мы болтаем, иногда поем; так, недавно сеньор С. пропел нам каталонские, андалузские и аргентинские песни, между прочим, даже хабанеру. Голос у него очень недурной, поет он с выражением. И я тоже пропел несколько русских песен и романсов; наш англичанин мистер Л. пропел одну английскую песню, а г-н Д. — песню пиренейских горцев. Наш интересный концерт кончился только около 11 часов.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
(МЕЖДУ ПУЭРТО-МАДРИДОМ И БУЭНОС-АЙРЕСОМ).

1 мая 1896 г.

Пишу Вам с дороги, на расстоянии одного дня пути от Буэнос-Айреса. Пароход «Primer de Mayo», на борту которого я нахожусь, оставил Ушуайю 15 апреля, так что мы вот уже 17 дней в дороге.

Перед самым нашим отъездом в Ушуайе выпал обильный снег и термометр спустился до — 1° С. Таким образом сами стихии заставили нас поторопиться с отъездом. Впрочем, уже с 1 апреля нам нечего было делать в Огненной Земле — наступила глубокая осень, сезон растительности кончился. Климат Огненной Земли нельзя назвать суровым, так как зимы здесь очень мягкие, термометр почти не опускается ниже — 8°, обыкновенно морозы едва достигают — 3°—4°; но, во всяком случае, он очень неприятный: летом бывает очень низкая температура — до 0° ночью, и дует холодный ветер.

Впрочем, на наше счастье, в этом году выдалось исключительное лето, бывали чрезвычайно ясные и теплые дни, что здесь редкость, так как обыкновенно здесь дождит, можно сказать, постоянно. Этим ровным и

мягким климатом объясняется пышная растительность Огненной Земли: вечнозеленые растения, которые погибли бы у нас под широтой Одессы, здесь отлично растут на открытом воздухе, под 55°–57° ю. ш. В некоторых местах, как, например, остров Штатов, лес состоит исключительно из вечнозеленых пород, что представляет чрезвычайно странное впечатление по контрасту со снегом, который падает здесь зимой в изобилии. В северо-западной части Огненной Земли в лесах среди зимы порхают птицы-мухи (колибри), а попугаи водятся всюду — около Ушуайи их масса.

На обратном пути мы не заходили в Пунта-Аренас, мы вышли через канал Бигль и пролив Le Maire на восток, в Атлантический океан, и заходили на остров Штатов, где имеется аргентинская субпрефектура, в порт San Juan del Salvamento. Это очень живописный порт — бухта длинная и узкая, глубоко врезанная в сушу и окруженная почти отвесными горами. Вход в бухту сторожит совершенно перпендикулярная скала. Все горы густо одеты вечнозеленым лесом — вечнозеленый бук, *Drimys* (из сем. Магнолиевых) и проч. В San Juan находится маяк — единственный в этих широтах. Он служит путеводителем для судов, обгибающих мыс Горн.

В субпрефектуре до 25–30 человек жителей, влачащих жалкое существование, так как пароходы заходят сюда раз в 2–3 месяца. Индейцев здесь нет. После San Juan мы заходили в San Sebastian. В 25 километрах от Сан-Себастьяна находится поселок Paramo, принадлежащий Аргентине. Там имеются золотые прииски (золото находят в приморском песке). Рассказывают, что еще не так давно золотоискатели добывали до 15 граммов золота в день. Это составляет хороший заработок (один грамм стоит 2 пиастра — 1 рубль). В Ушуайе я приобрел у одного золотоискателя 5 граммов золотого песку на память (из бухты Sloguet, в канале Бигль, где наиболее богатые прииски). Из Ушуайи везу также перлы, которые очень обыкновенны в одном виде устриц (конечно, они не могут идти в сравнение с настоящими перлами). Перед отъездом я приобрел в Ушуайе также разные изделия индейцев яган и аона — корзинки очень искусной работы, лук, стрелы и проч. Не знаю, уберегу ли это до возвращения в Европу.

Мои товарищи накупили шкур тюленей и выдры. Меха последней очень ценен. На месте он стоит 10–20 пиастров. Я, к сожалению, не имел

денег для таких покупок, да и незачем мне было их делать. Из Сан-Себастьяна отправились прежней дорогой через Рио-Галлегос, Санта-Круз, Пуэрто-Дезеадо и Пуэрто-Мадрид.

Замечательно изменение температуры: мы покинули Ушуайю при 0°, в Санта-Круз было уже до 14°, и в Пуэрто-Мадриде стрелка термометра в 9 утра стояла на 18°! Плавание наше — на редкость удачное: все время стоит великолепная погода, покачало всего только раза два.

Пароход «Первое Мая» не чета «Ушуайе»: это — первоклассный океанский пароход, хотя и не особенно большой. Он также из числа национальных транспортов — пароходов полувоенного, полукommerческого характера, как наш Добровольный флот. Две сплошные палубы, масса кают не внизу, а на второй палубе, просторный салон 1 класса, чистота, порядок, электрический свет а profusion, распорядительная прислуга, отменно любезный капитан и очень милое общество моряков (военной службы). Кормят отлично: обед из 6–7 блюд с чилийским или французским вином на выбор; за обедом дают стакан хорошего вина — опорто или малаги; после кофе — рюмку коньяка или шартреза. Последние дни, по случаю пребывания на пароходе важной персоны — инженера, строителя портов (итальянец, получающий 1000 пиастров золотом в месяц), каждый день сервируют шампанское. Обедаем — мой коллега-зоолог и я — в компании с капитаном и «важной персоной». Во время обеда в салоне играет на пианино специально нанятый для путешествия музыкант. Вечером устраиваются концерты: пианино, две гитары и мандолина. Один из моряков — настоящий виртуоз на мандолине.

Общество на пароходе весьма космополитическое — итальянцы, французы, англичане, валлийцы (англичане из Уэльса, которые эмигрировали сюда и образовали близ Пуэрто-Мадрида большую колонию Kawson), мексиканец, чилийка и... русский, s'il vous plait! Поэтому можете себе представить, как интересен переезд!

Перед нашим отъездом из Ушуайи губернатор Огненной Земли задал нам банкет, на который также были приглашены офицеры с «Первого мая» и некоторые чины местной администрации. Банкет отличался роскошью, которая била в глаза, тем более, что это было на Огненной Земле. Были испанские и французские вина лучших марок, гаванские сигары. По clou банкета было меню — художественная композиция,

выполненная посредством фотографии, — с пейзажем из окрестностей Ушуайи, с индейцами и нашими портретами, — отпечатанная на фарфоровых пластинках. Этим банкетом губернатор хотел затмить банкет, данный шефом нашей миссии, доктором Л., недели за две до этого в его, губернатора, честь (вы видите, здесь, в стране антиподов, все делается шиворот-навыворот: сначала гости дают банкет для хозяев, потом хозяева чествуют гостей).

Меню этого банкета было также своего рода шедевром — на нем фигурировала панорама Ушуайи и типы местных индейцев. Но в том обеде я не участвовал по некоторым личным своим соображениям. Дня за два до него я задумал путешествие в ближний поселок Лапатаю, что в 25–30 километрах от Ушуайи. Расскажу подробно об этом путешествии.

Из Ушуайи в Лапатаю сухопутной дороги не существует, сообщение ведется морем. Если же идти сушей, нужно пробираться диким первобытным лесом, без всякой дороги. Я вышел в путь 26 марта после обеда. Доктора Л. я уполномочил сказать в Gobernacion, что я вышел на экскурсию и, быть может, пройду до Лапатаи. Что же касается вопроса о моем возвращении, он оставался открытым. Доктор Л. снабдил меня письмом к доктору Савалля, собственнику лесопилни в Лапатае. По его словам, это человек чрезвычайно любезный и гостеприимный, и я смогу прожить у него не стесняясь несколько дней — сколько мне вздумается. Доктор Л. сделал для меня также схематический набросок окрестностей Лапатаи и пути, которого, по его мнению, я должен был держаться. По его словам, стоило только перевалить седловину между куполообразной возвышенностью Susanna (которую видно из Ушуайи) и хребтом Martial Mountains, и я в Лапатае. В Ушуае мне сказали, что пути до Лапатаи немного — всего пять-семь часов, а доктор Л. заверял, что и того меньше — около четырех.

Я вышел из Ушуайи после обеда, рассчитав время так, чтобы к ночи уже быть в Лапатае. Поэтому я не взял с собой больших запасов провизии, только на всякий случай 5–7 галет, кусок чарки, две плитки шоколада, баночку концентрированного молока и немного виски. Не забыл я, конечно, захватить достаточно табака и сигар.

В час дня я бодро выступил в путь. На себе я имел достаточно тяжести — бурку, белье для перемены, пару альпархат, папку с бумагой и сумку, полную разных дорожных вещей первой необходимости. На этот раз я отправился в высоких сапогах, не столько по необходимости, так как я ненавижу тяжелую обувь, сколько из приличия: мне было совестно показаться доктору С. в альпархатах.

Погода мне благоприятствовала: серенький с утра день разгулялся и солнце ярко светило. Быстро я сделал первый переход до реки *Vieja Larataia*, потратив на него не более полутора часов. Реку, довольно большую, я перешел вброд, вода была по колено. На том берегу немного отдохнул, выкурил трубку. Затем снова продолжил путь, не останавливаясь. Дорога моя пролегла сначала по безлесным холмам, покрытым густыми зарослями калафата и кустарникового сложноцветного; эта местность известна под именем *Vieja Larataia*. Здесь я руководствовался некоторое время тропинкой. Затем началось небольшое сухое болото, и когда я подошел к основанию *Sierra Susanna*, моя тропинка углубилась в лес, и там потерялась. Подходя к седловине, я ясно видел, какое направление следует мне взять. Я пошел по лесу прямо вперед, имея по левую руку обрывистые склоны *Sierra Susanna*, по правую — снежные вершины *Montes Martiales*. Путешествие по лесу не было особенно затруднительным (лес был сравнительно чистый), и я быстро шел вперед, делая не менее четырех-пяти километров в час. Скоро я вышел к берегу какой-то реки, бежавшей мне прямо навстречу. Это была, без сомнения, та самая *Vieja Larataia*, которую я перешел ранее. Это обстоятельство меня несколько озадачило. Если река бежит от седловины, то спрашивается, где же перевал? Река довольно большая и должна брать начало издалека. Рассуждение, что *Vieja Larataia* могла брать начало из *Montes Martiales* и делать крутой поворот из ближнего ущелья, разрешило мои сомнения. Мне оставалось продолжать идти вперед, имея реку и *Montes Martiales* всегда с правой стороны.

Однако прошел час, прошел другой, а перевала все не было видно. Мой путь проходил все по ровной местности, по долине реки, пересеченной невысокими отрогами гор *Сусанна*. Приближалась ночь (было около пяти вечера). Уже 4 часа, как я находился в пути и, без сомнения, был уже

недалеко от Лапатайи. Перевал должен быть где-нибудь поблизости. Но надвигалась ночь, и я не решился продолжать путь: кто знает, может быть, до Лапатайи больше пяти часов пути — тогда ночь могла застигнуть меня врасплох. Наконец, если бы я даже пришел через час в Лапатайю, неудобно было являться туда ночью, беспокоить людей. И я, выбрав подходящее место на берегу реки, решил остановиться на ночлег в лесу.

Не без неудовольствия я оставил мысль об ужине, ожидавшем меня у доктора С., но что делать, лучше перекусить тем что есть, чем рисковать, пускаясь в путь ночью по незнакомой местности.

Я быстро сделал приготовления к ночлегу. Расчистил от валежника небольшое ровное пространство и посередине развел костер. Сделав достаточный запас дров на ночь, я вскипятил в железном стакане шоколад. Двух стаканов этого великолепного напитка с куском галеты было достаточно, чтобы утолить голод.

Наступила ночь. Полная луна озарила серебристым светом воды реки, в лесу в это время стоял таинственный мрак. Река делала крутой поворот в этом месте: казалось, она бежала из ущелья напротив. Из-за него виднелись снежные пики, ярко сверкавшие в лунном свете.

Все это позволяло мне надеяться, что перевал уже недалеко. Было так холодно и сыро, что я не мог заснуть всю ночь. До самого рассвета просидел у костра, стараясь согреться. В 6 часов утра забрезжил рассвет, и я стал собираться в путь. Вскипятить стакан шоколада было делом получаса. Подкрепившись горячим напитком и выкурив трубку, я снова выступил в путь. Пройдя некоторое расстояние, я заметил, что река меня не оставляла, и был неприятно удивлен. Делая прихотливые зигзаги, она продолжала бежать рядом. Без сомнения, она брала начало издалека.

Между тем высоты Сусанны слева начали заметно понижаться — под конец я едва стал различать их. Теперь кругом меня был сплошной однообразный лес. Только Montes Martiales продолжали служить моим проводником: я старался идти, придерживаясь их подножия. Теперь, надо полагать, я был уже совсем близко от Лапатайи — большое озеро и залив Лапатайя должны блеснуть предо мной через несколько минут. Между тем я шел уже три часа, горы Сусанна давно потерял из виду, а Лапатайи все не было и не было видно. Беспокойство овладело мной — я начал подозревать, что сбился с дороги.

Чем дальше я шел, тем лес становился все хуже и хуже; я пробирался теперь болотистыми местами, через непролазную чащу калафата и низкорослого корявого *F. betuloides*. Но вот местность начала подниматься, река уже шумела далеко справа от меня, горы начали исчезать из виду. Я поднялся на перевал, но вместо того, чтобы увидеть оттуда бухту Лапатайи и ее озеро, я увидел все те же лесистые пригорки. Тут я понял окончательно, что потерял дорогу. Тревога охватила меня. Что делать, что предпринять, в каком направлении идти теперь?

Невдалеке я заметил лесистую вершину, еще более высокую, чем та, где я находился. Я решил идти туда, чтобы иметь более широкий обзор. Через час я преодолел лесистое пространство, расстилавшееся уже внизу под моими ногами. Задыхаясь от усталости, я взобрался, наконец, на вершину. Каков был мой ужас, когда я увидел все тот же бесконечный лес! Тут я впал в отчаяние, силы мои ослабевали. Не зная что делать, я влез на дерево, чтобы увидеть больше.

Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес....

Одна за другой поднимались покатоги, поросшие густым первобытным лесом. Гор не было больше видно, их заволокло туманом. Начал накрапывать дождик. Это еще больше затруднило мое положение. Куда идти? Я не ориентировался теперь, где север, где юг.

Тогда я решил не думать больше о Лапатайе, только бы выбраться как-нибудь к морю. Местность заметно понижалась слева от меня, и это подало мне надежду, что море должно быть там. Я побрел наудачу. И уже не шел, а скорее бежал, пробиваясь через колючую чащу калафатов, перепрыгивая через валявшиеся на пути трупы деревьев, не чувствуя усталости. Отчаяние придавало мне силы.

После часа этой безумной ходьбы я снова поднялся на вершину пригорка и бросил взгляд кругом. О радость! Внизу под ногами блеснула гладь залива. Я был спасен. Раз я на берегу моря — то гарантирован от голодной смерти; я мог прожить несколько дней, питаюсь только ракушками, и за это время, без сомнения, отыскать дорогу или в Лапатайю, или назад в Ушуайю, следуя вдоль берега моря. Быстро спустился я вниз. Это был совершенно незнакомый мне залив, во всяком случае, не бухта Лапатайи, которую я помнил отлично. Вдали на той стороне возвышались

высокие снеговые горы. Может быть, это остров Host, а может быть, берега Эндагойи? Весьма возможно, что я прошел далеко за Лапатайю. Какое направление взять — вправо или влево?

Направо я заметил начало залива, очень узкого и довольно похожего на бухту Лапатайя. Вероятно, это она и была. Поэтому я решил идти по берегу вправо. Но через некоторое время путь мне преградили утесы, выдававшиеся в море, и я снова вынужден был забраться в лес. Очутившись в лесу, я снова не был уверен в дороге. Однако помнил какого направления надо держаться. На моем пути поднималась довольно крутая лесистая возвышенность. Я решил подняться на ее вершушку, полагая, что оттуда бухта Лапатайя мне уже будет видна окончательно. Подъем был тяжелый, крутой. Сапоги мои намокли, и я подвигался вперед с трудом. Наступал вечер, а подъему, казалось, не было конца.

Тогда, боясь быть застигнутым ночью на высотах без воды и защиты от ветра, я решил оставить саму мысль о Лапатайе и спускаться постепенно вниз, к первому ручью. Ночь наступала быстро, дождь усиливался, и беспокойство мое возрастало. Я был в полном изнеможении. Ведь в этот день я почти ничего не ел кроме плиточки шоколаду, а между тем за 8 часов пути сделал переход, наверное, не менее 30 километров. К счастью, вскоре я слышал журчание ручья. Место было не слишком сырое, вполне годилось для ночлега. Лес довольно чистый, из больших деревьев. Валежника сколько угодно. Я остановился на берегу ручья и начал поспешно готовиться к ночлегу. Из колев и древесной коры наскоро построил ранчо *à la mode des Indiens*, нагромоздил кучу хвороста и дров. Теперь оставалось самое главное — развести огонь. Как сделать это под проливным дождем? В путешествиях по Кавказу я научился действовать в таких обстоятельствах. В основание костра я положил несколько крупных кусков дерева в виде свода. И под этим сводом, который не пропускал дождя, начал разводиться огонь. Но тут новая беда меня ожидала: две коробки спичек, которые я взял с собой, совершенно промокли. Оставалось только несколько спичек в железной коробочке, которую я прячу всегда особо, подальше от дождя и сырости. Закрывшись буркой, чтобы ветер не задувал огня, я стал бережно зажигать их, а дождь в это время безжалостно барабанил по моей бурке. На мое несчастье, спички сейчас

же потухали, едва я зажигал их, и под конец у меня осталась в руках единственная спичка.

От этой спички зависела теперь моя жизнь. Как я прокоротаю эту холодную ночь под дождем, истощенный, без горячей пищи? Рука дрожала, когда я зажигал последнюю спичку. Какими заботами окружил я ее! Обернул трупом, который, по счастью, был сухим, чтобы не пропала даром ни малейшая искорка. В другой руке я держал наготове стеариновый огарок, чтобы принять огонь.

Я чиркнул спичкой о коробочку... О счастье! спичка вспыхнула, а вместе с ней и моя надежда на спасение. Я имел теперь огонь — это было главное.

С огнем я наверное не пропаду. Коли бы я даже заболел, стакан горячего шоколада или молока мог послужить мне отличным средством борьбы с недугом. Спичка вспыхнула, от нее загорелся трут, и от него же я зажег свечной огарок. С помощью огарка я развел маленький огонь из сухой древесной коры, который поместил под костром, затем дул на него, не переставая, пока он не разгорелся как следует. И скоро костер мой запылал ярким пламенем, и его не мог больше потушить никакой дождик. Мне оставалось только поддерживать его в течение ночи. Огонь меня значительно подбодрил, я ожил душой. Завернувшись с головой в бурку, я сидел возле костра, греясь и покуривая трубку. Затем принялся за приготовление шоколада. Два стакана горячего напитка и стакан молока совершенно восстановили мои силы. После этого скромного ужина мне для полного удовлетворения оставалось только выкурить сигару. Спать, конечно, мне не пришлось в эту ночь. Бурка и платье промокли, а в ранчо дождь лил не меньше, чем под открытым небом. Поэтому я просидел всю ночь у огня не в состоянии сомкнуть глаз ни на минуту.

Какая печальная была ночь! Крупные капли дождя, не переставая, барабанили по бурке, ветер шумел на вершинах деревьев. Время от времени среди ночной тишины слышался крик лисицы, глухой, отрывистый лай. Как неуютно было на моем бивуаке, в самом сердце первобытного леса, так далеко от всякой живой души. Никогда в жизни я еще не был так одинок, как теперь! И мне невольно вспоминался наш теплый уголок на кухне, возле пылающей печки, где мы собираемся болтать каждый вечер.

Как мне хотелось сейчас оказаться там! Удастся ли мне завтра выбраться из лесу? Отчаяние стало овладевать мною, но я поборол его, напомнив себе, что над нами есть Высшее Существо, которое предопределило каждому из нас умереть, — и смерть сторожит нас не всегда в самом дурном месте. Сколько уже раз в жизни мне приходилось благополучно выпутываться из затруднительных положений, когда, казалось, я был на краю гибели! И твердая вера в Верховное Существо, в Его справедливость и Его непреложные законы придала мне силы.

Отгоняя от себя мрачные мысли, я бодро провел остаток ночи. С нетерпением ожидал я рассвета. Он должен был показать мне, где находится восток, ибо я потерял направление сторон света. И вот, наконец, забрезжил рассвет, слабый, нерешительный рассвет серенького осеннего дня. Дождик перестал. Огонь весело пылал, не заливаемый больше дождем, и я мог как следует обсушиться подле него. Стакан горячего шоколада и галета подкрепили меня — я чувствовал себя совершенно здоровым и сильным, готовым продолжать путь. Я не выступил в дорогу ранее, чем обсушился как следует. Не будучи уверен, что выберусь на дорогу, я оставил на месте ночлега свою визитную карточку с прибавлением по-испански: «Вышел из Ушуайи в Лапатайю 26 марта 1896 года и потерял дорогу» как знак моего пребывания здесь. Чтобы сделать ее более заметной издали, я положил на нее сверху несколько листов бумаги и прикрыл все это древесной корой и камнями. Я сделал это на всякий случай. Кто знает, сколько десятков лет пройдет прежде, чем случайный путник-индеец или такой же бродяга-натуралист, как я, набредет на мою стоянку, да и набредет ли когда-нибудь? Вернее всего, что к тому времени от моего пребывания здесь не останется и следа.

Я отправился в путь. Выйдя на небольшую торфяниковую поляну, я заметил впереди себя безлесную вершину, вероятно, последний отрог сьерры Сусанна, так как она находилась близ самого берега. Я решил подняться на нее, чтобы осмотреться и по возможности найти прежнюю дорогу. Гора была покрыта буковым лесом с примесью *Drimys winteri*, и подъем на нее не представлял затруднений. Я быстро поднялся на вершину, где, вероятно, лес был истреблен пожаром. Оттуда мне открылся великолепный вид на окрестности. Озера Лапатайя я так и не увидел, зато

ясно увидел береговую линию, а также мою прежнюю дорогу — широкую долину, в глубине которой шумела река Vieja Lapataia. Мне оставалось спуститься в эту долину, и я был на проверенной дороге. Чтобы не запутаться снова, я решил пройти некоторое расстояние по безлесному хребту и спуститься в долину там, где она становилась уже.

Хребет был довольно высок — до 500 метров, и сверху долина открывалась как на ладони. Дойдя до места, где хребет снова становился лесистым, я принужден был спуститься вниз. Вскоре я напал на свою старую дорогу, и к 4 часам был на месте своего первого ночлега.

Погода была серенькая, но дождя еще не было. Тем не менее, я весь промок после путешествия по лесу, и потому первым делом по прибытии в бивуак надо было развести хороший огонь. До ночи оставалось добрых три часа, и за это время я успел согреться и высохнуть как следует. Я чувствовал голод и потому зажарил кусок оставшегося у меня гнилого чарки. Затем выпил горячего молока и шоколада. Сделав достаточный запас дров на ночь, я завернулся в бурку и, поместившись возле самого огня, быстро заснул, утомленный переходом и двумя бессонными ночами. Хотя из-за холода я спал не более четырех-пяти часов, но и такой непродолжительный сон значительно подкрепил меня. На следующее утро, совершенно бодрый, я двинулся дальше. Через четыре часа ходьбы я был уже в Ушуае. Погода была чудная, солнце припекало.

В Ушуае появление мое произвело сенсацию, в особенности, когда я рассказал все перипетии своего путешествия.

Расскажу, как мы встретили Пасху в Ушуае. Аргентинцы — народ малорелигиозный: в Ушуае нет ни церкви, ни патера. Так как все-таки католическая религия — официальная религия страны, то страстную пятницу ознаменовали тем, что полуспустили флаг над *gubernacion*. В страстную субботу, в 12 часов дня (в Аргентине Христос воскресает в субботу днем), перед зданием *gubernacion* собрались члены местной администрации, а также несколько жандармов и «*banda de musica*» — барабанщик и рожок. Когда колокол перед *gubernacion* выбил 4 склянки (12 часов), взвилась ракета, барабан забил мелкую дробь, загудел рожок, раздались выстрелы из ремингтона, два сигнальных колокола начали оглушительный звон, и при всей этой какофонии аргентинский флаг медленно взвился над *gubernacion*.

В Светлое Воскресенье, чтобы ознаменовать чем-либо праздник и вспомнить родину, я убрал свою комнату ветками вечнозеленого бука.

На столе, которым служит мне ящик с коллекциями, покрытый чистой скатертью и убранный цветами и зеленью, красовались портреты нашего семейства, и на подстилке из вечнозеленого мха — красное яичко, окрашенное мной собственноручно. Другой стол (тоже ящик), весь утопавший в зелени, предназначался для банкета. Надо сказать, что в этот день я задал своим товарищам банкет, какой подобает натуралисту, как я, со спартанскими привычками. Банкет был назначен на четыре часа дня. С двух часов я начал варить кавказское блюдо абысту *á la mode abkhase*. Она удалась на славу, и мои гости нашли ее превосходной. Сервирована она была на зелени, опять-таки по абхазской моде, и ели ее деревянными лопаточками. Приправой служили пикли и консервированное сливочное масло. Бутылка хорошего шерри из Пунта-Аренаса дополняла угощение. Как видите, меню банкета не отличалось разнообразием, но моим гостям оно решительно понравилось ввиду его оригинального колорита. Во всяком случае, мы провели время очень приятно.

Не знаю, что ожидает нас по возвращении в Буэнос-Айрес. Ходят упорные слухи о войне с Чили. Старый диспут о границах внезапно обострился в последнее время. Если будет война, то она прежде всего отразится на нас, *employes du gouvernement*, так как здесь в обычае, раз правительство в затруднении, не платить денег служащим.

Восстание на Кубе нашло в Южной Америке разнообразные отголоски. Большая часть южно-американских наций высказалась в пользу инсургентов — Бразилии, Чили, Перу и проч. Здесь открывалась подписка в пользу кубинцев, и на помощь им отправлялись волонтеры. В Аргентине наоборот, мнение общества на стороне испанцев — ввиду тесных родственных связей Аргентины с Испанией (испанская эмиграция здесь весьма значительна).

Ла-Плата. 10 мая 1896 г.

Мы прибыли в Буэнос-Айрес 3-го, но в Ла-Плате я водворился только 7-го. Было много хлопот с таможней. С нами ехало до 70 ящиков с коллекциями, и в наших интересах, конечно, было, чтобы они прошли без

досмотра. Официальной же бумаги с нами не было. Пришлось несколько раз съездить в Ла-Плату, достать нужную бумагу. Впрочем, как только бумага была в наших руках, администратор таможни немедленно дал нам разрешение на получение багажа без осмотра.

Погода здесь стоит чудная, несмотря на приближение зимы, тепло как летом, временами даже жарко.

Я не писал Вам об условиях жизни в Ушуайе. Вы думаете, вероятно, что там, на краю света, должны быть баснословные цены. Вовсе нет. В Ушуайе, уверяю Вас, жизнь дешевле, чем в любом из русских больших городов. Причина — отсутствие таможенных пошлин. Товары идут прямо из Пунта-Аренаса, который порто-франко.

Ла-Плата. 23 июня 1896 г.

Очень занят работой над результатами путешествия: через месяц должен опубликовать отчет. В конце будущего месяца буду читать здесь на испанском языке первую свою конференцию под заглавием «Природа Огненной Земли».

Послезавтра еду в Кордобу, чтобы познакомиться там с некоторыми ботаниками.

Здесь стоит прекрасная, чисто весенняя погода. Солнце, тепло, даже жарко. Зимы совсем не видать. В садах зреют апельсины, розы цветут. Климат вообще здесь великолепный. Особенно хорошо здесь утро: теплое, влажное, нежащее, когда лучи солнца пробиваются сквозь полупрозрачный туман и эвкалиптовый парк весь благоухает.

Ла-Плата. 15 августа 1896 г.

Через месяц, вероятно, отправлюсь в свою первую весеннюю экскурсию — куда-нибудь в северные провинции, где весна наступает раньше.

Собственно говоря, весна здесь давно наступила. Вот уже месяц, как цветет австралийская акация, а эвкалипт давно отцвел. За эти зимние месяцы, июнь — август, мы зимы совсем не видали. Был только один раз мороз 0°, за ночь замерзла вода в лужах.

Вы напрасно думаете, что жизнь здесь дешева. Быть может, она дешевле, чем в Петербурге или Одессе, но много дороже, чем в Европе. Пища здесь дешева действительно, но платье и жилище очень дороги.

ЛА-ПЛАТА. 20 СЕНТЯБРЯ 1896 Г.

Недавно, 6 сентября, я прочел здесь свою первую конференцию на испанском языке. Конференция проходила в очень простой обстановке — в маленькой зале ботанического отделения музея, где я работаю. Публики собралось довольно — человек семьдесят, в том числе сеньоры и сеньориты, весь цвет здешнего общества. Семьдесят, конечно, цифра небольшая, но не следует забывать, что это была первая конференция в музее и здешняя публика к конференциям не привыкла.

Конференция удалась как нельзя лучше. Секрет успеха объясняется тем, что я как раз попал на вкус местной публики, угадав как бы по инстинкту, что ей нравится, и, сам того не сознавая, угодил здешнему правительству, которое давно метит на Огненную Землю как на центр привлечения европейской колонизации.

В скором времени отправляюсь в путешествие — на север, вверх по Паране, в провинции Коррьентес и Мисьонес. В первый раз в жизни мне представился случай посетить тропики.

ЛА-ПЛАТА. 18 ОКТЯБРЯ 1896 Г.

Погода здесь стоит чрезвычайно непостоянная: сегодня изнемогаешь от жары, а завтра наступает почти что холод. Недели три назад температура в течение суток упала с 22° до 2°. Немудрено, что все болеют здесь инфлюэнцей.

Самой крупной новостью здесь было нашествие саранчи, которая прогостила у нас добрых три недели и успела причинить порядочный вред садам. В соседних же местностях она съела решительно все: сады, огороды, посевы. Любопытно было наблюдать момент ее прибытия: она летела целыми облаками. Ближе эти облака казались стаями птиц. Даже на расстоянии нескольких десятков метров неопытный глаз мог принять ее за птичку: здешняя саранча чрезвычайно крупна, величиной не меньше иного колибри.

НА ВОРТУ ПАРОХОДА
МЕЖДУ БУЭНОС-АЙРЕСОМ И РОСАРИО.

1 ноября 1896 г.

Пишу Вам на пути из Буэнос-Айреса в Мисьонес. Эта экскурсия рассчитана до 15 декабря. Обратный проезд через Парагвай. 15 декабря должен быть в Ла-Плате, чтобы выехать немедленно в большое путешествие в Кордильеры.

Как видите, всегда в пути: таков мой удел!

Очень рад, что выбрался наконец из Ла-Платы. В последнее время, кроме того, что был нездоров, сильно устал: напечатал поспешно две работы по-французски.

Поездка наша не лишена приятности. Пароход довольно комфортабельный, хотя национальные транспорты куда лучше. В 1 классе общество весьма избранное. С нами едет новый губернатор провинции Мисьонес, с которым я сейчас познакомился, также директор одной колонии и т. д. Знакомства здесь сводятся очень быстро, без церемоний. Подходят, спрашивают: «Как поживаете?» (если не знают вашего имени), затем узнают о вашей *gracia* (милости-имени), вы — тоже, и вот оба взаимно представлены. К губернатору и прочим властям, конечно, имею рекомендательные письма. Вообще, нравы этой страны мне нравятся своей патриархальностью.

ПОСАДАС (МИСЬОНЕС). 30 ноября 1896 г.

Пишу Вам, закончив свои путешествия в Мисьонес. До сих пор не было времени заняться корреспонденцией. Собрал такую уйму растений в этих странах, что работал с ними даже по ночам.

Завтра выезжаю верхом в Парагвай. Из Асунсьона спущусь вниз на пароходе.

Что вам сказать о путешествии в Коррентес и Мисьонес? В двух словах ничего не скажешь — столь сильны впечатления. Здесь впервые я познакомился с тропической природой — непроходимые леса, лианы, воздушные орхидеи, ананасы, филодендроны, кактусы вышиной сажен

пять, пальмы, плантации сахарного тростника... Нужно писать и писать. Прочтите, надеюсь, в моей работе о Мисьонесе.

Природа Мисьонеса очень напоминает Западное Закавказье. Такое же изобилие зелени, те же веселые зеленые пригорки, бездна ручьев со студеной водой и такой же характер жизни, гостеприимные нравы: каждый ранчо (плетеный домишко, совершенное подобие абхазской сакли) — ваш дом. Жители, почти исключительно парагвайцы и бразильцы, приветливы и услужливы. Я ездил верхом около восьми дней по лесам и пикодам (дорога, проложенная в девственном лесу с помощью топора или мачете-сабли) и ни разу не имел неприятной встречи. Впрочем, леса кишат тиграми (мы встречали несколько раз свежие следы) и бандитами. Последние имеют дело больше с администрацией, и на днях недалеко от Посадаса, как раз на моем пути, задали настоящее сражение полиции, причем урон потерпела последняя, потеряв несколько человек убитыми и ранеными. Вообще, жизнь в Мисьонесе беспокойная, как жалуются все, и это из-за ее пограничного положения (здесь сосредотачиваются все бандиты из Парагвая, Бразилии и Коррьентеса). В Парагвае гораздо спокойнее.

АСУНСЬОН. 8 НОЯБРЯ 1896 Г.

Позавчера после четырехдневного путешествия верхом и двух дней по железной дороге прибыл в столицу Парагвая, пересекши таким образом страну с одного конца до другого.

Путешествие обошлось благополучно. Только один день помочило нас дождем. Страна чрезвычайно живописная, и путешествие я воспринял скорее как приятную прогулку. Мой спутник, солдат, превосходный малый лет 18-ти, веселый, услужливый, взбирался для меня на деревья, чтобы достать какую-нибудь орхидею или лиану. В стране изобилуют апельсинные леса, и мы могли лакомиться этим фруктом, не платя ни одного сентава. Я имел рекомендации к разным лицам, живущим в *rueblos* по дороге, и эти последние принимали меня весьма радушно. Был, между прочим, гостем одного англичанина (вернее *Welshman* — из Уэльса). Жи-

вет себе в ранчо среди первобытного леса, полного орхидей и древесных папоротников. Женат на парагвайке из простых крестьянок, женщине поразительной красоты. Славный малый, любит болтать, что редко среди англичан. Оказал мне гостеприимство, подобное которому я редко видел даже на Кавказе. На прощанье подарил мне на память известную трубку одного индейского кацика. Довел свою любезность до того, что сопровождал меня в лесу. Он живет в Парагвае анахоретом вот уже девять лет.

Это — не единственный оригинал, с которым я сталкиваюсь за свое путешествие. В Мисьонесе познакомился с французом, который живет на хуторе в глуши безвыездно вот уже 25 лет. Там же познакомился с одним немцем, который мыкается по Америке уже лет сорок. Живал в Перу, Боливии, Чили, во всех провинциях Аргентинской республики, и наконец, судьба устроила его в Мисьонесе, где он занимается культурой сахарного тростника, скотоводством и проч. Служил в аргентинской армии и имеет чин полковника. Славный немец — добродушный, большой говорун и гостеприимен. Провел у него ночь. Знаю также одно бразильское семейство в Мисьонесе, у них четырнадцать детей. Отец их — еще не старый человек, открытая, радушная натура. Живет большим хозяйством в страшной глуши среди лесов. Знаю другого бразильца, женатого на североамериканке из Калифорнии, тоже славные люди, приняли меня чрезвычайно гостеприимно. Доставил удовольствие сеньоре, поговорив с ней по-английски.

Впрочем, не перечить интересных встреч, которые я имел во время своего путешествия.

Асунсьон — небольшой городок, отдает провинцией более, чем Ла-Плата или Кордоба. В городе не видел ни одного экипажа! Правда, зато есть конки. Город не интересен, но окрестности восхитительны — все утопают в зелени апельсиновых садов. Остановился в лучшем отеле — настоящий дворец (он прежде и был дворцом брата диктатора Лопеса) с великолепной обеденной залой с колоннами, с галереями наверху.

Жизнь здесь очень дешева. В особенности дешев проезд по железным дорогам. Зато поезда двигаются со скоростью черепахи. Один раз с поездом успешно состязалась в беге собака! Другой раз, на подъеме, мы

никак не могли догнать трех парагвайских женщин, шедших впереди нас с длинными сигарами в зубах!

Путешествие от Вилла Рика до Асунсьона чрезвычайно интересно — пейзажи восхитительны. Всюду зелень, апельсиновые леса и плантации, пальмы, живописные ранчо.

Здесь, в Асунсьоне, мне подарили двух животных — *acuti* — величиной с собаку. Везу их в Ла-Плату, в музей. Я имею также с собой двух агвара — лисиц из Мисьонеса. Тоже подарок. Хотел было еще купить огромного (величиной с курицу) красного попугая, но у меня с собой столько зверей и столько багажа, что должен был отказаться от этого намерения.

ЛА-ПЛАТА. 22 января 1897 г.

Сегодня отправляюсь с военным пароходом в экспедицию в Кордильеры. На этот раз мы посетим самую южную часть Кордильер — к северу от 52° южной широты — заливы Отчаяния и Последней Надежды (*Desolation* и *de la Ultima Esperanza*). Я еду с большой компанией — Комиссией по разграничению с Чили. Впрочем, прибыв в Кордильеры, я организую самостоятельную экспедицию.

ЛА-ПЛАТА. 3 апреля 1897 г.

Материалов за мои путешествия на север и юг накопилось довольно. Кроме научного материала в мои дневники вошло немало наблюдений над жизнью посещенных местностей. Постараюсь исполнить Ваше желание, прислать Вам семян араукарии, *Chilotrihuum*, *Drimys winteri*. У меня еще остались кое-какие семена огненноземельных растений.

Ни одно семя из привезенных мной с Огненной Земли, которые я посеял у себя в доме, не возшло. Зато возшло одно кавказское растение, *Dioscorea caucasica*, что меня очень обрадовало. Но его съели неумолимые муравьи. Из привезенных мной живыми парагвайских растений привились несколько орхидей и тилляндсия, известные здесь под именем «*flores del aire*», ибо они растут на деревьях. Следующей весной, вероятно, будут цвести.

ЛА-ПЛАТА. 21 мая 1897 г.

Очень занят был большой работой. Целый месяц собирал к ней материалы здесь и в Буэнос-Айресе. Теперь делаю легкую передышку перед тем, как приняться за саму работу (ее хватит на месяц, если не более). Вы знаете мой обычай — раз пришла в голову какая-нибудь идея, тема для работы, я отдаюсь ей всецело и не почувствую себя спокойным, пока не напишу работы.

ЛА-ПЛАТА. 3 июля 1897 г.

Все время был занят большой работой об Огненной Земле, которую завершил только на днях. Писал ее без передышки с 1 июня день и ночь, почти не выходя из комнаты. Уже несколько дней, как начал французский перевод, и то, что перевел, сдал в печать. Перевода еще хватит дней на десять, а печатание займет добрых два месяца.

Вы в «благодатной» Украине наслаждаетесь теперь великолепной летней погодой: сезон вишен, черешни, слив и т. д. Мы же здесь буквально дрогнем от холода. Стоит холодная погода: термометр по ночам спускается до 0° и даже до — 1°. Дуют свирепые, холодные как лед ветры из Патагонии. Газеты публикуют по поводу холодов статьи под заглавием «Сибирь в Ла-Плате». Кавказская бурка (еще жива!) едва согревает меня в комнате, а на улицу не смею показаться без капы!

Единственным средством согреться здесь служат испанские «brasero» (жаровни). Но они хороши, когда есть сквозняк, потому что в замкнутых помещениях они отравляют воздух. Хозяйка предлагала мне «brasero» не раз — когда у меня стучали зубы от холода (в комнате 10° С!), но я отказывался, предпочитая кутаться в бурку или пончо. Зато постели хороши здесь: две подушки (в кружевах) и три-четыре одеяла, иногда еще балдахин, а в северных провинциях обязательно «mosquitero».

Я видел подобные постели в Швейцарии (особенно немецкой) и на Кавказе, где мне доводилось спать на подушке с наволочкой из тончайшего кружева и под атласным одеялом. Мои походные постели очень просты: земля вместо кровати, бурка вместо тюфяка и пончо вместо одеяла. Что может быть проще?!

Благодарю за присланный словарь. Правда, он немного опоздал, так как я почти уже окончил свою большую работу, но пригодится в другой раз. Здесь словарь этот стоит намного дороже, чем в России.

Погода стала меняться к лучшему. Выдаются чисто весенние дни, но все-таки свежие. Я отдал дань зимнему сезону двумя неделями постоянной лихорадки; доктор говорит, что это — возврат кавказской. Теперь оправился.

Вы спрашиваете, какие мы едим теперь фрукты? Тогда как вы пользуетесь таким разнообразием, с начала осени мы постоянно сидим на надоедливых бананах (идут из Бразилии). Начали появляться апельсины (из Парагвая). Лучшие фрукты страны — чиримойя, растущие в тропических провинциях (Тукуман, Сальта), до нас не доходят. Их можно отведать только в лучших ресторанах Буэнос-Айреса. Земляника встречается в изобилии в чилийских Кордильерах.

(Конец дневника)

Дмитрий Анучин

ПАМЯТИ Н. М. АЛЬБОВА¹

Некролог

Недавно до меня дошло известие о смерти известного русского ботаника-систематика Н. М. Альбова, скончавшегося в Ла-Плате (Аргентина). Кончина его последовала еще в декабре, но в русской печати, кажется, еще не было о том известия. Н. М. был сыном полкового священника и получал высшее образование в Московском университете, но из-за болезни не кончил в нем курса и отправился для укрепления легких в Сухум, где, кажется, у него были родственники. Здесь он провел более двух лет. Бродя по окрестным лесам и горам, он страстно полюбил местную природу и занялся изучением роскошной растительности края. Эти горные экскурсии, эта простая свободная жизнь лицом к лицу с природой среди полудиких абхазцев пленяли его до крайности, но надобно было подумать и о средствах к существованию, несмотря на всю ограниченность требований молодого натуралиста в этом отношении.

Он переехал в Одессу, где некоторое время состоял ассистентом при ботаническом кабинете. В изданиях одесских обществ — натуралистов, садоводства и сельского хозяйства — появились его первые работы о новых растительных видах Абхазии, ее лесах и ее садоводстве (1890–92). В 1893 г. несколько его статей появились в изданиях Императорского Ботанического сада, С.-Петербургского Общества Естественных Испытателей и Кавказского отдела Русского географического общества.

Но стремление к полной обработке собранных им коллекций побудило его обратиться к содействию иностранных учреждений и искать себе приюта в недавно основанном ботаническом институте *Herbier Boissier* в *Chambesy* около Женевы. Здесь ему были предоставлены

¹ Это первый некролог о Н. М. Альбове в России опубликован Д. Н. Анучиным в № 239 газеты «Русские ведомости» от 30.10.1898 г.

обширные гербарии и библиотека, и сюда в феврале 1893 г. он явился с грузом засушенных растений.

«Во время его пребывания в Шамбези, — пишет хранитель Herbarium Boissier г-н Отран (Autran), — мы были поражены выдающимися способностями Альбова как путешественника-ботаника. Скоро был выработан проект экспедиции на Кавказ, и в мае 1893 г. состоялась поездка Альбова на средства Гербария Буассье, продолжавшаяся до конца октября. Неутомимый исследователь посетил многие местности Гурии, Аджарии, Мингрелии, Черноморской губернии, Сванетии, Лазистана и Абхазии. Он вывез из этой поездки громадный материал, который и составил предмет его изучения с декабря 1893 г. по июль 1894 года. После того он вновь отправился на Кавказ на средства, предоставленные группой ботаников, и посетил некоторые местности Западного Закавказья, остававшиеся еще не исследованными в ботаническом отношении.

В это время он планировал присоединиться к французской экспедиции Шафанжона, Манжини и Гэя в Центральную Азию, но желанию его не суждено было реализоваться, и он вернулся в Шамбези, где и продолжал заниматься до августа 1895 года обработкою своих коллекций...

Новые виды, найденные Альбовым, были описаны в Bulletin de l'Herbier Boissier 1893–95 гг., но главным его трудом (специалисты признают его «самым выдающимся по флоре Кавказа») был Prodromus Florae Colchicae, где под Колхидой разумеется обширная страна в Черноморской губернии — от Туапсе и включая Абхазию, Самурзакан, Мингрелию, Имеретию, Гурию и Аджарию. В работе указаны 1 515 видов растений, в том числе многие десятки новых, им найденных. В то же время по моей просьбе Н. М. предоставил для напечатания в Землеведении (1896, кн. I) прекрасную статью «Очерк растительности Колхиды».¹ В статье представлена яркая картина колхидской флоры, рассмотрены ее отдельные элементы и указано ее родство и связь с флорой Западной Европы, Средиземноморской области и прилегающих стран Малой Азии. Закончив эту статью, Альбов решил отправиться в Южную Америку, именно в Аргентину. Так как средства, которыми он располагал, были крайне ограничены, то он обратился ко мне с просьбою, не могу ли я

¹ Читатели научно-популярного журнала «Естествознание и география» знакомы с этой прекрасной статьей по рецензии, помещенной в № 5 за 1896 г.

выхлопотать ему какую-нибудь субсидию от Императорского Ботанического сада или какого-либо другого учреждения, обещая за это доставить все дублеты собранных им в Южной Америке растений.

Я исполнил желание Альбова и пытался выхлопотать ему какую-нибудь субсидию от ученых учреждений, но безуспешно, и Альбов отправился на свои грошевые средства. В Ла-Плате, однако, его встретили новые условия. Вот что писал он мне 22-го декабря 1895 г.: «Мои планы по приезде в Америку совершенно изменились. Вместо того чтобы ездить на грошевые средства европейских ученых обществ и музеев, я предпочел принять предложение аргентинского правительства собирать и зарабатывать на его средства местную флору и поступил на службу в качестве ботаника в музей города Ла-Платы (столица штата Буэнос-Айрес). Место хорошо оплачиваемое, и служба весьма интересная: летом разъезжать по разным провинциям республики, а зимой изучать собранный материал. Не так давно я уже сделал довольно большую экскурсию в горы Сьерра-де-ла-Вентана, а на днях отправляюсь в большую экспедицию на Огненную Землю, где пробуду месяцев пять-шесть». Результатом этой последней поездки были его «Contributions a la flore de la Terre de Feu», которых вышло в 1896 г. два выпуска с 12 таблицами. До декабря 1896 г. Альбов находился в переписке с Herbarier Boissier, но затем известия о нем прекратились. Как и где он провел 1897 год, мне не известно. Гербарий Буассье узнал о смерти ученого от доктора Э. Гасслера, который сообщил, что он нашел в получаемой им аргентинской газете известие о смерти ботаника музея Ла-Платы г-на Альбова в больнице этого города.

Судьба Н. М. Альбова в некотором отношении поучительна. Неутомимый исследователь и, вероятно, лучший знаток кавказской флоры, страстно преданный изучению природы, он имел все основания ожидать, что его научные стремления встретят полную поддержку в русском ученом мире, а его способностями и знаниями воспользуются для исследования с его же помощью обширных азиатских альпийских окраин России. Но в действительности ему пришлось почти всю жизнь перебиваться скудными средствами и даже изучать Кавказ при материальном содействии иностранцев, а затем искать приют в американской Аргентине, где его познания впервые нашли себе более достойную оценку. Мир праху неутомимого и преданного исследователя кавказской природы, брошенного на далекую чужбину!

Дмитрий Анучин¹

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ

Н. М. АЛЬБОВА

24 ноября (5 декабря) 1897 г. в цвете лет скончался в Ла-Плате (Аргентина), (русский ботаник и путешественник Н. М. Альбов, составивший себе значительную известность своими исследованиями Закавказской (колхидской) флоры, а впоследствии флоры Огненной Земли. От его сестры А. М. Альбовой мы получили многие данные о Н. М.: выписки из его писем, перевод его испанской статьи об Огненной Земле и др. Кроме того, в нашем распоряжении находится перевод его публичной лекции: «В заброшенных уголках Кавказа» (воспоминания о путешествии по Кавказу в 1894 г.), прочитанной им в Женеве и напечатанной в «Землеведении» в 1899 г., кн. 1–2, стр. 17–38, перев. Ф. К. Гинкулова, с двумя портретами Н. М. Альбова. Все эти материалы будут нами помещены в следующих книжках вместе с портретом покойного, в нынешней же книжке мы помещаем только биографические о нем данные. (Примеч. ред. «Землеведения»).

Чрезвычайно любопытные, увлекательно написанные письма Н. М. Альбова к его родным: «Из заграничных писем Н. М. Альбова» (из Западной Европы и Южной Америки) напечатаны в «Землеведении» в 1899. кн. 1–2, стр. 39–169; там же (стр. 170–183) напечатаны его публичная лекция, читанная в сентябре 1896 г. в г. Ла-Плате, — «Природа Огненной Земли» в переводе с испанского А. М. Альбовой и «Заметки о флоре Огненной Земли» в переводе с французского А. М. Альбовой (стр. 184–212). — **Ред.**

В апреле 1889 г. Н. М. ездил недели на три на Кавказ (по своему собственному желанию и отчасти по поручению проф. Ришави).

¹ Анучин Д. Н. «Землеведение». 1898 г., кн. 3–4, стр. 170–174. Этот же некролог был опубликован в сборнике Д. Н. Анучина «О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки) // Гос. изд-во географической литературы. М. 1952, стр. 132–137

Этой поездкой начинаются его экскурсии по Кавказу, продолжавшиеся более семи лет. В мае он опять поехал на Кавказ на средства Новороссийского университета. В декабре того же года он был командирован Новороссийским университетом в Петербург, на съезд естествоиспытателей и врачей. Весной 1890 г., по окончании курса в университете, он получил от Одесского общества естествоиспытателей небольшую сумму для поездки на Кавказ; по возвращении оттуда был оставлен при Новороссийском университете в должности сверхштатного лаборанта на кафедре ботаники, а зимой ездил в Киев разбирать свой гербарий под руководством И. Ф. Шмальгаузена. Тогда же он стал готовить к печати свои работы. Никакой стипендии от университета он не получал и вынужден был жить, перебиваясь уроками. Следующим летом он опять ездил на Кавказ — на полученное от университета небольшое пособие. В этот раз, прежде чем ехать в Сухум, он сделал небольшую экскурсию в Азиатскую Турцию — в Лазистан.

По возвращении в Одессу в сентябре-октябре 1891 г. перенес брюшной тиф. Зимой 1891–92 гг. перебивался кое-как, с помощью родителей, как ни тяжело ему было обременять издержками отца — ветерана-севастопольца. От университета он не получал ни пособия, ни квартиры; только содержание его в больнице принято было на университетский счет. Неоднократно читал он лекции о результатах своих поездок по Кавказу в Одесском обществе естествоиспытателей и в местном Обществе садоводства.

В мае 1892 г. он снова отправился на Кавказ для изучения весенней флоры (на средства Новороссийского общества естествоиспытателей). В сентябре по завершении этой поездки он получил от уполномоченного министра государственных имуществ на Кавказе Я. С. Медведева предложение сделать еще одно путешествие в горы для сбора семян и живых альпийских растений.

В ноябре Н. М. для обработки своей коллекции кавказских растений уехал в Петербург. Там в конце декабря в заседании этнографического отделения Русского географического общества он выступил с докладом «Этнографические наблюдения в Абхазии» (доклад напечатан в журнале «Живая старина», вып. 3; 1893.), а 20 января 1893 г. прочитал доклад «Результаты ботанических исследований в Абхазии» в ботаническом отделении Петербургского общества естествоиспытателей

(напечатано в Трудах Петербургского общества естествоиспытателей. 1893. Т. 23. С. 65—99.)

В феврале 1893 г. Н. М. был командирован Новороссийским университетом в Женеву, в Гербарий Буассье, для занятий по флоре Востока. На эту поездку ему было выделено небольшое пособие. В апреле на средства Гербария Буассье он отправился из Женевы на Кавказ — для сбора ботанических коллекций.

В октябре по итогам поездки он прочел реферат в Тифлисе, в заседании кавказского отдела Географического общества, а затем снова поехал в Женеву — заниматься разборкой собранных им коллекций. Результаты его работы печатались в изданиях Гербария.

В Женеве он прочитал несколько публичных лекций в Ботаническом обществе, в Обществе покровительства растений и Альпийском клубе.

В мае он получил командировку на Кавказ от Кавказского географического общества, но работа в Гербарии Буассье еще не была окончена, так что после поездки на Кавказ он снова возвращается в Женеву. Никаких шансов получить в Одессе лучшее место при университете в ближайшем будущем не предвиделось, а между тем зависимость от университета мешала ему принимать участие в командировках от различных обществ. Поэтому в октябре 1894 г. Н. М. подал в отставку. Ему предлагали место в Петербурге, при Ботаническом саде, и в Сочи, но с петербургским климатом он никак не мог освоиться, а болотистого климата Сочи опасался.

Он ждал подходящего места на Кавказе. В связи с этим даже отказался от предложения участвовать в научной французской миссии в Центральную Азию.

В декабре 1894 г. он снова возвращается в Женеву, чтобы завершить работу. К июлю она была закончена, и в ожидании, пока она выйдет из печати, он съездил в Париж и Лондон поработать в местных гербариях.

«Во время его пребывания в Шамбези, — пишет хранитель Гербария Буассье г-н Отран, — мы были поражены выдающимися способностями Альбова как путешественника-ботаника. Скоро был выработан проект экспедиции на Кавказ, и в мае 1893 г. состоялась поездка Альбова на средства Гербария Буассье, продолжавшаяся до конца октября, в течение которой неутомимый исследователь посетил многие местности Гурии, Абхазии, Мингрелии, Черноморской губернии, Сванетии, Ла-

зистана и Абхазии. Он вывез из этой поездки громадный материал, который и составил предмет его изучения с декабря 1893 г. по июль 1894 года. После того он вновь отправился на Кавказ на средства, предоставленные группой ботаников, и посетил некоторые местности Западного Закавказья, остававшиеся еще неисследованными в ботаническом отношении».

Новые виды, найденные Альбовым, были описаны в *Bulletin de l'Herbier Boissier*, 1893, № 1, но главным его трудом (специалисты признают его «самым выдающимся по флоре Кавказа») был «*Prodromus florae Colchicae*» [«Материалы для флоры Колхиды» — Труды Тифлисского ботанического сада. 1-е приложение к вып. 1 (Тифлис — Женева); 1895. XXVI. С. 287.; 4 л. иллюстраций (текст напечатан частью на русском, частью — на французском и латинском языках). Под Колхидой разумеется обширная страна, которая начинается в Черноморской губернии от Туапсе и включает Абхазию, Самурзакан, Мингрелию, Имеретию, Гурию и Аджарию. В этой работе указано 1515 видов растений, в том числе многие десятки новых, найденных самим Альбовым.

В то же время по моей просьбе Н. М. доставил для напечатания в «Земледелии» (1896. кн. 1. С. 1–78) прекрасную статью «Очерк растительности Колхиды». В ней представлена яркая картина колхидской флоры, рассмотрены ее отдельные элементы и указаны ее родство и связь с флорой Западной Европы, Средиземноморской области и прилегающих стран Малой Азии.

Между тем надежды на место на Кавказе не осуществились, а в Женеве новой работы не было; поэтому он решился попробовать счастья в Новом Свете, в Аргентине, и принял предложения от Парижского музея, от Гербария Буассье и одного частного французского гербария — собирать в Южной Америке ботанические коллекции.

18 сентября 1895 г. он выехал через Ла-Рошель в Буэнос-Айрес, куда и прибыл 10 октября. По приезде в Аргентину он нашел, что лучше занять какое-нибудь место в стране, быть на службе и заниматься своим любимым делом, чем скитаться по ней в качестве приезжего путешественного ботаника. Поэтому он принял предложенное ему место шефа ботанического отдела музея Ла-Платы, главного города провинции Буэнос-Айрес. Там еще не было ботанических коллекций, и именно ему довелось положить им начало. Весной и летом он должен был на средства

музея экскурсировать по стране и собирать коллекции, а осенью и зимой — разбирать их и описывать.

Первым его путешествием стала небольшая экскурсия в горы Сьерра-де-ла-Вентана. В январе 1896 г. он отправился с экспедицией на Огненную Землю, откуда воротился к апрелю. Поработав над собранными коллекциями, в сентябре того же года он сделал экскурсию в Коррьентес и Мисьонес, северные провинции Аргентины и Парагвай. В январе 1897 г. он отправился с экспедицией из Комиссии по разграничению с Чили в Южные Кордильеры и Патагонию. Однако ему пришлось прервать это путешествие и вернуться в Ла-Плату, где он с жаром принялся за капитальный труд о флоре Огненной Земли, который, по словам специалистов, должен составить ему имя в ученом мире.

Работая день и ночь над русским текстом и французским переводом, он сильно переутомился и предпринял для отдыха поездку в Монтевидео, во время которой заболел и был помещен в больницу Мельчор-Ромеро. Н. М. уже стал поправляться, готовился к выписке, чувствовал себя отлично, как вдруг 24 ноября 1897 г. скоропостижно скончался от нервного удара. Похоронили его на кладбище г. Ла-Платы.

В Аргентине он успел выпустить в свет свои труды: *Contributions á la Flore de la Terre de Feu. Observations sur la végétation du canal de Beagle* (в *Revista del Museo de La-Plata*, 1896, т. 7, С. 277–308 и 355–392); *Enumération des plantes du canal de Beagle* (там же, 1896.) и *La naturaleza en la Tierra del Fuego. Lectura publica. Setiembre 6 de 1896. La-Plata.*

Последнее большое сочинение его об Огненной Земле — *Essai de Flore raisonnée de la Terre de Feu*, так и оставшееся не полностью переведенным на французский язык, напечатано после его смерти в *Annales del Museo de La-Plata, seccion botánica 1, avec portrait et notice biographique. Ouvrage posthume. 1902.*¹

¹ Этот труд в переводе на русский язык А. М. Альбовой под названием «Опыт сравнительного изучения флоры Огненной Земли. Фитогеографический этюд» напечатан в приложении к «Землеведению», 1903, т. X, стр. 1–126. Там же помещен список сочинений Н. М. Альбова.

Н. Зеленецкий

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛЬБОВ¹
(Nicolas Alboff)

24 ноября (5 декабря) 1897 года в городе La Plata скончался действительный член Новороссийского Общества Естествоиспытателей, воспитанник и бывший лаборант Новороссийского университета Николай Михайлович Альбов.

Николай родился 15 декабря 1866 года. Первоначальное воспитание и образование получил в семье своего отца — полкового священника, а последующее — во Владимирской классической гимназии, блестяще окончив которую в 1884 году, поступил на естественное отделение физико-математического факультета в Императорский Московский университет, в котором и пробыл три года, много и усердно работая по морфологии и систематике растений под руководством профессора И. Н. Горожанкина.

Тяжелые материальные условия студенческой жизни в России подорвали слабое здоровье Н. М., и он заболел так сильно, что врачи признали для него безусловно невозможным оставаться в Москве и для восстановления здоровья рекомендовали отправиться в г. Сухум.

Эта болезнь и связанное с нею годичное пребывание в г. Сухуме имели решающее значение для всей последующей жизни и деятельности Н. М.

¹ Зеленецкий Н. М. *Отчеты и труды Одесского отдела Императорского Российского Общества садоводства за 1898–1900 гг. Одесса, 1891 г.*

Оправившись и окрепнув, Н. М., очарованный солнцем, небом и природою Кавказа, уже не мог и не захотел возвратиться на неприветливый север, а желая быть ближе к Кавказу, который его очаровал и поразили, охваченный жаждой исследовать и изучать этот новый и неведомый для него мир, Н. М. в 1888 году оставил Московский и перешел в Новороссийский университет, в котором в 1890 году и окончил курс со степенью кандидата естественных наук.

Еще будучи студентом университета, Н. М. осуществил свою заветную мечту — заняться изучением природы Кавказа и благодаря содействию профессора Л. А. Ришави, на средства Новороссийского Общества Естествоиспытателей совершил в 1889 и 1890 гг. свои первые ботанические экскурсии в Абхазию, во время которых им были собраны и привезены в Одессу богатые ботанические коллекции.

Эти коллекции были разработаны Н. М. в 1889 году в гербарии Новороссийского и в 1890 году в гербарии Киевского университетов (в последнем Н. М. работал под руководством ныне покойного профессора И. Ф. Шмальгаузена). Они послужили материалом для ряда сообщений в ученых обществах Одессы и Киева, а также для создания следующих научных работ: «Описание новых видов растений, найденных в Абхазии в 1889 и 1890 гг.» и «Абхазские папоротники».

В 1891 и 1892 году Н. М., экскурсируя в пределах Абхазии и соседней с нею провинции Лазистане, продолжал ботанические исследования Западного Закавказья с тою же неутомимостью и энергией и собрал новые и еще более богатые ботанические коллекции.

Но так как гербарии Одессы и Киева не были богаты восточными — кавказскими, малоазийскими, армянскими и персидскими формами (пользование таковыми было необходимо Н. М. для разработки собранных им коллекций) и уже не удовлетворяли научным потребностям Н. М., то он перенес разработку собранных им коллекций в С.-Петербург, в гербарий Императорского Ботанического сада, где и работал в 1891–92 и в 1892–93 годах.

Результатом этих занятий явились десять следующих работ:

«Леса Абхазии»;

«Состояние садоводства в Абхазии»;

«Об апельсиновых и лимонных плантациях Лазистана»;

- «The Western Caucasus and its Flora»;
- «Два новых рода для флоры Кавказа (*Rhamphicarpa* и *Dioscorea*);
- «Список растений, собранных в Трапезундском вилайете в 1891 году»;
- «Из Абхазии (состояние лесов)»;
- «Результаты ботанических исследований в Абхазии»;
- «Ботаническая экскурсия в Лазистан»;
- «Отчет о ботанических исследованиях Абхазии за 1890 год».

Однако даже весьма богатый гербарий Императорского С.-Петербургского Ботанического сада не удовлетворяет научным требованиям Н. М. Найдеными им на Кавказе новые формы тропических родов *Rhamphicarpa* и *Dioscorea*, желание при обработке собранного материала видеть идентичные растения, пользоваться всеми имеющимися литературными данными, а также необходимость личного общения с выдающимися европейскими ботаниками, побудили его оставить С.-Петербург. По совету известного знатока кавказской флоры Я. С. Медведева он отправляется работать в один из выдающихся европейских гербариев — *Herbier Boissier*, созданный многолетними трудами автора *Flora orientalis* Р. Е. Boissier и принадлежащий теперь зятю Boissier, известному ботанику W. Barbey.

Это образцовое ботаническое учреждение расположено на берегу Женевского озера, близ Женевы, в местечке Chambesy. Его богатые ботанические коллекции постоянно пополняются, имеется прекрасно подобранная библиотека и выходит собственное печатное издание — *Bulletin de l'Herbier Boissier*.

В залах этого Гербария, обращенных на лазурное Женевское озеро, на изумрудный берег Савойи, на Saleve, Voirons, пирамидальную Mole и Mont Blanc, Н. М. были окончательно разработаны коллекции, собранные им в 1889–92 годах, а также громадные коллекции, собранные на Кавказе в 1893 году (во время экскурсий на средства *Herbier Boissier*) и в 1894 году во время экскурсий на средства группы французских ботаников.

Ученым был описан целый ряд новых растительных форм в серии работ под общим заглавием «*Contributions á la flore de la Transcaucasie*», а также напечатаны следующие работы: «Ботанико-географические

исследования в Западном Закавказье в 1893 году: наблюдения над флорой известняков», «Путешествие в Черноморских горах в 1894 году», «Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1894 году», «La nature de la Transcaucasie Occidentale», «Dans les coins perdus du Caucase», «Les forets de la Transcaucasie Occidentale» и «La flore alpine des calcaires de la Transcaucasie Occidentale».

Разрабатывая свои ботанические коллекции, Н. М. буквально жил ими, постоянно делая в различных ученых обществах г. Женевы многочисленные конференции. Он находился в оживленной переписке с выдающимися ботаниками-систематиками, в том числе с западноевропейскими учеными, изучающими растительность Кавказа.

К марту 1894 года все собранные Н. М. коллекции и вообще все коллекции, находившиеся в его распоряжении, уже были разработаны, и его восьмилетний непрерывный и неустанный труд был завершен его «*Prodromus florae Colchicae*» — работой, представляющей собою полный свод систематических данных по флоре Колхиды и «Очерком растительности Колхиды (свод ботанико-географических данных)».

«*Prodromus florae Colchicae*» и «Очерк растительности Колхиды» были, к сожалению, последними трудами Н. М. по флоре Кавказа и стран области Средиземного моря.

Смерть известного французского ботаника de Saporta, с которым Н. М. находился в оживленной переписке (именно он предлагал Н. М. стать во главе экспедиции для исследования Кавказа), слишком поспешная организация французской экспедиции господ Chaffanjon'a, Mangini и Gau в Центральную Азию (в этой экспедиции Н. М. было предложено стать шефом ботанического направления) расстроили планы Альбова заняться изучением флоры сопредельных с Кавказом и совершенно еще не исследованных в ботаническом отношении стран, таких как Курдистан и Кафиристан. Все это весьма болезненно отозвалось на здоровье Н. М., и без того надорванном трудными путешествиями.

Однако именно путешествия закаляли характер Н. М., развили в нем неустранимость, энергию, замечательную и необыкновенную жажду работы, страсть к неизвестному и трудно достижимому. Эти качества и побуждали Н. М. в 1895 году оставить Европу и отправиться в Южную Америку, в Аргентину, где ему тотчас же по прибытии, благодаря его личным

трудам и блестящим отзывам профессора Chodat, chef a Herbar Boissier Autran'a и chef a Herbar Delessier'a профессора Briquet, было предложено место директора ботанического отделения в музее города Ла-Платы.

С 1895 по 1897 год научная деятельность Н. М. была направлена на изучение растительности еще почти совершенно неисследованных в ботаническом отношении провинций и областей Южной Америки. В 1895 году он исследовал Sierra de la Ventana, в 1896 году — Мисьонес и острова Огненной Земли, в 1897 году — Punta Arenas. В Revista del Museo de La Plata на французском и испанском языке были напечатаны следующие работы по флоре Южной Америки: «Rapport preliminaire sur une excursion botanique dans la Sierra Ventana», «La naturaleza en la Tierra del Fuego» и «Contributions de la flore de la Terre de Feu. 1. Observations sur la vegetation du Canale de Beagle и Enumeration des plantes du canale de Beago et de quelques autres endroits de la Terre de Feu»).

Результаты последней поездки Н. М. в Punta Arenas и собранные в этот период растения не были и не могли быть разработаны самим ученым, так как по возвращении из этой поездки Н. М. тотчас же заболел и вскоре умер.

Однако в бумагах Н. М., как мне пишет его товарищ по службе в Museo de La Plata, библиотекарь этого музея Н. В. Ильин, остался совершенно законченный труд, который Н. М. написал на русском языке и наполовину, предполагая печатать его в Revista del Museo de La Plata, уже перевел на французский. Поскольку перевод не был закончен, то последний труд Н. М. не может быть напечатан в Revista del Museo de La Plata, а потому было бы желательно, если бы наш университет либо одно из Обществ естествоиспытателей обратились к г-ну директору Museo de La Plata Dr. Mereno с просьбой передать им последний труд Н. М. для публикации в одном из русских научных изданий.

* * *

Такова была жизнь и десятилетняя кипучая научная деятельность Н. М. Упорный труд, постоянные путешествия и неизбежно связанные с ними лишения не могли не сказаться на здоровье Н. М.

Я хорошо помню его, больного и изнуренного лихорадками, спешащего в ноябре с Кавказа в Киев, Санкт-Петербург или Женеву, в Herbar

Boissier. Я помню Н. М. и в 1895 году перед самым его отъездом из Европы в Южную Америку. Я встретился с ним в Париже, где он лихорадочно заканчивал «*Prodromus florae Colchicae*» и «Очерк растительности Колхиды». Уже тогда нужно было бояться за его жизнь, а в Америке он еще менее щадил себя и работал без отдыха.

И вот, в январе 1898 года была получена скорбная весть о преждевременной смерти Н. М. Он умер вдали от родины и так горячо, искренно и страстно любимого им Кавказа, о котором он думал всегда, даже в минуты расставания с Европой.

Ему не суждено было вернуться.

Жизнь и научная деятельность Н. М. не продолжительны по времени. Однако его многочисленные систематические работы по флоре Кавказа — это крупный вклад в дело изучения флоры этой страны, а его «*Prodromus florae Colchicae*» и «Очерк растительности Колхиды» — и во всю русскую ботаническую науку.

СПИСОК РАБОТ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА АЛЬБОВА:

1. Описание новых видов растений, найденных в Абхазии в 1889–90 гг. Отчет и Труды Одесского Отдела Императорского Российского Общества Садоводства за 1890 год. С. 94–112.

2. Абхазские папоротники // Записки Новороссийского Общества Естествоиспытателей, 1891 г. т. XVI, в. I, стр. 97–106).

3. Состояние садоводства в Абхазии // Записки Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России за 1892 год, № 3. С. 67–85.

4. Об апельсиновых и лимонных плантациях Лазистана // Записки Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России за 1892 год. № 3. С. 86–88.

5. Леса Абхазии // Записки Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России за 1892. № 4. С. 37–53.

6. The Western Caucasus and its Flora. The Gardener's Chronicle за 1892 год. May. p. 7–28.

7. Два новых рода для флоры Кавказа: *Rhamphicarpa* и *Dioscorea*. Труды Императорского С.-Петербургского Ботанического сада. 1893. Т. XII. № 9. С. 435–443).

8. Список растений, собранных в Трапезондском вилайете в 1891 году. Труды Императорского Ботанического сада, 1893 год, т. XIII, № 8, стр. 109–120).

9. Из Абхазии: состояние лесов. (Русское Лесное Дело за 1893 год, № 11).

10. Результаты ботанических исследований Абхазии. (Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей за 1893 г., т. XIII, отделение ботаники. С. 65–99).

11. Ботаническая экскурсия в Лазистан. (Записки Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества, 1893 г., книга XV. С. 158–168).

12. Отчет о ботанических исследованиях Абхазии за 1890 год. Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1893. Кн. XV. С. 166–187.

13. Contributions à la flore de la Transcaucasie: Plantes nouvelles, rares ou peu connues, trouvees Abchasié de 1889 a 1892. Bulletin de la Herbier Boissier. T. I. 1893. P. 238–268.

14. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году. Наблюдения над флорой известняков. Труды Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1893. Кн. XVI. С. 115–158.

15. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Campanulae novae Caucasicae. // Bulletin de la Herbier Boissier. T. II. 1894. P. 114–118).

16. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Quelques plantes nouvelles du Caucase. Bulletin de la Herbier Boissier. T. II. 1894. P. 247–258.

17. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Quelques plantes nouvelles du Caucase. Bulletin de la Herbier Boissier. T. II. 1894. P. 448–455.

18. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Quelques plantes nouvelles du Caucase. Bulletin de la Herbier Boissier. T. II. 1894. P. 639–641.

19. Путешествие в Черноморских горах в 1894 году. Труды Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Кн. XVIII. С. 17–49.

20. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1894 году. Труды Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Кн. XVIII. С. 50–80.

21. Nouvelles contributions a la flore de la Transcaucasie: Quelques plantes nouvelles du Caucase // Bulletin de la Herbarier Boissier. T. III. 1895. P. 89–96.

22. Nouvelles contributions a la flore de la Transcaucasie: Une nouvelle Campanule nouvelle espece de Trapa. Bulletin de la Herbarier Boissier, T. III. 1895. P. 228–239.

23. La nature de la Transcaucasie occidentale // Bulletin de la Association pour la protection des plantes. 1895. № 13. P. 64–70.

24. Dans les coins perdus du Caucase. Souvenirs d'un voyage au Caucase fait en 1894 // Supplement a l'Echo des Alpes. Decembre 1895. P. 1–34.

25. La flore alpine des calcaires de la Transcaucasie Occidentale. Bulletin de la Herbarier Boissier. T. III. 1895. P. 512–538.

26. Les forêts de la Transcaucasie Occidentale // Bulletin de la Herbarier Boissier. T. IV. 1896. P. 61–77).

27. Prodrum florae Colchicae. Первое Приложение к трудам Тифлисского Ботанического сада. 1895. Вып. I – XXVI. С. 1–287.

28. Очерк растительности Колхиды // Землеведение. 1896. Книжка I. С. 1–78.

29. Rapport preliminaire sur une excursion botanique dans la Sierra Ventana (Revista del Museo de La Plata. 1895. T.VII. P. 181–187).

30. La naturaleza en la Tierra del Fuego. Museo de La Plata. Lecturas publicas. I. Setiembre 6 de 1896. La Plata.

31. Contributions à la flore de la Terre de Fue. I. Observations sur la vegetation du Canal de Beagle. (Revista del Museo de La Plata. 1896. T. VII. Pag. 277–309).

32. Contributions à la flore de la Terre de Fue. II. Enumeration des plantes du canal de Beagle et de quelques autres endroits de la Terre de Feu. (Revista del Museo de La Plata, 1896. T. VII. Pag. 353–301).

Д. Д. Пагирев¹

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛЬБОВ²

24 ноября (5 декабря) 1897 года скончался известный ботаник Николай Михайлович Альбов, бывший в 1893–1895 гг. действительным членом Отдела. Отдел по не зависящим от него причинам не имел возможности своевременно отметить смерть этого выдающегося человека и делает это теперь, три года спустя: лучше поздно, чем никогда.

Родился покойный, сын полкового священника, в с. Павлове Горбатовского уезда Нижегородской губернии 15-го декабря 1866 года. Учился он в Шуйской прогимназии, Владимирской гимназии и в университетах — Московском и Новороссийском. Окончил курс в последнем в 1890 г. со степенью кандидата естественных наук. В том же году он был оставлен в Новороссийском университете сверхштатным лаборантом при кафедре ботаники. В октябре 1894 года вышел в отставку.

Поработав в гербариях Женевы, Парижа и Лондона, в сентябре 1895 г. уехал в Аргентину, где занял должность шефа ботанического отде-

¹ Пагирев Д. Д. *Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества*, т. XIV, № 1, 1901, стр. 246–251

² Прочитано в общем собрании членов Отдела 15-го февраля 1901 года. Опубликовано в *Известиях Кавказского отдела Императорского Русского географического общества* 1901 г. Т. XIV. № 1, с. 246–250. К некрологу прилагается список публикаций Н. М. Альбова, составленный Н. Зеленецким. См. «*Записки Новороссийского общества естествоиспытателей*», т. 1. 1899, с. XII–XV.

ла музея Ла-Платы, главного города провинции Буэнос-Айрес. Ботанический отдел в этом музее устроен еще не был, и Альбов положил начало его коллекциям, совершив экскурсию в горы Сьерра-де-ла-Вентана. В 1896 г. он ездил на Огненную Землю, в северные провинции Аргентины и Парагвай, а в 1897 г. — в Патагонию.

Впервые покойный посетил Закавказье в 1888 г., когда, выйдя по болезни из Московского университета, провел по совету врачей все лето в Сухуме. С этих пор он приезжал в Закавказье ежегодно по 1894-й год включительно по поручениям то Новороссийского университета, то Новороссийского общества естествоиспытателей, то гербария Boissier в Женеве, то, наконец, нашего отдела. Целью его исследований была колхидская флора. И она была изучена покойным весьма обстоятельно. Весной и летом он обыкновенно экскурсировал и собирал коллекции, а осенью и зимой занимался их обработкой и делал сообщения о результатах экскурсий в различных ученых обществах. Первые коллекции были им обработаны в Киеве под руководством проф. Шмальгаузена, автора «Флоры Средней и Южной России, Крыма и Северного Кавказа». Затем он продолжил работу в С.-Петербурге, в Ботаническом саду, и в Женеве, у Boissier. Некоторые свои исследования он поместил в изданиях отдела, от которого получал небольшие субсидии. В собрании членов отдела 30 октября 1893 г. прочитал сообщение о флоре известняков Кутаисской губернии и Черноморского округа.

Покойному предлагали место в С.-Петербурге при Императорском Ботаническом саде и в Сочи, но с петербургским климатом он никак не мог освоиться, а болотистой местности Сочи опасался, потому и отклонил оба предложения и уехал в Европу, а оттуда — в Аргентину.

Автор заметки «Данные к биографии Н. М. Альбова», помещенной в III–IV кн. «Землеведения» за 1898 г., отмечает, что в гимназии покойный «учился благодаря своим способностям и прилежанию отлично, демонстрируя наибольшие успехи в математике и языках. Впоследствии он еще более усовершенствовался во французском и немецком и научился языкам английскому, испанскому и отчасти итальянскому, мог также объясняться по-татарски и на различных наречиях кавказских горцев и

индейцев Южной Америки. Еще в детстве он составлял для себя маленькие словарики разных языков, древних и новых».

Любовь к собиранию растений и минералов также пробудилась в нем с раннего детства, а в школьном возрасте он страстно полюбил чтение (особенно описания путешествий) и одинокие прогулки в леса и поля за цветами, грибами и ягодами. Все свои впечатления и наблюдения он подробно записывал и долгие годы вел дневник. В обращении со своими вещами всегда отличался аккуратностью. Все эти навыки и привычка к порядку ему впоследствии очень пригодились.

Письма покойного к сестре, напечатанные в I–II книжке «Землеведения» за 1899 г., дают в достаточной степени ясное представление о духовной его личности. Мы позволим себе привести его письмо из Женевы от 12-го марта 1894 г., особенно ценное в этом отношении. «На ваши запросы», пишет он, «скажу, что жизнь моя уже с давнего времени сложилась так, что изменять ее течение по меньшей мере бесполезно. Пусть я цыган и бродяга, так что ж из этого? Я счастлив. Я чувствую себя по крайней мере счастливым. И потом, я не бездельничаю. Я скитаюсь, это правда, как настоящий цыган, но везде я оставляю за собой настоящий след «на песках времени» (*on the sands of time*), как выражается американский поэт Лонгфелло. Этот след не пропадет даром. Им воспользуются другие, пойдут по проторенной мною дороге, и результатом этого будет, полагаю, некоторая положительная польза для науки и общества. Может быть, я пропаду на этом пути — тем хуже; но зато другие будут иметь удачу. Вот что меня утешает, и вот почему я без чувства сожаления покорюсь всякому удару судьбы».

В письме от 24-го марта он говорит: «Только теперь понял я с поразительной ясностью, что такое значит труд по доброй воле, по призванию. Такой труд нисколько не тягостен. Напротив, он есть источник наслаждения».

Письма Николая Михайловича и описания его экскурсий пересыпаны множеством замечаний, которые свидетельствуют, что он не был сухим педантом-систематиком, не признающим и не замечающим ничего вне узкой области своих специальных занятий. Напротив, он интересовался всякими явлениями окружающей его жизни и во всех ее сферах был

таким же метким наблюдателем, как в сфере ботаники, способным установить свой собственный взгляд на вещи.

Особенно любопытно в его письмах сопоставление Парижа с Лондоном, говорящее не в пользу первого. Но над всеми его склонностями господствовала, несомненно, любовь его к природе. Как он умел понимать ее, видно из заключительной части его публичной лекции о природе Огненной Земли, прочитанной им 6 сентября 1896 г. в г. Ла-Плате: «Невозможно и сравнивать Огненную Землю с более близкими к тропикам странами, согреваемыми животворными лучами экваториального солнца. Огненная Земля не имеет ни богатства форм, ни великолепных красок тех стран. Поэт мог бы сравнить область тропиков с девушкой в полном цвете своей красоты, распутившейся под благословенным климатом севера, — с пышными формами, с горящими страстью глазами и устами.

Между тем природа Огненной Земли представляется мне в виде кроткого и прекрасного ребенка, в котором едва пробуждается девушка, с невинной улыбкой на губах, со спокойным светлым взглядом. Это дитя еще не знает страстей, потому что взлелеяно в снегах сурового климата далекого юга. Малютка дремлет сном глубоким, непоколебимым. Ни рев океана, бьющего о прибрежные скалы бурными зимними днями, ни звучный свист юго-восточных ветров, которые несутся с отдаленных морей и с ураганной силой бросаются на острова, — ничто не пробудит ее от вечного сна».

Кавказа, в западной части которого Николай Михайлович так много экскурсировал, он не забывал никогда. В день отъезда из Европы в Аргентину он писал: «Мне не жаль покинуть Европу. Я не оставил здесь ничего дорогого. Мое дорогое — там, в России. Прощай, прошлое, навсегда! С этого момента начинается для меня новая жизнь. Вернусь ли я когда-нибудь в горы счастливой Абхазии, где чистые и прозрачные, как хрусталь, горные потоки шумно катят в море свои воды по диким ущельям, где азалея и каприфоль так благоухают весной?.. Услышу ли я снова мелодический звон чонгури тихими и теплыми летними вечерами и веселое щебетанье чернооких дочерей Абхазии? А встречи в чаще первобытного леса с угрюмыми и важными фигурами в черкесках, с широкими

кинжалами за поясом, в папах, надвинутых на самые брови? Можно ли забыть прошлое? Нет».

Он и в Аргентине путешествовал так же, как на Кавказе, — со своей буркой, с той же самой провизией. Только сыр, которого достать было нельзя, заменял сушеной говядиной, а кавказские кожаные чувяки — альпархатами — полотняными туфлями с плетеной из веревки подошвой. «По-прежнему, — писал он, — на моих ночлегах кипятится дорожный чайник, старый приятель, который путешествует со мной вот уже пять лет, и варится в котелке кавказская абыста (кукурузная каша), в которую я допустил легкое прибавление — немного масла, так как проводники мои отказываются есть ее, сваренную просто на воде. На ночь, в то время как мои индейцы устраивали себе шалаш из древесной коры, я завертывался в широкую бурку и спал, ей-богу, не хуже, чем они, вспоминая о своем далеком славном Кавказе. Придется ли мне когда в жизни увидеть его?..»

... Ему больше не пришлось увидеть Кавказ. Имеющий с рождения слабое здоровье, он постоянно болел, а приближению рокового конца, несомненно, содействовала и та страстность, с какой он отдавался работе. Он работал с раннего утра до поздней ночи почти без перерывов, пока не достигал намеченной цели. Из-за этого он часто переутомлялся и, в конце концов, 24 ноября 1897 г. скоропостижно скончался от нервного удара.

Похоронен он на кладбище Ла-Платы.

СТАТЬИ О Н. М. АЛЬБОВЕ

С. Липшиц¹

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛЬБОВ

Альбов Николай Михайлович родился 15 октября 1866 г. в с. Павлове Нижегородской губернии.

Умер 24 ноября (6 декабря, а по другим данным 5 декабря 1897 г.) в г. Ла-Плате, в Аргентине.

Альбов — систематик и ботанико-географ, энергичный исследователь Кавказа, Аргентины и Огненной Земли. Учился в Московском университете, в который поступил в 1884 г. После перерыва, вызванного болезнью, перевелся в Новороссийский (Одесский) университет, окончил его в 1890 г. В 1895 переселился в Аргентину, где занял должность ботаника Национального музея Ла-Платы. С 1888 г. до отъезда в Аргентину изучал Кавказ, главным образом Абхазию, Колхиду.

Этот период жизни нашел воплощение в ряде работ А., из которых главнейшая — «*Prodromus florae Colchicae*» (1895), суммирующая его исследования в Западном Закавказье. В этой работе перечисляются около 1 500 видов, среди которых много новых. Исследование написано на основании обработки материалов, произведенной в Гербарии Буассье в 1893–1894 гг.

¹ Липшиц С. Ю. Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Из-во МОИП. М. 1947. С. 47–49.

В Бюллетенях Гербария Буассье в 1893–1895 гг. А. описал ряд новых видов и родов. Красочные описания природы и главным образом растительности Кавказа даны ученым в статьях на русском и французском языках. Особенно выделяется «Очерк растительности Колхиды» (1896), в которой А. впервые выявил эндемизм и своеобразие абхазской флоры и растительности (в частности, известнякового Бзыбского хребта).

Переселившись в Аргентину (так далеко от родины А. забросила невозможность обеспечить себя работой по специальности в царской России), он взялся за изучение новой для себя страны. Он посетил Огненную Землю и Анды Патагонии. Результатом работы явились прекрасные исследования: «Contributions á la flore de la Terre de Feu» (1896); «Природа Огненной Земли» (1899.); «Заметки о флоре Огненной Земли» (1899). Посмертно изданы: «Essai de Flore raisonnée de la Terre de Feu» (1902), а также на русском языке — «Опыт сравнительного изучения флоры Огненной Земли» (1904). Кроме того, большой интерес представляют письма А. (см. источники) к родным из-за границы. В письмах мастерски описаны заграничные впечатления и жизнь, Гербарий Буассье, поездка в Кью и др.

Безвременно сошел в могилу крупный русский ученый — ботаник и путешественник, избравший объектом своих ботанических исследований отдаленные уголки Земли.

Н. Гвоздецкий

Н. М. АЛЬБОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАВКАЗА
И ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ¹

Всего около двух месяцев пробыл русский ботаник Н. М. Альбов в конце прошлого века на Огненной Земле, а его исследования этого замечательного архипелага вскоре стали известны довольно широкому кругу ученых. Какие же обстоятельства забросили молодого русского ботаника так далеко от родины?

Окончив Новороссийский (Одесский) университет в 1890 г. и став на кафедре ботаники сверхштатным лаборантом, Н. М. Альбов увлекся Кавказом. Семь лет с перерывом изучал он флору и растительность известнякового плато Фишт—Оштен—Лагонаки на Западном Кавказе, в Абхазии, а также в Колхиде с ее горным обрамлением. Свои ботанические коллекции Н. М. Альбов обрабатывал в Киеве (под руководством И. Ф. Шмальгаузена, работавшего тогда профессором в Киевском университете) и в Петербурге, где молодой ученый выступал с научными докладами ботанического и этнографического содержания по материалам

¹ Напечатано в журнале «Природа», № 1 1967. стр. 96–97

поездок в Абхазию. Результаты исследований «известняковой растительности» Западного Кавказа и Западного Закавказья особенно ценны для ландшафтной характеристики карстовых районов Кавказа и вообще для изучения карстовых ландшафтов. Они не потеряли своего значения до сего времени.

В 1893 г. Новороссийский университет командировал Н. М. Альбова в Швейцарию. Там он работал в Гербарии Буассье (в Шамбези, около Женевы). Оттуда он снова выезжал на Кавказ для сбора ботанических коллекций. Во время этих экспедиций Н. М. Альбов проявил выдающиеся способности ботаника-путешественника. Это был не педант-систематик, а человек с чрезвычайно широкими интересами, меткий наблюдатель за явлениями окружающей его жизни.

Результаты кавказских исследований Н. М. Альбова печатались в изданиях Гербария Буассье, Кавказского отдела Русского географического общества и в «Землеведении». Главный же свой труд «*Prodromus floraе Colclucae*» («Материалы для флоры Колхиды») он опубликовал в издании Тбилисского Ботанического сада («Труды Тифлисского Ботанического сада», 1-е прилож. к вып. I; Тифлис—Женева. 1896). В этой работе указаны 1515 видов растений, в том числе многие десятки новых, найденных самим исследователем.

Горячий природолюб, он использовал любую возможность, чтобы больше увидеть и узнать. В ожидании опубликования большой сводной работы о результатах ботанических исследований на Кавказе Н. М. Альбов ездил из Женевы в Париж и Лондон для работы в гербариях этих городов. А в 1895 г., поскольку ему не удалось продолжить работу на Кавказе, ученый принял предложение собирать ботанические коллекции в Южной Америке. Осенью того же года он выехал в Буэнос-Айрес. Прибыв в Аргентину, Н. М. Альбов согласился стать руководителем ботанического отдела музея Ла-Платы. Музей предоставлял нужные средства для поездок по стране и сбора ботанических коллекций.

Уже в год приезда Н. М. Альбов совершил первое путешествие по Южной Америке — в горы Сьерра-де-ла-Вентана. В январе-марте 1896 г. он участвовал в экспедиции на Огненную Землю, в сентябре 1896 г. посетил Коррьентес, Мисьонес, северные провинции Аргентины, Парагвай,

а в январе 1897 г. отправился с экспедицией в Южные Кордильеры и Патагонию.

Вскоре он вернулся в Ла-Плату и стал интенсивно работать над капитальным трудом о флоре Огненной Земли. Сочинения Н. М. Альбова о природе Огненной Земли представляют как выдающийся ботанико-географический, так и общегеографический интерес. Последняя работа ученого об этом архипелаге, напечатанная посмертно в трудах музея Ла-Платы (1902), опубликована и в русском переводе, выполненном его сестрой, А. М. Альбовой, в приложении к «Землеведению».¹

Природа архипелага произвела на путешественника незабываемое впечатление. С большим мастерством рассказывал он о том, что видел, в письмах к родным. Отрывки же из его научных работ с описанием природы Огненной Земли настолько содержательны и выразительны, что до сих пор служат украшением географических хрестоматий.

Н. М. Альбов прожил всего 31 год. Но и за этот короткий срок талантливый ученый успел сделать многое.

Группа советских ботаников, совершивших в 1947 г. путешествие по Южной Америке, посетила музей в Ла-Плате, где в последние годы жизни работал наш соотечественник, выдающийся исследователь растительности Кавказа и Южной Америки. Сотрудники ботанической лаборатории музея Ла-Платы встретили советских ботаников с большой теплотой и сердечностью, подарили им на прощание последнюю фотографию Н. М. Альбова.

Имя русского ученого чтут и далеко за пределами его родины. Его портрет украшает стену кабинета, в котором он работал.

Столетие со дня рождения выдающегося путешественника и исследователя — ботаника Н. М. Альбова мы должны отметить изданием его обширных работ и писем, к которым не утрачен интерес наших современников.

¹ *Опыт сравнительного изучения флоры Огненной Земли. Фитогеографический этюд. Приложение к «Землеведению», т. X, 1903. С. 1–126.*

Е. Сохадзе
Т. Галицкая

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛЬБОВ¹

Прошло уже более ста лет со дня рождения Н. М. Альбова. Удивительной была жизнь этого замечательного ученого и человека, рано умершего далеко от родины, в Аргентине.

Николай Михайлович Альбов родился 15 октября 1866 г. в с. Павлове Горбатовского уезда Нижегородской губернии в семье полкового священника. С детства любил он книги о путешествиях, одинокие прогулки по лесам и полям, с увлечением собирал коллекции, записывал свои мысли, наблюдения, впечатления. Учился он вначале в Шуйской прогимназии, а затем во Владимирской гимназии, которую закончил в 1884 г.

Учился он легко, отличался способностями и прилежанием, демонстрировал наибольшие успехи в математике и языках; впоследствии он свободно владел французским, немецким, английским и испанским, отчасти итальянским, а также мог объясняться по-татарски, на различных языках кавказских горцев и индейцев Южной Америки.

В 1884 г. Николай Михайлович поступил на естественное отделение Московского университета. Однако тяжелая болезнь вынудила его прервать занятия и выехать на Кавказ для лечения. Впоследствии он закончил курс в Новороссийском (теперь Одесском) университете и получил степень кандидата естественных наук. Здесь же он был оставлен в

¹ *Институт географии АН ГССР Тбилиси и из-во «Мысль».* Редакция литературы по географии СССР, Москва.

Ботанический журнал № 9, 1968 г. С. 1327–1330.

должности сверхштатного лаборанта при кафедре ботаники. Нуждаясь, вынужден был давать частные уроки.

Еще студентом, с 1888 г. начал Альбов свои путешествия по Кавказу, продолжал их затем ежегодно в течение семи лет. Впоследствии он оставил замечательные труды, посвященные горячо любимшему ему краю.

Альбов был первым исследователем флоры и растительности известняков Западного Кавказа. Впервые пройдя там, где не ступала еще нога исследователя-натуралиста, он не только оценил оригинальность и древность растительного мира известняков, но и детально изучил его.

Прорубая топором и кинжалом тропинки в чащах неведомых колхидских лесов, делая переходы по безлюдным обрывистым горам, где питьевая вода — редкость, а дожди и туманы в избытке, он каждый раз совершал подвиг. Но о трудностях и невзгодах пути Альбов всегда говорит между прочим, ибо они вознаграждались сполна: «Зато какая богатая и разнообразная флора покрывала эти дикие и мрачные места, способные служить прекрасной иллюстрацией для Дантова «Ада»! Все что есть особенного, редкого, нового во флоре известняков Западного Закавказья, было сконцентрировано здесь как бы для того, чтобы богатейшей ботанической добычей вознаградить меня за все мои усилия и утомления в этом пути», — писал он в воспоминаниях о путешествиях по Кавказу.

Будучи, как пишет хранитель Гербария Буассье Е. Отран, «... энтузиастом, склонным к поэзии», Альбов образно и восторженно описывал найденные им новые растения, большей частью действительно очень красивые, особенно на фоне скал и вечных снегов. «Великолепное растение», «царица колхидской флоры», «в высшей степени изящное растение» — таковы награды исследователя.

Свыше 100 новых видов и разновидностей и несколько родов, сохранивших и поныне право на существование, описаны Альбовым на Западном Кавказе. 10 видов и 2 рода названы другими исследователями в его честь.

Но не только поиск и описание новых видов привлекали внимание ученого. Он задумывался над происхождением и географическими связями растений Колхиды, сравнивал флоры отдельных округов известняковых гор, интересовался высотными поясами растительности. В работах, дополняющих его капитальный флористический труд «Материалы

для флоры Колхиды», он дает блестящий ботанико-географический и историко-географический анализ не только интереснейшей флоры известняков, но и всей Колхиды, анализ, сохранивший свое значение и по сей день. Так, например, им оценивается роль мягкого, влажного и теплого климата Колхиды как основного фактора существования своеобразной современной растительности (с обилием вечнозеленых растений и лиан) — отголоска поздне третичной флоры, некогда господствовавшей в Европе. Он подмечает «космополитизм» в высотном распространении растений, связанный с теми же особенностями климата. Анализируя географические связи флоры Колхиды, Альбов приходит к выводу (ныне не раз подтвержденному!) о близости ее к флоре Средней и Южной Европы и отличии от флоры средиземноморской. Он подчеркивает флористическое своеобразие известняковых высокогорий, значительную роль эндемичного колхидского элемента, показывает реликтовый характер многих видов, отмечает ботанико-географические различия в пределах полосы известняковых гор и т. д.

Труды Николая Михайловича Альбова — до сих пор настольные книги всякого, кто интересуется природой Колхиды. Трудно поверить, что написаны они одиноко путешествовавшим молодым человеком, жизнь которого к тому же была трудна, не устроена; ведь экспедиции он совершал на мизерные средства, получаемые от различных организаций: то от Новороссийского университета или Новороссийского общества естествоиспытателей, то от Тифлисского ботанического сада, Кавказского отделения Русского географического общества, от Гербария Буассье.

Обработывая свои коллекции в Гербарии Буассье в Женеве, Альбов также жил на весьма скромные средства, постоянно ограничивая себя во всем, страдая от нездоровья и работая крайне напряженно. «Я сам даже удивляюсь, как я могу столько работать» или «Только теперь понял я с поразительной ясностью, что такое значит труд по доброй воле, по призванию. Такой труд нисколько не тягостен. Напротив, он есть источник наслаждения», — писал он родным из Женевы. Альбов был принят в Гербарии Буассье «...с распростертыми объятиями, ибо я первый русский, который явился сюда из своей далекой родины для занятий в Гербарии». Здесь он вскоре получил признание как ученый — по предложению Казимира де Кандолля его избирают членом-корреспондентом Ботанического общества Женевы. А это большая честь, в особенности для иностранца!

Не раз Альбов делал в Женеве блестящие доклады на французском языке; писал и издавал труды, ездил для определения растений во Францию, Англию. Он совершал также экскурсии, сравнивая природу посещаемых мест Европы с Кавказом, и всюду всегда горячо интересовался жизнью простых людей.

Все это зимой, а летом — вновь экспедиции по Западному Закавказью, откуда он привозит новый богатый материал для обработки.

Бесконечно любя природу и науку и служа им самоотверженно, Н. М. крайне добросовестен в своих научных выводах. Он всегда опирается в них на строго проверенные факты. Привлекает внимание широта его научных интересов — не только о флоре и растительности пишет Альбов, он наносит на карту новые озера и ледники, исправляет неточности на топографических картах, интересуется вопросами разведения культурных растений, этнографией, местными легендами и т. д. Его беспокоит судьба простых людей, будущее общества. Он горько сожалеет о черкесах, вынужденно оставивших «опустевшую и возвратившуюся к своей первобытной дикости долину Псоу, некогда цветущую и оживленную».

Все, знавшие Альбова лично, вспоминали о нем с уважением и восхищением: «...он не был сухим педантом-систематиком. Напротив, он интересовался всякими явлениями окружающей его жизни и во всех ее средах был таким же метким наблюдателем, как в среде ботаники, способным установить свой собственный взгляд на вещи...», — написал в некрологе о нем Д. Д. Пагирев.

Но несмотря на все эти качества ученого и человека, продолжить работу на Кавказе Альбову не удалось, хотя к этому он стремился всей душой. Не нашлось должности! Он был вынужден в 1895 г. принять предложения Парижского музея и Гербария Буассье и отправиться для сбора растений в Южную Америку. «Надежды мои на устройство на Кавказе не осуществились, — пишет он родным, — а ничего другого у меня в России не было, поэтому я обратил свою мысль на Новый Свет, а именно — на Южную Америку. Там ученых людей очень ценят».

Итак, изучив предварительно в совершенстве испанский язык, 24 октября 1895 г. после утомительного двадцатидвухдневного путешествия он прибывает в Буэнос-Айрес. Выезжая, он писал: «Мне не жаль покинуть Европу. Я не оставил здесь ничего дорогого. Мое дорогое — там, в России. Прощай, прошлое, навсегда!

Вернусь ли я когда-нибудь в горы счастливой Абхазии? ... Можно ли забыть прошлое? Нет».

Начинается новая, последняя полоса его короткой скитальческой жизни. Ученых людей в Южной Америке действительно не хватало, и Альбов решает принять предложение о постоянной работе, с тем, чтобы вернуться, когда «... положение мое упрочится».

«Спешу уведомить вас, — пишет он родным, — вот уже несколько дней, как я стал здесь, на американской почве, совершенно твердыми ногами. Я получил место ботаника при музее Ла-Платы. Музей — огромное учреждение, подобного которому я не видел даже в Европе. Коллекции — богатейшие (нет только ботанических) ... Так как ботанического отдела пока нет, то мне придется, так сказать, создать его. Работа, конечно, нелегкая, которая потребует многих лет».

Вскоре после приезда он отправляется в свою первую экспедицию в горы Сьерра-де-ла-Вентана, в 600 км к югу от Ла-Платы. Он впервые видит пампу и сравнивает ее с русскими степями, отмечая, что пампа резко отличается от них по своей растительности: «Она не имеет тех пестрых и ярких цветов, которые украшают степи. Это — однообразные пространства, поросшие сплошь то гигантскими злаками, то чертополохом, завезенным сюда из Европы».

В январе 1896 г. в составе экспедиции он получает возможность отправиться в большое путешествие на Огненную Землю. «По воле судьбы пришлось мне совершенно неожиданно побывать на тех волшебных островах, к которым так горячо стремилась моя детская фантазия... Они называются архипелагом Огненной Земли», — так говорил он в публичной лекции в Ла-Плате, с большим успехом прочитанной им на испанском языке 6 сентября 1896 г. «Брошенные далеко в океане, у самой оконечности американского материка, расположенные как бы на краю Света, острова Огненной Земли как по изобильной и роскошной растительности, так и по величественной природе кажутся почти фантастическими ...»

Контрасты этих «заколдованных» островов поражают Альбова: «Никто не ожидал встретить леса столь зеленые, растительность такую обильную, такие изящные цветы там, где царствует климат антарктических стран», где «столько снега ослепительной белизны» на вершинах

гор, где «гигантские ледники в форме ледопадов спускаются почти к самому морю». «Подобной картины не встретить нигде кроме Огненной Земли».

Но в лесах — «молчание и спокойствие могилы», «не слышно ни пения птиц, ни жужжания насекомых», а выше лесов — скудные альпийские торфяники вместо красочных пастбищ с миллионами цветов разных колеров, очаровывающих путника на горах Швейцарии или Кавказа.

Или вот еще: «Каким духом смерти веет над этим пейзажем! Какое гнетущее молчание, какое внушающее страх спокойствие! ... Тягостное и суровое могильное молчание царствует здесь вечно».

И здесь, бесконечно далеко от родины, Альбов вспоминает Кавказ: «Путешествовал я таким же способом, как бывало на Кавказе, т. е. со своею буркой, в папахе, с той же самою провизией... По-прежнему на моих ночлегах кипятился дорожный чайник, старый приятель, который путешествует со мною вот уже пять лет, и варилась в котелке кавказская абыста (кукурузная каша)... На ночь, когда мои индейцы устраивали себе шалаш из древесной коры, я завертывался в широкую бурку и спал, ей-богу, не хуже, чем они, вспоминая о своем далеком славном Кавказе. Придется ли мне когда в жизни увидеть его?».

Путешествие продолжалось более четырех месяцев. По возвращении в Ла-Плату Альбов с увлечением принимается за обработку собранных им огромных коллекций. Не ограничиваясь этим, он анализирует также причины своеобразия природы Огненной Земли и приходит к выводу, что они связаны с климатом — влажным и суровым, но постоянным и не подверженным тем колебаниям температур, которыми отличаются страны той же широты в Северном полушарии.

Вскоре после посещения Огненной Земли Альбов отправляется в северные штаты Аргентины, затем в Анды Патагонии. И опять пробирается он там, «где не ступала нога не только натуралиста, но и белого человека» вообще, опять ночует один в дремучих лесах, горячо интересуется жизнью и обычаями местных жителей.

Вернувшись, снова садится за работу, посвященную растительности Огненной Земли, — капитальный труд, который должен был составить ему, по словам специалистов, имя в ученом мире. Он снова работает дни и ночи, отдаваясь этому всецело. Одновременно готовит французский перевод.

В начале июля работа была почти закончена. Альбов отправляется в Монтевидео, но силы его подорваны. Он тяжело заболевает в пути и попадает в больницу. 6 декабря 1897 г., уже начав было поправляться, Николай Михайлович Альбов внезапно умирает от «нервного удара».

Так закончилась жизнь этого молодого талантливого человека.

Прах его провожали сотрудники музея Ла-Платы и многие известные ученые Аргентины. Могила в Ла-Плате впоследствии украсил скромный памятник, сделанный на средства родных покойного, оставшихся в далекой России.

После Альбова остались обширные коллекции, которые он не успел разобрать, дневники и записные книжки, в которые «кроме научного материала... вошло немало наблюдений над жизнью посещенных местностей».

Жизнь его прошла в одиночестве и скитаниях. Но «пусть я цыган и бродяга, — говорится в одном из его писем в Россию, — что ж из этого?

Я чувствую себя... счастливым, я скитаюсь, это правда, как настоящий цыган, но везде я оставляю за собой настоящий след «на песках времени», как выражается американский поэт Лонгфелло. Этот след не пропадет даром. Им воспользуются другие, пойдут по проторенной мною дороге, и результатом этого будет, полагаю, некоторая положительная польза для науки и общества. Может быть, я пропаду на этом пути — тем хуже; но зато другие будут иметь удачу. Вот что меня утешает и вот почему я без малейшего чувства сожаления покорюсь всякому удару судьбы».

След Николая Михайловича Альбова не пропал даром, ему горячо благодарны все последующие исследователи посещенных им краев. Работы его вошли в золотой фонд ботанической литературы. Идеи его живы, собранные и описанные им растения украшают коллекции мира. Именем Альбова названы многие растения, а также озеро на горе Ацетуга и карстовая подземная пещера на известняковом массиве Квира в Мингрелии.

Э. И. Адзинба

Н. М. АЛЬБОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФЛОРЫ КОЛХИДЫ¹

(к 125-летию со дня рождения)

В этом году исполнилось 125 лет со дня рождения выдающегося русского ботаника Николая Михайловича Альбова, внесшего существенный вклад в исследование горной Колхиды, гигантским амфитеатром спускающейся к восточному побережью Черного моря.

Перу этого талантливого ученого принадлежат крупнейшие по своей значимости работы о флоре и растительности Колхиды и Огненной Земли — двух интереснейших уголков природы, расположенных в диаметрально противоположных частях планеты. Такое сочетание объектов исследований в известной мере отражает удивительную судьбу этого натуралиста-путешественника, забросившую его с Кавказа на таинственную Огненную Землю. Оттуда он не вернулся, рано уйдя из жизни (в свое время сокурсники предрекали ему яркую, полную впечатлений, но короткую жизнь). Смерть рано прервала его исследования, однако вклад его в науку велик.

¹ *Ботанический журнал*. Т. 76. № 12 1991. С. 1778–1785.

При чтении работ Альбова, отличающихся широтой анализа исследованных им флор, создается впечатление, что они написаны убеленным сединами ученым с большим многолетним опытом, а он не прожил и 32 лет. Работы Н. М. по праву вошли в золотой фонд мировой ботанической и географической науки о Кавказе и Огненной Земле. В то же время его дневниковые записи и письма, написанные ярко и живо, вовлекают нас в заманчивый и рискованный мир многочисленных экспедиций ученого. Способность кратко и образно описывать самое главное выработалась у Н. М. Альбова с детства, когда он, по примеру отца, стал вести дневники.

Родился Н. М. Альбов в октябре 1866 г. в селе Павлове Нижегородской губернии в семье полкового священника — участника Крымской (1853–1856 гг.), а затем и Турецкой (1877–1878 гг.) войн. Его прекрасные дневники и письма с фронта были наполнены описаниями героических событий. Эта традиция передалась и сыну, с ранних лет проявлявшему острый интерес к окружающей жизни. Учился Н. М. Альбов сначала в Шуйской прогимназии, а затем во Владимирской гимназии, много читал, рисовал, собирал коллекции растений и минералов. За годы учебы он хорошо освоил латынь, греческий, немецкий и французский языки, что позволило ему в дальнейшем овладеть английским, испанским и отчасти итальянским языками. Благодаря своим лингвистическим способностям он легко входил в контакт как с горцами Западного Закавказья, так и с индейцами Южной Америки.

В 1884 г., отлично закончив гимназию, Н. М. Альбов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Слабый с детства организм трудолюбивого студента на третьем курсе не выдержал нагрузки, лишь срочный отъезд на зиму к родителям спас Н. М. от смерти. Врачи запретили ему продолжать учебу в Москве, по их рекомендации Альбов в апреле 1888 г. впервые попал на Кавказ, в Сухум. Яркая и богатая природа приморского края пленила его романтическую натуру. Н. М. Альбов, с трудом дождавшись разрешения врачей, начал совершать прогулки и небольшие экскурсии по лесам и горам, нередко присоединяясь к различным экспедиционным группам. Но здесь он заразился кавказской лихорадкой, изнурявшей его всю последую-

ющую жизнь. Этот приезд в Сухум надолго связал судьбу Н. М. Альбова с Абхазией и в целом с Колхидой.

Осенью Н. М. Альбов перевелся на третий курс Новороссийского (Одесского) университета — в то время практически единственного центра просвещения на Юге России. Не получая стипендии и не имея достаточной материальной поддержки из дома, он был вынужден давать частные уроки, чтобы содержать себя.

Способности, хорошая подготовка и стремление к глубоким знаниям привлекли к нему внимание руководителя кафедры ботаники профессора Л. А. Ришави, по рекомендации которого Н. М. Альбов стал членом Новороссийского общества естествоиспытателей, а затем был направлен в Абхазию в первую самостоятельную экспедицию по изучению флоры. По возвращении с Кавказа студент Н. М. Альбов был избран делегатом VIII Съезда естествоиспытателей и врачей, проходившего в Петербурге в декабре 1889 г., председателем которого был профессор А. Н. Бекетов, а секретарем — профессор В. В. Докучаев. Участие в этом съезде еще более укрепило решение Н. М. Альбова заняться изучением флоры и растительности Колхиды.

Весной 1890 г. по окончании Новороссийского университета Н. М. Альбов стал кандидатом естественных наук, защитив на основе материалов своей первой экспедиции и ранних наблюдений диссертацию «Характеристика растительных поясов Абхазии». В этом же году по поручению и на средства Новороссийского общества естествоиспытателей молодой ученый совершил еще несколько экспедиций по Абхазии, проникая в самые труднодоступные места — через Бзыбский хребет в верховья реки Мзымты, на Главный Кавказский хребет и даже на северные его отроги. После возвращения из экспедиции Н. М. Альбов получил предложение остаться сверхштатным (без оплаты и жилья) лаборантом при университете, на что он без колебаний согласился, по-прежнему живя на средства, заработанные частными уроками и переводами.

Первично обработав свои сборы растений и сделав сообщения о результатах исследований на Кавказе в Обществе естествоиспытателей и Обществе садоводства (Одесса), зимой 1890–1891 гг. Н. М. Альбов отправился в Киев, где под руководством профессора И. Ф. Шмальгаузена определил свои коллекции и подготовил первые публикации.

Последующие два года Н. М. Альбов продолжал работы в Абхазии, а также исследовал флору и растительность Понтийского хребта. Скромное участие в финансировании этих работ принимали Новороссийское общество естествоиспытателей и Министерство государственных имуществ на Кавказе (уполномоченный Я. С. Медведев). В перерывах — кропотливая работа над коллекциями и очередными рукописями и острая материальная нужда. Когда Н. М. заболел тифом, то содержался в больнице за счет университета, а затем вынужден был некоторое время жить на скромные средства отца — ветерана двух войн.

В ноябре 1892 г. Н. М. Альбов приезжает в Петербург для работы в Гербарии Императорского ботанического сада. Здесь он сделал два важных доклада: в этнографическом отделе Императорского географического общества — об этнографических наблюдениях в Абхазии; в ботаническом отделении С.-Петербургского общества естествоиспытателей — об итогах своих ботанических изысканий в Абхазии. В последней работе на основании изолированного систематического положения некоторых видов растений, особенно эндемичных, он сделал вывод о древних связях флоры Абхазии с флорами горных систем Евразии и Африки, о тропических корнях некоторых ее представителей, что также является показателем древности флоры Абхазии. Здесь за 5 лет работы Н. М. Альбовым было собрано около 1 300 видов растений и определено 1 000 видов, среди которых множество новых и уникальных. Отмечены им в докладе и характерные особенности богатой лесной растительности Абхазии, обладающей влажным и теплым климатом; впервые подчеркнуты богатство и особенности субальпийской и альпийской флоры, обособленность скальной флоры и флоры известняковых хребтов.

Анализируя публикации Н. М. Альбова за этот период, можно видеть, насколько широк был диапазон его знаний и интересов. Данные о геологии и климате районов исследований, о состоянии садоводства (виноградарства и цитрусоводства), вопросы интродукции растений, моменты истории и этнографии края, получившие отражение в его работах, до сих пор остаются важными первоисточниками.

С целью дальнейшей работы, связанной с анализом флоры Абхазии, Н. М. Альбов по рекомендации Я. С. Медведева и на средства

Новороссийского университета в феврале 1893 г. отправляется в Швейцарию для работы в Гербарии Буассье — «самом лучшем в мире собрании растений Востока», расположенном в местечке Шамбези близ Женевы.

Н. М. Альбов был первым русским ученым, попавшим в этот крупнейший ботанический центр Европы. Сначала к «высокому, сутуловатому и неловкому» молодому человеку отнеслись настороженно, но он буквально за несколько дней своей эрудицией и трудолюбием снискал симпатии и уважение женеvских ботаников. Особый интерес вызвали его замечательные коллекции с далекого Кавказа.

Ему были созданы все условия для работы. Не надо было думать об уроках и переводах, и он с упоением просиживал за определением растений до утра. Владелец Гербария Буассье W. Barbey предложил ему публиковать описания новых видов в бюллетенях Гербария, чем Н. М. Альбов воспользовался с большой охотой и благодарностью, назвав самые красивые из них — *Psephellus barbeyi* и *Crocus autranii* — в честь него и смотрящего гербария профессора E. Autran.

Достоинo оценив Н. М. Альбова как опытного ботаника-путешественника, W. Barbey взялся финансировать очередную его экспедицию на Кавказ. Кроме того, Н. М. Альбов получил заказ на сбор растений для личного гербария Drake del Castillo из Парижа. Одновременно Тифлисский ботанический сад, которым тогда руководил известный дендролог, кавказовед Я. С. Медведев, поручает исследователю сборы растений, ставшие основой для создания Кавказского Гербария в Тифлисе.

Эта субсидия дала возможность Н. М. Альбову провести в 1893 г. задуманные им исследования в районах, смежных с Абхазией, и интенсивно работать с мая по октябрь. Особенно его интересовали причины различия флор известняковых и неизвестняковых гор, на что он обратил внимание, начав изучать флору Абхазии. В этом сезоне он сделал «пробег по всему Западному Закавказью... на всем протяжении этой страны», включая Аджарию, Гурию, Мингрелию, Самурзакан, Абхазию и Черноморский округ. Нередко ему приходилось нести на себе экспедиционное снаряжение. Приступы малярии заставляли иногда прерывать работу, но поправившись, он снова поднимался в горы.

Исследованиями на этот раз были охвачены все известняковые массивы — от Фишта и Оштена до Асхи. Уже в конце октября на заседании Кавказского отдела Географического общества в Тифлисе Н. М. Альбов сделал доклад о флоре известняковых гор и наличии в ее составе большого числа эндемичных видов, приведя одновременно множество важных географических и этнографических данных. По возвращении в Женеву он выступил с подобными докладами в Обществе защиты растений и Альпийском клубе, что было воспринято с большим интересом и удовлетворением. Одновременно шла интенсивная работа над «Материалами для флоры Колхиды».

Летом 1894 г. французские ботаники и Кавказский отдел Географического общества вновь субсидировали поездку Н. М. Альбова на Кавказ, целью которой было обследование тех известняковых гор, где ему не удалось сделать сборы в прошлые сезоны. В результате Н. М. окончательно убедился в исключительной оригинальности флоры известняков Западного Закавказья. «Эти последние, — писал он, — сохранили массу представителей флоры прежних геологических эпох».

В составе этой флоры оказалось много эндемичных, описанных им же видов, большая часть которых приходится на известняки Абхазии. Среди новых находок особенно порадовала исследователя *Campanula mirabilis* — «царица абхазской флоры». Это замечательное растение он воспринял как вознаграждение за свои путешествия по самым диким горным урочищам, где не ступала нога европейца. «Его изолированное положение в роде *Campanula*, — подчеркивал Н. М. Альбов, — заставляет нас думать, что это — живой свидетель чрезвычайно древней флоры, угасшей давно в других местах земного шара».

В конце 1894 г. Н. М. Альбов опять в Женеве, куда он попал, предприняв поездку через юг Франции, чтобы вместе с профессором А. Ф. Марион посетить известного палеонтолога G. de Saporta, с которым находился в переписке. Он привез ему в подарок гербарий тех редких древесных растений Западного Закавказья, которые могли произрастать в древние времена и на юге Франции. После беседы пожилой ученый проникся к Н. М. Альбову глубоким расположением и при расставании обнял его.

Дальнейшая обработка собственных богатых коллекций в Гербарии Буассье давала возможность Н. М. Альбову через каждые 2–3 дня описывать новый вид растений. Он выступал в различных обществах Женевы с докладами о природе и жизни загадочной Колхиды, выезжал в Париж и Лондон (Гербарий Кью), где работал в библиотеках и налаживал научные связи. Но, главное, им в этот период в основном завершаются такие важные монографии, как «Материалы для флоры Колхиды» и «Очерк растительности Колхиды» (последнюю он писал по просьбе основателя отечественной школы географов профессора Д. Н. Анучина). Эти две работы, дополняющие друг друга, до сегодняшнего дня являются классическими источниками для всех, кто занимается изучением флоры Кавказа, и особенно Колхиды. В них приведен список 1115 видов растений и дан анализ флоры по географическим элементам, охарактеризованы связи и корни их происхождения, отмечается значительный эндемизм, причиной которого являются особые географические условия этой страны. Именно эти работы явились результатом его семилетних скитаний по труднодоступным горам, в любую погоду, с минимумом снаряжения, с одним-двумя проводниками, а иногда и в одиночку; нередко — впроголодь, в преодолении приступов лихорадки. Поэтому неприятное удивление вызывают утверждения В. И. Липского о скудности и низком качестве сборов Н. М. Альбова. И это в то время, как президент Ботанического общества в Женеве С. de Candolle поздравлял его с оригинальными и интересными сборами растений и связанными с ними замечательными открытиями. Именно тогда Н. М. Альбов был избран членом-корреспондентом этого общества, что являлось большой честью для иностранца.

Работы на Кавказе в основном были закончены. Все эти годы Альбов жил на экспедиционные и командировочные средства различных обществ, заинтересованных его сборами растений в труднодоступных местах. Ученый очень хотел обосноваться в Абхазии, климат которой благоприятствовал его здоровью, но сделать этого не удалось. Самолюбие не позволило ему обзавестись семьей из-за отсутствия постоянно заработка и места жительства. В итоге Н. М. решил попытать счастья в Южной Америке, воспользовавшись тем, что несколько европейских научных учреждений и частных лиц предложили ему провести там сбор гербария. К сожалению, ни у одного российского научного учреждения

не возникло желания заказать ему соответствующие сборы и субсидировать поездку. «Разумеется, — писал с горечью родным Н. М. Альбов, — я несколько рискую, пускаясь в такую даль, в страну, где у меня нет ни друзей, ни знакомых, но что же делать? Не рискуя, ничего и не получишь».

В конце октября 1895 г. Н. М. Альбов прибыл в Буэнос-Айрес и уже через несколько дней получил вакантное место ботаника при музее Ла-Платы. Он с радостью сообщает домой: «Я стал здесь, на американской почве, совершенно твердыми ногами... Музей — огромное учреждение, подобного которому я не видел даже в Европе...». Его работа началась с создания ботанического отдела и организации первой для него на американской земле экспедиции в горы Сьерра-де-ла-Вентана. Результаты экспедиции были сразу же опубликованы. В январе 1896 г., когда он был «на пути в Огненную Землю», его избирают в России действительным членом Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии, президентом которого был Д. Н. Анучин, высоко ценивший Н. М. Альбова как замечательного путешественника и естествоиспытателя с широким кругом научных интересов.

На Огненной Земле за два с лишним месяца ученый собрал около 3 000 экземпляров растений. Здесь ему пригодился кавказский опыт обследования мест, которые не посещал до него ни один натуралист. Он не расставался со своей буркой, кинжалом, хурджином и чайником, а на привалах по-прежнему варил абхазскую абысту (кашу из кукурузной муки). Но здесь ему труднее было находить проводников, соглашавшихся сопровождать его в труднодоступные места.

Для исчерпывающей обработки материалов экспедиции Н. М. Альбов отправился в Кордову (Аргентина), где наладил связи с местными ботаниками и работал в библиотеке. До сентября того же года он опубликовал ряд статей (в том числе в соавторстве с Ф. Kurtz) о флоре Огненной Земли, а в сентябре провел первую конференцию в музее Ла-Платы, где выступил с докладом о природе Огненной Земли, на острова которой он стремился еще в детских мечтах. Затем он совершил путешествие в северные провинции Аргентины и Парагвай, где сделал сборы тропической флоры. В январе 1897 г. направился в южную часть Кордильер в составе Комиссии по разграничению с Чили. Вскоре однако он вернулся в Ла-Плату, где увлеченно стал работать над монографией о флоре Огнен-

ной Земли, кутаясь в старенькую бурку (температура в комнате не превышала +10 °С) и преодолевая с помощью хинина приступы лихорадки. Работа эта явилась последним его обобщающим трудом, в котором был дан анализ флоры Огненной Земли, определено ее положение среди циркумантарктических флор южных оконечностей материков и островов, сделан вывод о ее самостоятельности и в то же время о ее древних родственных связях с австралийско-новозеландской флорой. Одновременно Н. М. Альбов готовил и французский перевод работы.

Спасаясь от переутомления, он предпринял небольшое путешествие в Монтевидео и его окрестности. Однако это уже не помогло, организм не выдержал, и Н. М. Альбов 6 декабря 1897 г. скончался от «нервного удара». Его могила находится на кладбище Ла-Платы.

Несмотря на очень короткую жизнь, ученый оставил в науке глубокий след, который время не в силах стереть. Значимость его работ о флорах Колхиды и Огненной Земли только усиливается новыми исследованиями, подтверждающими и укрепляющими его выводы об особой оригинальности и древности флор этих уникальных по своей природе стран. Собранные им материалы бережно хранятся в Гербарии Буассье и других хранилищах Европы и Южной Америки, Ленинграда и Киева. Они стали фундаментом Кавказского гербария Тбилисского института ботаники. На земле Абхазии, которую ученый так любил и помнил в своих дальних странствиях, достойным памятником ему является созданный в Сухумском Ботаническом саду Гербарий колхидской флоры.

Ему посвящена и «Флора Абхазии» А. А. Колаковского.

В знак благодарности к памяти этого самоотверженного подвижника ботанической науки его имя присвоено многим растениям, открытым позже в этих уголках Земли. А его *Campanula mirabilis* Albov красовалась рядом с еще одним архаиком *Ostrowskia magnifica* Regel на эмблеме Международного ботанического конгресса, проходившего в Ленинграде в 1975 г.

В 1996 г. в Республике Абхазия выпущена почтовая марка с портретом Н. М. Альбова. Это было приурочено к 130-летию ученого.

Ю. Герия, Э. Адзинба

О ЧЕМ ЗВОНИТ КАМПАНУЛА¹

Из французского порта Ла-Рошель 27 сентября 1895 года один из крупнейших пароходов того времени отплывал в Южную Америку. Порт назначения — Буэнос-Айрес.

«На пристани была масса народу — провожающих и любопытных. Напрасно я искал в толпе знакомое лицо, здесь все были мне чужды. Я уезжал одиноким. Я знал, что здесь никто не мог прийти проводить меня, сказать мне последнее «прости». Однако я ошибался. Чу, чей-то голос окликнул меня... Кто бы это мог быть? Голос раздался ближе — и я узнаю аргентинского консула, низенького и толстого старичка. Он желает мне счастливого пути, обнадеживает, что переезд будет недурен — погода благоприятствует. Я благодарю, я рад ему искренне. Но вот раздается последний свисток парохода.

Я равнодушен. Мне не жаль покинуть Европу. Я не оставил здесь ничего дорогого. Мое дорогое — там, в России. Прощай, прошлое, навсегда!.. Вернусь ли я когда-нибудь в горы счастливой Абхазии, где чистые и прозрачные, как хрусталь, горные потоки шумно катят в море свои воды по диким ущельям, где азалея и каприфоль так благоухают весной? Услышу ли я снова мелодический звон чонгури тихими и теплыми летними

¹ Газета «Панорама недели», № 2, ноябрь 1991, Сухум.

вечерами и веселое щебетанье чернооких дочерей Абхазии? А встречи в чаще первобытного леса с угрюмыми и важными фигурами в черкесках, с широкими кинжалами за поясом, в папахах, надвинутых на самые брови? Можно ли забыть прошлое?».

Тому, кто сейчас напряженно пытается вспомнить, кто из просвещенных абхазцев, возможно даже махаджиров, в конце прошлого века отплывал в Южную Америку из Франции, скажем: не старайтесь, не вспомните. Строки эти, полные тоски и грусти, так ясно передающие состояние души человека одинокого, глубоко печального в то утро, когда он их писал, принадлежат не абхазцу. И пусть не вводит вас в заблуждение его портрет, на котором он в черкеске. Он — русский. Родился 27 октября 1868 года в селе Павлове Нижегородской губернии в семье полкового священника. Отлично закончив гимназию, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Тяжело заболев, едва не умерев в 20 лет, он с третьего курса университета уезжает по рекомендации врачей на юг. Так в апреле 1888 года он впервые попадает в Абхазию.

Имя его Николай Альбов.

Да, тот самый Николай Михайлович Альбов, который является первооткрывателем классической колхидской ботанико-географической области, что раскинулась амфитеатром гор у восточной части Черного моря. Тот самый Альбов — талантливейший ботаник, неутомимый путешественник, перу которого принадлежат крупнейшие по своей значимости научные труды по флоре Абхазии и Огненной Земли — этих двух интереснейших уголков природы, расположенных в диаметрально противоположных частях планеты. Такое сочетание объектов его исследований удивительно, как удивительна и судьба этого неустанного натуралиста. Читая его работы, представляешь, что они написаны ученым с огромным многолетним опытом. А ведь Николаю Альбову, когда он ушел из жизни, не исполнилось и 32 лет.

Смерть остановила его у порога признания, однако след, оставленный им в науке, глубок. Работы Н. М. Альбова вошли в золотой фонд ботанической и географической литературы о Кавказе и Огненной Земле, а его дневники и письма, написанные ярким и живым языком, делают читателя его спутником в удивительных и рискованных маршрутах.

Но вернемся в год 1888-й. Попав в Абхазию, с трудом дождавшись разрешения врачей, он стал совершать прогулки и небольшие экскурсии по окрестным лесам. Осенью перевелся на третий курс Новороссийского (Одесского) университета. Давая частные уроки, чтобы обеспечить себе пропитание, он напряженно работает. Студента направляют в его первую самостоятельную экспедицию в Абхазию. По ее результатам он удостоивается права быть делегатом российского съезда естествоиспытателей, а на следующий год защищает диссертацию на степень кандидата естественных наук по теме «Характеристика лесных поясов Абхазии». У Альбова есть такие строки: «Леса здесь занимают все низменности, равнины, холмы, горные хребты, долины и ущелья... от самого берега моря до высоты 7 000 футов». В другом месте: «Нечего опасаться, чтобы эти богатства когда-либо истощились».

Какой же жестокий темп нужно было взять тем, кто менее чем за столетие сумел привести на край гибели девственно-прекрасный, уникально богатый, заповедный уголок природы!

В том же году по поручению Новороссийского общества естествоиспытателей молодой ученый совершает сразу несколько маршрутов по Абхазии, ведя исследования в самых труднодоступных даже по сегодняшним меркам местах (Бзыбский хребет, верховья реки Мзымты, горы в окрестностях Рицы, Псху, Главный Кавказский хребет и даже его северные отроги). Так им первым было начато систематическое исследование флоры Абхазии.

В ноябре 1892 г. Альбов едет в Петербург — поработать в лучшем российском гербарии Императорского Ботанического сада. В Петербурге он выступил с докладом об итогах своих Ботанических изысканий в Абхазии, где за 5 лет им собрано около 1 300 видов растений, среди которых множество новых и уникальных. В этом докладе ученый делает вывод о древних связях флоры Абхазии с флорой горных систем Евразии и Африки, о тропических корнях некоторых ее представителей, также свидетельствующих о ее древности.

Гербарий Петербургского Ботанического сада больше не удовлетворял требованиям ученого, и на средства Новороссийского университета в феврале 1993 г. он едет в Швейцарию для работы в Гербарии

Буассье — «самом лучшем в мире собрании растений Востока». В этом крупнейшем ботаническом центре Европы он был первым русским ученым. Первое впечатление — «высокий, сутуловатый, неловкий молодой человек». Но уже буквально через несколько дней его эрудиция и трудолюбие снискали уважение и симпатии всех ботаников Женевы. Особый интерес вызвали его замечательные коллекции с далекого Кавказа. Ему созданы все условия для работы — пожалуй, впервые он может не давать частных уроков, не подрабатывать переводами, а целиком отдаться работе. Владелец Гербария — В. Барбей взялся финансировать его очередную экспедицию на Кавказ. Ученый получает также заказы на сбор растений из Парижа и от Тифлисского ботанического сада (кстати, именно собранные Альбовым образцы флоры заложили основу Кавказского гербария в Тифлисе). На следующий год — вновь экспедиция на Кавказ.

В этих двух поездках Альбова особенно интересовали причины различия флор известняковых и известняковых гор, на которое он обратил внимание, изучая растительный мир Абхазии. Он обследовал все Западное Закавказье. Приступы малярии валили его с ног, но едва поднявшись, он снова шел в горы. «Улов» был богатейший — работая после поездок над определением находок, ученый каждые два–три дня устраивал «крестины» новых видов.

«...На отвесной известняковой стене, в нескольких метрах над дорогой, я вдруг заметил большое лиловое пятно — какое-то растение в полном цвету... Я послал туда одного из своих проводников, который бо- сиком, с ловкостью кошки вскарабкался на стену... Спустя минуту я держал в руках великолепную кампанулу, подобной которой еще ни разу не встречал... Как необычный вид это растение занимает совершенно особенное место в семействе колокольчиковых... Оно было для меня самую ценную наградой за все трудное путешествие. Его изолированное положение в роде кампанула заставляет думать, что это — живой свидетель чрезвычайно древней флоры, угасшей давно в других местах земного шара».

Этот колокольчик — кампанула мирабилис — царица абхазской флоры, как сказал о ней Альбов, была обнаружена им на Гагрском хребте в 1894 году. Прошло около 80 лет, и на склонах того же Гагрского хреб-

та другой великолепный ботаник — профессор Альфред Алексеевич Колаковский встретил другой удивительный колокольчик — кампанула парадокса. Было это в 1976 году, и эта находка неожиданно перевернула стройные представления о систематизации растений, сложившиеся у ботаников до встречи с ним. Так сколько же их еще — чудесных, великолепных, парадоксальных, таинственных колокольчиков хранят втайне горы Абхазии? Через сколько десятков лет и кто следующий найдет здесь новый, свой, никому еще не ведомый колокольчик? О чем скажет он людям, науке, какую новую тайну негромко прозвонят миру его лепестки?

Любовь Альбова к Абхазии, вспыхнувшая с первого взгляда, осталась неизгладимой до конца его дней. Ученый мечтал обосноваться здесь навсегда, но места для него в Абхазии так и не нашлось — участок в Окуми, о котором он просил, ему так и не был выделен, а самолюбие не позволило ему обзавестись семьей при отсутствии постоянного заработка и жилья... Вдали от Абхазии он постоянно вспоминает о ней, тоскует по ней.

Свидетельства тому во многих строках ученого. В письме родным, приводя доводы в защиту своего решения уехать в Южную Америку, он начинает с того, что «надежды мои на устройство на Кавказе не осуществились...»

Аргентинский городок Пунта-Аренас «очень напоминает» ему Сухум. На Пасху в далекой Аргентине он «задал своим товарищам банкет... Банкет был назначен на 4 часа дня. С двух часов я начал варить абысту. Она удалась на славу, и мои гости нашли ее превосходною, сервирована она была на зелени, опять-таки по абхазской моде...»

Эта же абыста постоянно мелькает в строках с Огненной Земли: «Вскоре котелок закипел, и я начал готовить абхазскую абысту», «на следующее утро встали с рассветом и, закусивши холодной абыстой, отправились в путь», «после вкусного ужина из абысты» и т. д. Так же часты упоминания о бурке и кинжале — неизменных спутниках Альбова в скитаниях по свету. «В то время как мои индейцы устраивали себе шалаш из древесной коры, я завертывался в бурку и спал, ей-богу, не хуже, чем они, вспоминая о своем далеком славном Кавказе. Придется ли мне когда в жизни увидеть его?»

Его любовь к Абхазии — не только в том огромном труде, который он отдал изучению ее флоры, исходив ее всю, «пройдя ее с одним-двумя проводниками, а то и в одиночку с минимумом снаряжения, впроголодь, преодолевая приступы лихорадки».

Не только природу Абхазии изучал Николай Михайлович. Есть немало его наблюдений, свидетельств об истории, этнографии края, до сих пор остающихся важными первоисточниками. Лекции по абхазской теме, которые он читал в самых разных уголках мира, конференции, проведенные им в Швейцарии, Франции, Аргентине, выступления в этнографическом, географическом обществах Петербурга, Одессы помогали завоевывать все новых и новых друзей его любимому уголку земли, пробуждали симпатии и сочувствие к его народу. Выступая в Женеве в Альпийском клубе с сообщением «В глухих уголках Кавказа», Николай Албобов, например, говорил: «Обширные территории, некогда заселенные воинственным народом, всего только 30 лет как перешли после ожесточенной борьбы под власть России. Победенным было предложено одно из двух: или подчиниться и сделаться русскими подданными, или уходить на все четыре стороны. Гордый народ, высоко ценивший свою свободу, предпочел последнее...» А вот как характеризует он абхазца: «Страстный любитель бивуачной жизни, охоты и горных приключений, почти всякий абхазец проводит несколько лет своей жизни в горах в качестве пастуха или охотника... Он является... незаменимым товарищем: он услужлив, ловок, всегда умеет найти удобное место для ночлега, развести большой костер даже под дождем, найти еду и т. д.».

В одном из писем родным, отвечая на их упреки, горькое беспокойство о нем, он пишет: «Пусть я цыган и бродяга, так что же из этого? Я счастлив. Я чувствую себя по крайней мере счастливым. И потом я не бездельничаю. Я скитаюсь, это правда, как настоящий цыган, но везде я оставляю за собой настоящий след — «на песках времени», как выражается американский поэт Лонгфелло. Этот след не пропадет даром. Им воспользуются другие, пойдут по проторенной мной дороге, и результатом этого будет, полагаю, некоторая положительная польза для науки и общества. Может быть, я пропаду на этом пути — тем хуже, но зато другие будут иметь удачу. Вот что меня утешает, и вот почему я без чувств-

ва малейшего сожаления покорюсь всякому удару судьбы. Вы говорите о приискании постоянного места и занятия. Мне незачем приискивать последнее — я его имею и им доволен. Что касается первого, то вы знаете мое решение: ни под каким видом не приму я никакого приглашения в России кроме Кавказа... Если Кавказ не выгорит, то — тем хуже».

Кавказ не выгорел. Итог семилетних исследований — «Материалы для флоры Колхиды» и «Очерки растительности Колхиды» — завершены. Эти две работы и сегодня — классический источник для всех, кто изучает флору Кавказа. В них список 1115 видов растений, анализ эндемизма, причина которого — особые географические условия страны.

Проделан огромный труд. Президент Ботанического общества в Женеве поздравил Альбова с интересными открытиями. Его, иностранца, избирают членом-корреспондентом этого общества — случай редкий и большая честь. А Николай Альбов, приняв предложение нескольких научных учреждений и частных лиц провести сбор гербариев в Южной Америке, отправляется в Аргентину. Начинает работать в музее Ла-Платы — огромном учреждении, подобного которому он не видел даже в Европе. Здесь ему доверяют создать ботанический отдел, и он со свойственным ему жаром принимается за работу. Совершает целый ряд экспедиций — в горы Сьерра-де-ла-Вентана, в Кордильеры, Парагвай, на Огненную Землю... За неполных три месяца на Огненной Земле ученый собрал около трех тысяч экземпляров растений. Он пишет ряд статей о флоре Огненной Земли, работает над монографией на ту же тему. Кутаясь в старенькую бурку (температура в комнате не превышала +10° С), преодолевая приступы лихорадки, он работает дни и ночи напролет. Эта работа стала его последним обобщающим трудом. В декабре 1897 года Альбов скончался. Могила его в далекой Аргентине, на кладбище Ла-Платы.

Альбов. Фигура блистательная — талантливейший ученый, разносторонне одаренный человек. Отлично рисовавший, разбиравшийся в музыке, владевший латынью, греческим, немецким, английским, французским, испанским, говоривший на итальянском, турецком, умевший объясниться с горцами Западного Кавказа и индейцами Огненной Земли... Значимость его работ о флорах Абхазии и Огненной Земли только

усиливается новыми исследованиями, подтверждающими и укрепляющими его выводы об особой оригинальности и древности флор этих уникальных по своей природе стран. Собранные им гербарные материалы бережно хранятся в Гербарии Буассье и других хранилищах Европы и Южной Америки, в Ленинграде, Киеве, Тбилиси. Его имя присвоено многим растениям, открытым позже в разных уголках земли.

Прекрасный памятник Альбову на земле Абхазии, к которой он стремился в мечтах, — Гербарий колхидской флоры Сухумского Ботанического сада, вошедший в международный каталог. Имя Альбова почитается в мире науки...

И все-таки... Нужда, одиночество, ранняя смерть... Печать трагической несправедливости лежит на всей его недолгой жизни так же явно, как налет грусти во многих его письмах.

«По ночам, когда облака рассеиваются, небо представляет таинственную темную завесу, всю усыпанную яркими золотыми звездами. Я не узнаю более созвездий: мы плывем под новыми небесами. Я люблю по ночам, лежа где-нибудь в укромном уголке на палубе, с лицом, обращенным к небу, всматриваться в эту таинственную звездную даль, которая сливается на горизонте с далью океана. Мне кажется — я несусь в неизвестность, и это чувство является для меня источником наслаждения».

Сухумский Ботанический сад.
26. III. 1991 г.

З. Адзинба

ОН СРОДНИЛ СУХУМ С ЛА-ПЛАТОЙ¹

Имя известного русского ботаника Николая Михайловича Альбова тесно связано с Сухумом. В 1888 году он был направлен сюда после тяжелой болезни. После мрачного севера наш городок, утопающий в зелени, с магнолиями, мимозой, гирляндами глициний и эвкалиптами, с теплым солнцем и голубым небом над сверкающим морем, покорила студента Московского, а затем Одесского университета. И как только ему позволило здоровье, он отправился в путешествия по окрестным горам, собирая ценнейший гербарный материал...

По окончании университета и вплоть до 1895 года Н. Альбов продолжал исследования Флоры Западного Закавказья, совершая экспедиции на мизерные средства и пользуясь услугами местных проводников. Результатом этих экспедиций явились многочисленные статьи в различных изданиях о новых удивительных видах растений, в том числе и в бюллетенях Гербария Буассье, расположенного вблизи Женевы, где Н. Альбов обработал большинство своих сборов. Среди трудов ботаника особенно важны монографии «Материалы для флоры Колхиды» и «Очерк растительности Колхиды», в которых дано описание более 1500 видов растений, из которых свыше 70 он описал впервые. Н. Альбов дал ценнейший ботанико-географический анализ флоры Западного Закавказья.

¹ Газета «Сухумский вестник», № 5, июль 1995.

зья, присвоив гигантскому амфитеатру обращенных к морю гор от Туапсе до Трапезунда ставшее ныне классическим название — Колхида. Н. Альбов — первооткрыватель уникальной реликтовой флоры Колхиды.

В 1895 г. исследователь, не получив должной оценки своих трудов и не имея постоянного заработка, вынужден был покинуть Европу. «Я не оставил, — писал он, — здесь ничего дорогого. Мое дорогое — там, в России. Прощай, прошлое, навсегда! Вернусь ли я когда-нибудь в горы счастливой Абхазии!.. Услышу ли я снова мелодический звон чонгури тихими теплыми вечерами и веселое щебетание чернооких дочерей Абхазии?.. Можно ли забыть прошлое?».

В далекой Аргентине Н. Альбов нашел постоянное место шефа ботанического отдела музея Ла-Платы. За два года он совершил массу экспедиционных маршрутов в Кордильерах, Патагонии, на острова Огненной Земли, где в полюбившихся ему кавказской бурке и папахе пробирался в самые отдаленные места, жертвуя своим подорванным здоровьем во благо науки... Посмертный его труд «Опыт сравнительного изучения флоры Огненной Земли», как и работы о Колхиде, до сих пор служат специалистам. Он рано ушел из жизни, но след, оставленный им в науке, глубок и прочен.

Имя Н. Альбова носят множество растений, озеро у подножия горы Ацытаку у границы Абхазии, пещера на горе Квира в Мингрелии, а одно из открытых им уникальных абхазских растений было помещено на эмблему Международного ботанического конгресса, проходившего в СССР в 1975 году. Дневники исследователя, написанные ярким, образным языком, содержат ценнейшие открытия в различных областях науки, поскольку Н. Альбов вместе со своими отчаянными проводниками (Туга Мукба, Дамей Барцыц, Урус Чагуа и др.) первым из европейцев проник во многие труднодоступные уголки Западного Кавказа. Его благодарность преданным проводникам выразилась и в том, что он назвал одно из выявленных им растений астрой Туга.

О своем пребывании с Дамеем Барцыц в нашем городе Н. Альбов писал: «Еще два дня пути, и, наконец, мы добираемся до Сухума, красивого городка на берегу моря, с белыми чистенькими домиками, разбросанными у подошвы зеленых волнистых холмов и утопающими в густой

зелени аллей и садов, наполненных адамовым деревом, мимозой, гледичией и эвкалиптами. С невыразимым удовольствием после 16 тяжелых дней, проведенных в суровых горах, мы вдыхаем в себя приятный и ароматический морской воздух. На море разыгрывается буря... Но что мне до этого теперь, когда я в комфортабельной комнате гостиницы, в безопасности от непогоды, могу попивать чай и покуривать трубку.

«Любезный Дамей, — говорю я своему главному проводнику, — где мы проведем эту ночь, найдем ли подходящую пихту, корм для осла, воды для чая?». «Ничего этого не нужно», — отвечает он, улыбаясь, и в этой улыбке можно прочесть чувство удовлетворения человека, который приготовился насладиться вполне заслуженным отдыхом».

Н. Альбов часто пользовался карандашом для зарисовок портретов, бытовых сценок, деревьев. Сопровождающие эту статью рисунки ботаника публикуются впервые, а прилагаемый его фото-портрет взят из трудов музея Ла-Платы. (См. вкладку.)

З. Адзинба

ОТ АБХАЗИИ ДО ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ

(к 135-летию со дня рождения Н. М. Альбова)¹

Осенью этого года исполняется 135 лет со дня рождения выдающегося русского ботаника Николая Михайловича Альбова. Он внес огромный вклад в исследование флоры Абхазии и всей Колхиды — этого огромного амфитеатра гор, обращенного к восточной части теплого Черного моря.

Его работы по флоре Колхиды и Огненной Земли вошли в золотой фонд ботанической науки. Это сочетание объектов его исследований, расположенных в диаметрально противоположных местах планеты, отражает удивительную судьбу увлеченного и талантливого натуралиста.

При знакомстве с работами Н. М. Альбова создается впечатление, что они написаны убежденным сединами ученым с многолетним научным опытом. А ведь ему не исполнилось и 32 лет, когда он ушел из жизни. Его дневники с описанием путешествий по Колхиде и письма к родным — это яркие красочные рассказы, вовлекающие читателя в замечательный

¹ Труды II региональной конференции «Биологическое разнообразие Кавказа». Сухум, 2002, с. 35–42.

мир природы, этнографии и моментов истории и жизни народа тех мест, где ему пришлось побывать.

Родился Н. М. Альбов 27 октября в семье полкового священника в селе Павлове Нижегородской губернии. Учился в Шуйской прогимназии и Владимирской гимназии, любил читать, рисовать, собирал коллекции растений и минералов. В это время он освоил латынь, греческий, французский, немецкий языки, что позволило ему в дальнейшем овладеть испанским, английским и частично итальянским языками. Благодаря своим лингвистическим способностям он легко входил в контакт с горцами Западного Закавказья и индейцами Южной Америки.

В 1884 г., отлично закончив гимназию, он поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Слабый организм трудолюбивого студента не выдержал нагрузки без материальной поддержки семьи, и лишь срочный отъезд его к родителям спас его от смерти. Врачи запретили ему учиться в Москве, и он по их рекомендации весной 1888 года впервые попал на Кавказ, в г. Сухум. Природа приморского края пленила романтическую натуру юноши, и, едва дождавшись разрешения врачей, он начинает совершать прогулки по Абхазии, присоединяясь к различным экскурсионным группам. Этот приезд в Сухум надолго связал судьбу Н. Альбова с Абхазией и в целом с Колхидой. Продолжить учебу ему пришлось в Новороссийском (Одесском) университете.

Нужда заставляла его помимо учебы давать частные уроки. Способного, трудолюбивого студента заметил профессор ботаники Л. А. Ришави. Именно он рекомендовал его в состав Новороссийского общества естествоиспытателей. От этого общества Н. Альбов направляется в свою первую самостоятельную экспедицию по изучению флоры Абхазии. Затем в 1898 г. студент Н. Альбов был избран делегатом VIII съезда естествоиспытателей и врачей, проходившего под руководством профессоров А. Н. Бекетова и В. В. Докучаева в С.-Петербурге.

Участие Н. Альбова в этом съезде укрепило его решение заняться изучением флоры и растительности всей Колхиды. В 1890 г. он закончил университет, защитив диссертацию на тему «Характеристика растительных поясов Абхазии». В этом же году он совершил еще несколько

экспедиций по труднодоступным местам Абхазии, в верховья Мзымты с заходом на северные склоны Главного Кавказа. По возвращении из этой экспедиции он принял предложение занять сверхштатную должность лаборанта при университете (без оплаты и жилья). Зарабатывать на жизнь ему приходилось частными уроками и переводами.

О результатах своих первых самостоятельных исследований он докладывает в обществах естествоиспытателей и садоводства. Коллекции определяет в Киеве под руководством профессора И. Ф. Шмальгаузена и готовит свои первые публикации. Это 1890–91 гг.

Еще два года Н. Альбов продолжает экспедиционные обследования флоры горной Абхазии и Понтийского хребта на скромное финансирование Новороссийского общества естествоиспытателей и Министерства госимущества Кавказа. Но в это время опять болезнь и острая нужда. В 1892 г. Н. Альбов приезжает в Петербург для работы в Гербарии Императорского Ботанического сада и делает два важных и интересных доклада в этнографическом отделе Императорского географического общества и в ботаническом отделе Санкт–Петербургского Общества естествоиспытателей. Тут он сделал важный вывод о древних связях флоры Абхазии с флорами горных систем Евразии и Африки.

За пять лет работы в Колхиде им было собрано 1300 видов и определено 1000 видов растений, среди которых множество новых и совершенно уникальных. Отмечены им в докладе и особенности богатой лесной растительности, обращено внимание на особое положение субальпийской, альпийской и скальной растительности и замечена обособленность флоры известняковых хребтов. Анализируя работы Н. М. Альбова за этот период, можно видеть, насколько был широк диапазон его знаний и интересов. Здесь данные о климате, геологии, состоянии садоводства, флоре интродуцентов и об особенностях этнографии и истории Абхазии.

Он с большим сочувствием писал о народе, покинувшем свои родные места в период махаджирства.

Чтобы точнее раскрыть происхождение и связи флоры Абхазии Н. М. Альбов по рекомендации Я. С. Медведева и на средства Новороссийского университета в начале 1893 г. отправляется в Швейцарию для работы в Гербарии Буассье — «самом лучшем в мире собрании растений Востока», как писал он домой родным.

Н. М. Альбов был первым русским ученым, попавшим в этот крупнейший ботанический центр Европы. Привезенные им коллекции с далекого Кавказа вызвали огромный интерес у ботанической элиты Европы. Ему были созданы все условия для работы, и он с упоением работал, иногда и ночами. Не надо было думать об уроках и переводах. И в благодарность за это внимание к нему он называет новые виды растений именами работников Гербария Буассье — *Crocus autranii*, *Psephellus barbeyi* (Уильям Барбей — владелец гербария финансировал Н. М. Альбова для дальнейших исследований флоры Колхиды).

В то же время сбор растений поручает Альбову и известный кавказовед-дендролог Я. С. Медведев. Именно эти сборы легли в основу Кавказского гербария БИНа Тбилиси, а многие сборы Н. М. Альбова хранятся в Гербарии Буассье до сих пор. Мне посчастливилось их увидеть в 1990 г.

Интерес Н. Альбова к известняковой флоре послужил стимулом для сравнения ее с флорами смежных неизвестняковых районов. Он делает «пробег по всему Западному Закавказью... на всем протяжении этой страны», исследуя все известняковые массивы Колхиды от Фишт — Оштена вплоть до Асхи. И уже осенью на заседании Кавказского отдела ИРГО в Тифлисе Н. М. Альбов докладывает о флоре известняковых гор, утверждая, что она стоит особняком и в ее составе множество эндемичных видов. Одновременно им приводится множество интересных географических и этнографических наблюдений, сделанных во время экспедиций. Выступления в Женеве на французском языке в Обществе защиты растений и Альпийском клубе вызвали живейший интерес и удовлетворение. Одновременно Н. М. Альбов работает над «Материалами для флоры Колхиды».

В следующем 1894 г. Кавказский отдел ИРГО и французские ботаники субсидируют его экспедицию по местам, где он не успел побывать в прошлом сезоне. В результате он окончательно убеждается в оригинальности известняковой флоры Западного Закавказья. Дальнейшая обработка собственных богатых коллекций в Гербарии Буассье дает Н. М. Альбову возможность через каждые два-три дня описывать новый вид и публиковать их в бюллетенях Гербария.

В этот период завершается его работа над крупными монографиями — «Материалы для флоры Колхиды» и «Очерк растительности Колхиды». Эти работы до сих пор являются классическими источниками для всех, кто занимается изучением флоры Кавказа и особенно Колхиды. В них приведен список 1115 видов растений и дан анализ этой флоры по географическим элементам, корням происхождения и связям, отмечается значительный эндемизм этой флоры.

Именно эти работы явились результатом его семилетних «скитаний» по труднодоступным горам, с минимумом снаряжения, с одним-двумя проводниками, а иногда и в одиночку, нередко впроголодь, в борьбе с приступами лихорадки.

Тем неприятнее читать утверждения В. И. Липского о скудности и плохом качестве его сборов. В это самое время президент ботанического общества в Женеве С. de Candolle поздравлял Н. Альбова с прекрасными открытиями и избранием членом-корреспондентом этого общества, что являлось большой честью для иностранца.

Работы на Кавказе были закончены. Все эти годы Н. М. Альбов жил на экспедиционные и командировочные средства различных обществ, заинтересованных в материале, собираемом им в самых труднодоступных местах.

Ученый очень хотел обосноваться в Абхазии, климат которой благоприятствовал его здоровью, однако это ему не удалось. Из-за отсутствия постоянного заработка и места жительства самолюбие не позволило ему обзавестись семьей, и он решил попытаться счастья в Южной Америке — мечте его с детства. Домой он пишет: «Мне не жаль покинуть Европу... Мое дорогое — там, в России... Вернусь ли я когда-либо в горы счастливой Абхазии?»

Осенью 1895 г. он прибывает в Буэнос-Айрес и уже через несколько дней получает вакансию ботаника при «огромном» музее Ла-Платы. Здесь он начал создавать ботанический отдел и организовал первую на земле Южной Америки ботаническую экспедицию.

В 1896 г., когда он был на пути к Огненной Земле, по рекомендации Д. Н. Анучина — президента Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии, Н. М. Альбова избирают действительным членом этого общества. Большой опыт позволил Н. М. Альбову за

короткое время собрать огромный материал по флоре Огненной Земли и частично Южной Америки, с учеными которой он успел наладить связи. Путешествовал он по южноамериканским лесам со старой кавказской буркой и готовил на привалах абхазскую абысту.

Он успел закончить монографию — аналитический материал по флоре Огненной Земли, а чтобы спастись от переутомления, предпринял путешествие в Монтевидео. Но организм его не выдержал фанатичной работы, и 6 декабря 1897 г. Н. М. Альбов скончался. Похоронен он на кладбище Ла-Платы, а его портрет украшает один из уголков музея.

Монография о флоре Огненной Земли издана. Собранные им гербарии бережно хранятся в Тбилиси, Киеве, С.-Петербурге, Женеве и Ла-Плате.

Немало памятников Альбову и в любимой им Абхазии. Причем — памятников разного рода. В их числе — изданная А. А. Колаковским «Флора Абхазии».

Его любимый вид — *Campanula mirabilis* — «царица абхазской флоры» вместе с еще одним архаиком *Ostrowskia magnifica* Regel красовалась на эмблеме Международного Ботанического Конгресса, проходившего в Ленинграде в 1975 году.

Список трудов Н. М. АЛЬБОВА

1. Очерк растительности окрестностей Сухума. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XIV. 2 // Протокол 25. 11. 1889 г.
2. Краткий очерк растительных зон Абхазии. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XV. 2 // Протокол 3. 23. III. 1890 г.
3. О растительности окрестностей Сухума. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XV. I // Протоколы за 1890 г.
4. Предварительный отчет о ботанической экскурсии в Абхазию. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XVI. 2 // Протоколы 1. 1. 11. 1891 г.
5. Главнейшие результаты ботанических исследований в Абхазии. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XVI. 2 // Протоколы 4, 7. V. 1891.
6. Ботанические экскурсии в Лазистан. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XVII. 2 // Протоколы 3, 22, II, 1892.
7. Описание новых и наиболее редких видов растений, найденных в Абхазии в 1889–1890 гг. Отчет и труды Одесского отдела Императорского русского общества садоводов за 1890 г. Одесса. 1891. С. 94–113.
8. Абхазские папоротники. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XVI. Вып. I. Одесса. 1891. С. 97–106.
9. Леса Абхазии. Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Одесса. № 4. 1892. С. 37–53.
10. Состояние садоводства в Абхазии. Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. 1892. № 3. С. 67–85.

11. Об апельсинных и лимонных плантациях Лазистана. Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. № 3, 1892. С. 86–88.
12. The Western Caucasus and its Flora // The Gardeners Chronical. May 1892. P. 7–28.
13. Два новых рода для флоры Кавказа (*Rhamphicarpa* and *Dioscorea*) Н. Альбова. Труды Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада // Acta Horti Petropolitani. Т. XII. № 9. Вып. 1–2. 1893. С. 435–443.
14. Список растений, собранных в Трапезундском вилайете в 1891 г. Н. Альбовым. Труды Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада // Acta Horti Petropolitani. 1893 г. Т. XIII. С. 1–14 // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XV. 1893.
15. Из Абхазии: состояние лесов. Русское Лесное дело. 1893. № 11. Санкт-Петербург. С. 496–502.
16. Результаты ботанических исследований Абхазии (Сообщение, прочитанное в Ботаническом отделении Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей 20 января 1893 г.) // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, отделение ботаники. 1893. Т. XXIII, вып. 3. С. 65–99.
17. Ботаническая экскурсия в Лазистан (Одесса. 04. 05. 1892 г.). Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XV. Тифлис. 1893. С. 158–165.
18. Отчет о ботанических исследованиях Абхазии за 1890 год. Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XV. Тифлис. 1893. С. 166–187.
19. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году (Наблюдения над флорой известняков). Тифлис. 08. 11. 1893. // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис. 1894. Кн. XVI. С. 115–158.
20. Этнографические наблюдения в Абхазии (Доклад, читанный на заседании этнографического отделения Императорского Русского географического общества 22. 12. 1892 г.) // Живая старина. 1893. Т. 3. Вып. III. С. 297–329.

21. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1894 году. (Тифлис. 01. 11. 1894 г.). Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XVII. Тифлис. 1896. С. 50–80.

22. Путешествие в Черноморских горах в 1894 году. (К статье приложена карта Черноморского округа в десятивёрстном масштабе). Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XVIII. Тифлис. 1896. С. 17–49.

23. Contributions à la flore de la Transcaucase. Plantes nouvelles, rares ou peu connues, trouvees en Abchasie de 1889 à 1892. Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. Geneva. numer 5. T. I. 1893. p. 238–268.

24. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie Campanulae novae Caucasicae. Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. T. II, (1894), Geneva, numer 2. 114–118.

25. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Quelques plantes nouvelles du Caucase. Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. Geneva. T. II. 1894. numer 4. p. 247–258

26. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Quelques plantes nouvelles du Caucase. Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. Geneva. T. II. 1894. numer 7. p. 448–455.

27. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Quelques plantes nouvelles du Caucase. Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. Geneva. T. II. 1894. p. 639–641.

28. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Quelques plantes nouvelles du Caucase. Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. Geneva. T. II. 1895. p. 89–106, numer 5.

29. Nouvelles contributions à la flore de la Transcaucasie: Une nouvelle Campanula remarquable, une nouvelle Gentiane remarquable, un nouveau genre d'Ombellifères, une nouvelle espèce de Trapa. Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. Geneva. T. III. 1895. p. 228–239.

30. La flore alpine des calcaires de la Transcaucasie Occidentale. Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. Geneva. T. III. 1895. p. 512–538.

31. Les forêts de la Transcaucasie Occidentale». Extrait du Bulletin de la Herbarium Bossier. Geneva. T. IVX. 1896. p. 61–77.

32. La nature de la Transcaucasie Occidentale. Bulletin de l'Association des plantes. Geneva. 1895. numer 13. P. 64–70.

33. В заброшенных уголках Кавказа. Воспоминания о путешествии по Кавказу в 1894 году (с двумя портретами Альбова) // Землеведение. Т. VI. 1899. Кн. 1–2. С. 17–38. // А также: В книге Федченко Б. А. и Некрасова В. Л. Ботанико-географический сборник «Растительность СССР». Л., 1925. С. 95–102.

34. Dans les coins perdus du Caucase. (Souvenirs d'un voyage au Caucase fait en 1894). Supplement à l' Echo des Alpes, Geneva. Decembre 1895. P. 1–34.

35. Материалы для флоры Колхиды (с рисунками). Prodromus florum Colchidae. Труды Тифлисского ботанического сада. Приложение к выпуску I. Тифлис – Женева. 1895. С. 1–288.

36. Очерк растительности Колхиды // Землеведение. Т. III. 1896. Кн. I. С. 1–78.

37. Rapport preliminaire sur une excursion botanique dans la Sierra Ventana. Revista del Museo de La Plata. T. VII. 1895. P. 181–187.

38. Природа Огненной Земли (Публичная лекция, читанная 06.09.1896 г. в Ла-Плате) // Землеведение. Т. VI. 1899. Кн. 1–2. С. 170–183.

38. La naturalenza en la Tierra del Fuego (Conference donnee au Musee de La Plata le 6 septembre, 1896). Museo de La Plata. Lecturas publicas. 1896. 14 p.

39. Contributions à la flore de la Terre de Feu. I. Observations sur la vegetation du Canal de Beagle. Revista del Museo de La Plata. 1896. T. VII. P. 277–309.

40. Contributions à la flore de la Terre de Feu. II. Enumeration des plantes du Canal de Beagle et de guelgues autres endroits de la Terre de Feu. Revista del Museo de La Plata. T. VII. 1896. P. 353–402.

41. Essai de Flore raisonnee de la Terre de Feu (avec portrait et notice biographique). Annales del Museo de La Plata. Seccion botanica I. 1902. T. XXIII. P. 1–85.

42. Заметки о флоре Огненной Земли. (Пер. с французского А. М. Альбовой) // Землеведение. Т. VI. 1899. Кн. 1–2. С. 184–212.

43. Опыт сравнительного изучения флоры Огненной Земли. Фитогеографический этюд. (Перевод с французского А. М. Альбовой) // Землеведение. Т. X. 1903. Кн. 4. Приложение 2. Типолитографическое Товарищество Кушнеров и К°. 1904. С. 1–126.

44. Из заграничных писем (Из Западной Европы и Южной Америки). Землеведение. Т. VI. 1899. Кн. 1–2. С. 39–169.

Список публикаций о Н. М. АЛЬБОВЕ

1. Медведев Я. С. Абхазские папоротники. Записки Кавказского отделения Императорского русского географического общества // Книга XVI. 1894. Тифлис. 1894. С. 161–162. (Отзыв на одноименную статью Н. Альбова).

2. Медведев Я. С. Описание новых видов растений, найденных в Абхазии в 1889–1890 годах. Записки Кавказского отделения Императорского русского географического общества. Кн. XVI. Тифлис. 1894. С. 159–160. (Отзыв на одноименную статью Н. Альбова).

3. Dieck E. Cartenflora. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества // Кн. XVI. Тифлис. 1894. С. 164 (Упоминание об Альбове-студенте на Кавказе).

4. Липский В. И. Необходимые добавления к моей статье о *Dioscorea Saucasica*. Записки Кавказского общества естествоиспытателей. Т. XIII. Вып. 1 и 2. 1894. С. 143–162. («Необоснованные обвинения Альбова в плагиате» — Липшиц С. Ю.)

5. Анучин Д. Н. Критика и библиография. Журнал «Естествознание и география». № 5. 1896. С. 574–578. (О статье Н. М. Альбова «Очерк растительности Колхиды»).

6. Анучин Д. Н. Некролог Н. М. Альбов. // Журнал «Естествознание и география». 1898. № 9. С. 96–98.

7. Анучин Д. Н. Некролог Н. М. Альбов. // Газета «Русские ведомости», № 239 от 30 октября 1898 г.

8. Воронин М. С. Некролог Н. Альбов. Труды Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей // Протоколы заседаний. Т. XXIX. Вып. 1. 1898. № 5. С. 165.

9. Анучин Д. Н. Данные к биографии Н. М. Альбова // Журнал «Землеведение». Кн. 3,4. 1898. С. 170–174.

10. Иванов А. П. Из поездок по России. Сухум и его окрестности. // Журнал «Естествознание и география», № 9. 1898. С. 53 (Н. Альбов упоминается в качестве спутника по экскурсии в окрестностях Сухума в 1888 г.).

11. Липский В. И. Флора Кавказа. Труды Тифлиского Ботанического сада, выпуск IV. Санкт-Петербург. 1899. С. 11–15, 137, 180–183. (Краткая предвзятая характеристика деятельности Н.М.Альбова).

12. Autran Eugene. Nicolas Alboff. Bull. de la Herbarier Boissier. 1898. T. VI. № 1., pp. 81–84 (Некролог).

13. Зеленецкий Н. М. Николай Михайлович Альбов. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XXIII. Вып. I. 1899. Одесса. С. 5–15 (Биография и список работ Н. М. Альбова).

14. Зеленецкий Н. М. Николай Михайлович Альбов. Отчёт и труды Одесского отдела Императорского Российского общества садоводства за 1898–1900 годы. Одесса. С.124–132. (Автор лично знал Н. М. Альбова).

15. Пагирев Д. Д. Николай Михайлович Альбов. Некролог // Известия Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. Т. XIV. № 6, 1901. С. 246–252 (Биография и список работ Н. М. Альбова).

16. Раdde Г. И. Д. Коллекция Кавказского музея. Часть 2. Ботаника. Раздел «Гербарий». Тифлис. 1901. С. 40.

17. Autran Eugene. Notice biographique sur Nicolas Alboff. Anales del Museo de La Plata. Session botanica 1. 1902. I–IV.

18. Отран Е. Биографическая заметка о Н. М. Альбове // Журнал «Землеведение». Т. X. Кн. 4. Приложение II. 1903. С. 1–8. (Биография и список трудов Н.М. Альбова).

19. Захаров А. В. Историческая записка о Владимирской губернской гимназии за 1833–1904 годы. г. Владимир. 1909. С. 38 (В списке гимназистов указан Н. М. Альбов).

20. Альбов Николай Михайлович. Большая Советская Энциклопедия. М., Т. 2. 1926. с. 295.

21. Briquet John. Alboff N. M. Berichte d. Schweizer. Bot. Gessellschaft Geneve, vol 50 a. 1940. pp. 2–4. (Биография, библиография, список трудов Н. М. Альбова).

22. Липшиц С. Ю. Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Московское общество испытателей природы. Т. I. 1947. С. 47–49. (Биография и список работ Н. М. Альбова).

23. Альбов Николай Михайлович. Большая Советская Энциклопедия. М., Т. 2. 1950. с. 167.

24. Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). Государственное издательство географической литературы, М., 1950. С. 132–137 (Биография Н. М. Альбова).

25. Родин Л. Е. Пять недель в Южной Америке. Географическое издательство. 1954. С. 295 (Описание кабинета Н.М. Альбова в Музее Ла-Платы).

26. Ухин В. А. Н. М. Альбов – ботаник-исследователь. «Люди творческой мысли», г. Горький. 1956. С. 138–142. (Краткая биография Н. М. Альбова).

27. Зворыкин А. А. Биографический словарь деятелей естествознания и техники. Издательство Большой Советской Энциклопедии. М., 1958. Т. I. С. 15.

28. Липшиц С. Ю. Николай Михайлович Альбов. Отечественные физико-географы и путешественники. Москва, 1959. С. 515–521.

29. Зубов А. А. Люди Огненной Земли. Народы земного шара. Государственное издательство географической литературы, М., 1961. С. 3–8 (Текст Н. М. Альбова из его работы Природа Огненной Земли).

30. Ефремов Ю. К. Тропами горного Черноморья. Издательство географической литературы, М., 1963. С. 218–219, 222, 296, 303, 309–310, 312, 363–364 (Маршруты Н. М. Альбова, схемы расположения горного пика и озера Альбова).

31. Бгажба М. Т. Растительные ресурсы Абхазии и их использование. Издательство «Алашара», Сухуми, 1964. С. 20, 165–166. (Биография Н. М. Альбова. О горном хребте его имени)

32. Флора СССР. Издательство «Наука», М., 1964. (Растения открытые Н. М. Альбовым).
33. Гвоздецкий Н. А., Федчина В. Н., Азатьян А. А., Донцова З. Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии (XIX–XX века). Москва, 1964. С. 34–35.
34. Любарский А. Певец Кавказа и Огненной Земли. Газета «Вечерний Тбилиси», № 221 от 18 сентября 1965 г.
35. Проблемы ботаники. Труды АН СССР // Всесоюзное ботаническое общество. Грузинское ботаническое общество. Том VIII. 1966. С. 340–356. (Указаны латинские названия 19 растений Albov).
36. Галицкая Т. М. След на песках времени. Географический календарь «Земля и люди». М., 1966. С. 236.
37. Краткая географическая энциклопедия. М., Т. 5. С. 412. 1966.
38. Гвоздецкий Н. А. Яркая жизнь. Н. М. Альбов – выдающийся исследователь Кавказа и Огненной Земли. Журнал «Природа». М., № 1, 1967. С. 96–100.
39. История Одесского университета за 100 рокив. Видавництво Київського університету. Київ, 1968. С. 139, 169.
40. Сохадзе Е. В., Галицкая Т. М. История науки. Н. М. Альбов // «Ботанический журнал». Т. 53. № 9, 1968. С. 1327–1330 (Биография, обзор творчества, библиография – 20 названий).
41. Карташев Б., Карташева К. След на песках времени. Путешествия Н. М. Альбова. Изд-во «Мысль», М., 1969. С. 1–61.
42. Альбов Николай Михайлович. Большая Советская Энциклопедия. Т. I. М., 1970. С. 470–471.
43. *Obra del Centena rio del Museo de La Plata. Editada por la Universidad Nacional de La Plata – Facultad de Ciencias Naturales y Museo. La Plata. 1977. T. I. Resena Historica. pagina 50 [К 100-летию музея (упоминается Н. М. Альбов)].*
44. Пачулиа В. П. Сухуми (Историко-культурный очерк). Изд-во «Алашара», Сухуми, 1978. С. 50.
45. Барбарич А. И., Погребняк И. И. Новороссийское (Одесское) общество естествоиспытателей и его роль в развитии ботаники. (К 110-летию со дня организации 1869–1979) // «Ботанический журнал», Т. 64. № 10. 1979. С. 1490–1496.

46. Адзинба З. И. Эндемы флоры Абхазии. Изд-во «Мецниереба», Тб. 1987.
47. Ефремов Ю. К. Голубое ожерелье Кавказа. Гидрометеиздат, Л., 1988. С. 39, 124, 127.
48. Арнаутов Н. Н., Ляшенко Н. И. и др. Каталог коллекции живых растений Ботанического сада БИН АН СССР // Изд-во «Наука», Л., 1989. С. 58, 60, 111. (Растения, открытые Н. М. Альбовым).
49. Гвинианидзе З. И., Кутателадзе Ш. И. Гербарий института ботаники имени Н. Н. Кецохели АН ГССР. Тбилиси // Ботанический журнал. 1990. Т. 75. № 3. С. 396.
50. Адзинба З. Он сроднил Сухум с Ла-Платой // Газета «Сухумский вестник». Июль 1990. № 5. (Портрет Н. М. Альбова и два его рисунка).
51. Герия Ю., Адзинба З. О чём звонит кампанула // Газета «Панорама недели». Сухуми. 1991. № 2. С. 6–7.
52. Афросимова В., Молчанова Л. С природой одною он жизнью дышал // Журнал «Наука и жизнь» 1991. № 11. С. 144–146. (Архив Альбовых)
53. Адзинба З. И. Альбов Н. М. — выдающийся исследователь флоры Колхиды // Ботанический журнал. 1991. № 12. С. 1778–1785.
54. Колаковский А. А. Флора Абхазии. Том I. (Посвящение Н. М. Альбову)
55. Адзинба З. И. От Абхазии до Огненной Земли (к 135-летию со дня рождения Н. М. Альбова). Биологическое разнообразие Кавказа. // Труды Второй региональной конференции. 2002. Сухум. С. 35–42.
56. Абхазия и абхазы в российской периодике XIX — начала XX вв.). Кн. II. Составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум. 2008. 732 с.
57. Вехов Н. В. Николай Альбов: Кавказ, Патагония, Огненная Земля // Московский журнал. 2005. № 6.
58. Русские в Абхазии. Сухум, 2011. Стр. 135–140.

Вместо послесловия

Словно и не было этих 150 лет, что отделяют нас, разменявших уже второе десятилетие XXI века, от тех семи лет, которые благодаря этой книге мы пережили вместе с Николаем Альбовым. Открыв Абхазию миру, он поместил ее в свое мятежное сердце и отдал ей всю свою любовь.

Отдельные рукописи Николая Альбова в клееном варианте самопального самиздата «кочевали» по Абхазии с давних пор. А вот возможность собрать воедино и представить читателю наиболее популярные работы появилась только теперь.

Издание каждой книги имеет свою историю. И причастные к этому, по сути, таинству, волей-неволей вступают в контакт с ее автором. В нашем случае автор ушел из жизни в 1897 году, но его влияние на нашу работу каким-то мистическим образом чувствовалось на каждом ее этапе.

Началось все еще в 2004 году, когда как-то в разговоре Президент Республики Абхазия Владислав Григорьевич Ардзинба сказал Зурабу Иосифовичу Адзинба: «Пора, наконец, достойно издать нашего Альбова. Займись этим!»

Зураб Иосифович в свое время буквально по крупичкам собрал собственную библиотеку трудов Альбова, переснимал страницу за страницей из старинных журналов в Тбилисской библиотеке. Свою часть книги прислала из Санкт-Петербурга Линнея Львовна Молчанова. Но это оказалось только началом дела.

Набрать на компьютере бисерный шрифт сложнейших текстов было доверено Люне Ардзинба. Русский, английский, французский с вкраплениями испанского, аккуратные столбики латыни. Затем работа перекочевала в компанию «diGraphic», к Стелле Садзба, и началась работа над макетом.

Но самым сложным оказалось вычитать рукопись, поскольку большая часть публикуемых работ была написана Николаем Альбовым на иностранных языках, и только потом переведена на русский. В некоторых переводных фразах порой приходилось мучительно угадывать — как бы сам ученый сказал это по-русски. Написание латинских названий в это же время перепроверяли Зураб Адзинба и Савелий Читанава.

В работу над будущей книгой с каждым днем вовлекалось все больше людей: чтобы обогатить макет, мы решили сделать рисованные заставки к главам и обратились к Роме Дбару, поскольку знали — наш известный ученый, педагог, создавший и много лет возглавлявший Госкомитет по экологии и природопользованию, еще и талантливый художник. По нашей просьбе Роман нарисовал четыре графические картинки с простым сюжетом — Альбов в горах Абхазии, Альбов с проводниками по дороге в экспедицию, и два латиноамериканских фрагмента — прощание с Европой (консул Аргентины во Франции провожает Николая Альбова на пристани), ученый в экспедиции на Огненную Землю. Обратите внимание, что в каждой работе просматривается свернутая бурка. Николай Альбов с ней, как впрочем, и с кинжалом, никогда не расставался.

Каждый, кто прикасался к рукописям, чувствовал, работа стопорится по какой-то неведомой нам всем причине. И вот однажды, когда мы еще раз перепроверяли написание географических названий (само собой, они отличались от современного), сошлись на том, что не все названия написаны верно. Судя по всему, некоторое несоответствие вкралось в процессе перевода. Николай Альбов, изучавший язык местного населения, ратующий за сохранение абхазской самобытности, по нашему предположению, записывал географические названия со слов.

Начался новый — непредвиденный этап работы, вызвавший немало споров. Кто-то в нашем маленьком коллективе предлагал «оставить как есть», кто-то решительно настаивал на изменениях. И мы решили изменить написание названий, максимально приблизив их к исконному абхазскому. Считаем важным известить об этом читателя.

И вот, наконец, работа завершена. Спасибо всем, кто помогал нам на всех ее этапах! Спасибо ученым Валерию Кварчия, Савелию Читанава, Вячеславу Чирикба, журналистам Инне Хаджимба и Заире Цвижба. Особая благодарность Роману Дбару. Еще раз всем спасибо!

Слова признательности Линнее Львовне Молчановой — за поддержку и терпение.

Надеемся, что книга станет настольной для многих людей, для которых любовь к Абхазии безусловна.

Юлия СОЛОВЬЕВА

Игорь Хэарцкыа

АЛАХЬЫНЦА (СУДЬБА)

*Иҕоуп ҕаак, знызаҕык ишәтүа,
ианышәтлак ашьтахь иҕсуа*

*Есть растения, цветущие один раз.
Отцветая, они умирают.
Такая судьба и у «колокольчика
удивительного»*

Иаҕыкәым гәыргъарак, иубарггы,
Ихъантоуп уи ауахта.
Агәыгракәа зынза еипхъбарггы,
Агәы камха ипшуп еита.

Ес-аапынра шәтыла ифычоу
Егъырт атлакәа ирзыпшуа,
Алахьынца цас иачычоу
Азеилкаауам — изшәиуа.

Ус, иаапшит шьыжык, ишәтышха,
Игәыргыо ишылашоз иара,
Ашәтра иалаччо иаатынчхеит,
Иказамызшәа апсра.

Пускай на нем лежит проклятье,
И губительно его цветенье:
Весна приходит, и опять он
Живет надеждой на спасенье.

Живет, среди других страдая,
Когда весна вокруг ликует –
Своей судьбы не принимая,
На светлом празднике тоскуя.

Да, он под звук весенних песен
Напившись соком гор абхазских,
Оделся в траур поднебесный
И умер, смерти не заметив.

Он был рожден, годами мучась,
Соединить в одно мгновенье
Свою немислимую участь –
Печаль могилы и цветенье!

Перевод с абхазского Александра Бардодыма

Михаил Стефанович Альбов
Чернигов, 1896 г.

Это фото помещено в сборнике П. Ф. Рерберга «Севастопольцы. Участники 11-месячной обороны Севастополя в 1854–55 гг.» на стр. 62. Под портретом Михаила Стефановича Альбова надпись: «Священник Углицкого егерского полка. В Севастополе находился с полком. Впоследствии благочинный 3 пехотной дивизии, затем протоиерей».

Автор Каталога отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков Елизавета Николаевна Шевелева — сотрудница фонда Петербургского Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, к которой Л. Л. Молчанова обратилась в 1990 г. объяснила значение награды. Слева направо:

- орден Святого Владимира III степени, на шее, с мечами, на ленте;
- крест священника на цепочке;

- орден Святой Анны II степени, на шее, с мечами, на ленте;
- наградной наперстный крест «В память войны 1853–1856 гг.» на Владимирской ленте;
- орден Святого Владимира IV степени, с мечами, на груди;
- медаль «В память войны 1853–1856 гг.» на Георгиевской ленте, высшее отличие;
- медаль «В память войны 1853–1856 гг.» на Андреевской ленте;

Третья и четвёртая медали на снимке не определены. В их числе, очевидно, оказалась и медаль «За защиту Севастополя».

Важно, что несмотря на поражение, на то, что Русской армии пришлось оставить Севастополь, беспримерный героизм защитников города был отмечен. Впервые в истории России учреждается медаль не «за победу» или «за взятие», а «За защиту Севастополя». В январе 1856 года казначейство получило 10 000 этих медалей, выполненных из серебра.

Медалью на Георгиевской ленте награждались генералы, офицеры и нижние чины Севастопольского гарнизона, находившиеся в нём с 13 сентября 1854 года по 28 августа 1855 года, а также гражданские чины и жители города, участвовавшие в его защите. Сохранились письма Михаила Стефановича, относящиеся к периоду с 11 сентября 1854 года по 26 августа 1855 года.

Мария Сергеевна Альбова
(Лебедева) – мать Н. М. Альбова

Мария Сергеевна Альбова
Чернигов, 1898 г.

Семья Альбовых: Мария Сергеевна, Александра, Ольга,
Михаил Стефанович и Николай. Шуя, 1875 г.

Александра Михайловна Альбова
Чернигов, 1896 г.

Ольга Михайловна Альбова
Шуя, 1887 г.

Ольга Михайловна
Альбова-Якиманская
Севастополь, 1912 г.

Евлампи́й Васи́льевич Якима́нский
Казань, 1915 г.

Семья Якиманских. Слева направо стоят: Борис (в форме Симферопольской духовной семинарии), Николай, Феодосий (в форме Сумского кадетского корпуса), Сергей (в форме Петербургского морского корпуса), Георгий–Юрий (в форме Симферопольской духовной семинарии), Лидия (в форме Севастопольской женской гимназии); сидят: Александра Михайловна Альбова, Ольга Михайловна Якиманская (Альбова), Клавдия Якиманская (мать Евлампия Васильевича), Евлампий Васильевич Якиманский. Дети: Евгений и Лев. Севастополь, 1911 г.

Николай Альбов
Нижний Новгород, 1872 г.

Николай и Ольга Альбовы
Шуя, 1877 г.

Николай Альбов
город Владимир, 1884 г.

Николай Михайлович Альбов
город Владимир

Николай Михайлович Альбов в кавказской бурке
в период поездки на Кавказ для сбора ботанических
коллекций для Гербария Буассье. 1893 г.

Фото на листе старинной книги с надписью
«NICOLAS ALBOFF ET SES GUIDES AVKHASES»

Линия Альбовых

Василий
(1740–1790)

Дмитрий
(1765–1815)

Стефан
(1805–1850)

Альбов
Михаил Стефанович
(1831–1898)

Альбова (Лебедева)
Мария Сергеевна
(1834–1899)

Александра
(1858–1919)

Николай
(1866–1897)

Ольга
(1868–1921)

Евламий
Якиманский
(1866–1916)

**Ольга Альбова-
Якиманская
(1868–1921)**

**Евлампий
Якиманский
(1866–1916)**

**Борис
(1890–?)**

**Георгий
(1893–1919)**

**Лидия
(1894–1983)**

**Сергей
(1895–?)**

**Феодосий
(1897–1953)**

**Николай
(1900–1916)**

**Лев
(1905–1986)**

**Евгений
(1907–1944)**

Судьба какъ четырехъ.
Что дѣвъ предвѣдѣній мнѣ
готовить?...
(Ст. Охт.)

Митинѣ
М. М. Барани

М. М. стѣнитъ темеръ,
по шесту, на ернѣ изъ
сущей дорой. въ смыслѣ
постояннаго притока энергій
убитъ, но вѣтъ, пресущая
многій неурядицею
своими поспѣшными заглавѣ
мо вѣкицѣ какъ кабы
тако. "Кучица!" гитъ
я, кар. тѣло рукави
развѣдъ... *И.*

2

А. С. Олександрова
Возвѣстъ Н. М. Барани
дѣлѣ вѣрагидеици;
внѣтъ ея вѣдѣ горагитъ
бывшешаго охтѣи, чѣтъ
обильнаго иероглифъ сла
но сего, развѣдѣтъ, арагитъ
горнитъ холмѣтъ, агаритъ
в. ризагитъ в. чѣтъ гитъ, гитъ
снѣтъ. Н. М. Барани гитъ
нѣтъ предвѣдѣній мнѣ
прѣвѣдѣтъ вѣдѣтъ
ора родитѣ.

Н. М. Александрова
О сѣтъ сѣтъ
???

А. М. Баранова
Л.

28/1 1890 г.

Николай Михайлович Альбов
в кавказском костюме с кинжалом
Абхазия. 1894 г.

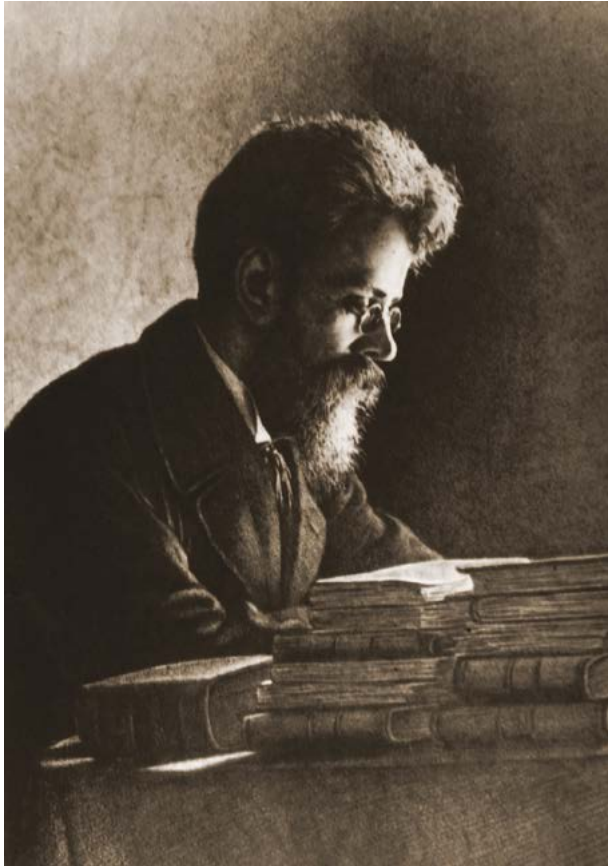
Николай Михайлович Альбов (второй справа)
с проводниками. Абхазия

Швейцария. Женева, Шамбези. Здание Гербария Буассье. 1990 г.
Фото З. И. Адзинба

Николай Михайлович Альбов
Женева. 1895 г.

Николай Михайлович Альбов
Аргентина, город Ла-Плата

Николай Михайлович Альбов (второй справа)
Огненная Земля. 1896 г.

Николай Михайлович Альбов
Огненная Земля, 1896 г.

Панихида на могиле Николая Михайловича Альбова
Аргентина, Ла-Плата, 1897 г.

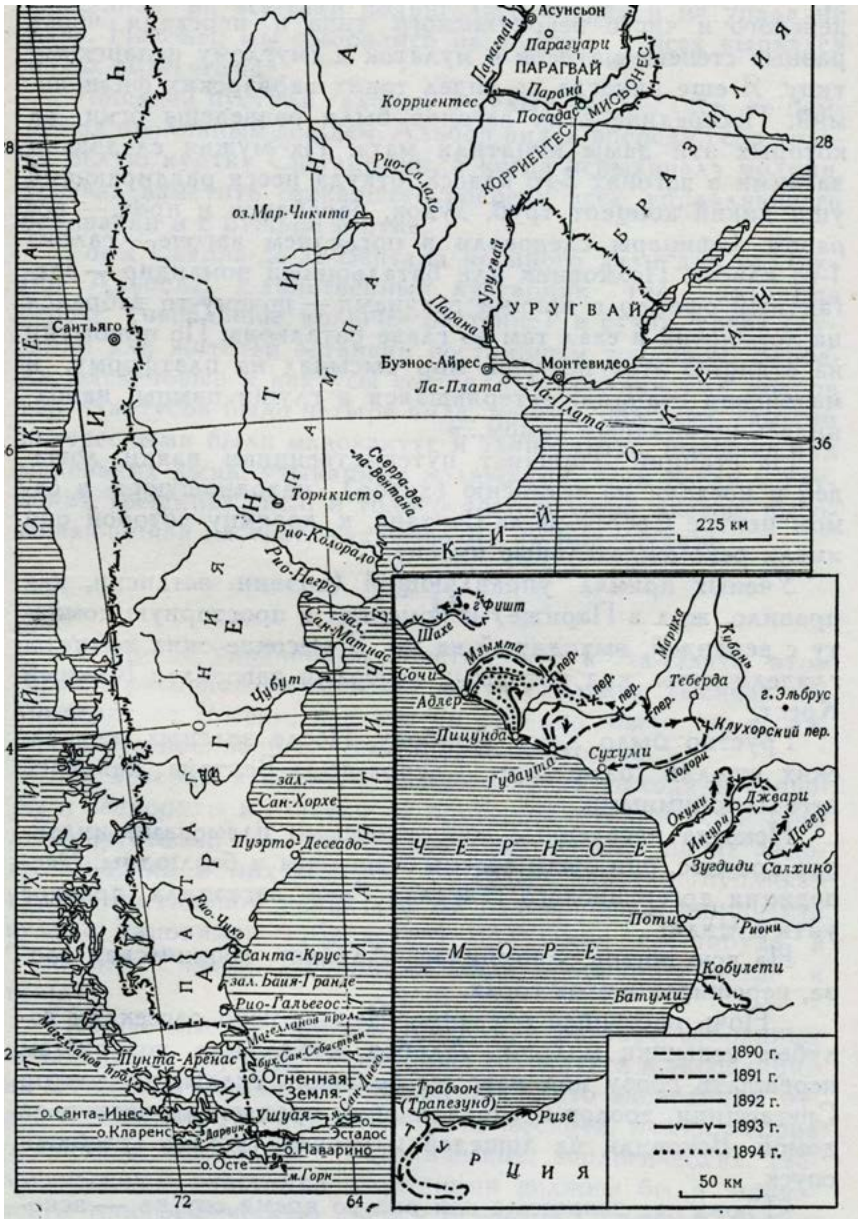
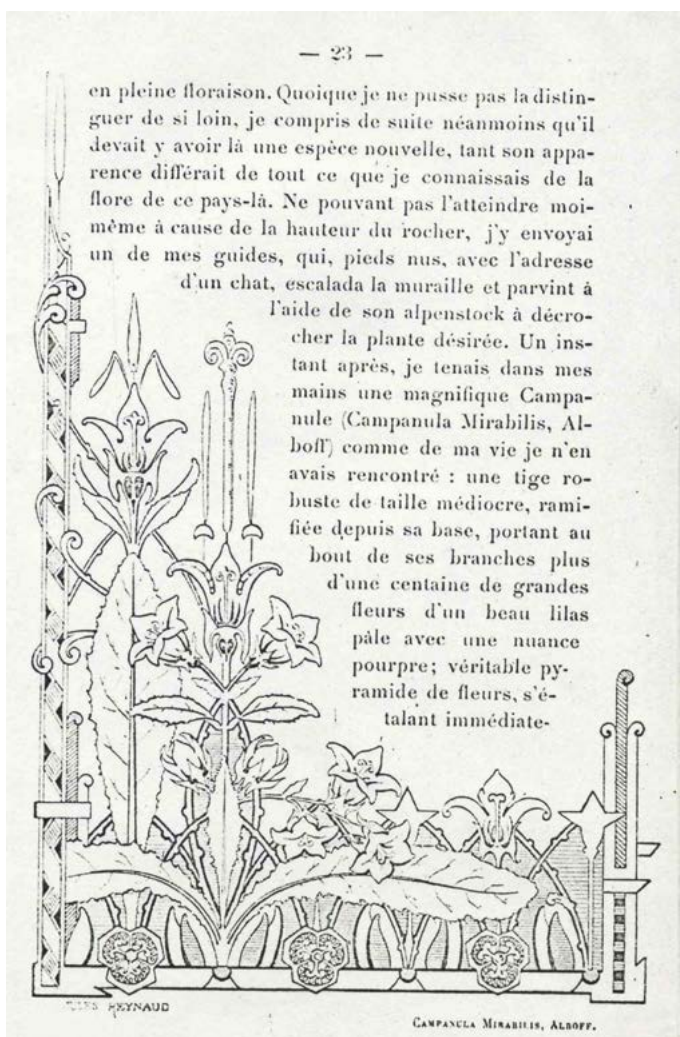

Схема экспедиций Н. М. Альбова
по Причерноморью и Южной Америке

en pleine floraison. Quoique je ne pusse pas la distinguer de si loin, je compris de suite néanmoins qu'il devait y avoir là une espèce nouvelle, tant son apparence différait de tout ce que je connaissais de la flore de ce pays-là. Ne pouvant pas l'atteindre moi-même à cause de la hauteur du rocher, j'y envoyai un de mes guides, qui, pieds nus, avec l'adresse

d'un chat, escalada la muraille et parvint à l'aide de son alpenstock à décrocher la plante désirée. Un instant après, je tenais dans mes mains une magnifique Campanule (*Campanula Mirabilis*, Alboff) comme de ma vie je n'en avais rencontré : une tige robuste de taille médiocre, ramifiée depuis sa base, portant au bout de ses branches plus d'une centaine de grandes fleurs d'un beau lilas pâle avec une nuance pourpre; véritable pyramide de fleurs, s'élevant immédiate-

Лист с рисунком из клубного журнала «Эхо Альп». Женева. 1895

Царица колхидской флоры. Так назвал Николай Михайлович эту великолепную кампанулу семейства колокольчиковых.

«Подобной я еще ни разу не встречал, — писал он — крепкий стебель умеренной толщины, разветвляющийся с основания, несущий на концах своих ветвей более сотни больших цветов красивого бледно-лилового цвета с пурпурным оттенком. Настоящая пирамида цветов, начинающаяся прямо от грунта».

11
 Sobre el impare escrito Gefe del Regis-
 tro del Estado Civil de esta capi-
 tal entipico; que a folias cinco como del libro
 de actas de Defunciones, tomo unico del año
 mil ochocientos noventa y siete, consta la si-
 guiente partida que transcribo integra-
 Alboff Nicolas. Numero de cien-
 tos. En la Ciudad de la Plata
 Capital de la Provincia de Buenos Aires
 a siete de Diciembre de mil ochocientos no-
 venta y siete, a las diez y media de la mañana
 ante mi Gefe del Registro del Estado
 Civil de la buena sección, compareció Don
 Nicolas Alboff de cuarenta y ocho años, Ruso,
 casado, domiciliado en el "Nuevo" de esta ciu-
 dad, y declaró que el día de ayer a las diez y
 media de la mañana, en el Hospital "Melchor
 Romero," falleció Nicolas Alboff de Parale-
 lis Anual progresiva; según certifique mi
 deo del Doctor Alejandro Korr, archivando la
 fe de defunción de esta acta, conjuntamente con la
 nota de su referencia referida por Alejandro
 Korr, Director del citado Hospital Municipal, que
 es de sexo masculino, de treinta y un años, Ruso,
 soltero, naturalista, domiciliado en la Plata.

Свидетельство о кончине Н. Альбова в оригинале
 с переводом на русский язык

hijo de Miguel Albruff, Ruso, casado, domiciliado en Rusia. Ignora el declarante las demas generalidades de la Es. - Toda el asta la firmaron con miigo, el Exponente y los testigos: Gabriel Garachico de treinta y siete años, casado, domiciliado en el Puerto y José Reina de treinta y siete años, casado, domiciliado calle diez y siete número mil ciento veinte y cinco; Quienes habian visto el cada uno. Nicola's Gillin. G. Garachico. José Reina. Hay el sello de la oficina. Carlos M. Robin. En conforme con el original de su referencia a que me unido. Solicitado del interesado respecto el presente testimonio, que sello y firma en La Plata, a veinte y siete de Julio año del sello.

Carlos M. Robin

Переводъ описаннаго.

Аргентинская, Пензенская, Троицкая Енисейская, Пензенская, Саратовская Пензенская и Курганская. Общественное и частное. Кемпер 2010 Корина военная Филонис Чубова. Годъ 1898.

Переводъ Общественнаго. Отъ имени 29374.

Перамъ Гранданокану
 Пенсепра. Кемпер 2010.

А именно: Николаевичъ Гранданокану Пенсепра Гранданокану
 Николаевичу настоящимъ образомъ удостоверяю, что на месте

Это первое кнжи актъ о кнжи, первого тома тома
та восьмисотъ девятно седьмого года находится слѣдующая
запись, которую переписываю въ точности. — Освобожденъ Николай
Ивановъ двести первый. Въ городѣ Ла Платъ, отищущъ Про-
виции Буэнос Айреса седьмю Декабря тысяча восьмисотъ
девятно седьмого года, въ девять съ половиною часовъ утра,
первое иже, Нагаонтикомъ третей сесии „Ремонтъ
Грандиданского Положенія“ предстанъ Господинъ, Николай
Ивановъ, сорока восьми лѣтъ, русскій, мекатанъ, живущій
въ Мусеръ на столицу города и обзвѣнивъ, что всера, въ
девятъ съ половиною часовъ утра въ госпиталѣ „Мельсара
Рамиро“ охемалелъ Николай Александровъ отъ обычнаго прогрез-
сивнаго паралича; сему свидѣтельству медика, доктора
Александра Коррь, записаннаму подъ камералю настоящаго
акта, солидотко съ этикеткой: о томъ хо гему око это
Сифе, подписанною Александромъ Коррь, Директоромъ
упомянутаго учрежденія, онъ былъ мужского пола, тридцати
однаго года, русскій, двисотой, жилъ въ Ла Платъ, селѣ Миха-
ила Владимірова, русскаго, мекатана, живущаго въ Россіи. Обзвѣ-
ннелъ кнжи потннхъ отношеніяхъ законныхъ подробностей.
Послѣ протннхъ акта подписали его во иже: Гавриилъ
и свидѣтели: Гавриилъ Гарарико, тридцати семи
лѣтъ, мекатанъ, живущій въ Мусеръ и Лосифъ Пира
тридцати семи лѣтъ, мекатанъ, живущій въ Аманда-
чарта улица, подъ камералю тысяча это шестидесятъ

итские, которые введены только устарело. Франсуа
Уильямс. Т. Таранко. Леонид Пьера. Усеро ператъ Пру
Сутевилъ. Карл М. Ролон. Семаоно ер подхиллоа
къ которому относится и на который свещаетъ.

Объясно настоящимъ свидѣтельствомъ вполнѣю податамъ
ствѣ заинтересованнаго, какъ оное и вкрѣплено под-
писанымъ ператомъ въ Ла Платѣ, двадцати седмимаго
Тамъ мекхузаго / гердовало итешнемъ 1898 / года.
Карл М. Ролонъ.

Ператъ Гранданескаго
Ремонри. Сехуилъ
Ла Платѣ

№ 53.

\$ 4⁵⁰/₁₀₀.

Императорское Россійское
Генеральное - Консулъство въ Буэнос - Айресе
симъ свидѣтельствомъ изъ вполнѣю
Казенной печати Армянскъ русскаго перевода,
Сидомисеова, на исаа олема судима, о кимши
Тнъ Алстава, и содрожиситъ втиснуемаго аима
въ ипотисеоваго замкомма.

Буэнос Айресъ 24 Тавель 1898
5 августъ

Управлюющій. Генеральное - Консулъство

Россійскій Императорскій Полторникъ в Дмаа:

А. Пролонъ

Рисунки Н. Альбова

Сақия Хақи Бобу - Оқмо
(тип сақия тудрадағы құрылыс).

Вид на г. Хоргола съ хр. Окакуз

Марица.

Шенхард Шмр

-11-

Ханун-Мусов-Орд.

Попише Епископъ ица 1770 мѣсяца 10. Декабря

Сохранилась безымянная фотография девушки, которую Николай Михайлович хранил до последних дней жизни. На обороте фото можно прочесть запись карандашом, оставленную, очевидно, русским библиотекарем музея в Ла-Плате: «Рассказывал мне Н. М., что эта особа была почти объявленной его невестой в бытность его на Кавказе, но потом он решил не жениться, т. к. не имел в то время обеспеченного положения».

Не запечатлены ли в портрете Миннегаги черты любимой?

«Цветут азалия и каприфоль...»

ФОТО НЕКОТОРЫХ РАСТЕНИЙ,
ОПИСАННЫХ Н. М. АЛБОВЫМ

Скабиоза Ольги

Минуартия красночашечная

Крестовник Корревона

Василек Барбея

Шлемник Елены

Хымзыдия агазилевидная

Борщевик известняковый

Василек абхазский

Лютик Елены

Горечавка удивительная

Амфорикарпус изящный

Эндемичный ценоз из Вороновии красивой и лилии Кессельринга

Колокольчик Дзаку

Колокольчик удивительный

Ясколка понтийская

Лук Декандоля

Рогольник колхидский

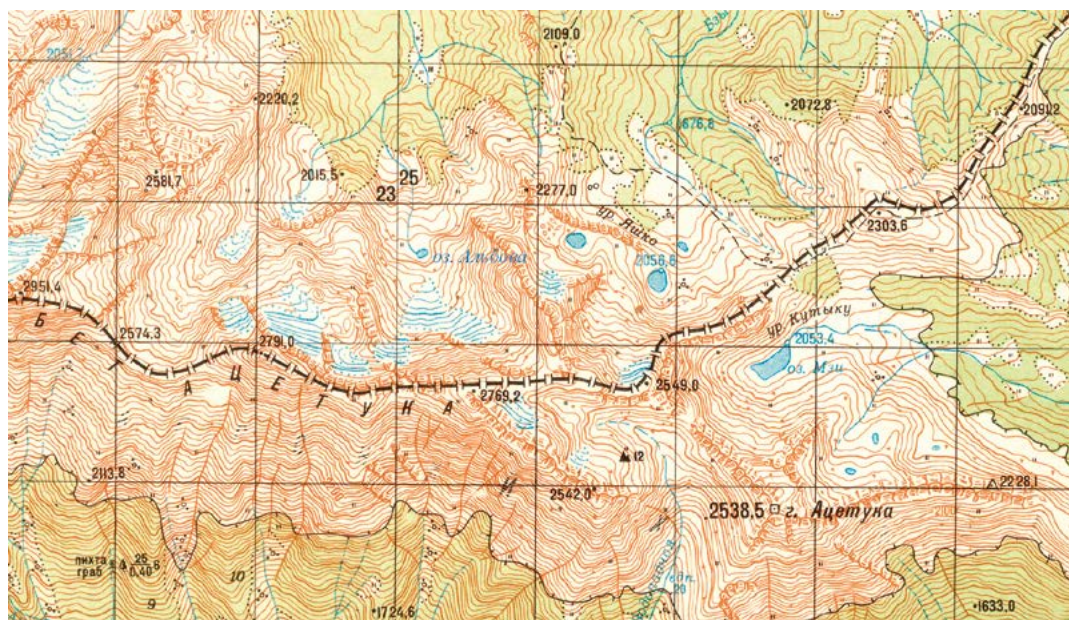
Горный массив Арбаика (Гагрский хребет, Абхазия)

Фрагмент карстового ландшафта на Гагрском хребте

Известняковые карры на Гагрском хребте

Карта с озером Альбова

Так выглядит почтовый конверт, посвященный Международному ботаническому конгрессу, проходившему в Ленинграде в 1975 году.

На рисунке рядом с другими уникальными видами растений изображен и колокольчик удивительный, описанный Н. М. Альбовым.

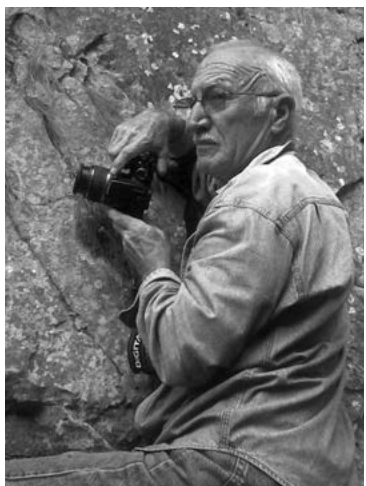

Марка, выпущенная в Республике Абхазия к 130-летию Н. Альбова

Над книгой работали

Линия Львовна Молчанова
внучатая племянница Н. М. Альбова,
хранитель архива семьи
Альбовых-Якиманских

Зураб Иосифович Адзинба
кандидат биологических наук,
зав. отделом флоры и растительности
Института ботаники АНА,
заслуженный деятель науки
Республики Абхазия,
последователь Н. М. Альбова

Люна Ардзинба

помощник Председателя
Благотворительного Фонда
Первого Президента РА, расшифровка
рукописей и компьютерный набор

Юлия Соловьева

журналист, редактор книги

Стелла Садзба

Дизайн-макет, компьютерная верстка книги

Роман Дбар

кандидат биологических наук,
директор Института экологии АНА,
академик-секретарь отделения АНА.
Автор графических заставок к главам книги

Идея проекта –
Первый Президент Республики Абхазия
Владислав Григорьевич Ардзинба

Проект реализован на средства
Благотворительного Фонда
Первого Президента Республики Абхазия

ОЧАРОВАННЫЙ АБХАЗИЕЙ.
Жизнь и странствия Николая Альбова
Дневники, статьи, письма, воспоминания

Составители: З. И. Адзинба, Л. Л. Молчанова
Редактор Ю. Соловьева

Дизайн-макет, компьютерная верстка С. Садзба
Компьютерный набор текста Л. Ардзинба